

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Тучкова

Тучкова Наталья Анатольевна

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР СЕЛЬКУПОВ:
ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ДАННЫХ

Том 1

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна

Томск – 2018

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Фольклор как источник по этнической истории (теоретико-методологическое основание исследования).....	31
1.1. Историзм фольклорных произведений как научная проблема.....	31
1.2. Сравнительная фольклористика и её вклад в реконструкцию этноисторических процессов.....	49
1.3. Проблема датировки фольклора.....	58
1.4. Опыт привлечения селькупского фольклорного материала к решениям вопросов их этнической истории и описаниям культуры и традиционного мировоззрения.....	64
Глава 2. Этническая история локальных групп селькупов в контексте этнографических и лингвистических исследований.....	94
2.1. Источники о локальных группах селькупов XVII–XIX вв.....	96
2.2. Классификации локальных подразделений селькупов и селькупского языка: результаты исследований XX – нач. XXI в.....	139
2.3. Происхождение селькупов: этногенетические гипотезы второй пол. XX – нач. XXI в.....	157
Глава 3. Фольклор локальных групп селькупов: этноисторический аспект.....	193
3.1. Классификация и систематизация селькупского фольклорного материала.....	193
3.2. Этнографический облик культуры селькупов по данным селькупского фольклора.....	228
3.3. Селькупский фольклорный материал и его корреляция с этнической историей селькупов	280
Заключение.....	298
Список использованных источников и литературы.....	305
Приложение А. Карты.....	344

Приложение Б. История сборов и публикация фольклора селькупов.....	349
Приложение В. Этнографические детали культуры селькупов, выявленные из контекста селькупских фольклорных произведений.....	373
Том 2	
Приложение Г. Фольклор селькупов (фольклорные тексты).....	399–634

Введение

Актуальность исследования. Этническая история любого народа – сложный многофакторный процесс, соответственно, изучение этапов формирования любого этноса возможно только при условии комплексного подхода с привлечением данных различных наук. Особое место здесь принадлежит данным фольклора. Информативность фольклорного материала кроется не только в конкретных данных относительно каких-либо внутри- или межэтнических контактов, содержащихся в фольклорных текстах (сведения о миграциях, родственных группах, друзьях, врагах и соседях), но, также, в значительной степени, в «конфигурации ареалов», в пределах которых зафиксированы встречающиеся фольклорные сюжеты и их более мелкие структурные единицы – мотивы. Они, как «меченые атомы», фиксируют, с одной стороны, пути миграций представителей отдельных этнических и субэтнических групп, с другой стороны, сам «набор» сюжетов в том или ином ареале выявляет специфику формирования этих групп.

При анализе вопроса распространения сюжетов и мотивов внимание исследователей акцентируется, как правило, на межэтнических связях (см. публикации: Сагалаев, 1990; Напольских, 1991; Берёзкин, 2013, 2016¹). Вместе с тем, распространение фольклорных сюжетов может многое рассказать и о внутриэтнических связях. Кроме того, информативными оказываются даже «сюжетные лакуны» – отсутствие ожидаемого сюжета в фольклорном фонде той или иной этнической группы или подгруппы.

Таким образом, оказывается, что сам процесс формирования сюжетно-мотивного фонда любого народа напрямую связан с исторической судьбой его носителей, а выявляемая его «конфигурация» – ареалы распространения сюжетов

¹ Сагалаев А.М. «Круговорот жизни» в урало-алтайской традиции // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 28–40; Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к Серии «Народы СССР». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. Москва, 1991. 189 с.; Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб., 2013. 319 с.; Он же. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. №2 (31). С. 21–32.

– является своеобразной «базой данных», в которой запечатлены события этноисторического характера.

Фольклорный материал приобретает особую актуальность для реконструкции этапов формирования тех народов, чья письменная эра началась только в последние несколько столетий. Для них еще до недавнего времени фольклор был одним из важнейших способов передачи культурной и исторической информации между поколениями, и одновременно мощным связующим материалом между всеми представителями этнического сообщества. Одним из таких этносов являются селькупы, чья история, восстанавливаемая по письменным историческим источникам, не уходит глубже XVI в.

Уточнение этапов этногенеза селькупов и их этнокультурной специфики (как она предстает по данным их аутентичного фольклора), позволит в будущем более детально представлять этногенетические и этнокультурные процессы, протекавшие в Западно-Сибирском регионе и на сопредельных территориях, а также даст дополнительный материал для реконструкции этнической истории других самодийских групп и их ближайших соседей – угров, енисейцев, тюрков, эвенков.

Степень разработанности темы исследования

В ходе исследования была выявлена и проанализирована литература, которую можно разделить на несколько групп, важных для проблематики данной работы:

Публикации, посвященные описаниям локальных групп селькупов.

Самые ранние упоминания о селькупах (нарымских остяках) появляются еще в XVII в., но они несли общую информацию. Поэтому из всей суммы публикаций по этнографии и этнической истории селькупов отбирались, прежде всего, те, в которых был представлен материал, репрезентирующий культуру какой-либо локальной группы, т.е. отбирались этнографические очерки о подгруппах селькупского этноса¹ и анализировались выводы авторов

¹ Публикации, посвященные каким-либо отдельным аспектам селькупской культуры – религии, мифологии, хозяйству и т.п., рассматривались как вспомогательные, и в данный обзор не включены. Также не

относительно культурных особенностей исследуемой группы. К таким публикациям относятся, прежде всего, работы, в которых исследователями был собран и систематизирован материал по одной или нескольким (2–3) локальным группам селькупов. Это описания К. Доннера¹, М.Б. Шатилова², Г.Н. Прокофьева³, Е.Д. Прокофьевой⁴, Е.Н. Орловой⁵, П.Е. Островских⁶, З.П. Соколовой⁷, С.И. Ирикова⁸, И.Н. Гемуева, А.В. Бауло⁹.

Среди всего комплекса выявленных публикаций особо следует выделить работы авторов XIX в., в которых были описаны черты культуры некоторых групп: А. Кастрен (1856, 1860)¹⁰, А. Мордвинов (1860)¹¹, М.Ф. Кривошапкин (1865)¹² (эти работы были созданы на основе путевых наблюдений их авторов), а также исследования чиновников – А.П. Степанова (1835)¹³, П.И. Третьякова (1869)¹⁴, А.Ф. Плотникова (1901)¹⁵. В каждой из них не просто излагается дескриптивная информация, но даётся её авторский анализ, в частности, проводятся сравнительные исследования с материалом по соседним этносам

включены публикации общего характера, где суммируются данные, полученные от разных групп селькупского этноса (очерки в энциклопедиях).

¹ Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart, 1926. (Переиздания: на английском – 1954; на русском – 2008).

² Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды ТОКМ. Томск, 1927. Т.1. С. 136–167.

³ Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. №2. С. 96–103.

⁴ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 88–107. Она же. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.

⁵ Орлова Е.Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 1. Вып. 4. 55 с.

⁶ Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. №7–8. С. 161–181.

⁷ Соколова З.П. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования ИЭи А РАН. М., 2002. С. 271–289; Она же. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования ИЭиА РАН. М., 2004. С. 192–203. Она же. Этнограф в поле: Западная Сибирь 1950–1980- гг. М., 2016. Глава: Северная экспедиция ИЭ АН СССР. Томская область 1958 г.: реки Средняя Обь, Кеть. С. 192 – 228 [Селькупы: С. 194–202].

⁸ Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. 249 с.

⁹ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX–XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.; Бауло А.В. Поездка к тазовским селькупам: дневник 1979 г. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. №1 (15). С. 124–135.

¹⁰ Кастрен А.М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. (о Томских самоедах: С. 268–311). Он же. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 87–135.

¹¹ Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. 1860. Т. 28. №1–2. С. 25–64.

¹² Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1–2.

¹³ Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1,2.

¹⁴ Третьяков П.И. Туруханский край // Зап. РГО по общей географии. 1869. Т. 2. 416 с.

¹⁵ Плотников А.Ф. Нарымский край. (5-й стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.

(сравнивается, например, языковой или этнографический материал, полученный от тазовских остяков и от енисейских остяков, или идет сравнение с юрако-самоедами).

Значительный вклад в выделение локальных групп селькупов (диалектно-локальных) на языковом материале внесли лингвисты: А.М. Кастрен¹, К. Доннер², Г.Н. Прокофьев³, П. Хайду⁴, Т. Янурик⁵, А.П. Дульзон⁶, А.И. Кузьмина⁷, Ю.А. Морев⁸, Х. Катц⁹, Е.А. Хелимский¹⁰, Я. Алатало¹¹, С.В. Глушков¹². Обобщение классификационных подходов лингвистов присутствует в работе Э.Г. Беккер (1995)¹³.

Выявлено несколько подходов к классифицированию подразделений селькупского сообщества: географический (по гидрографическому принципу), административный (по инородческим волостям), социальный (по родоплеменным подразделениям – с опытами реконструкции родо-племенной структуры селькупского общества), этнонимический (на основе выявления ареалов распространения селькупской эндо-этнонимии). Работы Е.Д. Прокофьевой (1952)¹⁴, Г.И. Пелих (1963, 1981)¹⁵, А.П. Дульзона (1971)¹, И.Н. Гемуева (1973)², А.И. Кузьминой (1974)³.

¹Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. S. 404.

²Donner K. Über die anlautender labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920.

³Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Тр. по лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. Т. IV. Вып. 1. 132 с.

⁴Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. S. 239.

⁵Janurik T. Aszölkupnyelvjárásokról // Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80. L. 77–104.

⁶Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. Таллин, 1971. VII. №1. S. 35–41.

⁷Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Часть I. Новосибирск, 1974. 265 с.

⁸Морев Ю.А. К соотношению глухости-звонкости и долготы-краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1978. С. 3–14.

⁹Katz H. Selkupische Quellen // Studia Uralica. Band 2. Wien, 1979. 231 S.

¹⁰Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68–79.

¹¹Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von J. Alatalo // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. 465 S.

¹²Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.

¹³Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка / Введение // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.

¹⁴Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.-Л., 1952. С. 88–107.

¹⁵Пелих Г.И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов // Труды ТГУ. Т. 165. Томск, 1963. С. 137–148. Она же. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 177 с.

Анализ литературы показал, что изучение локальных групп селькупов было крайне неравномерным: есть группы, чья культура оказалась весьма подробно описана и хорошо представлена в научной литературе (селькупы бассейнов Кети, Тыма, Таза), остальные подгруппы селькупского этноса – заметно хуже; но часть локальных групп так и осталась без этнографического описания (это жители, проживавшие в бассейне рек Чузика, Кёнги, низовьев Чулыма, верховьев Чаи, на Оби в пространстве между Молчаново и Колпашево; в том числе на Оби около юрт Сондоровых и Тайзаковых).

Публикации, посвященные анализу селькупского этногенеза (этнической истории).

Одним из первых, кто выявил основные этапы этнической истории населения Приобья (в том числе и для селькупов), актуальные до настоящего времени, был лингвист и археолог А.П. Дульзон (1950, 1960, 1961)⁴.

Также важные выводы относительно селькупского этногенеза были сделаны Г.И. Пелих в её докторской диссертации: «Происхождение и история селькупов» (1972)⁵, которые были в значительной степени повторены в её монографии «Происхождение селькупов» (1972).

Этногенезу селькупов уделяли внимание московские историки и этнологи – Б.О. Долгих (1960)⁶, З.П. Соколова в статье «К проблеме этногенеза обских угров и селькупов» (1980)⁷ и В.И. Васильев (2005)⁸.

¹ Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советскоефинно-угроведение. Таллин, 1971. VII. №1. S. 35-43.

² Гемуев И.Н. Расселение северных селькупов // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 126–128.

³ Кузьмина А.И. К вопросу о названиях и самоназваниях селькупов // Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. С. 29–34.

⁴ Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 175–187. Он же. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М.-Л., 1960. Он же. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361–371.

⁵ Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов : дис. на соиск. степени докт. ист. н. Томск, 1972. Она же. Происхождение и история селькупов: авторреф. дис... докт. ист. н. Томск, 1972; Она же. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.

⁶ Долгих Б.О. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии, новая серия. Т. 55. М., 1960. 622 с.

⁷ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 89–117.

⁸ Васильев В.И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. /отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 311–316.

Существенные выводы, характеризующие этапы селькупского этногенеза, есть в публикациях ряда археологов, прежде всего, в работах Л.А. Чиндиной (1975, 1977, 1984, 1991, 1995, 1993, 1993а, 1999, 2004)¹, А.И. Бобровой (2006, 2016)², Н.В. Березовской (1992, 1992а, 1997)³.

В последнее время вопросы этногенеза селькупов рассматривались также в работе генетиков: В.Г. Волков (2013, 2015)⁴.

Значительная группа выявленной литературы касается *различных аспектов фольклористики*. Среди этой литературы особым блоком выделены публикации, в которых исследуются *связи исторических событий и конкретного фольклорного материала*, а также выявляемых в фольклорных текстах культурных реалий – этнографических деталей (на различном этническом материале). К таким исследованиям, проводимым на сибирском фольклорном материале, относятся работы Г.М. Василевич (1966, 1972)⁵, М.Г. Воскобойникова (1969)⁶,

¹ Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып.16. Томск, 1975. С. 61–93. Она же. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с. Она же. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 254 с. Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 181 с. Она же. У истоков истории селькупов // Северная книга. Томск, 1993. С. 47–50. Она же. О селькупских могильниках XVII в. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч.1. Омск, 1993а. С. 74–77. Она же. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул, 1995. С. 179–187. Она же. Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11. Она же. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // VI-е исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 284–290. Она же. Пегая орда – Большого Лося сильный народ // Вестник ТГУ. История. 2013. №3 (23). С. 91–96.

² Боброва А.И. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 254–256. Она же. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Боброва А.И. и др. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 7–117.

³ Березовская Н.В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеровский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1992. С. 27–35. Она же. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том.гос. ун-та, 1992а. С. 96. Она же. К вопросу о датировке валиковой керамики в низовьях р.Томи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во Том.гос. ун-та, 1997. С. 270–282.

⁴ Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1(1). С. 79–96. Он же. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 4(10). С. 109–122.

⁵ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1966. 400 с.; Она же. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 143–160.

⁶ Воскобойников М.Г. Бытовые предания эвенков // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1969. С. 63–108.

А.Н. Варламова (2009, 2009а, 2011)¹, посвятивших свои исследования историзму эвенкийского фольклора; Г.У. Эргиса (1974)² – якутского; Л.И. Шерстовой (2010)³ – алтайского (алтай-кижи); Л.Ц. Малзурова (2013)⁴ – бурятского; Р.В. Николаева (1985)⁵ – кетского. Во всех этих исследованиях позитивно решается вопрос связи исторического события и фольклорных данных (отмечается, как правило, высокая степень исторической достоверности фольклорных текстов определенного жанра, в частности – исторических преданий).

На селькупском материале есть небольшое количество публикаций, которые следует отметить в данном ряду: Я.Р. Кошелев, Г.И. Пелих «Из прошлого нарымских селькупов (по материалам устного народного творчества)» (1956)⁶, Г.И. Пелих «Фольклор как средство расшифровки топонимов» (1965)⁷, А.В. Головнёв «Поражения, закончившиеся победой» (раздел из кн. «Говорящие культуры») (1995)⁸, О.А. Казакевич «Контакты с иноплеменниками, отраженные в фольклоре» (2000, 2001)⁹, А.И. Кузнецова «Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре»; «Отражение традиционной культуры и условий реальной жизни в образе женщины-матери (по материалам селькупского фольклора)» (2001, 2002)¹⁰. Данными авторами также отмечается

¹ Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. №6 (57). 2009. С. 126–131. Он же. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №107. 2009а. С. 112–119. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: дис... д-ра филологич. н. Якутск, 2011. 430 с.

² Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.

³ Шерстова Л.И. Значение исторических преданий для реконструкции этнической истории алтайцев // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 166–170. Шерстова Л.И. Легенды о Шуну у народов Южной Сибири (Мифы и реальность в традиционных сюжетах) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 141–147. Она же. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191–208.

⁴ Малзурова Л.Ц. Историческая основа бурятских легенд и преданий // Фольклор монгольских народов: историческая действительность. Элиста, 2013. С. 200–212.

⁵ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 127 с.

⁶ Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого нарымских селькупов (по материалам устного народного творчества) // Ученые записки ТГПУ. Т. 15. Томск, 1956. С. 206–216.

⁷ Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 65–69.

⁸ Головнёв А.В. Поражения, закончившиеся победой // Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 115–119.

⁹ Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 332–340. Она же. Контакты с иноплеменниками, отраженные в фольклоре (на материале фольклорных текстов северных селькупов) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 271–273.

¹⁰ Кузнецова А.И. Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 276–279. Она же. Отражение традиционной культуры и условий реальной жизни в образе

возможность соотнесения содержательной части некоторых фольклорных произведений с конкретной исторической реальностью, приводятся многочисленные примеры.

Научное направление по изучению селькупского фольклора находится на стадии формирования. В основном имеются публикации, в которых изучение селькупского фольклора фактически ограничивается представлением собранных данных (обзор таких публикаций см. в разделе **Источниковая база исследования**). Некоторые аналитические выводы и размышления по поводу собранного фольклорного материала присутствуют только в работе К. Доннера «Самоедский эпос» (1915)¹. Например, в своих комментариях к сюжетам с героем Итте он отмечал (к сожалению, крайне лаконично) особенности сюжетного состава у жителей разных рек селькупского ареала – Кети, Чаи, Тыма, Таза, Баихи и Турухана (какие сюжеты им известны, а какие – нет); также он сделал попытку провести сравнительный анализ селькупских сюжетов с сюжетами саг «Калевалы», сформулировал предположения относительно их общего происхождения и взаимовлияния.

Однако, несмотря на такое основательное начало, развития селькупской фольклористики не случилось. Так, например, в послевоенные годы Е.Д. Прокофьевой, на основе собранного в 1920–1930-е гг. Г.Н. Прокофьевым и ею фольклорного материала, было написано диссертационное исследование; работа «получила положительные отзывы», но эта диссертация «по обстоятельствам личного порядка не была защищена»; как сообщает об этом Л.В. Хомич, позднее «появились новые материалы, и некоторые разделы показались автору устаревшими»².

Во второй пол. XX в. ситуация в селькуповедении сложилась иным образом: получило развитие совсем иное научное направление, которое можно было бы обозначить как лингвистическое, сконцентрированное на *изучении*

женщины-матери (по материалам селькупского фольклора) // Образ женщины в традиционных культурах. М., 2002. С. 21–24.

¹ Доннер К. Самоедский эпос // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. 3. Вып. 1. Томск, 1915. С. 38–53.

² Хомич Л.В. Е.Д. Прокофьева – исследователь традиционной культуры селькупов // Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. С. 7.

языковых особенностей селькупских фольклорных текстов. Точкой отсчета для данного направления, вероятно, следует считать публикацию А.П. Дульзона «О лингвистической ценности языка сказки (на материале фольклора кетского и селькупского языков)» (1965)¹, где он приводит оценку лексического разнообразия фольклорных текстов и делает вывод об особой роли фольклорных произведений для сохранения архаичной лексики и аутентичных метафор.

Развитие этого направления было поддержано в 1970–1990-е гг. публикациями А.И. Кузнецовой (1987)², Н.В. Деннинг (1997)³, О.А. Казакевич (1995, 1997, 1999, 2003)⁴. В наибольшей степени исследователей интересовали диалектные особенности фиксируемых фольклорных текстов. Так, о языковых (диалектных) особенностях, выявленных в текстах сказок «Азбуки» Н.П. Григоровского (1879), писал Х. Катц (1987)⁵. К этому же направлению можно отнести работу С.В. Глушкова, А.В. Байдак (2016)⁶, посвященную анализу языковых особенностей четырех «южных» богатырских песен в записи А. Кастрена (1857), с целью определения их диалектной принадлежности. Таким образом, фольклорные тексты в публикациях лингвистов оценивались, прежде всего, как образцы речи селькупов, репрезентирующие разные диалекты и говоры селькупского языка.

Только в ряде публикаций О.А. Казакевич⁷ присутствуют, помимо лингвистического, также элементы фольклористического и этнографического

¹ Дульзон А.П. О лингвистической ценности языка сказки (на материале фольклора кетского и селькупского языков) // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 60–64.

² Кузнецова А.И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Самодийские и енисейские языки. Томск, 1987. С. 31–39.

³ Деннинг Н.В. О языке селькупского фольклора // Этносы Сибири: язык и культура. Томск, 1997. Ч. 1. С. 18–20.

⁴ Казакевич О.А. Частотные словари селькупских фольклорных текстов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т.1. Филология. С. 386–389. Она же. Язык фольклора северных селькупов сегодня: лексика, грамматика, прагматика // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении. М., 1997. С. 33–35. Она же. Изобразительная лексика в шаманских текстах северных селькупов // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 141–142. Она же. Истина, добро и красота, отраженные в селькупской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках. Языки славянской культуры. М., 2003. С. 221–233.

⁵ Katz H. Selcupica IV. Die Märchen in Grigorovskis Azbuka. Transkription, Übersetzung, Kommentar // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. München, 1987. Serie C. Bd. 20. 101 S.

⁶ Глушков С.В., Байдак А.В. О диалектной принадлежности четырех героических песен М.А. Кастрена // Lingistica Uralica LII 2016. №4. С. 282–288.

⁷ Казакевич О.А. Фольклорные традиции северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т.2. С. 205–212. Она же. Герои селькупского фольклора: пол и характер // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 1999. С. 52. Она же. О влиянии русской культуры на фольклор народов Сибири (на

подхода к селькупским фольклорным произведениям, однако и в них лингвистические задачи оказываются превалирующими.

Публикации, где был бы представлен опыт *по систематизации фольклорного материала селькупов*, практически отсутствовали вплоть до 2000-х гг. В 2004 г. была опубликована энциклопедия «Мифология селькупов», вышедшая в рамках академической Серии «Энциклопедия уральских мифологий» (под редакцией А.-Л. Сиикала, В.В. Напольских и М. Хоппала)¹, для которой автором данного диссертационного исследования были написаны аналитические разделы – «О принципах построения энциклопедии», «История изучения южноселькупского фольклора», «Жанровая классификация селькупских текстов», «Космогонические мифы», «Мифы об устройении мира», «Антропогонические и этногонические мифы» и др., а также словарные статьи (243 статьи). Данная энциклопедия была переведена на английский язык, и в 2010 г. состоялось ее англоязычное издание².

Начиная с 2004 г., автором был создан также ряд публикаций, в которых нашли отражение вопросы систематизации и классификации фольклорного наследия селькупов³.

Кроме того, в 2015 г. вышла монография Ант. А. Ким «Классификация хантыйского прозаического фольклора» (2015)⁴, в которой также частично был

материале сказок северных селькупов) // Типология языков и культур. Евразия на перекрестке языков и культур. М., 1999. С. 41–42. Она же. Шаман в фольклоре северных селькупов // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 319–320. Она же. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. Ч. 3. С. 81–89. Она же. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 483–497. Она же. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 542–550. Она же. Порядок в мире и порядок в тексте (на материале селькупского фольклора) // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 448–460.

¹ Мифология селькупов / Авторы: Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони и др. / Научн. ред.: В.В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.

² Selkup Mythology / Authors: N. Tuchkova, A. Kuznetsova, O. Kazakevich, A. Kim-Malony, S. Glushkov, A. Bajdak. Budapest, 2010. 320 p.

³ Тучкова Н.А. Герой селькупского фольклора Итя женится: тексты с активной ролью невесты-волшебницы // Вестник ТГПУ. 2015. Вып. 9(162). С. 255–261; Тучкова Н.А. «Мальчик, победивший людоеда»: базовые сюжеты с героем Итя в селькупском фольклоре // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2016. Вып. 4 (14). С. 135–158; Тучкова Н.А. Указатель сюжетов с героем Итя: опыт классификации // Сибирский филологический журнал. 2018. №1. С. 57–76

⁴ Ким Ант.А. Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск, 2015. 167 с. (Глава 4 Сравнительный анализ хантыйских сюжетов на межэтническом уровне: 4.1. Селькупы и кеты).

использован селькупский фольклорный материал, подвергшийся сравнительному анализу с хантыйским фольклором.

Таким образом, подводя итоги обзора публикаций, связанных с темой диссертации, можно констатировать, что полноценных и целенаправленных исследований селькупского фольклора с этноисторической позиции и позиций фольклористики не проводилось. Тем более, нет публикаций, в которых бы анализировалась проблема адекватности корреляций исторического материала, характеризующего вопросы формирования селькупского этноса, и фольклорного материала.

Именно на поиск решения **научной проблемы** – выявление корреляционной связи между этнической историей этноса и фольклорным материалом, сформированным этносом в ходе исторического процесса, направлена настоящая работа.

Таким образом, **целью** работы является выявление возможностей и степени результативности корреляции этнической истории селькупов и их этнокультурной специфики с данными их фольклорного наследия.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Определить теоретико-методологические основания заявленной проблематики – соотношения этнической истории и фольклорного материала; рассмотреть различные исследовательские направления, с позиции которых изучался вопрос фольклорного историзма, в том числе применительно к селькупскому материалу.
2. Выявить сведения об опубликованных и неопубликованных фольклорных материалах селькупов (прозаический фольклор); выявить корпус наиболее репрезентативных для этноисторических исследований текстов.
3. Провести классификацию и единую маркировку отобранного для исследования фольклорного материала; составить Указатель сюжетов к анализируемым текстам; выявить ареалы распространения фольклорных

сюжетов и соотнести их с ареалами формирования и расселения диалектно-локальных групп селькупов.

4. Определить этнографический облик культуры селькупов по данным, полученным из фольклорных источников (с применением элементов корпусного подхода в фольклористике), в контексте их исторического развития.
5. Соотнести этапы формирования (этногенез) селькупов, реконструируемый историками и лингвистами, с данными селькупского фольклора, полученными на основе применения методов сравнительной (ареальной) фольклористики.
6. Реконструировать этническую историю селькупов на основе анализа фольклорного материала, показать возможности корреляции этнографических и фольклорных источников для получения новых знаний по этнической истории селькупов.

Объект исследования: этническая история и традиционная культура селькупов.

Предмет исследования: корреляционные связи между этнической историей этноса и его фольклорным наследием на материалах локальных групп селькупов.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с конца XVII в. до нач. XXI в.

Нижняя граница определяется первыми сведениями исторического и этнографического характера о разных локальных группах селькупского этноса.

Верхняя граница – последними периодами сборов селькупского фольклора (в частности, успешными сборами традиционного фольклора О.А. Казакевич в 2000-е гг. у северных селькупов).

Территориальные рамки работы охватывают весь ареал селькупской ойкумены как в районе Приобья (со всеми притоками, заселенными в прошлом селькупскими – Кеть, Тым, Парабель, Чая), так и в районе бассейнов Таза, Турухана и Пура, где располагались северные группы селькупов.

В современном административном отношении это территории Каргасокского, Парабельского, Колпашевского, Чаинского, Верхнекетского, Бакчарского районов Томской области; Красноселькупского и Пуровского районов Тюменской области и Туруханского района Красноярского края.

Методология и методы исследования.

Основу теоретико-методологической базы исследования составили труды отечественных этнологов, изучавших вопросы этнической истории в теоретическом ключе, – Ю.В. Бромлей (1973, 1981)¹, В.И. Васильева (1976, 1990)², Н.Г. Волковой (1985)³, Н.А. Томилова (1993)⁴. Особенно значимым для автора явился подход к вопросам соотношения этногенеза и этнической истории, сформулированный Н.А. Томиловым, который предполагает рассмотрение этногенеза как составной части этнической истории.

В целом в основе данного диссертационного исследования лежит принцип историзма, который предполагает изучение исследуемых явлений в их историческом развитии. В работе последовательно применялся сравнительно-исторический метод, который использовался для выявления этнокультурной специфики локальных групп селькупского этноса и их фольклорного наследия.

Кроме того, для сравнения исторических и этнографических данных, полученных из текстов фольклорных произведений, с историческим и этнографическим материалом, применялся сравнительно-сопоставительный метод. В работе также был применен мультиинтеграционный (иначе – междисциплинарный (комплексный)) подход, который подразумевает обращение к смежным наукам – истории, археологии, лингвистики, генетики и др. с целью обнаружения культурных и исторических параллелей.

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. 285 с.; Он же. Современные проблемы этнографии. М., 1981. 390 с.

² Васильев В.И. Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера: на самодийских материалах // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 184–186. Он же. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории: (на материале народов Севера СССР) // Советская этнография. 1990. №6. С. 33–41.

³ Волкова Н.Г. Этническая история: содержание понятий // СЭ. 1985. № 5. С. 16–25.

⁴ Томилов Н.А. Этническая история как научное направление // Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том.ун-та, 1993. С. 8–27.

Высокую значимость для написания данной работы имели труды фольклористов-методологов, занимавшихся, в том числе, и теоретической проработкой вопроса фольклорного историзма: работы В.Я. Проппа (1946, 1976, 1998)¹, Е.М. Мелетинского (1973)², С.Ю. Неклюдова (1984)³, К.В. Чистова (1986)⁴, Б.Н. Путилова (1975, 1994)⁵. Каждый из этих авторов внёс свою лепту в понимание того, как связаны фольклор и исторический процесс. Кроме того, в значительной степени именно их усилиями в отечественной фольклористике в 1970–1980-х гг. разрабатывалось теоретическое обеспечение особого научного направления – «Фольклор и этнография», где вопросы отражения этнографической (этнокультурной) специфики в фольклорных текстах находились в центре внимания.

При разработке вопросов классификации селькупского фольклорного материала автор опиралась на теоретические работы, обобщающие исследовательский опыт по составлению фольклорных (сюжетных, мотивных) указателей, включая их электронные версии, а также на известные образцы подобных указателей: публикации А.В. Козьмина (2003)⁶, Х.-Й. Утера (2004)⁷, С.Ю. Неклюдова (2006)⁸.

Мировой фольклористикой к настоящему времени пройден значительный путь в области систематизации и классификации накопленных фольклорных данных и приобретен опыт по составлению, прежде всего, сюжетных указателей (СУ). Есть общепризнанные указатели сюжетов, среди которых наиболее востребованным и популярным является указатель Аарне-Томпсона-Утера (ATU),

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1946. 340 с. (Переиздание: 1986, 1996, 2002). Он же. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с. Он же. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 185–208.

² Мелетинский Е.М. Сравнительно-историческая типология фольклора: историческая и структурная // *Philologia*. Памяти акад. В.М. Жирмунского. Л., 1973. С. 385–393.

³ Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследований фольклорных мотивов // *Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. М.: Наука, 1984а. С. 221–229.

⁴ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. 306 с.

⁵ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // *Типология народного эпоса*. М.: Наука, 1975. С. 164–181. Он же. *Фольклор и народная культура*. СПб: Наука, 1994. 239 с.

⁶ Козьмин А.В. Структурно-семантический указатель фольклорных сюжетов: Компьютерная модель установления связей между текстом и единицами его описания: Автореф.... канд.филол. наук. М., 2003. 23 с.

⁷ Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Vols. 1-3. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 2004.

⁸ Неклюдов С.Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // *Проблемы структурно-семантических указателей*. Москва, 2006. С. 31–37.

ставший универсальным международным каталогом сказочных сюжетов; существует также значительное количество национальных указателей и региональных каталогов, построенных как с опорой на классификацию сказочного материала по системе АТУ, так и на основе других методов классификации (по функциям персонажей (на основе подходов к классификации фольклора В.Я. Проппа)), структурно-семантические, мотивные и др.)¹.

На сибирском материале попытки классифицирования сюжетного состава на основе сопоставительного анализа выявленных текстов с указателями (АТУ) были проведены Г.У. Эргисом (СЯС – Сюжеты якутских сказок) (1967)², Е.Т. Пушкаревой (2003)³, И.С. Надбитовой (2011)⁴, А.И. Гороховой, Ф.С. Андросовой (2016)⁵, Р.П. Матвеевой (2011)⁶ и др. В ряде томов многотомной Серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в комментариях к текстам в некоторых случаях также определяется сюжетный тип по каталогу АТУ.

Авторская классификация ненецких фольклорных произведений присутствует в работе А.В. Головнёва «Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор» (2004)⁷. Также свой подход, сформированный на основе методических основ, разработанных В.Я. Проппом, к классификации сюжетов хантыйского фольклора был предложен Ант.А. Ким (2015)⁸.

¹ АТУ: Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910. (FFC №3). Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Vol. 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. (FFC № 106). Uther H.-J. The Types of International Folktales. Vols. 1-3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. Для восточславянского фольклора – СУС (1979): Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979; Кербелите Б. Типы народных сказок: структурно-семантическая классификация литовских сказок. М.: РГГУ, 2005. 721 с.; Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Новосибирск, 2005.

² Эргис Г.У. Сюжеты якутских сказок // Якутские сказки в 2-х томах. Т. 2. Якутск, 1967. С. 176–239.

³ Пушкарева Е.Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. М.: «Мысль», 2003. 286 с.

⁴ Надбитова И.С. Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. №1. С. 188–192.

⁵ Горохова А.И., Андросова Ф.С. Типология сюжетов эвенских и эскимосских волшебных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2016. №10 (64): в 3-х ч. С. 89–90.

⁶ Матвеева Р.П. Народные русские сказки Приангарья: локальная традиция // Вестник бурятского государственного университета. 2011. №10. С. 209–214.

⁷ Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. 344 с. [в Части II «Устная традиция» ненецкие фольклорные тексты представлены сгруппированными в 7 блоков (Главы): 1. Деяния богов. 2. Ушедшие в сопки. 3. Воины. 4. Шаманы. 5. Оборотни. 6. Соседи-Хаби. 7. Русский город].

⁸ Ким Ант.А. Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск, 2015. 167 с.

Помимо выявления и классифицирования сюжетов селькупского фольклора, автором данной работы был рассмотрен вопрос их локального распространения. В связи с этим актуализируются выводы исследователей, сделанные с опорой на использование концепции диффузионизма и подчеркивающие значимость миграционных теорий в понимании распространения этнокультурных новаций. В данном моменте особое влияние на теоретические подходы, используемые в работе, оказали публикации В.В. Напольских и Ю.Е. Берёзкина и разрабатываемого ими научного направления – сравнительно-мифологических исследований. Методологические основания таких исследований и базирующиеся на них исторические реконструкции представлены в публикациях – Напольских, 1991, 1993, 2015¹; Берёзкин, 2003, 2013, 2015, 2016)². Суть данного метода заключается в исследовании фольклорно-мифологических мотивов разных народов мира с использованием методов статистической обработки данных и установлении корреляций с ареалами распространения языков (языковых семей) и археологических культур. Тем самым выявляется степень корреляции данных фольклора с данными иных исторических явлений.

Однако автором данной работы применялся свой (авторский) метод, который можно обозначить как «ареальный», предполагающий выявление и сравнение ареалов распространения фольклорных мотивов на внутриэтническом уровне (т.е. в пределах хабитата одного этноса), сопоставимый, по сути, с методом В.В. Напольских и Ю.Е. Берёзкина. Однако данные авторы

¹ Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к Серии «Народы СССР». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. Москва, 1991. 189 с.; Он же. Как Вукузё стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск: Изд-во Удм. Инст. ист., яз. и лит-ры, 1993. 158 с.; Он же. К методам и основаниям сравнительно-мифологических реконструкций // Этнографическое обозрение. 2015. №3. С. 22–25; Он же. Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. С. 360–381.

² Берёзкин Ю.Е. Южносибирские-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2. С. 94–105. Он же. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: «Наука», 2013. 319 с. Он же. Сибирский фольклор и происхождение на-дене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1 (61). С. 122–134. Он же. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. №2 (31). С. 21–32.

рассматривают, прежде всего, межэтнические фольклорные связи и оперируют большими пространствами и значительными историческими этапами, не углубляясь в вопросы репрезентативности мотивов в разных локальных группах и подгруппах сравниваемых этносов, тогда как мой метод сосредоточен на детальном выявлении ареалов распространения мотивов на территории обитания одного этноса (и использованы фольклорные тексты как поставщики мотивов только одной фольклорной традиции).

Кроме того, методика работы с фольклорным материалом в рамках данного исследования базировалась также на выработанных отечественной фольклористикой принципах критического анализа фольклорных текстов, их систематизации, историко-сравнительном анализе, последовательном выявлении историко-культурных связей и локальной специфики.

Так как в распоряжении автора был самостоятельно (с группой соавторов) созданный электронный корпус фольклорных произведений селькупов (подробнее о работе по выявлению и публикации селькупских фольклорных текстов, в том числе – текстов с героем Итя, см. раздел Источниковая база исследования; о создании корпуса фольклорных текстов селькупов см. Приложение Г), то частично в данном диссертационном исследовании применялся метод корпусной фольклористики. Однако он применялся ограниченно (в основном только для выявления этнографических деталей культуры селькупов, описываемых или упоминаемых в фольклорных произведениях) и без использования специализированного программного обеспечения¹.

Так как представляемое исследование находится на стыке наук – этнографии и фольклористики, следует подчеркнуть, что цель работы и её реализация предполагают, что данное исследование является в большей степени этнографическим, тогда как фольклор рассматривается автором, прежде всего, как историко-этнографический источник.

¹ Кроме того, которое уже есть в наличии в рамках Microsoft Word.

Источниковая база исследования представлена письменными и изобразительными источниками. К письменным источникам в данной работе отнесены:

Путевые отчеты XVII–XIX вв. Существует целый корпус отчетов ученых-путешественников, чиновников, миссионеров XVII–XVIII вв., являющихся базой для селькуповедческих исследований разного плана. К таким источникам относятся: описание путешествия по Кети Н. Спафария (1882, 1997)¹, путешествие по Оби Г.Ф. Миллера (1996)², записки полковника Маслова об инородцах Туруханского края (1833)³. В этих материалах присутствует значительный объем данных об этнографических особенностях некоторых локальных групп селькупов.

Лингвистические (лексикографические) источники. В работе были задействованы словари селькупского языка: Доннер К. (1932)⁴, Кастрен А. (1855, 1969)⁵, Купер Ш., Пустаи Я. (1993)⁶, Кузнецова А.И., Казакевич О.А. и др. (1993)⁷, Алатало Я. (1998)⁸, Селькупско-русский диалектный словарь (2005)⁹,

¹ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Зап. РГО. Отдел этнографии. Санкт-Петербург, 1882. Т. X. Вып. 1. (перепубликация фрагмента: поездка по Кети – в кн. Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 239–256).

² Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера /Сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 172–186. Он же. Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. /Сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 187–191. Он же. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. /Сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 192–208. Он же. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера /Сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 209–212.

³ Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии. Сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. Казань, 1833. №5. С. 275–291, №7. С. 392–415, 9. С. 506–523, №10. С. 562–575.

⁴ Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64. Helsinki, 1932. 171.

⁵ Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner. St. Petersburg, 1855. XXIV. 404; Castrén M.A. Ostjak-samojedisches Wörterverzeichniss // M.A.Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855 // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. T.8. Leipzig, 1969. S. 97–177.

⁶ Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // Specimina Sibirica. T.7. Sombathely, 1993. 79 p.

⁷ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. Москва, 1993. 198 с.

⁸ Алатало Я. Сююссыгуй ээджипсан Кээткый кууланни. Максимкин-Яр – Хельсинки, 1998. 149 с.

⁹ Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быкони. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 347 с.

Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского (2007)¹, а также этимологические словари: Янхунен Ю. (1977)², Аникин А. Е. (2000)³.

Опубликованные фольклорные тексты. Главный источник данного исследования – фольклор. В ходе многолетней работы по поиску (буквально по крупицам) различных публикаций с наличием селькупских фольклорных текстов⁴, был выявлен корпус работ, содержащих образцы селькупского фольклора: для публикаций XIX – пер. пол. XX в. – это работы А. Кастрена (1855, 1860; переиздания – 1940, 1960, 1969)⁵, Н.П. Григоровского (1879)⁶, Н.А. Косторова (1882)⁷, К. Доннера (1915)⁸, Г.Н. Прокофьева (1935)⁹.

В середине XX в. селькупский фольклор на языке оригинала собирали и публиковали в основном представители томской лингвистической школы – А.П. Дульзон (1966)¹⁰ и его ученики: А.И. Кузьмина, Э.Г. Беккер, В.В. Быконя,

¹ Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского /Herausgegeben von E. Helimski. Hamburg, 2007. 225 S.

² Janhunen Ju. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. // Castrénianumin toimitteita 17. Helsinki, 1977. 185 s.

³ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

⁴ Первоначальное выявление подборки различных публикаций с текстами селькупского фольклора было сделано автором при работе над энциклопедией «Мифология селькупов» (2004); затем работа была продолжена в рамках составления собрания селькупского фольклора для издания в Серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (работа пока не завершена); следующий этап – публикация сборника селькупских фольклорных текстов с героем Итя: Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте...», Томск, 2015. 336 с.

⁵ Castrén M.A. Sprachproben aus dem Ostjak-samojedischen // M.A. Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855 // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. T.8. Leipzig, 1969. S. 340–372. [8 селькупских фольклорных текстов с переводом на немецком языке]. Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 122. Helsinki, 1960. 462. (S. 3–261 – Castrén's ostjaksamojedische Wörterverzeichnis, Grammatik, Leid; S. 317–338 – Lehtisalo's Sprachmaterial vom Turuhan-Fluss [3 фольклорных текста в записи Т. Лехтисало на Турухане]). Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 83. Helsinki, 1940. (Ostjaksamojedische Volksdichtung – S. 305–343). [8 селькупских фольклорных текстов с переводом на немецкий язык].

⁶ Григоровский Н.П. Азбука сюсогой гулани / Составлена Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. [4 селькупских фольклорных текста и 4 русских сказки в переводе на селькупский язык].

⁷ Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. 36 с.

⁸ Доннер К. Самоедский эпос // Труды томского общества изучения Сибири. Т.3. Вып. 1. Томск, 1915. С. 38–53. [пересказ нескольких селькупских фольклорных текстов с героями Итте и Пюнегуссе]. Он же. Самоедский эпос // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 145–162. [перепубликация статьи 1915 г. с пересказом фольклорных сюжетов].

⁹ Прокофьев Г.Н. Текст с переводом // Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. Т. IV. Вып. 1. С. 101–109. [2 объёмных фольклорных текста].

¹⁰ Дульзон А.П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966а. С. 96–158. [1 объёмный фольклорный текст, записанный на р. Парабель]. Он же. Кетские сказки. Томск, 1966. С. 117–155. [8 селькупских фольклорных текстов].

А.А. Ким, Ш.Ц. Купер, Н.П. Максимова, Ю.А. Морев¹, а также московские лингвисты – А.И. Кузьмина и её ученики: Е.А. Хелимский, О.А. Казакевич и др.² Зарубежные исследователи в этот период в основном осуществляли перепубликацию фольклорных произведений селькупов (как правило, с модернизированной транскрипцией и лингвистическим комментарием, а также с переводами на немецкий, английский, венгерский и финский языки) – см. публикации П. Хайду, Х. Катц, Т. Лехтисало.³

К числу значимых публикаций, содержащих селькупские фольклорные тексты, относятся также сборники фольклора на русском и на селькупско-русском языке: «Сказки народов Севера» (1959)⁴, «Сказки нарымских селькупов» (1996)⁵.

Кроме того, записи фольклорных текстов присутствуют в некоторых Приложениях к различным селькуповедческим монографиям – Г.И. Пелих

¹ Кузьмина А.И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. Вып. 2. Новосибирск, 1967. С. 267–329. [селькупские фольклорные тексты и переводы на селькупский язык фрагментов русских литературных произведений].

Беккер Э.Г. Селькупские тексты // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980. С. 55–71. [2 фольклорных текста].

Быконя В.В. Сказка и бытовые тексты (Напас, р. Тым) // Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 4. Томск, 1981. С. 137–139. [3 текста].

Морев Ю.А. Селькупские тексты (Нельмач) // Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 4. Томск, 1981. С. 122–131. [3 сказки].

Купер Ш.Ц., Максимова Н.П. Образец фольклора кетских селькупов // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 154–168. [1 фольклорный текст].

² Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. Москва, 1993. С. 8–88. [28 фольклорных текстов на селькупском языке (северные диалекты)].

³ Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1968; 1982. 239. (Szölkupchrestomathia: p. 121–172; 205–209). [8 селькупских фольклорных текстов с переводом на венгерский язык; перепубликация]. Онже. Die erste sölkupische Fibel aus dem Jahre 1879 // Studia Uralo-Altaica 2. Szeged, 1973. [переиздание Азбуки Н.П. Григоровского, в том числе – все фольклорные тексты на селькупском языке].

Katz H. Selkupica III. Castrens nordselkupische Lieder // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Bd.18. München, 1986. 90 s. [перепубликация 4 североселькупских песен из материалов А. Кастрена]. Онже. Selkupica IV. Die Märchen in Grigorovskis Azbuka. (Transkription, Übersetzung, Kommentar) // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Bd.20. München, 1987. 101. [перепубликация 4 селькупских сказок из Азбуки Н.П. Григоровского].

Lehtisalo T. Castren M.A. Samojedische Volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 83. Helsinki, 1940 [Ostjak-Samojedische: S. 305–343].

Ким А.А. К истории изучения южноселькупского фольклора: тымские материалы Л. Сабо // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность. Томск, 2002. С. 204–206. [перепубликация двух фольклорных текстов, записанных Л. Сабо].

⁴ Сказки народов Севера. Москва; Ленинград, 1959. С. 143–170. [10 селькупских сказок на русском языке из записей Г.Н. Прокофьева, Е.Д. Прокофьевой, Л.А. Варковицкой].

⁵ Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык). Томск, 1996. 191 с. [18 фольклорных текстов].

(1972)¹, И.Н. Гемуева (1984)², А.А. Ким (1997)³; и как вкрапления – в монографические исследования: Г.И. Пелих (1972, 1981)⁴, А.В. Головнёв (1995)⁵.

Архивные фольклорные материалы. Помимо выявления опубликованных текстов селькупского фольклора шла работа по поиску аутентичных фольклорных текстов в неопубликованных материалах – архивных собраниях исследователей-селькуповедов, краеведов, знатоков селькупского языка (о результатах данной работы – см. Приложение Б).

Также в качестве источниковедческой подготовки для проведения данного исследования была осуществлена работа по первичному разбору и описанию рукописного архива по селькупскому языку лингвиста А.И. Кузьминой, который она передала в Институт финноугроведения/уралистики Гамбургского университета (IFUU HU)⁶. В ходе составления описи архива были выявлены фольклорные тексты, входящие в данное собрание, часть из которых (прежде всего, тексты с героем Итя) была подготовлена к публикации.

В качестве подготовительной работы по проведению исследования диссертантом был собран и подготовлен к публикации (совместно с лингвистом-самоедологом Б. Вагнер-Надь) сборник фольклорных текстов с героем Итя на селькупском языке (с переводом на русский и немецкий языки)⁷. Тексты из этого сборника представлены в Приложении Г к данной диссертации. В нем собрано 60 текстов с героем Итя (или его субститутами): 14 текстов в данном сборнике были опубликованы впервые; предварительно они были выявлены в различных архивных собраниях (главным образом, это собрания Л.А. Варковицкой (Москва), А.И. Кузьминой (Гамбург), тома по селькупскому языку ЛЯНС ТГПУ (Томск)).

¹ Пелих Г.И. Приложение 1 Селькупские сказки // Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 319–359. [48 селькупских фольклорных текстов на русском языке].

² Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX–XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с. (Приложение).

³ Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 219 с. [23 текста на селькупском языке в приложении].

⁴ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.; Она же. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 177 с.

⁵ Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с. [Селькупы: с. 134–142; 231–258; 329–349; 494–528].

⁶ О содержании архива А.И. Кузьминой см.: Тучкова Н.А., Хелимский Е.А. О материалах А.И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010. (Приложение 3 – Образцы фольклорных текстов из материалов А.И. Кузьминой: Текст №1 Итека; Текст №2 Ите добывает Отца-Рыбу-Мать Рыбу; Текст №3 Итя живёт на червяном мысу; Текст №4 Маркынча).

⁷ Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск, 2015. 336 с.

Периодическая печать. В работе использованы фольклорные тексты, опубликованные, в том числе, и в периодических изданиях: в газете «Томские губернские ведомости» (1882–1883 гг.) – публикации сказок из записей Н.П. Григоровского¹.

Также для поиска фольклорного материала были просмотрены журналы «Северная Азия» (№№1–12 за 1929 год) и «Охотник и рыбак Сибири» (1931–1935 гг.). Были выявлены фольклорные тексты на русском языке и некоторые этнографические описания различных аспектов культуры селькупов разных локальных групп (главным образом – северных селькупов).

К изобразительным источникам отнесены картографические материалы.

Научная новизна исследования. Обобщен опыт предшественников по использованию селькупского фольклора как историко-этнографического источника и подведены итоги имеющихся на сегодня этнографических и лингвистических исследований о локальных группах и этнической истории селькупов.

Впервые были систематизированы известные у селькупов тексты с единым и самым популярным фольклорным героем – Итей. В процессе систематизации и маркировки сюжетов и мотивов был создан «Указатель сюжетов и сюжетных групп» с данным героем. На этой основе установлен факт распространения сюжетов с указанным героем во всех (за небольшим исключением) локальных группах селькупов, что указывает на общность процессов, которыми были охвачены все подгруппы селькупского этноса. С другой стороны, именно широкое (всеселькупское) распространение Итя-сюжетов позволило автору выявлять локальную разницу, которая сложилась между отдельными группами селькупов.

Разработан и применен на практике (апробирован) новый метод работы с фольклорным материалом – метод «ареальной фольклористики», позволивший выявить ареалы распространения сюжетов, что, в свою очередь, позволило

¹ Григоровский Н.П. Предание нарымских инородцев о созвездии «Лось» // Томские губернские ведомости №31. 1882.; Он же. Сказка о двух коровах у обских инородцев // Томские губернские ведомости №21. 1883. Он же. Итя (сказка обских самоедов) // Томские губернские ведомости. №24. 1883.

сделать ряд выводов этноисторического характера – о культурных контактах и этнических связях между разными локальными группами этноса.

Впервые был рассмотрен вопрос корреляции этапов этнической истории селькупов и фольклорного материала, выявлена корреляционная зависимость между фольклорным фондом локальных групп селькупов и их этнокультурными контактами: чем плотнее контакты – тем больше сходство как самих сюжетов, так и их составных элементов – мотивов.

Также впервые было сделано описание материальной и духовной культуры селькупов по фольклорным материалам и дан её анализ с точки зрения их этнической истории.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. В результате проведенного исследования подтверждена значимость теории этноса и этнических процессов, разработанная видными ответственными этнологами: Ю.В. Бромлеем, М.В. Крюковым, Н.Н. Чебоксаровым, Р.Ш. Джарылгасиновой и др., для понимания формирования этнографической карты планеты в историческом контексте. Углублен тезис о важности рассмотрения разных видов внутриэтнических процессов в ходе формирования этноса. Теоретическая значимость заключается в возможности использования фольклорного материала для реконструкции этнической истории селькупов. Кроме того, фольклорные материалы свидетельствуют о трансформации селькупской культуры на протяжении русского периода в направлении развития вербального ее аспекта. Формы невербальной коммуникации, как приоритетные, четко прослеживаются в фольклорном наследии селькупов. Распространение фольклорных сюжетов показывает, что в дорусский период селькупы не существовали как консолидированная общность, однако имелись серьезные причины для их быстрого объединения в условиях внешней опасности.

В ходе работы были апробированы на селькупском фольклорном материале новые современные методы – метод корпусной фольклористики, позволивший извлекать из фольклорного нарратива значительный объем этнографической и историко-культурной информации, а также метод ареальной фольклористики,

показавший свою значительную продуктивность для получения исторически значимых данных. Оба метода могут быть применены на любой другой фольклорной традиции с целью выявления этнографических (этнокультурных) особенностей и нюансов этнической истории любого этноса.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении и типологизации селькупского фольклора, как важнейшего элемента селькупской этнической культуры, издание селькупских сказок и бытового фольклора для поддержания селькупской культуры и идентичности.

Собранный и систематизированный материал может быть использован в преподавательской работе, как региональный компонент в школах с селькупскими учащимися, в музейно-выставочной работе, как иллюстрация нематериального наследия селькупов, а также в разработке сценариев селькупских праздников.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов определяется репрезентативностью источниковой базы исследования: это путевые отчеты XVII–XIX вв., лингвистические источники, археологические и топонимические материалы, а также опубликованные и неопубликованные (выявленные в составе различных архивных собраний) фольклорные тексты селькупов. К исследованию привлекался только аутентичный селькупский фольклор.

Использованные методы (сравнительно-исторический, сопоставительный, метод корпусной и ареальной фольклористики и др.), применённые как к материалам по этнической истории селькупов, так и к фольклорному материалу, позволили автору верифицировать выводы разных исследовательских направлений. Приложения к тексту диссертации подтверждают достоверность результатов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Выявленный автором объём селькупского фольклорного нарратива (около 500 ед. фольклорных текстов) является весьма репрезентативной источниковой базой для проведения исторических и этнографических

исследований. Спецификой жанрового состава селькупского фольклора является слабая представленность исторических преданий, что затрудняет проведение исследований в рамках направления «конкретного историзма».

2. Апробированный автором корпусный подход к работе с фольклорным материалом позволил достаточно детально охарактеризовать этнографический облик культуры селькупов исключительно по фольклорным источникам. При этом был установлен факт архаичности этого облика, глубину которой можно оценить в диапазоне 0,5–2 столетий от времени фиксации текста.

3. Автором установлено, что представители разных научных дисциплин неодинаково оценивали степень дифференциации лингвистических и этнокультурных данных о селькупках. Для лингвистов селькупы – это изначально автономные диалектно-локальные группы, составлявшие языковой континуум, что означает отсутствие единого селькупского языка. Историки (этнографы), напротив, предполагали изначально целостность селькупов с последующей дивергенцией, приведшей к выделению северных (тазовско-туруханских) селькупов из состава южных (нарымских). Разные подходы к классифицированию селькупского материала влекли за собой построение принципиально разных гипотез о происхождении селькупов.

4. Фольклорный материал отражает и подтверждает наличие глубокой локальной раздробленности селькупов, как следствие сложности их этногенеза. Выявляется **5 ареалов** распространения наиболее широко известных среди селькупов сказочных сюжетов: среднетазовский, туруханский, верхне-среднекетский, среднеобской (иванкинский) и тымско-васюганский. Вывод получен на основе классификации, маркировки и анализа наиболее популярного пласта селькупского фольклора – текстов с героем Итя.

5. Соотнесение ареалов распространения фольклорных сюжетов с ареалами расселения локальных групп селькупов позволило обнаружить фольклорные связи между группами, что отражает миграционные процессы внутри селькупского сообщества. Благодаря этому удалось подтвердить предположение исследователей о заметной роли кетских селькупов в

формировании как северных селькупов, особенно туруханской локальной группы, так и обских шёшкупов.

6. Применение разработанного диссертантом ареального метода к распространению сюжетов на внутриэтническом уровне позволило получить вывод о значительной изолированности фольклорного фонда селькупов центрального диалектно-локального ареала относительно фольклора южного и северного диалектно-локальных ареалов.

7. Несмотря на известные сложности с выявлением исторически достоверного материала из текстов фольклорных произведений, на селькупском материале была подтверждена сама возможность фольклора быть носителем исторической информации и являться репрезентативным историческим источником. Показана достаточно высокая степень корреляции данных фольклора селькупов (даже при слабом развитии жанра исторических преданий) и их этнической истории. Однако фольклорный материал дает ценные уточняющие детали к этногенезу (в данном случае – к этногенезу селькупов), а полноценную реконструкцию этногенетических процессов с опорой только на фольклорный материал построить крайне сложно.

8. Опираясь на этнографические, лингвистические и исторические материалы автор предлагает свою картину формирования селькупов, в основе которой лежит идея о наличии в составе прасамодийцев двух основных самостоятельных древних групп – будущих «центральных» и «южных» селькупов. Возможно, у этих групп существовал период соразвития в относительно близком географическом пространстве, но Приобье они осваивали разными миграционными путями. Центральные селькупы вышли к Оби с запада (с истоков Чижепки, Чузика и Кёнки через Васюган и Парабель), а южные продвигались с верховий Кети на Обь, затем по Оби до устья Чулыма. Кроме того, существовала еще одна группа – «крайне южные селькупы», спустившаяся от устья Томи по Оби до устья Чаи и Чулыма. Вероятно, именно это «встречное» движение по Оби создало зону интенсивного смешения языковых и культурных данных в Нарымском Приобье. В конце I – начале II тыс. группы селькупов уже

прочно закрепились в том ареале, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства.

Публикации по теме исследования. Основные идеи, положения и выводы диссертационного исследования нашли свое отражение в 31 публикации, включая 15 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК (из них 1 статья в журнале, индексируемом Scopus), а также 4 статьи в научных журналах (в том числе 2 в зарубежном научном журнале *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* (Германия), по научному профилю диссертанта), 6 публикаций в сборниках материалов международных и российских научных конференций.

Апробация результатов исследования. Также результаты апробированы в выступлениях автора на международных конференциях (XXV–XXVIII-е Дульзоновские чтения (г. Томск: 2011 г.; 2014 г.; 2017 г.), на зарубежных международных конференциях по самодистике (г. Сегед, 2004, Будапешт, 2006, Гамбург, 2011); на XII Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Ижевск, 2017), на всероссийских научных конференциях (г. Томск, 2012, г. Томск, 2013, г. Новосибирск, 2018), а также на научно-практической конференции (с. Парабель, 2016, 2018), археолого-этнографической конференции (г. Томск, 2017).

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений, сгруппированных в четыре блока: А, Б, В, Г. Приложение Г является отдельным томом, и представляет собой собрание (корпус) фольклорных текстов селькупов (115 ед.).

Глава 1. Фольклор как источник по этнической истории (теоретико-методологическое основание исследования)

1.1. Историзм фольклорных произведений как научная проблема

Историческая наука и фольклористика: проблема взаимозависимости двух исследовательских дисциплин

Принято считать, что история и фольклористика удачно дополняют друг друга в исследовательском процессе. Для историков, безусловно, важными являются любые исторические сведения, которые фольклор доносит из глубины веков к берегам современности. В исторических исследованиях фактически как аксиома звучит тезис о том, что фольклор – ценный (ценнейший/бесценный) исторический источник. Данные фольклора особенно важны для реконструкции исторических событий тех этносов, которые до недавнего времени не имели своей письменной истории, поэтому любые исторические свидетельства в любой зафиксированной форме (в том числе – фольклорной) обладают для реконструкции их истории высокой аксиологической значимостью.

В целом историческая наука относится к фольклорному материалу и к выводам исследователей-фольклористов с глубоким интересом. При этом любой историк, как правило, хорошо понимает «относительность» исторических сведений, почерпнутых из фольклорных произведений, т.е. правило «критики источника» при работе с фольклорным материалом в исторических исследованиях обычно актуализировано на максимальном уровне.

Вместе с тем, как известно, фольклор (как результат народного творчества) обладает особым свойством «преломлять» события через «призму» художественного осмысления действительности, и это свойство не может радовать историков. Более того, «фольклор есть не сознательное художественное отражение действительности, но один из бессознательных способов установления с нею функциональных связей...»¹. Поэтому историкам приходится проявлять особые аналитические процедуры, чтобы разглядеть исторические события

¹ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. С. 179.

такими, какими они могли быть до их «прохождения» через эту специфическую «призму», т.е. приходится «вычленять и отбрасывать» (учитывать) то, что было привнесено в фольклорный текст как в художественное произведение законами жанра, творческой активностью или памятью рассказчика, а также любыми другими, искажающими реальность, моментами¹.

Если говорить об обратной связи: насколько фольклористика зависит от истории, то связь эта также очевидна. Фольклористика без исторических знаний, как минимум, близорука, и фольклористы, если они не имеют в своем багаже мощного исторического бэкграунда, даже видя следы исторических событий в фольклоре или исторический контекст, как правило, не могут его детально и глубоко интерпретировать. Все датировки в фольклоре (и иные привязки к реальности) становятся достоянием научного знания только в том случае, если найдены какие-либо подтверждающие сведения в исторических источниках.

Таким образом, как отметили исследователи феномена фольклорного историзма, «история и фольклор представляют собой органическое целое и могут быть поняты только лишь друг через друга»². Складывая усилия и методы двух научных дисциплин, исследователям иногда удается решать вопросы как в области филологии, так и в области истории, в том числе и в области этнической истории. Так, например, фольклорные материалы могут дать немало ценных сведений для реконструкции отдельных аспектов этнической истории любого народа. Они, с одной стороны, обеспечивают дополнительными аргументами доказательство этнических связей (при корреляции с данными иных наук – генетики, лингвистики, археологии, этнографии), и, напротив, если прямые связи между этносами не выявлены, то наличие общего фольклорного базиса может натолкнуть исследователей на необходимость специальных сопоставительных разысканий для объяснения причин такого сходства. При этом несовпадение фольклорного фонда близких этнических групп явно скажет специалисту о том,

¹ Однозначных указаний: что и как «отбрасывать», чему верить, а какие моменты отнести к творческому вымыслу – историки не выработали. Яркий пример, «легенды о кладях» (томский вариант – «кухтеринский клад»): проблему, как отделить фольклорную составляющую от реальных сведений, эти легенды породившие, каждый исследователь решает самостоятельно.

² Налепин А.Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике. Критический анализ // Фольклор, проблемы историзма. М.: Высшая школа, 1988. С. 51.

что необходим поиск причин появления такого несовпадения и, возможно, укажет направление этого поиска.

Уже на самых ранних этапах зарождения фольклористики вопрос о том, насколько история народа и его фольклор связаны, стоял во главе угла многих исследований. Особенно активно эта тема разрабатывалась в отечественной филологии. Однако еще в конце XIX в. А.Н. Веселовский, признавая высокую степень историчности фольклорных произведений, тем не менее, призвал разграничивать «историю летописную и историю эпическую»¹, тем самым обозначив особое исследовательское направление – «исследования фольклорного историзма».

В дальнейшем вопрос фольклорного историзма был буквально в фокусе исследовательских интересов в течение всего XX в. К настоящему моменту времени он имеет свою устоявшуюся библиографию и имена признанных теоретиков, внесших существенный вклад в его разработку, таких как В.Я. Пропп (1976, 1998)², Б.Н. Путилов (1975, 1976, 1986)³, Е.М. Мелетинский (1963, 1964, 1970, 1977)⁴, В.М. Жирмунский (1967, 1974)⁵, С.Ю. Неклюдов (1984)⁶, В.М. Гацак (1980, 1989)⁷. Все эти авторы считали, что фольклор действительно хранит и содержит в себе историческую информацию, хотя транслирует он её по-особому – в соответствии с законами функционирования произведений устного народного

¹ Гацак В.М. Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.

² Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с. Он же. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Он же. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 185–208.

³ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 164–181. Он же. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с. Он же. Фольклорный процесс и этническая история народов Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 15–22.

⁴ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. 464 с.; Он же. Первобытное наследие в архаических эпосах // Материалы VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 12 с. Он же. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 186–198. Он же. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 23–41.

⁵ Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967. С. 283–289. Он же. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.

⁶ Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.

⁷ Гацак В.М. Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980. С. 8–47. Он же. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.

творчества. Обзор теоретических работ и анализ взглядов отдельных авторов по вопросу историзма фольклорных произведений – см. Варламов (2011)¹.

Таким образом, в отечественной фольклористике укрепился тезис о том, что фактически все явления фольклора имеют «историческую обусловленность», во всех фольклорных текстах (с большей или меньшей степенью) есть наличие «примет породившего их периода истории»².

Если тезис о том, что любое произведение искусства, в том числе и фольклорное, уходит своими корнями в историческую действительность, и задача исследователя – найти следы (отпечатки) этой действительности в том фольклорном материале, который он изучает, в настоящее время не нуждается в доказательстве (воспринимается фактически как аксиома), то проистекающий из данного тезиса вопрос о том, *как именно и в чем именно* отражается в фольклоре исторический процесс – однозначного и исчерпывающего ответа у исследователей не имеет до сих пор. По мнению В.Я. Проппа, в фольклористике к сер. XX в. сформировалось два течения (исследовательских направления/подхода). Одно из них – «с установкой на событие» – «продолжает то понимание истории и исторических отражений, которое выработалось еще в досоветской науке»³. История в нем понимается как цепь событий, вызванных действиями людей. События всегда можно датировать. В рамках этого направления историческая основа фольклора понимается в том смысле, что в фольклоре изображаются исторические события и исторические личности. «Задача исследователя состоит в том, чтобы показать, какие события и какие исторические личности нашли отражение в отдельных памятниках фольклора, и, соответственно, датировать их»⁴.

Другое направление исходит из более широкого понимания истории и её более всеобъемлющего влияния на фольклор. В рамках данного направления

¹ Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: автореф.... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. С. 3–15.

² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. С.104.

³ Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 185.

⁴ Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 116.

строго дифференцируют жанры фольклорных произведений. Актуальным является тезис о том, что историческая основа жанров различна. Есть жанры, для которых трактовка фольклора как «художественно видоизменённое изображение событий и лиц» вполне возможна (например, в исторических преданиях), для других жанров такое узкое понимание отражения истории в фольклоре недостаточно¹.

В рамках второго направления важным (основополагающим) является тезис о том, что «движущей силой истории является сам народ ... С этой точки зрения все, что происходит с народом во все эпохи его жизни, так или иначе относится к области истории»². Таким образом, фольклор как часть народной культуры, так же историчен, как и любые другие аспекты его культуры. При таком подходе отражение истории в фольклорных текстах рассматривается не прямолинейно, а опосредованно – через детали, формы быта, разнообразные приметы времени (штрихи исторических эпох), включая исторически обусловленные особенности языка фольклорных произведений и т.п. Как поясняет В.Я. Пропп, «основное внимание следует обращать на то, что мы называем базисом; прежде всего это формы труда, для фольклора феодальной эпохи – особенно формы крестьянского труда. Развитием форм труда, в конечном счете, объясняется развитие форм и типов мышления и форм художественного творчества. Область истории охватывает историю социальных форм и социальных отношений вплоть до мельчайших деталей бытового порядка...»³.

Идею о двух подходах к фольклорному историзму в отечественной филологии на сегодняшний день можно считать общепринятой. На современном этапе развития науки ряд авторов обозначают эти подходы как определение историзма «в широком и узком значении» (см.: Чистов (1986); Варламов (2009))⁴. Историзм в «широком» значении приложим в большей степени к эпическому

¹ Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 116.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 117.

⁴ Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. №6 (57). 2009. С. 126–127; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 306 с.

жанру. Второе [узкое] значение термина [по Проппу – это «первое» направление] «подразумевает конкретный историзм, т.е. народную историческую память, отобразившуюся в фольклоре с той или иной степенью конкретности – соответственно жанровой и видовой специфике»¹. Как считает А.Н. Варламов, «конкретный историзм наиболее характерен для исторических преданий и исторических песен и подразумевает возможность присутствия достаточно точных исторических сведений в фольклорном тексте»².

Оба направления породили круги исследовательских публикаций, внесших свои оттенки в понимание данного явления.

Исследования в направлении «конкретного историзма» на фольклорном материале сибирских этносов

Исследовательская работа в области «конкретного историзма» шла по пути выявления реальных связей между историческими событиями и фольклорными текстами. Такой метод был весьма актуален еще в XIX в., и как пишет А.Н. Варламов, его использовали приверженцы европейской «исторической» фольклорной школы, выдвинувшие тезис об исторической достоверности эпоса. В России сторонниками этого метода были В.Ф. Миллер, М.Н. Сперанский, А.В. Марков, Н.П. Дашкевич, Л.Н. Майков и др. Исследователи этого направления сопоставляли эпос с документальными источниками, обнаруживая прямые взаимосвязи событий и персонажей в фольклоре с историческими событиями и реальными историческими лицами³. Критикуя этот метод применительно к изучению крупных эпических произведений, отечественные фольклористы (и некоторые историки) считали его вполне приемлемым при исследовании исторических преданий.

Именно данное направление получило достаточно серьёзное развитие в исследованиях на материале фольклора некоторых сибирских народов. Особенно

¹ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. С. 104.

² Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. №6 (57). 2009. С. 127.

³ Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: автореф.... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. С. 6–7.

результативными в данном ключе были исследования на эвенкийском, хакасском, алтайском и кетском материале.

В тунгусоведении традиции исследования эвенкийского фольклора на предмет содержания в нем конкретных этноисторических сведений были заложены еще в середине XX в. исследованиями Г.М. Василевич (1966, 1972)¹ и М.Г. Воскобойникова (1969)².

Г.М. Василевич, анализируя материал эвенкийских исторических преданий, сделала вывод о том, что в их основе лежат реальные исторические факты. Предания изобилуют родовыми названиями, гидронимами и топонимами. Степень достоверности этих фактов исследователь оценила столь высокой, что смогла на их основе реконструировать этапы этногенеза эвенков. Сами предания она датировала XVI–XVIII вв., соответственно, часть событий, в них изложенных, соотнесла с данным периодом³. Наиболее исторически информативными, на ее взгляд, были предания, содержащие сведения о возникновении некоторых эвенкийских родов, а также сведения о межродовых и межплеменных столкновениях, причинами которых были территориальные споры, нужда, кровная месть, и, судя по фольклорному материалу, неудачное сватовство. Сопоставляя данные преданий и факты, упомянутые в исторических источниках, автор пришла к выводу, что в фольклорных текстах описаны реально происходившие события (например, многочисленные столкновения между эвенками Подкаменной и Нижней Тунгусок; столкновение рода Кунгногиров с подкаменно-тунгусскими эвенками в 1653 г.; противоборство нижнетунгусских Мучигиров с ангаро-илимско-ленскими Нялягирами в 1627 г. и т.д.)⁴.

Исторические исследования на фольклорном материале эвенков были продолжены и успешно развиты в конце XX в. – начале XXI в. Г.И. Варламовой

¹ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. / Сост. Г.М. Василевич. Л.: Наука, 1966. 400 с.; Она же. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 143–160.

² Воскобойников М.Г. Бытовые предания эвенков // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1969. С. 63–108.

³ Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 151.

⁴ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1966. С. 360–361.

(1994, 2004, 2007 а,б)¹ и А.Н. Варламовым (2009, 2009а, 2011)², также посвятившим свои исследования историзму эвенкийского фольклора. Г.И. Варламова, разделяя подходы Г.М. Василевич к эвенкийскому фольклору как к источнику исторической информации, выявила на основе анализа эпических и обрядовых фольклорных текстов взаимосвязь восточного направления путешествий одинокого эпического героя с историей расселения прототунгусов из Прибайкалья на Восток.

А.Н. Варламов, развивая этногенетическую концепцию Г.М. Василевич и верифицируя ее данными археологических, исторических, генетических, лингвистических исследований, формулирует гипотезу о зарождении прототунгусов в Прибайкалье-Забайкалье не позднее серовского этапа прибайкальского неолита. Глобальные миграционные процессы, охватившие древних тунгусов, по мнению А.Н. Варламова, были связаны с приобретением эвенками охотничьей культуры кочевого типа. Основными направлениями первичных миграций древних тунгусов, автор обозначает восточное и северное³.

На материале исторических преданий алтайцев (алтай-кижи) этнологом Л.И. Шерстовой были проведены сравнительно-сопоставительные исследования (фольклорный материал сопоставлялся с данными исторических документов) и была выявлена достаточно существенная степень корреляции этих данных. Так, помимо полностью мифологизированного Ойрот-хана (собирательный фольклорный образ идеализированного правителя), они донесли до наших дней достаточно достоверные сведения о действительных исторических персонажах – джунгарских властителях Лоузен-Шуну, Галдан-Ойрот-хана, Амыр-Сана-Ойрот-

¹ Варламова Г.И. Фольклорная версия этногенеза эвенков // Устный эпос: проблемы истории, теории и сказительства. Якутск, 1994. С. 43–45. Она же. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 186 с. Она же. От мифа к сказке // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007а. С. 15–32. Она же. Женщина в традиционном эвенкийском обществе и фольклоре // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007б. С. 149–155.

² Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. №6 (57). 2009. С. 126–131. Он же. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №107. 2009. С. 112–119. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: дис... д-ра филологич. н. Якутск, 2011. 430 с.

³ Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. №6 (57). 2009. С. 126–131.

хана, Галдан-Цэрэна и др., пусть и «затронутых процессом канонизации»¹. Например, исследователем было выявлено, что историческим прототипом героя алтайских легенд Шуну являлась реальная историческая личность XVIII в. – Лоузен (Лоубзан)-Шюню, или Шуну, внук Аюки-хана, сын Цэван-Рабатана, сводный брат Галдан-Цэрэна. После смерти отца Шуну из-за дворцовых интриг он вынужден был бежать на Волгу, к калмыкам, а затем в Россию². Кроме того, была доказана особая значимость исторических преданий для формирования религиозного мировоззрения и этнической идентичности алтайцев. На рубеже XIX–XX вв., с началом бурханистского движения, охватившего алтайцев, «они были актуализированы этническими запросами нового этноса»³.

Не менее плодотворными и результативными были конкретные этноисторические исследования на материале *хакасских исторических преданий – кип-чоохов*. Эта работа была осуществлена В.Я. Бутанаевым (1976, 1979, 1981, 1989, 2010)⁴ и И.И. Бутанаевой (2000)⁵. В диссертационном исследовании «Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа» (2000) И.И. Бутанаева представила более 300 исторических преданий хакасов, значительная часть которых впервые была введена в научный оборот. Основная масса преданий была отнесена ею к эпохе монгольского владычества (*моол хан тузы*) и события, в них изложенные, отражают взаимоотношения Монголо-Джунгарских ханств с Хонгораем.

¹ Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 204.

² Там же. С. 201.

³ Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 204.

⁴ Бутанаев В.Я. К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов по данным исторического фольклора // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 201–206. Он же. Об этногенетических связях хакасов с енисейскими киргизами: по материалам хакасского исторического фольклора // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 150–153. Он же. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье: по материалам фольклора // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 188–197. Он же. Историческая судьба енисейских киргизов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. С. 66–67.

Бутанаев В.Я. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды, предания. Абакан, 2010. 240 с.

⁵ Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа. автореф. дис... к.и.н.. Новосибирск, 2000. 24 с.

В совместной монографии (2008)¹ В.Я. Бутанаев и И.И. Бутанаева с опорой, прежде всего, на фольклорные данные освещают вопросы этнической истории хакасов. Времена хоногорайской государственности они датируют XV–XVI вв.² Кроме того, они произвели идентификацию некоторых фольклорных героев с известными персонажами реальной хакасской истории. Например, под фольклорным именем Оджен-бега, по мнению авторов, скрывается историческое имя кыргызского князя Еренака, погибшего в битве с монголами в 1687 г.; фольклорный герой Ханза-бег был соотнесен с историческим персонажем – кызыльцем шуйского рода по имени Канзачак, возглавившим в 1704 г. борьбу против русской администрации и т.д.³

Подобные исследования есть и на фольклорном материале иных этнических групп Сибири, например, на бурятском – см. Д.С. Будаева (2013)⁴, Л.Ц. Малзурова (2013)⁵.

В енисеистике в данном направлении наиболее показательна работа Р.В. Николаева «Фольклор и вопросы этнической истории кетов» (1985)⁶. Если конкретных исторических личностей, запечатленных в кетском фольклоре, ему выявить не удалось, то этапы их этногенетической истории (точнее – компонентный состав их этногенеза) на основе реконструируемых по фольклорным текстам нескольких культурно-хозяйственных типов данный автор выявляет вполне отчетливо: пешие охотники-рыболовы – «кайгуси» и персонажи сказаний об Альбе (условно «народ Альбы»); оленеводы-охотники, у которых на высоком уровне стояло кузнечное ремесло (условно «народ Дох‘а»); коневоды-земледельцы юга, следы которых прослеживаются менее отчетливо⁷. Также на основе фольклорных данных он смог сформулировать свою точку зрения

¹ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. 376 с.

² Там же. С. 34.

³ Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа. автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 24 с.; Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. С. 153–183. (Разделы: 3.2. Легендарные герои; 3.3. Исторические личности).

⁴ Будаев С.Д. Историзм в фольклоре монгольских народов (на материале бурятского устного народного творчества) // Фольклор монгольских народов: историческая действительность. Элиста, 2013. С. 179–184.

⁵ Малзурова Л.Ц. Историческая основа бурятских легенд и преданий // Фольклор монгольских народов: историческая действительность. Элиста, 2013. С. 200–212.

⁶ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 127 с.

⁷ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов, 1985. С. 74–75.

относительно территории «исхода» данных компонентов: по его мнению, фольклор однозначно указывает на юг. «Народы Альбы и Доһа», как и коневоды-земледельцы, пришли в тайгу с юга («сверху»)¹.

В *угроведении* этническую историю манси по фольклорным данным предпринимала попытки реконструировать Е.И. Ромбандеева². К решению некоторых этноисторических вопросов привлекали фольклор З.П. Соколова³, Н.В. Лукина⁴, В.М. Кулемзин, А.В. Головнёв⁵, А.М. Сагалаев, И.Н. Гемуев⁶, З. Надь⁷ и мн.др. Так, например, исследуя вопрос автохтонности васюганских хантов и выявляя этнические компоненты, участвовавшие в их формировании, Н.В. Лукина опиралась, в том числе, и на легенду, записанную В.М. Кулемзиным на Васюгане в 1970 г. о старухе, которая со своей семьей решила подняться вверх по Оби и попасть на Васюган, но она оказалась на притоке Васюгана – Нюрольке. Местное население её не приняло, так как она была для них «чужой». Тогда старуха принесла в дар духам поочередно сына, мужа, трёх дочерей и ручного лосенка. Места, где она совершила жертвоприношения, стали священными⁸ для хантов верховьев Васюгана. Легенда подтверждала тезис о присутствии некоего пришлого компонента в составе местной группы хантов. Также, анализируя легенды ваховских хантов, Н.В. Лукина использовала их данные для подтверждения информации о том, что на Вахе ханты появились относительно недавно: «До прихода русских они обитали на реке Ас-ях (Обь), близ города (Ват), где занимали обширные луга-соры (лар). ...У них было два брата богатыря, которые поссорились из-за золотых орлиных перьев, разошлись, и один богатырь остался «на больших сорах, у большой воды», где у него был город, а другой

¹ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов, 1985. С. 75.

² Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 208 с.

³ Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Вера и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–132.

⁴ Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 1972. С. 67–92. Она же. Некоторые вопросы этнической истории хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 158–161.

⁵ Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с.

⁶ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 175 с.

⁷ Надь З. Васюганские ханты: изменение религиозной системы в XIX–XXI веках. Томск, 2011. 294 с.

⁸ Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 1972. С. 82.

пошел на другую реку, и с ним пошла половина народа, которую стали звать Ватях (народ из города)»¹. Подобное историческое предание для реконструкции этнической истории селькупов и хантов использовал А.В. Головнёв².

На самодийском фольклорном материале (фольклоре *ненцев, энецев, нганасан*) изучение исторических преданий на предмет выявления данных, имеющих историческое значение, проводили Б.О. Долгих³, Л.В. Хомич⁴, В.И. Васильев⁵; в 1980–1990-е гг.: А.В. Головнёв⁶, Ю.Н. Квашнин⁷ и др.

Так, Б.О. Долгих с большим доверием относился к нганасанским и энецким историческим преданиям и считал, что они «почти лишены фантастики»; он полагал, что исторические и этногенетические предания нганасан (38 записей) – это «реалистические рассказы о прошлом, и если не всё там можно принять на веру, то не из-за наличия фантастических подробностей, а вследствие частого для фольклора смешения в одних преданиях событий, в действительности разделенных во времени, некоторого упрощения происшедших событий и слишком примитивной трактовки причин, эти события вызвавших, и их результатов»⁸.

Характеризуя выявленные исторические события, отраженные в нганасанских преданиях, он перечисляет следующие: «Ряд преданий рассказывает... о восстании 1666 г., о столкновении с ненцами, вероятно отчасти имея ввиду события 1679 г., хотя герой последних преданий Торуда, он же Тимихоти («Сломанный зуб», а в русских актах Щербак), жил, видимо, раньше, в 20–

¹ Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов, 1972. С. 83.

² Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 116–117.

³ Долгих Б.О. Бытовые рассказы энецев. // Труды Института этнографии. Т. 75. М., 1962. 244 с.; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энецев. М., 1970. 270 с.; Он же. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.

⁴ Хомич Л.В. Реальность и фантазия в фольклоре ненцев // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 142–149.

⁵ Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 133–175. Он же. Проблема формирования енисейских ненцев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 111–147. Он же. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 243 с. Он же. Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 3–7.

⁶ Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с.

⁷ Квашнин Ю.Н. Происхождение родов сибирских тундровых ненцев по данным фольклора // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 204–206.

⁸ Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 26.

30-е годы XVII в.»¹. Предания «О большом ненце-юраке» и «Братья Дярино» тоже посвящены нганасано-ненецким столкновениям...»². Несколько исторических преданий о богатыре, сыне Сойму, личности, «вероятно, тоже реальной, так как от него ведут свое происхождение некоторые нганасаны рода Линанчера», повествуют о столкновениях нганасан с эвенками. Среди этногенетических преданий – самое информативное – о происхождении племени авамских нганасан, т.е. «о переселении на Таймыр тавгов»³. Однако большинство преданий повествует о происхождении и событиях из истории отдельных нганасанских родов.

Также значительный объем преданий о происхождении ненецких родов был записан Ю.Н. Квашниным в экспедициях 1993–1996 г. в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Им было записано более 20 родовых преданий, которые исследователь разделил на 2 типа: те, в которых сообщается о происхождении конкретного рода (например, о появлении рода Евай, Лапсуй, Тэсида и др.); и те, в которых говорится о делении большого рода на более мелкие части – патронимии⁴. Как правило, в преданиях второго типа повествуется о том, как отец, наделяя сыновей некоторым количеством оленей (чтобы они откочевали самостоятельно на другую территорию), также наделял их и прозвищем, которое впоследствии становилось названием их патронимии, а в ряде случаев – и названием новых родов: Нгокотэтто – «Многооленный», Сэротэтто – «Имеющий белых оленей», Ламдо – «Низкорослый», Сэрпи́ва – «Белые пимы», Тэсида – «Безоленный», Яднэ – «Пешеходный».

Так, предание о происхождении родов Лапсуй и Тэсида рассказывает о старике, который, спасая своих сыновей от врагов, одного спрятал в оттаявшую яму под костром и прихлопнул плоским листом железа, а другого отправил в тундру пешком без оленей. После того, как беда миновала и сыновья вернулись к

¹ Догих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. 1976. С. 26–27.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 26.

⁴ Квашнин Ю.Н. Происхождение родов сибирских тундровых ненцев по данным фольклора // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 204–206.

отцу, он дал им прозвища – Лапсуй («плоский, приплюснутый») и Тэсида («безоленный»)¹.

Однако скептики считают, что такие рассказы являются «народной этимологией», появляющейся позднее, чем случается факт разделения рода, и они не всегда отражают реальные исторические события (особенно в случае со старыми родовыми подразделениями, такими как Харючи, Вануйто, Бай, Самату и др.).

В данном случае не стоит задача сделать обзор всех, известных на сегодняшний день, исследовательских опытов в направлении «конкретного историзма» на материале народов Сибири. Выявленная подборка красноречиво свидетельствует, что данное направление, безусловно, «работает», и является вполне результативным. Однако при одном непереносимом условии: если в исследуемой этнической фольклорной традиции развит жанр исторических преданий; а также при дополнительном условии: если эти исторические предания оказались качественно зафиксированы исследователями – записаны (и – желательно, опубликованы) с должной атрибутивной информацией.

Следует подчеркнуть, что фольклорная традиция не каждого этноса обладает развитым жанром исторических преданий, тем более, не для каждого сибирского этноса они оказались хорошо (квалифицированно) записанными. Как раз селькупский фольклор не богат текстами собственно исторических преданий. Однако исследования в данном направлении (и весьма успешные) проводились и на селькупском фольклорном материале – подробнее об этом см. ниже (раздел 1.4.).

Исследования фольклора сибирских народов с позиций «широкого» понимания историзма: стадийность в развитии эпического фольклорного текста

Как уже было отмечено, историзм в «широком» значении приложим в большей степени к эпическому жанру и сопряжен, как правило, с обязательным

¹ Квашнин Ю.Н. Происхождение родов сибирских тундровых ненцев по данным фольклора // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 205.

применением сравнительно-типологического метода исследования, который предполагает помещение фольклорного текста «в более широкий типологический ряд и выявление исторических, семантических и морфологических подобий»¹.

Не касаясь всех аспектов типологии фольклорного историзма в «широком» значении, отметим лишь, что в рамках данного подхода исследователей волнуют, прежде всего, следующие вопросы: как время создания эпоса и разные эпохи, в которых этот эпос существовал, повлияли на эпический материал; какие штрихи каждая эпоха оставила в ткани эпического произведения, и какие типологические уровни развития эпоса присутствуют в его текстах.

Наиболее известные на сибирском фольклорном материале исследования в данном ключе – это исследования *якутского олонхо*. Усилиями целой плеяды известных фольклористов – С.В. Ястремского², И.В. Пухова³, Г.У. Эргиса (1974)⁴, С.Е. Малова⁵, В.М. Никифорова⁶ и др. – были выявлены основные этапы генезиса данного эпоса.

Так, фольклористу В.М. Никифорову удалось выделить на основе анализа системы образов героев олонхо (а также сюжетов и мотивов с их участием) следы разных эпох: туранскую стадию, хунно-китайский период, теле-уйгурскую эру, древнетюркское время, «век кыргызов», монгольский период, урянхайский период⁷. Таким образом, с одной стороны, были выделены этапы формирования эпоса; с другой, для каждого этапа были выявлены и охарактеризованы формы трансформации этой древнейшей эпической традиции.

Подробнее об историзме крупных эпических произведений см. ниже (раздел Сравнительно-типологические исследования фольклора).

«Фольклор и этнография»: историко-этнографические исследования на фольклорном материале

¹ Неклюдов С.Ю. Типологические исследования в фольклористике (вводная лекция) <http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm>

² Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929. 226 с.

³ Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М., 1962. 255 с.

⁴ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.; Пухов И.В., Эргис Г.У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллуустуур: Якутское олонхо. М., 1985. С. 544-578. (Эпос народов СССР).

⁵ Малов С.Е. Предисловие // Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929.

⁶ Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.

⁷ Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Новосибирск: Наука, 2002. С. 206–207.

Одним из вариантов «узкого подхода» к фольклорному тексту (с задачей поиска «конкретной» этнографической информации), но при этом с исследовательским акцентом на контекст фольклорного текста, а не на структуру сюжета или состав образов), можно считать особое направление, известное в публикациях отечественных филологов и этнографов как «фольклор и этнография» или этнофольклористика.

Образцами успешных этнографических исследований, построенных на фольклорных источниках, богато отечественное и зарубежное угроведение. Именно на фольклорном материале создавал свой труд «Vogul népköltésigýűtemény» Б. Мункачи¹, посвященный мировоззрению обских угров; К.Ф. Карьялайнен – трехтомное исследование «Религия югорских народов»²; С.К. Патканов³ – реконструировал эпоху «военной демократии» хантов на основе их героических сказаний; В.Н. Чернецов⁴ – социальную организацию обских угров; С.В. Бахрушин⁵ – их военно-политическое устройство. В 1980–1990-е гг. также в значительной степени с опорой на фольклорный материал проводили исследования мировоззрения хантов В.М. Кулемзин⁶, Татьяна Молданова⁷, Тимофей Молданов⁸, А.В. Бауло⁹; и манси – А.М. Сагалаев, И.Н. Гемуев¹⁰. Особенно насыщена фольклорным материалом работа И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.И. Соловьёва «Легенды и были таежного края» (1989).

¹Munkácsi B. *Vogul népköltésigýűtemény*. II/2. Istenek hösi énekei, regéi és idesö igei. Budapest, 1910-1921.

²Karjalainen K.F. *Die Religion der Jugra-Völker*. Helsinki-Porvoo, 1921. I; 1922. II; 1927. III.

³Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая старина. 1891. №3. 35–116; Он же. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 75 с.

⁴Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. №2. С. 20-42.

⁵Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII // Бахрушин С.В. Научные труды. Л., 1955. Т. 3., Ч. 2. С. 86-152.

⁶Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.

⁷Молданова Татьяна. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. 351 с.

⁸Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ. Томск, 1999. 141 с.; Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Боги земли казымской. Томск, 2000. 111 с.

⁹Бауло А.А. Ритуальные пояса обских угров // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 56–62; Бауло А.В. Ритуальные колчаны обских угров // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 36–39. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

¹⁰Мифология манси. / Авторы: А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. / Научн. ред. И.Н. Гемуев, В.В. Напольских. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Т. 2. Новосибирск, 2001. 196 с.; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – нач. XX вв. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 175 с.

Обзор взглядов различных исследователей на соотношение дисциплин – этнографии и фольклора, и публикаций в данном исследовательском направлении, основанных на обско-угорском фольклорном материале – см.: Ким А.А. (2007)¹.

Поиском конкретной этнографической информации из контекста фольклорных произведений – исторических преданий хакасов – занимались также В.Я. Бутанаев и И.И. Бутанаева. В совместной монографии «Мир хонгорского (хакасского) фольклора» (2008)² на основе описаний, представленных в героических сказаниях и исторических преданиях, ими была выявлена и охарактеризована социальная структура хакасского общества и основы государственного устройства, а также этнографические традиции, характеризующие культуру хакасов монголо-джунгарского периода. Например, согласно кип-чоохам, при братании мужчины обменивались своими конями и стремянами, имевшими в их жизни сакральное значение. При рождении мальчика ему посвящался жеребенок и к его колыбели привязывались стрелы, выполнявшие охранительную функцию. Судя по историческому фольклору, на берегах Среднего Енисея с древних времен бытовала традиционная борьба *курес*³. Городов и даже уличных кварталов фольклор не упоминает, население вело полукочевое хозяйство и жило в степи. Легендарные герои узнают своих сородичей, оказавшихся угнанными в Монголию, по характерному хакасскому платью. Отсюда следует, что уже в эпоху средневековья существовал хакасский национальный костюм. Мужчины обычно носят прическу в виде косички, также игравшей роль этнопоказательного маркёра⁴.

Также весьма детальный разбор этнографических сведений, выявляющихся по данным *кетского фольклора*, был сделан Р.В. Николаевым, который писал следующее: «Если в изучении экономики кетов в прошлом базироваться на данных фольклора, то перед нами возникает типичная картина жизни пеших

¹ Ким Ант.А. Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии. Дис... канд.ист.наук. Томск, 2007.

² Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. 376 с.

³ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. С. 57-65 (Гл. «Вооружение и боевое искусство»).

⁴ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. С. 65-79.

таежных охотников и рыболовов. Охотились преимущественно зимой на оленя, лося, а также на пушного зверя, мясо которого употребляли в пищу»¹.

Герои сказок в лес идут обычно небольшими группами, три – семь человек, при этом один из них (поочередно) оставался на стоянке, остальные – промышляли. Оставшийся готовил пищу для товарищей, изготавливал и чинил охотничье снаряжение. В тайге каждый охотник обычно промышлял на своей «дороге», и только в конце дня они собирались вместе².

Оленеводство кетов, если следовать объяснениям текстов кетского фольклора, было у них заимствованным. От Бога, который бросал оленей разным народам, они его не получили (их олень убежал). Однако Р.В. Николаев допускает, что какие-то группы, вошедшие в состав предков кетов, занимались оленеводством, но чаще кеты захватывали оленей у самодийцев или эвенков во время военных столкновений³.

Интересный штрих, характеризующий кетскую культуру: данные фольклора упоминают о кузнечном ремесле, известном кетам: «Теперь они (сородичи кайгуся) на край леса вниз спустились, листовенничный мыс срубили, пять человек вниз сходили, листовенничные угли зажгли, чтобы ковать. Некоторые глину таскали, чтобы плавильную печь сделать; сделали печь, ковать стали, железо ковать стали, панцири сделали, на (долю) пяти человек сделали»⁴. Описания плавильной печи и факта самостоятельнойковки – это не единичное упоминание, а факт, неоднократно отмеченный в кетском фольклоре (тексты о Сясинкусе, о Силеке).

По этнографии *обских угров (хантов и манси)* с фольклором как с источником информации работали С.К. Патканов⁵, З.П. Соколова⁶, Н.В. Лукина¹,

¹ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. С. 55.

² Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. С. 56.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ Там же. С. 62. Текст из кн.: Дульзон А.П. Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964. С. 155.

⁵ Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 75 с.; Он же. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 35–116.

⁶ Соколова З.П. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // Советская этнография. 1975. №5. С. 42–52. Она же. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–132.

В.М. Кулемзин², Е.И. Ромбандеева³, Е.В. Первалова⁴, Т.А. Молданов⁵, Т.А. Молданова⁶ и мн. др. исследователи. Особенно значительно по материалам фольклора реконструировалась духовная культура и традиционное мировоззрение хантов разных групп: фактически почти все публикации, посвященные вопросам религии и мировоззрению угров, не обходились без привлечения фольклорного материала в качестве одного из основных источников по данному вопросу. Так, например, в работе Тимофея и Татьяны Молдановых «Боги земли казымской» (2000) по песням, исполняемым на традиционных праздниках, реконструируется пантеон богов казымской группы хантов и, соответственно, основные координаты мировоззрения этого народа. Основой для написания многих словарных статей в «Мифологии коми» (1999), «Мифологии хантов» (2000) и «Мифологии манси» (2001)⁷ также в значительной степени являлись фольклорные материалы.

Таким образом, можно констатировать, что данное исследовательское направление – «Фольклор и этнография», в период конца XIX–XX вв. оказалось активно развивающимся как в рамках фольклористики (как филологической дисциплины), так и в рамках этнографических (этнологических) исследований.

1.2. Сравнительная фольклористика и её вклад в реконструкцию этноисторических процессов

Помимо анализа конкретных фольклорных текстов и выявления в них под разным углом зрения всевозможной исторической (историко-культурной)

¹ Лукина Н.В. Некоторые вопросы этнической истории хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 158–161. Она же. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 5–57.

² Кулемзин В.М. Человек и природу в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.

³ Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 208 с.

⁴ Первалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 85–97.; Она же. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.

⁵ Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ. Томск, 1999. 141 с.

⁶ Молданова Татьяна. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001; Молданов Т., Молданова Т. Боги земли казымской. Томск, 2000. 114 с.

⁷ Мифология коми. / Авторы: Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина, П.Ф. Лимеров, О.И. Уляшев, Ю.П. Шабает, В.Э. Шарапов. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Т.1. Москва-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.

Мифология манси. / Авторы: А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Т. 2. Новосибирск, 2001. 196 с.

Мифология хантов. / Авторы: Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Т. 3. Томск, 2000. 310 с.

информации, в фольклористике существует иное (к настоящему моменту времени – весьма разветвленное) направление – сравнительная (компаративная) фольклористика, анализирующая движение самого фольклорного процесса: распространение (фактически в планетарном масштабе) фольклорного материала – фольклорных мотивов, сюжетов, образов.

Одна из характерных особенностей любых фольклорных произведений – повторяемость, «которая проявляется на различных уровнях творчества, в разных формах и с разной степенью интенсивности»¹. Например, повторяющиеся мотивы (и составленные из них комбинации – сюжеты) присутствуют у многих народов в рамках одного хронологического среза (на уровне синхронии), и одновременно – повторяемость может характеризовать фольклорную традицию одного этноса, но в разные исторические периоды, т.е. схожие мотивы и сюжеты фиксируются в разные этапы его существования (на уровне диахронии). Повторяемость в фольклоре, по эмоциональной оценке исследователей середины XX в., не знает «ни пространственных, ни временных, ни этнических, ни исторических границ»².

Кроме того, каждое фольклорное произведение бытует в виде множества вариантов – их столько, сколько певцов, рассказчиков, сказителей, т.е. исполнителей фольклорных произведений. Каждая новая запись фольклорного текста чем-то отличается от других; отличия наблюдаются даже в повторной записи, сделанной от одного и того же лица. Такое свойство фольклора исследователи называют вариативностью (подробнее об этом см. [Аникин, 2004]³).

Таким образом, оба эти явления – повторяемость и вариативность – сами по себе продуцируют благодатную почву для сравнительных исследований.

Как пишет Б.Н. Путилов, «в развитии науки о фольклоре сравнительно-историческое исследование всегда играло заметную роль, а в иных случаях оно выдвигалось на передний план, становясь едва ли не основным. Так, для *мифологической школы* в европейской науке (бытовавшей в первой половине

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Аникин В.П. Лекция 3 Вариативность // Аникин В.П. Теория фольклора. М., 2004. С. 48–69.

ХІХ в.), оно было, в сущности, единственным путем к восстановлению первоначального мифологического содержания фольклорных произведений, доказательства их праиндоевропейской общности. Пришедшая на смену *теория заимствования* разработала свою методику сравнительно-исторического изучения, помогающую обнаружить и объяснить факты передачи фольклорных сюжетов одними народами другим...»¹.

Представители *мифологической школы* переносили на изучение фольклора методологию сравнительного языкознания и возводили сходные явления в области фольклора разных народов к общей для них древнейшей мифологии, к некоему «прамифу» (по аналогии с «праязыком»).

Миграционная теория (теория заимствований Т. Бенфея) доказывала и объясняла повторяемость сюжетов и образов через существование межкультурных связей народов. Еще одно направление в фольклористике ХІХ в. – *антропологическое* (или «теория самозарождения» сходных сюжетов в мировом фольклоре Э. Тейлора) объясняло феномен повторяемости через «единство законов духовного творчества и общности типов и форм художественно-образного мышления у всех народов», и допускало самопроизвольное зарождение сходных сюжетов независимо от генетической родственности самих народов, а также независимо от их контактов и даже при отсутствии опосредованного влияния этносов друг на друга².

Также заметное влияние на развитие компаративизма в фольклористике оказала *культурно-историческая школа*, сформировавшаяся под влиянием идей французского историка И. Тэна, считавшего, что на любое литературное произведение, включая фольклор, первостепенное влияние оказывает среда, в которой это произведение зародилось и существовало. Сама же «среда» формируется целым блоком исторических обстоятельств, без анализа которых

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14.

² Сухих С.И. Историческая поэтика А.Н. Веселовского. Из лекций по истории русского литературоведения. Нижний Новгород, 2001. С. 3–4.

невозможно оценивать и интерпретировать ни одно художественное произведение¹.

В целом методология компаративизма или сравнительно-исторического литературоведения (и в частности – сравнительной фольклористики) формировалась «не на пути отказа, отбрасывания предшествовавших идей и гипотез, а на основе их усвоения, критического переосмысления и синтеза достигнутых ранее результатов сравнительных исследований мифологии, фольклора и литературы»².

Сравнительно-типологические исследования фольклора

Не затрагивая детально вопрос эволюции сравнительно-исторического подхода к изучению фольклорных произведений, отметим лишь, что в середине XX в. в отечественном литературоведении наибольшей критике подвергалась «теория заимствований», которая противопоставлялась разработанному советскими исследователями-фольклористами (В.М. Жирмунским, И.И. Толстым, В.Я. Проппом, Е.М. Мелетинским, Б.Н. Путиловым)³ сравнительно-типологическому (или историко-сравнительно-типологическому / или историко-типологическому) методу изучения фольклора. Так, Б.Н. Путилов писал: «Советские ученые убедительно показали, что сходные сюжеты могут возникать и возникают у разных народов и в разное время вполне независимо, причем степень близости таких сюжетов может быть совершенно поразительной... Советская наука по-новому поставила вопрос о межэтнических фольклорных связях. Марксизм-ленинизм утверждает единство исторического развития человеческого общества. Исходя из этого, советские фольклористы выдвинули принцип закономерной повторяемости и закономерной обусловленности

¹ Сухих С.И. Историческая поэтика А.Н. Веселовского. Из лекций по истории русского литературоведения. Нижний Новгород, 2001. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л., 1962. 435 с.; Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966. 253 с.; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. 603 с.; Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса и архаические памятники. М., 1963. 464 с.

фольклорного процесса, установили наличие в нем широких и разнообразных историко-типологических связей, которые являются определяющими»¹.

Как видим, данный подход стал своеобразным развитием, прежде всего, антропологического подхода к фольклорной повторяемости, сформулированного еще Э. Тейлором. Однако существенным (ключевым) моментом является введение понятия «исторической типологии», которая отражает наличие определенных ступеней в развитии фольклорного процесса, соотносимых со «стадиями» развития человеческого общества. Таким образом, в фольклористику была введена стадильность, которая помогла объяснить многие закономерности и сходства в развитии фольклора разных народов.

Термин «типология» в фольклористике трактовался весьма расширенно. По мнению Б.Н. Путилова, «типология в фольклоре означает систему закономерно возникающих и исторически обусловленных соответствий на самых разных уровнях»: можно говорить «о типологии образа, мотива, ситуации, сюжета, о типологии жанра или жанровой разновидности, о типологии принципов отношения фольклора к действительности (например, типологии историзма), о типологии идей и шире – фольклорного сознания»².

С.Ю. Неклюдов поясняет: «Фольклор демонстрирует высочайшую степень повторяемости своих сообщений, знаковых кодов и морфологической организации. С особенной рельефностью проступают в фольклоре те формальные и содержательные элементы, которые следует причислять к универсалиям мировой культуры. Они порождены сходством или тождеством природных и социальных ситуаций, психофизической общностью, культурными архетипами, а также регулятивными структурами текстопорождения. Этот уровень общности принято называть типологическим»³.

С помощью сравнительно-типологического метода наиболее результативными оказались исследования, прежде всего, эпического наследия

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14. С. 56–57.

² Там же. С. 58.

³ Неклюдов С.Ю. Типологические исследования в фольклористике (вводная лекция) // www.ruthenia.ru/folklore/index.htm

разных народов мира. Было установлено, что развитие эпического творчества всех народов подчинялось общим закономерностям и имело несколько единых этапов, каждый из которых был «типологически преемственным по отношению к предыдущему и подготавливал появление следующего»¹. Таким образом, процесс типологической повторяемости проходит в фольклоре каждого народа самостоятельно и приводит к появлению оригинальных (и вместе с тем, типологически взаимосвязанных) художественных памятников².

Также весьма результативными оказались сравнительно-типологические исследования эволюции системы фольклорных жанров. Так, было выявлено, что обрядовая песня в фольклорном наследии разных народов оказывается наиболее древним из всех выявляемых жанров; на более позднем этапе развития фольклорного процесса формируются героический эпос и сказка; еще позднее – исторические песни, исторические предания и былички.

Однако следует отметить, что подобные исследования сосредоточены, прежде всего, на самом фольклорном (литературном) процессе как основном объекте исследования и рассматривают его как самостоятельный исторический феномен, оставляя исследование процессов этногенеза (этнической истории) народов – носителей фольклорной традиции – в стороне.

Исследования ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов

Если в филологии, на основе критики теории заимствований, к факту миграции фольклорных мотивов, сюжетов и образов, сформировалось негативное отношение, то в исторической науке, напротив, зрело недоверие к тезису, что многочисленные сюжетные повторы в мировом фольклоре – это результат самозарождения и типологического сходства, отражающего стадии развития фольклорного процесса.

«Падение» стадияльного подхода к истории в конце XX – начале XXI в. и фактически в этот же период случившиеся открытия в области генетики, а также

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14. С. 57.

² Там же.

мощное развитие компьютерных технологий и их глобальное внедрение в исследовательский процесс (в том числе и в гуманитарных дисциплинах) позволили по-новому взглянуть на развитие человечества и на распространение фольклорного материала в масштабах фактически всей планеты.

Одним из важнейших выводов популяционной генетики, оказавший влияние на реконструкцию исторического процесса, является установление факта, что «люди современного типа, чье биологическое выживание невозможно без обучения культурным навыкам и стереотипам, не развивались параллельно и самостоятельно на разных континентах, а являются потомками одной единственной популяции, которая относительно недавно вышла из Африки...»¹.

Компьютерные технологии, в свою очередь, подтолкнули, с одной стороны, к созданию полноценной (постоянно пополняемой) базы данных мирового фольклорного наследия, созданной Ю.Е. Берёзкиным на основе анализа почти 6000 публикаций на германских, романских, славянских и прибалтийско-финских языках и некоторых неопубликованных материалах (Берёзкин, 2007; 2009); база содержит около 50 тысяч резюме текстов разного жанра (Березкин 2016)². «На май 2010 г. в ней содержались сведения об ареальном распространении 1570 мотивов, относящихся к 675 традициям»³. База данных под названием «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» размещена на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

С другой стороны, цифровые технологии позволили осуществить статистическую обработку этих данных, для чего было создано «формализованное описание представленности выявляемых мотивов в

¹ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. С. 6.

² Берёзкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007. 360 с.; Он же. Мифы Старого и Нового Света : из Старого в Новый Свет. М., 2009. 446 с.; Он же. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. №2(31). С. 21–32.

³Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализа данных // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/

Под мотивами имеются в виду два вида аналитически выделяемых единиц – мотивы-эпизоды и мотивы-образы (подробнее о них – см. Берёзкин, 2016.С. 21–22); под традицией понимается совокупность текстов, записанных у одной или нескольких соседних культурно близких этнических групп.

исследованных традициях» (подробнее о математических тонкостях факторного анализа, примененного к собранным данным, а также о его результатах на языке математики см. Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е. и др.)¹.

После того, как в базу данных были включены материалы по фольклору и мифологии всех регионов мира, открылась возможность пролить свет на весьма древние миграции и реконструировать раннее состояние фольклора и мифологии². Как показал анализ эмпирического материала, ареалы распространения значительной части фольклорно-мифологических мотивов пересекают языковые границы, а часть мотивов (в том числе сюжетобразующие) встречаются на разных континентах. Однако «исторические сценарии» удавалось создать только в тех случаях, когда какие-либо мотивы были представлены в одних регионах и отсутствовали в других, тогда как определить время и причины распространения тех фольклорно-мифологических мотивов, которые встречаются равномерно по всему миру, пока не представляется возможным³.

В итоге, проведенное исследование показало, что 1) «лингвистическое родство не является определяющим фактором, влияющим на сходство наборов мотивов, характерных для изученных традиций. Превалирование фактора географической близости над фактором языкового родства не вызывает сомнений»⁴.

2) Ещё один важный вывод, полученный в ходе исследования созданной базы данных с применением «достаточно изощренной математической процедуры», является следующим: «Представляется вероятным, что степень устойчивости фольклорно-мифологических традиций, способных неопределенно

¹ Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализа данных // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/

Математическую обработку данных осуществляли математики: О.В. Сенько, А.В. Кузнецова; для работы с данными применялась программа **SPSS**. Размещение базы в сети Интернет осуществил А.В. Козьмин.

² Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 10.

³ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 10.

⁴ Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализа данных. // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/. С. 107.

долго сохранять свойственные им наборы мотивов, значительно выше степени устойчивости языков»¹, т.е. группы людей могут менять язык, но продолжают на вновь усвоенном языке рассказывать свои сказки. Так, на материале распространения мотивов на американском континенте было выявлено, что «ареальные кластеры соответствуют языковым объединениям, но не тем, которые зафиксированы в Америке в период после начала европейских контактов, а тем, которые участвовали в начальном заселении Нового Света»².

Таким образом, было установлено, что мифология и фольклор народов мира, действительно, содержат информацию о весьма отдаленном прошлом, однако эта информация «заключена не в содержании мифологических текстов, а в конфигурации ареалов, в пределах которых зафиксированы встречающиеся в текстах фабульные, образные и структурные элементы – мотивы»³.

Данные исследования привели к созданию особого научного направления, условно называемого «сравнительно-мифологические исследования»⁴, в котором исследовательский акцент сфокусирован на изучении, прежде всего, этноисторических процессов. База данных Ю.Е. Берёзкина создавалась им изначально для решения именно исторических задач – прослеживания древних миграций и контактов между культурами. Целью исследования фольклорных текстов (как её сформулировал сам автор данного направления – Ю.Е. Берёзкин) становится именно реконструкция исторических процессов⁵.

Ареалам распространения фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (в Сибири) в данном исследовании постоянно уделялась огромное значение, так как данный регион (и его фольклорный фонд) был максимально задействован в проводимых изысканиях. Результатам изучения сибирских

¹ Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализ данных. // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/. С. 108.

² Там же. С. 107.

³ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 9.

⁴ В плане методологии предтечей исследований Ю.Е. Берёзкина можно считать некоторые публикации В.В. Напольских, в которых им были обозначены как теоретические основы данного метода, так и охарактеризованы исторические его возможности (см.: Напольских, 1991, 1993, 2012, 2015).

⁵ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 29.

мифологических связей посвящен целый ряд публикаций Ю.Е. Берёзкина (Берёзкин, 2003, 2006, 2008, 2009⁶, 2016)¹.

1.3. Проблема датировки фольклора

Для любых исторических исследований важнейшим этапом является установка хронологических рамок для исследуемых процессов и конкретных дат для изучаемых событий. Фольклорный материал всегда характеризовался тем, что был неподатлив (или слабо податлив) к попыткам привязать его к исторической хронологии. Это всегда значительно снижало уровень доверия к фольклору как к источнику исторической информации.

При попытках датировать фольклорный материал исследователи, как правило, понимают, что они должны различать два момента: 1) датировка самого фольклорного произведения (время его создания) и 2) датировка событий, в нем упомянутых, так как нередко в фольклоре излагаются «давно прошедшие» события (и повествуется о них именно в прошедшем времени). Однако на практике эти моменты разделить сложно, и часто они сливаются воедино.

Первым пунктом занимаются в основном филологи, и путем сложных исследовательских процедур, включая текстологический анализ, им иногда удается если не решать его, то хотя бы выдвигать согласованные версии. Так, например, относительно времени создания олонхо фольклористы И.В. Пухов и Г.У. Эргис, изучив языковые «факты» данного эпоса – топонимы, эпонимы, этнонимы и др. и наборы мотивов, сделали следующий вывод: «Вероятно, олонхо создавалось еще в тот период, когда предки якутов сохраняли в своей памяти враждебные отношения с древними тюрками в VI–VII в.... Мотивы... показывают исторически обозримый «потолок» создания олонхо – конец VI – начало VII в.

¹ Берёзкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2(14). С. 94–105; Он же. Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, северо-востоком Азии и Приамурьем – Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №3 (27). С. 112–122. Он же. Мотив «журавли и пигмеи» в контексте представлений о мироздании в мифологиях Северной Евразии и Америки // Годишник на Асоциация «ОНГЪЛ». Т. 5. «Етнология на пространство». София, 2008. С. 88–108. Он же. Ворон и змей (альтернативные объяснения смертности человека) // Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., Кн.1. 2009⁶. С. 14–16. Он же. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. №2 (31). С. 21–32.

Вполне вероятно, что якутский героический эпос возник где-то между этими историческими периодами»¹.

Относительно второго пункта было выработано несколько подходов к датированию фольклорного материала:

1. Оценка исследователем содержания фольклорных текстов

Данный метод полностью зависит от исторической эрудиции исследователя: он сам подбирает исторический материал, с которым сопоставляет тексты фольклорных произведений.

Таким методом пользовались ещё XIX в. приверженцы европейской «исторической» фольклорной школы, выдвинувшие тезис об исторической достоверности эпоса. В этой связи исследователи «исторической» школы сопоставляли эпос с документальными источниками, обнаруживая прямые взаимосвязи событий и персонажей в фольклоре с историческими событиями и реальными историческими лицами².

Критикуя этот метод применительно к изучению эпических произведений, в отечественных исследованиях его использовали при исследовании исторических преданий. По обобщенным оценкам был получен вывод, что, как правило, фольклорный материал содержательной части исторических преданий характеризует прошлую, но относительно неглубокую по удаленности от современной действительности, эпоху [по оценкам исследователей от 1–2 до 3–4 столетий]. Так, Г.М. Василевич считала на основании соотнесения текстов преданий с известными историческими документами, что подавляющее число текстов эвенкийских преданий может быть датирована XVII–XVIII вв.³ А.Н. Варламов, вслед за Г.М. Василевич, полагал, что содержание многих исторических преданий эвенков «четко соотносится со сведениями

¹Пухов И.В., Эргис Г.У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985. С. 558–559. (Эпос народов СССР).

²Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: автореф.... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. С. 6–7.

³Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 151.

документальных источников позднего Средневековья»; ...«в основном улгуры отразили жизнь эвенкийских родов в XVI–XIX вв.»¹.

По оценке Л.И. Шерстовой, исторические предания и легенды алтайцев (алтай-кижи), особо повлиявшие на оформление бурханизма как национальной религии, «корнями своими уходят в джунгарский период алтайской истории»; из их текстов можно получить некоторые сведения относительно реальных исторических событий середины XVIII в.²

2. Поиск датирующих маркёров.

Важным датирующим фактором выступают, как правило, яркие события, отразившиеся как в фольклорном произведении, так и в исторических документах. Таковыми обычно выступают известные войны, судьбоносные битвы, восстания, а также особо значимые природные явления (катаклизмы): затмения, наводнения, смертоносные бури или засухи.

Однако есть несколько уязвимых мест: 1) *Документация*. Как правило, в фольклорных текстах отражены те события, которые не часто отражены в летописях или других документах (или не были отмечены, или такие документы не сохранились до наших дней).

2) «*Художественное преломление*». Событие в фольклорном тексте может быть до неузнаваемости видоизменено, и исследователи могут только строить догадки, с каким реальным событием его соотносить.

3) Кроме того, сами исторические документы прошлого сильно нуждаются в верификации (многие хроники/летописи скорее можно назвать «сборниками фольклора», чем собранием достоверных сведений).

Особый датирующий (верифицирующий) маркёр – *упоминание этнонимов в тексте*, и, соответственно, наличие в текстах сведений о народах, контакты с которыми можно продатировать по историческим источникам. Так, Б.О. Долгих писал, что нганасанские предания «О большом ненце-юраке» и «Братья Дяrimо» посвящены нганасано-ненецким столкновениям, но трудно поддаются датировке,

¹ Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №107. 2009. С. 113.

² Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191.

хотя, судя по тому, что в них упоминаются русские и долганы, вероятно, они окончательно оформились уже в XVIII в.»¹.

Помимо исследований этнонимии сибирских народов, осуществленных Б.О. Долгих, широко известен также опыт В.И. Васильева, который по упомянутому в фольклоре и в исторических документах этнонимам предпринял попытку реконструировать этническую историю самодийцев². Им была проделана огромная работа по сбору полевых сведений (прежде всего, родовых преданий, т.е. фольклорные по своей сути тексты), которые он соотносил с архивными материалами.

Несмотря на то, что в целом такие исследования признаны относительно удачными, тем не менее, известны скептические оценки лингвистов архаичности задокументированных этнонимов и использования в качестве датирующего материала. Так, лингвист Е.А. Хелимский писал: «Б.О. Долгих и особенно В.И. Васильев, придавая этнонимике первостепенное значение в решении вопросов этногенеза самодийцев, в некоторых случаях чрезмерно, на наш взгляд, преувеличивают архаичность родовых названий. Для их работ характерно стремление отыскать параллели этнонимов в этнонимическом же материале (по другим народам) и обосновать тем самым этнические связи глубокой древности. Однако анализ всей совокупности родовых названий показывает, что у северных самодийцев подавляющее большинство родовых наименований имеет прозрачную этимологию, не идущую далее нарицательной лексики соответствующего языка»³. И далее: «По чисто демографическим причинам (малая численность отдельных родов; высокая рождаемость и высокая смертность; частые случаи гибели целых коллективов при эпидемиях и войнах) неизбежно происходило сравнительно быстрое обновление этой части этнонимии ввиду исчезновения одних и дроблению других родов. Например, из 24 названий

¹ Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 27.

² Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 133–175.

³ Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 85.

родов тундровых энцев, известных по ясачным книгам 1607 г. (Долгих 1970¹: 138), до нашего времени дошли лишь четыре (в том числе два – только как названия ненецких родов). В этой ситуации непрерывная преемственность какого-то родового названия на протяжении 1–2 тыс. лет хотя и не исключена, но маловероятна»².

3. Датировка по хронологии фиксации сюжета

При таком методе исследования, активно использовавшимся начиная с XIX в. (особенно в рамках мифологического и миграционистского подхода к изучению фольклорных произведений), тексты сравниваются друг с другом, и если известно время фиксации одного сюжета, то выводы относительно другого строятся по принципу – раньше/позже. Так, критикуя подход миграционистов к фольклорному материалу, Б.Н. Путилов отмечал: «Миграционисты знают только один характер связей – линейный, при котором всякое произведение рассматривается как зависимое от сходного с ним, но появившегося хронологически ранее. С такой точки зрения любой античный сюжет будет считаться первичным по отношению к сходному славянскому сюжету»³.

4. Стадиальный метод хронологии, разработанный в рамках сравнительно-типологического подхода

В фольклористике при исследовании эпических произведений принято деление на архаический (догосударственный) и героический (государственный) эпосы. Такой подход напрямую связан со «стадиальным» членением исторического процесса и увязыванием фольклорного процесса с прохождением этносом определенных «стадий» в своём развитии. Поэтому с точки зрения сравнительно-типологического изучения фольклора: во-первых, любые факты заимствования не должны постулироваться, но всякий раз их необходимо доказывать; во-вторых, сюжет, записанный в XX в., может оказаться историко-типологически древнее сюжета, известного с античных времен, так как отражает

¹ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 270 с.

² Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 85.

³ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14. С. 55–56.

более раннюю стадию развития фольклорного (эпического) творчества¹. «Поэтому нет ничего удивительного в том, что, например, русская сказка о муже, попадающем на свадьбу своей жены, записанная в XX в. на Севере, оказывается древнее (историко-типологически) сюжета «Одиссеи» и довольно хорошо этот сюжет объясняет»².

5. Метод датировки на основе анализа конфигураций ареалов распространения фольклорных мотивов

Исходя из тезиса, что «фольклорные тексты не придумывают — их пересказывают»: т.е. «всякий текст восходит к более раннему тексту, а тот — к еще более раннему, и цепочка эта, как и любая эволюционная цепочка, тянется в неопределенно далёкое прошлое»³, Ю.Е. Берёзкиным делается принципиальный вывод о том, что фольклорные произведения (именно мотивы) могут содержать информацию о весьма отдаленном прошлом человечества, которая заключена в содержании сюжетов, а в «конфигурации ареалов», в пределах которых зафиксированы встречающиеся мотивы. Именно ареалы распространения мотивов, нанесенные на географическую карту, сравниваются с ареалами распространения языков (языковых семей), археологических культур, хозяйственных занятий населения и т.п. данными (которые гипотетически могли бы влиять на распространение определенных мотивов в пределах определенных территорий), имеющими уже отработанную исследователями систему датировок. Тем самым выявляется явная связь данных фольклора с данными иных исторических явлений.

Ю.Е. Берёзкиным был сделан вывод, что существует корреляция мирового распределения фольклорно-мифологических мотивов с маршрутами миграций различных этнических групп населения. Так, например, выявляется корреляция между миграциями ранних сапиенсов, заселивших земное пространство двумя основными миграционными потоками и распространением мирового фольклора. Первая волна сапиенсов, в составе которой были и «денисовцы», выйдя из

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора. С. 56.

² Там же. С. 56.

³ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 11

Африки, достигла Центральной, Восточной Азии, затем Австралии и существовала в этих регионах синхронно с европейскими неандертальцами; вторая волна африканских мигрантов распространилась также в Азии, но часть их расселилась и в северном направлении, продвинувшись из региона Передней Азии в приледниковую зону Европы, заняв ту территорию, на которой до них жили неандертальцы неандертальцы¹. Мировая мифология также распадается на два основных комплекса мотивов – индо-тихоокеанский (аустральный), отражающий в большей степени первую волну миграции, и континентально-евразийский (бореальный), соотносимый со вторым потоком². Таким образом, этногенетические данные позволяют привязывать фольклорный материал к исторической хронологии, соотнося ареалы его распространения с данными, прежде всего, археологии и популяционной генетики.

Кроме того, сопоставление полученных «ареальных кластеров» с прочими факторами, показало, что «группы с присваивающей экономикой в общем и целом оказываются в других кластерах, нежели земледельцы, однако различия между отдельными «охотничье-собирательскими кластерами или отдельными «земледельческими» кластерами не больше и не меньше, чем между охотниками-собирателями и земледельцами. То же касается корреляции с разного рода природно-климатическими факторами и с различиями в уровне социально-политической организации»³. Не вызывает сомнений только «превалирования фактора географической близости над фактором языкового родства»⁴.

1.4. Опыт привлечения селькупского фольклорного материала к решениям вопросов их этнической истории и описаниям культуры и традиционного мировоззрения

¹ Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 7–8.

² Там же. С. 9.

³ Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализ данных // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/. С. 107.

⁴ Там же.

В связи с тем, что практически нет аналитических работ по селькупской фольклористике, представляется, что селькупский фольклор не был задействован для решения исторических задач. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что это совсем не так. Соотнесение текстов фольклорных произведений селькупов (в жанре «исторических преданий») с фактами их этнической истории предпринимались неоднократно в истории их изучения, причем отмечены случаи, когда, привлекая фольклорный материал, авторы отдавали себе отчет, что это именно фольклорное произведение, а не исторический документ, и предпринимали попытки верифицировать информацию из исторических источников. Также есть случаи, когда сведения, упомянутые в преданиях, воспринимались с полным доверием без всякой верификации.

Использование селькупского фольклора для реконструкции их истории (исследования в русле «конкретного историзма»)

1. Предание об остяках «Тшвотшибыкубамского рода».

Одной из самых ранних попыток использовать фольклорный материал, записанный от тазовских остяков, в исследовательских целях следует признать публикацию в 1833 г. полковником Масловым предания об остяках, один из которых был «Тшвотшибыкубам» – «мудрым», и объяснение сведениями, взятыми из этого фольклорного текста, вопроса: как появились и почему остались остяки в бассейн реки Таз¹. В XIX в. эта легенда была хорошо известна в среде исследователей Сибири: помимо Маслова, о ней упоминали А.П. Степанов, М.Ф. Кривошапкин. В XXI в. О.А. Казакевич начала свой обзор фольклорных исследований северных селькупов, написанный ею для энциклопедии «Мифология селькупов» (2004), именно с этой легенды.

В данной легенде повествуется о том, как пришли 4 брата на Таз – большую и незнакомую реку, и уже были готовы проститься с жизнью, как вдруг на старшего брата, который был Тшвотшибыкубам, снизошло вдохновение, у него выросли крылья, он взлетел высоко в небо, а затем погрузился в воды реки и

¹ Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии. Сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. Казань, 1833. №5, 7, 9, 10.

вынырнул «унизированный с ног до головы рыбами». С тех пор они стали жить и рыбачить на Тазу»¹.

Это предание в публикации полковника Маслова не единственное: он приводит также еще одну фольклорную историю – о Старике в заячьей шубе, который хитростью истребил ненецкое войско. Позднее именно этот сюжет был широко известен у северных селькупов как сказка «Нёмыль Поркы» («Заячья шуба»); но он совсем не известен на территории южных и центральных селькупов. Фиксация этих двух сюжетов в публикации полковника Маслова является на сегодняшний день первой из имеющихся в распоряжении исследователей.

Несколько позднее – в 1835 г. – оба этих предания (о приходе народа на берега Таза², из которого в живых остались только 4 человека с женами, и о «Старике в заячьей парке»³) были приведены в работе А.П. Степанова. Они фактически идентичны тем, которые были опубликованы полковником Масловым. Либо оба автора пользовались одним источником информации, либо уже в тот период данные сюжеты существовали как устойчивые фольклорные произведения и воспроизводились рассказчиками буквально дословно (что нередко бывает в случаях с фольклорными текстами)⁴.

В 1865 г. оба эти предания были подвергнуты анализу М.Ф. Кривошапкиным. На их основе он привел свои рассуждения о

¹ Цит. по Казакевич О.А.: История сборов материалов по фольклору северных селькупов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 58–59.

² «Когда «Орда наша», – говорил мне один старшина, – пробиралась от заката солнца на восход и пришла на Таз, то осталось только в живых 4 человека с женами. Изнуренные трудами и голодом, лежа на берегу Таза, приготовились они уже к голодной смерти, как вдруг один из них объят был обыкновенным ему вдохновением: ибо он принадлежал к *Тивотшибыкубамъ* (мудрым). В минуту приросли к нему два крыла, на которых он поднялся к небесам, и быстро погрузился в воды Таза; а через некоторое время, поднявшись на воздух, явился к товарищам обнизированный с головы до ног разными рыбами, которые трепетались хвостами и сверкали разноцветною чешуею. С тех пор, – заканчивает рассказчик, – стали мы заниматься рыбным промыслом» (Степанов, 1835. Т. 2. С. 41).

³ «Остяки Самоедского поколения не любят своих соплеменников Юраков. Они отзываются о них как о слабых, изнеженных, беззаботных. Рассказывают в доказательство превосходства своего ума, что однажды, не помня когда, пришли к старику их племени 50 человек Юраков. Старик был весьма зажиточен и жил в чуме с одной только престарелой женой. Он поставил пришельцам большой котел с варкою, а сам и жена его, скинув обыкновенные парки, и надев истлевшие заячьи, стояли смиренненько у входа. Когда гости понаелись, то бросились прямо на хозяев; но у них осталось только по клочку заячьих парок, а старики ускользнули из чума, и между тем как муж притворял накрепко вход, жена обкладывала сухой хворост кругом чума. Высекли огня, зажгли, и 50 человек Юраков сгорели» (Степанов, 1835. Т. 2. С. 65–66).

⁴ Или же губернатор А.П. Степанов и «полковник Маслов» – это одно лицо (?).

происхождение как «чисто енисейских остяков» (кетов), так и «остальных» остяков. Относительно первых он высказал предположение, ссылаясь на работу Степанова, о происхождении их от уйгуров, вышедших из земли Монгольской «от тройной гряды гор» в верховьях Енисея. Одна их часть ушла к истокам Иртыша, и продвинулась далеко на север, а уже с Иртыша они перешли на Енисей и Таз. «Вот эту-то часть г. Степанов и желает считать за родоначальников народа, оттененного нами именем енисейских остяков. Эту догадку подтверждают и предания остяков, особенно *Тивотиибыкубамского* рода». И Кривошапкин дословно приводит текст предания из книги Степанова со стр. 41 (Т.2). Но (и это следует подчеркнуть особо), здесь текст предания, по интерпретации автора, иллюстрирует прибытие на Таз не остяко-самоедов, а собственно енисейских остяков (кетов)¹. Данным комментарием была внесена некоторая историографическая путаница в атрибуцию этого исторического предания: так кто же пришли на Таз – кеты (енисейцы) или селькупы (тазовские остяко-самоеды).

Словосочетание «*Тивотиибыкубамский* род» присутствует только в работе М.Ф. Кривошапкина, у Маслова и А.П. Степанова данный термин *Тивотиибыкубамъ* сопровождается переводом «мудрый». Этот термин достаточно однозначно указывает на то, что текст предания был записан у селькупоязычного населения, так как он прозрачен с точки зрения селькупского языка. Это явно составное (двухосновное) слово: *чвэджэб* – *шаман* (СДС, 2005. С. 278); *куп* – *человек*.

Итак, судя по записанному Масловым / Степановым термину, мы можем утверждать, что данный сюжет записан от селькупскоязычного информанта и говорится в нём о приходе селькупов на Таз.

Как возможную реплику данного сюжета (позднюю и видоизмененную с деталями христианизации) можно оценить текст, записанный в 1997 г. (почти через 200 лет) от селькупки М.Ф. Тобольжиной об основании поселения Иготкино

¹ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. СПб., 1865. С. 120.

их прадедом – остяком Иготкой¹. Основной сюжетобразующий мотив этих фольклорных произведений: Бог дает богатство новопоселенцам, предрекает неголодную (безбедную) жизнь на новом месте.

2. «Предания» о приходе племен на север в материалах А. Кастрена.

Александр Кастрен, приводя в своих письмах названия племен тазовских остяко-самоедов, также ссылается на некие «предания». Так, он пишет: «Название *Казель-гум* (окуньи люди), очевидно, относится к реке Тыму, по-самоедски *Kasel-ki* (Окунья река), с которой, по преданию, племя это переселилось на берега Таза. Караконские самоеды... пришли от реки *Káralg* или *Karol-ki*, т.е. Журавлиной реки (от *Kara* – журавль), и переменили свое настоящее название *Karal-gum* (журавлиные люди) на *Limbel-gum* (орлиные люди)²....; при этом, племя *Казель-гум* называет этих орлиных или журавлиных людей еще и тетеревиными людьми – *Sengel-gum*»³. Однако это «предание» не выглядит как фольклорный текст, а только как устная информация.

В 1920-х гг. Е.Д. Прокофьева специально пыталась выявить какие-либо фольклорные объяснения данной информации, но в итоге ей пришлось констатировать, что каких-либо «преданий [т.е. сюжетных историй] о происхождении селькупов от этих животных и птиц за долгие годы работы среди селькупов мы не встречали»⁴.

3. «Предания» П.И. Третьякова.

Данный автор приводит в своем сочинении «Туруханский край» (1869) два, важных для исторических построений, сообщения, которые он также называет «преданиями». В первом из них говорится о том, как «на р. Таз из южных пределов... пришли из их племени сначала три остяка: Кагалев, Тамелькин и

¹«Когда нашел Иготка подходящее место для житья, то в тот момент увидел он на небе колесницу, а в ней мужика с рогатиной. Несется эта колесница мимо и кричит стоящий в ней мужик: «Ты чего пришел сюда?» – «Жить пришел», – отвечает Иготка. «Я тебе дам богатство, ты богатый будешь», – пообещал мужик в колеснице. «Озеро видишь?» И сбросил он с колесницы бочонок буд-то бы с золотом. Старик не поверил, решил, что ему привиделось. Семью выгрузил на берег, начал карамо строить, начал жить... Многие потом пытались искать этот бочонок с золотом в озере. Озеро, в которое он якобы упал, так и называли «Золотая ямка». Опубл.: Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби // Земля Колпашевская. Томск, 1998. С. 172.

² По мнению Кастрена, тазовские самоеды из рода Лымбель-гум «поселились на Енисее и затем постепенно слились с енисейскими остяками». (С. 191).

³ Кастрен С. 178.

⁴ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 94

Сайготин с намерением изведать тамошние места. Впоследствии эти остяки перекочевали на Таз уже со своими сородичами. Места по берегам Таза, начиная с Худосея на север, были заняты юраками, поэтому между ними и пришельцами возникли столкновения»¹. Сюжет этот фактически совпадает с сюжетом, опубликованным еще полковником Масловым, но упомянутые конкретные фамилии и сведения о юраках, с одной стороны, и отсутствие фрагмента о выросших крыльях и выныривании одного из героев, униженного рыбой, делают эту информацию всё же самостоятельной; при этом она лишается специфики, характерной для фольклорных текстов – гиперболизации.

Во втором «предании», записанном П.И. Третьяковым, говорится о том, что «на рч. Баихе долгое время сохранялась лиственница, около которой происходило между остяками побоище, окончившееся тем, что сургутские остяки (так называют енисейные осятки тазовских) должны были отодвинуться к вершинам Таза»². Данный текст также выглядит как обычная устная информация исторического характера.

4. Исторические «предания», опубликованные А.Ф. Плотниковым.

Особенно много записей исторического характера, которые автор называет «преданиями», присутствуют в работе А.Ф. Плотникова «Нарымский край» (1901). Однако при ближайшем рассмотрении, почти во всех случаях термин «предание» используется им не в значении «фольклорный текст», а в значении «данные, сообщенные местными жителями». Почти всегда слово «предание» в его тексте можно заменить на словосочетание, привычное для историко-этнографических публикаций XX в., «по устным сообщениям информантов».

В таблице 1 приведены несколько типичных «преданий»³, представленных А.Ф. Плотниковым в его работе, а также данные о верификации (если таковые известны).

¹ Третьяков П.И. Туруханский край // Зап. РГО по общей географии. 1869. Т. 2. С. 384.

² Третьяков П.И. Туруханский край // Зап. РГО по общей географии. 1869. Т. 2. С. 384.

³ Более полный список «преданий» из работы А.Ф. Плотникова «Нарымский край» см. Приложение Б, З.

Таблица 1 – Образцы «преданий» инородцев Нарымского края, опубликованные А.Ф. Плотниковым (1901)

«Предания»
О происхождении остяцких населенных пунктов (юрт) и их названий
Юрты Ласкины и Чиряевы: «Предки жили, по преданию , на этом же самом месте, но только не в домах, как теперь, а в корамах – землянках» (с. 166).
Юрты Сегодины. «Инородцы объясняют , что название юрт означает «большой забор», каковое дано будто бы их предками наверно потому, что на р. Сегодиной или р. Кети был поставлен ими большой забор для добывания рыбы» (с. 208).
Юрты Керенан-эд «Из рассказов стариков-инородцев, слышавших предание от своих сородичей, передававших таковое из рода в род , мы узнали, что жители юрт Конеровых, Езенгиных, Испаемых и Островных, бывшие в то время язычниками, проживали на том самом месте, где в настоящее время находится с. Тогурское (Кетской волости); здесь были их юрты, называвшиеся Керенань-эть (Тогурская юрта). Русских селений в то время никаких, кроме Кетского острога, не было; затем, когда воеводы стали расселять русский народ (ссылных) с рваными ноздрями («норками» - как говорят инородцы), предки их, испугавшись безобразного вида людей, бывших к тому же очень грубыми, – отодвинулись вниз по течению р.Оби и поселились в 8 верстах от селения, ныне с. Тогурского, образовав юрты Конеры...» (с.147).
О происхождении географических объектов и их названий
Озеро <i>Падергэ нэдэк- амдель-ту</i> Озеро, на котором сидела(жила) медная девушка (с.180).
Озеро называлось <i>Кажарским</i> ,... Озеро получило название от чудовищ «кожар», которые очень будто бы сердятся и часто воюют между собой. Чудовища эти принимают различный вид, показываясь людям то в виде коровы, то в виде огромной щуки» (с. 172–173).
Мыс (скалы) у с. Васюганского. «В расстоянии двух верст от села есть мыс, о котором предание рассказывает, что мыс этот – ничто иное как богатырь, превращенный в камень. Имя этого богатыря неизвестно; проживал он на мысу; во время своих путешествий, где-то близ Тыма, познакомился с девушкой, прислуживавшей одной из солнцевых дочерей, и они полюбили друг друга. ...Между юртами Тимельгиными и Айполовыми, как раз на половине, на правом берегу Васюгана указывают на несколько скал – одна из них называется <i>кохъ-педа</i> – конь-камень, а другая – <i>оги-кохъ</i> – девица-камень» (с. 196–197).
О происхождении народа и переселениях (миграциях)
«Жители передают , что лет 400 тому назад предки их [жители юрт Иготкиных] выехали сюда из Березова или Сургута, но откуда именно – утвердительно сказать не могут...» (с.150).
«Жители Пиковской волости, как видно из предания, сообщённого нам старожилками , считают себя происходящими от самоедского племени...» (с.151).
О фамилиях селькупов
Тобольжины «Во время покорения русскими края один из бывших тогда главных лиц из среды инородцев, по имени <i>Бигодя</i> (которому русские присвоили родовое звание князца за то, что он встретил завоевателей с честью и с большими подарками), взамен фамилии своей получил название фамилии Тобульдзин, что значит «добыл-честь»; фамилия эта сохранилась и до ныне» (с. 149).
Про исторических личностей
«Из несуществующих селений известно одно «Сангауры», где, по преданию, жил начальник Кетских остяков – Сангаур , который, при приходе русских, бежал в глубь Енисейской тайги, с многими из инородцев» (с. 209).

Про Ивана Кичеева (Ванга Кичей).

Песок этот называется «Князь-Ивановский», по имени владевшего им ранее князя Ивана Кичеева, потомок которого **Семен Кичеев рассказывает, что его предки передавали из рода в род о том**, что Иван Кичеев, бывший ранее язычником (Ванга Кичей), оказал русскому царю какую-то важную услугу; в 1602 г. неизвестно зачем ездил в Москву и был пожалован в вечное владение многими рыболовными местами.. Сам Семен Кичеев за верную службу царю был награжден кафтаном.

(с. 173–174).

Сам А.Ф. Плотников перепроверил эту информацию и нашел подтверждение в местной прессе и [у Буцинского]. См. : ТГВ, 1872; Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск. Харьков, 1893. С. 21.

Некоторая часть сообщений А.Ф. Плотникова неплохо подтверждается историческим материалом из других источников, но все эти сообщения сложно принять именно за фольклорные произведения. Фактически только одно сообщение является собственно фольклорным текстом – это сказка про богатыря, полюбившего «прислужницу солнцевой дочери»; и два «предания» – о юртах Невальганак и Куалкынак (на р. Чижапке), являющиеся, вероятно, кратким пересказом сюжета о даровании Богом новопоселенцам пищи (т.е. актуализация мифологемы, бытовавшей не только у жителей Таза, но также, как видим, и у жителей р. Чижапки).

Сюжет сказки «Прислужница Солнцевой дочери» (запись А.Ф. Плотникова на Васюгане, предположительно от хантыйского информанта) совпадает с сюжетом сказки «Дочь Земли» (запись Н.П. Максимовой в пос. Нельмач на Парабели от информантки-селькупки родом с р. Кёнги); при этом есть и некоторые различия: например, в селькупском тексте больше подробностей о волшебном ожерелье из красных камней (как оно появилось, почему обладает волшебной силой); Дочь Солнца – хозяйка Дочери Земли, отправляясь в погоню, превращается в лебедя; места «падения» героев и пороги географически близки, но не совпадают: р. Васюган (близ Айполово) и р. Кёнга. Несмотря на селькупскую запись, сюжет, вероятнее всего, именно васюганский, так как на р. Кёнге отмечено присутствие семьи хантов Милимовых, проживавших там с конца XIX в. среди селькупов).

По текстам «преданий», опубликованным А.Ф. Плотниковым, можно сделать следующие выводы этноисторического характера: для современных ему жителей-остяков (на обском отрезке Ласкино, Тюхтерево, Пыжино – близ

Нарыма) на их земле явно когда-то проживали иные люди – «самоеды» или какие-то «предки»: «чудь», «чудаки», т.е. на данной территории присутствует некий субстратный пласт (который местные жители не воспринимают как «чужой»); предки остяков воевали с иноземцами под предводительством своих богатырей (курганы – это могилы); для нескольких семей отмечено их прибытие с низовий – «из Берёзова или Сургута»; часть народа, «избегая крещения» в XVIII в. (отсылки ко времени Петра Первого), напротив, сама ушла на север – в Мангазею или в Обдорск; древними поселениями жители считают юрты Тяголовы, Сондоровы и Татауровы (близ Нарыма), на Кети – юрты Сангауровы; рядом с юртами Иванкиными была раньше крепость (городок), население которого связано с юртами Кияровыми; когда-то были и исчезли юрты на месте села Тогурского – Керенан-эд.

5. Реконструкция истории селькупов с использованием фольклорного материала (опыт А.В. Головнева).

Совсем в ином ключе осуществил свое исследование по воссозданию общей исторической панорамы событий для всего Среднего и Нижнего Приобья А.В. Головнёв. Им была предпринята попытка выявить и описать основные вехи, характеризующие историю ненцев, хантов и селькупов за прошедшие полтысячелетия. Реконструкции именно селькупской истории были посвящены несколько разделов в его монографии «Говорящие культуры» (1995) – прежде всего, разделы: «Поражения, закончившиеся победой» и «Тактика выживания»¹. При минимуме письменных исторических источников, ему пришлось опираться в том числе (и прежде всего) на фольклорные материалы.

Прежде всего, А.В. Головнёв использовал несколько североселькупских фольклорных текстов, действительно, хорошо известных и неоднократно фиксировавшихся исследователями: ссоре братьев-богатырей из-за дележа орлиных перьев, историю «Нёмыль Порга» (Старик в заячьей парке), предания о столкновениях с ненцами – с народом *кэлек тамдыр* (в том числе о сражении на р.

¹ Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 115–119; 135–142.

Только в Кэли Мач), кетско-североселькупские сюжеты о герое Бальдино (его мастерстве отбивать стрелы), а также сюжет о хитростях Ичи, «ножом убившего свою бабушку», и сюжет о коварной жене богатыря.

Однако основную событийную канву А.В. Головнёв реконструировал по письменным историческим источникам, с опорой, прежде всего, на труд С.В. Бахрушина¹. В итоге им была воссоздана следующая картина исторических событий: «Отряды кодских хантов, вступив в союз с русскими, за короткий срок сокрушили своих давних соседей-соперников – княжество Бардака в Сургуте и княжество Вони (Пегую Орду) в Нарыме (Пегая Орда выступала в союзе с ханом Кучумом). Таким образом, за десятилетие (с 1592 по 1602 гг.) русско-хантыйская коалиция одержала верх над татарско-селькупской, что открыло путь широкому распространению хантов на восток»². Для селькупов эти события стали началом национального бедствия, в результате которого ими были потеряны земли Сургутского Приобья. Между уже начавшей своё формирование северной группой селькупов и южной вошел (по бассейну Ваха) хантыйский клин. Единый народ оказался разделен на две изолированные части.

Эта важная для истории этноса событийная канва напрямую в фольклоре селькупов никак не отмечена: «современные северные селькупы «не помнят» поражений на Оби 400-летней давности»³ и нет никаких фольклорных текстов, где напрямую повествовалось бы о тех судьбоносных событиях. Однако индизированно, по мнению А.В. Головнёва, эти события нашли отражение в художественном творчестве селькупского народа: «Сюжет о разгроме заменен в народной памяти легендой о ссоре двух богатырей (или двух половин народа) при дележе орлиных перьев: одна часть остяков не пожелала поделиться с другой боевым оперением стрел, вследствие чего обиженная сторона отправилась искать орлиные перья на север»⁴. Анализируя контекст, А.В. Головнёв считает, что «в подтексте предания можно при желании усмотреть и батальную символику (ссора

¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII в.// Бахрушин С.В. Научные труды. Л., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 86–152.

² Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 116.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 116.

произошла из-за оружия), и указание на изгнание (обделенность орлиными перьями иносказательно означает поражение)»¹.

При этом сам автор приводит сведения о более широком распространении данной легенды (ареал не ограничивается бассейном Таза), упоминая её бытование на Вахе (по Дмитриеву-Садовникову²) и в землях «кондинско-кодских князей»³: «Путь легенды от Конды до Таза повторяет ход действительных военных конфликтов, вызвавших цепь поражений и завоеваний, равно как и связанных с ними переселений»⁴.

Для удержания и закрепления за собой новой обживаемой территории (селькупы называли ее землей *кэлек тамдыр* – землей лесных энцев и(ли) ненцев⁵) им пришлось воевать. «Завершающим этапом войны, согласно устной селькупской традиции, стало сражение между войсками туземцев и селькупов в Кэли Мач (Ненецком бору) на р. Толька». По данным А.В. Головнёва и С.В. Лезовой, «победившие в этом бою селькупы двинулись дальше на север, дошли до Тазовской тундры (район п. Сидоровск) и повернули обратно – та земля «показалась им некрасивой»⁶.

При этом какой-либо конкретный фольклорный текст, воспевающий битву при Кэли Мач, явившуюся, действительно, судьбоносным для истории селькупов сражением, отсутствует⁷.

Военные столкновения между северными селькупками и ненцами (после оттеснения энцев за Енисей) случались и позднее («сразу после победы на Тольке селькупы перешли к маневренной обороне, избегая прямых столкновений»). Как именно воевали селькупы, ведя практически партизанскую войну – об этом как раз можно получить некоторое представление именно по фольклорным текстам: о

¹ Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 116.

² Дмитриев-Садовников Г.М. На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 26. 1916. С.12

³ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 20.

⁴ Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 117.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Там же. С. 118.; Лезова С.В. К истории Тазовского региона // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. 2. Омск: ОмГУ, 1993. С. 55.

⁷ Важный штрих к теории вопроса: так что же всё-таки попадает в горнило художественного творчества народа и по какому принципу – этот важнейший аспект фольклористики остается до настоящего времени не разработанным.

таких боевых действиях повествуется в сюжете про Старика в заячьей парке, который сжег, заперев в землянке (или чуме), большое войско ненцев¹. Селькупы рассказывают об этом как о доблестном событии, хотя для мирной жизни и мирного сосуществования это, конечно, коварный и беспощадный к врагам поступок, кардинально нарушающий традиции селькупского (таежного) гостеприимства. Однако законы военного времени позволяли селькупам действовать по-другому.

А.В. Головнев в 1990-е гг. были записаны дополнительные варианты сюжетов про Нёмай Порга Ира, добавляющие подробностей проводимых данным селькупским героем (А.В. Головнев считает его хитрым и успешным селькупским военачальником) боевых операций: он нападал на ненецкие стойбища в отсутствии там большинства мужчин (заходя под видом гостя в центральный чум, созывал для беседы всех присутствующих в данный момент на стойбище мужчин, а в это время его спутники расправлялись с обитателями крайних чумов, убивая всех без исключения (и женщин, и детей), после чего нападали на центральный чум и убивали собравшихся, обычно безоружных мужчин. Именно проявляя коварную тактику и беспощадность к противникам, селькупам удалось победить и утвердиться на новой территории.

Такой сюжет (как фольклорный текст) крайне редок, и больше похож именно на историческую информацию, передаваемую устно в кругу селькупского населения Таза. По данному тексту, поясняющему суть тактики Старика в Заячьей парке, (если оценивать его как развитие основного сюжетного действия), можно предположить о том, что у северных селькупов, вероятно, начинался процесс складывания военно-исторического цикла преданий с данным героем, который, однако, не получил в итоге ни серьёзного развития, ни широкого распространения (иначе он был бы зафиксирован в большем количестве образцов записей от разных исследователей).

Если допустить, что в случае со «Стариком в Заячьей парке» исследователи имеют дело именно с процессом фольклоризации реального события, то можно

¹ Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 139.

предположить, что рассказ об этом событии, случившемся, например, в период борьбы с ненцами, произвел впечатление на слушателей и был неосознанно отобран ими как интересная и значимая [для подражания? или в большей степени для устрашения противника? и/или для поддержания храбрости и боевого духа самим селькупским населением?] история. Вероятно, данный сюжет, действительно, отражает тактику, применённую селькупам при освоении территории бассейна Таза: тактику коварной (партизанской) борьбы с превосходящим по численности и силе противником.

Возможно, этот сюжет (с)работал как оружие идеологической пропаганды, запугивая ненецкое (да и иное соседское) население. Помимо тазовских селькупов он был известен (записан) также у кетов¹.

А.В. Головнев (а также О.А. Казакевич – в серии статей о селькупском фольклоре²) отмечают, что по текстам фольклорных произведений отчетливо видно, кто были союзниками селькупов в их борьбе с юраками (ненцами и энцами) за удержание ими новых территорий: «В рассказах тазовских селькупов в качестве союзников упоминаются кеты и эвенки. Среди первых особой известностью пользуется «кет-остяк» Бальдино, способный шестом от черёмухи отбить град летящих стрел; среди вторых выделяются «сильные шаманы», камланием предрешившие исход войны»³.

Еще один фольклорный текст, названный исследователем «Искоренение врагов» (сюжет о коварной жене, помогавшей врагам-ненцам), который использовал А.В. Головнев для этноисторических реконструкций, добавляет деталей для характеристики селькупско-ненецкого противостояния. Однако подобный сюжет был широко известен селькупам на Оби: богатырь силой или обманом увозит жену, умыкнув (перехватив во время сватовства) ее у другого богатыря; она ждет, что первый ее жених за ней вернется и потому, когда этот богатырь со своим войском приходит ночью к их жилищу, она предает своего

¹ Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. С. 37, 50 (у кетов этот сюжет записан на Пакулихе и в Сургутихе); Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966. С. 63–65; 79–81, 13–15.

² Казакевич О.А. Контакты с иноплеменниками, отраженные в фольклоре (на материале фольклорных текстов северных селькупов) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 271–273

³ Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 118.

мужа (не пытается его вовремя разбудить; зашивает его парку, чтобы он не смог ее быстро надеть, прячет его кольчугу и т.п.); в итоге ее муж погибает, но брат мужа наказывает ее, посадив на кол (самый ранний сюжет из подобных, записанный в 1840-х гг. по-селькупски, см. Кастрен¹).

Сюжеты, отобранные и проанализированные А.В. Головнёвым для характеристики исторических процессов у северных селькупов, помогают сформулировать ответы на важные в методологическом плане вопросы: сочинялись ли селькупам фольклорные истории на злобу дня или шел бесконечный в истории процесс распространения (миграции) и заимствования фольклорных мотивов?

Однозначного ответа такой вопрос не имеет, но можно сделать предположения: в случае со Стариком в Заячьей парке, возможно, реальные события, рассказанные с преувеличенными подробностями, стали пересказываться многократно и приобретать черты именно фольклорного произведения, одновременно развиваясь и обрастая дополнительными деталями (однако подробности не прижились, в отличие от основной линии сюжета).

В случае с сюжетами 1) «О ссоре братьев из-за боевых перьев» и 2) «О коварной жене» следует признать, что ареал проживания северных селькупов (среднетазовской локальной группы) входит в зону распространения данных сюжетов, но общие контуры распространения их гораздо шире. Однако кровавые подробности второго сюжета и упоминание в качестве врагов главного героя не абстрактных «низовских богатырей», а конкретных юраков (ненцев) говорит о том, что наполнение деталями этих фольклорных текстов произошло именно под влиянием реальных исторических событий.

Таким образом, можно утверждать, что реальные события (например, конкретные боевые действия) дополняют и усиливают контекст фольклорного произведения, но сам сюжет (сюжетообразующий мотив) бывает известен, как

¹ Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 83. Helsinki, 1940; Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 122. Helsinki, 1960. 462. [S. 3–261 – Castrén's ostjacksamojedische Wörterverzeichnis, Grammatik, Leid].

правило, задолго до имеющих место реальных событий и распространен шире ареала их локализации.

Исследования по выявлению этнографических деталей селькупской культуры в фольклорных текстах

Направление «Фольклор и этнография» также активно развивалось на селькупском материале на протяжении практически всего XX в., начиная с исследований Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых. Для всех, кто работал в данном направлении, по умолчанию считалось (осознанно или нет), что фольклор – важный поставщик разнообразной этнографической информации. В подаче материала превалировал тематический подход, т.е., если в фольклорных текстах находилось что-либо, что могло проиллюстрировать обозначенную этнографическую тему, такой материал обязательно привлекался. При этом данные, полученные исследователями из фольклорных произведений, в текстах научных исследований подавались в совокупности с этнографической информацией (иногда в комбинациях). Такая подача материала воспринималась как вполне допустимая. Более того, если этнографическая информация оказывалась сопоставимой с фольклорным материалом, это значительно добавляло вес данным, полученным в устных (не фольклорных) высказываниях информантов.

1. Использование фольклора Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми.

Г.Н. Прокофьев в 1920-х гг., и затем его ученица – Л.А. Варковицкая в 1941 г., собрали значительную коллекцию селькупских фольклорных текстов (хорошо атрибутированных, с оригиналом на селькупском языке). В сумме – более 100 ед. Однако до настоящего времени эти тексты в большинстве своем не опубликованы и не введены полноценно в научный оборот¹. О рукописном архиве Г.Н. Прокофьева, хранящемся в МАЭ и фольклорных материалах, входящих в

¹ Разбором архива Л.А. Варковицкой и дигитализацией этих материалов в 1990-е годы занимались А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, О.А. Казакевич; в 2000-е гг. работа с фольклорными материалами Г.Н. Прокофьева и Л.А. Варковицкой (включая публикацию отдельных текстов из этого собрания) была сосредоточена в руках О.А. Казакевич.

него см.: Казакевич (2010)¹. О собрании североселькупского фольклора Л.А. Варковицкой см.: Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. (1989)²; опись материалов этого уникального собрания, составленную А.И. Кузнецовой, см.: Мифология селькупов, 2004 (в данной описи представлены сведения о 104 образцах селькупского фольклора)³.

Как пишет Л.В. Хомич, «работа по созданию письменности и учебных пособий задержала систематизацию этнографических и других материалов, которая началась лишь в предвоенные годы, а из-за гибели Г.Н. Прокофьева в осажденном Ленинграде (в январе 1942 г.) была продолжена Е.Д. Прокофьевой лишь в 1960-е гг.»⁴.

Не будучи в массе своей опубликованным, тем не менее, в значительной степени собранный фольклорный материал был задействован Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми в их этнографических публикациях: из контекста фольклорных произведений ими восстанавливались, прежде всего, основные координаты и действующие персонажи мифологической картины мира селькупов. Также интересовали данных исследователей детали селькупского быта или их хозяйственные занятия, упоминаемые в фольклоре.

В статье Г.Н. Прокофьева «Церемония оживления бубна у остяко-самоедов» (1930) напрямую цитаты из фольклорных текстов отсутствуют. С некоторой долей условности при этом можно считать фольклорными фразами ритуальные призывы-обращения к духам, или обязательные фразы-указания, обращенные к сородичам, которые шаманы высказывали во время подготовки к церемонии и в ходе её многодневного проведения.

Намного более интенсивно задействовала фольклор в своих этнографических публикациях Е.Д. Прокофьева. В статье «К вопросу о социальной организации селькупов» (1952) есть несколько мест, где она

¹ Казакевич О.А. Архив Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Band 32/33. Hamburg, 2010. С. 257-269.

² Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л.А. Варковицкой // СФУ. Таллинн, 1989. Т. XXV. С. 51–53.

³ Кузнецова А.И. Опись архива Л.А. Варковицкой. Тетради 1–11 (1941 г.) // *Мифология селькупов*. Томск, 2004. С. 337–340.

⁴ Хомич Л.В. Е.Д. Прокофьева – исследователь традиционной культуры селькупов // Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. С.6.

опирается на контекст фольклорных произведений. Так, например, характеризуя селькупский этикет, она пишет: «В фольклоре очень красочно даны картины таких встреч [гостей]. Своего соплеменника встречают с радостью: ему дают лучшую пищу, новые лучшие шубы на ночь. По фольклорным данным, женщину, нарушившую это правило, кормившую гостя *чаңалълэ* – «худшими кусками», муж убивал»¹, и далее следует описание традиций селькупского гостеприимства (однако конкретные фольклорные тексты не цитируются).

В целом, по ходу текста данной статьи Е.Д. Прокофьевой еще во многих абзацах есть фразы: «по указаниям в фольклоре...», «в фольклоре упоминается...», «в фольклоре нет указаний...» и т.п. При этом несколько высказываний автора несут в себе элементы теоретического обобщения фольклорного материала. Так, например, ею было отмечено, что «В фольклоре предметы личного пользования мужчины и женщины возведены в символ...»²; или, осматривая священный амбар на Тыму, в котором находилось антропоморфное изображение, Е.Д. Прокофьева идентифицировала это изображение (идола) как образ прародителя рода Кедровки – Ыя, и далее сделала следующее заключение: «Фигура Ыя играла большую роль в религиозных представлениях селькупов, являясь трансформацией излюбленного селькупского героя-богатыря в мифическое божество – сына бога Нума. *Анализ селькупского фольклора позволяет проследить эту трансформацию.* В данном случае важно, что один из родов фратрии вел свое начало от героя-богатыря, сына бога Нума, считал его своим предком»³.

Таким образом, уже в данной (одной из первых самостоятельных статей Е.Д. Прокофьевой) можно выявить своеобразную «технология» написания ею научного этнографического текста, в котором практически нет разграничений на материал этнографический (сообщенный информантом в беседе с исследователем) и фольклорный (контекст фольклорных произведений). Устная информация и фольклор воспринимались как равнозначный по значимости

¹ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // СЭС, 1952. Т. 1. С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 99–100.

материал, и в процессе написания статьи этот материал искусно и удачно комбинировался автором. Нельзя сказать, что сама Е.Д. Прокофьева не видела эту разницу; скорее всего, она считала допустимым именно такой подход и такую подачу материала как вполне научную и правильную.

В дальнейшем все последующие статьи, а из них, прежде всего, статьи: «Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов)» (1961), «Некоторые религиозные культы тазовских селькупов (1977), и особенно – «Старые представления селькупов о мире» (1976) – демонстрировали именно данный подход к подаче материала. Авторская манера вплетать в тексты своих научных статей фрагменты фольклорных произведений или пересказы сюжетов селькупского фольклора сделали стиль Е.Д. Прокофьевой особенным и моментально узнаваемым.

Минусом такой системы подачи материала является то обстоятельство (существенное для научной работы с представленной в данных статьях информацией), что оказывается крайне сложно, а порой практически невозможно выявить – на какой именно фольклорный текст опирается тот или иной образ или мифологическое положение традиционного мировоззрения селькупов. Данная сложность возникает, прежде всего, из-за отсутствия точных ссылок на фольклорные тексты.

Так, в статье «Представления селькупских шаманов о мире» опознается наличие пересказов двух преданий: о непослушном Сыне Неба, который замерз, уйдя из дома без обуви (его след – это Млечный Путь на небе) и текст о небесной охоте юрака, селькупа и тунгуса за лосем (созвездие «Лось» – «Большая Медведица»)¹. Вся остальная информация – это либо комментарии рассказчиков к рисункам, либо контексты фольклорных произведений, либо сами фольклорные произведения, оставшиеся не известными (например, материал о «матери пауков»

¹ Только тексты 7 сказок, записанных Прокофьевыми, были опубликованы целиком (по-русски, т.е. без оригинала на селькупском языке): «Сыновья старика морского мыса», «Хозяйка огня», «Тыссия», «Кенгерселя», «Чанкэр», «Ича» (2 текста) (см.: «Сказки народов Севера» (1959); Легенды и мифы Севера (1985)); а также еще 2 текста приведены целиком (не в пересказе): «Солнце и Нижняя Старуха делят Мужчину-Месяц», «Человек попал в мир умерших» (Прокофьева, 1976).

очень похож на пересказ фольклорного текста, но до сего дня такой текст (сюжет) не выявлен в фольклорном собрании селькупов¹).

Еще больше фольклорных текстов было задействовано Е.Д. Прокофьевой в статье «Старые представления селькупов о мире» (1976). Так как автору [Н.Т.] пришлось работать с данной публикацией при создании словарных статей в энциклопедическом издании «Мифология селькупов» (2004), то коллегиально с соавторами было решено фактически каждый образ, описанный Е.Д. Прокофьевой в данной статье, условно считать как пересказ фольклорного произведения (таким образом, можно было бы предположить наличие неких текстов: «о землю держащей на весу Рыбе», «о борьбе Солнце-женщины и старухи Ылынта-кота из-за мужчины, ставшего потом Луной», «о лучах Солнца, дарующих жизнь новорожденному», несколько сюжетов, объясняющих Млечный Путь (след Нун Ия; Невод Ия, который он повесил на Полярную звезду для просушки (звезды – это застрявшая в неводе рыба чешуя), дым от костра Небесной старухи-матери), радугу (тень от лука Ия) и т.п. Всего приблизительно около 20 фольклорных сюжетов.

Поскольку вся, представленная в данной работе, информация ценнейшая в плане реконструкции традиционного мировоззрения селькупов, то, конечно, при работе с ней хотелось бы большей опоры на непосредственно фольклорные тексты, которые в массе своей остались «за кадром», создавая ощутимый и одновременно «виртуальный» бэкграунд данного исследования.

По оценке коллег-селькуповедов и исследователей традиционного мировоззрения сибирских этносов, Е.Д. Прокофьевой, безусловно, удалось в статье «Старые представления селькупов о мире» создать «непротиворечивое и исчерпывающее системное описание селькупской мифологии»². На долгие годы данная работа была (а для некоторых исследователей и остается) самым информативным источником по воссозданию селькупской традиционной картины мира и традиционного мировоззрения.

¹ Возможно, он присутствует в архивных материалах Г.Н. Прокофьева и пока целиком все еще не опубликован.

² Казакевич О.А. История сборов материалов по фольклору северных селькупов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 61.

2. *Опыт Г.И. Пелих по выявлению этнических компонентов в составе этногенеза селькупов и «привязыванию» этих компонентов к группам топонимов в Нарымском крае с опорой на данные фольклора.*

Г.И. Пелих предприняла попытку не просто реконструировать ход исторического процесса на фольклорном материале; она попыталась выявить компонентный состав селькупского этногенеза. В статье «Фольклор как средство расшифровки топонимов» (1965), имеющей буквально краеугольное значение для становления ее метода «компонентного анализа этногенетических процессов», она предложила свой способ «привязывать» выявляемые ею этнические компоненты к группам топонимов (топоформантов), выделенных лингвистами (прежде всего, А.П. Дульзоном (1950, 1959) и Л.И. Калининой (1961)¹) на территории Томской области. Использовать для такой «привязки» Г.И. Пелих предложила именно фольклорный материал.

Способ «привязки» выглядел следующим образом: исходя из тезиса, что «селькупский фольклор отражает разные стадии развития общества и различные формы материальной культуры»,² Г.И. Пелих предлагала разделить фольклорные тексты по описаниям в них быта селькупов. Есть тексты, где «герои сказок охотятся, ловят рыбу, заготавливают орехи и бересту, собирают ягоду»³ (ссылка на 2 фольклорных текста «О русском брате» (публ. В. Пухначева) и «Храбрый мальчик» (публ. Н.Ф. Бабушкина и Я.Р. Кошелева)⁴ – оба текста на русском языке без оригинала на селькупском; точная атрибуция отсутствует). Есть тексты, где герои-богатыри живут в «городах», укрепленных валами и частоколами, делают лодки на 60 гребцов, носят железные кольчуги, мечи и шлемы, передвигаются на богатырских конях с золотыми седлами и приносят духам жертву в виде золота⁵

¹ Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки ТГПИ. Т. VI. Томск, 1950. С. 179. Он же. Кетские топонимы Западной Сибири // Ученые записки ТГПИ. Т. XVIII. Томск, 1959. С. 93; Калинина Л.И. Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана // Ученые записки ТГПИ. Т. XIX. Вып. 2. Томск, 1961. С. 191.

² Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 66.

³ Там же. С. 67.

⁴ Пухначев В.М. Сказки старого Тыма. Новосибирск, 1972; Легенды голубых озёр. / Сост.: Бабушкин Н.Ф., Кошелев Я.Р. Томск, 1961. 45 с.

⁵ Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 67.

(ссылка на тексты «Кат-ман-пуч»¹, «Железный богатырь» (публ. В. Пухначева) – оба текста существуют только на русском языке).

Третий, выявляемый данным автором по текстам фольклора набор элементов материальной культуры, – комплекс мадет-куп / «лесных людей». Они живут под землей – в землянках с подземными ходами, берут воду из подземной реки – Ижим, их подземный богатырь Нарым живет также на подземной реке, откуда выходит на Кеть, чтобы таскать воду в свои котлы² (ссылка на текст «Тумадан и Ермак», записанный на р. Васюган (запись и публ. В. Величко³) – текст записан только на русском языке; запись от информанта К.Е. Могутаева (98 л.), ю. Окунцы, р. Васюган, 1939 г.).

Общий вывод – сказки связывают между собой определенный круг элементов материальной культуры. Данный вывод в целом не вызывает возражения, вопрос только в том, как интерпретировать выявляемые круги материальной культуры, и обязательно ли связывать их с разноэтничными компонентами, если в фольклорных текстах нет прямых указаний на этнонимы или другие признаки этнической идентификации. С равной долей вероятности подобные комплексы могут быть отражением разных социальных групп одной культуры, или они могут относиться к разным хронологическим слоям и т.п.

Г.И. Пелих предлагает первый комплекс связать с гидроформантом *-ка, -га*, и оценить его как самодийский (селькупский); второй, по мнению Г.И. Пелих, «является остатком древней малоизученной культуры, связанной... с древними этническими общностями Минусинской котловины (топонимы на *-дат, -сес*)» (ссылка на работу Л.Р. Кызласова (1960)⁴). Третий комплекс (гидронимы на *-ым, -им* – «Нарым, Чулым, Тым, Сым, Казым, Назым, Салым, Кулым, Торсым, Пелым и т.д.») является одним из древнейших: «он выступает в топонимике Западной Сибири как субстрат, перекрываемый более поздними селькупскими, кетскими и хантыйскими топонимами... Вследствие их большой древности такие

¹ Публикация Н. Кострова, со ссылкой, что текст был записан Н.П. Григоровским: Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. С. 6-9.

² Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов. Томск, 1965. С. 68.

³ Васюганские легенды. Запись В. Величко // Сибирские огни. 1941. №2. С. 65–68; Ермак и Тумадан // Легенды голубых озёр / Сост.: Бабушкин Н.Ф., Кошелев Я.Р. Томск, 1961. С.14-18.

⁴ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. М., 1960. С. 17.

компоненты можно отнести к палеосибирскому слою на этой территории»¹. Таким образом, считает Г.И. Пелих, «с помощью фольклора оказывается возможным сопоставить древнейший, до сих пор еще не расшифрованный слой западно-сибирских топонимов с определенным комплексом элементов материальной культуры»².

Метод, который применила Г.И. Пелих, можно отнести к сравнительно-сопоставительному анализу (с точки зрения фольклористики её исследование было осуществлено в рамках направления «фольклор и этнография»), однако критерии для сопоставления выбраны автором были практически интуитивно, на основе эрудиции и личного ассоциативного ряда исследователя.

Наиболее уязвимым моментом данной методики (помимо свободного сопоставления гидронимов из разных языков) является вопрос фольклорных источников. Сама Г.И. Пелих оценила состояние селькупской фольклористики на момент написания ею статьи (1965 год) следующим образом: «К сожалению, произведения селькупского фольклора не только мало изучены, но, в большинстве случаев, просто не известны исследователям. Многие из них опубликованы в литературной обработке, что отнюдь не повысило их ценность как исторических источников»³. Тем не менее, она решилась проводить свое сопоставительное исследование.

В итоге, остается неясным: фольклор каких этносов был взят ею для анализа? Все записи – только на русском языке; информанты не указаны. При этом относительно текстов «Кат-ман-пуч» и «Храбрый мальчик» известно, что это записи Н.П. Григоровского, их оба можно опознать как селькупские (при этом Г.И. Пелих относит материальные объекты, упомянутые в этих двух текстах, к разным комплексам). Впервые текст «Кат-ман-пуч» был издан в 1882 г. Н. Костровым в сборнике «Образцы народной литературы самоедов», с указанием, что записан текст был «знатоком самоедского языка»

¹ Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов. Томск, 1965. С. 69.

² Там же. С. 69.

³ Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов. Томск, 1965. С. 66.

Н.П. Григоровским и публикуется «в дословном переводе»¹. Текст «Храбрый мальчик» (его русский перевод) буквально дословно совпадает с русским переводом текста «Итя» из «Азбуки сюсогой гулани» (1879) Н.П. Григоровского; в азбуке есть оригинал на селькупском языке².

Сложнее обстоит дело с текстами В.М. Пухначева и В.А. Величко. Тексты В.М. Пухначева в сборнике «Сказки старого Тыма» (1972) не все опознаются как селькупские (некоторые из них представляются не просто литературной обработкой собирателя, но выглядят в большей степени как авторские сочинения; текст «Железный богатырь» попадает, как раз, в эту категорию)³. Текст «Ермак и Тумадан», где фигурирует подземный богатырь Нарым и два его брата, был записан на Васюгане (ю. Окунцы близ Айполово). В самом тексте упомянуты юрты Айполовы и Нарым, устье Кети и берега Оби. Текст был впервые опубликован В.А. Величко в 1941 г. в журнале «Сибирские огни»⁴. Данный текст записан от информанта К.Е. Могутаева (хант); однако сюжет не соотносится однозначно ни с хантыйской, ни с селькупской фольклорной традицией.

Таким образом, становится очевидным, что без точного этнически идентифицированного подбора фольклорных текстов (с обязательными атрибутивными данными – сведениями о месте записи и об информантах; а также без текстов на языке оригинала) проводить такие сопоставительные исследования крайне рискованно.

3. Сопоставительные исследования фольклорного материала селькупов и социально-исторических процессов в публикациях Г.И. Пелих

В 1956 г. Г.И. Пелих (в соавторстве с Я.Р. Кошелевым) была написана и опубликована статья «Из прошлого нарымских селькупов», которая является типичным («классическим») по тематике и задачам для своего времени (и

¹ Известно несколько фраз на селькупском языке из сказки «Кат-ман-пуч» (начало и конец), оставшиеся в архивных материалах Н.П. Григоровского (Helinski, 1983. С. 262–263), но они были опубликованы позже появления данной статьи Г.И. Пелих.

² В сборнике «Легенды голубых озер» сказка имеет следующий комментарий от составителей: «Записана неизвестным корреспондентом Г.Н. Потанина, хранится в архиве. Обработана Н.Ф. Бабушкиным и Я.Р. Кошелевым». См.: Легенды голубых озёр. Томск, 1961. С. 45.

³ Подробнее о творчестве В. Пухначева см.: Никульков А.В. Василий Пухначев. Новосибирск, 1980; Тучкова Н.А. История изучения южноселькупского фольклора // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 52–53.

⁴ Васюганские легенды. Запись В. Величко // Сибирские огни. №2. 1941. С. 65–68. Перепубликация текста: Легенды голубых озёр. Томск, 1961. С. 14–18.

достаточно редким для наших дней) исследованием: данными авторами была произведена сопоставительная работа по соотнесению фольклорного материала и социально-экономического состояния селькупского общества. В основу статьи лег фольклорный материал, собранный Г.И. Пелих во время ее летних этнографических экспедиций 1951–1953 гг. в Нарымский край¹.

Авторами были отмечены многочисленные «пережитки старого родоплеменного строя, отразившиеся на многих сторонах их жизни и культуры селькупов, что нашло свое выражение и в их устном народном творчестве»². Фольклорный материал позволил выявить: пережиточные формы материнского рода, следы группового брака в фольклоре, классификационную систему родства, характерную для родового строя, и одновременно, социально-имущественное расслоение населения в период, предшествующий установлению советской власти в Приобье.

Также были отмечены наличие в религиозных верованиях селькупов таких проявлений ранних форм религии как анимизм (вера в духов, среди которых наиболее часто упоминаемый в фольклоре добрый Лесной дух-женщина – Лешачка)³, а также тотемизм, выразившейся в культе медведя (в текстах отмечено почитание медведя как родственника человеку и существование запрета на употребление его мяса)⁴; кроме того, на р. Чижапке выявлен запрет есть лебедя, а кое-где особо почитали белку (положение подкреплено фольклорными текстами с упоминанием «белки с лямкой» – «собачки» Лесной женщины-духа)⁵.

Как яркое доказательство пережитков материнского рода – наличие в текстах селькупского фольклора героинь женщин-воительниц – «богатырш» (*Тяпса-Марга* на Кети и Царевна *Амдель-кок-немна* Тыму). Этот образ (и его «довольно широкое бытование») подтверждает высокое и независимое положение

¹ Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого Нарымских селькупов // Ученые записки ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С. 206.

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 207–208.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Там же. С. 209.

женщины в жизни селькупского общества и в фольклоре¹. «Причина «свободного и почетного положения женщины» объясняется не только тем, что у селькупов Нарыма продолжали сохраняться остатки старого родового быта, продолжали действовать обычаи, «становившиеся еще в то время, когда женщина была большой силой в кланах (родах) да и везде»². Положение женщины определялось и той ролью, которую она играла в процессе производства»³. Фольклор селькупов показывает, что женщины участвовали в производственном процессе (охоте и рыболовстве) наравне с мужчинами.

Социально-имущественное расслоение по данным фольклора выявляется на основе упоминаний в текстах сказок и преданий противопоставления князцов и остальных людей, или богатыря и «его работника» (стрелявшего по приказу хозяина-богатыря в гром). Авторы отмечают наличие, как минимум, трёх социально неравных групп населения: князцов, ясачных людей и их холопов. Последние являлись «эксплуатируемым населением», «туземной беднотой», и «только советская власть положила конец разорению, нищете и кабале народов Нарыма»⁴.

Такой подход к материалу в целом не вызывает возражения, и, несмотря на идеологический фундамент, данное исследование вполне укладывается в русло этнофольклористики.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были рассмотрены как различные методологические подходы к работе с фольклорным материалом, так и конкретные методы исследований. Было выявлено, что они менялись исторически в связи с изменениями научных парадигм в гуманитарных (прежде всего, исторических и филологических) науках.

¹ Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого Нарымских селькупов // Ученые записки ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С. 213.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 64. Цит. по: Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого Нарымских селькупов // Ученые записки ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С. 213.

³ Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого Нарымских селькупов // Ученые записки ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С. 213.

⁴ Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. Из прошлого Нарымских селькупов // Ученые записки ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С. 216.

Представители исторической и этнографической науки никогда не оспаривали функцию фольклора быть носителем исторической и этнографической информации. На протяжении XIX–XX вв. отношение к фольклорному материалу всегда было как к ценному историческому и этнографическому источнику, потенциально имеющему высокую степень содержания исторических и этнографических сведений.

Исследователи, работающие с фольклорным материалом в направлении «конкретного историзма», выявили, что наиболее результативной является опора на тексты исторических преданий, так как именно этот фольклорный жанр обладает, во-первых, наибольшей степенью насыщенности конкретной исторической информацией, во-вторых, историческая информация в произведениях такого рода наименее «обработана» художественным способом (что весьма важно для исторических реконструкций).

Опыт работы исследователей, привлекавших фольклорный материал сибирских этносов (хакасский, алтайский, кетский и др.), показывает высокую результативность этого метода: исследователям по текстам фольклорных произведений удавалось охарактеризовать территорию формирования этноса (например, выявить её ландшафтные особенности или иные природно-географические черты); этнические компоненты, из которых складывался этнос; разделения и ответвления родовых групп друг от друга; этнонимику прошлого (в некоторых случаях с народной этимологией этнонимов, родовых названий), этнонимы соседей и врагов.

Кроме того, как вполне успешные (хотя не бесспорные), можно оценить попытки исследователей идентифицировать фольклорных героев и некоторых исторических личностей: вождей племен, основателей родов (т.е. лиц, от которых род (патронимия) ведет свое происхождение), ярких военных предводителей (как, например, герой нганасанских преданий Тими-хоти – «Сломанный зуб», возглавивший в XVII в. нганасан в их стычках с ненцами).

Метод, которым обычно пользуются исследователи, работая в области «конкретного историзма» – сравнительно-сопоставительный: данные фольклора о

каком-либо событии напрямую сопоставляются с известными по документам историческими фактами; персонажи фольклорных текстов – с историческими личностями, выявленными также по документальным источникам; сведения о родовых группах и племенах – с историческими данными об этих группах; упоминаемые в фольклорных текстах этнонимы – с подобными этнонимами, известными из этнографических записей и публикаций, и т.п.

Исследовательское направление «Фольклор и этнография» (этнофольклористика), также демонстрирует высокий уровень эффективности в работе с фольклорным материалом при проведении этноисторических исследований. Основной метод, которым добывается этнокультурная информация из фольклорных текстов, также сравнительно-сопоставительный. Кроме того, активно используется метод контекстного анализа, так как исследователи, работающие в данном направлении, интересуются, прежде всего, контекстом фольклорных произведений, на фоне которого разворачиваются сюжетные действия.

Этнофольклористика позволяет реконструировать социальную стратификацию этноса, элементы его политического устройства, традиции и семейные нравы, черты бытовой культуры, а также хозяйственные занятия носителей исследуемой фольклорной традиции.

Компаративная фольклористика как особое исследовательское направление, сравнивающее схожие мотивы и сюжеты в разных этнических фольклорных традициях, всегда играло важнейшую роль в области изучения фольклорных текстов. При этом, «каждая научная теория и школа применяла свою методику, основанную на характерных для нее представлениях о природе и специфике фольклора и понимании задач научного сравнения»¹.

В период превалирования в отечественной науке сравнительно-типологического подхода к изучению фольклора, давшего значительные результаты для понимания сути фольклорного процесса (в частности, осознания

¹ Путилов Б.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14. С. 55.

его стадиальности), этноисторические исследования находились, как правило, за рамками исследований фольклористов.

С зарождением в конце XX – начале XXI в. фактически нового научного направления, актуального и для филологических (фольклористических) исследований и для исторических (этнологических) – «сравнительных исследований распространения фольклорно-мифологических мотивов») – вопрос реконструкции этноисторических процессов вышел на передний план.

Один из важнейших выводов, полученных в ходе исследования ареального распространения мотивов, был сформулирован следующий: сходство фольклорных мотивов у разных народов и на разных континентах можно объяснять именно миграциями, т.е. распространение мотивов напрямую связано с путями миграций отдельных групп людей (популяций).

Проблема датировки событий, отраженных в фольклорных текстах, а также иных данных, в том числе, контекстной информации, содержащейся в ткани фольклорных произведений, не решена до настоящего времени: существует несколько методов датирования фольклорного материала (исходя из разных теоретических подходов к фольклорному тексту), но все они не дают однозначный и точный результат.

На селькупском фольклорном материале были проведены исследования как в направлении «конкретного историзма», так и в области этнофольклористики.

В рамках первого направления было выявлено, что в фольклорном творчестве селькупов имел место жанр исторических преданий, но популярным и широко распространенным (на фоне жанра сказки или богатырской песни (в прошлом)), он не был. С начала XIX в. (с записей А.П. Степанова (полковника Маслова)) были известны два исторических предания – о даровании Богом еды (благополучия) новопоселенцам на р. Таз и о Старике в Заячьей парке. Фактически именно ими и ограничивается круг надежно зафиксированных исторических преданий.

П.И. Третьяков и (особенно) А.Ф. Плотников широко использовали термин «предания инородцев» для изложения данных, полученных ими от информантов,

и в итоге они в своих публикациях привели значительную сумму сведений исторического характера, но всё это – записи «устной истории», но не фольклорные тексты.

Этнолог А.В. Головнёв привлёк к своим этноисторическим исследованиям значительный объём фольклорных текстов северных селькупов (сказки и исторические предания). Им было установлено, что крупные военно-политические события (судьбоносные битвы, такие как поражение на Оби от хантыйско-русской коалиции или победа на р. Тольке в Кэли Мач) в фольклоре селькупов **не** отражены. Однако сам факт борьбы с ненцами – народом *келэк тамдыр* (боевые столкновения партизанского типа), проживавшими на осваиваемой селькупам территории Таза, имеет фольклорное подтверждение. Самый характерный фольклорный пример этой борьбы – сюжет о Старике в Заячьей парке. Данный сюжет, записанный неоднократно (не только А.В. Головнёвым, но и другими исследователями, начиная с публикации А.П. Степанова), вероятно, говорит о процессе фольклоризации одного или нескольких событийных рассказов (при условии, что в других ареалах Западной или Восточной Сибири, или на иных континентах этот сюжет не известен¹).

Этнофольклористические исследования с привлечением селькупского фольклорного материала, проводимые Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, показали высокую степень результативности. Г.Н. Прокофьевым был собран большой объём селькупского фольклора на среднетазовском и баишенском (туруханском) диалектах селькупского языка; соответственно этот материал характеризует фольклорное наследие северных селькупов. Е.Д. Прокофьевой, имевшей возможность работать с этим архивным собранием, удалось задействовать этот материал в своих этнографических публикациях. Особенно удачными были опыты по привлечению фольклорных сведений для реконструкции мифологической картины мира северных селькупов.

¹В каталоге Ю.Е. Берёзкина этот сюжет не учтен, так как оценен им как «квази-исторический» (из переписки с Ю.Е. Берёзкиным).

Г.И. Пелих была осуществлена попытка выявить компонентный состав селькупского этногенеза с опорой на фольклорный материал (с одной стороны), и на гидронимический (с другой стороны), однако из-за отсутствия на момент исследования в её распоряжении репрезентативной и верифицированной источниковой базы (атрибутированных фольклорных текстов на селькупском языке) выводы автора выглядят спорными. Кроме того, Г.И. Пелих проводились также корреляционные исследования фольклорного материала селькупов и социально-исторических процессов: автор пыталась выявить следы материнского рода, группового брака, классификационную систему родства, социально-имущественное расслоение селькупского общества. Контекст некоторых фольклорных произведений позволил Г.И. Пелих сделать некоторые выводы по данным аспектам.

Таким образом, в ходе проведенного исследования автором были рассмотрены различные методологические подходы к этноисторическим исследованиям, проводимым на фольклорном материале, и произведена оценка их результативности; в том числе был оценен опыт привлечения фольклорного материала к решению этноисторических вопросов и описанию различных аспектов культуры народов Сибири. Было выявлено, что, несмотря на сложность работы с фольклором как источником исторической и этнокультурной информации, тем не менее, различные методологические подходы демонстрируют достаточно высокую степень эффективности в получении исторически значимых выводов. Однако точность и однозначность этих выводов, как правило, всегда остается под вопросом.

Глава 2. Этническая история локальных групп селькупов в контексте этнографических и лингвистических исследований

Период этнографического обследования селькупов охватывает уже более трех столетий. В рамках этого периода можно выделить закономерный этап накопления знаний о них (до середины XX в.) и этап аналитического осмысления их этнической истории с точки зрения разных научных дисциплин: археологии, лингвистики, антропологии и этнографии. Однако с самых первых исследовательских шагов была заложена проблема «смешивания» данных о культуре этноса (для XVII–XIX вв. сведения о селькупках шли в совокупности с данными об угорском населении или енисейскоязычном), позднее – данные, полученные от различных локальных групп селькупов, соединялись вместе, чтобы создать единый «образ» культуры селькупов.

Следует подчеркнуть, что если лингвисты – всегда стремились отделить говоры и диалекты селькупского языка друг от друга и описывали каждый диалект отдельно, принципиально не смешивая данные, полученные из одного диалектного подразделения селькупов, с данными от всех других групп, то в этнографии, напротив, на протяжении многих лет устойчивым было стремление авторов-исследователей сделать, прежде всего, общее описание селькупской культуры (Прокофьева (1956), Пелих (1972, 1981); Васильев В.И. (1994, 1998)¹ и др. Акцентировались именно общие моменты, которые сближают все селькупские группы между собой, тогда как локальная разница учитывалась (нельзя сказать, что ее игнорировали), но она не была в фокусе исследовательских интересов² при создании этнографических очерков о селькупках.

Так, З.П. Соколова в работе «К проблеме этногенеза обских угров и селькупов» (1980), отметила, что селькупы состоят из двух групп – северных и

¹ Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.-Л., 1956. С. 665–686. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.; Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 177 с.; Васильев В.И. Селькупы // Народы России. М., 1994. С. 312. Он же. Селькупы // Народы и религии мира М., 1998. С. 475.

² Можно отметить всего несколько работ с акцентом на локальной специфике разных групп среднеобских селькупов: Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды ТОКМ. Томск, 1927. Т. 1. С. 136–167. Орлова Е.Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. // Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна. Т.1. Вып. 4. Красноярск, 1928. 55 с.

южных, но «исследователи, описывая селькупов, считают их происхождение и культуру едиными»¹.

В связи с многолетним превалированием данной тенденции в селькуповедении к настоящему времени сложилась ситуация, когда приходится постоянно сталкиваться с проблемой дифференциации этнографических данных. Исследователи не могут точно сказать, какова была этнографическая (!только этнографическая – без данных лингвистики, антропологии и др. смежных наук) специфика, например, кетских селькупов или селькупов «верхнеобских» (подробнее об этом см. ниже). Исключение составляют лишь дескриптивные исследования северных селькупов: данные о них обычно собирались этнографами автономно от данных всех иных групп и подгрупп селькупов, также, как правило, автономно они и публиковались (Прокофьев (1928); Островских (1931), Хомич, Ириков, Аюпова (2002))².

В силу задач данного диссертационного исследования представляется важным обобщить данные (как в плане истории изучения, так и в плане оценки собранного исследователями материала) относительно разных (по возможности – всех) подгрупп селькупов: выявить, что и кем из исследователей было собрано, насколько обеспечена этнографическим материалом та или иная группа. Именно по этим позициям будут формулироваться выводы при подведении итогов разделов.

В самом начале процесса сбора материала для данной главы, стало ясно, что наличие сведений, собранных в XVII–XIX в. нередко упоминается в работах XX в., но сам этот уникальный материал «ранних» авторов практически не является учтенным в публикациях этнографов последующих лет. Однако именно эти авторы имели дело с культурой, которая еще не была подвержена процессам аккультурации, и именно из этих материалов можно получить сведения о локализации групп селькупов в прошедшие три столетия. В связи с этим (в целях

¹ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 90.

² Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. №2. С. 96–103. Островских П.Е. Баишенские «остяки» // Советский Север. 1931. №7–8. С. 161–181. Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. 149 с.

достижения задач данного исследования) представляется важным рассмотреть, какой этнографический материал «ранние» авторы собрали о группах селькупов. Принципиальным моментом при написании раздела 2.1. было не цитировать публикации XX в., а работать с опубликованным материалом исследователей XVII–XIX вв. как с источниками.

2.1. Источники о локальных группах селькупов XVII–XIX вв.

Селькупы расселены достаточно широко в пространстве Западной Сибири – в бассейне нескольких крупных рек, являющихся притоками Оби и Енисея, а также в бассейне р. Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан. Эта местность всегда (даже в наши дни) является достаточно труднодоступной и слабо заселенной. Именно эти два фактора сыграли ведущую роль в том, что информация об этом народе накапливалась весьма медленно и по крупицам.

Селькупы Приобья в трудах исследователей XVII–XIX в.

Первые письменные свидетельства XVII в.

1. Материалы Н.Г. Спафария. Фактически первым подробным и обстоятельным описанием населения Оби, которое уверенно можно соотнести именно с селькупским населением, принадлежит Н.Г. Спафарию¹. Данный автор, направляясь в 1675 г. с посольством в Китай, проехал по Оби от Тобольска до Нарыма, и далее – по Кети до Маковского острога. Им были перечислены фактически все населенные пункты, существовавшие в тот момент на речных побережьях, мимо которых он проплывал, причем, с указанием расстояний (в вёрстах) между поселениями или географическими объектами, например, «...Да на правой стороне реки Кети старая Кецкая лука, от юртов Коравандиных 7 верст»...². Кроме того, им сообщалось, за кем числятся реки и озера, яры и лесные

¹Спафарий Николай Гаврилович (Милеску Николае Спэтарул) (1636–1708) – дипломат, писатель. Родился в Молдавии, но его предки вели свое происхождение из Греции. Милеску – фамильное прозвище по названию поместья, которым он владел в Молдавии. Получил образование в Константинополе и в Италии. Владел языками: итальянским, латинским, древне- и новогреческим, арабским, турецким. Начал служить в Москве при царе Алексее Михайловиче в качестве переводчика Посольского приказа, был одним из учителей царевича Петра I. В 1675 г. был назначен главой русского посольства в Китай; в Москву посольство возвратилось в начале 1678 г.

²Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. [фрагмент: Описание поездки по р. Кети] // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том.гос. ун-та, 1997. С. 241.

массивы, кто в них промышляет и что именно добывают, например: «На правой стороне Кети река Пыгма, от озера 27 верст: а та река Пыгма словет для того, что жилал на ней остяк Пыгма, а ныне за остяцким же князем за Максимком. А по ней промышляют соболи, и лисицы, наипаче все бобры самые добрые, черные...»¹; или «На левой стороне Кети река Сочюр, а та река Сочюр вытекла из Маковского волока из болот. А величиною та река Сочюр с Кеть реку. А на ней остяцкие юрты остяка Июйка, зимняя и летняя. А по ней тот остяк промышляет соболи, и бобры добрые, и лисицы, и иной многий зверь»².

Перечень приведенной конкретной информации о географических объектах на Кети, завершается небольшим обобщающим очерком об остяках со следующей вводной фразой: «Но про реку Кеть довольно, а ныне про остяков напишем». Очерк с полным правом можно назвать этнографическим, так как в нём приводится характер занятий местного населения, особенности его питания, описываются средства передвижения, одежда. Согласно данным Н. Спафария, основным промыслом жителей Приобья являлось рыболовство: «...се есть рыбады, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много»³. Рыбу ели сырой, вареной и сушеной, совсем не употребляли соли и хлеба. «Опричь рыбы» ели еще «корень белой, сусак, которой они летом собирают в запас, сушат, и зимою едят». Рыболовный промысел обеспечивал население не только пищей, но и одеждой: «...из рыбьей кожи шили обувь, головные уборы, рубахи»⁴.

Зоркий взгляд дипломата-разведчика не оставил без внимания тот факт, что передвигаются они по воде в легких деревянных лодках, в которых «сидят по 5 и по 6 человек и больше»; «...а всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою»⁵.

¹ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. [фрагмент: Описание поездки по р. Кети] // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 246–247.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 255.

О семейных отношениях остяков было замечено, что «...жен у них множество, сколько хотят, столько и держат»¹.

Можно сказать, что Н. Спафарий первым обрисовал ареал обитания «остяцкого» населения (хантов, среднеобских и кетских селькупов), очертив следующие границы: «А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Обе на низ до Березова и до Окиянского моря и вверх по Обе реке до Томского города, также и по Кете реке до вершины ея»².

Вместе с тем, он впервые дал языковую привязку этого населения по рекам проживания и отметил у «единого», как он считал, народа наличие двух разных языков: «Только и у них хотя и един народ и вера одна, однакожде языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют»³. Кроме того, им были записаны основные этнонимы: «Сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу, *кандаях*, а Нарымские и Кецкие именуют же себя *чугулы*»⁴. Запись этнонима *чугулы*, приведенная в описании путешествия Н. Спафария, является первой и самой ранней из дошедших до нас фиксацией этого этнонима, бытующего в несколько измененном виде (в форме *čumyl'(-qur /-qula)*) до настоящего времени.

И это – самое первое упоминание этнонима – задает исследователям сразу массу вопросов. Никогда позднее *чугулы* на Кети отмечены не были. Если соотносить данный этноним с чумылкупам (чумылгула), то ареал их обитания стабильно фиксировался с XIX в. только в бассейнах Тыма, среднего Васюгана, Парабели и по Оби, между устьями этих рек. По умолчанию (между исследователями) считается, что Н. Спафарий экстраполировал эндоэтноним обских селькупов на селькупов р. Кети.

Небольшой по объему очерк Н. Спафария об остяках является на сегодняшний день первым этнографическим описанием культуры селькупского

¹ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. [фрагмент: Описание поездки по р. Кети] // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 255.

² Там же. С. 254–255.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 254.

населения, но (и важно помнить, исходя из задач данного исследования источников), вместе с тем, это описание является презентацией культуры, прежде всего, селькупов р. Кети (и, увы, с возможной комбинацией с данными о хантах, проживавших в тот период рядом (ниже) по Оби).

К сожалению, все известные материалы XVII в. (помимо материалов Н. Спафария, в этом ряду следует отметить лаконичные сведения С. Есипова, С. Ремезова) нельзя назвать в полной мере научными описаниями, слишком отрывочный и противоречивый характер они носили. Отличительной чертой всех ранних сведений о населении Средней Оби и её притоков является отсутствие у исследователей четкой дифференциации его по этническому и языковому признакам. Несмотря на ряд явных особенностей, которые проявлялись у того или иного народа в очерченном регионе, авторы этих свидетельств предпочитали говорить об «остяках» вообще. При этом отмечалось в основном то общее, что бросалось в глаза: основа питания – рыба, одежда – из рыбьих кож. Последний момент стоит подчеркнуть особо: практически у всех авторов, кто в той или иной мере описывал население Приобья в XVII в. упоминался факт ношения остяками одежды из рыбьих кож – деталь, которая исследователями XVIII–XIX в. уже не упоминалась.

О расселении селькупов в Приобье по топонимическим данным Г.-Ф. Миллера

Качественный этап в развитии знаний о народах Сибири вообще, и в том числе о селькупках, связан с именем Герарда Миллера, его вкладом в становление лингвистических и этноисторических исследований в России. Он в полной мере применил свои лингвистические познания, отвечающие требованиям научного подхода XVIII в. в области сравнения языков, к населению Оби. Основываясь на сравнительном анализе языков народов обского бассейна, территорию которых он обследовал в 1740 г., историк выделил нарымских селькупов в отдельную группу среди других народов Сибири, отличную от хантов и кетов, по одному лишь «сходству их житья и промыслов остяками называвшихся». При этом, с сожалением следует отметить, что Миллер, отдавая дань традиции, называл

обских (нарымских) селькупов также остяками: «Я следую здесь общему обыкновению, – писал он, – по которому с давних времен под наименованием остяков понимаются различные народы, которые хотя и говорят на разных языках, но сходны между собой образом жизни»¹. Тем самым, важный для науки результат его собственных лингвистических изысканий не нашел отражение в его капитальном труде по истории Сибири. Миллер ограничился тем, что констатировал языковое отличие сургутских, тобольских и березовских остяков от остяков Томского и Нарымского уездов, и подчеркнул сходство последних с самоедами².

В рамках своих этнолингвистических исследований Миллер проводил целенаправленный сбор этнонимии населения Сибири, в том числе и среди уральских народов. В различных рукописных материалах Миллера были отмечены несколько раз этнонимы, соотносимые с разными группами селькупов. Он впервые собрал подробные материалы по этнонимии населения Оби, в которых нарымские остяки значатся под именем *Dshumul-Kup*, *Dshumul-Kula*³; этноним для селькупов р. Кети – *Tangi-kula*, т.е. низовые люди; для северных селькупов – *Schöselgub*⁴.

Таблица 2 – Этнонимы для народов Среднего Приобья, записанные Г.Ф. Миллером⁵

"Die Narymischen Ostiaken nennen sich Dshumul-kup (kup ist Mensch) Dshumul-kula (kula Leute)
Tangyl-kula sind die Surgutischen Ostiaken Die unteren Leute
Tül-kup ein Tatar
Tschulum-kü-kula sind die Tschulymer Tataren Tschulym-Flußer Leute
Guéllom-kup ein Tunguße

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. Москва, 1999. С. 295.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. Москва, 1999. С. 184–185.

³ Хелимский Е.А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 31–32.

⁴ Об этнониме *Schöselgub*, записанном Миллером у северных селькупов, см. ниже.

⁵ Хелимский Е.А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Намбург, 2005. С. 19–40.

Несмотря на масштабность исследований Г. Миллера и на его новаторские подходы в изучении ряда вопросов истории и культуры населения Приобья, его полевые материалы еще долгое время не были широко известны научному миру (в основном они стали публиковаться только в XX в.). Таким образом, в научной и общественной литературе (вплоть до середины XIX в.) продолжали фигурировать обобщенные данные об «остяках» Средней Оби, а история и культура нарымских селькупов находилась практически вне поля зрения исследователей.

Источниками, где представлены материалы Г.-Ф. Миллера о расселении нарымских и кетских остяков, послужили его путевые записки: «Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г.», «Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям», «Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. 1740 г.», «Известия о реке Вах и дорога на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов», опубликованные А.Х. Элртом в 1996 г.¹ О локализации в этот период селькупоязычного населения в средней части Среднего Приобья можно судить по названиям населенных пунктов и гидронимов, приведенных в его записях.

Из путевого дневника ученого следует, что 24 мая 1740 г. он выехал из Томска по р. Томи. 26 мая, водное судно, на котором путешествовал Миллер, вышло в Обь. 28 мая он прибыл в д. Молчаново (Лаврова). В Молчаново была сделана важная запись, приоткрывающая завесу над тем, как именно Г.-Ф. Миллер получал свои данные, какова была его методика сбора информации: «Сюда прибыли с восходом солнца и стояли приблизительно два часа, так как должны были взять здесь остяцкого толмача, а также послали вперед на реку Чулым с поручением разыскать остяков, которые могли бы дать сведения о

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. /Сост. А.Х. Элрт. Новосибирск, 1996. С. 172–186; Миллер Г.-Ф. Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера /Сост. А.Х. Элрт. Новосибирск, 1996. С. 187–191; Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. 1996. С. 192–208; Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Сост. А.Х. Элрт. Новосибирск, 1996. С. 209–212.

местностях по нему»¹. Таким образом, становится ясным, что Миллером были задействованы как толмачи-переводчики, которых он периодически менял, так и посыльные-разведчики, собиравшие к его приезду в назначенный населенный пункт необходимую ему информацию.

29 мая Миллер достиг Колпашево (дер. Колпашникова) и проехал верхнее Тогурское устье Кети – *Tarin-ang*. 1 июня он проехал с. Парабельское и в 4 часа дня прибыл в Нарым, где пробыл до 12 июня 1740 г.

13 июня он проехал с. Каргасокское; 14 июня – миновал устье Тыма и в ночь с 14 на 15 июня выехал за пределы Нарымского уезда, переместившись в Лумпокольскую волость Сургутского уезда².

Таким образом, Г.-Ф. Миллер пересек среднюю часть Среднего Приобья (Томский и Нарымский уезды) за 23 дня. Ни на одном из обских притоков он лично не был, лишь собрал об этих реках и о населении, там проживающем, устные сведения.

Двигаясь по Оби сверху вниз, Миллер отметил следующие основные обские притоки с указанием названия на языке нарымских или кетских остяков (см. Приложение А, 5):

Река Шегарка, «..по татарски *Ter-ssu*, по-остяцки *Tagar*, также *Tjagar* или *Tsjagar*»³.

Река Чулым, по-остяцки – *Dschulüm*⁴.

Река Чая, по-остяцки – *Saiä-ki*, ее верхний рукав по-остяцки называется *Mergedsche*⁵.

Истоки Чаи – *Paraby-ki* [Парбига] и *Ime-ki / Iwe* [Икса (Евга)]. Реку Бакчар – приток Парбиги, Миллер упоминает под названием *Музур*⁶

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 178.

² Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 199.

³ Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 176

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Там же. С. 181.

Кеть, по-остяцки – *Köt*¹. Каждое из трех устьев Кети имеет свое название: верхнее тогурское устье Кети – *Tarin-ang*, среднее устье Кети – *Köten-ang*, нижнее устье Кети – *Schümdenak*².

Парабель, по-остяцки – *Küöngo*. Впадает в Обь двумя устьями. На широте села Парабельского Парабель сообщается с Обью протокой *Kahe*³

Васюган на языке нарымских остяков называется *Uarga-ki*, что означает «большая река»⁴. Верхнее устье Васюгана именуется *Madschilkin-ak* по высокой местности *Madschi* (или *Guarbehok* / *Guarbesok*), простирающейся до этого рукава⁵.

Г.-Ф. Миллер приводит также название Васюгана на языке васюганских остяков: *Jogon* или *Jogan*, что означает реку вообще, или же *Ülle-jogon*, т.е. «большая река»⁶.

Тым, по-остяцки – *Kasi-* или *Chasil-ki*. Впадает в Обь тремя устьями: верхнее устье, по-остяцки *Lamke*, среднее устье – *Chasil-kin-ak*, нижнее устье – *Tagil-kin-ak*⁷.

Миллер предполагал, что название *Тым*, бытующее у русского населения, взято из языка сургутских остяков, называющих эту реку *Tym-jogon*. Кроме того, он приводит ее название в обозначении остяков р. Сым, которые называли ее *Keeng-ses*⁸.

Название основной реки региона – Оби – на языке нарымских остяков приведено лишь относительно участка, прилегающего к устью Тыма: «Немного ниже протоки *Karga* Обь разделяется на два рукава. Правый называется Большая Обь *Uarga-Cholt*, левый – Малая Обь, по-остяцки *Küba-Cholt*»⁹. Однако в Путевом дневнике «Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма» есть

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 187.

² Там же. С. 181, 183, 185.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же. С. 196.

⁷ Там же. С. 198.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Там же. С. 198.

упоминание, что остяки Малой Чурубаровской волости, в частности жители юрт Тайзаковых на Оби, называли Обь *Iju*¹.

Согласно сведениям Г. Миллера, южная (верхняя) граница расселения селькупязычного населения по Оби, судя, в основном, по собранным им данным топонимики, начиналась в Томском уезде: первым остяцким населенным пунктом им названы юрты Пургины (*Anbar-jet*) Шепецкой волости, расположенные на Оби ниже русской д. Жуковой, но выше устья Чулыма².

Нижняя граница расселения находилась около Вескова яра – *wes-madschi* – возвышенного обрывистого обского берега: последним (как отметил их сам Миллер) на Обиостяцким (селькупским) населенным пунктом были юрты *Kolgail-et*³.

Тым был заселен селькупам от его устья вверх по течению до рч. *Guarbi-ki*: «Дальнейшие верхние местности реки посещаются лишь ради охоты»⁴. При этом Миллер отметил остяков Тымской волости на Вахе и на Тазу. О селькупском и хантыйском населении Ваха Миллер писал так: «На р. Вах от устья и на впадающих в Вах реках и речках до р. Kul-jogon включительно живут остяки, которые относятся к Лумпокольской волости на реке Оби, но имеют особого князца». Однако начиная от рч. Kul-jogon досюда [т.е. до рч. Kam-sês] живут по Ваху остяки Тымской волости, «которые, как и остяки, живущие по Тазу, *говорят на одном языке с нарымскими остяками*. А далее вверх Вах не заселен»⁵.

О населении Васюгана Миллер пишет следующее: «...живущие собственно на Васюгане остяки, которые хоть и относятся также к Нарыму, однако в языке отличны от нарымских остяков, поскольку говорят на сургутском языке»⁶. Таким образом, по его топонимическим данным получается, что там проживали лишь

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С.180.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 210, 211.

⁶ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 195.

угроязычные ханты (выше устья Нюрольки Миллер упоминает только хантыйские гидронимы с формантом *-jogon* или *-jige / -ige*).

Что касается присутствия селькупов на р. Васюган, то материалы Миллера, казалось бы, говорят о расселении там в первой половине XVIII в. только хантов трех родовых групп, разделенных между двумя административными инородческими волостями: «Остяки, живущие по Васюгану до рч. *Nukkus-rokton-jogon*, включаются в Ларьятскую волость, относящуюся к Нарыму, и называют свой род **Tagai-mrui-jach** или *Tagai-jach-murui*, где слово *jach* обозначает люди, а *murui* – род. ...Остяки, живущие от рч. *Iaring-jach-jogon* до рч. *Hikpaln-jogon*, называют себя **Iaring-jach-murui**...Далее вверх по Васюгану до слияния рек *Hille-* и *Sarting-jogon* живут остяки, которые «произносят» свое родовое название как **Kuling-** или **Cholling-murui-jach**. В Нарымском канцелярском реестре остяки *Iaring-jach-murui* и *Cholling-murui-jach* числятся вместе в одной волости – Васюганской»¹.

Следует отметить, что позднее А. Кастрен для р. Нюрольки записал следующее название – «Ост. *Jargan-jogan*, т.е. река самоедов»². В публикациях венгерского исследователя З. Надь, собиравшего этнографический и языковой материал у васюганских хантов в 1990-е гг., названием **Iaring-jach** ханты на Васюгане обозначают ненцев/самоедов³. Таким образом, получается, что Миллер косвенно отмечает некое, возможно самодийское, население на Васюгане в бассейне ‘Самоедского народа реки’ – *Iaring-jach-jogon*, т.е. реки Нюрольки. Однако сами нарымские остяки называют Нюрольку иначе – *Muril-ki*; при этом они не соотносили себя с людьми **Iaring-jach**, равно как и васюганские ханты не путали последних с нарымскими остяками, что и зафиксировал Г.-Ф. Миллер.

Относительно селькупского населения на р. Парабель Миллер также косвенно отмечает его двукомпонентный состав – как минимум две группы остяков присутствовали на данной реке, которые по-разному ее называли. Для

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 196–197.

² Кастрен А. 1860. С. 271.

³ Надь З. Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005С. 65-64. О хантыйском термине *järgen* в значении ‘ненец’ см. также Напольских В.В. О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск., 1998. С. 343–351.

одних она была *Küöngo*, и они освоили как её верхнее течение (правый исток Парабели до сего дня называется Кёнгой), так и среднее течение. Как называли ее представители другой группы, точных указаний нет, но именно по их этнониму *Parbe* нижний отрезок этой реки стал именоваться Парабелью, и именно это название вошло в русскую гидронимику: у Г. Миллера на этот счет очень точное и недвусмысленно сформулированное указание. Он писал так: «В нижнем течении Парабель заселена осяками Второй Парабельской волости, которые называют свой род *Parbe*»¹.

Бассейн р. Кети от низовий до ее верховьев, также, по материалам Миллера, был заселен в основном селькупам. Однако в верховьях Кети в Енисейском уезде в Пумпокольской и Натской волостях Миллер собрал и записал этнографический и языковой материал, репрезентирующий енисейскоязычных пумпокольцев, язык которых совершенно был отличен от языка нарымских остяков². Анализ собранных Миллером языковых данных, приведенных в его рукописи «Язык пумпокольских остяков на р. Кеть», был сделан Е.А. Хелимским³.

Селькупское население на Чае проживало как на ее истоках, так и непосредственно на среднем и нижнем течении этой реки. В середине XVIII в. это население также было, как минимум, двукомпонентным, так как один из её истоков *Paraby-ki* (ныне Парбига), вероятно, был также, как и низовья Парабели, заселен группой *Parbe* и назван по этнониму этой группы, тогда как приток Парбиги – Бакчар (Музур) – и собственно Чая были заселены другой группой с иным этнонимом *Künku*, о чем Миллер пишет следующее: «Вдоль Чаи, от устья и до [рч.] Музура [Бакчара], а также на ½ дня пути вверх по Музуру живут осяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род *Künku-aimak*»⁴.

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 193.

² Миллер Г.-Ф. Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С.191.

³ Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 179–213.

⁴ Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 182.

Территорию низовий Чулыма живущие на Оби остяки Картульской волости считают «своей собственностью» на 1,5 дня пути на маленьких лодках вверх против течения. «Некоторые немногие семьи из них также имеют здесь кое-где жилища»¹. Кроме того, выше по Чулыму располагались две остяцких волости – Большая и Малая Байгульские (Karandabi-aimak и Angose-aimak). Границей между остяцким (селькупским) и татарским населением на Чулыме Миллером была названа рч. Sai-ki – «отсюда далее вверх Чулым заселен татарами»².

В бассейне р. Шегарки Миллер (остяцкого) селькупского населения не отмечает, упомянув там только одни татарские юрты.

Таким образом, рассматривая в совокупности весь ареал селькупской гидронимии (с учетом прямых указаний Миллера, относительно того, где обитали нарымские и кетские остяки), можно сделать следующие предварительные выводы и наблюдения:

Район расселения чумылкупов – носителей центральных диалектов селькупского языка, известный по данным XIX–XX вв. как район бассейнов трёх рек: Парабель (с истоками) – Нижний Васюган (с Чижапкой) – Тым – Обь между устьями этих рек, в середине XVIII в. только осваивался представителями данной языковой подгруппы. Река Тым была освоена ими до среднего течения; р. Васюган, судя по гидронимике, – только в районе Чижапки; р. Парабель была освоена полностью, особенно интенсивно – в области ее истоков – Чузика и Кёengi.

Заселена была селькупским населением и речка Шуделька (*Schudülgo*), позднее не отмечаемая в исследованиях иных авторов как река с инородческим (остяцким) населением³.

Только два крупных обских притока – Васюган и Тым – имеют гидронимы, «прозрачные» с точки зрения селькупского языка: *Uarga-ki* – «Большая река» и

¹ Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 178.

² Там же. С. 178–179.

³ Миллер отметил на р. Шудельке 4 инородческих поселения. Подробнее см.: Кузнецова Н.Г., Тучкова Н.А. Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 131–133.

Kasil-ki – «Окуневая река». Остальные – *Köt*, *Dschulüm*, *Küöngo* – хорошо известны у селькупов до настоящего времени, но они не однозначно переводятся / не этимологизируются [совсем не переводятся] с селькупского языка.

С точки зрения обоснованности гидронимов, весьма удивительным кажется название для Васюгана: *Uarga-ki* – «Большая река». Миллер дает свою версию о том, что васюганские остяки, называя эту реку *Ülle-jogon* – большой рекой, поступали «по образцу нарымских остяков»¹. Стоит отметить, что «Большой рекой» Васюган можно было назвать только в том случае, если не знать о существовании Оби. Зная же масштабы Оби, назвать Васюган «Большой рекой» можно было разве что с иронией.

Представляется, что ханты (васюганские остяки) освоили верхнее и среднее течение Васюган раньше нарымских остяков, и, вероятнее всего, именно они, продвигаясь с его верхнего и среднего течения вниз по реке, называли его «Большой рекой». Территория исхода хантов на Васюган предположительно находилась в мелких истоках правых притоков Иртыша – Уй, Шиш, Туг и Демьянка. Миллер, в частности, указывает на тесную связь васюганских остяков (особенно родовой группы **Cholling-murui-jach**) с остяками рек Уй и Шиш Тарского уезда, которые «имеют один с ними язык», и с которыми они вместе ходят на охоту², и, можно предположить, что именно через верхнее течение левого васюганского истока *Sarting-jogon* все Васюганье было заселено и освоено угроязычным населением.

Селькупоязычное население, выйдя с Чижапки на Васюган, поддержало этот гидроним, сделав буквальный перевод-кальку этого названия на свой язык – *Uarga-ki*. Важно отметить, что оно, пройдя с Чижапки и /или Нюрольки на Васюган, также, вероятно, не встречалось до того момента с Обью, пока не освоило нижнее Привасюганье.

Крайне важно отметить, что Миллер указывает остяцкие (селькупские) населенные пункты только на берегах Оби, по р. Кети и р. Шудельке. Ни на

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 196

² Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С.197.

Тыму, ни на Васюгане, ни на самой Парабели от верхнего течения до низовий им не было упомянуто ни одного населенного пункта (ни хантыйского, ни селькупского). Кроме того, им было отмечено селькупоязычное население на Чае (включая истоки Чаи – Мукзур/Бакчар) и Чулыме и даже указаны их родовые названия, однако также не был упомянут ни один селькупский поселок на этих реках. Возможно, о населенных пунктах им просто не было собранно данных, а возможно и то, что долговременных и относительно крупных населенных пунктов там в тот исторический период просто не было.

Из вышесказанного напрашивается важный вывод о том, что, несмотря на неплохую к середине XVIII в. хозяйственную освоенность селькупоязычным населением территории в районе истоков Парабели (Чузика и Кёнги), Чаи (Парбига и Евги) и Чижалки, эта территория верховий левобережных обских притоков не являлась для селькупоязычного населения давно и прочно обжитым ареалом и не явилась территорией «исхода» селькупского населения на север-/северо-восток, а, вероятнее всего, ее можно было бы обозначить как территорию «прохода» этого населения с какой-то иной (чуть более южной? / юго-западной?) территории. О перемещении селькупов в рамках среднеобского ареала с юго-запада на северо-восток на основе анализа топонимических данных XX в. позднее писала Э.Г. Беккер¹. В целом вопрос о селькупах в более южных широтах, в частности о «селькупах в Барабе» не нов, имеет свою библиографию: см. Dioszegi (1978)²; Гемуев, Люцидарская, Молодин (1991)³; Селезнев (1992; 1995)⁴ и требует, в свете приведенных топонимических сведений Г.Ф. Миллера, дальнейшего осмысления и изучения.

Селькупы Приобья в материалах исследователей XIX в.: А. Кастрен, Н.П. Григоровский, К. Папан, У. Сирелиус, А.Ф. Плотников

¹ Беккер Э.Г. Селькупская топонимия Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. М., 1964. С.131.

² Dioszegi V. Pre-Islamic Shamanism of the Baraba Turks and ethnogenetic conclusions // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.

³ Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., Молодин В.И. Селькупы в Барабе // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 78–93.

⁴ Селезнев А.Г. Самодийцы в Барабе // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. 2. Омск, 1992. С. 19–25; Он же. О самодийском компоненте в этническом составе барабинских татар // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 187–195.

1. Этнографические материалы о селькупках в письмах-дневниках А. Кастрена. Новый корпус источников по языку и этнографии селькупов был сформирован финским исследователем Александром Кастреном в ходе его экспедиций в Сибирь, в том числе в Приобье, в первой половине XIX в. Как лингвист-профессионал, М. Alexander Castrén известен, прежде всего, своим вкладом в развитие финно-угорского сравнительно-исторического языкознания. Обладая основательной лингвистической подготовкой, он обследовал территории северо-восточной Европы и Сибири и собрал уникальный языковой и этнографический материал. Самым ценным в этом научном собрании, по оценке исследователей XX в., являются материалы по самодийским языкам, а также по хантыйскому, кетскому и эвенкийскому языкам¹.

Изучая языковую ситуацию на Средней Оби², Кастрен обнаружил этнолингвистическую группу, отличающуюся по языку не только от остяков, но и в некотором отношении от северных самодийцев. «...Я занимаюсь ... весьма замечательным самоедским наречием, – писал Кастрен в ноябре 1845 г. доктору Э. Лёнроту, – которое без всякого основания почитали остяцким; оно начинается у Тобольской границы на севере и распространено вверх по Оби и ее притокам во всем Нарымском уезде до Томска»³. Собранные в этом районе материалы – это первые квалифицированно записанные данные о языке и культуре нарымских селькупов.

Основываясь на лингвистических материалах, А. Кастрен дал развернутую характеристику границ проживания южных (нарымских) селькупов. Как писал сам ученый: «...добытые филологическим путем результаты дают возможность

¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Т. 1. Москва: Наука, 1974. С. 68.

² Двигаясь по Оби из Тобольской губернии, где А. Кастрен изучал язык остяков (хантов) и лесных самоедов (ненцев), в Томскую, он прибыл в Нарым в ноябре 1845 г. (именно отсюда он впервые написал профессору Лёнроту, что «наткнулся на несколько самоедских племен, доселе неизвестных»), в Тогуре он провел Рождество, в Молчаново – Масленицу, и в Томск он приехал в марте 1846 г. Затем он побывал в Енисейске, откуда переехал на север в Туруханский край, где собрал языковой материал у северных селькупов и енисейских остяков (кетов). Далее, вместе со своим спутником Бергстади он 4 месяца изучал в тундре язык авамских и енисейских самоедов (нганасан и энцев), после чего предпринял обследование южносибирских народов – маторов, койбалов, камасинцев, карагасов.

³ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 91–92.

определить границы всего самоедского племени и яснее, и удовлетворительнее для истории и этнографии, нежели это было возможно доселе...»¹.

Согласно данным Кастрена, Томские Самоеды (как он первоначально называл среднеобских селькупов; позднее он стал использовать сконструированный им термин-неологизм «остяко-самоеды», широко вошедший в научный оборот) в середине XIX в. проживали в пределах Средней Оби и её притоков – рекам Тыму, Кети, Парабели, Чае, Чулыму и Чежапке. При этом Чулым являлся южной границей расселения селькупов, которые были зафиксированы исследователем вплоть до ю. Амбарских, а северной границей расселения селькупов был Тым, граничащий с Тобольской губернией. Томские Самоеды являлись, как писал Кастрен, «единственные обитатели по всему течению ... притоков Оби...», за исключением Чулыма².

В Верховьях Кети (в Натско-Пумпокольской волости) А. Кастрен ожидал встретить енисейских остяков (кетов). Однако к своему удивлению, здесь – между селом Монастырским и «енисейской границей» – он насчитал пять поселков: *Мергайге*, *Кан-куль-то*, *Кет-ике*, *Марга*, *Пурьюнго*. Обследовав их население, он сделал вывод, что, так называемые натско-пумпокольские остяки, «...говорят языком самоедов, живущих ниже по Кети»³.

Кастрен установил, что селькупское население, проживающее ниже Нарыма, называет себя *Tshûmel-gom*, выше Нарыма – *Schösch-kom*, по Кети – *Sysse-gom*, по Чулыму – *Tjûje-gom*⁴. Ему также удалось выявить в языке нарымских селькупов несколько самостоятельных наречий: нижнее, среднее и верхнее, локализовав их по территории обитания их языковых носителей. Несмотря на ряд отличительных языковых особенностей каждого из наречий (заимствование хантыйской лексики – в нижнем наречии, тюркские заимствования – в верхнем наречии), Кастрен сумел определить родство языка

¹Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 114.

²Там же. С. 114.

³Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 146. О кетах Бергстади (спутнику А. Кастрена) удалось записать в Анциферовской волости Енисейского края, что «из пяти племен енисейских остяков, принадлежащих кТымской волости, четыре переселились от источников Енисея, пятое же – от Кети, почему и называется также Тым-de-get, т.е. «Народ (Ket) от Кети (Тым)» (Там же. С. 146).

⁴Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 87.

нарымских селькупов с самодийскими языками¹, что позволило ученому выделить их в особую группу, получившую в последствие название «остяко-самоеды». Собранные Кастреном в Нарымском крае лингвистические материалы – это первые объёмные и квалифицированно записанные данные о языке южных селькупов, а также фактически первые фольклорные сборы (см. Приложение Б, 1).

Кроме языковых данных, в сферу внимания исследователя попали и некоторые этнографические особенности населения²: условия питания, их тип жилища, одежда. Например, А. Кастрен первый из исследователей достаточно подробно описал специфику охотничье-рыболовецкой направленности культуры селькупов: впервые именно им был охарактеризован их годичный производственный цикл³. Важным для понимания эволюции материальной культуры селькупов является отсутствие фиксации Кастреном наличия у них одежды из рыбьих кож – броской особенности, о которой неоднократно свидетельствовали источники XVII в. Также важным является отмеченная ученым повсеместная практика изготовления селькупам разлчичной бытовой утвари из бересты⁴.

Однако если в плане сбора языковых данных Кастрен подходил системно, исключительно с научных позиций, то записи этнографических сведений носили фрагментарный, вспомогательный характер (фольклорные записи, например, он называет «шпрахпробами» – они его интересуют, прежде всего, как образцы речи). Поэтому сведения о культуре, собранные А. Кастреном, невозможно четко дифференцировать по различным локальным группам селькупов, в отличие от собранных им лингвистических материалов (за исключением данных, полученных у северных групп селькупов).

Тем не менее, благодаря материалам А. Кастрена, самоеды Нарымского края (селькупы) не только обрели свое «этническое лицо», стали узнаваемы среди

¹ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 87, 115.

² Путевые заметки А. Кастрена о Томских Самоедах опубликованы: Castrén M. A. Reise berichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. SPb., 1856; Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. Т. VI. Ч. 2. Москва, 1860; Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1999. [о селькупах: с. 86–135].

³ Там же, С. 130–135.

⁴ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 135.

народов Западной Сибири, но также за ними закрепился экзоэтноним, сконструированный этим исследователем – остяко-самоеды. Этноним распространился сначала в научных кругах, а затем в административных, и просуществовал до 1930-х гг. (т.е. до официального присвоения этому народу этнонима селькупы, благодаря деятельности Г.Н. Прокофьева).

2. Данные о селькупках в материалах Н.П. Григоровского. Во второй половине XIX в. ценные сведения о языке и культуре селькупов мы находим в трудах Н.П. Григоровского¹, который не был профессиональным лингвистом, так же как он не был подготовленным миссионером-просветителем или путешественником-исследователем. Однако жизнь его сложилась таким образом, что, попав в Нарымский край, он занялся «под надзором полиции» и лингвистической, и миссионерской, и исследовательской деятельностью, и во всех этих начинаниях его деятельность была весьма успешной.

Обучая остяцких детей грамоте [в юртах Костенькиных, р. Чая], он отнесся к этому процессу настолько серьезно, что выучил язык того народа, среди которого пребывал (нижне-чаинский диалект селькупского языка). Степень его языковой компетентности достигла такого уровня, что он смог составить учебник для обучения чтению на этом языке – «Азбуку сюсюгой гулани», а также книги религиозного содержания: «Священное писание», «Объяснение праздников Св. Церкви» переводного характера. Это были первые объёмные публикации текстов на селькупском языке (причем на одном из самых южных его диалектов, исчезнувшем уже в первой четверти XX в.). Опубликованы эти книги были в

¹Григоровский Николай Петрович (1830–1883). Будучи младшим лесничим Воткинского завода, был выслан в 1867 г. административным порядком в с. Новое (Ново-Ильинское) Нарымского края. О донарымском этапе жизни Н. П. Григоровского сведений нет. Начав «от нужды и скуки, вопреки запрещению полиции, заниматься обучением детей» (в том числе детей аборигенов Нарымского края), он настолько увлекся просветительской деятельностью, что составил Священное писание и словарь (см.: Григоровский Н.П. Священная история. На остяко-самоедском языке. 1879; Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского, 2007) и первую азбуку на этом языке «Азбука сюсюгой гулани» (1879; 1973).

Подробнее о Григоровском см.: Helinski E. The Language of the First Selkup Books // *Studia Uralo-Altaica* 22. Szeged, 1983; Рассамахин Ю.К. Исследователь Нарымского края Н.П. Григоровский // *Нарымский край – моё Отечество*. Томск, 1998. С. 25-29; Рассамахин Ю.К. Комментарий к очеркам Н.П. Григоровского // *Земля Колпашевская*. Томск, 2000. С. 267-274.

Казани в 1879 г. Православным Миссионерским Обществом; в XX в. «Азбука» переиздавалась в Венгрии¹.

Языковые материалы Н.П. Григоровского впоследствии вошли в научный оборот в лингвистической обработке Е.А. Хелимского (1983; 2007)² и Х. Катца (1987)³. Эти материалы дали мощный импульс развитию селькупского языкознания (особенно – за рубежом) как самые ранние и при этом вполне достоверно и достаточно объемно репрезентирующие один из «крайне» южных диалектов селькупского языка – нижнечайинский, о котором впоследствии не удалось более собрать никаких дополнительных данных.

Помимо языковедческой значимости, работы Н.П. Григоровского дают также ценный этнографический и фольклорный материал. Он единственный, кто записал этноним, бытовавший у «крайне-южного» населения (этноним вынесен в заглавие «Азбуки») – *сюссюгойгула*⁴. Кроме того, как приложение к этому учебнику для детей были даны 4 селькупских сказки на языке оригинала с буквальным переводом их на русский язык. Эти тексты (в совокупности с четырьмя фольклорными текстами богатырских песен А. Кастрена, появившимися в свет в 1850-х гг.), стали первыми опубликованными данными, представляющими фольклор южных селькупов.

Значительную известность Н.П. Григоровский приобрёл также и как исследователь-краевед⁵. Так, в «Записках ЗСОИРГО» в его работе «Очерки Нарымского края» (1882)⁶ три из семи очерков («Производство из крапивы», «Мнения и предания о мамонте у нарымских инородцев» и «Ворожба») были

¹ Hajdú P. Die erste sölkupische Fibel aus dem Jahre 1879 // Studia Uralo-Altaika 2. Szeged 1973.

² Helinski E. The Language of the First Selkup Books // Studia Uralo-Altaika 22. Szeged, 1983. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Bearbeitet und herausgegeben von E. Helinski. Hamburg, 2007. 225 с.

³ Katz H. Selcupica IV. Die Märchen in Grigorovskis Azbuka. Transkription, Übersetzung, Kommentar // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. München, 1987. Serie C. Bd. 20. 101 S.

⁴ В его словаре приведён только следующий этноним:

остякъ – сю□сого□мъ.

остяцкйй – сю□согой (Южноселькупский словарь..., 2007. С.187).

Никаких других этнонимов, маркирующих остяцкое население (селькупов иных локальных групп), в его словаре не представлено.

⁵ При содействии действительного члена Западно-Сибирского Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) Н. А. Кострова, Н.П. Григоровский установил связь с этим научным обществом и, начиная с 1870-х гг. проводил исследования по заданиям этой организации, а также писал научные статьи и публиковал их в «Записках ЗСОИРГО» или посылал рукописи в библиотеку этого общества.

⁶ Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Кн. 4. Омск, 1882.

написаны на этнографическом материале местного аборигенного населения. Некоторые этнографические сведения об остяко-самоедах и фольклорный материал, записанный от них, есть в его очерке «Описание Васюганской тундры» (1884) (например, пересказ легенды о происхождении созвездий на небе, зарисовки быта юрт Югиных, Наунак, описание культового места около оз. Перель-ту с наличием там ветхого амбара и одного идола—*лоза* и т.п.¹

3. Селькупы в материалах К. Папай. Венгерский исследователь Карой Папай² посетил Нарымский край в сентябре-октябре 1888 г. Его путешествие, подготовленное и осуществленное совместно с путешествием Б. Мункачи, имело этнографические и языковедческие цели, и проходило по самостоятельному маршруту: Мункачи посетил группу манси, а Папай – восточных хантов.

К. Папай проехал по Оби от Сургута до Томска, собирая попутно языковые данные у различных групп нарымских селькупов. Во время этой поездки он совершил заезд на р. Васюган и обследовал здесь как селькупов, расселенных в низовьях реки, так и группу васюганских хантов, обитающих в среднем и верхнем течении Васюгана. По пути в Томск из-за распутицы ему пришлось задержаться в ю. Иванкиных. Время ожидания он провел весьма творчески, собирая языковые и фольклорные данные у проживающего в самом Иванкино и его окрестностях (ю. Заимкиных, Инкиных) местного населения. Таким образом, в его поле научного исследования попали две группы селькупов – васюганские и иванкинские.

Селькупские словарные материалы К. Папай были подготовлены к публикации П. Хайду³; к словарю приложен объемный список инородческих населенных пунктов с указанием названий на языке местных жителей, т.е. по-

¹ Григоровский Н.П. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Кн. VI. Омск, 1884. С. 8–10.

² Папай Карой (Pápai Károly) (1861–1893) – венгерский этнограф, собирал полевые материалы по культуре и языку хантов и селькупов. Обучаясь с 1880 г. в Будапештском университете на юридическом факультете, слушал дополнительно курсы по историческим и филологическим наукам на гуманитарном факультете и готовился к профессии этнографа. Во время учебы познакомился и подружился с Бернатом Мункачи, с которым в 1888–1889 гг. совершил совместную поездку в Западную Сибирь. Основной целью экспедиции была расшифровка мансийских полевых записей А. Регули.

³ см. Hajdú P. Pápai Károly szelkup szójegyzéke (Károly Pápai selkupisches Wörterverzeichnis) // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. S. 141–184.

селькупски или по-хантыйски¹. Обзор этнографических и лингвистических сборов К. Папай см. З. Надь, (2012)².

Однако большая часть полевых записей К. Папай до сего дня не расшифрована и хранится в архиве музея Этнографии в Будапеште³. Некоторые данные из его материалов (в частности, перечень культовых мест Нарымского края, в том числе и селькупских, записанных К. Папай от одного информанта-ханта, проживавшего на Васюгане в устье р. Нюрольки) приведены в публикации З. Надь⁴. О селькупских фольклорных материалах К. Папай см. Приложение Б, 1.).

Путешествие К. Папай ознаменовалось для жителей Нарымского края первыми фотосъемками: через полвека после изобретения фотографии фотоаппарат со стеклянными пластинами – прибор, крайне сложный для транспортировки по труднодоступной местности – был привезен на территорию Приобья специально для исследовательских целей, и на Васюгане были произведены, вероятно, первые массовые фотофиксации. В Будапеште хранится несколько десятков снимков из этой экспедиции, сделанных К. Папай. В основном это жители юрт Айполово и Соллогичей. Однако на снимке F 2209, сделанном в Калганаке, запечатлены, судя по сопроводительной атрибутивной информации к снимку, «мужики – остяко-самоеды»⁵. Данный фотоархив практически не введен в научный оборот.

4. Селькупы в материалах У. Сирелиуса. Через 10 лет после путешествия К. Папай – в 1898 г. – на Васюгане побывал финский исследователь Уно Сирелиус⁶. Его также интересовали, прежде всего, васюганско-ваховские ханты. Однако при этом, во время своего путешествия, он посетил, в том числе, и несколько селькупских населенных пунктов: двигаясь по Оби из Томска к Нарыму, он

¹ Hajdú P. Pápai Károly szelkup szójegyzéke (Károly Pápai selkupisches Wörterverzeichnis) // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. С. 178–183.

² Надь З. Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Труды ТОКМ. Т. 17. Томск, 2012. С. 187–215.

³ Этнографический музей г. Будапешт – Néprajzi Múzeum / Museum of Ethnography.

⁴ Надь З. Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. С. 67–68.

⁵ О коллекции фотографий К. Папай см. Надь З. Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Труды ТОКМ. Т. 17. Томск, 2012. С. 212.

⁶ Сирелиус (Sirelius) Уно Таави (1872–1929) – известный финский этнограф. О нём см.: Шелбах, 2001. Публикации Сирелиуса основаны на материалах, лично им собранных в России.

побывал в обских селах – Каргаске и Тымске, где встретил и сфотографировал на ярмарке значительное число остяко-самоедов, а затем, уже на Васюгане, он посетил селькупские юрты Югины, Маргины, Наунак, Усть-Чижапские, оставив ценные фотосвидетельства¹ и описания². В частности, Сирелиус дал описание селькупских культовых мест: на р. Чижапке, около юрт Маргиных на оз. Варгатух и юрт Югиных около озера Пурульту; а также сделал небольшие зарисовки быта и рыбных промыслов жителей юрт Наунак, собрал коллекцию предметов, в том числе и культовых³.

Таким образом, из его материалов можно сделать выводы о границах расселения хантов и селькупов на Васюгане, а также получить сведения этнографического характера о васюганских селькупах.

Пребывая в с. Тымском на ярмарке, Сирелиус запечатлел на нескольких групповых снимках «нарымского заседателя» А.Ф. Плотникова, стоящего рядом с инородцами⁴. Финский исследователь в своем дневнике сетовал: «...несколько досадно, что заседатель или его сотрудники попадают в кадр на тех снимках, которые вообще-то должны были изображать остяцкие антропологические типы»⁵. Однако впоследствии оказалось, что присутствие этого лица на снимках лишь добавляет им исторической значимости: на сегодняшний день данные фотосвидетельства пока единственные найденные визуальные изображения этого человека, ныне более известного как автора ценного научного труда историко-статистического характера – «Нарымский край» (1901).

Сирелиус описывает А.Ф. Плотникова как человека «честного, внушающего доверие», делает зарисовку круга его обязанностей, приводит пример проводимого им полицейского расследования, однако ни в коем разе не относится

¹ Фотосъемки Сирелиус производил камерой «Кодак». Его фотоснимки в массе своей хорошего качества; оригиналы хранятся в финно-угорской коллекции изобразительного архива этнографического отдела Центрального управления финских музеев в г. Хельсинки. Эти фотоматериалы составили богатый иллюстративный ряд к его книге «Reise zu den Ostjaken» (см. Sirelius, 1983; переиздана на русском языке в 2001 г., перевод текста с нем. на рус. язык осуществлен Н.В. Лукиной). Селькупские материалы: фото 127–128 – святилище на р. Чижапке; фото 133–134 – землянка карамо в Наунаке, фото 136–138 – внешний вид и быт остяко-самоедов юрт Наунак на Васюгане, фото 17 – семейство с р. Парабель и др.

² см.: Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001. 344 с.

³ Там же. С. 141–154.

⁴ Там же. Фото №6, 8, 9.

⁵ Приль, 2000. С. 59–60.

к нему как к возможному коллеге-исследователю, а его просьбу «получить по 3 экз. каждого снимка васюганских юрт или антропологических типов» находит «несколько своеобразной...». Однако после появления работы А.Ф. Плотникова «Нарымский край», вышедшей в свет в Санкт-Петербурге через три года после их встречи, становится ясным, что Сирелиус и Плотников вполне могли бы пообщаться и на специальные научные темы, если бы испытали друг к другу большее доверие и дружеского участия.

5. Селькупы в материалах А.Ф. Плотникова. О достижениях А.Ф. Плотникова¹ на государственной службе у исследователей-краеведов на сегодняшний день сведений практически нет, зато о его историко-краеведческих изысканиях можно судить на основе его главного, и, по всей видимости, единственного сочинения – книги «Нарымский край» (1901). В этой работе он приводит весьма ценные статистические, исторические, фольклорные и этнографические сведения как относительно русского населения Нарымского края, так и аборигенного. Территориально его очерк охватывает все пространство Нарымского края, включая бассейны основных рек – Тым, Кеть, Васюган и Парабель со всеми их истоками и основными притоками, а также саму Обь в пределах административных краевых границ. Именно поэтому в его работе нет сведений об остяцком населении рек Чаи и Чулыма, так как бассейны этих рек оказались за пределами официальных административных границ Нарымского края.

Работа «Нарымский край» снабжена ссылочным аппаратом. Например, приводя исторические сведения о князце Воне и Пегой орде, он ссылается на труд В.К. Андриевича «История Сибири» (1889)². Однако на работы А. Кастрена ссылок нет, термин ‘остяко-самоеды’ применительно к селькупам он не использует, хотя он всячески подчеркивает неоднородность остяцкого населения,

¹ Плотников Александр Фёдорович (1860–??). Происходит из мастеровых Очерского графа Строганова завода, Очерской волости, Оханского уезда, Пермской губернии. Образование получил домашнее, «равное курсу уездного училища». В 1892 г. был определен канцелярским служителем 3-го разряда в штат Тюменского Окружного Полицейского управления; в 1895 г. был назначен на должность Земского Заседателя 4-го участка Томского округа, в 1896 г. перемещен на ту же должность в 5-й участок Томского округа, т.е. в Нарымский край (см. Приль, 2000.С. 52–60).

² Андриевич В.К. История Сибири. В 2-х частях. СПб., 1889.

например, он четко видит разницу в языке между васюганскими остяками и остяками других мест, и приводит списки отдельных слов и выражений на хантыйском и селькупском языках.

Наиболее насыщена историко-краеведческой и этнографической информацией относительно селькупского населения является Глава 12, посвященная историко-статистическому описанию инородческих волостей, где приведен не только перечень самих волостей и практически всех инородческих населенных пунктов, находящихся на их территориях, но также и данные по численности населения (в динамике за текущее десятилетие), фамильному составу, микротопонимике местности (даны названия юрт на языке самих жителей, в некоторых случаях с переводами или фольклорными сведениями, объясняющими некоторые названия (например, название озера *Квозопоргольда* [Квззе-поргэл-то] около юрт Аргаусовых на Кети – «Озеро с железной одеждой»: там когда-то «жил богатырь, после которого осталась железная одежда (наверно кольчуга), отчего оно и получило такое название»¹. Есть данные о культовых местах: например, о мысе *попарге-сок* близ юрт Иванкиных, где хранили и сжигали идолов²; упомянуто озеро *Падергэ нэдэк-амдель-ту* – «Озеро, на котором сидела(жила) медная царевна-девушка»³ и др. Подробнее о преданиях А.Ф. Плотникова см. выше: Глава 1 (раздел 1.4), а также Приложение Б, 3. Приводимая им информация со ссылками на «предания инородцев» при широком подходе к толкованию термина «предания» вполне может быть оценена как фольклорная в жанре исторических преданий в пересказе исследователя (например, им была сформирована целая группа топонимических преданий).

В целом из его работы можно получить сведения почти о всех группах нарымских селькупов, проживавших в конце XIX в. на территории Нарымского края (кроме самых «крайне»-южных селькупов). Информация, приводимая им, систематизирована по административному принципу (т.е. по инородческим волостям), и соотносить эти данные с этнолокальными сообществами

¹ Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 213.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 180.

аборигенного населения исследователям последующих поколений приходится самостоятельно.

Селькупы Тазовско-Туруханского региона в трудах исследователей XVIII–XIX в.

Северные селькупы попадали в поле зрения исследователей достаточно редко, и вплоть до начала XX в., так же как и в случае с южными (нарымскими) селькупам, о них писали в купе либо с другими Остяками (чаще всего с кетами), либо с Самоядь (ненцами).

Самые ранние сведения относительно северных селькупов были, в основном, данными, характеризующими их язык (см.: Donner, 1932 – переиздание ранних списков слов из самодийских языков, в том числе и из селькупского, от разных собирателей: P. Mundi, N. Witsen, P. VonStralenberg, D.G. Messerschmidt, A.L. Schlözer, P.S. Pallas, J. VonKlaproth и др.¹).

Северные селькупы в материалах Г.-Ф. Миллера

Г.-Ф. Миллер сообщил об этой группе населения немногие, но ценные сведения. Среди северных селькупов Миллер различал следующие их подгруппы: die Ostiaken am Tas, Surgutische Ostiaken am Tas und zu Karassina², Kudasseische und Baichische Ostiaken, Ostiaken zu Karassina³. Однако только единожды ему удалось записать самоназвание в североселькупском ареале: в Новой Мангазее (Туруханске) в 1739 г. им был записан этноним *Schöschelgub* – *шёшельгун*. : «Sie nennen sich selbst **Schöschelgub**, in welchem Worte die letzten Buchstaben starck verschlucket werden daß sie kaum zu hören sind». ⁴

¹ Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64. Helsinki, 1932. 171.

² О перемещении остяков на Таз из Сургутского Приобья он писал следующее: «Ostiacken zu Karassina sind einer leymitdenen an Baicha, Kudassea und Tas. Haben vor alters unter Surgut gehört. Diejenige so bey mir gewesen, sagen, sei seyen schon am Jenisei gebohren, und ihre Väter seyen aus dem Surgutische Gebiete entlauffen».

³ Хелимский Е.А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 32.

⁴ Хелимский Е.А. *Schöselgub* у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 42.

По мнению лингвистов, именно этот этноним считается первичной формой, давшей впоследствии иные, более укороченные варианты, в том числе и форму *söl'qur* (сёлькуп)¹.

В собрании сочинений Миллера есть документ «Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов»². В этой работе он перечисляет в основном географические объекты (по возможности, приводя переводы гидронимов). Например, о названии р. Вах он сообщает, что у остяков Сургутского уезда это слово «означает на их языке и металл (руду) вообще, и железо, однако причину этого они объяснить не могут, ибо на Вахе не известна железная руда, а тем более, чтобы её здесь добывали и использовали остяки. О названии Kôk, которым инбацкие остяки на р. Енисее называют Вах,...я не смог ничего узнать для разъяснения. Возможно, что оно употребительно у живущих в верховьях Ваха тымских остяков»³.

О населении этого региона Миллер писал следующее: «На р. Вах от устья и на впадающих в Вах реках и речках до р. Kul-jogon включительно живут остяки, которые относятся к Лумпокольской волости на реке Оби, но имеют особого князца»... «От рч. Kul-jogon досюда [до рч. Kam-sês] живут по Ваху остяки так называемой Тымской волости, которые, как и остяки, живущие по Тазу, *говорят на одном языке с нарымскими остяками*. А далее вверх Вах не заселен»⁴. (!) Эта запись является ценным свидетельством пребывания селькупов на Вахе еще в середине XVIII в. Относительно этнонимии селькупов Верховий Ваха Миллером было записано только название их ваховскими хантами: *Kuruch-jach* (орловые люди)⁵.

¹ Там же. С. 42–43. Кроме того, Миллером были записаны этнонимы для других этносов (как их называют тазовские остяки): Die Inbaskischen Ostiacken: **Guánek**. Die Chantaiskischen und Turuch. Samojuden: **Kwállok**. Die Tawgischen Samojuden: **Tawga**. Die Jurackischen Samojuden: **Jurak**. Die Tungusen: **Pámbak**. Die Rußen: **Rusch**. См.: Хелимский Е.А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 19–40

² Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 209–212.

³ Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 209.

⁴ Там же. С. 210, 211.

⁵ Хелимский Е.А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 31.

Есть у Миллера краткое описание дороги от р. Вах на Таз, которую используют сургутские казаки для сбора ясака с живущих в верховьях Таза остяков, и перечень рек, впадающих в Таз (возможно, этот список является самым ранним списком тазовских гидронимов: Рата, Покатка, Siripta, Karal-ki, Kige, Вачка, Толка, Григорка, Часалка, Tat-potschel-ki)¹.

Локальные группы северных селькупов в трудах XIX в.: полковник Маслов, А.П. Степанов, А. Кастрен, А. Мордвинов, М.Ф. Кривошапкин, П.И. Третьяков

1. Северные селькупы в очерке полковника Маслова. Одним из самых ранних и относительно репрезентативных источников о северных селькупах является сочинение некоего полковника Маслова², опубликованное в четырех номерах казанского журнала «Заволжский муравей» в 1833 г. – «Бродящие народы Туруханского края»³. Этот текст является выдержками из отчета, составленного им по долгу службы во время его пребывания в Туруханском крае.

Маслов разделил туруханские и кетские роды, ссылаясь на их разницу в языках (кетов он продолжал называть остяками, а селькупов отнес к самоеди). Однако, описывая аспекты культуры, он приводил то кетские, то селькупские слова, что затрудняет исследователям опираться на его сочинение без боязни сделать ошибочные выводы об атрибуции той или иной информации.

Маслов, упоминая о представлениях «бродящих народов» о Боге, отмечал, что «часть самоеди, *неправильно называемая остяками*, признает его под именем Ном»; «...они, отзываясь о нем как о творце мира, кажется, уважают его менее злых духов, но и сих последних в грубом искусственном изображении из дерева или кости бросают с пренебрежением в случае дурного улова зверей, а в самое тоже время к образу Святителя Николая прицепляют соболя в знак благодарности за хороший улов»⁴.

¹ Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 211.

² О данном авторе у исследователей-селькуповедов нет сведений. Необходимо проводить отдельное биографическое исследование, чтобы очертить вехи жизни данного чиновника и ученого.

³ Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии. Сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. Казань, 1833. №5,7,9.

⁴ Цит. по: Казакевич О.А. История сбора материалов по фольклору и мифологии северных селькупов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 58.

2. Селькупы в исследовании А.П. Степанова. В 1835 г. (через два года после публикации Маслова) выходит в свет труд губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова¹ «Енисейская губерния» (в 2-х томах).

Вступив в 1822 г. в должность губернатора Енисейской губернии и посещая по делам службы различные районы вверенной ему территории, А.П. Степанов непосредственно наблюдал жизнь аборигенов края. Обозревая население обширной территории, он отмечает разные народы, и среди них – Остяков (все этнонимы он прописывает с большой буквы), которых он называет «енисейскими Остяками». Он писал, что на севере губернии проживают «Остяков 9 родов от левого берега Сыма до правого Турухана между Енисеем и Тазом» и ниже в подстрочнике перечислил названия этих «9 родов» – Сымоковский, Натско-Пумпокольский, ведения Земской полиции непосредственно; Подкаменный, Верхнеимбацкий, Нижнеимбацкий, Карасинский, Баихинский, Тымский, Караконский, ведения Туруханского Отделения – и привел численность остяцкого населения: «Во всех родах мужского пола 1299»².

Всех представителей «остяцкого племени» А.П. Степанов строго разграничивал на две группы: Натских, Баихинских, Тымских, Караконских и Карасинских он называл Остяками 1-й группой, а Сымских, Самараковских, Нижнеимбацких, Верхнеимбацких – Остяками 2-й группы. Он не просто чувствовал неоднородность этнического состава населения, именуемого Остяками, но на страницах второго тома своей книги в Разделе «Этнография» провел экспресс-исследование с опорой, прежде всего, на языковые данные. Автор сделал подборки слов (в частности, сравнил числительные, местоимения, номинацию объектов природы) из языков разных народов, обитающих на севере Енисейской губернии, в том числе и из селькупского языка, и сделал вывод: «Из

¹ Степанов Александр Петрович (1781–1837) – первый губернатор Енисейской губернии (1822–1831), губернатор Саратовской губернии (1835–1836), краевед, писатель. Из старинного дворянского рода (его отец П.С. Степанов был городничим г. Козельска). Образование получил в благородном пансионе Московского университета. Став губернатором Енисейской губернии, с 1822 по 1831 гг. жил в Красноярске. В 1831 г. по доносу был смещен с губернаторства без права занятия высоких постов, но уже в 1835 г. стал губернатором Саратовской губернии. После ухода с поста Енисейского губернатора и переезда из Красноярска в с. Троицкое Калужской губернии (в свое имение) он пишет двухтомный труд о Енисейском крае, изданный им в Санкт-Петербурге под названием «Описание Енисейской губернии». Работа получила Демидовскую премию (2500 руб.) по разделу «Статистика»; кроме того, Николай I за эту книгу подарил А. П. Степанову бриллиантовый перстень.

² Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1. С. 160–161.

сего видно, что счет Самояди, Юраков и Остяков Натских, Баихинских, Тымских, Караконских и Карасинских, будучи почти одинаков между ними, разнится совершенно от Остяков Сымских, Самараковских, Нижнеимбацких, Верхнеимбацких; то же самое замечается и в Онаматопии их наречий; и так, ежели одинакий язык доказывает сродство народов, то первые пять племен, почитаемых Остяцкими, принадлежат к Самояди; а последние – совсем другого рода»¹. Далее он селькупоговорящих остяков называет «Остяками Самоедского поколения».

К сожалению, относительно этнографических сведений о жилище, одежде, верованиях четкое разграничение информации относительно того, у каких именно групп Остяков она получена, в работе А.П. Степанова отсутствует.

Данный труд для многих современников А.П. Степанова и его последователей служил путеводителем по просторам Енисейского края, а для исследователей – лингвистов и этнологов – он до настоящего времени является важнейшим источником информации о населении этой территории. Стоит отметить, что, отправляясь в Сибирское путешествие, финский ученый Александр Кастрен основательно проработал книгу Степанова: ссылки на нее нередко встречаются в его письмах из Сибири и Путевых отчетах. См. например: «Степанов упоминает об одном предании, в котором говорится, что остяки пришли на Енисей с Таза, а может быть также и с Иртыша...»; «Степанов совершенно справедливо говорил о койбалах, что они отатарились...» и т.п.²

Вероятно, небольшие по формату два томика Степанова были у Кастрена с собой в поездке, так как, к примеру, описывая Туруханск в своем письме асессору Ф.И. Раббе от 28 июня (10 июля) 1846 г., Кастрен отметил, что может «спрятаться за высокоуважаемый авторитет бывшего красноярского гражданского губернатора Степанова», и цитирует описание данного населенного пункта по его

¹ Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 2. С. 34.

² Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999.. Т.2. С. 191, 195.

книге с указанием географической долготы и широты этого места, добавляя к этому описанию свои замечания¹.

3. Северные селькупы в материалах А. Кастрена. В письмах-дневниках А. Кастрена есть значительный объем данных, характеризующих именно северных селькупов. Он планировал посетить р. Таз, но, добравшись до Туруханска к 7(19) июня 1846 г., нашел здесь достаточное, на его взгляд, количество представителей североселькупской группировки. Они, как и енисейские остяки, юраки, или другие самоеды, прибыли на ярмарку пополнить свои продуктовые запасы, а главное – для сдачи в казну податей. «Подать собирается заблаговременно князем рода или племени, а потому он мог бы, конечно, явиться на ярмарку и один, – писал Кастрен, – но и у остяков, и у самоедов князь в общественном деле не является без многочисленной свиты. Именно эти-то процессии енисейских остяков, баихинских, тазовских и каразинских самоедов, ходивших в странных костюмах по улицам, и были для нас самым замечательным Туруханской ярмарки»².

Кастрен подчеркивал, что собравшееся здесь разноязыкое население было и остяками, говорившими на языке енисейских остяков, и самоедами, «но обыкновенно называются все остяками»³.

В течении 6 недель «с утра до вечера» он изучал их язык, а также расспрашивал о расселении, племенном делении, этнонимах, хозяйственных занятиях и проч.: «Литературные занятия с туземцами продержали меня в Туруханске от начала июня до конца июля» (20 июля он отправился из Туруханска в с. Дудинку)⁴. Общий вывод относительно языка самоедов, собравшихся в Туруханске, был следующим: «все самоеды, живущие по отдаленным и недоступным рекам [близ Туруханска], говорят на том же самом наречии, как и томские. Особенно это можно сказать о языке тазовских (остяков) самоедов»⁵.

¹ Там же. С. 171; см.: Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1. С. 158

² Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 159–160.

³ Там же. С. 160.

⁴ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 162.

⁵ Там же. С. 174.

Конкретизируя, каких именно тазовских самоедов он имеет ввиду, Кастрен писал: «под тазовскими самоедами мы разумеем здесь не юраков, а только два рода, или племени, – Лимбель-гум и Казель-гум, приписанные к Тымско-Караконской управе»¹. О карасинских самоедах: «Каразинские самоеды, обыкновенно называемые остяками, вместе с баихинскими и тымско-караконскими принадлежат к южной ветви самоедского племени. Они распространены от Курейки вверх»². Уточняя в целом их расселение, он писал: «На левой стороне Енисея остяки-самоеды расселены по Турухану, Баихе, Елогу, Дубчесу, Сыму, Тазу и по множеству их притоков. На правой стороне Енисея остяки-самоеды встречаются только по Курейке, по Нижней Тунгуске и по некоторым меньшим речкам»³.

Следует подчеркнуть, что в этих письмах (в частности, в письме к статскому советнику Шёгрёну) и путевых отчетах А. Кастрена из Туруханска впервые им был введен внешний этноним для данного самоедоговорящего населения – (*остяки*) *самоеды* или *остяки-самоеды*, вошедшее в последствии во все научные публикации исследователей и ставшее в российском административном обиходе до 1930-х гг. титульным названием данного этноса (до введения этнонима *селькупы* в 1932 г.).

Кастрену удалось записать весьма важную информацию о двух группировках северных селькупов – выявить деление этого народа на две части: *Лимбель-гум* и *Казель-гум*. «...Как тымско-караконские, так и баихинские, и карасинские самоеды распадаются на две большие отрасли: Лимбель-гум и Казель-гум, из коих (в Тазовском округе) первая принадлежит к Караконской, вторая – к Тымской управе. Название Казель-гум (окуньи люди), очевидно, относится к реке Тыму, по-самоедски *Kasel-ki* (Окунья река), с которой, по преданию, племя это переселилось на берега Таза. Караконские самоеды... пришли от реки *Káralg* или *Karol-ki*, т.е. Журавлиной реки (от *Kara* – журавль), и переменили свое настоящее название *Karal-gum* (журавлиные люди) на *Limbel-*

¹ Там же. С. 159

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 160.

gum (орлиные люди)¹....»; при этом, племя Казель-гум называет этих орлиных или журавлиных людей еще и тетеревиными людьми – *Sengel-gum*².

Помимо этих двух группировок остяко-самоедов, Кастрен упомянул еще и группу (племя?) *Ир-гум*: двигаясь из Енисейска в Туруханск в начале июня 1846 г., он встретился с их представителями в Верхнем Имбатске при устье Елогуя (т.е. еще до своего прибытия в Туруханск). «Они называли свое племя Ир-гум (старые люди), сказывали, что вместе с тунгусами владеют рукавом Елогуя, который на их языке именуется *Кёльдү (Köldu)*, что зимой охотятся в пределах тазовской области, что по языку, нравам и образу жизни весьма сходны со своими соседями, живущими по Тазу».³

Относительно внешних названий этого народа Кастрен привел сведения, что имбатские остяки обозначают всех самоедов, живущих по Тазу, Елогу и по притокам Ваха: Каралге (Корелка), Куль-Йогану и Сабуну, названием *Лаак*, переводя его как «гусиные люди»⁴.

Весь языковой материал относительно северного диалекта остяко-самоедского языка А. Кастрен собирал в Туруханске среди представителей этого народа, приехавших на ярмарку из разных мест. Он писал, что к моменту его приезда в Туруханск баихинские, или туруханские, самоеды уже прибыли на ярмарку, а вскоре после этого явились и карасинские, и тазовские, или тымско-караконские. Интересным является его замечание, что Туруханскую ярмарку из 2-х племен тазовских самоедов посещает только племя *Лымбель-гум*.⁵

О путях прибытия остяко-самоедов Лымбель-гум с Таза на Енисей в пос. Туруханск на ярмарку он написал следующее: «...они плывут вверх по реке Кудасею и притоку ее Покатке до волока, через который перетаскивают свои лодки в озеро Баиху, и из него вновь по Верхней Баихе плывут до Туруханска. Был северный путь – вверх по Волочанке к Ратилихе и Туруханску, но он со

¹ По мнению Кастрена, тазовские самоеды из рода Лымбель-гум «поселились на Енисее и затем постепенно слились с енисейскими остяками». (С. 191).

² Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 178.

³ Там же. С. 177.

⁴ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 177.

⁵ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 159.

времени перенесения г. Туруханска был оставлен. Иногда самоеды с Таза прокладывают себе дорогу к Енисею через Налимье озеро»¹.

В результате проведенного лингвистического обследования остяко-самоедского населения Кастрен выделил в их языке три наречия: тымско-караконское, баихинское (туруханское) и верхне-карасинское. При этом он подчеркнул, что следует иметь ввиду тот факт, что баихинские и карасинские самоеды пришли от реки Таз, и говорят фактически тем же самым наречием, как и тазовские, за исключением «незначительных звукоизменений, которые можно встретить почти в каждой юрте»². И далее он делает принципиальный вывод о языковой близости тазовских и томских самоедов: «Давнее мое предположение о возможной связи тазовского наречия с томским подтверждается теперь на самом деле в гораздо большей степени, нежели я когда-либо мог думать...Тазовское наречие если не ближе, то, по крайней мере, столь же близко к нарымскому, как сие последнее – к чулымскому. Познакомившись со всеми наречиями Томской губернии, не много найдешь уже здесь нового и уклоняющегося»³.

4. Северные селькупы в материалах А.А. Мордвинова. А.А. Мордвинов⁴, будучи чиновником Енисейского округа и членом Сибирского отдела Русского географического общества, также посещал Туруханский край. Имея «природную наблюдательность и желание запечатлеть увиденное», он написал две статьи, изданные одновременно: «Записки о Туруханском крае» (1860) и «Инородцы, обитающие в Туруханском крае» (1860)⁵. Именно во второй публикации, написанной в виде этнографического очерка, содержит сведения об основных этнических группах, проживающих на севере Туруханского края – Тунгусов, Долган, Самоедов, Юраков, Якутов и Остяков.

Среди последних автором перечислены как остяки-енисейцы, относящиеся к Подкаменно-Тунгусской, Верхнеимбатской и Нижнеимбатской управам, так и остяки-самоеды Баихинской управы, Карасинского рода и Тымско-Караконской

¹ Там же. С. 159.

² Там же. С. 178.

³ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.178.

⁴ Мордвинов Александр А. – енисейский окружной начальник, этнограф, член-сотрудник Сибирского отдела Русского географического общества.

⁵ Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. 1860. Т. 28. №1–2. С. 25–64.

орды. Однако сам автор такого подразделения внутри остяков не производит, хотя и отмечает их неоднородность. Он пишет, что «...хотя Остяки составляют как бы одно племя, но, судя по свойству языка и неоднобразия обычаев, есть некоторая разность между обитающими по Енисею и живущими на Тазу и Баихе, из коих язык первых считают происхождением Финско-Самоедского корня, а вторых – Самоедского; но и у последних заметна большая разница в языке»¹.

Таким образом, видно, что с одной стороны он совсем не маркирует енисейскоговорящее население, с другой стороны, по всевозможным ремаркам, заметно, что часть материала, касательно Остяков, он записывал именно у остяков-енисейцев (т.е. кетов). Например, он упоминает, что Енисейские Остяки называют себя *Тундыгетами* и *Тишпканами*; при перечислении имен единого Бога, которого инородцы Туруханского края призывают в своих молитвах, он отмечает, что Остяки называют его *Ессь* и т.д.²

Ссылки на работы исследователей-предшественников в данном сочинении практически нет, хотя автор иногда демонстрирует, что знаком с различными мнениями по определенным этнографическим и этногенетическим вопросам. Например, рассуждая о возможном происхождении Остяков, А. Мордвинов пишет о том, что «Остяков одни из писателей полагают остатком Чуди, древних жителей средней Сибири, удалившихся из южных краев Енисея от набегов Татар и Киргизов к северу, другие считают их поколением Финским, притянувшимся от Лапландии на восток, а, наконец, иные находят в языке Остяков сходство с языком Катов, Аринов, Кайбалов, происхождения Татарского»³.

При том следует отметить, что есть в тексте Мордвинова единственная отсылка к данным А. Кастрена (при описании Юраков и определении их языка как Юрако-Самоедского, «составляющего по исследованию известного Кастрена, видоизменение Самоедского языка»), что свидетельствует о знакомстве А. Мордвинова с его работами и выводами.

¹ Там же. С. 40.

² Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. 1860. Т. 28. №1–2. С. 40, 62.

³ Там же. С.38–39.

В тексте работы описание каждого народа А. Мордвинов предваряет сведениями, характеризующими их численность. Относительно Остяков он приводит следующие данные «по 9-й переписи»:

Баихинские остяки – 129 душ муж. пола и 74 жен.; они бродят и «имеют всегдашние промыслы свои» по обеим сторонам Турухана на протяжении 400 верст от устья его и впадающим в него речкам: Блудной, Баихе и Маковихе¹. По 10-й переписи Остяков Баихинских «показано» 117 душ муж. п. и жен. 91 душ².

Остяки Карасинского рода – 46 душ муж. пола и 35 жен. Эти остяки имеют зимою свои, почти постоянные, жилища по речке Летней Курейке и около озера Мундуйского, в урочищах которых находятся и звериные промыслы.

Остяки Тымско-Караконской орды – 269 душ муж. пола и 211 жен. Обитают в своих жилищах по реке Тазу и впадающим в него речкам Кудасее, Тымке, Караконке, Покатке и близ озер, находящихся в местности этой на протяжении в длину по Тазу около 400 верст³.

В описательной части относительно Остяков А. Мордвинов приводит данные об их внешнем виде, жилищах, привычке к ночевкам в снегу, передвижениям на больших крытых лодках, обычаях при сватовстве, рождении младенцев, охоте на медведя. В некоторых случаях он указывает, что приводимая им информация касается, прежде всего, Тазовских Остяков или Карасинских; однако в большинстве случаев такие указания отсутствуют, что, естественно, затрудняет этническую атрибуцию представленного материала.

6. Северные селькупы в материалах М.Ф. Кривошапкина. М.Ф. Кривошапкин⁴ известен как автор природоведческого и в значительной степени этнографического 2-х томного сочинения «Енисейский округ и его жизнь», опубликованного в 1863 г. в «Записках сибирского отделения русского

¹ Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. 1860б. Т. 28. №1–2. С.28.

² Там же. С.28.

³ Там же. С. 28.

⁴ Кривошапкин Михаил Фомич (1829–1900) – русский врач, этнограф, фольклорист. Родился в Енисейске. Учился в Казанском университете на медицинском факультете (год окончания – 1854). В 1855 г. закончил Медико-хирургическую академию. Служил сначала окружным врачом в Енисейском округе, с 1860 г. – хирургом Енисейской врачебной управы. Вскоре по состоянию здоровья переехал в Казань, где стал заниматься подготовкой к публикации и изданием книги «Енисейский округ и его жизнь» (1863; переиздание 1865). Книга принесла автору прижизненную всероссийскую славу; в 1866 г. был удостоен малой золотой медали Русского Императорского географического общества.

географического общества»¹; в 1865 г. этот труд был переиздан в Санкт-Петербурге Императорским географическим обществом на пожертвования промышленника Кокорева. В основу книги легли записи молодого врача, сделанные им в 1857 г. во время пребывания в Туруханском крае, куда он выезжал на борьбу с эпидемиями.

Значительная часть 12-й главы второго тома под названием «Остяки; племя занимающееся по преимуществу рыболовством» посвящена остяцкому населению Туруханского края. Начиная описание, он сразу подчеркнул, что «издавна под именем остяков слыли у русских народы, нередко совершенно между собою различные». Со ссылкой на Фишера автор привел этимологию слова *остяк*, производя ее от татарского «чужеземец», «варвар». Эта этимология объясняет, по его мнению, почему под этим именем сокрыты разные народы: «...победители татары, овладевши западною Сибирью, называли так всех побежденных»². Таким образом, русские называли остяками те народы, которые некогда в дорусский период были покорены татарами. Эта «догадка», на его взгляд, подтверждается «во-первых, тем, что названия остяков нет к востоку от Енисея, где не было и владычества татар, а во-вторых, тем, что русские, употребляя слово остяк с тем же значением, называли несколько времени остяками и вогуличей»³.

На основе собственных данных, полученных им официально в 1860 г. от туруханского отдельного заседателя, он составил таблицу, где сначала привел учет собственно енисейских остяков (кетов), а затем отдельно дал данные по «другим» остякам⁴, снабдив их следующим комментарием: «Остальные остяки живут за гор. Туруханском к северу, не задаваясь, впрочем, далеко ни на восток, в места тунгусов, долганов и якутов, ни на север в места юраков и затем самоеды»⁵.

¹ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. 1863; 1865.

² Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. 1865. С. 118.

³ Там же. С. 118–119.

⁴ Работа М.Ф. Кривошапкина снабжена ссылочным аппаратом, нередко ссылки на труд А.П. Степанова, но ссылок на работы А. Кастрена нет. Термин «остяко-самоеды» он не употребляет.

⁵ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. 1865. С. 125.

Таблица 3 – Численность остяцкого населения по данным М.Ф. Кривошапкина

Названия родов	Число душ муж.	Число душ жен.	Места оседлой и кочующей жизни остяков и откуда они продовольствуются жизненными припасами
Остяков Баихинские	117	91	Они бродят на протяжении 400 верст по Турухану, считая от впадения его в Енисей, и по притокам Турухана – Блудной, Баихе и Моковихе; для них имеется на устье р. Баихе в 225 верстах от Туруханска особый магазин.
Остяков Тымско-Кораконской Орды	271	201	Они обитают на западе от Енисея, только и далее и севернее по р. Таз и притокам её – Кудосее, Тымке, Караконке и Покатке на пространстве 400 верст; причислены они к магазину у церкви на Тазу.
Остяков Карасинских	47	41	Обитают они на р. Летней-Курейке и около оз. Мандуйского; они причислены к карасинскому магазину.

(Кривошапкин, 1865. С. 125).

В данной работе есть сведения, касающиеся различных аспектов жизни остяков (например, описание их одежды, жилища (чум, покрытый берестой; землянка), средств передвижения (ветка – долблена лодка), инструментов, внутрисемейных отношений, свадебного обряда, и проч.). Однако М.Ф. Кривошапкин не стремился регулярно этнически дифференцировать остяков, т.е. он не всегда отделял селькупов от кетов; нередко он лишь указывал на «остяцкую» принадлежность фиксируемого им обряда или элемента культуры. Во многих случаях можно только предполагать по тем редким остяцким названиям (например, упоминание имени верховного божества *Ессь*) или географическим объектам, которые он приводит, что материал был им собран в основном у остяков-кетов. Эта нечеткость атрибуции затрудняет использование его данных в этнографических целях. Тем не менее, его труд, также как и публикация А. Мордвинова об инородцах Туруханского края, является ценным источником и позволяет получить общее представление об остяцком быте и обычаях в середине XIX в.

6. Северные селькупы в работе П.И. Третьякова. В 1869 г. в «Записках Русского географического общества» по отделению этнографии появилась работа «туруханского пристава» П.И. Третьякова¹ «Туруханский край»², которая уже

¹ Третьяков П.И. – «туруханский пристав». Никакой иной информации о нем в широком доступе нет.

² Третьяков П.И. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 2. 416 с.; Tretjakov P.I. Das Land Turuchansk// Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft 13. Wien, 1870.

через год – в 1870 г. – была переиздана в Вене на немецком языке под названием «Das Land Turuchansk». Затем, в 1871 г. работа была переиздана по-русски отдельным изданием.

В данной работе автор весьма регулярно пытается учитывать различия между остяками (кетами) и остяками (селькупам), используя введенное А. Кастреном наименование «Остяко-Самоеды»¹. Особенно это разграничение носит принципиальный характер, когда речь касается языковых примеров из различных языков «инородцев Туруханского края»².

Приводя список инородческих родов, П.И. Третьяков отдельно дает сведения относительно **Остяков**, упомянув Подкаменно-тунгусский, Верхнеинбатский и Нижнеинбатский роды, и **Остяко-Самоедов**, среди которых выделяет род Баихинский, Тымско-Караконский и Карасинский³.

Численность населения он предлагает рассмотреть читателю в таблице, где сравнивает данные 8-й и 10-й переписей. Относительно родов Остяко-Самоедов данные выглядят следующим образом:

Таблица 4 – Численность остяцкого населения по данным П.И. Третьякова⁴

	Данные 8-й переписи		Данные 10-й переписи	
Баихинский	109 муж.	51 жен.	117 муж.	91 жен.
Тымско-Караконский	325	152	271	201
Карасинский	52	23	47	41

Однако, говоря о расселении, он не использует дифференцирующий этноним-неологизм «остяко-самоеды» и, обходясь только термином «остяки», пишет, что «остяки Баихинского рода живут по р. Турухану и притокам оною; Тымского и Караконского родов – по обеим сторонам р. Таза, начиная от Вершин

¹ Прямых ссылок на публикации А. Кастрена в работе П.И. Третьякова нет.

² Во всех случаях, где идут языковые примеры с пометкой «остяко-самоедский», достаточно четко опознаются слова именно из селькупского языка: например, «душа человека» по-остяцки «Кокт», по-юрацки «Инда», по-самоедски «Нильты», по-тунгусски «Индэ», иначе «Омугда», на остяко-самоедском наречии «**Квои**» (Третьяков, 1869.С. 418); на с. 412 приведены примеры числительных из разных языков, где во второй графе «на остяко-самоедском» даны именно селькупские числительные.

³ Третьяков П.И. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 2. С. 373.

⁴ Там же. С. 373.

до Часовенского зимовья и по притокам этой реки; ...Карасинского Остяцкого рода – за полярным кругом по обеим сторонам Енисея»¹.

Относительно бытующей этнонимии П.И. Третьяков пишет, что «тазовские и баихинские остяки называют себя *шелэ-комъ*, юраков *квялякнъ*, самоедов – *кэлякнъ*, тунгусов – *пампакнъ*, русских – *ружь*»². Эти несколько примеров селькупской этнонимии крайне важны для исследователей, так как они характеризуют стадию развития языковых процессов в северо-селькупском диалектном ареале, когда более ранняя форма *шель-* (*шэль-*) еще не была вытеснена более поздним *сэль-*, ставшей традиционной для их этнонимии в XX в.; а *-ком* еще не был заменен на *-куп*.

Этнографические сведения П.И. Третьяков дает обобщенно для всех групп остяков – енисейцев-кетов и остяко-самоедов, считая их обычаи и культуру достаточно сходной; если же у каких-то остяков, на его взгляд, были специфические отличия, то эти моменты он подчеркивал особо: например, говоря о прическах остяков, он писал, что у них «черные волосы на голове, никогда не подстригаемые и нерасчесываемые, всклокочены; только некоторые из *тазовских остяков* разделяют их спереди на две половины и заплетают на затылке в косу, или просто завязывают ремнем»³.

Среди зарисовок этнографического характера, сделанных П.И. Третьяковым, можно найти описания характера остяков (автор акцентировал присущую им, на его взгляд, беспечность), а также описание их одежды; значительный объем информации приведен относительно их семейных обычаев, таких как помощь при родах, уход за детьми, бытующие имена (с несколькими примерами на селькупском языке), наблюдения за их семейными нравами⁴. Достаточно подробно им было описано, как проходит у остяков сватовство, свадьба (с примерами песен и игр, и, судя по языковым примерам, записи были сделаны именно у тазовских остяков)⁵.

¹ Третьяков П.И. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 2. Т.2. С. 374–375.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 384.

⁴ Там же. С. 385–389.

⁵ Третьяков П.И. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 2. С. 389–391.

Крайне ценны данные П.И. Третьякова о различных традициях в похоронной обрядности остяков: в этих материалах подчеркнута специфика этого обряда у инбатских остяков, а также приведен конкретный пример того, как хоронят шаманов *тазовские остяки*¹.

Если в целом относительно этнографической информации идет смешение кетского и селькупского материала, то относительно описания религиозных воззрений и традиций бытующего шаманизма (в частности, в своей работе П.И. Третьяков касается общего содержания шаманских песен), автор группирует материал, записанный у тазовских остяков с материалом, полученным от юраков (восточных ненцев), что приводит к смешению селькупских и ненецких данных².

Таким образом, подводя итоги собранным источникам о локальных группах селькупов XVII–XIX вв., мы можем констатировать, что уже в тот период был собран значительный материал фактически о всех, известных в настоящее время, составных частях этого этноса.

Локальные группы в Приобье.

1675 г.: Н. Спафарию удалось лишь частично очертить ареал пребывания селькупов на Оби в районе Нарыма и на Кети, и записать этноним *чугулы*.

1740 г.: Г. Миллер отмечал в исследуемой части Приобья только ‘нарымских остяков’ (и этноним записал только для них – *Dshumul-Kup*), но он также отдельно упомянул и перечислил все поселки «остяков Кетского Дистрикта», тем самым собрав о них достаточно массивный объем сведений.

Сам он на описании селькупского ареала расселения в Приобье не сосредотачивался (хотя его явно интересовал вопрос границы между остяками и тюрками, и между нарымскими и сургутскими остяками на Оби), но собранная им гидронимия красноречиво свидетельствует о местах дислокации селькупоговорящего населения и позволяет этот ареал достаточно четко обрисовать, исходя из приведенных им топонимических данных.

¹ Там же. С. 391–392.

² Там же. С. 414, 432.

Одним из самых ценных результатов его записей является фиксация микрогрупп (родовых групп) в составе населения Приобья: он упоминает род *Parbe* и дает прямое указание, что это остяки Второй Парабельской волости; род *Künku*, населявший Чаю и приток Парбиги – (Музур)Бакчар (также с прямым указанием, что это остяки Чаинской волости).

Косвенно он упоминает еще два рода¹ – на Чулыме два остяцких аймака: *Karandabi-aimak* – ‘Журавлиного устья’ аймак и *Angose-aimak* – ‘Протоку имеющие’ аймак).

Кроме того, он упоминает также тюркский род *Terenja* на р. Шегарке в непосредственной близости от расселения селькупского населения, и три родовых группы на Васюгане (как население Ларьятской и Васюганской волостей): *Tagai-jach-murui* (в названии этого рода четко видна фамилия хантов Тагаевых, известная в Нарымском Приобье до сего дня; также эта фамилия встречается и среди селькупов), *Iaring-jach-murui* (некие самодийцы-‘ненцы’) и *Cholling-murui-jach*.

Таким образом, мы видим, что Миллеру удалось собрать данные по ключевым вопросам, важным для реконструкции этнической истории селькупов. Однако его материалы по Приобью оказались доступными широкому кругу исследователей только через 250 лет.

1845/1846 г.: А.Кастрен, на основе собранных лингвистических данных, очертил ареал расселения Томских Самоедов, указав все основные обские притоки, заселенные ими: Тым, Кеть, Парабель, Чая, Чулым и Чежапка. Именно в таких границах и стал известен этот ареал для последующих исследователей. Данные XX в. подтвердили этот ареал.

Им были упомянуты следующие этнонимы, и соответственно, их носители – локальные группы: *Tshûmel-gom* – население по Оби ниже Нарыма, *Schösch-kom* – выше Нарыма, *Sysse-gom* – по Кети и *Tjûje-gom* – по Чулыму. Все группы, кроме последней, были известны и в более поздние времена.

¹ Если понимать *аймак* и как территорию проживания рода, и как структуру управления.

1870–1890-е гг.: Н.П. Григоровский, К. Папай, У. Сирелиус осуществили сбор объемных словарных данных о языке нижнечаинских (Костенькино) остяков [Н. Григоровский], а также этнографические (фрагментарные) материалы о селькупках низовьев Васюгана (Югино, Маргино, Наунак) [У. Сирелиус] и Среднего Приобья (ю. Иванкино) [К. Папай].

Конец 1890-х гг.: А.Ф. Плотников дал описание фактически всей территории проживания селькупов, так как она в значительной степени совпадала с административными границами Нарымского края. Им были сделаны описания аборигенного населения по инородческим волостям. Так как волостные единицы в значительной степени в прошлом соответствовали родовым, то из его материалов можно выявлять ареалы расселения разных подгрупп селькупского этноса, учитывая приводимые им сведения исторического и статистического характера. Однако сам автор этот вопрос не акцентировал, приводя лишь собранную им информацию.

Локальные группы в Тазовско-Туруханском регионе.

1739: Миллер различал следующие подгруппы: die Ostiaken am Tas, Surgutische Ostiaken am Tas und zu Karassina, Kudasseische und Baichische Ostiaken, Ostiaken zu Karassina. Ему удалось записать этноним *Schöschelgub*, который был оценен лингвистами как историческая проформа этнонима *селькуп*. Миллер также засвидетельствовал на Вахе наличие населения, говорящего на одном языке с нарымскими остяками и остяками, живущими на р. Таз, которые административно относились к Лумпокольской волости на Оби и к Тымской волости – т.е. по-селькупски. В тот период они проживали от рч. Kul-jogon до рч. Kam-sês.

1830-е гг.: А.П. Степанов для селькупов использовал термин «Остяки Самоедского поколения» и выделял в их составе пять групп: Натских, Баихинских, Тымских, Караконских и Карасинских Остяков. Из них, мы видим: 4 группы «северные» – Баихинские, Тымские и Караконские [тазовские] и Карасинские; и 1 группа – это «южные»: Натские (в верховьях Кети, за пределами границ Томской губернии).

1846 г.: А. Кастрен выявил на селькупском «севере» 3 группы остяко-самоедского населения: каразинских самоедов, баихинских и тымско-караконских. Определил, что они принадлежат к южной ветви самоедского племени и говорят на том же наречии, что и Томские Самоеды.

Кроме того, он обнаружил у них фратриальное деление: «...как тымско-караконские, так и баихинские, и карасинские самоеды распадаются на две большие отрасли: Лимбель-гум и Казель-гум ...».

Казель-гум (окуньи люди) носят название по р. Тыму (по-самоедски *Kasel-ki* (Окунья река)), с которой, по преданию, племя это переселилось на берега Таза.

Лимбель-гум – это и есть Караконские самоеды, которые пришли от реки *Káralg* или *Karol-ki*, т.е. Журавлиной реки (от *Kara* – журавль), и переменили свое настоящее название *Karal-gum* (журавлиные люди) на *Limbel-gum* (орлиные люди).

Помимо этих двух группировок остяко-самоедов, Кастрен выявил еще и группу (племя?) *Ир-гум*, которые жили на рукаве Елогуя – *Кёльду* (*Köldu*), и были «по языку, нравам и образу жизни весьма сходны со своими соседями, живущими по Тазу».

1860-1870 гг: Исследователи этого периода единодушны в своих данных: А. Мордвинов, М.Ф. Кривошапкин, П.И. Третьяков выделяли три группы в составе остяко-самоедов: Баихинских остяков, остяков Тымско-караконской орды и остяков Карасинского рода; авторы четко описывали их численность, используя материалы разных переписей (8-й, 9-й, 10-й) и территорию расселения.

Только П.И. Третьяков фиксирует эндоэтноним северных селькупов: *шелэ-комъ* для тазовских (тымско-караконских) и баихинских остяко-самоедов.

Таким образом, мы видим: несмотря на то, что территория Тазовско-Туруханской тундры более труднодоступная, чем территория Приобья, тем не менее – фактически все известные основные локальные группы селькупов были выявлены еще в XVIII–XIX вв. Однако, к сожалению, только лингвистический материал носил системный характер с фиксацией у кого (носителя какой группы) был записан – сборы Г. Миллера и А. Кастрена. Только эти два автора

фиксировал свои данные с четким соблюдением правил научной атрибуции. У остальных авторов, особенно в части подачи этнографической информации (сведения о культуре) преобладало стремление смешивать (комбинировать) материал от представителей не только разных групп селькупов, но и с данными, полученными от их соседей – кетов, ненцев (юраков), хантов.

2.2. Классификации локальных подразделений селькупов и селькупского языка: результаты исследований XX – нач. XXI в.

В XX в. начались массированные как лингвистические, так и этнографические исследования селькупов. В 2005 г. мною был подготовлен и опубликован «Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов» (2006)¹, в котором публикации были сгруппированы тематически, в силу чего явственно проявилась разнообразная палитра исследовательских направлений, при наличии двух магистральных течений – лингвистического селькуповедения и антропологического (этно-социо-культурного). Даже по количеству тематических публикаций можно оценить разработанность одних направлений, и наличие исследовательских лакун – в других.

При написании следующих разделов данной главы, анализируя достижения селькуповедения XX в. в рамках двух основных линий развития (лингвистического и антропологического), акцент будет сделан лишь на следующих аспектах, важных для решения задач данной диссертационной работы: 1) какими в разные периоды времени видели исследователи-лингвисты диалектное членение селькупского языка, и в соответствии с этим – формирование всего селькупского языкового сообщества; 2) как антропологи (этнографы, историки-краеведы) дифференцировали селькупов и решали вопрос

¹Тучкова Н.А. Bibliographia selkupica. Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. Томск, 2006. 152 с.

формирования локальных групп, и, соответственно, как они выстраивали линию развития селькупского этногенеза.

Описание исследовательского процесса (включая процесс сбора материала) далее рассматриваться не будет: внимание будет уделено только рассмотрению и оценке результатов исследований.

Эволюция взглядов лингвистов на диалектное членение селькупского языка

Вопрос диалектной классификации селькупского языка имеет свою устоявшуюся библиографию и свои признанные имена исследователей, внесших существенный вклад в понимание соотношения диалектов и говоров внутри селькупского языкового континуума. Без преувеличения можно сказать, что для выделения и описания диалектов селькупского языка потребовался труд нескольких поколений лингвистов – А. Кастрен, К. Доннер, Г.Н. Прокофьев, А.П. Дульзон, Т. Янурик, Х. Катц, Е.А. Хелимский, Э.Г. Беккер, Ю.А. Морев, С.В. Глушков и др.¹ Тем не менее, ни одна из предложенных исследователями на сегодняшний день классификаций не носит характер исчерпывающей и удовлетворяющей всех селькуповедов (и более широко – специалистов в области самодийских и уральских языков). При этом, дискуссионными являются вопросы

¹ Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. XXIV. St. Petersburg, 1854. 608.

Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. М.; Л., 1937. С. 91–124. Он же. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Т. IV. Вып. 1. Л., 1935.

Donner K. Zur Vertretung der Konsonanten verb indung Nasal + homorganer Klusilim Tschaja-Dialekt des Ostjak-Samojedischen // Mémoires dela Société Finno-Ougrienne 52. Helsinki, 1924. S. 36–41.

Dulson A. Über die raumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение 7. № 1. Таллин, 1971. С. 35–43.

Janurik T. Szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. P. 77–104.

Katz H. Sölkupische Quellen // Studia Uralica II. Wien, 1979. 231.

Хелимский Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Dialectologia Uralica. Erstes Internationales Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen. Hamburg, 1984. С. 44–46. Он же. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58. Он же. Историческая и описательная диалектология самодийских языков автореф. дис. докт. филол. наук. Тарту, 1988. 47 с.

Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка / Введение // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.

Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 34–48.

Морев Ю.А. Место ласкинского говора в диалектной системе селькупского языка (по фонетическим данным) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 189–191.

Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 49–63.

нюансов, а не базовые принципы классификации или основы конструкции классификационной схемы.

Уже самая первая классификация А. Кастрена представляла селькупский язык (язык Томских Самоедов) как совокупность нескольких зон распространения этого языка – в Приобье: северное (нижнее) – тымско-нарымское, среднее (кетское) и южное (верхнее) – чулымское (которое он изучал в Молчаново); и в районе Тазовско-Туруханской тундры: тымско-караконское (тазовское), карасинское и баихинское¹. Кастрен маркировал диалекты по географическому принципу. Для создания классификации он использовал собственные полевые материалы; основаниями для классификации служили, главным образом, данные фонетики.

Следующая (весьма детальная) классификация была предложена только в 1920-х гг. К. Доннером. На основе также собственного полевого материала, добавив к ним материалы А. Кастрена, которые ему были вполне доступны, он выделил 23 диалекта (говора), представив их как равнопорядковые единицы, т.е. не группируя диалекты друг с другом в какие-то более крупные объединения. Номинация этих диалектов также основывалась на географическом принципе: он указывал ареал (как правило, реку) и названия населенных пунктов, где были записаны образцы речи: например, среднекетский (Максимкин яр, Меташкина, Орлюкова). Таким образом, именно начиная с К. Доннера при классификации языковых нюансов лингвисты-селькуповеды стали указывать населенные пункты, где фиксировались те или иные особенности селькупского языка².

Классификация Г.Н. Прокофьева, опубликованная им в 1935 г., предполагала выделение трёх основных групп, называемых им «наречиями», селькупского языка: тазовское, тымское и кетское наречие, каждое из которых представляло собой пучёк примыкающих к ним говоров. Например, тымское наречие состояло, кроме самого говора р. Тым, также из примыкающих к нему говоров низовий р. Васюгана и р. Парабели, а также говора жителей Оби около

¹ Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. XXIV. St. Petersburg, 1854. 608.

² Donner K. Zur Vertretung der Konsonanten Verbindung Nasal + homorganer Klusilim Tschaja-Dialekt des Ostjak-Samojedischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 52. Helsinki, 1924. S. 36–41.

Нарыма; кетское наречие – из говоров средней Кети (Широковский сельский совет), верхней Кети (Максимояровский и Маковский сельские советы) и говора селькупов, проживающих в ю. Сондоровых на Оби; тазовское – из верхнетазовского, нижнетазовского и примыкающего к ним баихинского (при этом Г.Н. Прокофьевым было отмечено, что баихинский говор имеет некоторые явные сближения с кетским говором)¹.

Фактически именно у Г.Н. Прокофьева впервые было сформулировано представление о тернарном делении селькупского языка, т.е. делении его на три основных языковых ареала, с внутренними дробными подразделениями.

А.П. Дульзон, представляя свою классификацию селькупского языка в публикации 1971 г., выделял не диалекты, а диалектно-локальные группы и использовал локальные этнонимы при их номинации, однако градации проводил исключительно на основе языковых данных. Таким образом, он выделил 5 локальных групп селькупов: 1) селькупы р. Таз и притоков Енисея; 2) сюссыкумы Кети; 3) чумылкупы Васюгана и Тыма; 4) шёшкупы (шёшкумы) на Оби выше Нарыма; 5) тюйкумы – в низовьях Чулыма². Для каждой группы он перечислял поселки, где фиксировался тот или иной диалект. По их перечню, например, видно, что к сюссыкумам Кети он относил не только жителей кетских поселков, но также жителей Старо- и Ново-Сондорово на Оби.

Ко второй половине XX в. у лингвистов сформировался список надежных источников с достаточно репрезентативными по объему и качеству записями образцов речи, записанными исследователями у селькупов разных территорий и в разные хронологические периоды (Castrén, 1855, (переиздание: 1969); Donner, 1920; Григоровский, 1879 (переиздание «Азбуки» Григоровского: Hajdu, 1968); материалы К. Папай в обработке Hajdu, 1952, Дульзон, 1966 а, б; Кузьмина, 1967 а, б)³. С опорой на всю сумму опубликованного языкового материала появились

¹ Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Т. IV. Вып. 1. Л., 1935. С. 5,7.

² Dulson A. Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение 7. № 1. Таллин, 1971. С. 35–43.

³ Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966а. С. 116–155. [8 селькупских фольклорных текстов: с. 116–155]. Он же. Селькупские тексты // Вопросы лингвистики. Ученые записки ТГУ. №59. Томск, 1966б. С. 11–30. Кузьмина А.И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору.

классификации 1970–1980-х гг.: Т. Янурика, Х. Катца, Е.А. Хелимского, Ю.А. Морева и др.

Наиболее детальной, повлиявшей на все другие исследования в области селькупской диалектологии, является классификация венгерского исследователя Т. Янурика (1978)¹. Однако Т. Янурик сам селькупский материал не собирал, и его классификация опирается на классификацию Г.Н. Прокофьева, таким образом, можно сказать, что Т. Янурик развивает классификационные подходы к селькупскому языковому материалу, сформулированные Г.Н. Прокофьевым. Опираясь на фонетико-фонологические соответствия, Т. Янурик выявляет внутри селькупского языкового континуума три больших диалектных группы: северную, центральную и южную, тем самым он предлагает, вслед за Прокофьевым, в основу классифицирования положить тернарный подход. Внутри каждой группы присутствует свой набор диалектов (всего – 12 диалектов)².

Его сравнительный анализ диалектных особенностей носил очень детальный характер и серьёзную доказательную базу, поэтому после публикаций Т. Янурика все последующие исследователи в целом придерживались данного тернарного подхода при создании своих вариантов классификации селькупского языка, сохраняя при построении своих схем три выявленных диалектных подразделения – *северное, центральное (среднее) и южное*. Тем не менее, практически все исследователи предлагали свою корректировку нюансов диалектной градации. Так, например, у Х. Катца район около Колпашево отнесен был к центральным диалектам, а не к южным, как у Янурика³.

Е.А. Хелимский, основываясь на материалах Г. Миллера, А. Кастрена, К. Доннера, Н. Григоровского, предусматривал внутри южной группы диалектов особую диалектную подгруппу «крайне южных диалектов» – ныне исчезнувших – чулымский, чаинский и «верхнеобской»/«томский», отмеченные в материалах.

Вып. 2. Новосибирск, 1967. С. 267–329. [селькупские фольклорные тексты и переводы на селькупский язык фрагментов русских литературных произведений]. Как видим, в формировании корпуса источников по селькупской диалектологии заметную роль сыграли томские исследователи.

¹ Janurik T. Szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. P. 77–104.

² Там же. P. 77–104.

³ см. Katz H. Selkupische Quellen. Ein Lesebuch / Studia Uralica, 2. Wien, 1979. 231 S.

Это фактически может говорить о возможном наличии в прошлом четвертого диалектного ареала – «крайне южного» или о процессе дивергенции «южного» ареала и выделении из него «крайне южной» части. Вопрос о направленности лингвистических процессов на селькупском юге – дивергенции «крайне южных» от других южных диалектных подразделений или, напротив, слиянии, сближении бывшего четвертого «крайне южного» ареала с остальным южным ареалом на сегодняшний день является слабоизученным и остается открытым.

Кроме того, Е.А. Хелимский предлагал некоторые говоры на Оби между Нарымом и Колпашево, а также на Нижней Кети считать «переходными» или смешанными¹.

Э.Г. Беккер в зоне стыковки южного и центрального ареалов выделяла особый «обской диалект»², распадавшийся на три «говора»: а) обской говор Ч (язык чумылкупов на Оби), б) обской говор Ш (язык шёшкупов на Оби), в) обской говор С (язык обских сюссыкумов)³.

С.В. Глушков, представлявший современное понимание диалектного членения языка селькупов в коллективной монографии «Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка» (2011), сделал это с опорой на классификацию Т. Янурика и Е.А. Хелимского. Им также были выделены северный (тазовско-туруханский) диалектный ареал, внутри которого фиксируют *среднетазовский, верхнетазовский, верхнетолькинский (ларьякский) и баишенский* диалекты; центральный диалектный ареал с *тымским, васюганским и нарымским* диалектами; южный диалектный ареал с подразделением на *среднеобской, кетский* (с выделением внутри *нижне-, средне-, верхнекетского и верхнеобского (сондоровского)* говоров), *чаинский* (с делением на *среднечаинский и нижнечаинский* говоры) и *чулымский* диалекты⁴.

¹ Хелимский Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Dialectologia Uralica. Erstes Internationales Symposium zur Dialektologie der uralischen Sprachen. Hamburg, 1984. С. 44–46. Он же. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.

² Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка / Введение // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Томск, 1995. Ч. 1. С. 23.

³ Именно этот подход отражен в словаре: Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В.В. Быкони. Томск, 2005. С. 7.

⁴ Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры селькупского языка. Томск, 2011. С. 49–63.

Таким образом, несмотря на то, что уже многое сделано в области выявления диалектного членения селькупского языкового континуума, тем не менее, ряд важнейших вопросов еще остается не решенным. Так, например, процесс исследования вопросов исторического облика известных диалектных ареалов (и входящих в их состав диалектов) еще только в самом начале развития.

Кроме того, надо учитывать, что пока все основные классификации селькупского языка выстраивались на фундаменте исследований по его фонетике, тогда как дополнительные данные по морфологии или синтаксису могут изменить некоторые соотношения и позиции говоров и диалектов в выстраиваемой схеме.

В настоящее время многие диссертанты, защищающиеся по селькупскому языкознанию, так или иначе, затрагивают вопрос диалектной классификации селькупского языка, и нередко предлагают какие-то свои доработки и «доделки» существующей конструкции, опираясь на результаты своих исследований (см., например, Поздеева, 2013)¹. Однако «тернарность» этой классификации на сегодняшний день остается для лингвистов общепризнанным фактом.

Вопрос классификации локальных групп селькупов: как его решали этнологи.

В публикациях историков, этнографов, краеведов формировалось одновременно несколько подходов к классифицированию селькупоговорящего населения:

Географический подход (гидрографический принцип). Так как в основном материал собирался по бассейнам рек, где проживали носители диалектов и говоров селькупского языка, то в большинстве случаев именно так и учитывали первоначально разные локальные группы: по названиям рек – тымские, кетские, тазовские, баишенские² остяки (остяко-самоеды). Подход очень продуктивный; его активно используют вплоть до настоящего времени.

Административный. А.Ф. Плотниковым были заложены основы иного классификационного подхода – по инородческим волостям: инородцы Пиковской

¹ Поздеева Г.П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка (сравнительно-сопоставительный аспект): автореф. дис...канд.филол. наук. М., 2013. 30 с.

² Именно этот подход применен был автором данного исследования при создании Приложений «Поселки...», «Фамильный состав» в монографии: Тучкова Н.А. «Селькупская ойкумена» (2014). Данный подход позволил представить и удобно расклассифицировать весь собранный материал.

волости, Второй Парабельской инородческой волости, Нижне- и Верхне-Тогурской и т.п. С одной стороны – это чисто административная классификация, с другой стороны – административные волости исторически формировались на основе прошлого родо-племенного деления, и границы территорий этих волостей, и, возможно, некоторые их названия, а в ряде случаев и иные детали, несли следы этого родо-племенного деления. Таким образом, данная классификация имела очень глубокий фундамент, отражавший реальную, исторически сформировавшуюся во втор. пол. II-го тысячелетия, локализацию групп селькупского населения.

Этот же административный подход (с полным пониманием того, что за административными границами стоит родо-племенное деление) можно выявить в материалах Г. Миллера: он выделял остяков «Нарымского дистрикта», остяков «Кетского дистрикта», упоминал об остяках разных инородческих волостей, используя тюркский термин *аймак*: например, «остяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род Künku-aimak»¹.

Однако административные преобразования начала XX в. радикально перекроили карту территориальных границ. Инородческие волости были упразднены² в 1925 г. Волостное деление для самих селькупов потеряло актуальность, и использовать (а тем более, развивать) классификацию по инородческим волостям стало затруднительно.

Тем не менее, в работе Ю.Б. Симченко «Тамги народов Сибири XVII в.» (1965)³, собранный им архивный материал о селькупских князях и родовых группах был представлен именно в соответствии с делением территории Нарымского края (и его инородческого населения) по инородческим волостям.

Классифицирование по родо-племенным подразделениям. Начиная с материалов А. Кастрена, который выявил у селькупов наличие двух фратрий

¹ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.. С. 182

² «Система административного устройства «губерния – уезд – волость» просуществовала до 1925 г. ...В 1923 г. началось районирование Сибири, и к сентябрю 1924 г. первый этап – внутриездное районирование – был завершен. В составе уездов Томской губернии образованы районы – укрупненные волости: ...в Нарымском крае – Каргасокский, Колпашевский, Парабельский, Чаинский районы» (Вехи патернализма. Томск, 2006. С. 409).

³ Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965 [глава о селькупках: С. 132–146].

(общих и для тазовских (тымско-караконских), и для баихинских, и для карасинских самоедов) – *Лымбель-гум* и *Казель-гум*, исследователей не покидало желание разобраться с их родо-племенным составом. Однако в XX в. информации об этом явлении селькупской культуры было крайне мало. Особенно она трудно выявлялась для центральных и южных групп селькупов. Тем не менее, Е.Д. Прокофьева выявила (но, по сути, реконструировала) следующую родо-племенную структуру:

Таблица 5 – Родовые названия, выявленные Е.Д. Прокофьевой

Тазовские селькупы	Тымские селькупы	Обские и кетские селькупы
<i>Кассыль тамтыр</i> – Кедровки ¹ род	<i>Сәңқыльтамтыр</i> – Глухаря род	<i>Сәңқыт укыт тамтыр</i> – Глухариного клюва род
<i>Лимпыль тамтыр</i> – Орла род	<i>Құләт тамтыр</i> – Ворона род	<i>Чинқыль тамтыр</i> – Лебедя род
<i>Сәңқыль тамтыр</i> – Глухаря род	<i>Мулинг тамтыр</i> – Ястреба род	
<i>Қаррәльтамтыр</i> – Журавля род	<i>Сәңқыль укыль тамтыр</i> – Глухариного клюва род	
	<i>Қорқыт тамтыр</i> – Медведя род	
	<i>Қаррәль укыль тамтыр</i> – Журавлиного клюва род	

(Прокофьева, 1952. С. 90)²

Любопытно отметить, что родовые группы, отмеченные в XVIII в. Г. Миллером на обском левобережье – *Parbe* и *Künku*³, никогда позднее исследователями не упоминались. Ясно также видно, что эти родовые названия совсем иного типа, чем тотемические, зафиксированные Е.Д. Прокофьевой.

Если бы у селькупов в XX в. продолжала функционировать родо-племенная структура, то, вероятно, этот подход был бы весьма продуктивным, однако родо-племенное устройство у селькупов в XIX – пер.пол. XX вв. не просто потеряло свою актуальность, а в Приобье, например, утратились даже достоверные воспоминания о ней (за исключением, возможно, бассейна р.Тым).

¹ Любопытно отметить, что А. Кастрен переводил название *Казель-гум* как «окуньи люди», объясняя это тем, что «очевидно, относится к реке Тыму, по-самоедски *Kasel-ki* (Окунья река)» (Кастрен, 1999. С. 178), тогда как Е.Д. Прокофьева переводила (со слов информантов) *Кассыль тамтыр* «Кедровки род».

² Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.-Л., 1952. С. 88–107.

³ Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С.182, 193

Е.Д. Прокофьева собирала данные о родовой принадлежности и родовым угодьям у селькупов Кети и Оби буквально по крупицам, и выстраивала реконструкцию для среднеобских групп в большей степени по косвенным данным - топонимам и гидронимам, а не по реальным рассказам информантов и реальным элементам функционирования данной системы.

Соответственно, не эффективным оказалось бы создание научной классификации селькупского населения с опорой на уже ушедшую в историю родо-племенную структуру.

Классифицирование на основе селькупской эндоэтнонимии.

Впервые комплекс основных селькупских этнонимов появляется в материалах А. Кастрена: он установил, что селькупское население, проживающее ниже Нарыма, называет себя *Tshûmel-gom*, выше Нарыма – *Schösch-kom*, по Кети – *Sysse-gom*, по Чулыму – *Tjûje-gom*¹. Среди северных групп он этнонима не зафиксировал, только упомянутые выше названия фратриальных групп.

Для северных селькупов (тазовских (тымско-караконских) и баихинских остяко-самоедов) П.И. Третьяков записал единый эндоэтноним – *шелэ-комъ*. Столетьем раньше Г. Миллер записывал его в форме *Schöschelgub*².

Таким образом, в середине XIX в. основные этнонимы селькупов уже были известны, но ими не пользовались при описании населения, используя экзоэтноним – неологизм, созданный А. Кастреном – остяко-самоеды, добавляя к термину название реки обитания или иной географический указатель: например, «остяко-самоеды Принарымского района» (М.Б. Шатилов).

Ситуация изменилась в сер. XX в., когда в 1960–1970-е гг. этнонимику активно стали задействовать при создании классификационных схем лингвисты и этнографы.

а) Этнонимический подход Г.И. Пелих (с попыткой увязать этноним и родо-племенную структуру селькупского общества):

¹ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С. 87.

² Е.А. Хелимский предлагает этноним *Schöschelgub* [шёшельгуп], записанный Г. Миллером, считать праформой этнонима шёлкуп > сёлкуп. (см.: Хелимский Е.А. *Schöselgub* у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 42–43).

Г.И. Пелих целенаправленно занималась выявлением родо-племенных групп, соотносимых ею с локальными подразделениями селькупов, на основе самостоятельно собранных в 1950-е гг. полевых материалов. Так, в публикации «К вопросу о родо-племенном строе у селькупов» (1963) ею были перечислены следующие «племенные и родовые образования»¹:

Таблица 6 – Самоназвания родовых групп, выявленные Г.И. Пелих

1. <i>чумуль-квыгыл-куп</i> – Обь (Усть-Тым - Каргасок, Тым)
2. <i>чумуль нюроль-куп</i> (Васюган, Чижалка)
3. <i>Парабельские чумуль-куп</i> (Парабель, Чузик, Кёнга, Обь от Пыжино до Инкино)
4. <i>сюсю теле-гум</i> (Нижняя Кеть, Обь около тогурского устья)
5. <i>сюсю шоеш-гум</i> (Чая, Обь около устья Чаи)
6. <i>сюсю тиуе-гум</i> (Обь около устья Чулыма)
7. <i>кетские сюсю-гум</i> (в бассейне Кети)

В свою очередь, племена нарымских селькупов делились, по ее предположениям, на так называемые *таджэ* (каждое племя включало в себя от двух до четырех *таджэ*), которые подразделялись на экзогамные рода².

У всех исследователей, кто работал с селькупскими языковыми материалами, вопрос вызывает не столько сама классификация, сколько приведенные в ней этнонимы. Абсолютно точно, что в такой форме они не использовались информантами (ни один из известных словарей селькупского языка не содержит такие этнонимические конструкции). Также важно, что ни у одного исследователя, собиравшего материал до или после Г.И. Пелих, эти этнонимические словосочетания не отмечены. Таким образом, следует признать, что эти этнонимы не верифицируются: они являются либо единичной записью, либо авторской реконструкцией (комбинацией).

В более поздней работе Г.И. Пелих «Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории» (1981) также упоминаются «племена», явившиеся предками для сформировавшихся к XX в. подгрупп селькупского этноса: «Внутри

¹ Пелих Г.И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов // Труды ТГУ. Т. 165. Томск, 1963. С. 139.

² Там же. С. 142–143.

своего народа селькупы подразделялись на следующие локальные группы: *чумульгула, сюсигула, шиешгула, сельгула, тегула, соргула, пайгула, кайбангула*. Из перечисленных восьми подразделений современным этнографам хорошо известны первые два (*чумульгула* и *сюсигула*). Сохранились отдельные упоминания о *тегула* и *шиешгула*. Последние два подразделения (*соргула, пайгула*) современной этнографии неизвестны, но есть основание полагать, что они играли активную роль в селькупской истории XVIII в.¹ Однако как сами упомянутые этнонимы (названия племен) - *тегула, соргула, пайгула, кайбангула*, так и исторические данные о них практически не имеют никаких документальных подтверждений и остаются гипотетическими на сегодняшний день.

б) *Лингвистическая классификация с использованием эндоэтнонимии*. В 1971 г. появляется диалектная классификация А.П. Дульзона с использованием этнонимов в качестве номинации диалектов². Данный автор произвел наложение этнонимической информации на лингвистическую карту выявленных диалектных ареалов и говоров. Таким образом, появились ареалы диалектов и одновременно ареалы локальных групп: 1) *селькуп* – на Тазе и Енисее, 2) *чумылкуп* – на Васюгане и Тyme, 3) *сюссыкум* – на Кети, 4) *шёшкуп*, или *шёшкуп*, на Оби выше Нарыма, 5) *тюйкум* – на Чулыме.

Стоит подчеркнуть, что А.П. Дульзон классифицировал именно диалектные особенности, а этнонимы использовал только в качестве маркировки. Однако это совмещение лингвистических и этнонимических данных оказалось весьма продуктивным, и активно используется современными исследователями для работы с этнографическим материалом по локальным группам.

До 1990-х годов обе эти классификации – Г.И. Пелих и А.П. Дульзона, созданные с использованием эндоэтнонимии, находились в некотором конкурирующем положении. Однако после работ Т. Янурика, Х. Катца и Е.А. Хелимского, в целом поддержавших подход А.П. Дульзона, классификация селькупских групп стала все чаще проводится на основе именно диалектных

¹ Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. С.11.

² Dulzon A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение 7. №1. Таллин, 1971. S. 35–43.

подразделений (с разграничением нарымских селькупов на центральный и южный ареалы, с выделением микрогрупп и их локализацией в местах фиксации субдиалектов – см. Глушков, 2004¹).

В 1974 г. появилась публикация А.И. Кузьминой, в которой была также представлена этнонимическая классификация селькупов, созданная также на основе авторских полевых данных (часть из которых она собирала совместно с А.П. Дульзоном). Предваряя классификацию, А.И. Кузьмина писала, что «в ходе исследования различных диалектов и говоров селькупского языка с 1961 по 1974 гг. ей пришлось встречаться с представителями этнических групп, называвших себя различными этнонимами»². Далее шел список групп, с указанием этнонима и территории расселения³:

Таблица 7 – Самоназвания локальных групп селькупов, выявленные А.И. Кузьминой

1. Чумул'-куп, чумыл'-куп – на Тyme (Напас, Кулеево, Кочeadрово и др.), на Средней Оби в районе Нарыма (Ласкино, Тебинак), а также на Васюгане, Парабели (Нельмач), Чузике и Кёнге.
2. Шö:шкуп, шö:шкуй кум, шöшкуп, шöшкум, шöшуууп – в основном на левобережье (отчасти правобережье Оби) ниже Колпашево (Иванкино, Тогур, Инкино).
3. Сүсöуь кум, сүсöГъ кум, сöсöГула (мн.ч.), сүсöгула (мн.ч.) – на Оби выше Колпашево (Старосондорово, Новосондорово, Тискино, Тайзаково; на нижней Кети (Карелино, Мулешка, Белый яр).
4. Сүсү кум – на средней Кети (Максимкин яр, Усть-Озёрное, Лукьяново, Зубреково.
5. Сүсү Гум – на верхней Кети (Марково, Маковское).
6. С'ол'куп, сöl'куп – на Тазе (Красноселькуп, Сидоровск, Часелька, Толька Красноселькупского района); на притоках Енисея: на Елогуе (Келлог).
7. Ш'öl'екум, ш'öl'кум – в самом верховье р. Тольки (Поселок Толька Пуровского района).
8. Г'уйкум – Игреково на Оби

Стоит отметить, что, будучи лингвистом, она очень точно отразила фонетический облик фиксируемых этнонимов. На сегодняшний день это самое

¹ Глушков С.В. Диалекты селькупского языка // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 15–17. Развитие именно этого подхода было предложено также в нашей коллективной монографии «Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка» (2011), где в Предисловии обосновывается достаточно высокая степень верификации классификации лингвистов (по выявленным фонетическим изоглоссам) и предлагается дифференцировать селькупов по группам именно в соответствии с их языковыми подразделениями (включая тернарное деление всего селькупского сообщества). См. Тучкова Н.А. Предисловие // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 4–5.

² Кузьмина А.И. К вопросу о названиях и самоназваниях селькупов // Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. С. 29.

³ Там же. С. 29–30.

точное воспроизведение их бытования на период сер. XX в. Все они задокументированы и присутствуют в полевых материалах А.И. Кузьминой.

К 1980–1990-м гг. в этнографическом селькуповедении приходит понимание (благодаря опять же усилиям лингвистов), что это не набор разных этнонимов, а просто разная диалектная форма фактически только двух этнонимов: с основой *ш'ö-* / *cö-* (причем варианты со звуком *ш* – более архаичная форма), и с основой *чу-* / *т'у*¹. Отсюда следует, что у каждой локальной группы не свой «собственный» этноним со своим семантическим содержанием, а вариант одного из двух этнонимов, только по-разному фонетически озвученный в силу диалектных особенностей языка их носителей.

Таким образом, получается, что южный и северный диалектные ареалы – это зона распространения этнонимии с основой *ш'ö-* / *cö-*, тогда как центральный диалектный ареал – область распространения этнонима с основой *чу-* / *т'у*².

Классифицирование на основе этнографических особенностей культуры локальных групп селькупов.

Такая классификация не была создана ни кем из исследователей-селькуповедов (соответственно, не была предложена к рассмотрению научного сообщества). Во-первых, потому, что культуры локальных групп, действительно, близки между собой в значимых для описаний этнографов проявлениях: хозяйственные занятия, аспекты «материальной» и «духовной» культуры. Именно это этнографическое сходство, прежде всего, бросалось в глаза в процессе дескриптивных исследований: общих элементов было много, и они были на поверхности. Для того, чтобы искать различия, необходимо выявлять несовпадающие с другими группами детали и микродетали.

Во-вторых, как уже было отмечено во вводной части ко 2-й Главе, для этнографов часто сверхзадачей было создать именно общее описание селькупов, охарактеризовать их всех целиком (например, для нужд энциклопедических или

¹ Чередование *ä'* / *т'* (*чемня* / *темня* – брат) в анлауте актуально для нарымского диалекта.

² Из этой схемы выбиваются только *т'уйкумы* Чулыма, отмеченные А. Кастреном на «верхней» Оби (бассейн Чулыма входит в зону южного (или даже «крайне южного») ареала), тогда как такой этноним уводит нас к чумылкупам в центральный ареал. Но так как кроме Кастрена их никто не фиксировал, то они так и остались слабо задокументированным исключением.

учебных изданий). Поэтому именно общие черты культуры селькупов находились обычно в фокусе исследовательских интересов.

Прием, которым обычно пользовались авторы, суммируя материал от различных групп, создавая обобщенный облик селькупов, был «примыкание». Например, описывая верхнюю одежду селькупов, брали наиболее репрезентативные данные от какой-либо группы за основу, и затем добавляли материал, известный по другим ареалам, как правило, с указанием этого ареала (т.е. локальная разница учитывалась обязательно, но пользоваться этими указаниями при сборе данных о любой конкретной группе весьма сложно).

Кроме того, чтобы создать классификацию локальных групп по этнографическим признакам, необходимо провести: 1) тщательное этнографическое описание культуры всех локальных групп (на единых хронологических срезах); 2) выявить особенные черты каждой локальной культуры; 3) систематизировать выявленную информацию. Всего этого комплекса действий пока сделано не было.

Однако нельзя сказать, что не было сделано ничего: процесс описания культуры локальных групп селькупов развивается уже более двух столетий с разной степенью интенсивности и качества. Ниже представлена сводка¹ данных по этнографическим обследованиям разных групп и публикаций результатов этих обследований:

Таблица 8 – Хронология сборов этнографического материала у локальных групп селькупов

Исследователь и Годы экспедиций:	Группы селькупов, обследованные в этнографическом отношении	Публикации ² , в которых отразились обранные этнографические материалы по локальным группам
Спафарий Н.	кетские	Спафарий Н. «Путешествие через Сибирь от

¹Данная сводка не носит исчерпывающий характер: здесь отражены, прежде всего, те экспедиционные обследования, результаты которых оказались позднее опубликованными, и в этих публикациях культурные (этнографические) реалии исследуемых групп оказались представлены дифференцированно.

²В графе «публикации», приведены, прежде всего, те работы, в которых материал от разных групп селькупов «не перемешен». Однако у авторов, собиравших материал, есть публикации, где, в силу разных научных задач, материал представлен в комбинированном виде. Несмотря на то, что каждый раз обычно есть указание, у каких селькупов это записано, пользоваться им очень трудно для презентации информации об отдельных группах.

1675 г.		Тобольска до Нерчинска и границ Китая...» (1882)
Григоровский Н.П.	чаинские, васюганские	Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края (1882) Описание васюганской тундры (1884)
Сирелиус У. 1889 г.	васюньские	Сирелиус У. Путешествие к хантам (2001): о селькупках Васюгана и Чижипки: с. 35-39; 138-154.
Доннер К. 1911–1913 г.	тымские, кетские, тазовские	Доннер К. «У самоедов в Сибири» (2009)
Прокофьев Г.Н. 1925-1928 г.	тазовские остяко-самоеды баишенские, туруханские (ЯновСтан),	Прокофьев Г.Н. «Остяко-самоеды Туруханского края» (1928), «Церемония оживления бубна» (1930).
Прокофьева Е.Д. 1925–28, 1931–1932 гг.	тазовские, баишенские, туруханские (ЯновСтан), тымские, кетские, обские (нарымские).	Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) (1952). Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире (1976).
Шатилов М.Б. 1924 г.	«принарымские» остяки	Шатилов М.Б. «Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района» (1927)
Орлова Е.Н.	тымские и кетские	Орлова Е.Н. «Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт» (1928)
Скалон В.Н.	среднетазовские, верхнетазовские	Скалон В. Н. «В тундре верхнего Таза» (1930) Скалон В.Н. «Оленеводство в бассейне р. Таз» (1931); Скалон В.Н. «Рыбные промыслы в бассейне р. Таза» (1931)
Островских П.Е.	баишенские	Островских П.Е. «Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце 19 в.» (1931)
Пелих Г.И. 1951, 1952, 1953, 1959, 1960, 1963 гг. 1970-е гг.	тымские, васюганские, парабельские, кетские, иванкинские, тазовские	В публикациях автора информация весьма сложно комбинировалась (в силу поставленных аналитических задач). Однако в полевых материалах данные вполне четко дифференцированы. ПМ Пелих – см. «Перечень экспедиционных поездок Г.И. Пелих» (2011) ¹ .
Ураев Р.А. 1956 г.	тымские	Ураев Р.А. «Материалы к шаманизму тымских селькупов» (1994)
Соколова З.П. 1958 г.	кетские, иванкинские	Соколова З.П. Северная экспедиция ИЭ АН СССР. Томская область 1958 г. : реки Средняя Обь, Кеть. // Соколова З.П. Западная Сибирь 1950-1980- гг. М., 2016. С. 192 – 228 [Селькупы: С. 194-202]; Докладная записка об этническом составе коренного населения томской области. // Там же. С. 229-248.
Гемуев И.Н. 1979, 1980	кетские, тазовские	Гемуев И.Н. «Расселение северных селькупов» (1973); «Семья у селькупов» (1984).
Головнев А.В. 1988, 1993 гг.	тазовские, верхнетазовские	Головнев А.В. «Говорящие культуры» (1995)
Бауло А.В. 1979 г.	кетские, тазовские	Бауло А.В. «Поездка к тазовским селькупам» (2017)

¹ Бауло А.В., Кулемзин В.М., Львова Э.Л., Тучкова Н.А. Перечень экспедиционных поездок Г.И. Пелих // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Вып. 4. Томск, 2011. С. 66–72.

Тучкова Н.А. 1992-2002 гг.	парабельские, нарымские, васюганские (чижапские), чаинские, кетские, молчановские, кёнгинские	Тучкова Н.А. «Селькупы р. Парабели» (1996); Тучкова Н.А «О селькупах реки Кети» (1997); Тучкова Н.А «Шёшкупы р. Оби» (2000); Тучкова Н.А «Селькупы реки Чаи» (2001) Тучкова Н.А «Крайне южные» селькупы» (2008).
Хорн Д. 2001 г.	иванкинские	Horn D. Das Selkupische Ethnizitätsgebäude. Zur gegenwärtigen ethnischen Identität der südlichen Selkupa (Westsibirien). Trier, 2002. 181
Сайнакова Н.В. 2012,2015, 2016 гг.	иванкинские	Сайнакова Н.В. Новые материалы по этнографии и микроистории территории юрт Иванкиных на Оби (2015); Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов по данным топонимики (2017)

Как видим, наиболее часто были обследуемы группы: кетская, тазовская, тымская; чуть реже – иванкинская; еще более редко – васюганская (+жители Чижапки), парабельская; совсем редко – чаинские, кёнгинские, баишенские, верхнетазовские селькупы.

Однако, есть группы, которые так и не попали в поле зрения исследователей, растворившись уже в XX в. в иноэтничном окружении или покинув места традиционного проживания: остяко-самоеды (селькупы) рек Чулыма, Чузика, Парбиги, истоков Чаи, и население по Оби от Колпашево до Молчаново. В частности, этнографы ничего не могут сказать о специфике культуры жителей юрт Сондоровых или Тайзаковых, несмотря на то, что лингвистические материалы демонстрируют некую особенность этого населения относительно их окружения. Однако нет абсолютно никаких этнографических материалов из этого, очень важного для этнической истории селькупов, района.

Что касается не просто описания, а выявления этнографических особенностей, то это сделано только для совокупности северных групп. Так, например, З.П. Соколова охарактеризовала специфику северных селькупов следующим образом: «С течением времени эта группа приобрела значительные отличия от южных селькупов (оленоводческий характер хозяйства, культуры и быта, более длительное сохранение некоторых архаичных элементов культуры –

следы бывшего родового и фратриального деления, тотемизм и др.) и превратилась в особую этнографическую группу»¹.

Бинарный подход к классифицированию селькупов в историко-этнографических исследованиях.

Если в лингвистических исследованиях с 1970-х гг. превалировал тернарный подход как основной при классификации языковых особенностей селькупов, и, как писал Е.А. Хелимский, «нет оснований оспаривать методологическую важность подразделения селькупских диалектов на северные, центральные и южные»², то в (историко)-этнографических исследованиях (в том числе, и в работах археологов) селькупов всегда рассматривали исключительно с точки зрения бинарного подхода. Практически во всех энциклопедических и учебных изданиях их сообщество делят на «нарымских» и «северных»; на «нарымских (среднеобских)» и «северных (тазовско-туруханских)»; или на «южных» и «северных». Так, например, З.П. Соколова, предвзято своё исследование по этногенезу угров и селькупов, представила селькупов следующим образом: «Селькупы в настоящее время состоят из двух этнографических групп – северных (тазовско-туруханских) и южных, или нарымских»³.

Таким образом, оценивая различные варианты классифицирования селькупских подразделений, можно констатировать, что более чем за двести лет дескриптивных исследований был накоплен этнографический материал по некоторым группам: прежде всего, тазовской, тымской, кетской, васюганской. Кроме того, существуют публикации, посвященные не описанию культуры селькупов «вообще», а отдельным локальным группам, тем самым заложены основы для проведения исследований подобного плана.

Однако, вместе с тем, следует отметить, что классификации, проводимые не лингвистами, поражают своей приблизительностью, отсутствием четкой

¹ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 90.

² Хелимский Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. С. 81.

³ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 90.

доказательной базы, теоретической непроработанностью вопроса локальных отличий, и фактически отсутствием данных, иллюстрирующих локальные отличия. При этом считать, что в плане культуры группы однородны, вплоть до идентичности, оснований нет. Просто данный вопрос до настоящего времени не был разработан.

2.3. Происхождение селькупов: этногенетические гипотезы

второй пол. XX в. – нач. XXI в.

Предваряя обзор гипотез о происхождении и этапах этнической истории селькупов, можно отметить две из них, сформулированные в т.н. «донаучный» период исследования: одна принадлежит Н. Спафарию (1675 г.), который называл всё население Приобья «остяками», считал его древним, ведущим свое происхождение, «как и иные разные народы царства Сибирскаго», от скифов: «Жители все те от скифов произведены суть, которые скифе после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели»¹. Другая – М.Ф. Кривошапкину, писавшему о появлении «иных» (не енисейских) остяков в Приобье и на Енисее (со ссылкой на Иоанна Бернгарда Миллера), что это население пришло из Пермских земель, бежав от насильственного крещения: «Когда в 1372 г. епископ Стефан обращал Пермию в христианскую веру, тогда много народа, боясь принуждения бросить свою веру, удалились на берега Оби»².

Однако реально в данном разделе будут рассмотрены только этногенетические построения историков, этнографов и лингвистов, созданные во втор. пол. XX в. – нач. XXI в. (все наработки, в частности, А. Кастрена, исследователи этого периода обычно учитывали, и повторять, например, «урало-алтайскую гипотезу» А. Кастрена не представляется необходимым).

Гипотезы, созданные археологами, будут рассмотрены и приведены для сравнения. В целом следует отметить, что многолетние археологические

¹ Спафарий Н. Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. [фрагмент: Описание поездки по р. Кети] // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том.гос. ун-та, 1997. С. 254.

² Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. 1865. С. 119.

исследования в Нарымском Приобье внесли существенный вклад в понимание культурногенетических процессов, протекавших в регионе. Однако основной опорой для выводов, исходя из цели, задач и, главным образом, источниковой базы данного исследования – фольклорного материала, они являться не могут, так как для лингвистов и этнографов селькупамися являются только те, кто говорит или еще в недавнем прошлом говорил на селькупском языке и идентифицировал себя под этнонимами, выявленными у локальных групп селькупов. Языковой фактор становится еще более значимым, когда дело касается исследований фольклорного наследия любого этноса, так как фольклор не существует без языка. Археологи рассматривают историю развития культуры на определенной территории, но без привязки к носителям языка. Для археологов, исследующих Нарымское Приобье – предки селькупов – это фактически все, кто жили на данной территории в глубине веков (без учета языкового признака, который археологический материал «ухватить» не в состоянии).

Гипотезы лингвистов.

Лингвисты многое могут сказать о древнем состоянии любого языка, но эти исследования становятся интересными для историков тогда, когда лингвистическая специфика каким-то образом связывается с этносом, и еще более важно, когда эта информация имеет локализацию на географической карте. Именно поэтому топонимические исследования в этом направлении всегда востребованы и наиболее информативны. Не случайно несколько статей А.П. Дульзона, созданные в 1950-е – начале 1960-х гг. на основе анализа топонимического материала, до сего дня представляют особый интерес для реконструкции этнической истории Приобья – см. А.П. Дульзон (1950, 1960, 1961)¹.

Прежде всего, А.П. Дульзон одним из первых обратил внимание, что субстратные топонимы (гидронимы) Томской области говорят о том, что еще в недавнем прошлом – во II тысячелетии н.э. – народы, говорившие на языках

¹ Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 175–187. Он же. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М.-Л., 1960. Он же. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361–371.

енисейской языковой семьи, были широко расселены по территории Нарымского Приобья, и они присутствовали на этой территории вплоть до появления здесь русских: «Русские познакомились с Тымом со стороны Оби, т.е. с устья. Этот район Оби к русскому государству присоединен был в 1590-х годах, и с этого же времени в русских исторических документах встречается название Тым (или Тымь). Так как это название могло быть получено только от сымских кетов, то следует заключить, что они в XVI в. проживали еще на Тyme»¹. Кроме того, в бассейнах Кети, Тыма, Васюгана и Чижанки достаточно много енисейских топонимов хорошей сохранности и почти неискаженного облика. Также они есть и в бассейне Иртыша и его некоторых правых притоков.

По данным гидронимии (сопоставляя топонимический материал с фонетическими особенностями языка различных групп енисейцев), А.П. Дульзоном были сформулированы следующие предположения о расселении енисейцев на территории Приобья:

Енисейцы-кеты, освоившие Обь-Иртышское междуречье, в середине II тысячелетия под натиском тюрков переместились на Сым и Елогуй через бассейны рек Васюгана и Тыма. Причем, перемещавшихся кетов было две группы (йкающие и экающие), оставившие соответственно разные топоформанты: на – *сис* и – *сес*. Например, низовья Иртыша и его правые притоки (Тару, Шиш, Демьянку), а также бассейн Васюгана, освоили кеты йкающего диалекта, номинировавшие гидронимы с формантом – *сис*; именно они называли Иртыш – *Ирцис*, Васюган – *Васис*. Позже они приняли участие в формировании сымских кетов. Группа кетов с экающим диалектом также пришла в бассейн Енисея через Тым, причем она освоила бассейн Тыма раньше своих «йкающих» соплеменников (все кетские топонимы Тыма имеют «экающее» оформление). Эта группа впоследствии сформировала имбатских кетов².

¹ Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимии // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. С.60.

² Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимии. // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. С.76.

В верхнем течении Кети и на Чулыме А.П. Дульзон локализовал енисейцев-пумпокольцев¹. Пумпокольская гидронимия занимает здесь «компактную территорию с плотным и довольно равномерным распределением» и охватывает «верховья Кети, бассейны Чулыма (выше г. Асино), в особенности его притоки Яя, Кия, Чичка-юл»².

В бассейне средней Оби, а также на значительной части Кети, начиная с устья, на Чижапке и Чае А.П. Дульзон выявил обширный ареал гидронимов енисейцев-аринов, соответственно предположил их пребывание (причем долговременное) в данном регионе³.

Таким образом, А.П. Дульзон считал различные группы енисейцев – аборигенным (субстратным) населением территории Томской области, тогда как селькупов (селькупоязычные группы), расселившихся в известных бассейнах рек – Кети, Тyme, Парабели, низовьях Васюгана и Чулыме (ни одно из этих названий – основных притоков их ареала расселения в XVIII–XX вв. – не имеет селькупского перевода, так как почти все они енисейскоязычного происхождения) – суперстратным населением.

Среди селькупов он выделял 5 диалектно-локальных образований, составляющих в области языка «диалектную совокупность, объединенных общей структурной моделью языка», т.е. одновременно с диалектами он выделял и пять социальных групп, каждая из которых имела свой этноним (подробнее см. выше). Анализируя фонетические особенности языка каждой группы, А.П. Дульзон в итоге выдвинул предположение, что в выявленных ареалах «нащупываются диалекты прасамодийского времени», а эти пять групп представляют собой «остатки прежних племен»⁴.

¹ А.П. Дульзон не был знаком с материалами Г. Миллера о пумпокольцах на Кети (см. Раздел 2.1.), он сделал свои предположения исключительно с опорой на топонимику.

² Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики. // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. С. 70.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. Таллин, 1971. VII. №1. С. 43.

Выводы Е.А. Хелимского о самодийской общности и диалектной дивергенции внутри селькупского языкового континуума, важные для реконструкции этногенеза селькупов.

Интенсивные исследования Е.А. Хелимского в 1970-х гг. в области самодийского языкознания (на основе анализа данных по всем самодийским языкам) позволили ему выявить этапы глотто- и этногенеза самодийцев, а также сформулировать характерные черты культуры самодийской языковой общности накануне ее распада. Таковыми (по данным общесамодийской лексики) являются: развитое оленеводство, ставшее для них «продуктом относительно самостоятельной эволюции, а не переноса навыков коневодства и молочного животноводства»; использование лука и копья как орудий охоты, ловушек и силков, рыболовных снастей (при важной роли запорного рыболовства), скребков для выделки шкур, многообразных берестяных сосудов, лыж, саней, чума (в том числе с берестяными покрывками), лабазов¹.

Наиболее четко по данным прасамодийских реконструкций выявляются признаки, характеризующие именно территорию расселения самодийцев. Данная территория а) полностью или большей своей частью находилась в таежной зоне; б) включала в себя часть бассейна Енисея или примыкала к нему; в) непосредственно соприкасалась с областями расселения тунгусо-маньчжуров, тюрков, енисейцев и обских угров; г) находилась от областей расселения монголов и индоевропейских племен на известном отдалении, допускавшем лишь слабые и опосредованные контакты².

На основе выявленных критериев и с учетом «наиболее вероятных локализаций областей расселения соседних народов» Е.А. Хелимский высказал мнение о размещении поздней самодийской прародины в районе «между Средней Обью и Енисеем, вокруг четырехугольника «Нарым – Томск – Красноярск – Енисейск» и с возможным вхождением – полным или частичным – тех или иных сопредельных территорий: северной части Обь-Иртышского междуречья,

¹ Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков : автореф. дис... докт. филол. наук. Тарту, 1988. С. 10.

² Там же. С.13.

северного Алтая, Присаянья, территории к востоку от Среднего Енисея, бассейнов Сыма и Ваха»¹.

Археологи – Л.А. Чиндина и Э.Б. Вадецкая – использовали мнение, опубликованное данным автором в 1983 г.², для идентификации самодийцев с населением: 1) кулайской археологической культуры в Среднем (Сургутско-Нарымском) Приобье (V в. до н.э. – V в. н.э.) (Л.А. Чиндина)³; 2) с населением тагарской археологической культуры в Минусинской котловине (VIII в. до н.э. – I в. н.э.) (Э.Б. Вадецкая)⁴.

Ни с одной из предложенных идентификаций Е.А. Хелимский не согласился. На его взгляд, данные попытки соотнесения археологического и лингвистического материала оставляют труднообъяснимыми ряд важных фактов: а) несовпадение роли оленеводства, несомненно, характерного для самодийцев и не характерного (т.е. полное отсутствие или незначительная роль оленеводства) для кулайского и тагарского населения; б) высокоразвитое бронзолитейное производство у кулайцев (и его слабая представленность в лексике самодийцев)⁵; в) развитое скотоводство в сочетании с примитивным земледелием у тагарцев (и отсутствие этих элементов в культуре самодийцев)⁶.

Распад самодийской общности Е.А. Хелимский датирует рубежом н.э. Глоттохронологическая датировка проводилась им на основе лексикостатистических данных (по классической методике М.Сводеша) и позволила «оценить возраст самодийской группы примерно в 2 тыс. лет»⁷. Этот возраст, на взгляд автора, «соответствует традиционной датировке, не противоречит данным о внешних связях самодийского праязыка и о датировке

¹ Там же. С. 13–14. В другой публикации район «исходного расселения» селькупов он видел в «треугольнике Томск – Красноярск – Енисейск» (Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 28).

² Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 5–10.

³ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 174–175.

⁴ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 98–99.

⁵ Бронзолитейное производство Е.А. Хелимский предлагает рассматривать как характерный элемент культуры предков енисейских народов (Хелимский, 1988. С. 14).

⁶ Относительно тагарцев Е.А. Хелимский предлагает рассматривать их принадлежность «скорее к алтайскому, нежели к уральскому, этнокультурному кругу» (Хелимский, 1988. С. 14).

⁷ Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков : автореф. дис... докт. филол. наук. Тарту, 1988. С. 16.

важнейших этапов в эволюции соседних языковых общностей и косвенно подтверждает часто высказываемое мнение о том, что причиной или катализатором распада прасамодийской общности явились гуннские завоевания в Южной Сибири (со II в. до н.э.)¹.

Селькупский язык, по оценке Е.А. Хелимского, представляет собой «классический случай диалектного континуума»². Не оспаривая тернарную классификацию (Г.Н. Прокофьев, П. Хайду) и деление языка селькупов по территориально-этнонимическим признакам (А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина, Ю.А. Морев), Е.А. Хелимский предложил свою группировку селькупских говоров в 6 основных диалектов «с относительно высоким уровнем внутреннего единства»³: 1) северный, 2) тымский, 3) нарымский (Обь в районе Нарыма, Васюган, Парабель), 4) кетский, 5) обской (Обь в районе Колпашево), 6) крайне южный⁴ (чаинский, чулымский, «верхнеобской», томский) – ныне фактически исчезнувший.

Применение глоттохронологического метода к спискам базисной лексики наиболее удаленных друг от друга диалектов селькупского языка дало (при 12 расхождениях на 84 слова) «длительность дивергенции порядка 0,5 тыс. лет»⁵. Однако Е.А. Хелимский предполагает, что период дивергенции был несколько значительней, так как «формула М. Сводеша склонна давать систематическую ошибку в сторону занижения возраста» в условиях контакта диалектов, тем более в случае континуума.

Кроме того, эти подсчеты позволили сделать еще один, весьма значимый для селькупской диалектологии (и одновременно для этнической истории селькупов), вывод: за 250–300 лет «границы основных диалектных подразделений

¹ Там же. С. 16.

² Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков :автореф. дис... докт. филол. наук. Тарту, 1988. С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Как вероятный ареал распространения «крайне южных» диалектов селькупского языка Е.А. Хелимский предлагает рассматривать юг Томского Приобья («вплоть до примыкающих к Томской области Мариинского и Яшкинского р-нов Кемеровской области») (Хелимский, 1988.С. 27).

⁵ Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: автореф. дис... докт. филол. наук. Тарту, 1988. С.26.

селькупов оставались достаточно стабильными. Не наблюдалось сколько-нибудь интенсивного смешения диалектов и диффузии диалектных черт»¹.

В целом относительно этнической истории селькупов эти данные говорят о том, что селькупы рассматривались Е.А. Хелимским как языковые и культурные потомки одной из групп самодийцев, обитавшие в момент своего этнического формирования примерно в том же географическом пространстве, где была их языковая прародина – в пределах тайги между Средней Обью и Средним Енисеем. В этот период они контактировали с обскими уграми (в Приобье), тунгусами (на притоках Енисея) и енисейцами. Причем, контакты с енисейцами шли постоянно понарастающей: от прасамодийского этапа к концу II тысячелетия н.э. (по оценке Е.А. Хелимского, «самодийско-енисейские контакты на уровне праязыка были гораздо менее интенсивны, чем последующие контакты языков-потомков (особенно, селькупско-кетские)»²).

В устных высказываниях Е.А. Хелимский однозначно отказывался считать селькупов наследниками кулайской культуры (всячески настаивал, чтобы археологи более пристально рассмотрели в этом качестве енисейцев), рассматривал бассейн р. Кети как, вероятно, важную артерию, связывающую Среднюю Обь и Средний Енисей, по которой и произошел приток самодийского населения в Приобье. Перемещения формирующихся селькупов он представлял (с большой осторожностью) следующей лаконичной схемой: сначала с верховий Кети вниз к Оби (от Енисея на запад), потом по Оби – на левобережные и правобережные обские притоки, затем на севере (для групп, ушедших на Таз и Турухан) – назад на восток – к Енисею. В Нарымском Приобье он, вслед за А.П. Дульзоном, считал, что селькупскоязычное население «наложилось» на енисейскоязычный субстрат, и призывал не забывать этот факт (из лекций Е.А. Хелимского, Гамбург, 2006 г.).

С.В. Глушков о прошлом состоянии селькупского языка и формировании селькупов.

¹ Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 78

² Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф... докт. филол. наук. Тарту, 1988. С.12.

Для этноисторических реконструкций особый интерес представляют исследования С.В. Глушкова в области исторической фонетики селькупского языка, который на основе анализа фонетических изменений, происходивших в диалектах селькупского языка, высказал предположение (вслед за А.П. Дульзоном и Т. Януриком) о том, что, начиная со 2 в. н.э. с большой долей вероятности можно говорить о древнеселькупском периоде и о наличии приблизительно с VI в. н.э. в пределах древнеселькупского языка двух крупных древних диалектов¹.

Развивая его мнение (в целом не вызывающее возражений в среде коллег-лингвистов) относительно наличия двух древних диалектных подразделений селькупского языка в некоторой исторической перспективе, можно высказать предположение, что гипотетический праселькупский язык не распадался на два языка – южный селькупский и центральный селькупский: эти два языковых подразделения – южно-селькупский и центрально-селькупский – самостоятельно развивались с прасамодийского этапа. Таким образом, с известной осторожностью, можно считать, что единый праселькупский этап в развитии селькупского языка отсутствовал, (или же он был очень краток).

Из этого предположения, прежде всего, следует, что если не было процесса распада праселькупского языка, а шел процесс параллельного соразвития этих двух языков с прасамодийского этапа до наших дней, то это, в свою очередь, значит, что историческая судьба носителей этих праязыков была несколько автономной, хотя и развивались они параллельно – в относительно близком географическом пространстве.

Далее, по мнению С.В. Глушкова, «два крупных древних диалекта селькупского языка просуществовали приблизительно до X в., т.е. до конца древнеселькупского периода»². Как пишет автор: «Можно предполагать, что в конце данного периода происходил процесс роста диалектных различий и дифференциальных особенностей. Этот процесс, вероятно, начался на периферии

¹ Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 48.

² Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 48.

селькупской территории, и, возможно, прежде всего, в области гласных»¹. Приблизительно в X–XI вв. н.э. (с началом процесса дивергенции внутри двух древних диалектов, приведшей к диалектному состоянию, известному в историческое время) «произошла смена древнеселькупского периода среднеселькупским»².

Таким образом, диалектная дивергенция, начавшись приблизительно в конце 1 тыс. н.э., постепенно привела к диалектному состоянию, документально зафиксированному письменными источниками, начиная с XVIII в. «Именно к такому возрасту диалектов приводит нас глоттохронологический подсчет Е.А. Хелимского по формуле М. Сводеша: минимальная длительность диалектной дивергенции, по крайней мере, в 500 лет, считая со времени фиксации диалектных особенностей в начале XVIII в., с учетом системной ошибки в сторону занижения возраста диалектов (приблизительно X в. н.э.), по всей видимости, ознаменовало переход от древнеселькупского к среднеселькупскому периоду»³.

Из анализа выводов лингвистов о формировании селькупских диалектных групп, проистекает вопрос, который на первый взгляд, кажется, давно решенным: как появился третий диалектный ареал, разница которого с южными и центральными диалектами сопоставима с разницей межязыкового уровня? Для лингвистов-селькуповедов, с одной стороны, нет сомнений, что наиболее близким для северной группы диалектов является тымский диалект центральной группы диалектов. И основная версия возникновения североселькупского языка⁴ – использование тымского диалекта переселенцами с Тыма, начиная с XVII в., в условиях автономии от основного ареала привело к появлению нового диалектного сообщества – группы северных диалектов.

Однако, с другой стороны, и это очевидно: слишком быстро оказались накопленными диалектные особенности, если начинать отсчет процесса

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 48.

³ Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 48.

⁴ Именно так – североселькупский язык – иногда позиционируют лингвисты (в частности, Б. Вагнер-Надь) диалекты тазовско-туруханского региона.

разделения только с XVII в. (т.е. с фиксированного историческими документами переселения селькупов с Тыма через Вах на Таз и Турухан).

Не может не вызывать вопрос та стремительность, с которой северный диалектный ареал сформировал столь весомые диалектно-отличительные признаки фактически уровня самостоятельного языка. Этот вопрос порождает, как минимум, два предположения: 1) либо переселение с Тыма на север началось в более ранний период, и XVII в. – это финальная стадия достаточно давно начавшегося процесса; 2) либо на север перешла группа, уже накопившая к моменту отделения ряд определенных фонетико-грамматических различий, которые закрепились и углубились на новом месте обитания этой группы. Возможно и третье предположение – фактически молниеносные процессы по формированию диалектных различий в условиях изоляции (если XVII в. оставить в качестве начальной даты исхода), но тогда необходим поиск причин, вызвавших такие ускоренные языковые процессы.

Подводя итог исследованиям лингвистов, важно подчеркнуть, что существенным моментом для понимания сути этногенетических процессов, приведших к появлению селькупов, является следующий: три основных диалектных подразделения селькупов всегда находились в состоянии самостоятельного (обособленного) существования. Поэтому сама постановка кардинального вопроса: как сформировались селькупы, возможно, не является корректной. Может оказаться, что точнее было бы ставить три вопроса: как сформировались чумылкупы (т.е. центральные селькупы); как произошли сюссыкумы (южные селькупы) и откуда и как появились шёлькупы (сёлькипы) (северные селькупы). У различных лингво-локальных групп селькупов вполне может оказаться разная этническая судьба и разные этапы этногенеза.

Наблюдение Э.Г. Беккер о «двойных» названиях селькупских населенных пунктов и о перемещении селькупов с юго-запада на северо-восток.

Значительный ряд селькупских посёлков, чьи названия фиксировались со второй пол. XIX в., имели двойные селькупские названия: *Сочжозэд* – *Саиспаилэд*; *Пылгичизэд* – *Пыджанэд*. Этим особенно характерен ареал в районе р.

Кети: *Тайа – Печадабу; Карба – Тэттаквэлкы; Корала – Чворэль-эта* и др. Лингвист Э.Г. Беккер, исследовавшая этот вопрос, пришла к выводу, что «селькупы, ранее жившие на Оби, передвигались на восток, оставив после себя географические названия, в одних случаях непонятные, в других – не до конца осмысленные пришедшими на их место селькупскими из других районов»¹.

Несколько ранее – в 1952 г. – подобное наблюдение о перемещении селькупов с обского левобережья (т.е. с запада) на правобережье (на северо-восток) было сделано Е.Д. Прокофьевой, писавшей о переселениях селькупов с левобережья Оби на Тым. «*Остатки левобережных селькупов находим и ныне на притоках р. Васьюгана, по рекам Чижалке, Нюрольке, на верховьях р. Парабели – на реках Чузике и Кёнге. Эти группы с давних времен проживали на занятых ими ныне территориях, издавна общались с культурой хантов и сибирских татар*»². Все переселения селькупов, по её мнению, были вызваны «перемещением обских угров из европейской части Урала и заселением Оби русскими»³.

Гипотезы историков (этнологов).

Б.О. Долгих о появлении северных селькупов.

Этногенезу селькупов (но прежде всего – вопросу появления северных селькупов) уделил внимание в своих исследованиях московский историк Б.О. Долгих. В его основной работе «Родовой и племенной состав народов Сибири» (1960)⁴ можно найти сведения по поводу переселения на север групп остяко-самоедов. По мнению Б.О. Долгих, проникновение селькупов на Таз и Турухан проходило, в основном, в XVII в. и нашло отражение в документальных источниках. Свое мнение он подкрепляет данными из ясачных книг и документов 1609–1709 гг., по которым можно проследить пути перемещения ясачного населения с Тыма и Ваха на север и северо-восток. В этих документах указывается, что тымские и караконские остяки «сошли для вешних звериных промыслов в далекие места», в «самоедскую сторону», на Таз или на Енисей...»,

¹ Беккер Э.Г. Селькупская топонимия Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. Москва: Наука, 1964. С. 131.

² Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // СЭС. 1952. С. 93.

³ Там же. С. 93.

⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии, новая серия. Т. 55. М., 1960. 622 с.

что «ларьяцкие люди сошли на ваховские вершины» и т.д. Часть из них возвращалась в свои юрты через несколько лет, но многие оставались в тех местах на постоянное жительство¹.

До 1701 г. инородческие волости Тымская, Васюганская и Ларьятская административно входили в Сургутский уезд, поэтому выходцев из этих волостей, появившихся на реках Таз и Турухан, называли в документах «сургутскими людьми». Так, в 1693 г. шесть сургутских остяков пришли в Мангазею (т.е. в Туруханск) и били челом, чтобы им платить здесь ясак. Им разрешили. К 1702 г. в Туруханске уже 12 сургутских остяков платило ясак² и т.д.

В 1701 г. указанные волости – Тымская, Васюганская и Ларьятская – были переведены в Нарымский уезд, а с 1706 г. остяки на Тазу в документах стали именоваться «плательщиками ясака Тымской волости Тазовской стороны».

Караконская волость по мнению Б.О. Долгих, первоначально находилась в верховьях Ваха – там, где протекает речка *Караль-кы-йоган*. За период второй пол. XVII в., в связи с исходом селькупского населения с Ваха на Таз, меняется и локализация данной волости: в 1706 г. уже 18 человек Караконской волости платили ясак на Тазу³. Таким образом, в течении XVII века образовалась группа тымских и караконских селькупов в бассейне р. Таз. До конца XIX в. они составляли Тымскую и Караконскую управы Туруханского края⁴.

Появление группы «баишенских» селькупов Б.О. Долгих объясняет следующим образом: «они образовались от смешения вышеупомянутых остяков (селькупов), которые стали платить ясак непосредственно в Туруханск и поселились по рекам Верхней и Нижней Баихам в бассейне Турухана, вместе с поселившимися здесь же кетами»⁵.

Считая XVII в. основным периодом формирования группы северных селькупов, Б.О. Долгих при этом не оценивал его как завершающий этап в

¹ Там же. С. 82–86.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии, новая серия. Т. 55. М., 1960. С. 84.

³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии, новая серия. Т. 55. М., 1960. С. 84.

⁴ Там же. С. 84–85.

⁵ Там же. С. 84.

процессе исхода селькупского населения на север – северо-восток. Он писал, что после XVII в. и на Тым, и на Таз и Турухан проникали селькупы с Кети и Оби, поэтому «родовой состав тымских, караконских и баихинских селькупов мог усложниться»¹.

Кроме того, данный автор подметил важный момент, усложняющий однозначность вырисовывающейся картины: «потомки Ларьятской и оставшейся на Тyme части Тымской волости называют себя «чумылкуп». Также называют себя и потомки остяков Верхней и Нижней Нарымских волостей. По-видимому, это было одно племя. [Тогда как] потомки Караконской и Тымской «Тазовской стороны» волостей называют себя «селькуп»². Б.О. Долгих объяснял несовпадение этнонима у отделившейся части с этнонимом у основного ядра группы, оставшейся на Тыму, следующим образом: «Вероятно, сначала так себя называли лишь остяки Караконской волости, в которых можно видеть ассимилированных кетов, а затем, после переселения на Таз и установления тесного контакта с караконскими остяками, так стала называть себя и тазовская часть Тымской волости»³.

Концепция этногенеза селькупов, предложенная Г.И. Пелих.

Если в работах упомянутых уже историков и лингвистов вопрос этногенеза селькупов затрагивался попутно с целым рядом иных научных проблем, то Г.И. Пелих принадлежит акцентированное исследование данной темы. В 1972 г. ею была написана и защищена докторская диссертация «Происхождение и история селькупов» и опубликована на ее основе монография «Происхождение селькупов» (1972)⁴. В данной работе Г.И. Пелих применила «компонентный» подход к изучению этногенетических процессов и выделила пять этнических «компонентов», на основе которых, по её мнению, сформировался селькупский этнос. Эти компоненты были обозначены ею как «Компонент А», «Компонент Б», «Компонент В», «Компонент Г» и «Компонент Д». Некоторым компонентам были

¹ Там же. С. 86.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., 1960. С. 84.

³ Там же. С.84.

⁴ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с. Она же. Происхождение и история селькупов: автореф. дис...д-ра ист. наук. Томск, 1972. 40 с.

присвоены определенные названия; для каждого компонента была предпринята попытка выявить корреляции с определенными культурами сопредельных регионов. Полученный ею результат можно продемонстрировать следующей таблицей:

Таблица 9 – Компоненты, выявленные Г.И. Пелих, в составе селькупского этноса¹

Компонент	название	корреляции
«Компонент А».	«шумерский»	С древнешумерским населением
«Компонент Б»,	«палеосибирский»	Имеет ряд схожих черт с культурой Ипиутака (сев-зап. часть Аляски на мысе Хоп) – палеоэскимосская к-ра.
«Компонент В»	«палеосибирский»	Сходство с культурами Приамурья и с древними эскимосо-алеутскими (неоэскимосскими) культурами Аляски и Алеутских островов
«Компонент Г»	б/н	С тагарцами-динлинами и с киданями
«Компонент Д».	«самодийцы»	С самодийскими этносами

Однако в диссертационном исследовании было представлено не пять, а шесть культурных компонентов, называемых «комплексами», каждый из которых, по мнению автора, оставил свой след в этногенезе селькупов.

Таблица 10 – Комплексы, выявленные Г.И. Пелих, в составе селькупского этноса²
(по материалам докторской диссертации Г.И. Пелих)

комплекс /этноним	комментарии	корреляции
Киенкумы	Жители страны Киенга, прародины селькупов, пришедшие в Нарымский край от границ Китая через Прииртышье	Носители металлургических традиций и явно южных черт в культуре (сравнение с кругом сейменско-турбинских памятников)
Квеликупы	Древние жители нарымской тайги	Черты сходства с культурами Прибайкальского неолита и бронзы; некоторые черты сходства с культурами северо-восточной Азии (чукчи, коряки, юкагиры)
Мадеткупы	Лесные люди-звери, «чудь» Нарымского края	Сходство с раннетагарскими захоронениями и этнографическими реалиями народов Приамурья
теле	Потомки скотоводов, осевших среди жителей Приобья (конные богатыри)	Тюрки
Йаланы	Потомки скотоводов, осевших среди	Тюрки

¹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 159–226.

² Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов: автореф. дис...д-ра ист. наук. Томск, 1972. С. 13–17.

	жителей Приобья (также конные богатыри)	
Касакуп	Потомки касов – самодийцы по языку	Самодийцы. Именно они стали основой формирующихся селькупов

Каждому выявленному этническому комплексу соответствовал свой набор культурных элементов, причем равноправно были взяты как реальные элементы, этнографически зафиксированные у селькупов, так и элементы археологические, объективно говоря, неясного генеза (перечисление элементов см.: Пелих, 1972)¹.

Если исходить из текста диссертационного исследования Г.И. Пелих, то картина этногенеза селькупов предстает следующим образом: в основе селькупской культуры находились два палеосибирских компонента – квели и мады. Во II тыс. до н.э. в Томско-Нарымское Приобье пришли киенкумы, принешие металлургические традиции и явно южные черты в составе своей культуры. Ближним местом исхода киенкумов Г.И. Пелих считала Прииртышье, а более дальним (и более ранним) – страна Киенга (Кангха) у северо-западных границ Китая². Скотоводческие культурные комплексы теле и йаланов связывались автором с волнами тюркизации Приобья (VII–IX вв.), а также делались отсылки к выявленным параллелям с компонентами гуннских культур³. Комплекс каса (самодийцы по языку) появляется, по мнению Г.И. Пелих, в Томско-Нарымском Приобье в 1-й пол. I тыс. н.э. Именно касы стали ядром формирующихся селькупов и передали всему местному населению свой язык⁴.

Не останавливаясь на вопросе верификации использованного Г.И. Пелих материала и анализе всей системы выявленных ею Комплексов-Компонентов, отметим только, что данный подход – «компонентный анализ» – возможно, интерпретирует этнокультурную историю территории Нарымского края, но имеет весьма опосредованное отношение к этногенезу собственно селькупов. С точки зрения именно селькупского этногенеза актуальным было бы детальное (более глубокое) рассмотрение «Компонента Д» или «Комплекса» *каса*, которые

¹ Там же. С. 14-17.

² Там же. С. 22-24.

³ Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов : автореф. дис...д-ра ист. наук. Томск, 1972. С. 26-28.

⁴ Там же. С. 28-29.

соотносились Г.И. Пелих именно с самодийцами. Однако про данный компонент/комплекс в исследованиях Г.И. Пелих приведено небольшое количество данных. Этот комплекс, по её мнению, включает в себя: «срубную полуземлянку с двускатной крышей и чум с двумя опорными шестами и одним внутренним обручем; грунтовое захоронение с могильным домиком и жертвоприношением оленя; выючно-верховое оленеводство; прямые лыжи; две, связанные друг с другом, формы шаманства (*тетыны* и *сумба*)»¹.

Каса были охотниками, рыболовами и оленеводами. «Такое сочетание форм производственной деятельности оказывалось в условиях томско-нарымской тайги более продуктивным, чем, например, скотоводство. «Победа» касов сопровождалась распространением наиболее продуктивных в данных условиях форм экономической деятельности. Вместе с ними распространялись этнокультурные особенности и язык»².

При этом, из ее построений (и в диссертации, и в монографии) следует, что на территории Нарымского края *каса* были пришлый компонент. Приход самодийского населения она датирует 1-й пол. I тыс. н.э.³ Обоснованием датировки служат данные топонимики (со ссылкой на работу А.П. Дульзона (1950))⁴. Начиная с указанного периода, по её мнению, происходит формирование собственно селькупов, которые в дальнейшем «распались» на две части. «Устойчивое этническое единство» – селькупы – сложилось, по мнению Г.И. Пелих, к началу II тысячелетия н.э. Затем, «в результате трех миграционных волн (происходивших в основном во 2-й половине II-го тысячелетия) часть селькупов переселилась на север, образовав новую, тазовско-туруханскую группу»⁵.

Помимо реконструкции древней этнокультурной истории территории Нарымского края, Г.И. Пелих в работе «Селькупы XVII века» (1981) продолжила выстраивать этническую историю территории Приобья для периода II тыс. н.э. Её

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 28; Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки ТГПИ. Т. 6. Томск, 1950. С. 175-187.

⁵ Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов : автореф. дис...д-ра ист. наук. Томск, 1972. С. 30.

была предложена реконструкция ареалов расселения для XVI в. различных «племен», соотносимых ею с уже сформировавшимися к данному времени селькупскими:

Таблица 11 – «Племена» селькупов в XVI в., выявленные Г.И. Пелих¹

«племена»	Ареал расселения в XVI в.
Чумульгула	Тымско-нарымское Приобье
Сюсигула	На Кети
Шиешгула	На Оби у устья Чулыма, а также на Чае, Ньюрольке и в верхнем течении Васюгана
Тегула	На среднем течении Кети
Соргула	В Сургутском Приобье (они составляли значительную часть населения Сургутского княжества)
Сельгула	На Оби между устьями Ваха и Васюгана
Пайгула	На Чулыме
Кайбангула	На Кети

В переселении части селькупского населения (племен соргула и сельгула) на северо-восток важную роль, на ее взгляд, сыграли политические события. Столкновениядвигающихся с запада русских и сибирских татар хана Кучума, в которых селькупы приняли сторону последних, закончились разгромом татар и их союзников. Это обстоятельство, а также усиливающееся проникновение хантов в Сургутское Приобье после расчленения и фактического уничтожения Сургутского княжества в 1619 г., привели к тому, что селькупы начинают уходить со своих прежних земель по Агану, Ваху, Васюгану и Средней Оби и переселяются на север, в слабозаселенные районы верхнего и среднего течения реки Таз, на реку Турухан и их притоки. «Еще в XIX в. часть селькупского населения бассейна Таза называлась в русских документах «сургутскими людьми» или «сургутскими остяками» – Г.И. Пелих видит в них потомков селькупов-соргула, выходцев из Сургутского Приобья»².

Таким образом, из реконструкций Г.И. Пелих следует, что селькупское население в середине II тыс. н.э. было широко распространено в Приобье – от устья Томи на юге до Сургута (устья Агана) на севере, затем частично

¹ Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. С. 11.

² Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. С. 101.

селькупское население сместилось с пространства Оби между устьями Васюгана, Ваха, Агана на северо-восток, уступив эту территорию хантам.

З.П. Соколова об этногенезе селькупов

Для З.П. Соколовой, которая рассматривала этногенез селькупов в совокупности с этногенетическими процессами у обских угров, важным фактором являлась этнографическая близость в материальной культуре, которую демонстрировали селькупы, восточные ханты и кеты. Она предлагала выделять на основе материальной культуры «угорско-селькупско-кетский ареал»¹.

При этом у северных селькупов она видела заметные этнографические отличия от южных селькупов, прежде всего, в сложившемся у них оленеводческом характере их хозяйства, который наложил отпечаток на все другие аспекты их культуры². О происхождении северных групп она писала вслед за Е.Д. Прокофьевой и Б.О. Долгих, что они сложилась в XVII в. в результате переселения на р. Таз и притоки Енисея – Курейку и Турухан – тымских и караконских селькупов³.

Формирование обских угров, по мнению З.П. Соколовой, было связано с одной стороны, со спонтанным развитием аборигенного населения, в основе которого были древние уральцы, с другой стороны – с влиянием на него пришлого населения из других (вероятно, более южных районов с другим языком и культурой). При этом, различия в культуре селькупов с культурой хантов, по ее мнению, возникли под влиянием самодийских племен, *смешавшихся с аборигенами Среднего Приобья*, чья культура, вероятно, была очень сходной с культурой предков хантов⁴. Таким образом, для З.П. Соколовой, как и для Г.И. Пелих, самодийские племена были пришлыми племенами в Приобье (т.е. селькупоязычие было принесено в Нарымский край), а этнографическая культура – автохтонная (в основе – культура древних уральцев).

Гипотезы археологов

¹ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 112.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 90.

⁴ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 114–115.

Концепция культуорогенеза и этногенеза селькупов Л.А. Чиндиной

Согласно мнению Л.А. Чиндиной, основанному на многолетних археологических исследованиях, селькупы – автохтонное население Нарымского Приобья, и, вероятно, в плане культуорогенеза наследники кулайской общности, которую данный автор считает самодийской. Кулайская культура сложилась в Сургутско-Нарымском Приобье в середине I тыс. до н.э. В конце первого, васюганского, этапа (VI–II вв. до н.э.) её границы расширились к югу, охватив Томское Приобье. На втором, саровском, этапе (I в. до н.э. – V в. н.э.) миграции кулайцев в южном направлении достигли Верхней Оби, на севере – Обской губы и устья Таза. В итоге сложилась кулайская общность с центром в Среднем Приобье и локальными вариантами на юге и севере¹.

На основе материалов раскопок могильников – Тискинского, Остяцкая гора, Пачанский, Тургайский и Балагачевский – Л.А.Чиндиной были выявлены черты погребального обряда, которые она охарактеризовала как селькупские: многоактность сооружения курганов, захоронения в неглубоких могилах или на поверхности, положение умершего на спине, долевая форма покрытия обкладки могилы, ориентация в юго-восточном направлении, наличие в могиле глиняной посуды². Также данным автором был проведен сравнительный анализ материалов могильника Рёлка (элементы погребального обряда и керамики VI–VIII вв. н.э.) и позднесредневековых могильников, и был сделан вывод о древнеселькупской принадлежности раннесредневековых материалов³. Среди важнейших характеристик, присущих и раннесредневековой, и позднесредневековой керамике были названы форма и орнаментация сосудов, особенно 1 (гребенчатого) типа; наличие глиняных ладьевидных сосудов, подобных лодкам-долбленкам; в погребальном обряде наличие системы повторных погребений, имеющей аналогии в этнографической культуре.

Позднее Л.А. Чиндиной была более детально сформулирована гипотеза о древнеселькупской принадлежности рёлкинской культуры. Основанием для

¹ Чиндина, Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 120–123.

² Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып.16. Томск, 1975. С. 90

³ Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.

культурногенетических и этногенетических выводов служила керамика, расклассифицированная исследователем на три основных типа: первый и второй типы керамики, по Л.А.Чиндиной, имеют генетическую связь с предшествующей (кулайской) керамикой и отражают две линии развития орнаментов (простую гребенчатую и фигурно-штамповую) и локальную специфику (последний факт, по мнению автора, отражает начало процесса выделения диалектно-этнографических групп внутри селькупского этноса); третий тип валиковой керамики имеет аналогии в Восточной Сибири и соотносится с носителями тунгусо-маньчжурских языков¹.

Концепция этногенеза селькупов А.И. Бобровой.

Археологический материал также позволил археологу А.И. Бобровой рассматривать селькупов в культурном плане как автохтонное население данной территории. На основе погребальных комплексов Нарымского Приобья для периода IX–XVII вв. ею была выделена «нарымская археологическая культура», в IX–XVI вв. принадлежащая праселькупскому, с XVII в. – селькупскому населению. По мнению А.И. Бобровой, оформление древнеселькупского этноса, по данным археологии, завершилось ко второй четверти II тыс. (XIII–XIV вв.). В результате взаимодействия местного населения с пришельцами на восточной периферии Обь-Иртышской культурно-исторической общности сформировалась нарымская археологическая культура. Ранний этап ее развития проходил под знаком тюркской экспансии. Вторая половина XIV–XVII вв. была временем поступательного развития культуры, когда на ее основе шел процесс формирования селькупского этноса.

По материалам некрополей А.И. Бобровой было выделено 4 типа погребального обряда: тымский, обской, обско-чулымский, чулымско-кетский².

¹Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 129–130.

²Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 301–321; Березовская Н.В., Боброва А.И., Рыкун М.П. Погребальный обряд и состояние здоровья средневекового населения Притымья // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул. 2009. С. 187–190.

Их картографирование и комплексное изучение позволили наметить основные ареалы расселения основных локальных групп нарымских селькупов.

Основанием для этногенетических выводов автора служили дифференцирующие признаки типов погребального обряда – каждый тип соотносился с локальной группой селькупов. Были выявлены следующие основные признаки-маркёры: многоактность или одноактность возведения курганный насыпи, наземный или грунтовый способ погребения, отсутствие или наличие формы кремации, наличие или отсутствие керамической посуды, обжиг площадки перед погребением, использование рамы-обкладки и особенности ее конструкции, наличие берестяного погребального короба, наличие лицевых посмертных покрытий¹.

В составе нарымской археологической культуры А.И. Боброва отмечает несколько компонентов – автохтонный (рёлкинский), тюркский и угорский. К XVI–XVII вв. происходит консолидация и нивелировка этнических компонентов, что прослеживается по унификации керамической посуды². Вторая половина XIV–XVII вв. были временем поступательного развития культуры, ее расцвета, несмотря на активизацию угров и начавшуюся колонизацию края со стороны Российского государства.

Гипотезы, созданные историками (этнологами) с учетом археологического материала и концепций археологов

В.И. Васильев и его версия происхождения самодийцев и селькупов.

По мнению этнолога В.И. Васильева, который сформулировал его со ссылкой, прежде всего, на археологические материалы и выводы томского археолога Л.А. Чиндиной (1977, 1984, 1991), селькупы являются автохтонным населением Среднего Приобья. Именно эту территорию он считал прародиной

¹ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Боброва А.И., Рыкун М.П. и др. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 47–54.

² Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Боброва А.И., Рыкун М.П. и др. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 55, 83.

всех самодийцев, а селькупов представлял как «прямых потомков кулайцев»¹. В.И. Васильев полагал, что «современные материалы археологии, этнографии и лингвистики убедительно свидетельствуют о том, что селькупы как этнос сформировались на территории Среднего Приобья. На протяжении тысячелетия (V в. до н.э. – V в. н.э.) здесь дислоцировалась так называемая кулайская этнокультурная общность, которую многие исследователи генетически связывают с прасамодийцами»².

Он также, вслед за Л.А. Чиндиной (1978), считал, что «миграционные потоки кулайцев в конце I тыс. до н.э. (III–I вв.) явились основой для последующего формирования северсамодийских (ненцы, энцы, нганасаны) и южносамодийских (камасинцы, карагасы, маторы и др.) этносов»³.

«Сменившая кулайскую культуру на этой территории в раннем средневековье рёлкинская культура (VI–IX вв.), выделенная и исследованная также Л.А. Чиндиной, сложилась в основном на кулайской основе, хотя в ее формировании приняли участие и иные (пришлые) компоненты»⁴.

О формировании северных групп селькупов В.И. Васильев писал на основе архивных материалов следующее: «Начиная с 30-х гг. XVII в. на Обском Севере, судя по письменным источникам, часть селькупских семей переселяется со Средней Оби в верховья Таза. Как сказано в архивной записи за 1630 г., многие караконские остяки «сошли на Енисею» и в свои юрты не возвращались»⁵. Тогда же в Мангазейском уезде на притоке Турухана – р. Баиха возникла группировка баишенских (баихенских) селькупов, основу которой также составили переселенцы со Средней Оби»⁶.

А.В. Головнев о самодийцах и селькупах.

¹ Васильев В.И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 311.

² Там же. С. 311.

³ Там же. С. 311.

⁴ Васильев В.И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 311.

⁵ Васильев В.И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 313.

⁶ Там же. С. 313; Лебедев В.В., Соколова З.П. Селькупы // Этническая история народов Севера. Москва, 1982. С. 118–129; Шаргородский, Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. Москва, 1994. С. 22–25.

Как пишет А.В. Головнёв, характеризуя самодийскую проблематику в исследованиях различных научных школ: «Все исследователи этногенеза самодийцев в той или иной мере являются последователями Кастрена. Одни, в том числе многие уралисты-лингвисты, приняли за основу финно-саамо-самодийские параллели и тем самым сблизили арены финно-саамского и самодийского этногенеза в Северо-Восточной Европе. Другие, в том числе советские сибиреведы, предпочли южносибирскую доминанту, оставляя в тени финно-самодийские этногенетические связи. Обобщенно эти два подхода можно назвать взглядом из Европы и взглядом из Сибири, каждый из которых фокусируется на локальных (западных или восточных) вариациях самодийских культур»¹.

Сам А.В. Головнев является сторонником «третьего взгляда» (редкого среди исследователей проблемы урало-самодийской прародины) – с Урала – «географического центра самодийского мира». Данный автор считает, что: «Самодийская прародина, вероятно, располагалась там же, где в историческое время кочевали ватаги «каменных самоедов» (уральских ненцев) – в северных лесах и тундрах по склонам Уральского хребта, включая Припечорье на западе и Приобье на востоке. Южными соседями самодийцев (по склонам Среднего Урала) были предки угров, западными – предки саамов (в Беломорье) и пермьян (в Подвинье), восточными и юго-восточными (на Енисее и в Верхнем Приобье) – предки юкагиров, кетов и алтайских народов»².

Археологическое обоснование для данной гипотезы А.В. Головнёв выстраивает с опорой на исследования археолога М.Ф. Косарева, который считал исходной областью расселения древнейших самодийцев лесную зону Восточной Европы, «откуда носители гребенчато-ямочных орнаментальных традиций в позднем неолите прошли в Зауралье, а в бронзовом веке – еще дальше к востоку, до Нарымского Приобья»³.

¹ Головнёв А.В. Кочевники тундры: нунцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 22.

² Там же. С. 24.

³ Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. С. 148–158.

На рубеже эр в Нижнем и Среднем Приобье существовали две родственные культуры: усть-полуйская и кулайская, «этническая характеристика которых вызовет нескончаемую полемику». А.В. Головнёв поддерживает мнение Л.А. Чиндиной и В.Ф. Генинга об их самодийской принадлежности¹; однако отмечает, что «высказывались и другие версии: усть-полуйская – угорская, кулайская – самодийская (В.Н. Чернецов, В.А. Могильников²); усть-полуйская – угро-самодийская, кулайская – самодийская (М.Ф. Косарев³); обе культуры – угорские (В.И. Молодин⁴) или угро-самодийские (Н.В. Фёдорова⁵)»⁶.

Таким образом, по мнению А.В. Головнёва и М.Ф. Косарева (с привлечением выводов археологов – Ю.П. Чемякина (1996), Л.П. Хлобыстина (1998), Л.А. Чиндиной (1984), Н.В. Фёдоровой (2000) об археологических культурах и миграциях в Западно-Сибирском регионе), с древних времен Среднее Приобье входило в зону самодийской прародины, соответственно, проживавшие там предки селькупов были потомками древних самодийцев-кулайцев. Эта точка зрения коррелирует с мнением В.И. Васильева и Л.А. Чиндиной об автохтонности селькупов в Нарымском Приобье и стабильности их ареала расселения в течение последних двух тысяч лет.

Выводы об этногенезе селькупов, сформулированные автором данного исследования на основе анализа природоописательной лексики, названий стационарных поселений и элементов традиционной культуры селькупов⁷.

Анализ землеописательной лексики селькупского языка показывает, что она максимально соответствует ландшафтно-биологическим характеристикам Нарымского края (географически – верхнего отрезка Средней Оби). Особенно глубоки и тонко дифференцированы знания селькупов о реке и речной пойме. Эта

¹ Головнёв А.В. Кочевники тундры: нунцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 29.

² Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 47 с.

³ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

⁴ Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 3-44.

⁵ Фёдорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 54 – 66.

⁶ Головнёв А.В. Кочевники тундры. .. Екатеринбург, 2004. С. 29.

⁷ См. Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.). Дис. канд. ист. наук. Томск, 1999. 199 с.; Она же. Селькупская ойкумена: обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. 224 с.

развитая терминология говорит о том, что селькупы формировались как народ речной поймы (приречный народ).

Речная пойма – сложный природный комплекс, представляющий собой результат работы реки. Пойма возникает, живёт и развивается под непрерывным влиянием речных вод. Она характеризуется определённым рельефом, климатом, растительностью и специфической цепью пойменных водоёмов, которые тесно взаимосвязаны между собой и представляют единое целое: речное русло – протоку (новое русло) – протоку (старое русло) – затоны – пойменные озёра – заливные заболоченные луга, переходящие в кустарниково-лесные массивы. Селькупский язык имеет исключительно свои наименования для всего ряда связанных между собой водоемов: *анга/акка* – протока, *кужере* – протока, новое русло, *кальджа* – старица, *поре/поря* – затон, омут, *согра* – заболоченный луг, *нюрмо* – лива, заливной луг, *чвор* – пойменное озеро (в отличие от *то*(кет.), *ту* (нар.) – верхового озера), *поньджа* – низинное болото. Таким образом, селькупский язык с помощью только своей терминологии может назвать фактически все природные составляющие поймы, которые знают современные ученые-биологи. Русский язык, например, гораздо менее приспособлен к номинации этих объектов (и не случайно, в русском языке (в его нарымском диалекте) именно в этой области – заметные и устойчивые заимствования из селькупского языка – *поньджа*, *кальджа*, *чвор*, *муч*, *анга* и др.). Русскому населению, пришедшему в Приобье, явно не хватало своей лексики (хотя они также пришли с речных пространств), и им был усвоен целый пласт селькупской лексики (о селькупском и более широко – самодийском < уральском происхождении этой терминологии см.: Janhunen, 1977¹; Аникин, 2000²).

Стоит подчеркнуть, что ни для леса, ни для степных пространств, ни, тем более, для каких-либо горных местностей язык селькупов такой богатой номенклатуры не имеет.

¹ Janhunen Ju. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

² Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

Анализ именно этого материала, позволяет сделать вывод о том, что селькупский язык был сформирован природой Нарымского края, соответственно именно на обских притоках в Среднем (Нарымском) Приобье формировались и сами селькупы. Данный вывод сопоставим с мнением ряда исследователей о том, что территория Нарымского Приобья являлась местом формирования селькупской культуры, и, более того, что этот ареал частично совпадает с самодийской прародиной.

В таком случае, селькупоязычие распространялось в Нарымском Приобье в период между II в. и X в. н.э. в следующих границах: на западе – до среднего и, возможно, верхнего течения р. Васюган, но, прежде всего, в бассейне двух его основных притоков – Чижалки и Нюрольки; на востоке – до среднего течения р. Кеть и Тым; на юге – в нижнем течении р. Чулым. Весьма вероятно, что в южные пределы этого ареала можно включить также бассейн р. Шегарки и даже низовья Томи. Северная граница ареала проходила по Оби ниже устья Тыма, но, вероятно, выше устья Ваха. И, конечно, селькупы были расселены по Оби между устьями этих рек. На этом пространстве уже в тот период была заложена основа для формирования двух диалектных ареалов, послуживших отправной точкой для появления в последствии центральных (чумылкупских) и южных (сюссыкумских) диалектов современного селькупского языка.

Если всё же допустить, что селькупы формировались не в Нарымском Приобье, то тогда надо предполагать, что эта территория по своим природно-географическим характеристикам была очень близка Нарымскому краю. Там должна была быть также: а) развитая речная сеть, б) отсутствовать каменистые горы (селькупские «горы» – это крутые песчано-глинистые берега); камень для селькупов – это нечто, «положенное» с неба на землю; в) лес должен покрывать приречные возвышенности. г) наличествовать похожий набор деревьев и других основных растений, а также весь типичный для Среднего Приобья набор фауны (особенно – ихтиофауны); отсутствовать (или быть редким явлением) такие животные как волки.

Вслед за Э.Г. Беккер, отметившей перемещение селькупского населения с юго-запада на северо-восток, проведённый мной анализ названий селькупских поселений подтверждает факт постепенной миграции в данном направлении (по линии: Чижапка, средний Васюган – Тым; Чузик-Кёнга – Парабель – Обь (Нарым)). Однако этот миграционный процесс четко виден, прежде всего, на чумылкупском материале. В бассейне Кети эта однозначная направленность миграционного процесса «рызмывается».

Чумылкупы медленно «сдвигались» с юго-запада в северо-восточном направлении и «прошли» по Нарымскому краю с вершин Чижапки и через среднее течение Васюгана – на Тым; с Чузика и Кёнга на Парабель и через Обь в обское правобережье на Когурцу и оз. Иссан (и м.б. в бассейн р. Пайдугиной (по Миллеру – *Tögül-ki* или Тайбахтиной)¹).

Обобщая выявленные особенности в номинации селькупских населенных пунктов, следует отметить, что внутри области расселения среднеобских селькупов четко прослеживаются два основных топонимических ареала, примерно совпадающих с границами расселения групп чумылкупов – Парабель с истоками, Чижапка, Тым и Обь между их устьями (ареал топоформантов *-кынак*, *-нак*, *-карамо*) и сюссыкумов – Кеть, Чая и Обь между их устьями (ареал формантов *-канэт/-гайэт*, *-дабу*, *-анга*).

Внутри ареала чумылкупов особенно близки по структуре названия поселений бассейнов рек Кёнга (верховье и среднее течение), Чижапки (нижнее и среднее течение), Тыма (низовье и верховье).

На пересечении по Оби ареала чумылкупов с этногруппой шёшкумов явственно обрисовывается особый топонимический район (с суффиксом *л/ль*) – Обь в районе верхнего устья Парабели и среднего устья Кети, а также низовья Парабели. Данный ареал как бы «накладывается» на обскую топонимику поселений с суффиксом *-н* – Обь от устья Тыма до Тогурского устья Кети и с суффиксом *са/ца* – Обь между устьями Парабели и низовьем Тыма. Таким

¹ См. Приложение А, 3.

образом, можно сказать, что чувствуется небольшая экспансия чумылкупов на территорию сюссыкумов-шёшкупов.

Для бассейна р. Парабели весьма характерны гидронимы, лишенные номенклатурного термина *-ка/-га* и представленные в виде однословных названий с формантом *-са/за/ца* – *Карза, Когоса, Твегоса, Чарца*; также в районе Нарыма – *Когурца*). Явно, что подобная топонимическая модель некогда была очень продуктивной и была распространена локально, составляя специфику парабельско-нарымской группы, т.е. внутри чумылкупов – на Парабели и около Нарыма – была какая-то особая подгруппа со своей манерой (моделью) номинации гидронимов.

Самый большой аргумент против автохтонности селькупов в Нарымском крае является их верхняя одежда. Одежда селькупов, какой ее застали этнографы в XIX – нач. XX в. – это одежда людей, не знающих сильных морозов: распашная (без системы застёжек, т.е. вариация халата), пояс – из ткани, скрученной жгутом. Особенно показательной в данном вопросе является верхняя традиционная одежда селькупов *понджел-порг* (нар.), сшитая из лоскутов меха, т.е. в технике «сборного меха». Такая «шуба» носилась мехом внутрь (ворсом к телу), сверху обтягивалась грубой тканью, т.е. фактически это был халат на меховом подкладе. Технологию изготовления мозаичного мехового полотна исследователи считают по происхождению связанной «с более южными территориями», чем Среднее Приобье (Н.В. Лукина)¹. «У скотоводов Центрального и Горного Алтая V–III вв. до н.э. существовала одежда из сборного меха, а штаны и обувь одного знатного человека из Пазырыкских курганов были сшиты из сотен прямоугольных лоскутов кожи. Это объясняется не бедностью владельца, а... желанием получить мозаичный узор» (Руденко, 1960. С. 60; Лукина Н.В. 1985. С. 151)². Кроме того, «изделия из лоскутов ткани широко известны в Средней Азии, где они удовлетворяют не только эстетические запросы, но и считаются оберегами.

¹ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 150–151.

² Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л., 1960. С. 206; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 151.

Головные уборы или шубы из лапок пушных зверей, особенно лисьих, ценятся у алтайцев, башкир...»¹.

Следует отметить, что селькупы основательно «держались» за данный технологический процесс: если даже была возможность использовать целиком шкурку белки или горностая, то, вместо этого мастерица резала шкурки на мелкие полоски, и затем сшивала эти полоски (т.е. воспроизводила явно не полезную в нарымском холоде, но какую-то очень глубокую традиционную деятельность). Такая техника изготовления мехового полотна отмечена у чумылкупов (нарымских селькупов)², сюссыкумов р. Кети³. Также известно, что изготавливали сборный мех баишенские селькупы, васюганские, юганские ханты и кеты. Н.В. Лукина, специально исследовавшая вопрос происхождения техники сборного меха (а также тканевого халата, имеющего подклад из сборного меха), считает, что «если предположение о южных истоках сборного меха верно, то этим можно объяснить общность традиции у хантов, нарымских селькупов и кетов»⁴.

Таким образом, природоописательная лексика селькупов говорит скорее об их автохтонности, чем о пришлости. Топонимика (особенно названия поселений) говорит о медленном смещении населения с юго-запада на северо-восток. Особенно заметно это смещение в чумылкупском ареале. Верхняя одежда селькупов (и в большей степени – техника её изготовления) – явный элемент культуры более южного культурного ареала. Ни один из этих аргументов не является решающим в плане основного вывода: так где же формировались селькупы (локальные группы селькупов)?

Оленеводство. Во II тысячелетии н.э. южная граница расселения северного оленя по оценкам биологов, в равнинной части Западной Сибири неуклонно отодвигалась к северу. Обратного сдвига этой границы не наблюдалось. Кроме того, когда-то сплошной ареал обитания северного оленя к концу II-го тыс. распался на несколько изолированных очагов, между которыми располагаются

¹ Там же. С. 151.

² Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 174. Илл. 96 (фрагмент шубы с меховым подкладом: р. Парабель, пос. Нельмач).

³ Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 173. Илл. 94, 95. Фото К. Доннера, р. Кеть, 1912 г.

⁴ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 151.

незаселенные и очень редко посещаемые оленем обширные пространства¹. В частности, на территории Среднего Приобья (в Нарымском крае) северные олени регулярно появляются только в верховьях р. Тым, по р. Пайдугиной и в верховьях Кети. Все популяции оленя на территории Нарымского края «проходные», т.е. олени заходят на данную территорию, проходят её по определенным, отработанным веками маршрутам, и выходят в определенных точках². Человеку удобно на этой территории охотиться на оленя, но для содержания оленьих стад (даже небольших) нет достаточной кормовой базы – нет обширных ягельников (ягель встречается только островными формациями). Таким образом, биологи констатируют, что здесь олени не имеют комфортной зоны обитания, поэтому нет и стабильной популяции северного оленя³.

Юг современной Томской области входит в зону распространения южносибирской популяции оленя, но тоже является крайней (периферийной) частью этого ареала (отмечены, например, случаи выхода оленей на Кёнгу, Чузик, в верховья Чижапки).

Если селькупы формировались на территории Нарымского края, то сформировать такую отрасль хозяйства как оленеводство на данной территории они не могли: невозможно заниматься оленеводством в природной зоне, где олени не обитают на постоянной основе. Если же селькупы формировались за пределами Нарымского края (южнее), то можно было бы предположить, например, что они могли получить некоторые навыки оленеводства южносибирского типа, но затем, при перемещении в Нарымский край, эти культурные навыки были утрачены.

Итак, собранные материалы XVII–XIX в. (Г. Миллер, А. Кастрен, А.Ф. Плотников; А.П. Степанов, А. Мордвинов, М.Ф. Кривошапкин, П.И. Третьяков) показывают, что наукой был пройден сложный путь от первых фиксаций и упоминаний самодийского населения в Приобье (Н. Спафарий, С. Ремезов) до значительного объёма собранных данных о всех группах селькупов

¹ Лаптев И.П. Млекопитающие таёжной зоны Западной Сибири. Томск, 1958. (гл. «Северный олень»).

² Там же.

³ Лаптев И.П. Млекопитающие таёжной зоны Западной Сибири. Томск, 1958. (гл. «Северный олень»).

(известных ныне), и выявлении факта неоднородности – диалектно-локальной, родовой, этнонимической, культурной – их состава. При этом, в этот «ранний» период становления и развития селькуповедения о целенаправленном описании **всех** составных частей селькупского этноса речь не идет ни у одного из авторов, кроме А. Кастрена, но фиксирует он скрупулёзно и детально только лингвистическую информацию, собирая этнографический и фольклорный материал как сопутствующий.

Лингвистические исследования XIX–XX вв., проводимые А. Кастреном, К. Доннером, Г.Н. Прокофьевым, А.П. Дульзоном, Т. Януриком, Х. Катцем, Е.А. Хелимским, Э.Г. Беккер, С.В. Глушковым, в области селькупской диалектологии, нацеленной на изучение тонкостей дифференциации селькупских говоров и диалектов и их классификацию, установили факт разделения селькупского языкового континуума на три диалектных подразделения – *северное, центральное (среднее) и южное*, каждое из которых занимало в пространстве свой соответствующий ареал распространения.

Тернарный подход к классификации селькупского языка у лингвистов сложился в период 1930–1970-х гг., но при этом никто из лингвистов никогда за всю историю исследований селькупского языка не представлял его «бинарным», т.е. разделенным только на «южный» (среднеобской) и «северный» (тазовско-туруханский) диалектные ареалы (как это принято у историков и этнографов). При этом лингвисты пользуются иногда, при необходимости, термином «южные в широком смысле слова», подразумевая совокупность центральных и южных, но только если дело не касается реальных диалектологических исследований.

Также следует подчеркнуть, что никто из лингвистов никогда не рассматривал селькупский язык как некую единую целостность. Более того, на сегодняшний день принятым в сообществе лингвистов-селькуповедов является положение, что «единого селькупского языка не существует»: «то, что мы называем селькупским языком, представляет собой совокупность диалектов и

говоров, объединенных общей структурной моделью языка, звуковые элементы которой составляют ряды закономерных соответствий»¹.

В плане реконструкции этапов этнической истории этот факт, установленный лингвистическим путем, говорит, прежде всего о том, что все носители этих многочисленных диалектов и говоров – диалектно-локальные группы селькупов – находились в «море» исторического процесса в значительной степени в «самостоятельном плавании» и никогда не испытывали на себе ощутимых централизирующих процессов, объединяющих все подгруппы в единое этническое целое. И только со второй половины XIX (после публикаций материалов А. Кастрена) – нач. XX в., с присвоением им научным сообществом единого этнонима (остяко-самоеды; селькупы), их стали рассматривать как единый этнос, тогда как сами они особого единства (соответствующего единству этнического уровня) между собой, вероятно, не ощущали.

Оценивая развитие дескриптивных этнографических исследований культуры селькупов, установлено, что к началу XXI в. наукой был накоплен значительный этнографический материал по некоторым локальным группам: прежде всего, тазовской, тымской, кетской. Несколько слабее были обследованы и описаны васюганская, иванкинская, парабельская группа. Совсем редко попадали в поле зрения исследователей чаинские, кёнгинские, баишенские, верхнетазовские, карасинские селькупы. К сожалению, есть группы, чья культура не была охвачена исследовательским процессом – это былижители-селькупы рек Чузика, Бакчара и Парбиги (истоки Чаи), а также население по Оби от Колпашево до Молчановой в низовьях Чулыма; в том числе исследователи ничего не знают об этнографических реалиях жителей обских юрт Байдановых, Сондоровых и Тайзаковых, хотя на языковом материале всегда отмечается специфика их говора.

В (историко)-этнографических исследованиях XX в. внутри селькупов исследователи всегда выделяли две основных группы: «южную» и «северную»; или «нарымскую (среднеобскую)» и «северную (тазовско-туруханскую)», т.е. их

¹ Dulson A. Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение 7. № 1. Таллин, 1971. С. 43

рассматривали как этнос, состоящий из двух этнографических подгрупп. Таким образом, можно констатировать, что в исторических и этнографических работах сформировался (и всегда превалировал) исключительно бинарный подход к классифицированию селькупского материала. При этом более мелкие этнографические подразделения селькупов по этнографическим данным не были выделены (не обследовались с этой целью, поэтому о нюансах их культуры нет нужного и репрезентативного этнографического материала).

Подводя итоги обзора этногенетических концепций и выводов различных исследователей, реконструирующих события, приведшие к формированию основных групп селькупов, следует подчеркнуть, что:

1) Практически все авторы, строившие свои исследования с учетом языкового материала – лингвисты А.П. Дульзон, Е.А. Хелимский, а также этнологи З.П. Соколова и Г.И. Пелих видят селькупоязычное («самодийское») население пришлым на территорию Нарымского Приобья относительно некоего субстратного (енисейскоязычного - по мнению А.П. Дульзона и Е.А. Хелимского) населения.

2) А.П. Дульзон и С.В. Глушков оценивают междиалектную разницу (по Глушкову – между двумя «древними» диалектами центральным (чумылкупским) и южным (сюссыкумским)) как очень глубокую. Возможно, прасамодийского уровня. В таком случае следует говорить не о дивергенции селькупского языкового континуума, а о соразвитии двух древних селькупских групп.

3) Лингвисты Т. Янурик и Е.А. Хелимский на основе метода лексикостатистической глоттохронологии датирует начало процесса диалектной дивергенции селькупского языка, приведшей к современному его состоянию, не позднее XI в. (т.е. с этого времени складывается та диалектная картина, которая просуществовала до XIX–XX вв.).

4) Относительно всей второй половины II тысячелетия лингвисты единодушно и с достаточной степенью уверенности констатируют, что границы основных диалектных подразделений оставались достаточно стабильными.

5) Археологи Л.А. Чиндина и А.И. Боброва считают селькупов автохтонным населением и наследниками самодийцев, формировавшихся в Приобье на основе кулайской археологической культуры (V в. до н.э. – V в. н.э.), и затем рёлкинской культуры раннего и развитого средневековья.

6) Этнологи – В.И. Васильев и А.В. Головнёв, из всех, кто специально занимался вопросом самодийской прародины и (частично) этногенезом селькупов (попутно с этногенезом ненцев), совмещали самодийцев и археологические культуры Нарымского Приобья, и видели в селькупках потомков и наследников кулайской культуры.

7) Данные, собранные автором диссертационного исследования о языке и культуре селькупов, достаточно противоречивы и не позволяют сделать однозначно вывод ни в пользу автохтонности происхождения носителей селькупского языка, ни в пользу их пришлости. Селькупская природоописательная лексика хорошо (до деталей) соответствует природе Нарымского Приобья, и этот факт явно согласуется с той версией, которая предполагает их формирование в Нарымском крае (или же в природной среде, близкой природе этой территории). Напротив, верхняя одежда селькупов (фактически халат на меховом подкладе) и сама технология изготовления мехового полотна путем сшивания мелких меховых лоскутов – это традиции, сформировавшиеся явно в более южных широтах (Алтай, Средняя Азия).

Названия селькупских поселений красноречиво говорят о миграционных процессах на территории Нарымской части Среднего Приобья, при этом выявляются свои топонимические модели для ареала чумылкупов и сюссыкумов, и свой «модельный ряд» для названий поселков на самой Оби; так, по названиям поселений выявляется смещение чумылкупского населения с юго-запада на северо-восток (двумя потоками): Чижалка – Васюган – Тым; Кёнга – Парабель – Когурца (и в XX в.: с р. Парабели – на Тым).

Если допустить, что селькупы были автохтонным населением для данной территории, то те процессы культутогенеза, которые реконструируют археологи на данной территории, являются фактами «их» культутогенеза. Если же

допустить, что селькупоговорящее население – «лингвистические селькупы» – формировалось за пределами Нарымского края, то тогда археологический материал Нарымского Приобья отражает чью-то древнюю историю, но это не история ранних «селькупов» (т.е. племен, говоривших на древнечумылкупском и древнесюссыкумском языках).

Однако с начала II тыс. н.э. селькупы уже присутствовали в Приобье. Все исследователи едины во мнении: что в конце I – начале II тыс. группы селькупов уже точно населяли тот ареал, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства XVII–XVIII вв., и к этому времени внутри каждого из трёх выявленных диалектных ареалов – южном, центральном и северном – уже случилась та внутридиалектная дивергенция, которую зафиксировали лингвистические данные XVIII–XIX вв.

Глава 3. Фольклор локальных групп селькупов: этноисторический аспект

3.1. Классификация и систематизация селькупского фольклорного материала

О количественных показателях селькупского фольклорного наследия

Для проведения этноисторических и фольклористических исследований на селькупском фольклорном материале необходимо было выявить: насколько репрезентативным является этот материал, каковы его количественные и качественные характеристики, а также насколько он доступен для использования в исследовательских целях.

Первым шагом в данном направлении являлись описание и анализ процесса сбора фольклорных селькупских текстов. Впервые такая работа была произведена автором (совместно с группой соавторов – А.И. Кузнецовой, О.А. Казакевич, А.В. Байдак и др.) в начале 2000-х гг. при подготовке энциклопедии «Мифология селькупов» (2004); именно там и были опубликованы результаты данного этапа исследования – в разделе «Литература и источники по селькупской мифологии и фольклору: история собирания и изучения». Сборы у северных селькупов представляла О.А. Казакевич¹; обзор данных о сборах фольклора у селькупов Приобья и история их публикации были освещены автором данного исследования²; краткая сводка этих данных – см. Приложение Б, (1–2): отдельно приведены сведения об опубликованных и неопубликованных фольклорных материалах селькупов (список архивных собраний и предварительная оценка количества хранящихся в них фольклорных текстов).

Таблица 12 – Опубликованные фольклорные тексты селькупов

¹ Казакевич О.А. История сбора материалов по фольклору и мифологии северных селькупов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 57–63.

² Тучкова Н.А. История изучения южноселькупского фольклора // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 51–57. Кроме того, сведения по истории фольклорных сборов у селькупов см.: Тучкова Н.А. К истории изучения южноселькупского фольклора (публикации фольклорных текстов в русскоязычных изданиях) // Самодийцы. Тобольск-Омск, 2001. С. 301–305.

ЦДА	Тым (Напас)	Чижапка(Вольдж.) (Вас.: Карг., Югино)	Парабель (Соисп., Кёнга)	Обь: Ласк.	Чузик
73	43	19	7	3	1
ЮДА	Кеть (УО, МЯ)	[Ср.Об.] (Кастрен)	Обь: Ив.	Обь, Сонд.	Чая
86	47	4+1	20	8	5
СДА	Ср. Таз (Красносельк)	Верхн. Таз (Толька, Ратта)	Турухан (Фарк., ЯнСт)	Баиха (В., Н.)	
128	75	23	25	3	
Всего: 73+86+128 = 289					

В ЦДА всего собирателями – лингвистами, этнографами, краеведами – записано и опубликовано 73 текста, которые можно оценить как фольклорные. Из них на Тыму записано 43 фольклорных единицы, но только 7 из них имеют оригинал записи на селькупском языке (записи А.И. Кузьминой, Л. Сабо). Все сказки и былички, записанные Г.И. Пелих и Р.А. Ураевым, были опубликованы без селькупского оригинала¹.

На Чижапке задокументировано 19 текстов и почти все они имеют оригинал записи по-селькупски благодаря плодотворному сотрудничеству лингвиста Н.П. Максимовой с информантом – знатоком своего родного языка Д.Н. Чининой, родом из юрт Вольджа на Чижапке². От неё записано 17 текстов, но только 4 из них являются сказочными (например, сказка «Китка» из Итя-сюжетов или «Хозяйка огня»); в основном от Дарьи Николаевны были записаны тексты, которые в жанровом отношении можно охарактеризовать как «несказочная проза» (былички).

На Парабели было сделано 7 записей (5 из них – по-селькупски). Почти все парабельские записи сделаны в Нельмаче от сказителей К(А).А. Саиспаевой (2), Д.П. Соиспаева (1 объёмный текст – «Сказка про Черного царя») и Н.С. Макшиной (3). Сказка «Кёнгинский богатырь» записана была Г.И. Пелих также в Нельмаче, но рассказчик А.Г. Саиспаев долгие годы жил на р. Кёнге.

¹ Почти все тексты сказок, записанные Г.И. Пелих и опубликованные ею в книге «Происхождение селькупов» (1972) были переведены на чумылкупский диалект И.А. Коробейниковой и опубликованы заново в кн.: «Сказки и рассказы селькупки Ирины» (2018).

² Однако все записи от Д.Н. Чининой были сделаны на Оби в Каргаске, куда она переехала под конец своей жизни.

На Чузике (истоке Парабели) родилась и выросла Н.Н. Минеева, хотя запись ее сказки была сделана В.В. Быконей на Тыму.

Из района юрт Ласкиных на Оби записано всего 3 текста (былички; +1 Итя-фрагмент), и это удивительно, так как известно, что и лингвисты, и этнографы работали в Ласкино неоднократно и результативно; однако фольклор от ласкинских информантов записан не был.

В ЮДА всего было записано 74 ед. фольклорных записей. На Кети записано 47 текста, из них 17 по-селькупски (на сюссыкумском диалекте). Именно здесь отмечена наибольшая концентрация сюжетов цикла сказания об Итте, которые успешно фиксировались еще в 1980-е гг.

В ареале шёшкупского диалекта – Обь (Иванкино) – опубликовано 20 сказок (19 из них – по-селькупски). На “верхней” Оби (Старо-Сондорово), где распространен особый “сондоровский” субдиалект записано 8 сказок (6 – по-селькупски); 3 текста из 8 записаны в Каргаске от рассказчиков с “верхнеобскими” фамилиями; а 3 сказки из 6, записанных по-селькупски, выслушаны от сказительницы, родившейся в ю. Конеровых, и только в последние годы своей жизни переехавшей в Сондорово.

На Чае и в районе верхнего чаинского устья записано 4 сказки по-селькупски и 1 сюжет из цикла сказаний об Итте в записи К.Доннера по-русски. Из ареала еще более “крайне южных диалектов” опубликованные фольклорные тексты отсутствуют.

Четыре богатырские песни, записанные А. Кастреном < «При устье реки родился богатырь»>, а также записанное Н.П. Григоровским богатырское сказание «Кат-Ман-Пуч» не имеют точной географической привязки; условно эти тексты можно обозначить как «среднеобской диалект».

В СДА записано и опубликовано около 130 текстов. Большинство из них имеют записи на языке оригинала. Наиболее качественно записаны тексты со Среднего Таза (из Красноселькупа) – записи московских лингвистов: Е.А. Хелимского, Л.И. Иоффе и др.; позднее – записи и публикации О.А. Казакевич. Публикации текстов, записанных Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, а также

Л.А. Варковицкой, были осуществлены в основном только по-русски (однако в архивных собраниях есть оригиналы на селькупском языке).

Таким образом, опубликованное фольклорное наследие селькупов можно оценить цифрами в 289 фолькл. ед.

Неопубликованные архивные собрания селькупского фольклора насчитывают около 200 текстов: 10 текстов К. Папай (Обь, Ив.), 6 текстов К. Доннера (5 – Тым; 1 – КеМ), 38 – Г.Н. Прокофьева, 42 – Л.А. Варковицкой, 61 текст – А.И. Кузьминой, 40 – О.А. Казакевич. Итого: 197 ед.

Таким образом, опубликованных и неопубликованных текстов получается около 500 ед.¹

Представленные цифровые данные не являются абсолютными, но они дают достаточно надежное представление об объёме и качестве зафиксированного исследователями селькупского фольклорного нарратива и позволяют приступить к его анализу.

Жанровое разнообразие селькупского фольклорного материала

Разобраться в жанровом составе устного народного творчества селькупов пытались такие исследователи, как А.Кастрен (1860), К.Доннер (1915), Г.И. Пелих (1998), Л.А. Варковицкая (1989), Н.В.Деннинг (1997), а также автор данной работы (см. Тучкова, 2004, 2011²).

А. Кастрен выделял четыре разновидности произведений Томских Самоедов: *шаманские песни* (песни-призывы духов, песни-разговоры с духам и пр.), *богатырские песни*, *лирические песни и сказки*. Относительно *шаманских песен* он отметил, что они исполняются торжественно и имеют «могущественные слова», влияющие на богов и духов. *Богатырские песни* передаются из поколения в поколение и повествуют о «старине», героическом и мифическом прошлом народа. *Лирические песни* являются индивидуальными словесно-музыкальными

¹ 287+197=484 ед. или **около 500 ед.** Окончательная цифра **всегда будет «плавать»**, так как каждый новый записанный в полевых условиях или выявленный в архивных материалах или «старых» публикациях фольклорный текст будет её менять. Тем не менее, она в состоянии дать опору для исследовательского процесса, позволяя четко представить, с каким объёмом фольклорного наследия мы имеем дело.

² Тучкова Н.А. Жанровая классификация селькупских текстов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 65–69; Тучкова Н.А. Словесно-поэтическое творчество // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. / Авторы: Н.А.Тучкова, С.В.Глушков, Е.Ю. Кошелева, А.В. Головнёв и др. Томск, 2011. С. 258–270.

импровизациями. *Сказки* запоминаются сказителями и передаются от рассказчика к рассказчику, потому часто имеют не оригинальный, а «заимствованный» (по мнению А.Кастрена) характер¹.

К.Доннер, опираясь на исследование А.Кастрена, также обнаруживал некоторые жанровые различия в фиксируемых им самим произведениях. Для обозначения этих различий он употреблял термины «героическая поэма» или «сага», «песня» (шаманская и личная); отдельно часть саг, имевших, на его взгляд, «взаимную близость происхождения, благодаря герою, который появляется во всех них», он объединил в одно целое, назвав «Самоедским эпосом»².

Г.И. Пелих для суммы «саг» о подвигах героя Ичи приводит термин *эппа*; кроме того, она отдельно выделяла «предания» – *тынь-ол* и сказки – *чанте*, а также отмечала три вида песен: *инка* (песня-импровизация), *ларга/лерга* (личная песня с фиксированным текстом), *изумба* (ритуальная песня)³.

Л.А. Варковицкая на североселькупском материале при составлении классифицирующей аннотации к собранной ею коллекции фольклорных текстов (из 95 текстов аннотация охватывает 79, с опущением отдельных записанных фрагментов или трудно интерпретируемых произведений фольклора) выделила следующие жанры: 1. Героический эпос (сказания о богатырях и войнах); 2. Волшебные сказки; 3. Бытовые сказки; 4. Шаманские рассказы; 5. Сказки русского происхождения; 6. Детские сказки; 7. Плутовские сказки об Иче и его бабушке; 8. Бытовые рассказы.⁴

Н.В. Деннинг, анализируя язык селькупского фольклора, все его разнообразие определила как сказку. Среди сказочного материала ею были

¹ Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Т. VI. Ч. 2. М., 1860. С. 297–298.

² Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 145–146.

³ Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. С. 26–27, 30, 58. Термины *инка*, *тынь-ол* и *изумба* не верифицируются лексикографическими данными по селькупскому языку.

⁴ Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л.А. Варковицкой // Советские финно-угроведение. Таллин, 1989. Т. XXV. 1989. С. 52–53.

выделены «три основных жанра»: волшебные сказки, сказки о животных и бытовые сказки и рассказы¹.

Как известно, выделение фольклорных жанров является крайне сложной задачей из-за отсутствия четких критериев, характеризующих их разновидности. Обычно путеводной нитью в разработке жанровой классификации является форма изложения фольклорного произведения. Но в том виде, в котором оказался записан южноселькупский фольклор, этот критерий практически не действует. Почти все тексты записаны прозой, даже те, относительно которых есть указание, что данный текст является песней, а потому должен быть ритмизован.

Другим критерием при классификации жанров селькупского фольклора могла бы послужить «народная классификация», исходящая из терминов, которыми сами селькупы пользуются при выделении своих фольклорных произведений. Лингвистами был собран определенный объем лексики, связанной с фольклором. На Кети записаны термины, представленные в словаре Я. Алатало: сказание *ченжуй*; былина, песнь о богатырях *квелжут*; сказка *т'апте*; петь: *кон'н'уччыгу*, *кон'н'ургу*, *кодымбигу*, *коймыччыгу*; сказки рассказывать *т'антергу*.² В чумылкупском ареале: сказка *чанте*; песня *лэр*, петь *лэргу*.³ Однако анализ со стороны лингвистов и фольклористов этой терминологии пока отсутствует, и это затрудняет соотнесение народной классификации и той, которую разрабатывают исследователи.

В ходе многолетней работы с селькупским фольклором и неоднократным обращением к теме его жанровой градации, автором диссертации была сформирована следующая жанровая классификация, представляемая в данном исследовании:

1. Богатырские (героические) сказания (песни) – *Küeldshut*.

Сказания о битвах богатырей были в прошлом широко распространены у всех групп селькупов. В XIX в., вероятно, это был один из самых популярных

¹ Деннинг Н.В. О языке селькупского фольклора // Этносы Сибири: язык и культура. Томск, 1997. Ч. 1. С. 18–20.

² Алатало Я. Сююссыгуй ээджипсан Кээткый кууланни. Максимкин-Яр – Хельсинки, 1998. С. 85.

³ Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // Specimina Sibirica. T.7. Sombathely, 1993.

жанров селькупского фольклора. В тот период активного их исполнения эти сказания бытовали в виде песен, поэтому А. Кастрен и обозначил этот жанр как «богатырские песни». Он писал: «Богатырские песни называются в Томской губернии *Küeldet* или *Küeldshut* (букв. Древность), на северном же наречии *sjudubeabts*. Последнее слово собственно значит: песня великанов (от *sjudubea* – великан), и намекает на первоначально мифическое значение богатырской песни. В самом деле, в некоторых песнях, записанных мною у северных Самоедов сюдубеи изображаются страшными великанами и жестокими людоедами, которые прежде нежели съедят несчастного, попавшего им в руки, мучат его беспощадно, качая на железных качелях. В Томской губернии таких песен я не слышал, не слышал даже и слов *sjudubea* и *sjudubeabts*. Последнее заменяется здесь словом *Küeldet*, а богатырь обозначается особенным словом – *madur*, которым в тоже время называют и древнюю Чудь»¹.

Сам Кастрен записал четыре богатырских песни у Томских Самоедов в 1846 г. (они были опубликованы издателем А. Шифнером в 1855 г.)². Кроме этих четырех песен, в которых, действительно, можно предположить наличие ритмической основы и счесть эти произведения поэтическими текстами, остальные богатырские песни селькупов, к сожалению, оказались записаны только в прозе. Нередко подобные записи носят вид простого краткого пересказа сюжета. Исключение составляет только запись Н.П. Григоровского – богатырское сказание «Кат-ман-пуч», опубликованное на русском языке в 1882 г. Н. Костровым³.

Несколько пересказов богатырских песен (сказаний) удалось записать Г.И. Пелих («Богатырь, стреляющий в гром», «О тымской царевне-богатырше Амдель-кок-нем», «Богатырь отобрал жену у другого богатыря», «Богатырь на

¹ Кастрен, А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Т. VI. Ч. 2. М., 1860. С. 298.

² Там же; Castrén M.A. Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner. St. Petersburg, 1855. XXIV. 4 богатырских (героических) песни.

³ Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. С. 6-9 (текст «Кат-ман-пуч»).

Кёнге)¹. На Кети Ш.Ц. Купером и Н.П. Максимовой было записано по-селькупски сказание «Богатырша Ляпса-Мярга»²; в 1891 г. – подобный сюжет о великанше-богатырше был опубликован в Томских епархиальных ведомостях³.

Упоминания о богатырях и местах их былых сражений нередко записывали этнографы и краеведы. По воспоминаниям селькупов «раньше на каждой речке жили богатыри»⁴. На притоках Тыма «сидело» семь богатырей, в том числе два брата-богатыря на речках Польш-то и Косес, а также богатырша Амдель-кок нем. На Парабели вспоминают о богатыре Урья (однако фольклорный сюжет об этом герое отсутствует), а также о Кёнгинском богатыре (сюжет о нем подробно записан Г.И. Пелих; информант из пос. Нельмач А.Г. Соиспаев жил в молодые годы на р. Кёнге)⁵. На Оби в пос. Иванкино несколько раз был записан текст о Пиковском богатыре, в Сондорово – о Сондоровском богатыре; известно также имя богатыря Пыгынбалк. Кроме того, в Иванкино чтут память богатыря Соксара.

Поводом к войне в богатырских текстах нередко выступает «красота дев». Обычно богатырские сюжеты начинаются с того, что один воин отбирает у другого жену, или перехватывает во время сватовства невесту и увозит (пытается ее увезти) к себе на родину. Другие богатыри (часто «низовские») стремятся преградить путь удачливому богатырю-сопернику, завязывается битва. Если невеста на стороне умыкнувшего ее богатыря, то впоследствии, когда соперники через какое-то время предпринимают попытку ее выкрасть, она предупреждает мужа об опасности, и ему удается ее отстоять, и в целом – победить в битве. По такой схеме развивается сюжет в текстах «Кат-ман-пуч», «Кёнгинский богатырь». В последнем сюжете невеста сама борется с догонявшими её прежними женихами-богатырями, спасая своего избранника. Если же невеста насильно увезена богатырем от отца или от первого мужа, то она не предупреждает нового

¹ Пелих Г.И. Приложение 1 // Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.319–320, 331–332, 338, 343, 349–351 (Тексты №1, 18, 28, 37, 43).

² Купер Ш.Ц., Максимова Н.П. Образец фольклора кетских селькупов // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 154–168.

³ ТЕВ. 1891. №21. С. 17.

⁴ Пелих Г.И. Приложение 1 Селькупские сказки // Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. Там же. С. 334.

⁵ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 349–351.

мужа об опасности, и ему приходится сражаться в окружении, при численном превосходстве противника, и погибнуть в неравном бою (Пыгынбалк).

В одной из песен Кастрена, где богатырь обращается в соболя, женщина также не согласна с выбором отца, отдавшего ее замуж, и пытается убежать от мужа в северные земли; через серию битв муж находит ее и подвергает казни.

Эпизод (мотив) о «коварной жене», не предупредившей мужа о приближающемся вторжении воинов и даже зашившей нитками (саргой) его кольчугу, чтобы он не смог ее быстро надеть, отмечен несколько раз как самостоятельный сюжет. Опущенная предыстория о том, что ее украли у первого мужа (отца) и что пришедшие воины по отношению к ней не являются врагами, а также отсутствие иных объяснений, почему она так поступила, придают этому эпизоду иной, нравоучительный оттенок. В таком виде этот сюжет был неоднократно записан у северных селькупов с акцентом на праведную и жестокую расправу брата погибшего богатыря с женщиной-предателем.

Нередко богатырские тексты завершаются землеустроительными мотивами. Обычно там, где от руки богатыря погибало много врагов, «вырастал» холм, мыс или яр. Там, где падал и умирал сам богатырь, земля проваливалась, и появлялось озеро; или же погибший богатырь превращался в камень.

Богатырские песни были «в величайшем уважении» у Самоедов. Певцам-сказителям, рассказывавшим богатырские сказания, слушатели внимали с благоговением, прислушиваясь к каждому слову, срывающемуся с уст певца. А. Кастрену довелось быть свидетелем исполнения подобных произведений, и он так оценил действо: «Точно так же, как шаман, сидит и певец, на скамейке или на сундуке, посередине юрты, а слушатели располагаются вокруг него. В Томской губернии я заметил, что певец старается выразить телодвижениями участие, принимаемое им в своем герое. Тело его трясется, голос дрожит, левою рукою он беспрестанно закрывает глаза, полные слез, а в правой держит стрелу, обращенную острием к полу... Слушатели сидят обыкновенно безмолвно; но

когда богатырь погибает или взвизгивает на крылатом орле к облакам – у них вырывается громкое *хее*, соответствующее нашему *ура*»¹.

2. Сказки – *Šaptela*

Селькупский фольклор обладает целым набором произведений, хорошо зафиксированных исследователями, который можно уверенно отнести к жанру сказки. О селькупских сказках А. Кастрен писал, что «как южные, так, еще более, и северные Самоеды, кроме песен, любят и сказки».

Внутри сказочного собрания селькупов можно сделать дополнительную внутреннюю классификацию, выделив: 1. Сказки про одураченного великана / черта (по классификации AaTh), 2. Волшебные сказки, 3. Бытовые сказки, 4. Сказки о животных.

Сказки про одураченного великана/черта составляют значительный объем от всего набора селькупских сказок. К этому типу относится фактически большее число всех записанных текстов с героем Итя, и они, таким образом, составляют популярное ядро всего селькупского фольклорного наследия. Подробнее об этом см. ниже раздел «Хронологическое распределение сюжетов и их популярность в разное время».

Волшебные сказки. Для выделения этого типа сказок используют обычно следующий критерий: в них обязательно будет попадание героя в волшебную страну (иной мир), встречи с обитателями этого мира и череда превращений-метаморфоз. Такие сказки также присутствуют в заметном количестве среди текстов селькупского фольклора.

Бытовые сказки. Сюжеты этих сказок характеризуются тем, что основное действие в них происходит не в волшебной стране, а «как будто» в обычном социальном пространстве. Кроме того, антагонист главного героя обычно выступает в образе социального злодея. Селькупский фольклор обладает некоторым набором сюжетов, где герой, например, сватается к статусному тестю (богатому ненцу), или обманывает слуг князя (царя). Для таких

¹ Кастрен, А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Т. VI. Ч. 2. М., 1860. С. 304.

сюжетовхарактерна заметная насыщенность бытовыми и социальными деталями. Именно эти сюжеты нередко могли быть пересказаны как анекдотическая история или нравоучительный рассказ.

Сказки о животных. Сказки, где действующими лицами являются животные, присутствуют среди записанных образцов селькупского фольклора, но таких сказок очень мало. Их можно перечислить: «Глаза и уши (Бобёр и Журавль)»; «Как собака хозяина себе искала»; «Мышка и Рябчик», (все эти 3 текста записаны на Кети в пос. Усть-Озерное); «Крот и кротиха» (Парабель, Нельмач)¹; «Божья собака» (Баиха)²; «Собака раньше вместе с хозяином ел и жил» (Тым, Напас)³; «Война птиц» (Обь, Иванкино)⁴; «Соболь и бурундук» (Таз)⁵; «Лиса и татары» (Кеть, УО)⁶, «О сотворении земли» (Кеть, УО)⁷, и 5 неопубликованных сказок из записей А.И. Кузьминой: «Мышка, Рябчик», «Мышка и крот амбарный» «Медведь и лягушка», «Кедровка, Воробей и Медведь» (Кеть, УО), «Вороны и зайцы» (Толька, Пур)⁸. Некоторые из этих сказок (например, «Божья собака» или «О сотворении земли») этиологические (т.е. повествуют о происхождении основных характеристик мироздания в период первотворения), в связи с этим их можно обозначить одновременно и как мифологические сказки.

Большинство из этих сказок (8 из 13) записано на Кети (Усть-Озёрное), таким образом, можно утверждать, что если в целом у селькупов был слабо развит такой вид сказки как «Сказки о животных», то сюсыкумы р. Кети демонстрируют в этом вопросе исключение: в их фольклорном наследии этот жанр присутствует вполне заметно. Возможно, на развитие этого жанра в данной

¹ См. тексты в Томе 2: БТ_№37, 38, 39, 40.

² Кузнецова А.И. (АИК) Канак – Собака // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 142–144.

³ Пелих Г.И. Происхождение селькупов, 1972. С. 341.

⁴ Кудряшова Т.К., Функ Д.А. Селькупский фольклор в самозаписи Т.К. Кудряшовой // Этнография народов Западной Сибири: Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. Москва, 2000. С. 225–226.

⁵ Кузнецова А.И. (АИК) Си – Соболь // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 264–265.

⁶ Бауло А.В., Тучкова Н.А. Миф о ныряющих птицах, доставших землю, устройстве мира и дороге в мир умерших: фольклорное наследие селькупов Верхней Кети в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г. // Урало-алтайские исследования. 2017. №1 (24). С.13.

⁷ Там же. С.15.

⁸ Кузьмина А.И. Dialekt von Tol'ka. 1969 // Архив Кузьминой А.И. IFUU HU. Band 5. Heft 16: 287–292. Кузьмина А.И. Dialekt vom Ust'-Ozernoe. 1963, 1968 // Архив Кузьминой А.И. IFUU HU. Band 16. Heft 4: 173–184. Кузьмина А.И. Dialekt von Maksimkin Jar und Ust'-Ozernoe am Ket' // Архив Кузьминой А.И. IFUU HU. Band 26. Heft 5: 98–100; 101–103; Heft 6 : 133–138, 139–141.

группе оказали влияние их тесные контакты с эвенками (некоторые упомянутые сюжеты данной сказочной группы известны как эвенкийские, например, «Глаза и уши» и «Как собака себе хозяина искала»¹).

3. Предания– *Tentyl*

Селькупские предания редко попадали в поле зрения исследователей, тем более практически нет каких-либо специализированных исследований этого жанра. Тем не менее, в рамках жанровой классификации внутри выявленного корпуса преданий можно выделить их несколько разновидностей: 1. Исторические предания и 2. Шаманские предания. 3. Былички.

Исторические предания. При строгом толковании термина «исторического предания» как именно фольклорного текста, содержащего информацию о конкретном историческом событии или деятеле, но оформленном в художественном (фольклорном) ключе, таких сюжетов в составе селькупского фольклора выявляется немного – буквально единичное число: у северных селькупов «Предание об остяках, вышедших на Таз» (оно же «Предание об остяках Тшвотшибыкубамского рода»); «Нёмый порга ира» – «Старик в заячьей парке». Последний сюжет о коварном старике, хитростью боровшемся с ненцами, имеет многочисленные фиксации в североселькупском ареале².

Возможно, что сюжеты с богатырем Пальна и его братом также являются именно историческими преданиями; этот вопрос надо исследовать, выявляя как круг бытования этих сюжетов в пограничье кетско-североселькупского ареала, так и учитывая сведения об информантах (кетах и селькупах).

Стоит подчеркнуть, что у селькупов ЦДА и ЮДА ни один из этих сюжетов никогда не был записан³, и сам по себе этот факт, возможно, является доказательством, подтверждающим статус этих сюжетов именно как

¹ Данные тексты записаны по-селькупски, но информант имеет эвенкийскую фамилию: Боярина Н.Н.

² Сюжет о Старике в Заячьей парке по-селькупски был записан: А.И. Кузьминой в 1965 (в Красноселькупе от А.И. Нерина); Е.А. Хелимским в 1971 (в Красноселькупе от М.П. Киприна), в 1977 (в Тольке от И.В. Морокова); А.В. Головнёвым в 1988 (в Ратте от Т.С. Ирикова), в 1993 (Лозиль-то от С.В. Чекурмина).

³ На Чижапке и на Оби (Иготкино), возможно, также отмечено наличие подобной фольклорной схемы, каковая присутствует в сюжете об остяках, прибывших на Таз: новопоселенцы терпят голод, Бог дарует им пропитание и обещает безбедную жизнь.

исторических преданий, возникших в виде эмоционально-художественного отклика на конкретные исторические ситуации, что отличает их от сказки.

В ЮДА к жанру исторических преданий можно отнести тексты с Кети о богатыре *Урлюке*, которого соотносят с князем Урлюком¹, о богатыре *Зубреке*², и о богатыре *Поч (Пуч)*³; или историю о богатыре Соксаре⁴ (Обь, Иванкино). Также характер исторического предания имеет, например, сообщение о том, что стоят юрты Урлюковы рядом с горой *Пынгри-маття* – 'Шаманского бубна бор', потому что когда-то здесь во время камлания у шамана лопнул его бубен. У «крайне южных селькупов» в разряд таких текстов может быть отнесен фрагмент «Сарта и Тукма»⁵, о происхождении фамилий Сartiных и Этукмаевых на Чае.

Однако при широком толковании термина «исторического предания» в этот круг может попасть практически вся историческая (историко-этнографическая) информация, записанная со слов информантов как А.Ф. Плотниковым, так и другими краеведами и этнографами⁶ (например, объяснения селькупских фамилий, толкование (народная этимология) топонимов, объяснения причин появления культовых мест и их названий т.п.). Подробнее об этом см. выше раздел 1.4. «Опыт привлечения селькупского фольклорного материала к

¹ «Жил богатырь Урлюк в местечке Кара-Лози Сок. Воевал он с луком и стрелами против врагов своей земли, защищая её от иноплемеников, в том числе и от русских казаков. Говорят, когда в него выстрелили из пушки, он обернулся уткой и поплыл домой. Русские бы ни за что не догадались о хитрости богатыря, но его сын раскрыл секрет отца. Утка-богатырь была подстрелена. Сопленники позже расправились с сыном-предателем» (ПМ А.П. Дульзона, 1952). Реальное место Кара-Лози-Сок существует в 1 км от юрт Урлюковых на Кети.

² «У богатыря Зубрека было 7 жен. Похоронен он был с сундуком, полным золота. Кто сундук копал, тот знает, что сундук этот сначала звякнет, а потом вглубь земли уходит». От богатыря Зубрека «ведут свой род остяки Зубрековы» (ПМ А.П. Дульзона, 1952).

³ Селькупы Почины утверждают, что бассейны рек Кельмы и Лопатки (прав.притоки Кети) с их многочисленными озерами и чворами – Мулька, Квекал-то, Павал-то, Кавал-то, Салал-то и др. – считались их землей, и владели они этими угодьями по праву потомков «великого богатыря» Поч / Пуч (Пелих, 1981. С. 93).

⁴ «На острове, образованном рукавами протоки Пурьянги, впадающей в Обь и в Кеть, есть священное для иванкинцев место – «Шапка богатыря Соксара». Богатырь был сильным и смелым... Перед смертью он сам выбрал место на острове, где наказал похоронить его вместе с конем... Богатырь не велел трогать его могилу: «Кто шапку с меня снимат (разрушит могильный холм), тот снова вызовет большую вражду». (Запись Т.К. Кудряшовой). Подробнее см.: Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов. (Приложение: Воспоминания этноисторического характера и фольклорные материалы, собранные и записанные Т.К. Кудряшовой от односельчан-иванкинцев) //Тюркские народы. Тобольск-Омск, 2002. С. 326–327.

⁵ «Были два брата – Дукма и Сартта. Они были князьки местные. Жили со своими племенами. Воевали с тунгусами. От них пошло два рода – Сartiны и Дукмаевы (Саргины и Этукмаевы)» - в кн.: Тучкова Н.А. Крайне южные селькупы // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Вып. 2. Томск, 2008. С. 219.

⁶ Некоторое количество подобных текстов, имеющих черты исторических преданий, собранных исследователями, приведено в публикациях археологов и этнографов: Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. Т. 5. Томск, 1956. С. 89–316; Яковлев Я.А. Культовые места XIX – нач. XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и культуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 35–53; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. 338 с.; Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Томск, 2014. 224 с.

решениям вопросов их этнической истории и описаниям культуры и традиционного мировоззрения» (в русле направления «конкретного историзма»).

Шаманские предания.

В отличие от исторических преданий, шаманские предания повествуют о состязаниях известных шаманов – «шаманское умение измерить». Среди селькупского фольклорного нарратива есть тексты именно такого плана: «О шаманах Ильтыке и Таме», «Тэнтыйль» (предание) о состязании ненецкого и селькупского шаманов¹ (записи Е.Ю. Рыжовой и Е.А. Хелимского, 1973 г.); «Раньше сильно люди боролись друг с другом»² (запись Г.И. Пелих, 1952 г.).

Как видим, шаманских преданий немного, но такие сюжеты заметны; они легко вычлениваются как из общей массы всего фольклора, так и внутри непосредственно группы преданий.

Былички.

К быличкам следует отнести рассказы, которые посвящены встречам «как бы реальных» людей с духами – объектами верований. Это, прежде всего, тексты, связанные с *маджиль-ло* – «лесным хозяином», *матченд-нейд* – «лесной девкой (хозяйкой)», с *кволи-кожар* – рыбой-мамонтом, а также «чертями» (*лозами*) и покойниками (*лотар*)³. Как правило, героями таких повествований являются «давние знакомые» или даже родственники рассказчика, нередко указываются реальные фамилии и родственные связи: например, «Здесь есть вверху Пычкин – глухой мужик, его отец знался с лесной девушкой»; «наш отец Материковского человека в пыршинской тайге видел»⁴ и т.д. Также характерной чертой данного жанра является наличие фраз: «Старики сказывают, это вправду

¹ Тексты №24 «Ильтык жил, большой шаман. У него бубен был...» (12 фраз, запись Е.Ю. Рыжовой, р. Таз Красноселькуп), № 25 «Шаманское умение измерить так послали с ненецкой стороны (пришли посланники от ненцев), чтобы у Бога спросить: «Бог действительно ли так сказал?...» (61 фраза Е.А. Хелимского от Г.И. Сайготина; запись, р. Таз Красноселькуп). см.: Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Москва, 1993. С. 34–35, 77–80;

² «Раньше сильно люди боролись друг с другом. Поселками воевали, всех убивали. Шаманы боролись по-своему. Раньше сильные шаманы были...» (34 фразы, только по-русски; запись Г.И. Пелих от Ипоковой О.М., р. Чижапка, ю.Вольджи). См.: Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 323–324.

³ Таких текстов в жанре «быличек» достаточно много было записано Г.И. Пелих. См.: Пелих Г.И. Приложение 1 Селькупские сказки // Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 319–359 [о встрече с Лесной хозяйкой (Лешачкой) – тексты №4, 6, 19, 31, 32; с белкой Лесной хозяйки - №20, 29; с Лесным Лозом (Материковым человеком) – №10, 17, 26; с огненным змеем - №11; с Медведем - №12, с покойниками – №14, 15, 23].

⁴ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.336, 340.

было. Это старинная быль»¹. Тексты нередко оформлены в жанре бытового рассказа: кроме характеристики духа, и событий, с ним связанных, все остальные детали подчеркнута реалистичны.

Важно также отметить, что наибольшее число исторических преданий присутствует, прежде всего, у северных селькупов: главным образом, в составе фольклора среднетазовской локальной группы северного диалектного ареала. В количественном отношении лидируется историческое предание о «Старике в заячьей парке» (о борьбе селькупов с ненцами).

Из исторических событий, нашедших отражение в селькупском фольклоре (в рамках жанра исторических преданий), можно упомянуть:

- приход на р. Таз небольшой группы селькупов, из которых выжило «с божьей помощью» только четыре человека с женами;
- основание поселков (юрт) – Иготкиных на р. Обь, Колганак на р. Чижапка;
- борьба селькупов с ненцами (юраками) на новой территории; особенно отмечены коварные методы этой борьбы;
- гибель селькупского князца из-за предательства сына в период укоренения русской администрации на р. Кеть;
- наведение мира между враждующими лево- и правобережными группами селькупов на р. Обь в районе юрт Иванкиных.

Фольклорный облик историческим преданиям придают вплетенные в текст повествования мифологемы: дарование Богом изобилия новопоселенцам (обилие рыбы / бочонок золота); спрятанное золото, которое исчезает при прикосновении к нему кладоискателей; угроза возвращения большой вражды в случае, если кто-то начнет копать могилу князца).

Наличие в селькупском фольклоре шаманских преданий говорит, прежде всего, о том, что в реальной культовой практике селькупов имели место состязания шаманов в своей магической силе. Наибольшее превосходство имела та группа, у которой был более сильный шаман.

¹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов, 1972. С. 335.

Рассказы-былички как вариант преданий подчеркивают, что к объектам своего мифологического пантеона селькупы относились с большой долей веры в их реальное существование и всегда были готовы к встрече с представителями мира богов и духов. В таких рассказах обычно весьма подробно описывается порядок действий для человека, чтобы слушатель запомнил, как надо себя вести, дабы не обидеть духа и соблюсти при этом свои человеческие интересы. Общение между духом и человеком во время подобных встреч нередко выглядит как состязание между ними, что составляет суть сюжета быличек.

4. Песни – *lerla*

Песенный материал селькупов также оказался весьма многообразным и неоднородным. В его составе предлагается выделять следующие подвиды песен: 1. Богатырские сказания. 2. Шаманские песни (песенный речетатив во время камланий). 3. Индивидуальные песни-молитвы (обращения к духам). 4. Личные песни. 5. Песни-импровизации. 6. Частушки.

Богатырские (героические) песни (сказания). Так как эти сказания существовали и в виде песен, и в виде прозаических рассказов, то они попадают в оба раздела; см. их выделение отдельной позицией в начале данной классификации.

Шаманские песни. Их исполнение неразрывно связано с «чародейственным богослужением». Они рождаются непосредственно во время церемонии камлания и представляют собой «импровизации на заданную тему». Именно такого мнения был о них К. Доннер, считавший, что «песни шаманов... являются по большей части их собственными произведениями»¹.

Шаманские импровизации имеют ритмическую основу, так как их исполнение обычно сопровождалось либо ударами в бубен, либо подыгрыванием на каком-либо ином музыкальном инструменте (колокольчиках, “скрипке”, “бандурке”). Так, например, А. Кастрен описывал следующий оригинальный музыкальный инструмент, увиденный им у Томских Самоедов: в правой руке шаман держит «палочку», одна сторона которой гладкая, а другая «покрыта

¹ Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997/1997. С. 146

таинственными знаками и фигурами»; «в левой – две стрелы, обращенные острием вверх; к каждому острию привязан небольшой колокольчик. Во все время пения шаман слегка ударяет волшебной палочкой по древкам стрел, и колокольчики звенят в такт»¹.

Вероятно, имелось несколько разновидностей шаманских тем для создания песен-импровизаций, в зависимости от вида и цели камлания. Также вероятно, что имелись и некоторые ключевые фразы-заготовки, направлявшие ход импровизации. Были ли они фиксированными и общими у разных шаманов, или же каждый придумывал свои собственные – вопрос остается открытым, так как слишком мало зафиксировано шаманских песен. Один из таких «напевов» был записан Г.И.Пелих на р.Турухан на магнитофонную ленту; фрагмент этой записи опубликован². Кроме того, шаманские откровения были записаны И.Н. Гемуевым на Кети от сказителя И.Н. Кондукова³, но это не были именно песни, а, вероятно, это была спонтанная речь в состоянии близком к трансу.

Песни-молитвы.

Помимо непосредственно шаманских песен, исполняемых во время камлания, были иные культовые песни-молитвы, которые мог исполнить любой человек, нуждающийся в помощи богов и духов. Эти песни также являлись мелодическими речитативами импровизированного характера. Одна из таких молитв – «обращение к духам местности» – была опубликована Е.Д. Прокофьевой (ее приозносил парабельский селькуп, переехавший в 1930-м г. на Тым): «Я не по своей воли ушел с земли своих отцов. Примите меня в свою семью. Пусть здесь по земле бегающий зверь от меня не убегает. Пусть по небу летающие птицы от меня не уходят. Пусть “хозяин” меня не кружит, не пугает, пусть эта земля мне

¹ Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. С. 267.

² Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 47.

³ Бауло А.В., Тучкова Н.А. Миф о ныряющих птицах, доставших землю, устройстве мира и дороге в мир умерших: фольклорное наследие селькупов Верхней Кети в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г. // Урало-алтайские исследования. Москва, 2017. №1 (24). С. 7–18.

острой не станет». В подкрепление слов охотник приносил приклад – подарок духам¹.

В начале 1990-х гг. в п. Нельмач старик-селькуп А.Г.Соиспаев, чтобы задобрить водяного духа, приносил ему «тапочки из ондатры и лампочку электрическую» и читал молитву-экспромт, суть которого сводилась к фразам-просьбам: «Пошли мне большую рыбу, много рыбы, семью кормить надо, самому есть надо». Мелодически речитатив не выходил за рамки пентатоники, чем сближался с арабскими мотивами (по оценке информанта П.А. Соиспаева, «дед пел как «голос Ислама» по радио»)².

Песни-импровизации. О сочинении в прошлом селькупам песен по типу «что вижу, то пою» помнят многие потомки селькупов. Данные песни являлись спонтанными песнями-констатациями (в них спонтанные слова и фразы констатируют событие, протекающее в настоящем времени)³. Такие песни не имели фиксированного содержания и сочинялись по настроению.

Личные песни. Личную песню мог сочинить любой человек. Такие песни помнились автором и его окружением. Если ее исполнял не сам автор, то всегда указывалось, чья это песня. Так, например, А.И. Кузьминой в 1965 г. на Тазу в Красноселькупе была записана «Песня отца» [Когда я умру, хорошо живите...]⁴. Ее спел А.И. Саргаев (родом из Часельки) от имени своего отца. См. также песни Алексея Танокина в записи И.А. Коробейниковой⁵.

Подробнее о песнях: личных песнях, песнях импровизациях и частушках см.: Тучкова, 2011; Тузакова, Коробейникова, 2015.⁶

Таким образом, представленная авторская классификация жанрового разнообразия селькупского фольклорного материала позволяет выявить

¹ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 94.

² Тучкова Н.А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) // Труды ТГООИАМ. Томск: Изд-во Том. унта, 1996. Т. IX. С. 83.

³ Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М., 2002. С. 273.

⁴ Архив А.И. Кузьминой. IFUU HU. Band 2 Heft 16. С. 357–365; есть магнитофонная запись этой песни.

⁵ Тузакова В.П., Коробейникова И.А. Обские напевы селькупов Нарымского края. Томск, 2015. С. 54–56.

⁶ Тучкова Н.А. Словесно-поэтическое творчество // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 263–269; Тузакова В.П., Коробейникова И.А. Обские напевы селькупов Нарымского края. Томск, 2015. 152 с.

следующие его жанровые особенности: в составе селькупского фольклора наиболее широко был представлен жанр сказки (особенно сказки об одураченном великане/черте и волшебные сказки), а также богатырские сказания, которые до начала XX в. исполнялись как героические песни, а в XX в. стали существовать в виде прозаических пересказов (близких к сказке; они фактически пополнили раздел сказок). Также широко бытовал жанр быличек (о встречах с духами и потусторонними существами). Кроме того, до середины XX в. (пока были живы навыки свободного владения родным селькупским языком) активно бытовали личные песни и песни-импровизации.

Напротив, жанр исторических преданий, который по оценкам фольклористов является самым удобным для исторических изысканий, в селькупском фольклоре широко развит не был. Приходится констатировать отсутствие количественно репрезентативных, сюжетно разнообразных и качественно и надежно записанных на языке оригинала текстов исторических преданий. Этот факт осложняет проведение прямых исторических исследований на селькупском фольклорном материале. При этом следует отметить пусть и малое, но всё же наличие исторических преданий в составе фольклора среднетазовской локальной группы (СДА), в фольклоре сюссыкумов р. Кети (ЮДА) и на Оби (Иванкино).

Классификация сюжетов селькупских сказок

А. Кастрен, характеризуя сказочную традицию остяко-самоедов, писал, что «большая часть их сказок, более или менее заимствованная от других народов. По крайней мере в Томской губернии я не нашел ни одной, совершенно туземного происхождения; только некоторые сказки северных Самоедов имеют, кажется, свой собственный характер. Я не привожу однакож образцов этого рода словесности, потому что это завлекло бы меня слишком далеко»¹. Конечно, очень жаль, что А. Кастрен не сосредоточил свои усилия на фольклорных сборах; однако в данном высказывании не менее важно другое: ему даже при

¹ Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. С. 305.

поверхностном прикосновении к селькупскому фольклору буквально бросилось в глаза такое качество как «повторяемость», т.е. наличие мотивов и сюжетов, схожих с таковыми у других народов. Видимо, А. Кастрен был сторонником теории заимствований и именно поэтому оценил селькупские сказки как заимствованные.

Другой финский исследователь – К. Доннер, который слышал исполнение песен и сказок у самоедов Кети и Тыма, также считал, что их сюжеты заимствованы ими у тюрков: «Я записал большое число героических поэм и саг, но они все оказались заимствованными у татар, как и само слово *мадур*, которое в них встречается»¹. К сожалению, записи К. Доннера «большого числа героических поэм и саг» практически не известны исследователям², кроме «Самоедского эпоса», о котором речь пойдет ниже.

Поставив практическую задачу – классификацию сюжетов селькупского фольклорного (сказочного) материала – было выявлено, что нет специальных указателей по сказкам народов Сибири, хотя неоднократно были предприняты попытки классифицировать сибирский фольклор в рамках отдельных этнических традиций (например, СЯС – Сюжеты якутских сказок³). Как весьма успешный можно оценить опыт классификации ненецкого фольклора Е.Т. Пушкаревой⁴, но он же и очень показателен: для образцов ненецкого фольклора на основе определенных критериев соответствия подбирался номер по каталогу AaTh и все сказки классифицировались в соответствии с этим указателем. Тем самым ненецкий фольклор оказался «вписан» в мировое фольклорное пространство, но следует заметить, что в какой-то степени он там и «затерялся». Был выявлен, прежде всего, фонд сюжетов, схожих с сюжетами иных этнических фольклорных традиций (прежде всего, североевропейской, на основе которой и составлялся в свое время указатель AaTh), и выявлялись сюжеты-эндемики (т.е. сюжеты, не находившие аналогов в каталоге AaTh).

¹ Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С.145-146

² Публикацией и лингвистическим анализом фольклорного наследия К. Доннера занимается Я. Алатало.

³ Эргис Г. У. Сюжеты якутских сказок // Якутские сказки в 2-х томах. Т. 2. Якутск. 1967. С. 176-239.

⁴ Пушкарева Е. Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. Москва: «Мысль», 2003. 286 с.

В рамках данного направления следуют многие авторы: работа по составлению указателя сюжетов нередко строится, прежде всего, на поиске соответствия и выявлении номера по каталогу АТУ или СУС. См., например, публикации И.С. Надбитовой (2011)¹, Гороховой А.И., Андросовой Ф.С.(2016)², Матвеевой Р.П. (2011)³ и др. В ряде томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» также в комментариях к текстам в некоторых случаях определялся сюжетный тип по каталогу АТУ. Главной целью в таких исследованиях становится задача выявления универсальных сюжетов, присущих сказкам многих других народов мира, и происходит очерчивание круга «локальных сюжетов», бытующих только в данной конкретной фольклорной традиции.

Если же отвлечься от задачи «подобрать» номер по каталогу АТУ или по СУС (хотя такая задача, безусловно, важная, но в силу ее чрезвычайной трудоемкости она представляется как особая / самостоятельная задача), и сконцентрировать усилия по выявлению характерных признаков, которыми отличается именно селькупский фольклор, то работа будет похожа на составление некоей селькупской «палитры» сюжетов, (даже если каждый из выявленных как «селькупский» сюжет будет отмечен также у хантов, ненцев, кетов или нганасан, или же возможно, имеет сходство с сюжетом восточных славян или народами романской или германской группы), т.е. сюжеты могут быть и широко известными, но специфичным – селькупским – будет именно их набор.

Еще более важной казалась задача обрисовать ареалы распространения разных сюжетов внутри селькупского этнического сообщества. Поэтому работа над составлением указателя сводилась к поиску всех возможных сюжетов и сюжетных линий (мотивов) во всех локусах селькупского этноса, и далее сюжеты

¹ Надбитова И. С. Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. №1. С. 188–192.

² Горохова А. И., Андросова Ф. С. Типология сюжетов эвенских и эскимосских волшебных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2016. №10 (64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 89–90.

³ Матвеева Р. П. Народные русские сказки Приангарья: локальная традиция // Вестник бурятского государственного университета. 2011. №10. С. 209–214.

сравнивались между собой (а не с сюжетами (сюжетными типами) различных указателей).

Даже на самом раннем этапе освоения в исследовательских целях селькупского фольклорного фонда (нарратива)¹ было заметно, что сюжетные составы сказок у разных групп селькупов не совпадают; у каждой подгруппы свои наборы сюжетов. При этом некоторые сюжеты могли быть известны в двух территориально близких селькупских локусах (т.е. ареалы распространения сюжетов в некоторой степени пересекаются), но лишь очень малое количество сюжетов имеют всеселькупское распространение.

Также было ясно, что есть некие типичные (базовые) сюжеты, которые неоднократно фиксировались исследователями в полевых условиях от разных информантов, и есть редкие сюжеты, запись которых осуществлена не более чем единожды.

На определенном этапе работы со всем массивом фольклорного наследия селькупов стало очевидно, что продвигаться в классифицировании сюжетов, оперируя всеми выявленными текстами, весьма сложно. Было принято решение отобрать для анализа некую репрезентативную группу фольклорных текстов, распространенную во всех локусах селькупского этнического континуума и сконцентрировать именно на ней все аналитические усилия. Такой группой оказалась подборка текстов с единым героем Итей² и его антагонистом – великаном-людоедом (см. Приложение Г «Фольклор селькупов» Часть 1 (ТW)³.

Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре: сюжеты и сюжетные группы (Указатель сюжетов Итя-текстов)

Северный диалектный ареал селькупов и южный представлены почти одинаковым количеством опубликованных текстов с героем Итя: 24 текста с

¹Первоначальная сборка различных публикаций с текстами селькупского фольклора была сделана при работе над энциклопедией «Мифология селькупов» (2004); затем работа была продолжена в рамках составления собрания селькупского фольклора в рамках серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (работа пока не завершена); следующий этап – публикация сборника селькупских фольклорных текстов с героем Итя «Семи богов мудростью обладающий Итте...» (Тучкова, Вагнер-Надь, 2015).

²Имя героя имеет многочисленные диалектные варианты в селькупском языке: Итя, Иде (Обь (Ив.), Ича (Таз), Ичыча, Ичеычека (Турухан), Итте (Кеть), Идже (Тым), Идже-кажа (Нарым).

³Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. Тексты с героем Итя. Томск, 2015. Нумерация текстов в сборнике и в Приложении Г, Часть 1 совпадает.

«севера» и 32 записи с селькупского «юга». Однако для «севера» существует еще как минимум 20 неопубликованных Итя-текстов, тогда как на селькупском «юге» известно только о 3-х неопубликованных текстах¹. Центральный диалектный ареал («центр»): 7 опубликованных ед.; 5 неопубликованных: всего 12 ед.

Результаты проведенной классификации селькупских сказок с героем Итей (выявленные сюжеты и сюжетные группы) сведены в таблицу, которая и представляет собой собственно «Указатель сюжетов к текстам с героем Итя» (см. Приложение Б, 4)². Каждому сюжету (их выявлено всего 22) присвоен порядковый номер. Некоторые сюжеты имеют по 2-4 варианта, которые также пронумерованы (присвоенная нумерация указана в графе «шифр»: например, С-1 В-2 – Сюжет 1 Вариант 2).

Как известно, в указателях типа АТУ основной единицей описания является сюжет, который разлагается на отдельные сюжетные «ходы» или иначе – «мотивы» сюжета. При этом приоритет при классификации фольклорного нарратива, характеризующего конкретную национальную фольклорную традицию, остается именно за сюжетом, тогда как для статистической обработки большого объема фольклорного материала разных народов и для этносравнительных исследований гораздо большую роль играют мотивы. В ходе работы над составлением указателя значительная часть текстов была разобрана на мотивы (мотивы-эпизоды), которые оценивались как «структурные элементы» или «структурные компоненты» сюжета. Фрагментации были подвергнуты, прежде всего, самые часто фиксируемые сюжеты 1-й сюжетной группы «Мальчик, победивший людоеда» (опыт фрагментации Итя-текстов см. Тучкова (2016)³.

¹ Для «севера» – это неопубликованные фольклорные тексты Л.А. Варковицкой (сборы 1941 г.) и О.А. Казакевич (сборы 2000-х гг.), для «юга» – это записи К. Папай (1888 г.) и значительная по объему и качеству записи сказка из архива К. Доннера с Кети (1912 г.); для «центрального» ареала – это также записи К. Доннера (4 текста – 1912 г. фиксации) и 1 текст Р. Ураева. См. Приложение Б, 4 (графа – Неопубликованные).

² На хантыйском материале классифицировать сюжеты с героями Эвсики и Альвали (аналог Ити и Пюнегуссе) пыталась А.А. Ким (см. Ким, 2015 . С. 124, 134-135); также выявляла и классифицировала подобные сюжеты у ненцев Е.Т. Пушкарёва (Пушкарёва, 2003. С. 22, 47); в каталоге Ю.Е. Берёзкина есть мотив «липкая ловушка», под данной рубрикой приведены фольклорные эпизоды от разных сибирских (североазиатских) и американских этносов, почти все они сопоставимы с сюжетами об Ите (селькупские примеры там присутствуют).

³ Тучкова Н. А. «Мальчик, победивший людоеда»: базовые сюжеты с героем Итя в селькупском фольклоре // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2016. Вып. 4 (14). С. 135–158.

Однако работа по вычленению мотивов в каждом сюжете показалась в дальнейшем избыточной для классификации самих сюжетов, хотя в целом такую работу «зря проделанной» назвать сложно: тексты сказок, после того, как было выявлено, из каких «кубиков»-мотивов сложен каждый сюжет, стали выглядеть «как обглоданное мышами тело Ичи», т.е. была вскрыта структура каждого сюжета.

Разбор и классифицирование сюжетов выявило: ряд сюжетов тяготеют к объединению в некие сюжетные группы, что позволило сформировать 8 таких групп. Эти группы (помимо сходства сюжетов) характеризовались также проявлением некоей общей жанровой специфики (см. Таблицу 13); стало ясно, что разные группы Итя-текстов имеют разную жанровую окраску:

Таблица 13 – Жанровая специфика сюжетных групп

Сюжетные группы	Жанр
1 Мальчик, победивший Людоеда [герой побеждает антагониста]	«Сказки про одураченного черта / Великана» (по AaTh);
2. Итя и Бабушка [сюжеты, где только два действующих лица]	бытовые сказки (или нравоучительные истории);
3. Итя находит невесту [сюжеты с активной невестой (героем-помощником)]	волшебные сказки
4. Итя сватается к статусному тестю	бытовые сказки (анекдотические истории)
5. Итя обманом наказывает за жадность [антагонист в образе социального злодея (царь, начальник)]	бытовые сказки
6. Итя в гостях у Духа/Бога передает просьбы людей [сюжеты без борьбы с антагонистом]	волшебные сказки
7. Итя борется с необычным противником гигантского размера	волшебные (героические?) сказки;
8. Сюжеты с тремя героями: Иде, Кана и Кольгоссе [три почти равнозначных героя]	бытовые (или волшебные?) сказки

Анализ сюжетного состава этих групп позволил выявить некоторые специфические черты, характеризующие каждую из них:

Сюжетная группа 1: «Мальчик, победивший Людоеда» (Сюжеты №1, 2, 3, 4 со всеми вариантами). В ней можно выделить следующие общие моменты, характерные для всех текстов, включенных в нее (это 28 текстов – почти половина из всего собрания Итя-текстов). Таковыми являются:

1. Наличие двух основных героев: Итя и его антагонист (Людоед / Лоз-ира), и одного героя-помощника – бабушка (мать/тётка) Ити.

2. Суть сюжетов – непримиримая борьба героя и его противника, которая заканчивается смертью антагониста (или убедительной победой над ним).

3. У всех трех сюжетов этой группы (однако не во всех вариантах, а только в вариантах: С-1, В-2; С-2, В-1; С-3, В-1) есть общий (фактически идентичный) компонент (мотив) – «Предостережение героя об опасности», т.е. наличие запрета плавать в то место, где живет Людоед, мотивированный матерью/бабушкой присутствием там одноглазых (косоглазых) карасей и уток. В других вариантах и подвариантах (напримр, С-2, В-2 (А,Б)) также присутствует этот компонент, однако он выражен иначе (без яркого образа косоглазых карасей и уток). Именно этот мотив, а также характерный для первого сюжета (для всех его 4-х вариантов) эпизод с ловушкой, в которую попадает герой (или антагонист), как некие общие звенья в «цепи ДНК», переплетают эти сюжеты между собой, делая их, помимо темы борьбы основных героев друг с другом, ощутимо похожими.

Сюжетная группа 2: «Итя и Бабушка» (Сюжеты №5, 6, 7).

1. В текстах второй сюжетной группы всего два персонажа: Итя и его Бабушка.

2. Бабушка присутствует почти во всех Итя-текстах, но она везде – «герой второго плана», и только в этих текстах (в рамках трех выявленных сюжетов) бабушка выступает не как герой-помощник, а как второй главный герой.

3. Эти сюжеты в жанровом отношении ближе к нравоучительной (или анекдотической) истории, чем к сказке.

4. Эти истории не вплетались как компоненты (фрагменты) в иные Итя-сюжеты. Практически во всех случаях они записаны как самостоятельные фольклорные произведения.

5. Ареал бытования: североселькупский и центральный (чумылкупский), а также в зоне контакта центрального и южного ареалов –

в Иванкино на Оби; такие сюжеты не были отмечены в южном ареале: на Кети и на Оби выше Колпашево.

Сюжетная группа 3: «Итя женится на дочке Лоза (черта), с ее помощью борется с ним /убегает от него» (Сюжеты №8, 9).

1. Тексты с активной невестой/женой относятся к редким сюжетам. Таких текстов всего 7 (из 60; из них – 4 неопубл.)

2. Локальный ареал распространения этих сюжетов точечный и некомпактный: север(Таз), Обь (Иванкино) и Верхняя Кеть (ю.Марковы).

3. Отмечена контаминация этих сюжетов с одной стороны – с типичными (базовыми) Итя-сюжетами (сюжет №1: вариант 2 «Итя попадает в ловушку Людоеда; Людоед приносит его домой» и вариант 3 «Итя ловит противника в ловушку-расщелину»), с другой стороны, с сюжетами, не входящими в круг Итя-сюжетов, в которых герой (с братьями или спутниками) борется со стариком из глубокой ямы (из Нижнего мира), а потом женится на его дочери. Такие сюжеты нередко завершаются весомым эпилогом, несущим важную информацию для селькупской культуры, а именно: в нем присутствует землеустроительный мотив или мотив об организации культового места, или мотив об организации социума.

С большой долей вероятности можно сделать принципиальный вывод, что изначально анализируемые сюжеты этой группы не относились к сюжетам с героем Итя. Об этом говорит и неустойчивое использование имени главного героя в таких текстах – Йомпа, Маркынча. Замена имени на имя Итя привела к расширению сюжетного репертуара Итя-сказок. Последний факт демонстрирует, что в селькупской фольклорной традиции имел место процесс циклизации сюжетов с героем Итя (т.е. создание цикла с одним героем), который не был завершен к середине XX в. – моменту фиксации основного собрания Итя-сказок.

Сюжетная группа 4: «Герой сватается к статусному тестю» (Сюжеты № 10, 11).

1. Такие сюжеты бытовали только в североселькупском регионе. У южных селькупов они не известны.

2. В них нет антагониста: Ича ни с кем не борется (но условно противостоит всем иным женихам и отцу невесты).

3. В Сюжете №10 Ича использует обман, применяя такой вариант обмана как шантаж. В Сюжете №11 никакого обмана нет во время сватовства: он просто выполняет условие отца невесты (рассмешить его).

Сюжетная группа 5: «Итя – устроитель социальной справедливости (обманом наказывает за жадность)» (Сюжеты №12, 13).

1. Итя беден – бедный труженик. Это подчеркивается.

2. Итя живёт рядом с городом. Такой пролог можно назвать типичным для этих сюжетов.

3. Антагонист в образе социального злодея: некий «начальник» (князь, царь, губернатор)

4. Это только северные тексты (наибольшее число записей – в Туруханском ареале (Фарково, Туруханск). На юге – ни одного эпизода, кроме эпизода про «Старика и 5 братьев» с р. Кеть (текст №59).

5. Бабушка – активный персонаж: она – помощник при выполнении трюков.

6. Акцент на феномене жадности. Весь обман выглядит как наказание за жадность. Жадность предстает как один из худших пороков.

7. Фиксация многократная этого сюжета именно в 1920-е, затем в 1950-е и 1970-е гг. весьма показательна: именно в эти периоды вопросы социального (экономического) неравенства были активно востребованной темой в художественных произведениях.

Сюжетная группа 6: «Итя в гостях у Духа(Бога) и передает просьбы/помогает» (Сюжеты №14, 15, 16, 17, 18).

1. Четко выдержана схема, характерная для всей группы: Итя сначала встречается с неким мифологическим существом, затем оказывается у него в жилище в гостях (в двух из 4 текстов упомянуто об угощении), затем выясняется, что от Ити требуется какая-то помощь, и он соглашается ее оказать; далее он выполняет просьбу, но не всегда должным образом: шерсть, творящую зверей, он

раскидывает как попало, когти птице умышленно трижды привязывает плохо и т.п.

2. Все эти сюжеты – редкие сюжеты. Все записаны только по одному разу.

3. Три сюжета из семи – записаны на Кети (текст о встрече со Стариком в семь сажений и два текста Доннера: про семейство Лесного Духа и про Рыбу и Птицу); текст о Великанах – тазовский; путешествие желудка Ити к Богу – записан на Чае; полет на черкане под бабушкину песню – Обь (Иванкино), т.е. зона контакта южного и центрального ареалов.

4. Итя (герой) подчеркнуто маленький, и не только относительно того, с кем общается по сюжету, будь то Старик-Массу или Великаны-Пюнегуссе, в семье которых он живёт, но и в целом в тексте есть некоторые отсылки-указания на маленький размер Ити или его маленький (не очень сознательный) возраст.

5. В сюжетах присутствуют существа иного мира: Старик-Массу, Лесной дух и его семейство – семь сыновей и три дочери; гигантская Птица-пожиратель и огромная Рыба, могущая поднять своим рогом землю. Эти тексты самые информативные на предмет выявления персонажей мира фантазии /или мира потустороннего для реконструкции селькупской мифологической картины мира.

6. В этих текстах присутствуют детали, характеризующие жизнь и быт существ мира духов, что редко встречается в текстах других сюжетных групп: дорога в иной мир, нравы и гостеприимство духа, описания его жилища и еды, приготовленной им волшебным образом, акт творения животных и т.п. И даже в тексте про семейство Пюнегуссе есть лаконичные зарисовки быта великанов: предметы их рыболовства, детали одежды (рукавички), жилище-чум, способ охоты на дикого оленя и т.п. Эти тексты весьма ценны для исследований мифологии селькупов, так как все эти образы – герои их мифологического пантеона.

Сюжетная группа 7: «Итя борется с необычным противником гигантского размера» (Сюжеты № 19, 20).

1. У этой группы сюжетов есть характерный пролог: «Одиночество героя». «Герой-сирота» живет в безлюдном месте и страдает от одиночества. Даже если

он живёт с бабушкой, как и во всех других Итя-текстах, в этих сюжетах он чувствует своё одиночество и отправляется искать «своих».

2. Итя ищет своё «человеческое» окружение, но как позже выясняется, его «люди» – это братья Массу (духи) и сёстры-Пачьянгне (лесные старухи-ведьмы). Упоминаемый в одном из текстов дедушка Ити – обладатель волшебной стрелы и сильного идола, бабушка – повелевает рыбками .

3. Во всех этих сюжетах есть мотив-эпизод с описанием пути героя в суровую и далекую землю: долгая дорога на север.

4. Редкие сюжеты. Практически все записаны только по одному разу.

5. Ареал распространения: р.Таз, Турухан и р.Кеть.

6. Образ антагониста в этой группе четок: невероятное существо гигантского размера (Рыба-Отец-Рыба-Мать; Лозы-пожиратели людей; Йерети-людоеды).

7. В этих текстах есть детальные описания битв героя с монстром (монстрами).

8. Никаких отсылок к маленькому размеру Ити. Наоборот, Итя – мужчина, воин, настоящий герой. Он идет спасать от верной гибели встреченных им людей, которых соплеменники приготовили отдать в жертву монстру.

9. Во всех этих текстах есть описание оружия героя (оно разное в разных текстах: «отказ», который рубит, и даже стреляет огнем; топор; заостренные ёлки).

10. Все события, происходящие в этих сюжетах, зимние.

11. В 3-х из 6 текстов этой сюжетной группы основные события происходят у водоёма: монстры лезут из проруби.

12. Победа не наступает, пока Итя не обращается к идолам (духам) за помощью. Только при их поддержке герой побеждает монстра.

Сюжетная группа 8: «Иде, Кана и сын Кольгоссе» (Сюжеты №21, 22).

1. В текстах данной сюжетной группы упоминается достаточно много героев (помимо Иде и его бабушки, есть князь Кольгоссе и его сыновья – Кана и Кольгоссе-И, т.е. сын Кольгоссе; волшебные «мужики», которые глотают

камни/яица; голос (дух?), который угощает Иде волшебным способом; жена Иде, появившаяся из сундука, подаренного духом), т.е. эти сюжеты буквально наполнены персонажами.

2. Нет антагониста совсем или он не ярко выражен. Персонаж, который приносит беду – Кана – первоначально является не противником Иде, а его другом. Его обижают, и он из нейтральной персоны становится противником, т.е. Иде вызывает его гнев на себя. Однако такой антагонист не несет глобальной угрозы.

3. Причина обиды: нарушение соционормативного правила, по которому младший брат не должен жениться раньше старшего.

4. Тем не менее, некий элемент глобальной угрозы в текстах этой группы присутствует: «волшебные мужики»? разрушают город князя Кольгоссе, но потом делают его снова прежним.

5. В этих текстах есть особые детали, не встречаемые в сюжетах других групп: летающие лыжи, подбитые шкурой лебедя; камни/яица, которые глотают?, и из-за которых Колгоссе-и превращается в камень.

6. Иде не физически борется с противником, а придумывает свой способ, как расколдовать Колгоссе-и. Он создает некую «технологию», описываемую в сюжете, и этот «новый способ» позволяет ему добиться положительного результата.

Подводя итоги, можно сказать, что почти во всех выявленных сюжетных группах с героем Итя драматическим стержнем повествования выступает его борьба-противоборство с кем-либо, но борьба в каждой подгруппе выглядит по-особому:

В 1-й сюжетной группе он борется скорее хитростью и обманом, чем силой. Сначала он проявляет неосмотрительность (попадает в ловушку) или неуважительность и мошенничество (ворует рыбу), затем, оказавшись в плену (фактически в безвыходном положении), он не сдается и побеждает врага – Лоза-Старика /Великана-людоеда. Главная мысль: никогда нельзя сдаваться. Какой бы безнадежной не выглядела ситуация, каким бы грозным и огромным не казался

противник, надо бороться (при этом хитрость здесь одно из основных орудий борьбы). Также нужно стараться использовать слабые места противника (его глупость, неповоротливость и т.п.). Идейная схема, характеризующая эти сюжеты, это образ «лягушонка, который торчит из клюва цапли, и сам же эту цаплю держит за шею, стараясь её задушить» / или «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

В 3-й сюжетной группе Итя не столько борется, сколько убегает от противника, и победа достигается с помощью волшебных качеств невесты – селькупской «Василисы Премудрой». В 8-й сюжетной группе Итя придумывает свой особый «энергоёмкий» способ волшебства, также следуя за подсказками своей необычной жены, подаренной ему в ларце.

В 7-й сюжетной группе Итя борется по-настоящему (т.е. физически). В этих текстах он не мальчик, а мужчина. Он многократно пытается достигнуть победы своей силой. В ходе борьбы он применяет оружие или орудия. Однако побеждает он только тогда, когда обращается за помощью к идолам. Главная мысль: без идола (т.е. без помощи потусторонних сил) врага не победить.

В 4-й и 5-й сюжетных группах – Итя обманывает. Шантаж, трюкачество – вот главные его действия, с помощью которых он добивается победы над противником. В этих сюжетах акцентируется некая «бедность» Ити по отношению к тем «богатым», кого он обманывает. Противник из мира мифологического перемещен в мир социальный. Итя в этих текстах – классический трикстер.

Во 2-й сюжетной группе Итя противостоит (непослушанием) своей мудрой бабушке, и в результате неких воспитательных действий усваивает её уроки.

Только в одной сюжетной группе – в 6-й – Итя не борется, у него иная роль, он – медиатор – посредник между мирами. Он общается, старается помочь всем, кто просит его о помощи.

Таким образом, рассмотрев все сюжеты и сюжетные группы, мы можем представить в целостном виде всю «палитру» сюжетов Итя-текстов, которая весьма разнообразна и уникальна по своему составу, хотя, возможно, некоторая

часть этих сюжетов (но, вероятнее всего, лишь отдельные мотивы) есть в составе фольклорного наследия иных народов.

Хронологическое распределение сюжетов и их популярность в разное время

Фольклористами неоднократно отмечался тот факт, что одни сюжеты являются очень популярными и фиксируются исследователями многократно, тогда как другие сюжеты были и остаются редкими. Так, например, при анализе этого вопроса на материале русской волшебной сказки, проведенного А.В. Козьминым на основе «Сравнительного указателя сюжетов» (СУС) было выявлено, что «при общей цифре в 3432 записи волшебных сказок, первые 10 наиболее популярных сюжетов охватывают 800, первые 20–1298 записей, 30 наиболее популярных сюжетов покрывают 1736 записей, т.е. больше половины всех записей сюжетов»¹.

Подобная этой ситуация характерна для любой национальной фольклорной традиции. Соответственно, представляется любопытным вопросом, посмотреть, что мы имеем на этот счет на селькупском сказочном материале. Каким является популярное ядро и менее популярная периферия их сказочного собрания. Однако так как анализу подвергается не весь фольклорный фонд селькупов, а только его часть – тексты с героем Итя, то мы можем рассматривать выводы, полученные при анализе данного корпуса текстов, исключительно как предварительные.

Хронология фольклорных записей Итя-текстов с акцентом именно на периодах полевых сборов и количестве собранных текстов в каждый период представлена в таблице 14. Данные, представленные в ней, показывают, что сами сборы проводились крайне неравномерно как относительно разных отрезков времени, так и по территории расселения селькупов:

¹Козьмин А.В. Популярность сказочных сюжетов // Проблемы структурно-семантических указателей. М.: РГГУ, 2006. С.156 -157.

Таблица 14 – Хронология фиксации Итя-текстов

Южный диалектный ареал	Центральный диалектный ареал	Северный диалектный ареал
XIX в. Григоровский Н.П. 1870 (текст №14) Папай К. 1888 (2 текста)	XIX в.	XIX в.
пер.пол. XX в. Доннер К. 1912 (текст №60); ДоАл (5)	пер.пол. XX в. ДоАл (1,2,3,4)	пер.пол. XX в. Прокофьев Г.Н. 927 (тексты №1,37) Варковицкая Л.А. 1941 (11 текстов)
1950-е гг.	1950-е гг.	1950-е гг. Лехтисало Т. 1957 (№28)
1960-е гг. Пелих Г.И. 1963 (текст №5) Кузьмина А.И. 1964 (№11,15,46, 50, 52) 1967 (№8,9,10,18,19,34,45)	1960-е гг. Szabo L. 1960 (текст №7) Кузьмина 1964 (текст №47)	1960-е гг. Кузьмина 1965 (№40, 54, 55)
1970-е гг. Воеводина Н.М. 1970-е (тексты №21, 59) Гемуев И.Н. 1978 (текст №53)	1970-е гг. Быконя (текст №26)	1970-е гг. Хелимский, Кобзарева 1971 (текст №2) Иоффе 1973 (тексты №3,29,30,35,41) Кузьмина А.И. 1976 (№13,57) Кузьмина А.И. 1977 (№58) Хелимский Е.А. 1977 (№4, 31,38, 39, 42)
1980-е гг. Гемуев И.Н. 1980 (тексты №6, 36, 51) Ким А.А., Максимова Н.П., 1980-1981 (тексты №20, 22, 23, 25, 33, 44)	1980-е гг. Максимова Н.П., Ильяшенко И.А., 1983 (тексты №16, 24, 43)	1980-е гг.
1990-е гг.	1990-е гг. Коробейникова И.А. 1992 (текст №12)	1990-е гг.
2000-е гг.	2000-е гг.	1999, 2002, 2013 гг. Казакевич (15 Итя-текстов)

Четко видны пики сборов, и они не совпадают для селькупского «юга» и «севера».

В южном диалектном ареале основной период наибольшего числа поездок, и соответственно, количество фольклорных сборов – это 1960-е гг. (1963, 1964 и 1967 гг.), и «вторая волна» – это начало 1980-х гг. (1980–1981).

Для северного ареала – это 1941 год (сборы Л.А. Варковицкой) и «вторая волна» – 1970-е гг. (1971, 1973, 1976 и 1977 г.). Также явственно видна «третья волна» сборов на селькупском севере – это деятельность О.А. Казакевич в 2000-е гг. Однако, если после поездок 1970-х гг. большинство записанных фольклорных материалов (в том числе и Итя-сказок) оказались опубликованными к началу 1990-х г.¹, то записи О.А. Казакевич пока в массе своей не опубликованы.

Не менее отчетливо видно и угасание собирательской деятельности, что отражает угасание самой фольклорной традиции на селькупском юге, а это, в свою очередь, объясняется утратой навыков говорения на селькупском языке потомками селькупов в Томской области к концу XX в. При этом перехода процесса рассказывания (воспроизведения) селькупских сюжетов с селькупского на русский язык не произошло.

Выявленные «всплески» исследовательского интереса к сбору полевого материала у селькупов связаны практически исключительно с «вызреванием» самих исследователей (лингвистов и этнографов) и формированием у них актуального для них самих круга научных интересов, который и направлял их экспедиционную деятельность. Никогда эти сборы не носили узко фольклорный характер, т.е. никогда сбор фольклорного материала не ставился главной задачей при фиксации. В основном записи (особенно качественные записи на селькупском языке) удалось сделать только лингвистам, а их исследовательские цели, как известно, сконцентрированы на иных задачах, нежели задачи фольклористики; фиксация фольклорных текстов была важным, но не основным видом их сборов.

Вернемся к вопросу о популярности сюжетов. Даже без всевозможной компьютерной обработки материала четко видно, что тексты, отнесенные к сюжету №1 «Итя попадает в ловушку людоеда, потом варит в котле его дочерей и убивает его самого» и сюжету №2 «Итя попадает в живот Людоеда и с помощью ножа выходит наружу» (из сюжетной группы «Мальчик, победивший Людоеда») значительно преобладают относительно всех других текстов, входящих в этот

¹ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. Москва, 1993. С. 8–88.

корпус, и в целом составляют 30 текстов, от всего собрания в 82 текста (60ед. (+22 неопубл.)¹, т.е. они составляют около половины всего собрания.

На селькупском «севере» преобладает по числу записей соответствующий *Варианты 1 и 3 Сюжета №1* (7 записей на Тазу и 3 записи на Турухане, и одна на Баихе) – всего 11 записей.

На селькупском «юге» относительно высокие количественные показатели демонстрирует южный *Вариант 2* этого же сюжета №1 (7 записей) и васюганско-тымский *Вариант 4* (3 записи); также «югу» добавляют статистических данных неоднократные записи Сюжета 2, Вариант 2 «Один дома» (5 записей). Всего на юге эти два сюжета фиксировались 15 раз.

Таким образом, эти два сюжета без всяких сомнений можно отнести к тому, что называют «популярное ядро» в рамках бытования текстов с героем Итя. Однако, так как Итя-тексты превалируют в количественном отношении над всеми остальными записями фольклорных произведений селькупов, то можно достаточно с большим основанием считать, что они составляют «популярное ядро» всего селькупского фольклора.

Причем, если сравнивать эти два сюжета по популярности между собой, то сюжет №1 будет явно на лидирующей позиции: 21 фиксации против 9. (См. «СУ текстов с героем Итя»), таким образом, разница между ними составляет 12 записей.

Третье место в своеобразном рейтинге популярности будет занимать сюжет №12 «Итя наказывает за жадность» – 7 записей (и практически все они (кроме одной) были сделаны на Турухане). При этом, на Турухане данный сюжет выявляется как более популярный, чем сюжет №1 (7 против 3 записей).

На селькупском юге третье место по популярности выявить весьма сложно, так как больше не встречалось сюжетов, записанных исследователями более, чем три раза, т.е. все остальные сюжеты фиксировались от 3-х до 1-й записи: три раза у селькупов юга записан сюжет №21 «Итя со спутниками гонит лося» и сюжет №5 *Вариант 1* «Бабушка учит Итю быть храбрым». Все остальные записи носят

¹ Включая неопубликованные тексты О.А. Казакевич, Л.А. Варковицкой, К. Папай, К. Доннера.

оттенков редких, единичных фиксаций, особенно сюжеты, выявленные на Верхней Кети.

3.2. Этнографический облик культуры селькупов по данным селькупского фольклора

Для реконструкций в области этнической истории на фольклорном материале всегда особую роль играл контекст фольклорных произведений. Исследователям представляется весьма важным, какими бытовыми деталями наполнены фольклорные тексты. Предполагается, что эти детали несут информацию о жизни и быте самих носителей фольклора. При этом, есть вероятность, что тексты разных локальных групп будут иметь не одинаковый набор деталей, характеризующий их культуру. Поэтому выявление такого материала и его анализ может являться отдельной аналитической задачей. Решение этой задачи автор данного исследования проводит с использованием метода корпусной фольклористики.

Корпусная фольклористика и ее возможности для этнографических исследований

Корпусная фольклористика как новое исследовательское направление находится в процессе своего становления¹. Данное направление формируется на базе объёмных текстовых собраний фольклорных произведений разных этнических традиций, созданных в электронном формате. При работе с большим объемом текстовых материалов уже не достаточно просто аналитического аппарата самого исследователя, на помощь приходят автоматизированный поиск и иные аналитические возможности, предоставляемые цифровыми технологиями. Методы корпусной фольклористики на этапе становления данного научного направления почти целиком заимствуются из методов корпусной лингвистики.

Развитие корпусной лингвистики привело к созданию многочисленных специализированных компьютерных аналитических программ², имеющих

¹ Подробнее о развитии корпусной фольклористики см.: Николаев, 2015; Гриневиц, 2015.

² см. Каталог лингвистических программ <http://rvb.ru/soft/catalogue/catalogue.html>

стандартизированную лингвистическую разметку; например, компьютерные лингвистические программы Toolbox, FLEx, ExMeralda, Elan (видео+аудио+разметка текста), Praat (анализ звучащей речи, куда можно вставить разметку текста) и др. Создание подобных программ, приспособленных к работе с собраниями фольклора именно как с фольклорными текстами (а не просто языковым (лингвистическим) материалом) и нацеленных на решение задач фольклористического или этноисторического плана (выделение мотивов внутри сюжета, сбор и анализ выразительных фольклорных средств, или, как в случае данного исследования – выявление этнографических особенностей, содержащихся в фольклорных текстах), находится на стадии разработок в специализированных центрах¹. Однако элементы корпусного подхода и статистические методы, оказывается, вполне возможным использовать уже на данном этапе развития этого направления. При этом очевидно, что самый первый шаг для продвижения любого целевого исследования в рамках данного направления – это создание репрезентативного и хорошо атрибутированного электронного корпуса фольклорных текстов, на базе которого планируется решать иные аналитические задачи.

Наиболее простой исследовательской задачей, которую можно поставить для решения с помощью данного метода, является поиск этнографических деталей в текстах фольклорных произведений. Именно такую задачу автор пыталась решить с использованием данного метода на селькупском фольклорном материале.

Для работы с контекстом селькупских фольклорных произведений автором (совместно с группой соавторов – А.В. Байдак, Н.П. Максимовой, А.А. Ким) был создан электронный корпус фольклорных текстов в 115 ед. Корпус состоит из трёх частей: Часть 1 – «Тексты с героем Итя»²; Часть 2 – «Фольклор [южных] селькупов»¹; Часть 3 – фольклорные тексты, включенные в корпус после 2014 г.²

¹ РГГУ (Центр типологии и семиотики фольклора); Сектор фольклора Института филологии СО РАН и др.

²Выявление текстов с героем Итя из разных источников и набор их на компьютере (селькупского оригинала и русского перевода) осуществлялись автором данного исследования в период с 2005 по 2013 гг. В ходе подготовки текстов к изданию лингвистом (специалистом по самодийским языкам) Б. Вагнер-Надь была проведена

Следует подчеркнуть, что это не первый опыт создания электронного корпуса селькупских фольклорных текстов. Во второй половине 1980-х гг. (фактически на заре компьютерной эры, еще на «большой ЭВМ» (ЕС)) в лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова был создан корпус текстов на среднетазовском и верхнетазовском говорах северных селькупов, записанных в 1970-х гг. в лингвистических экспедициях под руководством А.И. Кузнецовой и её учениками – Е.А. Хелимским, Т.Ю. Кобзаревой, Л.Ю. Иоффе, О.А. Казакевич и др.³ В конце 1980-х к этому корпусу были добавлены тексты на баишенском говоре северных селькупов из архива Л.А. Варковицкой, записанные ею в экспедиции 1941 г.⁴, а также несколько текстов, записанные Г.Н. Прокофьевым в 1925–1928 гг.⁵, копии которых хранились в архиве Л.А. Варковицкой (о фольклорных материалах Л.А. Варковицкой см. Кузнецова, 2004 : 337–340). Тексты были введены в компьютер с рукописных тетрадей силами студентов ОСиПЛ МГУ им. М.В. Ломоносова. В начале 1990-х корпус был перенесен на персональный компьютер и, начиная с 1996 г., регулярно пополнялся селькупскими текстами, записанными в экспедициях, проводившихся под руководством О.А. Казакевич. В основном это тексты на говорах северных селькупов, но несколько текстов было записано на кетском и нарымском диалектах южных селькупов. Все тексты,

работа по унификации записей селькупских текстов (шрифтов и (частично) орфографии). Подборка текстов была издана как фольклорный сборник: см. Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б., 2015.

¹ Сборник «Фольклор селькупов» готовился в рамках проекта «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». О проекте см. (Кузьмина Е.Н., 2017). В работе над этим сборником, кроме автора данного исследования, принимали участие лингвисты-селькуповеды: А.В. Байдак, Н.П. Максимова (выявление селькупских фольклорных текстов из материалов, хранящихся в лаборатории языков народов Сибири (ТГПУ); компьютерный набор селькупских оригиналов); А.А. Ким (транслитерация и перевод с немецкого языка на русский текстов богатырских песен, записанных А. Кастреном); А.И. Кузнецова и О.А. Казакевич готовили к изданию североселькупские фольклорные тексты. В ходе работы по проекту была подготовлена рукопись сборника, представленная в РГНФ (в качестве отчета) и в Институт фольклора СО РАН (Новосибирск). Однако данная работа пока не завершилась изданием. Также пока корпус не размещен в сети Интернет; данный этап работы запланирован.

² Фольклорные тексты, входящие в Часть 3, являются текстами, включенными в корпус после 2014 г., т.е. после того, как Часть 1 и Часть 2 уже были сформированы. Соединить части невозможно, так как это нарушает нумерацию, на которую уже стоят ссылки в научных публикациях.

³ Всего в корпусе было 27 текстов общим объемом более 10 тыс. словоупотреблений. В 1993 г. этот корпус был опубликован, см: (Очерки по селькупскому языку, 1993). Подробное описание этого первого селькупского корпуса и некоторых, выполненных на нем, исследований опубликованы в монографии «Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков» (Казакевич, 1990).

⁴ 94 текста общим объемом более 30 тыс. словоупотреблений.

⁵ 8 текстов общим объемом около 10 тыс. словоупотреблений.

записанные после 1996 г., сопровождаются звуковыми файлами, а после 2002 г. также и видео файлами. Общий объем новой мультимедийной части корпуса более 50 тыс. словоупотреблений. В начале 2010-х гг. в компьютер были введены тексты из архива Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых, хранящиеся в МАЭ РАН и не представленные в архиве Л.А. Варковицкой. Ведется постоянная работа над морфологической разметкой текстов селькупского корпуса. Для морфологического аннотирования используется программа Field Works, синхронизируется видео, аудио и текст с разметкой в программе Elan¹. Записи, сделанные в период с 1920-х по 1970-е гг. – это почти исключительно фольклорные тексты; записи 1996 – 2016 гг. примерно наполовину состоят из фольклорных текстов; вторая половина представлена, в основном, историями жизни и охотничьими рассказами².

Кроме того, начиная с 2010 г. в Гамбургском университете в Институте финноугристики/ уралистики идет работа по созданию селькупского корпуса совместно с корпусами по другим языкам – нганасанскому, энецкому, кетскому и др. (руководитель проекта – Б. Вагнер-Надь). Селькупская часть корпуса создается на основе, прежде всего, языковых материалов А.И. Кузьминой, собиравшей полевые материалы по селькупскому языку в 1960-1970-е гг. В рамках данного корпуса существует и значительный объем фольклорных текстов, который легко вычленяется при необходимости.

Также работа над созданием корпуса селькупских языковых данных (как и других языков Сибири) ведется на кафедре языков народов Сибири ТГПУ с 2000-х гг. в рамках нескольких проектов, руководителем которых является А.Ю. Фильченко, участники селькупской части проектов – С.В. Ковылин, Н.П. Максимова, Ю.В. Курганская, А.В. Байдак³.

¹ Часть текстов с морфологическими глоссами выложена на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru>, созданного в ЛАЛС НИВЦ МГУ (рук. О.А. Казакевич).

² Автор благодарит О.А. Казакевич за предоставленную информацию о деятельности по созданию корпуса селькупских текстов в МГУ.

³ Концепция проекта и пилотная стадия разработки осуществлялись в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы на 2005–2009 годы» Рособразования, проект "Систематизация материалов по языкам Сибири". Проект РФФИ 07-06-00227 «Создание компьютерной базы данных по языкам Обско-Енисейского языкового ареала». Проект РФФИ № 11-06-00371а Основной объем материала 2011 года обработан при поддержке проекта РФФИ № 11-06-00371а "Исследование

Для работы используются программы FLExx и Elan. В составе этого корпуса находятся преимущественно материалы, собранные томскими лингвистами-селькуповедами – А.П. Дульзоном и его учениками: Э.Г. Беккер, В.В. Быконей, Ю.А. Моревым, А.А. Ким-Малони, Н.П. Максимовой и др., а также тексты, записанные в 2000-е гг. в экспедициях. Обработка современных записей ведется в программе Elan, которая позволяет не только размечать текст, но и использовать видео- и аудио-сопровождение. В настоящий момент работа над базой данных продолжается, поэтому доступ к данным ограничен, отдельные тексты с поморфемной разбивкой частично выставлены на сайтах (<http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/>)¹.

Следует подчеркнуть, что все эти электронные корпуса текстов создавались для решения, прежде всего, лингвистических задач (фольклорные тексты являются их составной частью). Массированные этнографические или фольклористические исследования с их помощью пока не проводились (только у О.А. Казакевич есть ряд статей, где она, используя корпус, затрагивала, помимо лингвистических задач, так же и этнокультурные вопросы (см. Казакевич, 1995, 1997, 1999); о создании корпуса – Казакевич, 2016).

Этнографические детали в текстах селькупских фольклорных произведений

При работе с «Селькупским фольклорным корпусом (Тучкова&Байдак и др.)» для выявления этнографических аспектов, извлекаемых из контекста селькупских фольклорных произведений, применялся метод автоматизированного поиска внутри созданного электронного корпуса, являющегося, по сути,

проблем контактного взаимодействия автохтонных языков и культур западной Сибири в условиях языковой ассимиляции с использованием электронной мультимедийной базы данных по исчезающим языкам Сибири". Сведения на сайте <http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/>.

Зарубежный проект А.Ю. Фильченко: "Комплексная документация и описание двух исчезающих языков коренного населения Сибири: архивные материалы и последние носители восточно-хантыйского и южно-селькупского языков". Проект проводился в сотрудничестве ТГПУ и Университета Цюриха (Швейцария), при грантовой поддержке программы фонда Ханс Раузинг "Документация Исчезающих Языков Мира" (Великобритания). Подробнее о проекте: <https://www.tspu.edu.ru/fia/fia-news/13239-nauchnye-razrabotki-v-zhizn-zakonchilsya-sovmestnyj-mezhdunarodnyj-proekt.html>

Автор благодарит Е.А. Крюкову за предоставленную информацию о проектах и сведения о корпусе, созданном в ЛЯНС ТГПУ.

¹ О деятельности сотрудников ЛЯНС ТГПУ по созданию лингвистических корпусов см. публикации: Фильченко, 2010, 2011.

сформированной компьютерной базой данных. Навигация осуществлялась в рамках обычной программы MicrosoftWord, так как специализированные программы, предназначенные для обслуживания нужд корпусной фольклористики, находятся в стадии исследований и разработки¹. Поиск производился по ключевым словам. Выявлялось как общее количество словоупотреблений (в тех случаях, когда это было актуально для цели исследования), так и количество текстов, в которых искомый термин был применен. Например, слово «царь» и его словоформы было использовано 264 раза; данный фольклорный персонаж появляется в 15 текстах из 115.

Поиск производился в основном в рамках русских переводов, однако в некоторых случаях представлялось важным выявить, какой именно селькупский термин был использован в селькупских оригиналах. Так, относительно термина «царь» было установлено, что каждый раз² сказители, воспроизводя сюжеты на селькупском языке, использовали именно селькупский термин – *qōn, qoкили āmtiĭ' qok, амдиқок*; термин «царь» или «князь» появлялось только в русском переводе. Этот нюанс важен (хотя он не является решающим) для формирования мнения автора относительно аутентичности текста (и соответственно – сюжета).

Таким образом, по ключевым словам внутри фольклорных текстов были выявлены эпизоды (фразы), характеризующие хозяйственные занятия героев, объекты материальной культуры (снаряжение охотника, средства передвижения, жилища, утварь, одежда, пища), элементы социальной жизни (гостеприимство, сватовство и свадьба, проводы героя в дальний путь, похороны), царь и царский город, богатыри и битвы). Результаты автоматизированного поиска представлены в виде сводной таблицы (см. Приложение В). Предварительный анализ³ выявленных данных представлен ниже – в данном разделе.

¹Подробнее о зарождении корпусной фольклористики см. Николаев Д.С. «Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке» (2015); Гриневиц А.А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири» // Язык и фольклор коренных народов Сибири. 2015. №1 (28). С. 84–90.

²Только в двух текстах на русском языке при переводе слова *qōn* не был задействован термин «царь», а использовалась селькупская форма: Тексты48,49_TW – сказки о борьбе Ичи и Кона Мытыки.

³Поскольку 115 образцов селькупского фольклора – это далеко не 100 % всего фольклорного наследия селькупов, то выводы, представленные в данном разделе не носят исчерпывающего характера. Каждый новый

Хозяйственные занятия

Этот аспект хорошо выявляется на материале селькупского фольклора. Как правило, в большинстве текстов в первых фразах (зачинах) прежде всего сообщается, каким хозяйственным занятием занимался (-ется) герой (герои).

Охота. Отчетливо видно, что фольклор селькупов всех групп – это фольклор таежных охотников и рыболовов. Однако даже на начальном этапе анализа стали высвечиваться нюансы, характеризующие этнографическую специфику разных локальных ареалов. Контекстное наполнение фольклорных произведений демонстрирует, что для селькупов ЦДА¹ и ЮДА главным промысловым занятием героев является белкование (охота на белку). Поэтому события в текстах этих групп, как правило, зимние. У селькупов СДА значительная доля текстов (особенно из подборки «Текстов с героем Итя») начинается сборами героя на рыбалку и, одновременно, охоту на водоплавающую дичь.

Только в двух северных текстах есть описание охоты (гоньбой) на дикого оленя², и в тексте с Кети есть описание ментальной охоты на оленя³.

Следует отметить, что в фольклорных текстах наблюдается приоритет активных способов охоты над пассивными (почти во всех текстах герой охотится активно), тогда как на практике этнография селькупов демонстрирует некий паритет пассивных и активных способов охоты, или даже есть устойчивое мнение исследователей, что пассивные способы охоты преобладали. Однако и в фольклоре есть упоминания о пассивной охоте: бобров герой по совету своего отца добывал котцами (Чая), глухарей – петлями (Васюган): «Она [дочь героя] с отцом охотиться ходила, зверей добывала. Глухарей тоже добывала она, петли

фольклорный текст, включенный в сформированную базу данных, может внести корректировки в любой из выявленных параметров, а также повлиять на общие выводы.

¹ В данном разделе приняты сокращения для обозначения диалектно-локальных ареалов селькупов: СДА – северный диалектный ареал, ЮДА – южный диалектный ареал, ЦДА – центральный диалектный ареал.

² Текст55_TW Таз; Текст27_TW Турухан

³ Текст37_Кеть (УО).

ставила»¹. Также петлями Итя добыл «зверей» – *кувтаргу* Пюнегуссе («с коровьим следом» и «с лошадиным следом»), а потом петель поймал и самого Пюнегуссе².

Много раз в СДА и ЮДА встречается охота на водоплавающую дичь, главным образом, на уток. Типичным является сочетание: герой пошел рыбачить сетью и одновременно взял лук и стрелы (точнее, как правило, только одну стрелу с тупым наконечником), и подстрелил утку.

Как исключение из правил выглядят охота на лебедей (Кеть) – героя Итю заставил на них охотиться людоед Пюнегуссе; и на бобров (Чая). Такая охота заканчивается чередой испытаний. Данные сюжеты имеют моральный подтекст: на этих существ охотиться нельзя.

Рыболовство. В 20 текстах (от всей подборки фольклора в 115 ед.) основным хозяйственным занятием героя (героев) выступает рыболовство: «Однажды Ичагычика сказал бабушке: „Бабушка! Я поеду ловить рыбу сетью». Бабушка дала сеть. Ичагычика поехал. Приехал, в ручеек поставил сеть. Сеть натянул»³. Подобные описания являются типичными зачинами многих фольклорных произведений, но, главным образом, такое начало характеризует тексты с героем Итей.

Помимо добычи рыбы сетью, отмечено рыболовство запором: «Йомпа запором промышляет. Однажды рыба обездолила (его); рыбу добыть не может. Сверху (по течению) каждый день покойницкие кости так сильно несет (течением) – Йомпы запор впредь сломается» (Турухан)⁴. Приведённый пример – это СДА, хотя запорное рыболовство хорошо было известно у всех групп селькупов, в том числе и у селькупов Приобья.

На Оби в Иванкино упомянута добыча рыбы мордами: «У матери поставлена в истоке озера морда. Мать отправляется морду смотреть, а Идя просится с матерью пойти к морде, морду смотреть»⁵.

¹ Текст29_БТ (Чая), Текст6_БТ (Вас.)

² Текст.3_доп(Кеть)

³ Текст.3_TW (Таз)

⁴ Текст37_TW (Турухан); См. также тексты TW17, 29, 48, 49 – Таз, Турухан, Баиха, Толька,

⁵ Текст34_TW Обь (Ив.)

Как редкое (не каждодневное) занятие, в фольклоре селькупов выступает лучение рыбы – добыча гигантской Рыбы-Отцовской-Рыбы-Материнской. Герой добывает её из проруби, выдернув и заострив целое дерево: «Ича сделал прорубь, ну, теперь вокруг нее караулят (смотрят). Сам на берег пошел. Остроконечную елку вырвал, заточил конец хорошо. ...Сам остроконечную елку верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил. Сам на берег отправился.»¹.

Животноводство. Данное хозяйственное занятие достаточно заметно присутствует в фольклорных текстах, но прежде всего - в зоне контакта ЦДА и ЮДА (т.е. это Обь (Иванкино)), где отмечается сочетание белкования и животноводства: «Старик со старухой жил... Они жили, скот держали, кормили. Старик в лес ходил»; «Муж в лес с ружьем пошел белковать. ...Он белковал, а жена дома была, скот кормила»². Кроме того, в туруханском тексте (№58) отмечено, что Ича (бедный) жил охотой, а богатый Колцак-Ира (богатый) держал коров³ – на этом противопоставлении завязывается сюжет. Также на Кети коровы и кони (только в одном тексте, записанном К. Доннером в 1912 г.) есть у противника героя Ити – у Пюнегуссе⁴.

Слово «конь» использовано 37 раз (плюс падежные формы – в итоге до 200 словоупотреблений); лошадь 36 словоупотреблений⁵. Однако все они в рамках очень ограниченного количества текстов (в 9 текстах) в ареале: Парабель, Обь (Иванкино), Турухан, Таз (Янов Стан).

В среднетазовском локальном ареале и во всём ЦДА нет ни одного текста с упоминанием животноводства как хозяйственного занятия героев⁶.

Занятия *оленоводством* (содержание и уход за домашними оленями) в фольклоре селькупов всех групп отсутствуют. Олень, как средство передвижения, отмечен только единожды: «Ичаоднаждыпоехалохотиться. Запряг трех оленей.

¹ Текст52_TW; Кеть (УО)

²Текст25_БТ

³Текст58_TW(Турухан)

⁴Текст.3_доп (Кеть)

⁵ Конь: TW56 Янов Стан; БТ№7, 26, 30 (Парабель), 25 (обь, Ив.), 27 (Обь, Сонд.). Лошадь: TW№50 (Кеть), 56 (Янов Стан), 57, 58 (Турухан).

⁶Искл. – текст№30_БТ «Сказка про Чёрного царя и трёх его внуков» (Параб.). Однако эта сказка явно выглядит как заимствование из русского фольклора.

Эти его олени, все их рога с острыми концами были. На своих оленях поехал в лес охотиться. Ича едет на нарте, вниз упал (=спустился) в тундру» (Таз)¹.

Собирательство. Такое хозяйственное занятие, как сбор кедрового ореха, представлено в нескольких текстах ЦДА (Тым, Чузик, Васюган): «..бабушка Иджю увезла шишки собирать»; «Старуха кедровые ветки палкой (колотушкой) бьёт, оттуда шишки падают»².

В одном из текстов с Кети упомянуто, что родители героя собирают ягоду: «Отец с матерью днем за ягодой, рыбой уходят. За ягодой когда оба пойдут, Итя дома остается»³.

Материальная культура

Предметы экипировки охотника.

Орудиями охоты в фольклоре всех групп селькупов в большинстве случаев выступают *лук и стрелы*⁴, но именно в СДА (особенно в туруханских текстах) эти нюансы экипировки описаны детально: «Ича взял свой лук, взял свой колчан со стрелами, пошел на охоту..» (Турух.)⁵; «Однажды утром встал, под гору (т.е. вниз к реке спустился и в ветку – долблённую лодку) сел, лук свой взял и *колчан* свой взял; под гору сел» (Турух.)⁶.

Только в туруханских Ича-текстах присутствует сюжет с волшебной стрелой (с тупым наконечником – *тамар*)⁷, убивающей одним выстрелом семерых глухарей или оленей. Эту стрелу герой, по подсказке своей бабушки, взял из амбара деда⁸.

Стрелой с тупым наконечником стреляет также Йомпа, чтобы узнать путь к Водяному лозу: «Йомпа, пока еще не сидел (досл. «в несидении своем») надел

¹Текст35_TW (Таз)

²Текст24_TW (Васюган); Текст.26_TW Тым-Чузик

³Текст21_TW Кеть (УО)

⁴ Лук и стрелы (стрела) упомянуты в 16 текстах: ТW№1,2,3,4,5,6,14,16,27,28,37,46,48,49,52,55; и в 7 текстах БТ№1,3,5,6,30,41,54.

⁵Текст28_TW Турухан

⁶Текст37_TW Турухан

⁷Тексты27, 28_TW Турухан

⁸Текст27, 28_TW Турухан

(стрелу на тетиву), к небу выстрелил. Томар его в верх ушел, вниз спустился – томар свой тут поймал»¹.

Для завязки сюжета Итя-текстов важен *промах героя* во время выстрела из лука, из-за чего он попадает в ловушку людоеда: «Стрелу взял и выстрелил – прошла стрела поверху [=мимо]. Утки все взлетели. На берег пришел стрелу взять. Тянет стрелу – выдернуть не может»².

Промах героя важен и для мифологических представлений селькупов: «[Звёзды] – Итины стрелы. [Их семь (по 3) на небе в разных местах. Он стрелял, и мимо. И стрелы залетели на небо»³.

Ружье отмечено только в 6 текстах на селькупском юге: на Оби –Ласкино, Иванкино и в одном из текстов с Кети⁴. На всю сумму североселькупских сказок приходится только одно упоминание о ружье, и то в контексте, подчеркивающим его инородность для селькупской культуры: «Он (Ичак) знает, придут с *ружьём*, его поймают (арестуют), посадят в тюрьму»⁵.

Ручная нарта, как деталь экипировки охотника, упомянута также только в ЮДА⁶ и на Парабели. В нарте охотник тащит свои припасы и снаряжение, накинув лямку от нарты на плечо: «... мимо проходят охотники со всем снаряжением, идут тоже на охоту, осенью это. Вот последняя нарта проходит,...»(Кеть)⁷; «Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. ...надевает лямку»⁸ (Чая).

В северных текстах нарта ручная упомянута единожды, когда Ича пугает царя убитой бабушкой: «Старуха умерла. Старуху в хорошее платье одев, [Ича] на улицу принес [ее], в нарточку посадил. ...Сам на берег потащил в город.

¹Текст37_TW Туруха)

²Текст4_TW (Толька)

³Текст46_TW (Кеть (УО))

⁴БТ№25 (Ив), 37 (Кеть), 46,49,51 (Ласк); TW № 58 (Тур.).

⁵Текст58_TW (Тур.)

⁶БТ№21,23, 29,32 – Обь (Сонд.), Кеть (УО), Чая; №24 (Пар.),

⁷Текст51_TW Кеть (УО)

⁸Текст29_БТ Чая

Пришел в дом царя. К окну свою нарточку туда поставил»¹. Такой же сюжет и с тем же способом использования ручной нарты отмечен на Парабели².

Средства передвижения.

Лыжи вполне можно рассматривать и как средство передвижения героя, и одновременно – один из главных элементов его экипировки.

Лыжи. Помимо упомянутых лука и стрелы, важное значение для героев селькупских фольклорных произведений имеют лыжи. Если герой отправляется в путь зимой, то, как правило, он идет на лыжах. Это характерно для текстов всех локальных групп селькупов: «Ича в путь собрался. Лыжи приготовил, лук и тамар взял. На лыжах пошел» (Тур.)³; «Вот, старик и пошел, надевши лыжи, пришел к тому огню»...(Чая)⁴; «Лыжи сделал-он. Этот человек (пы паја) на лыжах (букв. лыжами) пошел. Лук-свой взял-он. Сам старик просто так (без всего) пошел, без лыж отправился(-он)» (Таз)⁵.

Но только в текстах, записанных на Оби (Ив., Заик.) в 1888 г., есть у героя Иде волшебные летающие лыжи. Он говорит своим лыжам: «Есть город, Khonde-хонт-кваџ, туда меня везите». Сел на лыжах, взял в руки ***. Лыжи поднялись, полетели уже близко к небу»⁶. Характерная особенность: эти летающие лыжи оклеены шкурой лебедя.

Как видно в последнем примере, лыжи дополняются посохом, но о такой детали упоминается редко, и только в южных текстах (Чая, Обь (Ив.), Кеть): «Надевает лыжи, берет посох... Тут начинает идти»⁷.

В северных текстах и в текстах ЦДА у героя в сказках нет лыжного посоха.

Ездовые нарты. Такие нарты упоминается в одном тексте СДА: «На своих оленях поехал в лес охотиться. Ича едет на нарте, вниз упал (=спустился) в

¹ Текст38_TW Таз

² Текст32_БТ Парабель

³ Текст27_TW (Турухан (Фарк))

⁴ Текст23_БТ Чая

⁵ Текст55_TW (Таз)

⁶ Текст1_доп Обь (Заикино)

⁷ Текст29_БТ Чая

тундру»¹. В этом же тексте есть фраз: «Одна грузовая нарта стоит, одна женская нарта стоит» (Таз)

Кроме того, в СДА есть еще два упоминания о ездовых нартах: «стальная нарта» (Турухан), собачьи (ездовые) нарты (Таз)²

Телега. Данное средство передвижение упомянуто в 2-х текстах³ (19 словоупотреблений). В туруханском тексте это средство передвижение царя (правителя города), его также использовали купцы для перевозки товара:

«Слуги [Кольцако-ира] его [Ичакечика] увезли на телеге на край воды, на край моря. Он в мешке живой лежитСказал: «Меня утопите, большой камень найдите!». Они пошли искать большой камень. Долго ли коротко лежал он, слышит, конская телега идёт. Четыре или пять телег едет. Остановились. Купец с товаром идёт домой»⁴.

Необычные средства передвижения в фольклоре.

«Однажды Итя на улицу вышел, кажется. Кто-то едет, кажется. Смотрит, кажется: люди с бурундуками, медведями, мышами вместо лошадей (букв. бурундуковыми, медведевыми, мышиными лошадьми)»⁵.

На необычной повозке герой возвращается из сказочного мира – в реальный: «Теперь встает [младший стариков сын], отправляется и отворяет дверь, выходит вон. Запрягает в повозку с волком медведя. Вышедши, сел в повозку, две девушки сели возле него, одна по одну сторону и другая по другую сторону. Братья отправились вдруг с ним. Отправились, недолго едут, медведь и волк остановились. Две девушки сказали: выйди вон. Выходит и смотрит, стоит домашняя [ручная] нарта, нарта с бобрами»⁶.

Еще более необычное транспортное средство использовал герой туруханского текста для своего побега от Водяного лоза: «Водяной за Йомпой в погоню (досл. «Йомпу гоня») отправился. Йомпа сбежал, пешком пошел. Йомпа тем временем водяного дочку повстречал. В стальную нарту такой зверь запряжен

¹TW№35 (Таз), 37(Тур.),

²TW№56 (Таз, Янов Стан).

³Телега: Текст 58_ TW Турухан, Текст30_БТ Парабель.

⁴Текст 58_ TW Турухан

⁵Текст50_ TW Кеть (УО).

⁶Текст29_БТ Чая

– рог его самого неба по мездре скребет. По двум сторонам рта его наружу только огонь (досл. «огненную головню») выбрасывает. На эту нарту свою уселись (они дв.), двинули. По такой тропе поехали – конского ребра вышиной проломлена»¹. Фольклорный образ паровоза и железной дороги? На Турухане в 1920-е гг.? (запись текста – 1925 г.).

Однако самый необычный транспорт использовали селькупские богатыри из текстов, записанных А. Кастреном: они перемещались либо на орлах и лебедях, либо, приняв обличье зверей, в частности – соболя:

Я встал,
Сел на орла,
Женщина села на лебедя,
(40) Мы полетели.
Орел, кружа,
Вверх поднялся.

Я после моей жены
(50) на лебеде поехал..²

И что особенно важно отметить: селькупские богатыри всегда без коней.

Жилища.

Чум.- māt. В 14 североселькупских текстах основным жилищем героя (-ев) является чум³. При этом никаких деталей интерьера чума, элементов его конструкции или пространственных зон, важных для его обитателей, в текстах не фиксируется, кроме опорного шеста (герой привязывает себя к нему, и шаману-людоеду не удастся его оторвать от шеста, поэтому его духи поднимают его вместе со всем чумом). В тазовских текстах упоминается еще полог⁴. Относительно очага – см. ниже.

Основными словосочетаниями, в которых задействован термин *чум*, являются словесные обороты, связанные с входом в него/выходом из него: «*Ījajamāt šerrēmpanĭ*» - *Мальчик в чум вошел...*; вышел Ича из чума, огляделся...; Бегом в чум вернулся... и т.п.

¹ Текст37_ TW Турухан

² Текст1_ БТ Среднеобск.

³ Чум: TWN№1(Таз), 4 (Толька), 17 (Баиха), 27, 37,58 (Турух.), 35 , 38, 40, 41, 42, 48, 55, 56 (Таз) – в 14 текстах.

⁴ Полог TWN№1,2, 3 (Таз)

В южных текстах чум как обозначение жилища фактически отсутствует; он упомянут только в двух текстах с сюжетом, аналогичным тазовскому¹ (герой ворует у старика рыбу, затем тот шаманит, и притягивает его к себе вместе с чумом): «Мальчик ...к дереву себя привязал, этот шест посередине чума стоит. У чертей силы не хватает его оттуда отвязать. Бабушку черти поймали, черти чум вверх подняли, унесли»².

Во всех остальных текстах в ЮДА и ЦДА, где хоть как-то упоминается жилище, представлены иные типы жилищных конструкций: *избушка*³ «Две семейные пары жили-поживали в тайге в маленьких избушках»⁴ или *карамо* (землянка)⁵: «Карамо перед дверью кланяются они, к солнцу (в сторону солнца) кланяются. Вдруг где-то дверь на ширину головки тамара открылась»⁶; «Только у Кана, у кого был карамо, исходил дым. Идье зашёл в карамоКана. Кана лежит на кровати»⁷.

У северных селькупов землянка *čulmāt* присутствует только в двух тазовских текстах⁸: «Ича идет пешком рядом с дедом... Видят большую землянку. Пришли, в дом вошли. Ича стоит, по сторонам посматривает. Внутренность дома черта-старика велика [=дом черта-старика просторный]. На обеих сторонах постели. На ближней стороне постели двух его дочерей»⁹.

Последний пример – это описание жилища Лоза-старика (людоеда), поймавшего Ичу. Интересно отметить, что в тексте на Оби (Ив.) есть также указание, что «Пюнегуссе ...жил один в карамо...», т.е. в землянке, тогда как основной герой жил либо в чуме (Таз), либо в избушке (Вас.).

Очаг, чувал.

¹ На Кети есть термин чум в русском переводе в тексте №15_БТ, но в селькупском оригинале он отсутствует.

² Текст16_TW (Вас.).

³ Избушка: БТ№20, 34, 35 (Вас.), №26 (Пар.)

⁴ Текст34_БТ (Вас.)

⁵ Карамо: ТW№50 (Кеть, УО); Доп: 1,2 (Обь, Заик., Ив.); БТ№54 (Чая).

⁶ Текст50_TW (Кеть, УО)

⁷ Текст1, 2_доп (Обь, Заик, Ив.)

⁸ Землянка (чуль мот) ТW№3, 54 (Таз)

⁹ Текст3_TW Таз

В ЮДА в карамо или в избушке очаг – это всегда чувал: «У старика **чувал**, огонь его горит» (Кеть)¹; «Безголовый журавль пошел к **чувалу**, вытянул шею..» (Чая)².

Три мотива, связанных с очагом (чувалом), характерны для селькупских сказок ЮДА (Чая, Кеть (УО), Обь (Ив.)):

1) Самовозгорание огня от головешек в чувале старика Массу – Семь сажений: «Три из медвежьих голов головешки сами себя в костре помешивают. Старик Семи сажений в высоту котелок над огнем подвесил (букв. вниз опустил). Котел сварился, [кто-то как будто] взял его с огня. Без хозяев, вроде, что ли, вычерпав, поставил» (Кеть)³; «Две головни подвинулись друг к другу, вдруг загорелся огонь» (Чая)⁴. Огонь разгорается сам (его никто не разжигает, за ним никто не следит), еда готовится и подается гостю сама.

2) Эпилог, в котором герой, вернувшийся после путешествий и приключений в родной дом, не сразу заходит внутрь, а сначала с крыши заглядывает в дымовое отверстие чувала и смотрит, что творится внутри: «...посмотрел вниз в трубу **чувала**, вышедши. Он видит: отец и мать толкают уголек с огнем и говорят один другому: ты не погаси, этот огонь мой сын видел, не погаси» (Чая)⁵. «Итя на крышу дома залез и посмотрел через дымовое отверстие» (Кеть)⁶.

«В это время Идя и девушка домой к Иде пришли. Идя сам на крышу дома полез. В трубу в дом (во внутрь дома) смотрит. Альдига со стариком сидят около чела печи (чувала) и на единственный уголёк от огня дуют. Идя на этот уголёк сверху сплюнул. Этот уголёк погас. Мать со стариком подрались. Мать старику говорит: «Из-за тебя уголёк погас. Ты плюнул...».⁷

Мотив камлания шамана-людоеда, чьи духи прилетают через дымовое отверстие и утаскивают героя, также наиболее подробно представлен в тексте с

¹Текст50_TW Кеть (УО)

²Текст29_БТ Чая

³Текст50_TW Кеть (УО)

⁴Текст29_БТ Чая

⁵Текст29_БТ Чая

⁶Доп№4 Кеть

⁷Текст 34_TW Обь Ив.

Кети: «Его скребок через дымовое отверстие показался.... Через дымовое отверстие [Итя] вверх взлетел.... Через дымовое отверстие вниз в золу костра упал. Пинэвельдю, кочергой подхватив, проглотил его»¹.

В СДА есть только один текст, в котором герой попадает в дом Водяного лоза через дымовое отверстие его чума, и затем также через это отверстие от него сбегает: «Водяного дочка так сказала (досл. «стала») Йомпе: «Ты выскочи чума поверху (т.е. сквозь дымовое отверстие), я тебя догоню» (Турух.)².

В фольклоре других локальных групп селькупов дымовое отверстие чувала или чума не акцентируется в сюжете, хотя этнографические данные свидетельствуют, что дымовое отверстие чума у северных селькупов всегда воспринималось как основной вход/выход для духов шамана или иных потусторонних существ.

Дрова, заготовка дров.

С очагом, как правило, связаны дрова и процесс их заготовки. Однако этот элемент бытовой жизни присутствует также преимущественно в текстах ЦДА и ЮДА, наиболее заметно – в текстах с Оби (из Иванкино).

У селькупов ЦДА собирать дрова являлось женским занятием: «По тайге ходила красивая девушка, Дочь Земли. Она дрова искала» (Пар. Нельм.)³; «Мать за дровами ходила. [Сыну говорила]: «Дверь не открывай, вниз свалишься»(Вас.).⁴

Дровами не просто топили очаг, эта деятельность воспринималась как кормление огня. Дрова, таким образом, были «едой огня»: «Одна женщина дрова принесла, сама с ребёнком к огню села. Сыночка своего грудью кормит. Искра отлетела, ребёнку на грудь упала, ребёнка обожгла. Ребёнок заплакал. Мать вскочила, огонь ругает: «Что ты делаешь? Я тебя дровами кормлю, ты моего ребёнка обжёг. Тебе дров не дам...» (Вас.)⁵.

В ЮДА (на Оби в Иванкино) заготовкой дров, судя по текстам сказок, занимается мужчина: «Бог спрашивает: «Зачем, Идя, пришел?». «Холодно, у нас

¹ Текст50_TW Кеть УО

² Текст37_TW Турух.

³ Текст7_БТ Пар. Нельм.

⁴ Текст32_БТ Вас.

⁵ Текст22_БТВас.

дров нет». «Иди вниз, назад иди! Тепло будет, дров много натаškai! Похолодает – дрова натаškaiшь»¹.

«Жена ему [Иде] говорит: «Наколи дров». Он наколол достаточно, но жена говорит: «Это мало; ещё наколи». Наколол, и то мало. «Наколи ещё», говорит жена. Когда уже достаточно наколол, занёс в дом и наложил до крыши... жена говорит ему: «Наложи в чувал». Наложил, так что начал потеть. Но жена говорит: «Ещё накидай»².

На промысле мужчины сами разводят огонь и собирают дрова. В тексте, записанном на Чае, три «старика» отправились на промысел, и дрова для костра должен был искать самый молодой из путников: «...тогда был сильный мороз, а молодой человек носил дрова»³. Самый старший должен был высечь искру и зажечь огонь.

В североселькупских текстах Ича **сам** собирает дрова для костра, чтобы сжечь Лоза-старика: «Ича вниз соскочил, чорта-старика обухом топора ударил. Чорта-старика рубя, изломал. Дрова собрал. Чорта-старика огнем сжег» (Таз)⁴. Герой Сыльча-Пыльча, победивший двух огромных лозов из проруби, сам дрова для костра не носит, а только командует людьми, которых спас от этих чудовищ: «Говорит, что дрова нарубите. Нарубите дрова! Дрова рубят, рубят. (Зр.) Дрова нарубили. Огонь разожгите! Правда, что дрова нарубили, двоих на реку под бугор понесли, огнём сожгли»(Таз)⁵.

Мотив сожжения людоеда-противника на костре также хорошо представлен в текстах с Кети, и в них герой тоже сам собирает дрова для погребального костра людоеда: «Он [Ите] все ж таки убил Пюневельде, дров натаškaiл, костер разжег и Пюневельде в костер положил»⁶; «Потом с другой стороны леса кучу дров к себе натаškaiл. Пинэвельдю в огонь, поджег, его пепел по ветру пустил»⁷.

Утварь.

¹ Текст33_TW Обь Ив.

² Текст1_допОбь Ив.

³ Текст23_БТ Чая

⁴ Текст1_TW Таз

⁵ Текст54_TW Таз

⁶ Текст6_TW Кеть УО

⁷ Текст15_TW Кеть УО

Предметы домашнего обихода (прежде всего, посуда) редко упомянуты в фольклорных текстах селькупов. Наиболее высокая частотность упоминания принадлежит только такому предмету как котёл (17 текстов¹). Он присутствует, главным образом, в текстах, где герой Итя варит в котле дочерей Людоеда (Лоза-Старика) или где Людоед собирается сварить самого Ичу. В сказках ЦДА Итя греет в котле кедровую смолу, чтобы затем намазать ею обласок, создав тем самым ловушку для Пёнеге.

В рамках сюжетов этих текстов никаких особых ритуальных действий с котлом обычно не совершается. Интересной выглядит лишь особенность в тазовских текстах, подмеченная еще Г.Н. Прокофьевым: о котле говорят не «повесь на огонь»/ «сними с огня», а «под гору повесь»/ «на гору подними»: «Чорт-старик в чум свой притащил (Ичу), дочкам своим так сказал: «Дочки! Котел ваш под гору (т.е. к огню) повесьте!» ...Ича шпеньков понаделал; котел свой на гору (т.е. с огня) поднял»²

Самым информативным в плане перечисления предметов утвари (посуды), а также в плане описания самого процесса еды являются тексты с Оби (Ив.), записанные в 1888 г.: «Ведро из бересты само сходило за водой, семь котлов наполнились водой и сами повесились над огнём, тарелка сама подошла к нему. Идье смотрит в свою тарелку, а там лежит большой осётр, потом нож пришёл, начал чистить осетра, а это само сварилось. Потом лопата подошла, выбрала рыбу. Идье поел, да наелся; думал, домой пойдёт. Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? Сначала подарок получишь от нас». Подарили ему чёрный сундучок из бересты, и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!».³

Помимо посуды, в пяти сказках упомянут кузов⁴ как предмет для переноски груза. Все тексты – южные (Кеть, Обь (Ив.), Обь (Сонд.)). В кетских и иванкинских текстах в кузов Людоед усаживает Итю, вынудив его из ловушки, в сондоровском тексте героиня несет в кузове свою сестрёнку.

¹ Котёл: TWN №1-7, 14, 17, 36, 44, 50, 51; БТ №29, 32, 34, 48.

² Текст1_TW Таз

³ Текст2_доп Обь Ив.

⁴ Кузов: TWN №5,6 (Кеть), 8, 34 (Обь, Ив.), 21 (Обь, Сонд.)

Еда. Конкретная еда, также как и посуда, встречается в текстах нечасто. Из тех редких упоминаний, которыми мы располагаем, интересно отметить *лосиное мясо*. Оно отмечено в финале южных сказок, как признак сытой жизни и счастливого конца: «Они лосиное мясо сварили. Я там была, мясо ела» (Обь, Сонд.)¹. «Потом они водку пьют, поют, пляшут, лосиное мясо едят, долго пируют» (Параб.)². Лосятина в текстах из Иванкино – это еда, которым кормят гостя (см. ниже – селькупское гостеприимство).

В СДА также один раз было отмечено лосиное мясо, но оно было просто едой – герои перекусили в пути: «Для еды (чтобы съесть) подходящий (соответствующий) лосенок, его съев, заночевали (они-многие)» (Таз)³.

Мясо зайца (зайчатина). Упомянуто один раз, и с необычным контекстом: это еда для детей, во время которой они должны слушать сказки. «Раньше мы зайца варили, ели. Родители нам заячьи головы положат. Мы будем есть заячьи головы. Родители заставят нас сказку слушать» (Вас.)⁴. Никаких этнографических подтверждений такому факту на селькупском материале не известно.

Рыба была самым стабильным источником питания селькупов всех локальных групп, но о ней, как о еде, в фольклорных текстах говорится крайне редко и лаконично: «Они сушили мясо карасей, делали из него порсу (рыбную муку)» (Кеть)⁵. Однако подразумевается, что если герои постоянно рыбачат, то, соответственно, питаются именно рыбой.

Для обских (южных) жителей самой ценной и желанной рыбой были осетр, муксун, нельма. От такой рыбы отказаться сложно: даже понимая, что Итя украл её у старика-людоеда, его бабушка соглашается её сварить и съесть: «Сколько старуха ворчала, а нельму несет на берег. Итя сказал: «Съедем!» Тут бабушка кладет в котел, варит, и, поужинавши с бабушкой, ночевали. ...Итя, неся, осетра

¹Текст27_БТ Обь Сонд.

²Текст24_БТ Параб.

³Текст48_TW Таз

⁴Текст28_БТ Вас.

⁵Текст4_доп Кеть

вынес на берег домой. Распарывает осетру брюхо, режет голову, варит в котле, потом, поспевшую, ели и поели» (Чая)¹.

В тексте, записанном на Баихе, отмечено описание приготовления налима: «Потом налива в запоре своём вычерпнул-он. На берег вышел-он. Налива печень к двери бросил-он. Налива молоки собрал-он. На огне сварил-он» (Баиха)². Герой их плохо сварил, «налива молоки к котлу прилипли (букв.: прицепилась)».

Чапсы (поджаренная над огнем костра рыба, нанизанная на палочки – рыбный шашлык). Такое блюдо упомянуто единожды в тексте на Кети (хотя бытование такой еды отмечено весьма широко в Приобье): «Они рыбачили (и) однажды пять карасей добыли. Пришли, рыбу нашашлык положили, этих пять карасей они поджаривали»³.

Порса. Едой на промысле у всех селькупов была порса (рыбная мука), но о ней упомянуто только в трёх текстах с Кети: «Люди осенью в тайгу обычно ходят, с горстью порсы (муки из сушеной рыбы) обычно зимуют»⁴. Отправляясь в дальний путь Идье и Пюнегуссе также запаслись порсой и рыбным жиром: «Пюнегуссе сделал лодку длиной семь деревьев. В эту семи деревьев длинной лодку, в лодку, положили они семь ... рыбьего жира, и 35... порсы».

Хлеб. Об этом продукте (если не брать во внимание фактически русские сказки (тексты 30 и 27 (БТ)), рассказанные по-селькупски) говорится только в двух текстах, записанных от одного информанта на р.Парабели (Нельмач): «Сидит [бабушка-кротиха] плачет, причитает. Вот два каких-то русских рыбака зашли. «А что бабушка плачешь?»— «Я плачу, [потому что] мой старик пошел что-нибудь поискать [раздобыть], и сам там умер. Теперь я как жить буду?»— «Бабушка, не плачь, не причитай, поди, как-нибудь проживешь». Эти двое русских дали ей хлеб, какую-то корку. Старуха грызла, грызла эту корку хлеба. «Что это, древесный гриб дали». Прочь бросила. «Сама как-нибудь проживу»(Параб.)⁵.

¹ Текст14_БТ

² Текст49_TW Баиха

³ Текст59_TW Кеть (УО)

⁴ Текст50_TW Кеть (УО)

⁵ Текст39_БТ Парабель (Нельм)

Данный сюжет похож на историческое предание (квазиисторический текст), и в нем отчетливо видно, как хлеб воспринимается старухой-кротихой инородным явлением в традиционной системе питания селькупов с конкретным указанием заимствования его от русских.

Одежда.

Этнографические сведения о традиционной одежде селькупов разных групп крайне скудны. Собранный этнографами материал отражает, как правило, детали, присутствовавшие в культуре конца XIX – нач. XX в. Тем любопытнее было посмотреть, как представлена одежда в селькупском фольклоре.

Фрагментов текстов, характеризующих детали селькупской одежды немного, но они всё же есть. В тексте, записанном в 1870-х гг., присутствует, например, следующее описание: «Однажды я один пришел на то озеро. Время то было жаркое. На мне была кожаная рубашка и кожаные штаны, и ременный пояс, и на поясе был нож» (Чая)¹. В тексте 1888 г. данные еще более детальные, хотя и лаконичные: «Одежда, шапка, штаны Идье были из шкуры лебедя» (Обь, Зайк.)².

В текстах, записанных в XX в., описания одежды героев практически отсутствуют. Исключение составляет текст, записанный на Оби (Сонд.), в котором есть не просто упоминание о шубе из «сборного меха» (когда меховое полотно изготавливают, сшивая кусочки шкур (лапки, ушки, хвостики) мелких пушных зверей (белок, соболей, горностаев)), а имеется фрагмент с описанием её волшебного изготовления:

«Сын охотиться отправился, а сам оставил своей жене много шкурок зверей.

«Вот тебе пушнина, сшей мне шубу, – он ей сказал.

– Как у зверей уши, ноги, лапки и хвост есть, так и сшей». Сам на охоту отправился.

Лесная женщина думала: «Как сшить (шубу)? Я выросла, никогда не шила такую шубу».

Она плачет. [Приходит её золовка и спрашивает, почему она плачет?]

– Я потому плачу, что мой муж мне приказал ему шубу сшить. Как у зверька уши, лапки, ножки и хвостик есть, так и сшить. А я никогда не шила.

Она успокоилась и дала ей те шкурки мелких зверьков. Та взяла эти шкурки звериные, настелила на пол и ей сказала: «Вши искать будем!»

– Ой, если я буду вши искать, когда же я сошью шубу?

– Ну, поищем!

Они стали вши искать. Искали, искали, искали. Сноха ей говорит: «Хватит искать».

– Ну, ещё поищем недолго.

¹ Текст54_БТ Чая

² Текст1_доп Обь Зайк.

А сноха не хочет. Она потому не хочет, что думает, когда же сшить шубу?

Искали, искали, искали. Бросили искать.

Сноха встала, глядит: шуба сшилась, так же сшилась, как ей муж сказал: как у зверька уши, лапки, ножки и хвостик есть, так и сшилась»¹.

Этот фрагмент повторяется в тексте дважды (муж дважды дает жене такое задание, и каждый раз молодой женщине помогает её золовка – сестра мужа). Поскольку шуба в сказке «шьётся» волшебным образом (пока женщины ищут друг у друга вшей), то о технологии изготовления такого меха данный фрагмент не добавляет информации. Может быть только такой нюанс, что прежде, чем начинать сшивать, надо шкурки разложить в том порядке, который будет зафиксирован сшиванием.

Однако в нем ясно видно, что сшивать такой мех должна была уметь каждая женщина (муж не спрашивает у молодой жены, умеет она или нет это делать, он приказывает). Пушкину (много шкурок зверей) дает жене муж: лапки, хвостики, ушки – это, как правило, охотничьи трофеи, и большое количество такого мелкого материала показывает, какой он хороший (удачливый) охотник. Два этих аспекта носят явно соционормативный характер: девочкам наказ учиться шить такой мех, мальчикам – осваивать тонкости охотничьего мастерства так, чтобы у будущей жены всегда был в достатке меховой материал.

Возможно, что о таких шубах упоминается лаконично еще в двух парабельских текстах: «Сестра шила шубу из звериных шкур» (Пар.).² «Девушка свою соболиную шубу надела» (Пар.).³ Известно, что селькупы р. Парабель раньше шили верхнюю одежду именно из «сборного меха» (тратить целые шкурки соболя на шубу было не принято; основу шкурки сдавали как ясак, а себе оставляли только лапки и хвостики).

Шуба также играет важную роль в другом фольклорном сюжете, где рассказывается, как надо покорить лесную хозяйку (Лешачку), чтобы жить потом с ней долго и успешно: «Если какой человек её [эту женщину] увидит, возьмет в жены. ...Она к себе его приведет. Когда они спать ложатся, жена говорит: «Мою шубу на одежду положи». Так не хорошо класть [шубу]. Она веревку положит,

¹ Текст21_БТ Обь (Сонд.)

² Текст24_БТ Пар.

³ Текст24_БТ Пар.

мужика убьет [петлей задушит]. Мужiku надо шубу взять и с пола поднять. Там под шубой веревка. Мужик скажет: «Почему обманываешь? Я на тебе жениться хочу, а ты меня убить хочешь». Она скажет: «Я посмеялась [пошутила]». Если мужик [сам] шубу постелет, всегда жить будет богато. Женщина белок много добудет. Он в магазин белок унесет и много денег получит (Обь, Ласк.).¹

Помимо правил взаимоотношений с Лесной хозяйкой, из данного фрагмента также следует, что шуба женщины служила семейной постелью (в лесу на промысле, и не только).

У Лесной хозяйки, помимо шубы, другая одежда также была весьма приметная: «У нее одежда вся белая. Обувь белая. Платок белый».²

Шуба (и мех, из которого она сшита) – показатель богатства у многих народов. В селькупском тексте Кана говорит своему отцу: «Батюшка, ...ты наденешь шубу лисью, богатый ты человек, но Идье ещё богаче. У него такая жена красавица и еду [особую готовит]» (Обь, Заик.).³ Из данной фразы следует целая шкала селькупских ценностей: дороже шубы может быть только красивая и умелая жена.

Противопоставление богатству – бедность. Показатель бедности – плохая одежда. В североселькупских текстах герой Ича нередко выглядит бедным и, соответственно, плохо одетым: «А парка (одежда) у него бедная, из мешка сшитая, вся снегом залеплена, места чистого нет» (Турух.).⁴

Также бедной считалась парка из заячьих шкур. Главный герой самого известного у северных селькупов исторического предания – Нёмый порка – «Заячья парка» носил как раз такую. В текстах иногда подчеркивается, что его парка была не просто заячья, что само по себе не является хорошей одеждой (эта одежда для детей и подростков), но она была уже старая, рваная. Когда враги-ненцы схватили героя, то он так удачно вывернулся, что только клочки старой шубы остались в руках врагов.

¹ Текст51_БТ Обь Ласк.

² Текст51_БТ Обь Ласк.

³ Текст1_доп Обь Заик.

⁴ Текст27_TW Турух. Фарк.

И совсем уж пропащей считалась ситуация, когда у человека совсем нет никакой верхней одежды: «Бедно (плохо) жил (живёт) один человек, сирота. Ни верхней одежды-его, ни обуви-его нет, голый (букв. неприкрытый) жил (живёт)»¹. Герой-сирота присутствует в четырех текстах Таза и Кети².

Помимо шубы (или её отсутствия), заметную роль в Ича-текстах северных (тазовских) селькупов играют бакари (обувь) черта-старика, которую герой, убегая от противника, наполнил золой: «Ича взял, золы (в них) зачерпнул»³. Затем, когда Лоз нашел Ичу на дереве, тот высыпал ему эту золу в глаза и рот, отчего тот ослеп. Пока он прочищал глаза и рот, Ича его убил.

В тексте, записанном в 1912 г. на Кети, существенный момент, важный для развития сюжета, сыграли завязки с обуви Ити: он поймал ими зверей «куэтарко» Пюнегуссе – «поставил петлю из обувных подвязок»⁴.

Социальная жизнь селькупов по данным фольклора

Семейные обряды

Селькупское гостеприимство

Гостевой этикет является важной частью культуры любого этноса, и селькупская культура в этом смысле не является исключением⁵. В сказочных текстах нередко описываются ситуации прихода героя в дом / чум незнакомого человека, при этом подробно описываются нормы поведения участников встречи.

Фольклорный материал однозначно демонстрирует, что в традиционной селькупской культуре фактически не было деления гостей на «званных» и «не званных». Любой человек при необходимости или желании мог войти в дом другого человека. При этом существовал небольшой, но очень строго регламентированный набор правил, что должен делать хозяин (хозяйка) дома,

¹Текст55_TW Таз

² Герой-сирота: TW №52,53 (Кеть, УО, Марк.), 54, 55 (Таз).

³ Текст2_TW Таз

⁴ Текст4_доп. Кеть

⁵ На селькупском материале уже предпринимались попытки описать основные правила поведения гостей и хозяев: существует ряд публикаций на тему селькупского этикета, среди которых, прежде всего, следует отметить работу О.А. Казакевич «Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора» (2000). Кроме того, интересные сведения о селькупских обычаях гостевания приведены И.Н. Гемуевым в его монографии «Семья у селькупов» (1984), касающейся традиционных семейных обычаев селькупов.

если в его (её) жилище пришел другой человек. Эти правила хорошо запечатлены именно в фольклорных текстах:

Пустить в дом. Суровый сибирский климат диктует жесткое требование: пускать в дом (или к очагу/костру) надо любого гостя. «Дом с собой никто не носит»¹. В сказке парабельских чумылкупов к дому героини подошла медведица, и хозяйка кинула ей в лицо горсть золы, чтобы отпугнуть. Однако эта гостья оказалась впоследствии женой её брата. Негостеприимная женщина была наказана тем, что потеряла своего брата, и долго затем его искала².

Накормить любого гостя. В ряде селькупских сказок нередко присутствует эпилог с категорично сформулированным выводом, декларирующим эту норму: «В тайге так говорят: «Кто придёт – всех накорми»³; «Потом та женщина так сказала: «Будь это хотя бы даже и кунама (бродяга – людоед), ты его всякий раз корми, даже собаку хорошо кормят»⁴.

В фольклорных текстах южных локальных групп (как минимум, в трёх текстах – Кеть, Обь (Ив.), Чая)⁵ есть мотив «волшебного кормления гостя», когда вся еда готовится и выставляется перед гостем самостоятельно. Хозяином, оказывающим волшебное гостеприимство, в текстах является особое лицо – *Дух Массу (Семи саженой)* (Кеть), либо *невидимый человек*, подающий команды «Накормить гостя» голосом (Обь (Ив.), Чая): «Подходит [младший стариков сын], снимает лыжи, тут и в дом входит. Пришедши, сел на нары и сидит долго. Вдруг, человек [невидимый] молвил: «Гостя с холодным лицом стряпка с дятловой реки привела, заманивши, надо кормить его»⁶; «Идье пришел в дом. Один мужик [голос] сказал, что пришёл молодой человек, может, есть [хочет], повелел: «Накормите его»⁷;

Надо отметить, что фольклорные тексты показывают, что гостя кормят не моментально, как только он вошел в дом. Выжидается определенное время: «До

¹ Гемуев И.Н. Семья у селькупов. 1984. С. 164.

² Текст_БТ Пар. Нельм.

³ Текст_БТ Пар. Нельм.

⁴ Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 333. (Текст Г.Н. Прокофьева).

⁵ Кеть, Текст1, 2_доп Обь Ив., Зайк.; Текст29_ БТ Чая.

⁶ Текст29_БТ Чая

⁷ Текст2_доп Обь Ив.

тех пор там сидели [ждали столько], пока еда в кастрюле не сварится» [т.е. время, равное этому процессу], и только потом гостю оказывается почетное внимание: «Тогда человеческий звук говорит: «Гости пришли, накормите их муксуном». Идье видит, что пять муксунов попали, мордасама поднялась, огонь сам поднялся и *** , и когда он сторел, пришла ломка и сломала [еду] на маленькие куски. После этого высыпалось ***. *** подошёл к чувалу, там налимжир весел. Ложка размешала рыбу, стол стал рядом с Идье. Идье наелся, руками отодвинул, стол сам собой исчез, и ничего не было видно¹».

Важный нюанс: в фольклорных текстах с Оби (Ив., Зайк), отмечается, что гостю стелют шкуру на то место, куда его усаживают: «Когда дошёл до него, Идье как раз ел, Кана тоже схватил ложку и сел есть. Девушка говорит ему: «Встань-ка, Кана, чуток». Он встал, а девушка постелила под него медвежью шкуру, чтобы сел на неё»². Постелить шкуру – это знак уважения гостю, и этот знак явно отражает элементы системы престижных ценностей традиционного селькупского общества: в зависимости от достатка хозяина и важности гостя шкура, постеленная ему, будет разной: «Прибыв домой, [Кана] сказал Kolghezejit-y: «Ты богатый и стелешь шкуру налима туда, куда садишься; а Идье стелет шкуру зверья [медведя]»³.

Очень важному и долгожданному гостю (гостям) шкура стелется не только на то место, куда его усаживают в доме, но даже туда, где он будет идти, перед тем как зайдет в дом: «Мама, готовь, дядя и братишка едут». «Ты что, сынок, давно их в живых нет». «Едут, едут». Сейчас сын захватил оленью кожу и путь к пристани настлал, а сам скачет (Кеть)⁴.

В текстах северных селькупов достаточно детально представлен процесс кормления гостя **без** волшебства: «Вот как поступает положительная героиня сказки, когда в её чум приходит бродяга – людоед (кунама): «[Она] на улицу

¹Текст1_доп Обь Заик.

² Текст1_доп Обь

³ Там же.

⁴ Текст53_TW Кеть

вышла, жареную рыбу занесла, хлеб достала, чай поставила. Еду всю поставила, варёную рыбу с мясом поставила, с супом»¹.

В фольклорных текстах нередко проговаривается, что лучшие куски хозяйка должна отдать гостям, потом положить еду мужу, сама же она будет есть то, что останется: «Лучшие куски голым людям вытащила. Себе и мужу поплоше куски вытащила. Кушать начали. Мужу своему со дна получше куски, себе на дне одну кость оставила. Это лишь грызет»²

Е.Д. Прокофьева также на основе данных, полученных из текстов фольклора северных селькупов, подчеркивала строгость этого обычая – давать гостю лучшие куски еды: «Женщину, нарушившую это правило, кормившую гостя *чаңальлэ* – ‘худшими кусками’ муж убивал³. Или выгонял – как в сказке про Сына Неба, который брал в жены дочек старика, и одна из них оказалось жадной: «Люди с улицы в чум позаходили, на дальнее место поусаживались. Сколько сидят, посмеиваются, поговаривают: «Божий Сын такую жену привёз – человек головку супового ковшика не выпьет (ни глотка супа не получит)». Сами, поговаривая, из чума на улицу вышли. Её муж домой пришел. На жену рассердился: «Ты людей почему не накормила?»⁴. Божий сын прогнал негостеприимную жену и взял в жены её младшую сестру, знавшую, как надо встречать гостей.

По другой версии этой сказки, записанной Г.Н. Прокофьевым, Сын Неба не просто выгнал первую жену, а подвесил её за косу на шесте, чтобы все знали, какое ждёт наказание негостеприимной хозяйке⁵.

Эпизоды с обычным (не волшебным) кормлением гостя есть и в текстах с селькупского юга: «Вошёл [Kolghenzejit] в дом, Идьё спал, потом проснулся и жене сказал: «Старый давновиданный гость пришёл, покормить надо, быстро что-то

¹ Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 334.

² Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 334.

³ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. М.; Л., 1952. С. 95.

⁴ Кузнецова А.И., Казакевич О.А. и др. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. **Тексты**. Словарь. Москва, 1993. С. 44–45.

⁵ Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 333 (Прокофьев, текст 1)

навари». Женщина сварила лосятину, и постелила дикую шкуру зверья на место [куда усадила] Kolghezeit»¹.

Данный эпизод показывает также, что хозяин не здоровается с гостем, не говорит ему лично каких-либо приветственных фраз, а только лишь обращается к своей жене с приказом накормить его. И этот эпизод иллюстрирует еще одно правило селькупского гостеприимства:

Ни о чем не расспрашивать гостя. «Пришедшего гостя не полагается ни о чем расспрашивать. Если гость захочет что-либо сообщить, то скажет сам»². В фольклорных текстах гость обычно входит в чум (дом) и садится молча, хозяева также молчат, хозяйка молча ставит перед гостем еду.

Постелить постель и уложить спать гостя. Гостю стелили отдельную шкуру. В фольклорном тексте подчеркивается, что стелить надо на чистом месте: «неправильная героиня» сказки (дочь русского старика) постелила постель прямо рядом с валяющимися на полу чума костями («кости тут в две стороны разгребла, на этом месте кости тут валяются»); «правильная героиня» (дочь селькупского старика) кости аккуратно убрала, и только потом постелила постель » (Прокофьев, текст 1)³.

Однако для врагов и тех, к кому хозяева испытывали явную неприязнь, действовало иное правило – *игнорирование гостя*. Как пишет Е.Д. Прокофьева, «гость из враждебного племени встречался если не всегда враждебными действиями, то всегда общим пренебрежением. Старший в чуме при этом молчал, женщины не подавали такому гостю еду, не давали постели. Жизнь шла в чуме так, будто гостя не было. Если гость продолжал сидеть, – жители чума ложились спать. Утром игнорирование гостя продолжалось: над ним снимали чум и оставляли его сидеть под открытым небом. Сами уезжали. Этим пренебрежением,

¹Текст2_доп

² Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 338.

³ Там же. С. 334.

отказом в элементарном гостеприимстве, наносилась обида большая, чем при поражении в бою»¹.

Уходящему или уезжающему гостю (гостям) готовили еду в дорогу.

Говорили так: «*Чаджанд оқжэр челгэн – абсэп ишплел нагур челгэн.* – «Уходишь на день – еду бери на 3 дня». В дороге всякое могло случиться, поэтому запас еды давали больше, чем на один день. В фольклорных текстах упоминается также о том, что, кроме еды, уезжающему гостю иногда дарили подарок: «Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? Сначала подарок получишь от нас». Подарили ему чёрный сундучок из бересты, и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!». Идье надел лыжи и пошёл домой»².

Все приведенные примеры показывают, что целый ряд селькупских фольклорных текстов несёт в себе мощный соционормативный и педагогический заряд. В традиционной селькупской культуре, для которой характерна немногословность в обыденной жизни (и особая сдержанная молчаливость в процессе передачи опыта) именно сказки были основным хранителем информации о правилах селькупского этикета. В процессе рассказывая их детям, одновременно прививались им знания о том, как «правильно» встречать и провожать гостей, и если «неправильно» себя вести, чем это может закончиться...

Свадьба в селькупском фольклоре

Этнографические исследования показывают высокую степень русификации свадебной обрядности селькупов даже для периода начала XX в. Сложению такой ситуации, безусловно, способствовали русско-селькупские браки, частота которых нарастала с каждым десятилетием XX в. Тем важнее информация о любых деталях селькупской традиционной обрядности, заключенная в фольклорных текстах.

Красота девушек и юношей.

¹ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. . Т. 1. М.; Л., 1952. С. 95.

² Текст1_доп. Обь(Заик.)

Селькупские сказки не очень богаты эпитетами, характеризующими внешний облик героев. Тем более неожиданными выглядят тексты, где буквально воспеается красота дев: «Эта девушка на [той] земле была самая красивая. У неё глаза были красивые, как небо. У неё щёки такие красивые были, как вечерняя заря. Волосы у неё такие красивые были, как свет луны. Она на лыжах так быстро бегала, что даже ветер задыхался. Она еду хорошо готовила. Дома у неё тоже хорошо [чисто] было» (Вас.)¹.

Текст с Кети даёт дополнительный акцент для выявления критериев селькупской красоты – ресницы: «В правом ухе у одного из лебедей было серебряное мулло², золотое мулло. Итя взял мулло. Он взял это и посмотрел. Это была дочка маленькой девочки. У неё *были бессмертные серебряные ресницы, бессмертные золотые ресницы*. Он взял эту девушку и положил её на дно своей длинной сумки» (Кеть)³

По порядку перечисления выстраивается некая иерархия «красоты» по-селькупски (на что обращается внимание): глаза (ресницы особенно!), щёки, волосы, умение готовить еду, содержать порядок в доме. Поскольку других каких-либо описаний женской красоты более в фольклоре селькупов не отмечено, условно можно считать, что эти характеристики являются основными при оценке достоинств будущей невесты.

Красота юношей – это их подвиги. Описаний внешности героя-мужчины в текстах фольклора пока не выявлено. По характеристикам героя Ити в некоторых текстах можно сделать выводы о его возрасте (он варьируется), росте (он маленький, иногда это подчеркивается) или чертах характера (он сообразительный, ловкий, хитрый (у него достаточно объёмный список разного рода обманов), иногда коварный, грубит старикам (ворует у слепого старика рыбу), дерзит людоеду и т.п.), но о его внешней красоте или её отсутствии судить сложно.

Девушки сами ищут себе мужей.

¹ Текст6_БТ (Вас.)

² Термин точно не переведен. Возможно, от *мул* – пуговица (СДС, 2005. С. 132).

³ Текст4_доп

Селькупский фольклор ЮДА демонстрирует факт активной роли девушек при выборе себе жениха. Девушки буквально «заманивают» парней стуком топора в лесу: дрова для очага в лесу заготавливают, как правило, женщины и взрослые дочери, поэтому если юноша слышит стук топора, то он может воспринимать этот звук как зов судьбы. Что и происходит с героем сказки «Золотой бобёр» – младшим стариковым сыном: его заманили в дом «стряпки» волшебного (невидимого) хозяина, накормили, напоили, испытали [силу духа? (если бы герой заснул, то навсегда остался бы в волшебном доме)] и затем ему удалось вместе с братьями и невестами вернуться к родителям. Интересен (помимо прочих нюансов данного текста), соционормативный аспект: «Теперь две невесты сказали: мы, заманивши, привели человека, и *отныне пусть так заманивают мужей*. Две девушки сказали: мы, искавши, нашли мужа, *вперёд, если родится девушка, также чтоб сама искала мужа*, мы вот нашли» (Чая)¹.

Девушка, оставшаяся без попечения родителей, также могла проявить активность. Героиня заблудилась в лесу, нашла избушку: «Вечером кто-то пришел. В избу вошел мужчина. Этот мужчина огонь затопил, котел повесил, мясо сварил, кушать сел. Ей на полено мясной кусок положил, говорит: “Это съешь”. Она съела. Тут легла спать. Этот мужчина один лег спать. Вечером он опять пришел. Мясо, сварив, они поели. Он ее кусок мяса съел, она его кусок мяса съела – значит, поженились и легли спать (вместе)» (Обь Сонд.). Из данного фрагмента можно сделать вывод, что если заблудившаяся девушка не ушла на другой день и приняла пищу мужчины (обменялись кусками мяса), то это для него определенный знак: она хочет остаться на правах жены («поженились»).

Сватовство.

Сватаются в текстах селькупских сказок (как и во многих других фольклорных традициях) в основном к «царским дочерям».

У северных селькупов есть несколько сюжетов-мотивов, в основе которых сватовство героя. Все они из собрания Итя-сказок и записаны в среднетазовском локальном ареале:

¹ Текст29_БТ (Чая)

Таблица 15 – Фрагмент Указателя сюжетов с героем Итя

<u>Сюжетная группа 4</u> <i>Герой сватается к статусному тестю</i>	Шифр	Тексты.№ TW
Сюжет №10. Шантаж царя - отца невесты	С-10	
<i>Вариант 1.</i> Ичя шантажирует отца невесты убитой бабушкой	С-10 В-1	38
<i>Вариант 2.</i> Ичя шантажирует (пугает) отца невесты обглоданным мышами своим телом.	С-10 В-2	39
Сюжет №11. Сватовство к богатому ненцу Кто невесту/отца невесты рассмешит? Ича рассказывает, как его щука укусила за зад.	С-11	40, 41, 42

Во всех этих сюжетах Ича сам совершает сватовство (без чьей-либо помощи). Каждый раз достаточно четко подчеркивается невысокий социальный статус самого Ичи и высокий статус тестя и, соответственно, невесты. Шансов у Ичи получить такую жену честным путем (без обмана) немного. Ича применяет такой вид обмана как шантаж и навет (ложное обвинение). Он шантажирует отца невесты либо своим скелетом (обглоданным мышами телом; царь думает, что перед ним Лоз (Дух) и соглашается отдать дочь), либо своей убитой бабушкой. В сюжете с бабушкой он сам нечаянно убивает её, сильно горюет, но затем везёт её с собой к царю (на ручной нарте): «К окну свою нарточку туда поставил. Сам в дом вошел, в дом царя. Царские дочери [посмотрев] на улицу так увидели – Ичина жена в нарте сидит. Царские дочери на улицу выбежали на Ичину жену посмотреть. Смотрят, Ичина жена умерла. Ножом кто-то [ее] заколол. В дом войдя, так сказали: «Твоя жена умерла, Ича». Ича рассердился, на улицу выбежал. Смотрит, его жена умерла. В дом прибежал, на царя рассердился: «Твои дочери мою жену убили, ножом закололи. Жену мне дай!»¹. И царь отдает младшую свою дочь Иче².

В Приобье эти «тазовские» сюжеты не отмечены³, но в ЦДА и в «контактной зоне» (Обь Ив.) есть иной сюжет о сватовстве героя к царской дочери

¹ Текст 38ТЦ_Таз

² Этот сюжет был записан еще в XIX в. и опубликован: Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. С. 33-34.

³ Есть сюжет, где только частично задействован мотив убитой бабушки, которую «таскает» за собой в ручной нарточке главный герой – младший (глупый) брат. В этом сюжете нет мотива сватовства к царю, но

– сказки «Бык-сын»¹ и «Как рябчик человеком стал»². Фактически это один сюжет (сказки близки друг другу вплоть до деталей), вариативен только первоначальный облик главного героя – он в шкуре быка или в шкуре рябчика. Героя находит старик, приводит (приносит) его в дом. Бык (или Рябчик) предлагает считать себя сыном, затем просит старика посватать за него царскую дочь: «Однажды из бычьего рта голос вышел [бык заговорил]: «Пусть старичок поедет [за меня] царскую дочь сватать, самую старшую дочь». Где слыхано, чтобы за быка человек замуж выходил. Говорит [бык]: «Поезжай, если она не пойдет [за меня замуж], я его город со всем вместе в море рогами забодаю [столкну]». Бык говорит [так]. Ну старик, голову свою повесив, коня запряг, туда отправился» (Парабель).

Старик едет в другую деревню: «..Этот царь спрашивает: «Зачем к нам приехал?» – «Я потому приехал, что мой сын хочет жениться. Хочет взять вашу дочь». Этот царь не хотел разговаривать, его [старика] всего топором изрубил, в сани положил, коня отпустил» (Обь, Ив.). Однако третье сватовство в данном сюжете завершается успехом.

Таким образом, из контекста следует, что в роли свата выступает названный отец жениха, никаких подарков для невесты или её родителей он не приносит, особых ритуальных фраз не произносит. Котел как предмет, важный для процедуры сватовства (известный в таком качестве по данным этнографических публикаций), в этих сказках не упоминается.

На Кети и на Оби (Ив.) отмечен еще один способ получения невесты: она дается герою как подарок – в черном берестяном сундуке или в лукошке (берестяной коробке) В тексте с Кети невесту-лоза (духа) в лукошке получил Ите от волшебного хозяина с указанием не заглядывать раньше времени в лукошко. Но Ите решил: «Давай второе лукошко открою,... Открыл – там невеста – *некувай-ниттень*. ...«Итте, меня отец дал тебе в жены», – девка говорит».³ Эта невеста и «парнишка», т.е. как бы «сынок» Идти, несколько раз по ходу сюжета

нечаянно убитая бабушка также приносит герою благополучие: она сваливается из нарточки на голову разбойникам, те в испуге разбегаются и оставляют корчагу с золотом. Текст32_БТПарабель.

¹ Текст26_БТ Парабель, Нельм.

² Текст25_БТ Обь Ив.

³ Текст36_БТ Кеть, Марк.

спасали Итте от смерти, являясь по сути его лозами-хранителями. Во всех подобных вариантах ни герою, ни его отцу сватать невесту не приходилось.

Текст с Оби, записанный в 1888 г., имеет следующий фрагмент с дарением невесты: «Недолго он [Идьё] так сидел, и человеческий голос говорил: «Гость пришёл, с левой стороны стоит сундучок, тот возьми». Идьё встал, взял сундучок, и вышел с ним на улицу, сел на лыжах и пошёл домой»¹. В другом варианте данного сюжета есть некоторые дополнительные указания, как надо обращаться с сундучком, чтобы получить невесту: «Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? Сначала подарок получишь от нас». Подарили ему чёрный сундучок из бересты, и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!». Идьё надел лыжи и пошёл домой»². Невеста оказалась волшебная, от нее исходило сияние, она кормила героя и его гостей необычной едой и обладала иными волшебными знаниями и умениями.

Однако параллельно с невестой, полученной в подарок, в данном сюжете есть мотив сватовства: такую же невесту, как у Идьё, захотел себе младший сын Kholgezeit, и он просит Идьё сходить в город и найти-просватать ему такую же волшебную невесту. Они отправляются вдвоем на летающих лыжах. И вдруг: «Раз, сорока прилетела к ним и села на лыжи, и говорит: «Sügrüt-pügrüt! Если идут за девицей, то со стариками надо, а вы оба молоды и меня с собой не взяли». Эта сорока – был Кана (старший сын Kholgeze) ³. Он очень рассержен, что его обошли, не взяли ни в качестве свата, ни как одного из женихов, которому по возрасту и статусу более положено жениться, чем его младшему брату. Далее он всячески мешает женитьбе своего брата.

Из этого важного момента можно сделать вывод, что при сватовстве должен был присутствовать «старший» родственник, и что селькупский фольклор подчеркивает, что «по правилам» сначала должен жениться старший брат, и только потом младший может отправиться за своей невестой.

¹ Текст1_доп Обь, Заик.

² Текст2_доп. Обь Ив.

³ Текст2_доп Обь Ив.

Однако, несмотря на «правило», когда старший родственник (отец) должен искать невесту сыну, богатыри в селькупских богатырских сказаниях обычно сватаются сами (см. фрагмент текста, записанного А. Кастреном в 1846 г.):

В отцовский дом я вошел,
Сижу в доме,
Отец спит, он проснулся, он говорит:
(20) «Кто пришел?»
«Я пришел,
Маленький сын.»
«Почему ты пришел?»
«Я пришел спросить,
(25) мир вокруг ты обошел, ты жену не нашел?»
Отец говорит:
«Не нашел,
Сам ищи!»
(30) «Отец! Я пойду
На место «второе дерево»,
На гору
За дочкой царя пойду.»
«Маленький сын! Не плохо,
Это будет хорошо.»¹

Во время богатырского сватовства, как и в других фольклорных традициях, происходит богатырское состязание: «Тогда встали сыновья [царя] и пошли к неведомому богатырю. И двое, взяв его за обе руки, начали его поднимать. Но старшие, хоть и двое, не могли поднять богатыря, и, заплакавши, отошли прочь. Наконец подошел и меньшей сын, и один поднял лежащего»². В данном фрагменте представлен весьма своеобразный вид борьбы: *кто поднимет лежащего*. По этнографическим данным – не фиксируется: никаких свидетельств наличия такого вида борьбы (измерение силы) у селькупов никогда не отмечалось.

Оригинальный текст (букв. перевод) дает интересный нюанс: богатырь лёг в доме, где проходит пир, за пленницей, и его замечают не сразу:

75) За печкой пленница
За печкой
Я лег, поленья
На себя положил;
(80) лежу семь дней.

¹ Текст1_БТ Среднеобск.

² Среднеобск.

Свадебный пир.

Подробное описание свадебного пира редко присутствует в аутентичных селькупских текстах.

В тексте-пересказе селькупского богатырского предания есть эпизод: «Тогда царь вновь устроил пир, посадил пришельца за стол, и велел младшему сыну привести сестру и посадить ее рядом с богатырём, чтоб она стала его женой. Свадебный пир продолжался семь дней. Затем богатырь простился, и вместе с невестой возвратился к дереву, на котором оставил своего орла»¹.

В оригинальном тексте это представлено так:

Отец говорит:
 (115) «Маленький сын! Сестру-твою приведи,
 Посади ее на его сторону.»
 Маленький сын в другой
 Дом пошел, там задержался,
 Оттуда сюда привел
 (120) рядом со мной
 Посадил (ее);
 Мы начали вино пить;
 На седьмой день
 Мы встали, ...²

Никаких особых подробностей пира в данном фрагменте не присутствует: невеста сидит рядом с женихом, пир длится семь дней, из всех яств упомянуто только вино; однако наличие еды подразумевается.

В другом тексте о Сыне Нума в эпилоге есть указание, что он семь островов таскал за то, что на свадьбе своей старшей сестры «раньше всех старших еду со стола схватил» (Таз)³.

Герой приводит невесту в дом.

В текстах сказок нередко завершающим мотивом выступает эпилог, когда герой возвращается домой к бабушке/матери или тёте, воспитавшей его, и приводит с собой добытую в ходе путешествия невесту. При этом в двух текстах есть упоминание о некоторых обрядовых действиях, совершаемых невестой и

¹ Текст1_БТ Среднеобск (пересказ А. Кастрена)

² Там же.

³ Текст «Кенгерселя» // Легенды и мифы Севера. М., 1985. С. 136-139.

матерью жениха (но к сожалению детали либо плохо были записаны К. Доннером, либо пока не переведены с селькупского оригинала):

- 405. И потом сказал он девушке:
- 406. «Останься здесь,
- 407. Я зайду один сначала в дом». ...
- 441. Итя сказал Тёте:
- 442. «Тётя, чтобы ты сказала, если бы я привез девушку?
- 443. Тётя сказала... ...
- 445. Она взяла стрелу с перьями,
- 446. Шелк...
- 447. И Тётя вышла на улицу.
- 448. Она ввела девушку в дом.¹

Также есть упоминание о том, что молодая героиня «кланяется» жене старшего брата, вручая ей кусок шелковой материи (однако остается не ясным: подарок вручается в знак примирения и прощения, или в силу вступают новые родственные отношения?): «Медведица [в дом] вошла. Эта девушка взяла шёлковую материю, поклонилась [медведице], шёлковую материю [ей] отдала, [сказала]: «Прости меня» (Вас.).²

Мать провожает сына в дальний путь.

Если ребёнок растёт без отца, именно на женщине лежит обязанность передать ему его имущество, среди которого, как правило, было оружие (лук и стрела), лыжи, а также идолы (домашние духи), играющие роль своеобразного «защитного вооружения героя»: «Вот Ича подрос и однажды говорит бабушке: «Деда моего покойного лук и тамар (стрела) где спрятаны?» Бабушка ответила: «В амбаре». «А у деда моего лоз-покровитель где-нибудь спрятан?» . «Будто в амбаре что-то такое есть». Ича в амбар полез, все дедовское имущество забрал»³.

В тексте, записанном К. Доннером на Кети, есть также фрагмент проводов героя: «Тётя вышла из дома, пошла и положила лозов в коробе в нос итиной лодки. Итя весла наконечником бросил кузов с духами на берег»⁴. Он потом сурово поплатился за то, что не взял духов с собой.

¹Текст4_доп Кеть

²Текст24_БТ Параб.

³Текст27 Турухан

⁴Текст4_доп Кеть

Есть эпизод с проводами матерью юного героя и в одной из богатырских песен Кастрена:

Женщина плачет,
Женщина поднялась,
Взяла из люльки одежду-платье,
Принесла мне, одела меня,
(35) повязала меня мечом,
Дала лук и стрелу¹.

Возможно, здесь отражены какие-то обрядовые действия.

Смерть и похороны.

В созданном фольклорном корпусе текстов всего 6 фрагментов с упоминанием похорон (как процесса) или каких-либо видов (элементов) захоронений (задавались термины: могильный холм, погребение, яма могильная и т.п.).

Кеть: просто похоронили (без указания деталей): «Потом они переночевали. Утром встали, похоронили Пюнегуссеву Старуху-мать. Потом начали жить».²

Таз: грунтовые захоронения: «А старуху – люди царя яму сделали и старуху похоронили»³. Более детально представлены похороны (хоть и мнимые) в другом тазовском тексте: «А старуха так сказала: «Ича, я, забывши, съела твоего карася.» Ича сразу упал, умер. После этого старуха куда денется? Ичу стала хоронить. В ветку [= челнок] из коры погрузила, на ту сторону на вершину яра перевезла. Ичу за шею веревкой привязала, на берег тащит. Ичу похоронила. Назад переехала. Вечером сидит, [все] тихо.. Дверь откинута на нюк. Сидя так кричит: «На той стороне медведь спустился свежие кости съесть.» [бабушка пошутила]. Ича [через] землю вверх прошел насквозь. «Где [он] есть? Где [он] есть?» – так кричит.⁴ Можно сделать вывод из данного фрагмента, что речь идет именно о грунтовом погребении.

Турухан: курганный способ погребения: «Идет [Ича] куда глаза глядят. В самую середину чащи леса зашел. Там погребальный холм возвышается, а из него

¹ Текст3_БТ Среднеобск.

²Текст4_доп

³Текст38_TWТаз

⁴ Текст31_TW Таз

наружу огонь и дым струятся. Подошел [Ича] и слушает. Там два голоса, слышно, говорят, людей из княжеского города как им погубить договариваются. Вспомнил Ича, что могильный холм этот старшим дочкам князь после их смерти сделал.¹

Также о рукотворных курганах, созданных после битвы богатыря с воинами, пришедшими забрать у него жену, есть упоминание в тексте из Васюгана: «Он [богатырь]упал, он умер. Земля провалилась. Богатырь туда вниз упал. На этом месте озеро появилось. Эти люди [деревенские мужики]всех мёртвых людей в кучу собрали, вместе похоронили. Там сосны, березняки выросли»².

Конечно, нельзя не отметить фактически описание кремации, которую совершает герой Итя с телом своего противника Пюнегуссе – эпилог с сожжением тела Пюнегуссе есть в 9 Итя-текстах: «Чтобы предупредить для него всякую возможность вновь ожить, как это уже раньше случалось, необходимо было совершенно уничтожить его тело. Поэтому Итьте срубил несколько больших деревьев, сделал из них костер, развел костер и бросил на него тело великана, который вскоре сгорел и превратился в пепел, но в тлеющих углях челюсти Пюнегуссе еще двигались, скрипя друг о друга, и был слышен голос, вскричавший: «вы убили и сожгли меня, но все же буду продолжать мучить людей: каждое лето ветер будет развеивать мой пепел, и пылинки будут летать кругом людей и сосать их кровь».³

Социальная стратиграфия

Любой социум выстроен по принципу пирамиды: даже в небольшом человеческом коллективе всегда присутствует социальная иерархия. Отношения управления/подчинения нередко составляют коллизию многих фольклорных и других художественных произведений в разных этнических традициях. Логично предположить, что фольклор селькупов также должен отражать (пусть и в упрощенной форме) данный вид отношений, и в целом – социальную

¹ Текст27_TW Турухан Фарк.

² Текст5_БТ Васюган

³ Текст60_TW Доннер

дифференциацию общества. Эта дифференциация присутствует в некоторых текстах как оппозиция главного героя и «царя».

Царь

На всю подборку селькупского фольклора, представленного в данном исследовании, в 115 русских текстах-переводах к селькупским фольклорным текстам-оригиналам слово «царь» (и его словоформы) использовано 264 раза. Этот фольклорный персонаж появляется в 15 текстах¹. При этом на селькупском языке всегда задействован свой термин – *qōn, qok* или *āmti'l' qok, амдиқок*.

В разных локальных группах этот термин применяют к разным по значимости существам: на Кети – к Духам: *Кон* – хозяин пещеры; *амдиқован пари* – хозяин мыса (вершины) (он же Массу – Семи сажений).

У северных селькупов в двух текстах (Таз, Баиха) присутствует некое существо – «небесный царь» *Qon māṭāka* – кон Мытыка/Мотока, с которым борется Ича. Убив этого «небесного царя» (*Norqil qok qənniti*), Ича и его братья какое-то время «живут его мясом».

И только в пяти северных текстах (TWN№38, 39, 56² (Таз) и 57, 58 (Турухан)) царь – это некий правитель, главный человек среди людей.

В текстах TWN№38, 39 *qōn* или *āmti'l' qok* живет в «городе» и имеет дочь, к которой сватается Ича. Поскольку Ича не может честным путем получить у царя его дочь, то он запугивает его, и в итоге добивается своей цели – царь отдает ему дочь.

В текстах TWN№40, 41, 42 (Таз) вместо царя, чью дочку старается получить Ича, выступает «ненец-старик» – *qāl-ira*, как образ некоего «богача». В текстах 40 и 42 ненец имеет собственное имя – *Тыршако-ира*. В текстах с богатым ненцем, несмотря на схожесть коллизии с предыдущими текстам, где бедный герой сватается к богатому тестю, в качестве решения проблемы выступает не обман, а выполнение условия отца невесты: рассмешить его самого/или его дочь. Ича с успехом выполняет это условие: рассказывает, как по пути его укусила щука за

¹ Царь: TW: №36, 50 (Кеть), 38, 39, 48 (Таз), 49 (Баиха), 56 (Янов Стан), 57, 58 (Турухан). ТБ: №1 (среднеобск), 24, 26, 30, 33 (Парабель), 25 (Обь, Ив.), 3_доп. Кеть.

² В тексте №56 вместо термина «царь» в русском переводе используется слово «князь».

зад. Ненец так смеялся, что «на спину упал[от хохота], свой чум чуть не наружу прошел насквозь [=чуть не пропорол стену своего чума]». В итоге именно Иче он отдает свою дочь.

Невысокий относительно царя (или богатого ненца) социальный статус героя подчеркивается нюансами: у Ичи маленькая лодочка (веточка) из коры, его бабушка сомневается, что Иче удастся просватать богатую невесту, он в чуме садится с краю после всех и т.п..

Сюжет текстов 56, 57, 58 – отличается от предыдущих: Ича хитростью противостоит жадному правителю и его людям. Герой вызывающе обманывает их с помощью своей бабушки (всучив людям царя нож, якобы убивающий и оживляющий людей). Этим ножом царь и его люди «все себя изрезали», но не смогли потом оживить.

В данных текстах царь имеет имя – *Корсэ-ира* или *Җолсақ ира - Кольцак Ира*. Подчеркивается его богатство: у него есть коровы (а его люди названы «богатыми оленщиками»), также подчеркивается его «жадность»: он всё время высматривает, не идет ли черный дым у кого либо из очага (если идет, значит, варят большую еду, надо сходить проверить, отобрать) и т.п. Так, в записи из Янова Стана говорится: «Корсэ-старик был любопытный, жадный. Он часто посылал своих работников посмотреть, что его люди добыли, много ли ценных шкурок, много ли диких оленей добыли, не утаили ли что от князя своего»¹. В туруханском тексте Кольсако ира также посылает своих слуг смотреть, что делает Ичакечика.

Интересно отметить, что в текстах, записанных на Оби (Ив., Зайк.) в 1888 г., правителя города называют похожим именем: Кольгоце, Кольгоссе², Кольгей (в записи К. Папай: Kolgheze, а также Khonde-χont)³.

У правителя есть сын – Kolghezej-it (ī, ij – сын;). Упоминается также, что у Kholgej-it-а есть старший брат – Kana (с эпитетом «дикий»). В другом тексте

¹Текст 56_ TW Янов Стан

²TW№45 - Идя, Кана, Кольгоссе гонят лося: *Пёҗ, Йде, Кāна, җолгоссā* (Обь, Ив.).

³В русском переводе этих двух текстов использованы собственные имена для номинации правителя города, и термин «царь» в этих текстах не задействован.

говорится, что Кана – человек Колгецеита (Kolghezejit-a – сына Кольгоссе); но ни в одном тексте не сказано, что у Kolgheze было два сына: Kholgezej-ī и Кана¹.

Также интересной является подробность: в тексте 1888 г. Кана «... когда увидел дым над домом Идье, говорит: «Густой дым поднимается, они наверно кушают что-то хорошенькое, посмотрю-ка»².

Несмотря на схожесть многих важных деталей, сюжетный разворот в обских текстах 1888 г. и в текстах №56,57, 58, записанных на Турухане, разный: набор сюжетообразующих мотивов в них не совпадает.

Иной мотивный ряд имеют также два текста (БТ_№25,26), записанные на Парабели³ и на Оби (Ив.). В них Бык-сын/ Рябчик-сын направляет своего отца к царю-правителю высватать для него невесту. У царя три дочери, и только младшая соглашается выйти за героя замуж.

Город царя – āmti' qōt qētti (Таз), *Қолсақ ирал қатты* (Турухан),
Kölget-kvač, Khonde-χont-kvač (Обь, Ив.)

Одной из важнейших характеристик царя является наличие у него своего города: «*Mannimpatī āmti' qōt qētti ata* - Смотрит[Ича], царский город виден»⁴. Название город имеет по имени правителя или просто *āmti' qōt qētti* - «царя город».

Как правило, город находится на берегу (в тексте из Ив. – на Оби), по «ту сторону реки» относительно места обитания героя: «По ту сторону реки был город Kölget-kvač, там много народу жило»⁵. Идье добирается весь день до этого города на летающих лыжах: «Одним утром Идье встал, ещё еле рассветало, и он говорит своим лыжам: «Есть город, Khonde-χont-kvač, туда меня везите». Сел на

¹ Тексты №1,2_доп. Обь Ив. Заик.

² Текст1_доп.

³ Текст БТ №30 – «Про Чёрного царя и трёх его внуков», также записанный на Парабели, исключен из анализа, как «русский» по сюжету (рассказанный по-селькупски). Имена внуков: Степан-царевич, Алексей-царевич и Иван-царевич. Детали «царской жизни» (дом из 12 комнат, в последнюю – заходить нельзя; табуны коней и т.п.), а также сюжетные коллизии, аналогичные некоторым сказкам, не типичным для сибирского фольклора, предполагают, что данный текст необходимо исследовать особо.

Текст БТ №33 «Два брата»: Царь умер, его жена осталась с сыном. Из-за козней матери сын прогоняет свою якобы неверную жену с двумя сыновьями. Детей впоследствии спасает львица(?). Данный текст также требует отдельного подхода.

⁴ Текст39_TW Таз

⁵ Текст1_доп Обь (Заик).

лыжах, взял в руки ***. Лыжи поднялись, полетели уже близко к небу, и под вечер уже прибыл [он] в Khonde-χont-kvač. Там он определился и на землю спустился»¹.

В туруханских текстах tw№56,57,58 город имеет черты русского административного центра начала XX в. с наличием чиновников, слуг, солдат, тюрьмы: «Рядом город царский *Колцак Ира*. Ичекичика сидит [дома]. Кушать, продуктов нет... Он наворовался в городе (корову убил). Чиновник в городе: Что так крепко у него...из печки такой дым идёт? Слугу отправил. Слуга. ...солдат с винтовкой, узнать, что за воровство?»². «Город Колсако ира недалеко был. ... коровы Колсако ира всегда терялись,... Он думает, что Ичакечика ворует. Послал к нему слуг двоих смотреть, что делает Ичакечика. Он (Ичак) знает, придут с ружьём, его поймают (арестуют), посадят в тюрьму»³.

Однако есть текст, также записанный на Турухане, где город выглядит как большое стойбище: «Ичин чум на краю княжеского города стоял..... Вдруг такое несчастье случилось: каждую ночь из княжеского города пять-шесть чумов пустеет, люди из них исчезают...»⁴.

Живёт царь, как правило, в доме. «Ича поднялся, на берег вышел в царский город. К окну свою нарточку туда поставил. В дом царя вошел, в дверях встал»⁵.

В текстах богатырских песен А.Кастрена (1846 г.) акцентируется «крыша города»:

Стрела в город (на крышу) полетела,
Разбилась,
(Крышу) разбила⁶;

Кроме того, в этих песнях есть упоминание о народе, населяющем город и встречающем прибытие своего правителя, что в других текстах отсутствует:

(290) Мы снова
На трех птиц
Сели, взлетели,
Опять семь дней

¹ Текст1_доп Обь (Заик).

²Текст57_TW Турух. Фарково

³Текст58_TW Турух.

⁴Текст27_TW Турухан

⁵Текст38_TW Таз

⁶ Текст1БТ_ среднеобск.

(295) мой собственный город
 Мы достигли,
 Мой народ город
 Украсил
 В дом входя,
 (300) приготовил мой народ выпивки
 Мы сели, выпивая,
 Сидели семь дней

В текстах К. Папай, записанных в 1888 г., есть фрагмент разрушения города (делают это Кана и два человека с необычными способностями): «Внезапно в полночь огонь везде разлетелся, и там стоял Кана, держит ***? в руках, а два мужика его держат. Через дверь все прямо вышли на улицу, перешли через Обь, и там шум, крик раздался. Потом затихли. Утром, когда встали, видят, что город Kolgei уже не стоит, полностью сгорел. Только у Кана, у кого был карамо, исходил дым».

Во втором тексте (Ив.) эпизод разрушения города выглядит следующим образом: «Пошли они в город Колгезеита, и там звучал такой крик, будто собаки лают. Утром жена говорит Идье: «Пойди ты в город Колгезеита и посмотри, что за шум был там». Идье сходил в город Колгезеита и видит, что там нет домов, нет там ничего. Люди убитые, кинутые под яр, дома сожжённые. Только над карамо Каны видно было, что дым поднимается»¹.

Как неким волшебством этот город разрушили, так необычным способом его восстановили: «Вечер был, когда домой дошли, и поспали у Идье. Утром, когда проснулись, видят, что Kolgei-kvaś так там стоит, как до тех пор». В другом варианте: «Тогда Идье сказал двоим мужикам: «Город Kolgkheze-it–а сделайте таким, каким он был». Они двое говорили: «Только не убивай нас, мы построим его лучше, чем он раньше был».

Важно отметить, что некоторые тексты, где есть город и царь, завершаются эпилогом с «воцарением» Ичи: «Идье стал князем; они стали ему налоги платить: платили сободем, горностаем». В туруханских текстах: «Выбрали селькупы над собой Ичу старшим. И жить хорошо стали. На этом и конец»².

¹ Текст1_доп Обь

²Текст56.

Богатыри и богатырские битвы.

В русских переводах селькупских сказок слово «богатырь» использовано 119 раз, но в основном все словоупотребления приходятся на 1–3 песни, записанные в 1846 г. А. Кастреном. Помимо этих текстов, данный термин использован еще только в 4 текстах (Кеть, Васюган)¹. При этом, нет ни одного словоупотребления «Богатырь» из текстов СДА.

Именно в богатырских песнях из записей Кастрена есть также описания богатырского оружия и богатырских сражений. Наиболее объёмный и репрезентативный пример из текста №3:

Лук, стрелу, меч
Засунула она в люльку

Лук висит.
(45) Одежду взяв,
Я оделся,
Опоясался мечом,
Лук я взял,

Мечом махнул,
Героя напополам
Перерубил,

Мечом махать-рубить
Я начал,
Лука тетива
Звенит,

Мечом я рубанул
(260) две половины,
Весь развалился он.

Я мечом рублю,
Голова прочь летит;
(135) снова троих я вижу,
Они рубят, убивают;²

В васюганском тексте, когда коварная жена не предупреждает богатыря об опасности — приходе «деревенских мужиков» — воинов её первого мужа, тот сражается таганом, т.е. просто палкой³ (селькупский таган — это палка с

¹ Богатырь: TWN№60; БТ№1,3 (Среднеобск.), 5,6,41 (Васюган).

² Текст3_БТ Среднеобск.

³ Текст5_БТ Васюган

зарубками, воткнутая под углом, на которой висит котел над очагом). При этом мужики стреляют в богатыря «железными стрелами».

В СДА, хоть и нет обозначения героя как богатыря или воина, но есть несколько описаний битв: «Люди рассердились [на Йомпу]: «Старуху не ты ли в огонь толкнул?». Йомпу луками стрелять стали. Йомпа сидит. Вдруг впредь рассердился, вскочил, под гору побежал, лук свой схватил, на гору повернулся, людей стрелять стал, людей перестреляв, целиком в воду побросал с чумами их (и со всем имуществом)».¹

Другое описание настоящей битвы есть еще в двух текстах из СДА: №48 (Таз), 29 (Баиха) – это битвы с небесным царём Коном Мытыка: «Ича выскочив, рубанув, сломал. Царя (Кона) Мытыку убил-он. Потом наружу вышли-они-многие. Черный железный гроб сделали-они-многие. В черный железный гроб залезли-они-многие. Бог, гремя, наружу выбрался. Потом Ичи черный железный гроб бросил (? выстрелил). Черный железный гроб его будто мохом оброс. Потом небесный (на небе находящийся) царь вылез. Выстрелил. Ичи черный железный гроб выстрелил. Только железо громыхнуло»².

Можно предположить, что черный железный гроб – это фольклорный образ военного самолета (?). Но это только предположение. Помимо данного *фольклорного супероружия* в этих текстах еще есть «стреляющее облако» и отказ, стреляющий огнём»: «Вот лето настаёт (букв. Бог летовать начинает). Железный гроб давайте сделаем (мы-многие). Сделал. Живут (они-многие). Слышит (? слышат). Гром гремит(букв. Бога голос слышен/слышится). Облако, гремя, взошло (появилось на небе). Взошло, вниз погрузилось (опустилось к земле). Сверху вниз выстрелил (?о). Облако выкатилось, земле навстречу взошло, вниз погрузилось. Стрелять стал, облако упало с неба. Наружу выскочили (они-многие). Зарубили (они-многие). Убили (они-многие). Небесного царя (букв. находящегося на небе царя) убили (они-многие). Мясом его живут (они-многие)»³.

¹Текст37_TW

²Текст49_TW Баиха

³Текст48_TW Таз

Отказ, стреляющий огнём: «Отказа твоего черенок сгорел (букв. огонь съел). Стрелять начал. Упало с неба. Рубить стали (они-многие), а отказа голова отломилась»¹.

Характерная черта описания битв (сражений): они несколько раз повторяются в рамках одного сюжета: в текстах 48 и 49(TW) – до 5–6 раз в каждом; в тексте 3 (БТ) (богатырской «песне») – также упомянуто минимум о пяти сражениях (с одними и теми же противниками).

Во всех остальных случаях противостояния героев селькупского фольклора не выглядят как военные сражения или боевые столкновения.

Мировоззренческие элементы селькупской мифологической картины мира выявлялись и анализировались автором в рамках работы над энциклопедией «Мифология селькупов» (2004)². Для данного издания автором были подготовлены на фольклорном материале селькупов ЮДА и ЦДА следующие аналитические статьи: Космогонические мифы, Мифы об устройении мира, Структура мироздания; кроме того, был написан целый ряд словарных статей (243 ед.).

Дополнение к селькупской мировоззренческой картине по корпусу текстов, составленному для данного исследования, см. Приложение В (раздел Мифология).

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

О возможностях корпусного подхода: данный подход к фольклорному материалу позволяет выявлять сразу большой и детально дифференцированный набор этнографических аспектов, давать моментальный статистический ряд: количество словоупотреблений, количество текстов, имеющих анализируемые этнографические детали и т.п. Всё это позволяет делать обоснованные вывод относительно того, единичным или типичным является тот или иной объект или нюанс. Кроме того, это дает возможность более детально дифференцировать

¹ Текст48_TW Таз.

² Мифология селькупов / Авторы: Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Малони А.А. и др. Томск, 2004. 380 с.

материал по локальным ареалам и хронологическим периодам (отделять сведения текстов XIX и XX вв.).

Выводы относительно выявленных элементов этнографической культуры: сумма выявленных этнографических элементов (маркёров) позволила буквально написать своеобразный этнографический очерк, характеризующий этнографическую культуру героев селькупских фольклорных произведений. Нельзя однозначно экстраполировать эту культуру на культуру селькупского этноса: совпадения не могут быть абсолютными и неопровержимыми. Следует помнить, что выявляемое «культурное полотно» – это культура фольклорных текстов, но не культура самих селькупов. Хотя она, безусловно, является производной от реальной этнографической культуры селькупов, и, тем самым, позволяет делать некоторые выводы относительно реальной этнографии.

Фольклорные тексты дают некий архаизированный облик культуры. Однако эта архаика не глубокая – с «шагом назад» на 1–2 столетия или полстолетия: сказки записывались в основном в середине XX в., но в них практически нет реалий советского быта, и только в туруханских текстах отмечены реалии города конца XIX–начала XX в.

Если каких-либо элементов культуры нет в фольклорных текстах или они слабо в них представлены (например, редки сведения об одежде), то это значит только одно: для фольклорной традиции селькупов описывать детали одежды героев было не типичным. Зато в селькупских сказках есть обязательные упоминания (практических в каждом тексте) о хозяйственных занятиях героев (в основном упомянута охота (белкование и охота на водоплавающую дичь) и рыболовство (сетью)). Есть упоминания о таком хозяйственном занятии как сбор дров для топки очага. Об оленеводстве в текстах упоминаний практически нет (кроме текста №35_TW; никакие иные тексты следов домашнего оленеводства не несут). Можно сказать, что селькупы (в том числе и северные) не формировались как оленеводы. В целом олени являются редкой деталью в селькупских фольклорных текстах: только в тазовской группе (в 2-х текстах) есть упоминания об охоте на диких оленей.

Описания социальной жизни в фольклоре присутствует избирательно: нередко развернутые описания гостевого этикета, а также упоминания о проводах героя (сына, внука) в дальнюю дорогу или о деталях свадебного обряда (мотив свадьбы героев присутствует в некоторых эпилогах).

Выводы относительно этнической истории селькупов. Нет данных для обоснованного вывода о том, что собранные тексты характеризуют «осколки» (компоненты) разных этносов, вошедших в состав селькупов. При этом, нельзя сказать, что иноэтничные тексты (или иноэтничные влияния на сюжеты?) не заметны совсем: Текст№30_БТ вполне четко идентифицируется как русская сказка (возможно, имеющая контаминацию с неким селькупским сюжетом); Текст№35_TW, возможно, ненецкая сказка (Ича там передвигается на ездовой нарте по тундре), Текст№6(БТ) – хантыйская. При этом, учитывая, что фольклорная традиция вольна впитывать в себя фольклорные мотивы и образы из любой этнической традиции, обогащая тем самым селькупский фольклор, однозначно определить сюжет (текст) как заимствованный, не представляется возможным (если только сам сказитель не оценит сказку как сказку другого народа, как это указано в зачине сказки №6(БТ): «Мой муж был хант. Он рассказал мне на хантыйском языке эту сказку»).

В свете поиска внутриэтнических связей между отдельными локальными группами по данным деталей контекста фольклорных произведений селькупов следует отметить, прежде всего, как близки по контекстным нюансам сюжеты с наличием «города», рядом с которым живёт герой, из таких далеких друг от друга локусов как Турухан и Обь (Иванкино, Зайкино).

3.3. Селькупский фольклорный материал и его корреляция с этнической историей селькупов

В ходе исследования вопроса распространения фольклорных сюжетов и мотивов в ареале расселения групп селькупов автором был применен метод, который можно охарактеризовать как «ареальный метод»: маркёры сюжетов (прежде всего, номера Итя-сюжетов) были нанесены на географическую карту.

Первоначально маркёры выглядели в виде знаков-пиктограмм (каждой сказке с характерным сюжетом был присвоен свой знак); впоследствии знаки были заменены буквенно-цифровой маркировкой С-1, С-2 и т.д. (см. Приложение Б, 4).

Впервые эта идея – разместить маркёры сказок на карте – была осуществлена автором в 2004 г. при подготовке к выступлению на конференции в г. Сегеде (как иллюстративный материал к докладу); впоследствии карта с нанесенными на неё знаками – маркёрами сюжетов - была опубликована в статье «Эпос об Итте» у южных селькупов» (2005)¹; переопубликована в статье «Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой» (2013)². В дальнейшем идея совершенствовалась, и на данный момент имеет вид таблицы (см. Табл.16) с перечнем отмаркированных сюжетов и указанием ареалов расселения селькупов; а также вид карты (в двух вариантах: 1) с маркировкой сказок знаками; 2) с буквенно-цифровой маркировкой (см. Приложение А «Карты» (3,4)).

Таблица 16 – Распределение сюжетов Итя-текстов по диалектно-локальным ареалам селькупов

Северный диалектный ареал			
Сюжетный состав среднетазовского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1	С-1, В-1	«Ича попадает в ловушку Людоеда, затем варит его дочерей». такой же сюжет был записан на верхнетазовском говоре в пос. Толька	1, 2, 3, 4 (+три неопубл.) ³
СГ_1	С-4	«Невеста без ушей»	35
СГ_2	С-7	«Бабушка съела карася (Бабушка шутит: Ича, вставай, медведь идёт!)»	30, 31 (+1 неопубл.)
СГ_4	С-10	«Шантаж будущего тестя»	38, 39
СГ_4	С-11	«Сватовство к богатому ненцу»	40, 41, 42
СГ_5	С-13	«Чей забор?» / «Чья земля?»	29
СГ_6	С-18	«Человек в семье Великанов»	55
СГ_7	С-19 (В2)	«Герой борется с Лозами из проруби»	54
СГ_7	С-20	«Борьба Ичи с Кон Мытыка»	48

¹ Тучкова Н.А. «Эпос об Итте» у южных селькупов» // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005.S. 95–111.

² Тучкова Н.А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой // Вестник ТГПУ. Томск, 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.

³ Атрибутивную информацию о неопубликованных текстах см. в СУ в графе «Неопубликованные» – Прил.Б, 4.

Сюжетный состав баишенского локального ареала			
Район <i>туруханского</i> говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1	С-1, В-3	«Ича попадает в ловушку-расщелину; догоняет Лоз-ира в шкуре ястреба-мышелова»	13, 37
СГ_2	С-6	«Бабушка – даритель волшебных предметов»	27(1),28
СГ_7	С-19, В-3	«Ича борется с необычным противником (с Йеретями)»	27(2)
СГ_5	С-12	«Ича наказывает за жадность»	56,57,58
Район <i>баишенского</i> говора баишенского диалекта (Ганя Мантаков)			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1	С-2 В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда» («Один дома»)	17
СГ_7	С-20	«Борьба Ичи с Кон Мытыка»	49
Южный диалектный ареал			
Сюжетный состав кетского локального ареала			
Район <i>верхне-/ средне-кетского</i> говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1:	С-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит в котле его дочерей»	5,6,11
СГ_1	С-1, В-3	Итя добывает для Людоеда двух лебедей с пепельным горлом, из уха одного лебедя достает невесту с серебряными ресницами. *в тексте есть мотивы-эпизоды с бабушкиным предупреждением об опасности (косоглазые караси-утки), с ловушкой-дразнилкой и эпизод с попаданием рук Ити в расщелину.	ДоАл:5
	С-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда, но с помощью ножа выходит наружу»	15
	С-2, В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда («Один дома»)	21
	С-3, В-2	«Итя заставляет Людоеда снять его железную шубу, народ Ити убивает Людоеда»	60-3
СГ_3:	С-9	«Итя с женой борется с Людоедом и сестрой Ити»	36
СГ_5:	С-12, В-2	«Старик наказывает за жадность»	59
СГ_6:	С-14	«Итя в гостях у Старика-Массу, который дал ему творящую шерсть»	50, 51
	С-16	«Итя и семейство Лесного духа»	60-1
	С-17	«Итя помогает Птице и Рыбе»	60-2
СГ_7:	С-19	«Итя добывает огромную Рыбу-Мать»	52, 53
СГ_8:	С-21	«Итя со спутниками гонит лося на небо»	46
Район <i>нижне-кетского</i> говора – 0 ед.			
Район <i>верхнеобского (сондоровского)</i> говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№

СГ_1	С-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит в котле его дочерей»	8
Сюжетный состав чаинского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1:	С-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда, но с помощью ножа выходит наружу»	14
СГ_6:	С-15, В-1	«Итя в гостях у Бога, просит отменить голод у татар»	32
Сюжетный состав среднеобского (иванкинского) локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1:	С-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит его дочерей»	9,10
	С-1, В-4	«Итя поймал Пёнеге в клейкую ловушку»	44
	С-2, В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда («Один дома»)	18, 19, 20, 22
	С-3, В-1	«Итя заставляет Людоеда снять его железную шубу, народ Ити убивает Людоеда»	23, 61
СГ_2:	С-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	25
СГ_3:	С-8	«Итя находит невесту у людоеда; совместный побег»	34
СГ_6:	С-15, В-2	«Итя в гостях у Бога, просит отменить холод»	33
СГ_8:	С-21	«Итя со спутниками – Кана и Кольгосе - гонит лося»	45
	С-22	«Итя, Кана и Кольгосе»	КП:1,2
Центральный диалектный ареал			
Сюжетный состав тымского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1:	С-1, В-2	«Итя попадает в ловушку людоеда, потом убивает Людоеда (и его жену)»	7; ДоАл:2.2 Ураев1 (неопубл.)
	С-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда и с помощью ножа выходит наружу»	ДоАл:1
	С-1, В-4	«Итя приклеивает Пёнеге к лодке»	47
СГ_2:	С-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	26
	С-7	«Бабушка в шутку пугает Итю: «Медведь идёт!»	ДоАл2,3,4
СГ_8:	С-21	«Итя гонит лося со спутниками»	47
Сюжетный состав васюганского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№
СГ_1:	С-1, В-4	«Итя приклеивает Пёнеге к лодке»	43
	С-2, В-1	«Итя попадает в живот людоеда»	16
СГ_2:	С-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	24
Сюжетный состав нарымского локального ареала			
Район ласкинского говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		текст№

СГ_1:	С-1, В-2-Г	Мотив-сюжет «Идзя приклеивается к липкой ловушке»	12
Район <i>парабельского</i> говора 0 ед.			

В результате проведенного анализа собранных текстов и выявленных Итя-сюжетов по различным диалектно-локальным зонам расселения селькупов была выявлена картина значительной локальной раздробленности фольклорного наследия селькупов (причем, выявляется не просто «северный», «центральный» и «южный» фольклорные ареалы, а еще более детальная картина), и при этом достаточно отчетливо обрисовывается замкнутость выявляемых ареалов фольклорных фондов (см. Табл.16).

Северный фонд состоит из двух объемных, разнообразных по сюжетному составу и при этом фактически автономных фондов сюжетов: среднетазовского и туруханского. Вероятно, был и третий фонд – баишенский, к которому из выявленных на сегодняшний день текстов отнесены только два сюжета, рассказанные в 1941 г. информантом Ганей Мантаковым. Одним из этих двух сюжетов баишенский фонд «соприкасается» со среднетазовским (это сюжет про Ичу, воюющего с небесным царём Кон Мытыкой), а вторым – с южным ареалом (с группой текстов о ребёнке (маленьком Иче), оставленном родителями одним дома).

Туруханский сюжетный фонд имеет также единичные «соприкосновения» с югом (с верхнекетским ареалом), прежде всего, сюжетом о том, как Ича наказывает за жадность (сюжет о ноже, оживляющем убитого; о поиске «товара» на дне моря/в огне); и со среднетазовским ареалом – единственным сюжетом о споре Ичи и Лоза «Чей запор?»/ «Чья земля?» (бабушка (вместо Бога) с дерева кричит – «Ичин запор»/ «Ичина земля»).

Можно было бы говорить о фактическом «отрыве» северного и южного (точнее – южно-центрального) сюжетных фондов друг от друга, если бы не один главный (основной) сюжет Итя-текстов – сюжет о победе героя (мальчика) над Людоедом, когда он сначала попадает в его ловушку, а затем убивает Людоеда, скармливая сначала ему его дочерей. Этот сюжет можно с некоторой

осторожностью назвать общеселькупским: он есть и на севере (в среднетазовском районе), и на юге, и, хоть и в заметно редуцированном виде, но и в центральном ареале. При этом «южный» вариант имеет несколько иные мотивы в своем составе (в частности, на юге присутствует, как обязательный, мотив о «бабушкином предупреждении об опасности» (с косоглазыми карасями и утками), но отсутствует мотив-эпизод, как герой убегает от Людоеда, прячется на дереве и как Людоед ищет и находит его; сама бабушка заменена в ряде случаев (в русских переводах) на мать или тётку. Однако в целом основная схема сюжета выдержана четко. Есть записи именно такого сюжета с Кети, с Оби из Иванкино, и две тымских записи. Именно этот сюжет можно назвать «базовым» для всей суммы сюжетов с героем Итя, и только благодаря этому сюжету можно говорить об их «всеселькупском» распространении.

Кроме того, что весьма важно в свете истории формирования селькупского этноса, среднетазовский набор сюжетов «соприкасается» с тымским сюжетным фондом, помимо выявленного основного (базового) сюжета, еще только одним сюжетом – о бабушкиной шутке над Итей (бабушка пугает Итю: «Вставай, медведь идёт!»).

На селькупском «юге» картина выглядит не столь однозначной и замкнутой, как на селькупском севере.

Во-первых, нет ни одного изолированного ареала. Все ареалы – тымский и васюганский, среднеобской (иванкинский), кетский (верхнекетский), чаинский – «перекрываются»/ «соприкасаются» между собой.

В среднеобском (иванкинском) и верхнекетском ареалах присутствует наибольшее разнообразие вариантов сюжета №1 о борьбе мальчика с людоедом: есть фактически все три сюжета о борьбе с антагонистом. Особенно броским является распространение только в этих двух локусах сюжета С-3 «Итя попросил Людоеда снять его железную шубу».

Иванкинский ареал, находясь в зоне контакта как с южными, с одной стороны, так и с центральными локусами, демонстрирует своё «срединное» положение тем, что одновременно имеет общие сюжеты как с тымско-

васюганским ареалом, так и с верхнекетским или чаинским. Так, например, иванкинский, верхнекетский и чаинский ареалы стыкуются между собой сюжетами С-14, С-15 о том, как «Итя гостит у Бога и просит что-то для людей»; с тымско-васюганским – сюжетом С-5 «Бабушка учит храбрости» и сюжетом С-1, В-4 «Итя приклеивает Пёнеге к лодке».

Общими для всего «юга» и «центра» (без «севера») является сюжет С-2, В-1 «Итя попадает в живот Людоеда, но с помощью ножа выходит наружу»¹ и С-21 о погоне за лосем, когда «Итя и его спутники перемещаются на небо».

Только узколокальными, бытующими исключительно в одном фольклорном ареале, следует признать:

для среднеобского (иванкинского): сюжет С-22 «Иде, Кана и Кольгосе»;

для (верхне)кетского: С-16 «Итя и семейство Лесного Духа» и С-17 «Итя помогает Птице и Рыбе»;

для (верхне-средне)кетского (КеМ) – значительная часть мотивов-эпизодов неопубликованной сказки К. Доннера (её дайджест см. Прил.Б, 4: С-1 В-3).

для среднетазовского: С-4 «Невеста без ушей», С-10 «Шантаж будущего тестя», С-11 «Сватовство к богатому ненцу», С-13 «Обман Лоз-ира: Чей запор?», С-18 «Человек в семье Великанов»;

для туруханского: С-6 «Бабушка – даритель волшебных предметов»;

для тымско-васюганского: С-5 «Бабушка учит Итю быть храбрым, оставляя его ночевать одного».

Еще раз отметим, что «юг» и «север», кроме основного сюжета С-1 (В-1 (среднетазовский) и В-2 (южный А (кетский), В(тымский))), стыкуются весьма незначительно – только следующими сюжетными линиями:

тымский – со среднетазовским (сюжетом С-7 «Бабушка в шутку пугает Итю: «Вставай, Медведь идёт!»)

иванкинский и верхнекетский – с баишенским (сюжетом С-2, В-2 «Один дома»);

¹ На селькупском «севере» (на Баихе) был записан единожды только детский вариант этого сюжета (С-2, В-2).

верхнекетский – с туруханским (сюжетом С-12 «Итя наказывает за жадность» (если рассматривать сказку про Старика, наказавшего 5 жадных братьев, как прaosнову сюжета об Иче, наказавшего жадного «царя» Кольцако-ира и «купцов»);

средне-кетский (КеМ)¹ – с туруханским (сюжетом С-1, В-3 «Ича попадает в ловушку-расщелину; потом догоняет и ловит Людоеда петлей», но стоит подчеркнуть, что для кетского текста этот сюжет является только «одним из» мотивов в составе очень сложного комплекса иных мотивов-эпизодов, не встреченных пока ни в каком виде у других групп селькупов, тогда как в туруханских текстах данный мотив – основа сюжета;

верхнекетский – с туруханским и среднетазовским (сюжетом С-19 (В-1, В-2, В-3) «Герой борется с необычным противником гигантского размера, но побеждает только тогда, когда его идолы помогают ему»).

Из вышесказанного следуют важные выводы этноисторического характера: население Верхней Кети принимало участие в формировании северных селькупов в гораздо большей степени, чем об этом пишут лингвисты и этнографы. Обычно акцентируется языковая близость тымского диалекта и среднетазовского. Фольклорные данные говорят о том, что фольклорный фонд (верхне-/средне-)кетских селькупов гораздо весомей соприкасается с фондом среднетазовским и туруханским, чем это делает тымский (да и в целом фонд всех групп центрального диалектного ареала).

Центральный ареал выглядит как зона «недоохваченная» процессом распространения Итя-сюжетов. Там не просто «в три-четыре раза меньше текстов» (7 опубликованных ед.; с учетом 5 неопубликованных – 12 ед.), но и сами тексты обрывочны и фрагментарны. Тем не менее, утверждать, что в центральном диалектном ареале эти сюжеты полностью отсутствовали, оснований нет.

¹ Я. Алатало обозначил диалектную принадлежность сказки К. Доннера как КеМ, т.е. mittelketisch – «среднекетский», что означает её фиксацию в ареале Меташкино – Максимкин яр – Урлюково [Alatalo, 2004, XXII].

По формальному количеству записей текстов с героем Итя можно сказать, что среднетазовский, среднеобской (иванкинский) и верхнекетский ареалы практически равны¹. Однако по разнообразию сюжетов и по качеству их развития верхнекетский превосходит иванкинский, а со среднетазовским они находятся в некотором паритетном состоянии. При этом среднетазовские тексты оказались гораздо качественней зафиксированы исследователями: практически все тексты с оригиналами на селькупском языке, тогда как «южные» сюжеты нередко записаны были только в виде пересказов.

Таким образом, можно констатировать, что если о складывании всеселькупского эпоса с единым блоком сюжетов с героями Итя и Людоед, говорить не приходится, то о складывании в каждой локальной группе своего фонда сюжетов, достаточно стабильно воспроизводимых сказителями этих групп, можно говорить вполне однозначно.

Выявляется 5 четко выраженных ареалов распространения Итя-сюжетов: среднетазовский, туруханский, верхне-/средне-кетский, среднеобской (иванкинский) и тымско-васюганский. И только один из 22 выявленных Итя-сюжетов может претендовать на широкое (общеселькупское) распространение.

Наибольшие связи с другими фольклорными фондами имеет верхне-(средне-)кетский фольклорный ареал, тогда как «северные» субареалы – среднетазовский и туруханский – выглядят весьма изолированно, и слабо соприкасаются с фольклорными ареалами южных (южно-центральных) групп селькупов.

История формирования локальных групп селькупов и локальное распределение сюжетов: опыт корреляции этнической истории и фольклорного материала

В ходе многолетней работы с селькупским этнографическим, лингвистическим и этноисторическим материалом у автора данной работы сложилось своё видение этноисторического процесса, приведшего к той

¹ Среднетазовский ареал – 19 текстов, среднеобской – 15 текстов, верхнекетский – 16 текстов. См. Приложение Б.

этнической ситуации в Нарымском Приобье, которую застали исследователи XIX–XX вв. Большое влияние в этом вопросе на автора оказали данные по селькупской диалектологии¹, в частности, опираясь на мнение лингвистов А.П. Дульзона и С.В. Глушкова о двух древнеселькупских диалектах, автор также считает, что внутри самодийского ареала с прасамодийского этапа сформировалось две группы селькупов (будущие «центральные» и «южные» селькупы). С.В. Глушков, вслед за Т. Януриком и Е.А. Хелимским датирует период распада прасамодицев вторым веком н.э. После распада у этих групп, возможно, не было единого общего праселькупского этапа (или он был весьма кратким), а был, вероятно, длительный период соразвития в относительно близком географическом пространстве.

По предположению автора данного исследования, одна из этих групп по Кети проникает в Приобье, затем осваивает, помимо Кети, обское пространство между верхним устьем Кети и устьем Чулыма, тем самым формируется группа южных селькупов – сюссыкумы.

Представители другой группы проникают в Нарымское Приобье с истоков Чижанки, Парабели (рек Кёнги и Чузика) и Чаи (реки Парбига, Евга) и в процессе освоения промысловых угодий на притоках они выходят к Оби с запада по Васюгану и Парабели. Из левобережного населения формируются чумылкупы.

Часть населения, вышедшего с Васюгана на Обь, перешло на Тым. Об этом красноречиво свидетельствуют названия селькупских посёлков – топонимическая модель этих названий единая для жителей Кёнги, Чижанки и Тыма.

Внутри южной группы в Приобье, выше устья Чаи, формируются «крайне южные» селькупы. Возможно, что это еще одна волна исхода самодийцев (очень близких к «южным» селькупам) с их самодийской прародине, которая вышла в Приобье не по Кети, а спустилась вниз по Оби и локализовалась в пространстве между устьями Чаи, Чулыма, Шегарки и Томи. Или же эта группа формировалась

¹Автор подчеркивает, что выстраиваемая этноисторическая картина отражает историю формирования только тех сообществ, которые были носителями селькупского языка, т.е. историю формирования селькупоязычного населения. Так как фольклор без языковой базы не существует, поэтому с достаточной долей определенности можно считать, что носители селькупского языка и носители основной массы сюжетов селькупского фольклора на селькупском языке это совпадающие сообщества.

как обособляющаяся часть от сюссыкумов, поднявшаяся по Оби вверх от верхнего устья Кети до устьев Чулыма и Томи. Именно это население освоило нижнее и среднее течение р. Чаи, и именно оно было активно тюркизировано, и вошло в состав обских и эуштинских татар как самодийский субстрат. К сожалению, именно эта группа осталась практически не исследована в этнографическом плане; в лингвистическом плане – это материалы Н.П. Григоровского.

На Оби сформировалось несколько контактных зон:

А) между верхним и средним устьем Кети появилась зона контакта между чумылкупам и сюссыкумами (шло формирование шёшкупов, однако этот процесс не был завершён ни в языковом плане, ни в плане этнографическом, иначе и диалектные особенности группы, и её этнокультурная специфика были бы выявлены более чётко). Причём, в основе шёшкупов находилась наиболее ранняя из вышедших на Обь подгрупп сюссыкумов (имевшая архаичный *ш* вместо *с* в анлауте);

Б) В районе Сондорово и Тайзаково также сложилась зона активного смешения между «крайне южными» и южными сюссыкумами с одной стороны, и формирующимися шёшкупам – с другой. Также в этом ареале были, вероятно, и вкрапления левобережных чумылкупов.

Гипотетически самодийский ареал, из которого «выдвинулись» две группы будущих селькупов, можно было бы разместить южнее устья Томи. Возможно, в качестве места исхода для «южных» селькупов (сюссыкумов) можно рассматривать территорию среднего течения Томи (в пределах таёжной (южно-таёжной) зоны, но до предгорий Алтая), где позднее фиксируются шорцы. Может быть, подобный ареал надо искать ближе к Енисею, и вероятно он должен включать в себя истоки р. Кети.

Для «центральных» селькупов (чумылкупов), возможно, такой территорией могла бы стать лесостепь в районе Северной Барабы. Не случайно, именно этот ойконим (сельк. Параба) так распространён в обском левобережье – крупные реки Парабель (по форме – фактически пригательное (адъектив) от слова Параба),

Парбига (а также Род Parbe, который в XVIII в. зафиксировал Миллер на истоках Чаи).

Низовья Чулыма осваивались селькупоговорящим населением с Оби, и, как писал Миллер, именно жители Картульской волости на Оби считали уголья в низовьях Чулыма на 1,5 дня пути на маленьких лодках «своей собственностью». Видимо, среднее течение Чулымаи его верховья было более интенсивно заселено и освоено енисейцами, затем тюрками.

Сдвигалось самодийское население из более южных широт, вероятнее всего, под натиском тюрков. Волны тюркизации должны хронологизировать этот процесс.

Корректировка данных о процессе формирования селькупов, сведениями, полученными из анализа фольклорного материала

Об общем происхождении: Поскольку есть сюжет (из сюжетов с героем Итя), имеющий всеселькупское распространение (С-1), то этот факт, безусловно, говорит о наличии общего этапа в формировании селькупов всех групп (и южных, и центральных, и северных). Но если южный и северный диалектные ареалы сближаются именно сюжетным соответствием (т.е. целой цепочкой мотивов), то ЦДА имеет только один общий мотив – попадание героя в липкую ловушку Людоеда. Такой же мотив есть и в фольклоре энцев и нганасан (см. тексты с героем Дяйку). Об этом фрагменте(мотиве) можно говорить как о «наследстве», сразу несколькими самодийским этносам с прасамодийского уровня. Фактически фольклор ЦДА (чумылкупов) отстоит от общих сюжетных линий селькупского фольклора почти так же отдаленно, как и другие группы северо-восточных самодийцев (энцев и нганасан).

О диалектно-локальной раздробленности: Общая близость фольклорного фонда селькупов выглядит незначительной на фоне того, как ярко виден результат языковой и фольклорной дивергенции: можно говорить о существовании пяти четко выраженных фольклорных ареалов – среднетазовском, туруханском, верхне-/средне-кетском (сюссыкумском), среднеобском (иванкинском (шёшкупском)) и тымско-васюганском(чумылкупском). Возможно,

был и еще один – «крайне-южный» – фольклорный ареал, о котором у нас просто мало данных; однако фольклорные материалы Н.П. Григоровского позволяют не исключать данный фонд из анализа, а работать с ним вполне полноценно.

При этом фольклорный материал явственно подчеркивает, прежде всего, самостоятельность (изолированность) и самобытность чумылкупов в плане не только их культурного формирования, но и, возможно, этнического (с собственным этнонимом, идентичностью, исторической судьбой, включая миграционные пути). Также достаточно изолированными (и поэтому самобытными) выглядят «северные» субареалы – среднетазовский и туруханский – их фольклор также в целом слабо соприкасается сюжетами с фольклором жителей Приобья. При этом чумылкупы имеют один общий «Итя-сюжет» с тазовской группой (С-7 «бабушкины уроки»), что говорит о том, что они несомненно принимали участие в их формировании (возможно, на начальной стадии)

Остальные диалектно-локальные ареалы в области фольклора «соседски» соприкасаются друг с другом как мотивами, так и целыми сюжетными линиями. Наибольшие связи с другими фольклорными фондами имеет верхне-(средне-)кетский фольклорный ареал.

В целом «треугольник» Кеть – Турухан – Средний Таз выражен намного более отчетливо, чем линия Тым – Средний Таз. Отсутствие сюжетов с героем Итя в верховьях Таза и на Верхней Тольке (а ведь именно эта территория, включая бассейн Ваха, находится в наиболее близком географическом отношении к селькупскому «югу» – бассейну Тыма) только усиливает впечатление, что культурные (фольклорные) контакты более интенсивно шли иным путем – по линии: Верхняя Кеть – Средний Таз.

Однако особенно отчетливо выявляется другой «треугольник»: Кеть – Средняя Обь (Ив.) – Турухан. Достаточно много фольклорных сходжений между текстами с Кети и из Иванкино; при этом отдельные контекстные детали, имеющимися, например, в текстах с царём Кольцак /Кольгоссе (особенно детали, касающиеся города Кольгоссе) напрямую сближают Среднюю Обь (Ив.) и

Турухан. Можно предположить, что с Кети был исход носителей мотивов и сказочных деталей как на север (Турухан, Баиха), так и на Обь (в район между верхним и средним устьями Кети).

У среднеобского(шёшкупского) ареала есть еще одна особенность: он достаточно заметно переплетается сюжетами и этнографическими деталями с одной из подгрупп чумылкупов, а именно с парабельско-нарымской группой, что объяснимо особой территориальной близостью расположения этих локусов.

Также важно отметить в плане этногенеза селькупов, что если в языковом отношении среднеобской (иванкинский) диалект как-то показывает свою двойственность, и есть лингвисты (например, Х. Катц¹), которые его относили к нарымскому диалекту (к центральному диалектному ареалу), то фольклорные данные убедительно говорят о том, что «иванкинцы» были «из общего гнезда» с селькупам Верхней Кети. Между их фондами не просто «много общего», а отчетливо видно, что у них был общий фольклорный пласт, который впоследствии стал наполняться новыми деталями, впитанными, с одной стороны, с севера – из васюганско-тымского ареала, с другой – с селькупского «крайнего» юга – с Чаи и Сондорово.

Этнографический контекст фольклорных текстов в еще большей степени добавляет данных для выделения шёшкупов и в качестве особого фольклорного ареала, и как особую этнографическую группу (возможно, сформировавшуюся позже, чем все иные группы). Именно в текстах шёшкупов, а также у парабельских чумылкупов, весомо присутствует животноводство как хозяйственное занятие героев фольклорных текстов, которое можно оценить не только как русское влияние, но и как тюркское.

Фольклор селькупов однозначно говорит о том, что оленеводство селькупы не знали. Оленей нет в селькупских сказках. Редкое исключение – скудные сведения в текстах СДА (охота на диких оленей, но не содержание домашних).

Основной мясной продукт – лосиное мясо, при этом основной продукт ежедневного питания – рыба (как правило, караси). Престижные породы рыб,

¹Katz H. Selkupische Quellen. Ein Lesebuch / Studia Uralica, 2. Wien, 1979. 231 S.

которыми угощают дорогих гостей в селькупских сказках – нельма, муксун, осётр, налим.

Сведения о фольклорном городе, расположенном на большой реке, рядом с которым, как правило, живет основной герой, возможно, являются неким указанием (воспоминанием), что у селькупов (прежде всего, у шёшкупов) было некогда укрепленное поселение, в котором обитал «царь» (кон) – правитель. Однако упоминания о «царском городе» есть также в фольклоре жителей Среднего Таза и Турухана.

Контекстное наполнение (этнографический быт героев), возможно, меняется от эпохи к эпохе, так как тексты сказок, записанные в XIX–XX вв. не несут следы уж слишком архаичного быта героев, в отличие от сюжетной схемы (о чем многократно пишет Ю.Е. Берёзкин). Цепочки мотивов могут быть достаточно древними и передаваться из поколения в поколение.

Еще большую устойчивость во времени имеют сами отдельные мотивы – своеобразные «фольклорные атомы». Селькупский фольклор подтверждает наличие отдельных мотивов, которые, возможно, присутствуют в фольклоре селькупов с прасамодийской эпохи: мотив липкой ловушки и волшебного кормления героя невидимым хозяином. Только эти два мотива совпадают в фольклоре кетских селькупов (сюссыкумов), обских шёшкупов, нганасан.

Если же говорить только о мотиве липкой ловушки, то он есть у всех групп селькупов, а также унганасан, энцев и ненцев (Югорского шара). Таким образом, его можно оценить как очень древний (прасомодийский) и датировать его присутствие у самодийцев, как минимум, рубежом эр¹.

К. Доннер называл Верхнюю Кеть – «Карелией Самоедов»². Наш анализ подтверждает особый статус данного ареала как хранилища не просто «собственного» самобытного фольклорного фонда (в этом смысле верхнекетский ареал не более, и не менее уникален/самобытен, чем среднетазовский,

¹Мотив липкой ловушки, да и сам герой – аналог селькупского Ичи, но с несколько иным набором приключений (т.е. иной цепочкой мотивов, описывающих эти приключения), судя по данным Ю. Е. Берёзкина, есть в фольклорных традициях кетов, долган, якутов, ангарских и сымских эвенков, эвенов, орочей, нивхов, оленных коряков, юкагиров, инупиатов Беренгова пролива и Северной Аляски (подробнее о распространении мотива липкой ловушки см. ПриложениеБ, 5).

² Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 148.

иванкинский или туруханский). Уникальность данного региона состоит в том, что именно там сосредоточен сгусток мотивов, являющихся «связующими звеньями» как для сюжетного набора селькупского «севера», так и сюжетных фондов других ареалов селькупского «юга». Данный вывод вполне может являться аргументом в пользу того, что расселение селькупоговорящего (сюссыкумского) населения в Приобье шло через Кеть.

Данные о распространении фольклорных сюжетов показывают, что чумылкупы обитали в Приобье достаточно автономно от сюссыкумов. При этом для чумылкупов важной точкой (мифологически «обжитой») на левобережье Оби являлось, вероятно, оз. Мирное – *Падегре-амдель-кок-нем-ту – Медной сидящей царицны озеро*. Несмотря на то, что конкретного фольклорного текста об этом месте не записано, но топоним настолько красноречив, что позволяет предполагать некую событийную (и / или фольклорно-мифологическую) канву, послужившую основой для такого названия природного объекта.

Обские шёшкупы по данным фольклора – это выделившаяся часть от кетских сюссыкумов. Они, в отличие от чумылкупов, напротив, активно контактировали со всеми своими соседями по Оби – «верховскими» и «низовскими» осятками. Данные о фольклоре «верховских» или «крайне южных» селькупов говорят о том, что они, как и шёшкупы, тосно связаны сюжетно-мотивными «узами» с сюссыкумами р. Кети.

Таким образом, подводя итоги сборов фольклорных текстов у селькупов, можно констатировать, что к началу XXI в. исследователи имеют фольклорный материал, записанный во всех трёх основных локальных ареалах селькупов – центральном (ЦДА), южном (ЮДА) и северном (СДА). Если оценивать локализацию более детально, то в ЦДА есть тексты, записанные у тымских, васюганских (Вольджи), парабельских (Нельмач, Кёнга, Чузик) селькупов; в ЮДА – у кетских (Усть-Озёрное, Максимкин яр), среднеобских (Иванкино, Заикино), верхнеобских (Сондорово, Конерово), а также у «крайне-южных» (Чая, Костенькино) селькупов; в СДА – у среднетазовских (Красноселькуп) и туруханских (Фарково, Янов Стан, Туруханск).

В количественном отношении всю сумму собранных текстов (включая все возможные архивные материалы) можно оценить приблизительно в 500 ед. Таким образом, можно констатировать, что лингвистами и этнографами был собран достаточно репрезентативный материал. При этом следует отметить, что публикационная деятельность заметно отставала от процесса сбора фольклорного материала, её итоги см. Приложение Б.

В жанровом отношении записанные тексты можно оценить как относящиеся в основном к жанру сказки. Однако есть среди них прозаические пересказы «богатырских песен», а также 4 образца таких песен –Küeldet или Küeldshut, записанных А. Кастреном. Границы жанровой разбивки очень условны, и, например, прозаический пересказ «богатырской песни» обычно выглядит как сказка.

В ходе проведенного исследования автором была произведена классификация ряда сюжетов, относящихся к сюжетному кругу «текстов с героем Итя». Данные тексты составляют значительную часть относительно всего фольклорного наследия селькупов. Результаты проведенной классификации суммированы и представлены в виде таблицы: «Указатель сюжетов к текстам с героем Итя» (см. Приложение Б, 4). Всего было выделено 22 Итя-сюжета, при этом некоторые из них имеют по 2-4 варианта. Сюжеты группируются в 8 сюжетных групп: 1. Мальчик, победивший Людоеда [герой побеждает антагониста]; 2. Итя и Бабушка [сюжеты, где только два действующих лица]; 3. Итя находит невесту [сюжеты с активной невестой (героем-помощником)]; 4. Итя сватается к статусному тестю; 5. Итя обманом наказывает за жадность [антагонист в образе социального злодея (царь, начальник)]; 6. Итя в гостях у Духа/Бога передает просьбы людей [сюжеты без борьбы с антагонистом]; 7. Итя борется с необычным противником гигантского размера; 8. Сюжеты с тремя героями: Иде, Кана и Кольгоссе [три почти равнозначных героя].

Во всех выявленных сюжетных группах драматическим стержнем повествования выступает борьба-противоборство основного героя (Ити) с кем-

либо, но борьба в каждой подгруппе выглядит по-особому; и только в 6-й группе герой ни с кем не борется, а выступает медиатором между людьми и миром духов.

Было установлено также, что количественно (по числу записей в виде текстов) два сюжета – сюжет №1 «Итя попадает в ловушку людоеда, потом варит в котле его дочерей и убивает его самого» и сюжет №2 «Итя попадает в живот Людоеда и с помощью ножа выходит наружу» значительно преобладают относительно всех других. Их можно обозначить не только как «популярное ядро» среди текстов с героем Итя, но с большим основанием можно считать, что они составляют «популярное ядро» всего селькупского фольклора.

Проведенная автором работа по систематизации селькупского фольклорного материала (классификация и маркировка сюжетов) была необходима как подготовительный этап для проведения ареальных исследований, нацеленных на выявление распространения сюжетов внутри локальных групп селькупов в рамках селькупского этноязыкового континуума и обнаружение фольклорных связей между локусами.

Проведение такого исследования позволило выявить 5 четко выраженных ареалов распространения Итя-сюжетов: среднетазовский, туруханский, верхне-/средне-кетский, среднеобской (иванкинский) и тымско-васюганский. Каждый из этих ареалов имеет свой фонд сюжетов¹. Фонды сюжетов каждого из выявленных фольклорных ареалов сведены в Табл.16.

Также одним из важнейших выводов данного исследования является установление факта, что только один из 22-х выявленных Итя-сюжетов может претендовать на широкое (общеселькупское) распространение (это сюжет №1), однако в каждом из локусов цепочка мотивов, составляющих комбинацию этого сюжета не будет повторяться, как не повторяются и некоторые контекстные детали.

Наибольшие связи с другими фольклорными фондами имеет верхне-(средне-)кетский фольклорный ареал, тогда как «северные» субареалы –

¹ Имеется ввиду набор Итя-сюжетов; но предварительные данные и по другим сюжетам, не относящимся к Итя-текстам, подтверждают факт наличия у каждой локальной группы своего собственного фонда сюжетов.

среднетазовский и туруханский – выглядят весьма изолированно, и слабо соприкасаются с фольклорными ареалами южных (южно-центральных) групп селькупов (за исключением контактов с кетским локусом).

Внутри ЮДА наиболее близки фонды верхне-(средне-) кетского и среднеобского(иванкинского) фольклорных зон. Кроме того, наблюдаются связи по контекстным деталям между среднеобским(иванкинским) и туруханским ареалами.

Центральный диалектный ареал выглядит как зона, в которой Итя-сюжеты имели, вероятно, слабое распространение: мало записей (всего 12 ед. с учетом известных неопубликованных текстов), кроме того, они лаконичны и записаны нередко как фрагменты.

Применение корпусного подхода к работе с фольклорными текстами показало высокую результативность данного метода в поиске элементов культуры, «скрытых» в контекстном наполнении фольклорных произведений.

При этом можно отметить, что фольклорные тексты дают некий архаизированный облик культуры, но глубину этой архаики сложно оценить в конкретных хронологических датах; условно её можно обозначить как «не очень глубокую» – уходящую в прошлое на 1–2 столетия или полстолетия.

Жанровая специфика текстов дает о себе знать в этнографическом плане: богатырские песни более информативны в плане быта богатырей и их сражений – только в них появляются названия оружия и описываются сами сражения.

В основном этнографический контекст фольклорных произведений разных локальных групп селькупов достаточно массово и детально показывает их хозяйственные занятия – сочетание охоты (белкования) и рыболовства (при этом в каждой локальной группе – «просвечивают» свои хозяйственные нюансы). Однако фольклор ни одной из локальных групп селькупов не показал оленеводство как отрасль хозяйства. В целом следует подчеркнуть, что олени (даже как объект охоты) редко упоминаются в селькупских фольклорных текстах.

Из деталей, характеризующих социальную жизнь селькупов, их фольклор наиболее подробно освещает элементы традиционной системы обрядов (прежде всего, свадебный и проводы героя (сына, внука) в дальний путь), а также этикетные нормы (особенно гостевой этикет).

Бытовые реалии сказок северного диалектного ареала (с чумом и очагом в виде костра) и центрального диалектного ареала (где герои живут в избушках с чувалом) показывают наполняемость неодинаковыми этнографическими деталями, поэтому в фольклорном отношении сказки из этих районов демонстрируют обособленность друг от друга; т.е., помимо несходства сюжетов, сказки СДА и ЦДА «выглядят» по-разному, тогда как тексты из района Кети (ЮДА), в которых также нередко упоминается о чуме (даже в русском переводе), делают этот ареал неким «промежуточным» звеном между «северными» и «центральными» текстами.

Особо следует отметить этнографические детали сказок, записанных в районе р. Парабели (Нельмач) – они близки деталям, упомянутым в текстах на Оби (Ив.). Кроме того, тексты, записанные на Парабели и на Оби (Иванкино) в середине XX в. имеют наибольшие следы русифицированного быта, выраженного, прежде всего, более заметной ролью животноводства (конь, коровы, телега и т.п.).

Таким образом, именно по фольклорным данным с большой долей вероятности можно утверждать, что население с Верхней и Средней Кети принимало участие в формировании северных селькупов, причем, в *большой* степени население с Кети (и принесенные им фольклорные сюжеты) присутствуют на Турухане, чем на среднем Тазу. Кроме того, фольклорные связи (не только сходство сюжетов, но и контекстные детали) показывают близость таких локусов как: Кеть – Обь (Иванкино); Кеть – Турухан.

Связи между средним Тазом и Тымом по данным фольклора имеют место быть, но они незначительны (ареалы соприкасаются единичным количеством периферийных по популярности мотивов). Даже основной (базовый для всех групп селькупов – сюжет №1) у каждой из этих групп имеет свою цепочку

мотивов и специфические детали; при этом наблюдается разница в бытовых элементах, наполняющих контекст фольклорных произведений.

Заключение

Проведенное исследование позволило проследить корреляционную взаимосвязь этнической истории локальных групп селькупского этноса и формирующегося в ходе исторического процесса их существования фольклорного материала.

Для теоретико-методологического обеспечения данного исследования были рассмотрены различные методологические направления в фольклористике – исследования «конкретного историзма», этнофольклористика (фольклор и этнография), компаративная фольклористика (включая новейшие направления – корпусную и ареальную фольклористику), с позиции которых по-разному рассматривался сам факт историзма фольклорных произведений. Было установлено, что, несмотря на сложности с выявлением исторически достоверного материала из текстов фольклорных произведений, тем не менее, сама возможность для фольклорного материала быть достаточно насыщенным и репрезентативным историческим источником никогда (за более чем 200 лет исследований вопросов фольклорного историзма) не подвергалась сомнению. При этом вопрос точной датировки фольклорного материала скорее остается открытым, хотя некоторые из направлений (особенно направление сравнительно-мифологических исследований, разрабатываемых В.В. Напольских и Ю.Е. Берёзкиным) предлагают свои решения этого вопроса.

Работа по выявлению селькупских фольклорных текстов из максимально возможных источников (как опубликованных, так и из архивные собрания) позволила установить факт наличия достаточно большого объема собранного материала (около 500 ед.), который благодаря проверенным атрибутивным данным и наличию оригиналов на селькупском языке достаточно надежно можно считать принадлежащим селькупской фольклорной традиции. Данный объем собранного фольклорного нарратива является весьма репрезентативным для проведения любых исследований, в которых фольклор может быть задействован в

качестве источниковой базы (в том числе и в области исторических и этнографических исследований).

В ходе проведенного анализа процесса сборов, публикации и изучения селькупского фольклора было установлено, что систематических исследований широкого массива селькупского фольклорного материала никогда не проводилось. В настоящий момент селькупская фольклористика находится между завершением периода сбора материала и начальным этапом его анализа. Тем не менее, частично селькупский фольклор был задействован в ряде историко-этнографических исследований XX в. (публикации Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих, А.В. Головнёва; кроме того, селькупский фольклор послужил основой для написания большинства словарных статей в энциклопедии «Мифология селькупов» (2004), а также частично он был задействован при создании электронной базы данных в каталоге мотивов Ю.Е. Берёзкина).

Анализ жанрового состава селькупского фольклорного наследия показал, что в нем мало представлено текстов в жанре «Сказки о животных». Также важным выводом является установление факта слабой представленности в селькупском фольклоре текстов в жанре исторических преданий. Последний момент крайне важен, так как отсутствие развитого (богатого сюжетного набора) жанра исторических преданий в рамках селькупской фольклорной традиции делает слабой (неустойчивой/ нерепрезентативной) источниковую базу для проведения исследований в рамках направления «конкретного историзма».

Анализ исследовательских подходов к классифицированию селькупского языкового и этнографического материала также привел к важному выводу о том, что исследователи разных научных дисциплин – историки (археологи, этнографы) и лингвисты – неодинаково оценивают степень дифференциации селькупских данных. Для лингвистов установленным является факт наличия языкового континуума, группирующегося в три диалектных ареала – южный, центральный и северный (тернарный подход). При этом предполагается, что южный и центральный диалекты существовали самостоятельно (возможно, в состоянии соразвития) приблизительно со II в. н.э. (т.е. фактически с прасамодийского

этапа). Сгусток северных диалектов возник позднее, и в его формировании принял участие тымский говор центрального диалектного ареала. Таким образом, для лингвистов селькупы – это изначально достаточно автономные диалектно-локальные группы, язык которых объединен только «общей структурной моделью».

Историки (археологи, этнографы) всегда воспринимали селькупов состоящими из двух больших подразделений (бинарный подход): южных (нарымских) и северных (тазовско-туруханских), причем, последних считали отделившимися от нарымских (т.е. предполагалась изначально целостность селькупов, в рамках которой начали протекать процессы дивергенции). Разницу между чумылкупам (носителями центральных диалектов) и сюсыкупами (южные диалекты) на уровне культурных реалий считали неглубокой.

Разные подходы к классифицированию селькупского материала предполагали построение принципиально разных гипотез о происхождении селькупов. Однако, при этом, наибольшую дискуссионность вызывал (и продолжает вызывать) не столько вопрос изначального единства или раздробленности древних селькупов, сколько вопрос об их автохтонности в пределах Нарымского края. Остроты и актуальности этой дискуссии придает проблема этнической принадлежности кулайской археологической общности, существовавшей в первой половине I-го тыс. н.э. на территории, частично совпадающей с ареалом расселения южных (южно-центральных) селькупов, каким он сформировался к середине II тыс. н.э. При этом все споры касаются только периода I-го тысячелетия; II-е тысячелетие вопросов не вызывает: все исследователи (и лингвисты, и археологи) едины во мнении, что в конце I – начале II тыс. группы селькупов уже точно населяли тот ареал, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства.

Опираясь на этнографические, лингвистические и исторические материалы автором была предложена своя картина формирования селькупов, в основе которой лежит идея о двух самостоятельных древних группах в составе прасамодийцев (будущих «центральных» и «южных» селькупов). После распада

прасамодийцев приблизительно со II в. н.э., вероятно, у этих групп не было единого общего праселькупского этапа (или он был очень краток). Возможно, у этих групп существовал период соразвития в относительно близком географическом пространстве. Обе группы разными миграционными путями осваивали Приобье: южные селькупы продвигались с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма; центральные, напротив, с истоков Чижалки, Чузика и Кёнга через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада.

Следует учитывать присутствие еще одной группы – «крайне южных селькупов», которая, вероятно, осваивала Нарымское Приобье с юга, спустившись по Оби от устья Томи вниз до устья Чаи и Чулыма. Вероятно, именно это «встречное» движение по Оби создало ту зону интенсивного смешения языковых и культурных данных в пространстве между верхним устьем Кети, устьями Чаи и Чулыма, которую зафиксировали исследователи XIX–XX в. Именно эта группа освоила бассейн р. Чаи. В конце I – начале II тыс. группы селькупов уже прочно закрепились в том ареале, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства.

Для проведения корреляции этноисторических реконструкций историков и лингвистов с данными фольклора автором была произведена систематизация выявленного фольклорного материала.

В ходе исследования, прежде всего, было установлено, что в фольклоре селькупов южных и центральных диалектно-локальных групп отсутствуют сюжеты с прямым указанием о пришествии их в пределы занимаемой ими территории (например, о путях перемещения их предков с какой-либо иной земли в Среднее Приобье) или, напротив, воспевание (акцентирование/ прямое упоминание) о глубоком укоренении (давнем / изначальном / исконном) проживании их на данной территории. Напротив, у северных селькупов присутствуют тексты, где говорится об их приходе на землю народа *кэлектамдыр* и о противостоянии с ним, что точно согласуется и с письменными историческими источниками, и с данными устной истории – полевыми (не фольклорными) записями этнографов.

Для исследования вопроса распространения фольклорных сюжетов внутри локальных групп селькупов был произведен отбор репрезентативных текстов: и, прежде всего, был выявлен круг сюжетов, имеющих максимально широкое распространение у селькупов (такowymi были признаны тексты с героем Итя). При этом была произведена классификация этих сюжетов (сюжеты сравнивались между собой) и их маркировка. На основе проведенной работы был составлен «Указатель сюжетов с героем Итя».

Данная подготовительная работа была нацелена на выявление ареалов распространения фольклорных сюжетов и соотнесение их с ареалами расселения диалектно-локальных групп селькупов. В итоге, было выявлено 5 ареалов распространения Итя-сюжетов: среднетазовский, туруханский, верхне-/среднекетский, среднеобской (иванкинский) и тымско-васюганский.

Таким образом, стоит подчеркнуть, что фольклорный материал отражает (и подтверждает) наличие глубокой локальной раздробленности селькупов. При этом, несмотря на то, что каждый из этих ареалов имеет свой собственный фонд (набор) сюжетов, тем не менее, на уровне мотивов (составных элементов сюжетов) были обнаружены фольклорные связи между ареалами, позволившие сделать некоторые этноисторические выводы. В частности, вывод о том, что культурные (фольклорные) контакты (за которыми стоят, вероятно, миграционные процессы внутри селькупского сообщества) более интенсивно шли по линии Верхняя Кеть – Средний Таз, чем Тым – Средний Таз. Также для этноисторических исследований существенен вывод о фольклорных связях в рамках «треугольника»: Кеть – Средняя Обь (Ив.) – Турухан; а также вывод о значительной изолированности (обособленности) в целом фольклорного (сюжетно-мотивного) фонда селькупов центрального диалектного ареала.

Таким образом, в итоге на основе анализа фольклорных связей удалось соотнести некоторые этапы формирования селькупов (в частности, подтвердить предположение исследователей о значительной роли кетских селькупов в формировании как северных селькупов, особенно туруханской локальной группы, так и обских шёшкупов) с данными селькупского фольклора.

Помимо исследования вопроса распространения сюжетов внутри селькупского континуума, параллельно было произведено изучение контекстного наполнения селькупских фольклорных произведений с целью выявления этнографических деталей, присутствующих внутри них. В процессе данной работы был создан электронный корпус фольклорных текстов в 115 ед., позволивший применить корпусный подход, который позволил выявить большой и детально дифференцированный набор этнографических аспектов. Кроме того, данный подход позволяет получать важные статистические данные: количество словоупотреблений искомых этнографических терминов (объектов), таких как чум, чувал, царь, богатырь, конь, олень, лыжи и т.п. (причем, поиск можно вести как в рамках селькупских терминов, так и в русских переводах), а также количество текстов, имеющих анализируемые этнографические детали. Всё это позволяет делать обоснованные выводы относительно того, единичным или типичным является тот или иной этнографический объект или культурный нюанс. Кроме того, корпусный подход дает возможность более детально дифференцировать материал по локальным ареалам и хронологическим периодам (например, отделять сведения текстов XIX и XX вв.).

Проведенное исследование с применением методов корпусной фольклористики позволило достаточно детально охарактеризовать этнографический облик культуры селькупов по данным, полученным из фольклорных источников.

Таким образом, были выявлены широкие возможности селькупского фольклора быть источником исторической информации (даже при слабом развитии жанра исторических преданий) и показана достаточно высокая степень корреляции данных селькупского фольклора и этнической истории селькупов. Однако следует признать, что фольклорный материал дает скорее ценные «штрихи» (уточняющие детали) к этногенезу селькупов; полноценную реконструкцию этногенетических процессов с опорой только на фольклорный материал построить крайне сложно. Тем не менее, суммируя лингвистические, этнографические и фольклорные данные, автору удалось создать свою версию

формирования селькупов. Следует подчеркнуть, что данные, полученные именно из анализа фольклорного материала, играли важную роль для формирования ряда выводов (в частности, фольклорный материал дает опору для важного вывода об исторически глубокой раздробленности селькупов).

Также в процессе исследования удалось апробировать (применить к конкретным фольклорным текстам) и оценить как высоко эффективный метод сравнительной мифологии (метод В.В. Напольских и Ю.Е. Берёзкина в авторской доработке, примененный к внутриэтническим фольклорным связям и обозначенный как «ареальная фольклористика»), а также корпусный подход к работе с фольклорным материалом.

Аналитические исследования фольклорного материала селькупов (как и многих других этносов Северной Азии) находятся на стадии становления, и применение предложенных методов (корпусного подхода и «ареальной фольклористики») позволит на новом уровне работать с фольклором как с историческим и этнографическим источником.

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники

Документальные источники

1. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. Томск: Государственный архив Томской области, 2006. 446 с.

Путевые записки

2. Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Кн. 4. Омск, 1882.
3. Григоровский Н. П. Описание васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Кн. VI. Омск, 1884.
4. Доннер К. У самоедов в Сибири. / Пер. с нем. А.В. Байдак. Томск: Изд-во «Ветер», 2008. 176 с.
5. Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Географический сборник Николая Фролова. Москва, 1860. Т. VI. Ч. 2. 495 с.
6. Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849) / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост.: Ю. Л. Мандрика; коммент.: А. П. Зенько и С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
7. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии. Сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. Казань, 1833. №5. С. 275–291, №7. С. 392–415, 9. С. 506–523, №10. С. 562–575.

8. Миллер Г.-Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 172–186.
9. Миллер Г.-Ф. Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 187–191.
10. Миллер Г.-Ф.. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 192–208.
11. Миллер Г.-Ф. Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 209–212.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. Москва, 1999. 630 с. (Приложения)
13. Мордвинов А. Иностранцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. 1860. Т. 28. №1–2. С. 25–64.
14. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки сибирского отделения русского географического общества. СПб., 1863.
15. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т.1–2.
16. Плотников А. Ф. Нарымский край. (5-й стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. Санкт-Петербург, 1901. 366 с.
17. Приль, 2000 – Об Александре Фёдоровиче Плотникове (выявление фактивных документов, пер. с нем. Л.Н. Приль) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. Т. X. С. 52–60.
18. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. Н.В. Лукиной. Томск, Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 344 с.

19. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Записки РГО. Отдел этнографии. Санкт-Петербург, 1882. Т. X. Вып. 1. 214 с.
20. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. [фрагмент: Описание поездки по р. Кети] // Земля Верхнекетская. / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 239–256.
21. Степанов А. П. Енисейская губерния. Санкт-Петербург, 1835. Т. 1, 2.
22. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители // Записки Русского географического общества по общей географии. 1869. Т. 2. 416 с.
23. Castrén M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St. Petersburg, 1856.
24. Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart, 1926.
25. Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983. 350.
26. Tretjakov P. I. Das Land Turuchansk // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft 13. Wien, 1870.

Фольклорные тексты

27. Бабушкин Н. Ф., Кошелев Я. Р. Легенды голубых озёр. Томск, 1961. 45 с.
28. Бауло А. В. Поездка к тазовским селькупам: дневник 1979 г. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. №1 (15). С. 124–135. [5 фольклорных текстов, записанных в пос. Толька, Таз].
29. Бауло А. В., Тучкова Н. А. Миф о ныряющих птицах, доставших землю, устройстве мира и дороге в мир умерших: фольклорное наследие селькупов Верхней Кети в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г. // Урало-алтайские исследования. Москва, 2017. №1 (24). С. 7–18. [5 текстов с р. Кеть (1980)].
30. Беккер Э. Г. Селькупские тексты // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980. С. 55–71. [2 фольклорных текста].

31. Быконя В. В. Сказка и бытовые тексты (Напас, р. Тым) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981. Вып. 4. С. 137–139. [3 текста].
32. Васюганские легенды. Запись В. Величко // Сибирские огни. 1941. №2. С. 65–68.
33. Гемуев И. Н. Приложение // Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX–XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.
34. Григоровский Н.П. *Азбука сюссовой гулани*. Составлена Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879.
35. Доннер К. Самоедский эпос // Труды томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т.3. Вып. 1. С. 38–53. [пересказ нескольких селькупских фольклорных текстов с героями Итте и Пюнегуссе].
36. Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 145–162.
37. Дульзон А. П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1966. Вып. 1. С. 96–158. [1 объёмный фольклорный текст, записанный на р. Парабель].
38. Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966. С. 116–155. [8 селькупских фольклорных текстов: с. 116–155].
39. Дульзон А. П. Селькупские тексты // Вопросы лингвистики. Ученые записки ТГУ. Томск, 1966. №59. С. 11–30.
40. Морев Ю. А. Селькупские тексты (Нельмач) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981. Вып. 4. С. 122–131. [3 сказки].
41. Ким А. А. Приложение I Селькупские тексты // Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. С. 173–191. [23 текста на селькупском языке]
42. Ким А. А. К истории изучения южноселькупского фольклора: тымские материалы Л.Сабо // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность. Томск, 2002. С. 204–206. [перепубликация двух фольклорных текстов, записанных Л. Сабо].
43. Костров Н. А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. 36 с.

44. Кудряшова Т. К., Функ Д. А. Селькупский фольклор в самозаписи Т.К. Кудряшовой // Этнография народов Западной Сибири: Сибирский этнографический сборник. Москва, 2000. Вып. 10. С. 223–237 [10 текстов на русском языке].
45. Кузнецова Н. Г. Об особенностях языка одной селькупской сказки // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 92–98.
46. Кузьмина А. И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1967. Вып. 2. С. 267–329. [селькупские фольклорные тексты и переводы на селькупский язык фрагментов русских литературных произведений].
47. Кузьмина А. И. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звёзд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 4. С. 71–86.
48. Купер Ш. Ц., Максимова Н. П. Образец фольклора кетских селькупов // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 154–168. [1 фольклорный текст].
49. Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Москва, 1993. Т. 2. Тексты. Словарь. С. 8–88. [28 фольклорных текстов на селькупском языке (северные диалекты)].
50. Пелих Г. И. Приложение 1 Селькупские сказки // Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 319–359. [48 селькупских фольклорных текстов на русском языке].
51. Прокофьев Г. Н. Текст с переводом // Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов
52. Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. Т. IV. Вып. 1. С. 101–109. [2 объёмных фольклорных текста].
53. Пухначев В. М. Сказки старого Тыма. Новосибирск, 1972.

54. Селькупский фольклор // Легенды и мифы Севера. / Сост. и прим. В. М. Санги. М.: Современник, 1985. С. 134–145. [три текста: Хозяйка огня, Кенгерселя, Сыновья старика морского мыса].
55. Сказки народов Севера. Москва; Ленинград, 1959. С. 143–170. [10 селькупских сказок на русском языке из записей Г.Н. Прокофьева, Е.Д. Прокофьевой, Л.А. Варковицкой].
56. Сказки кетских селькупов // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 163–188.
57. Сказки земли колпашевской // Земля Колпашевская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. С. 213–226.
58. Сказки чаинских селькупов // Земля Чаинская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. С. 115–126.
59. Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980.
60. Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981.
61. Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык). Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1996. 191 с. [18 фольклорных текстов].
62. Кудряшова Т. К., Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов. Приложение: Воспоминания этноисторического характера и фольклорные материалы, собранные и записанные Т.К. Кудряшовой от односельчан-иванкинцев // Тюркские народы. Тобольск-Омск, 2002. С. 326–327.
63. Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б. «Семи Богов мудростью обладающий Итте...»: тексты с героем Итя в селькупском фольклоре (Texte über Itte, der über die sieben Götter Weisheit verfügt). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2015. 336 с. [59 фольклорных текстов на разных диалектах селькупского языка].
64. Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах по селькупскому языку А.И. Кузьминой. Гамбург, 2010.

65. Castrén M. A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 83. Helsinki, 1940.
66. Castrén M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 122. Helsinki, 1960. 462. [S. 3–261 – Castrén's ostjacksamojedische Wörterverzeichnis, Grammatik, Leid; S. 317–338 – Lehtisalo's Sprachmaterial vom Turuhan-Fluss].
67. Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 239. (Szölkup chrestomathia: p. 121–172; 205–209).
68. Hajdú P. Die erste sölkupische Fibel aus dem Jahre 1879 // Studia Uralo-Altaica 2. Szeged, 1973.
69. Szabó L. Selkup Texts. With Phonetic Introduction and Vocabulary. Bloomington, 1967. 62 p.

Документы личного происхождения, личные архивы

70. Варковицкая Л. А. Полевые материалы по селькупскому языку // Личный архив А. И. Кузнецовой. Москва. Тетр. 1. Текст №4. С. 9–13 (*35004 'Qon mytykal' captae (icakecikat noa:qyr timn'asyt)').
71. Варковицкая Л. А. Полевые материалы по селькупскому языку // Личный архив А. И. Кузнецовой. Москва. Тетр. 6. Текст №65. С. 56–62. (*35065 'Icacecika aj imyl'myl'a').
72. Дульзон А. П. Полевые материалы. Р. Кеть // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С – 1. 1952.
73. Кузьмина А.И. Dialekt von Tas. 1965. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 1. Heft 17. S. 345–354.
74. Кузьмина А. И. Dialekt von Tas. 1965. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU) Band 2. Hefte 8: 181–202, 9: 203–226, 10: 227–231; Heft 16: 357–365; Heft 21: 471–488.

75. Кузьмина А. И. Dialekt von Tol'ka. 1969. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 5. Heft 16: 287–292.
76. Кузьмина А. И. Dialekt vom Ust'-Ozernoe. 1963, 1968 // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 16. Heft 4 : 173–184.
77. Кузьмина А. И. Dialekt von Tум. 1967. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 6. Heft 1: 20–24.
78. Кузьмина А.И. Dialekt von Ivankino. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 9. Heft 1: 263–274. Heft 9: 1-5; Heft 10: 6–8; Hefte 18: 655– 657, 19: 658–669, 20: 670–674; Heft 20: 674– 682.
79. Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 10. Heft 3: 56–62.
80. Кузьмина А. И. Dialekt von Ust'-Ozernoe und Luk'janovo am Ket'. 1964. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 18. Heft 6:128–129; Heft 8: 174–176; Heft 10: 206–227.
81. Кузьмина А. И. Dialekt von Sondorovo am Ob'. 1961 // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 25. Hefte 6:121– 143, 7:144–146; Hefte 23: 499–522, 24: 523–547.
82. Кузьмина А. И. Dialekt von Maksimkin Jar und Luk'janovo am Ket' // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 26. Heft 1 : 1–17; Heft 5: 98–103; Hefte 5: 105–121; 6: 122–125; Heft 5: 98–100; 101–103; Heft 6 : 133–138, 139–141.

83. Кузьмина А.И. Dialekt von Farkovo am Turuhan. 1976. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 31. Heft 9: 176–185, 204; 186–204.
84. Кузьмина А.И. Dialekt von Turuhansk am Jenissei. 1977. // Архив Кузьминой А.И. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета (IFUU HU). Band 32. Heft 4: 80–99.
85. Морев Ю. А. Полевые материалы. Р.Обь (Мумышево), р. Парабель (Нельмач) // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 42. 1971.
86. Записи А. А. Ким, Максимовой, В. В. Быконя. Обь (Иванкино). // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 55. 1980.
87. Записи А. А. Ким, Н.П. Максимовой. Обь (Иванкино), Обь (Каргасок: записи от Д.Н. Чининой, родом с Чижапки (Вольджа)) // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 58. 1981.
88. Записи Н. П. Максимовой. Обь (Каргасок: записи от Д.Н Чининой, родом с Чижапки (Вольджа)), Обь (Ласкино). // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 60. 1983.
89. Записи И. А. Ильяшенко. Обь (Каргасок: записи от Д.Н Чининой, родом с Чижапки (Вольджа)), Обь (Ласкино). // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 61. 1983.
90. Записи Н. П. Максимовой. Парабель (Нельмач) // Архив Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С. 66. 1984.
91. ПМА – Тучкова Н.А. Полевые материалы. Парабель, 1992 г. / Личный архив.

Справочная литература (словари, указатели, энциклопедии)

92. Алатало Я. Сююссыгуй ээджипсан Кээткый кууланни. Максимкин-Яр – Хельсинки, 1998. 149 с.
93. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

94. Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // Specimina Sibirica. Т.7. Sombathely, 1993. 79 p.
95. Мифология коми. / Авторы: Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина, П.Ф. Лимеров, О.И. Уляшев, Ю.П. Шабает, В.Э. Шаратов. / Научн. ред. В.В. Напольских. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Москва-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. Т.1. 480 с.
96. Мифология манси. / Авторы: А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. / Научн. ред. И.Н. Гемуев, В.В. Напольских. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Новосибирск, 2001. Т. 2. 196 с.
97. Мифология хантов. / Авторы: Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. / Научн. ред. В.В. Напольских. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. Т. 3. 310 с.
98. Мифология селькупов. / Авторы: Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А. и др. / Научн. ред. В. В. Напольских. Серия: «Энциклопедия уральских мифологий». Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. Т. 4. 382 с.
99. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. 79 с.
100. ОСЯ – Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Москва, 1993. Т. 2. Тексты. Словарь. 198 с.
101. СДС – Селькупско-русский диалектный словарь; под ред. В. В. Быкони. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 347 с.
102. СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
103. Тучкова Н. А. Bibliographia selkupica. Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 152 с.

104. Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Bearbeitet und herausgegeben von E. Helinski. Hamburg, 2007. S.
105. Alatalo Ja.– Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von J. Alatalo // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. 465 S.
106. Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910. (FFC №3).
107. Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner. St. Petersburg, 1855. XXIV. 404.
108. Castrén M. A. Ostjak-samojedisches Wörterverzeichniss // M.A.Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855 // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. T.8. Leipzig, 1969. S. 97–177.
109. Castrén M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 122. Helsinki, 1960. 462. (S. 3–261 – Castrén's ostjacksamojedische Wörterverzeichnis, Grammatik, Leid; S. 317–338 – Lehtisalo's Sprachmaterial vom Turuhan-Fluss).
110. Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64. Helsinki, 1932. 171. [перепубликация списков слов из самодийских языков, в том числе и из селькупского, от разных собирателей: P. Mundi, N. Witsen, P.J. von Stralenberg, D.G. Messerschmidt, A.L. Schlözer, P.S. Pallas, J. Von Klaproth, F. Erdmann, A.G. Schrenk, E. Rae, A.F. Plotnikov, A.A. Dunin-Gorkavitsch, B.M. Žitkov].
111. Hajdú P. Pápai Károly szelkup szójegyzéke (Károly Pápai selkupisches Wörterverzeichnis) // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. 141–184.
112. Janhunen Ju. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. // Castrénianumin toimitteita 17. Helsinki, 1977. 185 s.
113. Selkup Mythology / Authors: N. Tuchkova, A. Kuznetsova, O. Kazakevich, A. Kim-Malony, S. Glushkov, A. Bajdak. Budapesht, 2010. 320 p.

114. Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Vol. 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. (FFC № 106).
115. Uther H.-J. The Types of International Folktales. Vols. 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Периодическая печать

116. Григоровский Н. П. Предание нарымских инородцев о созвездии «Лось» // Томские губернские ведомости. 1882. №31.
117. Григоровский Н. П. Сказка о двух коровах у обских инородцев // Томские губернские ведомости. 1883. №21.
118. Григоровский Н. П. Итя (сказка обских самоедов) // Томские губернские ведомости. 1883. №24.
119. Тяпса Мергы (сказка) // Томские епархиальные ведомости. 1891. №21. С. 17.
120. Скалон В. Н. В тундре верхнего Таза // Советский Север. 1930. №3.
121. Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таз // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 70–87.
122. Скалон В. Н. Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Советский Север. 1931. № 9. С. 42–65.

Материалы интернет-сайтов

123. Каталог лингвистических программ <http://rvb.ru/soft/catalogue/catalogue.html>
124. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог / Ю.Е. Берёзкин.— <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

Литература

125. Андриевич В. К. История Сибири. В 2-х частях. СПб., 1889. 220 с.; 425 с.
126. Аникин В. П. Теория фольклора. Курс лекций. Москва: КДУ, 2004. 432 с.
127. Буцинский П. Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск. Харьков, 1893. 28 с.
128. Байдак А. В., Тучкова Н. А. Эпизоды «Эпоса об Итте» в чумылкупском диалектном ареале // Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики. Томск, 2004. С. 51–64.

129. Бауло А. В. Ритуальные пояса обских угров // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 56–62.
130. Бауло А. В. Ритуальные колчаны обских угров // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 36–39.
131. Бауло А. В., Кулемзин В. М., Львова Э. Л., Тучкова Н. А. Перечень экспедиционных поездок Г.И. Пелих // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Вып. 4. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 66–72.
132. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Л., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 86–152.
133. Беккер Э. Г. Селькупская топонимия Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. Москва: Наука, 1964. С. 125–133.
134. Беккер Э. Г. Диалектное членение селькупского языка / Введение // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Авторы: Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.
135. Берёзкин Ю. Е. Южносибирские-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2(14). С. 94–105.
136. Берёзкин Ю. Е. Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 141–150.
137. Берёзкин Ю. Е. Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, северо-востоком Азии и Приамурьем – Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №3 (27). С. 112–122.
138. Берёзкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: ОГИ, 2007. 360 с.
139. Берёзкин Ю.Е. Мотив «журавли и пигмеи» в контексте представлений о мироздании в мифологиях Северной Евразии и Америки // Годишник на

- Ассоциация «ОНГЪЛ». «Етнология на пространство». София, 2008. Т. 5. С. 88–108.
140. Берёзкин Ю. Е. Ворон и змей (альтернативные объяснения смертности человека) // Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн.1. С. 14–16.
 141. Берёзкин Ю. Е. Мифы Старого и Нового Света: из Старого в Новый Свет: мифы народов мира. М.: Астрель : АСТ, 2009. 446 с.
 142. Берёзкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. Санкт-Петербург: «Наука», 2013. 319 с.
 143. Берёзкин Ю. Е. Сибирский фольклор и происхождение на-дене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1 (61). С. 122–134.
 144. Берёзкин Ю. Е. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор народов Сибири. 2016. №2 (31). С. 21–32.
 145. Березовская Н. В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеровский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1992. С. 27–35.
 146. Березовская Н. В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. С. 95–97.
 147. Березовская Н. В. К вопросу о датировке валиковой керамики в низовьях р.Томи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1997. С. 270–282.
 148. Березовская Н. В., Боброва А. И., Рыкун М. П. Погребальный обряд и состояние здоровья средневекового населения Притымья // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул. 2009. С. 187–190.

149. Боброва А. И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 293–321.
150. Боброва А. И. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 254–256.
151. Боброва А. И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Боброва А. И., Рыкун М. П. и др. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 7–117.
152. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. 285 с.
153. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. 390 с.
154. Бутанаев В. Я. К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов по данным исторического фольклора // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 201–206.
155. Бутанаев В. Я. Об этногенетических связях хакасов с енисейскими кыргызами: по материалам хакасского исторического фольклора // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 150–153.
156. Бутанаев В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье: по материалам фольклора // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 188–197.
157. Бутанаев В. Я. Историческая судьба енисейских киргизов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. С. 66–67.
158. Бутанаев В. Я. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды, предания. Абакан, 2010. 240 с.

159. Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа: автореф. дисс.... канд. ист. наук : 07.00.07. Новосибирск, 2000. 24 с.
160. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. 376 с.
161. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
162. Варламов А. Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестник Забайкальского Государственного университета. 2009. №6 (57). С. 126–131.
163. Варламов А. Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена.. 2009. №107. С. 112–119.
164. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: дис... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. 430 с.
165. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: автореф. дисс.... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. 30 с.
166. Варламова Г. И. Фольклорная версия этногенеза эвенков // Устный эпос: проблемы истории, теории и сказительства. Якутск, 1994. С. 43–45.
167. Варламова Г. И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 186 с.
168. Варламова Г. И. От мифа к сказке // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 15–32.
169. Варламова Г. И. Женщина в традиционном эвенкийском обществе и фольклоре // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 149–155.
170. Василевич Г. М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 143–160.
171. Васильев В. И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 133–175.

172. Васильев В. И. Проблема формирования енисейских ненцев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 111–147.
173. Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера: На самодийских материалах // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 184–186.
174. Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
175. Васильев В. И. Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 3–7.
176. Васильев В. И. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории: (на материале народов Севера СССР) // Советская этнография. 1990. №6. С. 33–41
177. Васильев В. И. Селькупы // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 312.
178. Васильев В.И. Селькупы // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 475.
179. Васильев В. И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 311–316.
180. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1(1). С. 79–96.
181. Волков В. Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 4(10). С. 109–122.
182. Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятий // Советская этнография. 1985. № 5. С. 16–25.

183. Воскобойников М. Г. О фольклоре эвенков Прибайкалья // Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1967. С. 3–21.
184. Воскобойников М. Г. Бытовые предания эвенков // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л.: Гос. пед. инст-т им. А.И. Герцена, 1969. С. 63–108.
185. Гацак В. М. Из лекций А. Н. Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.
186. Гацак В. М. Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980. С. 8–47.
187. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: исторические исследования поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
188. Гемуев И. Н. Расселение северных селькупов // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 126–128.
189. Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.
190. Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
191. Гемуев И. Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – нач. XX вв. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
192. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
193. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 175 с.
194. Гемуев И. Н., Люцидарская А. А., Молодин В. И. Селькупы в Барабе // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 78–93.
195. Глушков С. В. Диалекты селькупского языка // Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. С. 15–17.
196. Глушков С. В. О праистории селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во политехнического ун-та, 2011. С. 34–48.

197. Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во политехнического ун-та, 2011. С. 49–63.
198. Глушков С. В., Байдак А. В. О диалектной принадлежности четырех героических песен М.А. Кастрена // *LingusticaUralica* LII 2016. №4. С. 282–288.
199. Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.
200. Головнёв А. В. Поражения, закончившиеся победой // Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 115–119.
201. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
202. Головнёв А. В. Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. 344 с.
203. Горохова А. И., Андросова Ф. С. Типология сюжетов эвенских и эскимосских волшебных сказок // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №10 (64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 89–90.
204. Гриневич А. А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири» // *Язык и фольклор коренных народов Сибири*. 2015. №1 (28). С. 84–90.
205. Николаев Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке (2015) / vciom/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf
206. Деннинг Н. В. О языке селькупского фольклора // *Этносы Сибири: язык и культура*. Томск, 1997. Ч. 1. С. 18–20.
207. Дмитриев-Садовников Г. М. На Вахе // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. 1916. Вып. 26. С. 1–15.

208. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии, новая серия. М., 1960. Т. 55. 622 с.
209. Долгих Б. О. Бытовые рассказы энцев // Труды Института этнографии. М., 1962. Т. LXXV. 244 с.
210. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 270 с.
211. Долгих Б. О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.
212. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 175–187.
213. Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. Томск, 1956. Т. V. С. 89–316.
214. Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1959. Т. XVIII. С. 91–111.
215. Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. // XXV международный конгресс востоковедов. М.: Изд-во Восточной литературы: 1960.
216. Дульзон А. П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361–371.
217. Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. Сборник №58. С. 50–84.
218. Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1964. Ч.1. 215 с.
219. Дульзон А. П. О лингвистической ценности языка сказки (на материале фольклора кетского и селькупского языков) // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 60–64.
220. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л., 1962. 435 с.
221. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967. С. 283–289.

222. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
223. Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 2004. 18 с.
224. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. / Сост. Г.М. Василевич. Л.: «Наука», 1966. 400 с.
225. Казакевич О. А. Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях: автореф. дис... канд. филол. наук.: 10.02.21. М., 1989. 17 с.
226. Казакевич О. А. Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков. (На материале селькупского языка). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. 130 с.
227. Казакевич О. А. Частотные словари селькупских фольклорных текстов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т.1. Филология. С. 386–389.
228. Казакевич О. А. Язык фольклора северных селькупов сегодня: лексика, грамматика, прагматика // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении. М., 1997. С. 33–35.
229. Казакевич О. А. Фольклорные традиции северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т.2. С. 205–212.
230. Казакевич О. А. Изобразительная лексика в шаманских текстах северных селькупов // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 141–142.
231. Казакевич О. А. Герои селькупского фольклора: пол и характер // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 1999. С. 52.
232. Казакевич О. А. О влиянии русской культуры на фольклор народов Сибири (на материале сказок северных селькупов) // Типология языков и культур. Евразия на перекрестке языков и культур. М., 1999. С. 41–42.
233. Казакевич О. А. Шаман в фольклоре северных селькупов // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 319–320.

234. Казакевич О. А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 332–340.
235. Казакевич О. А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. Ч. 3. С. 81–89.
236. Казакевич О. А. Контакты с иноплеменниками, отраженные в фольклоре (на материале фольклорных текстов северных селькупов) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 271–273.
237. Казакевич О.А. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 483–497.
238. Казакевич О. А. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 542–550.
239. Казакевич О. А. Порядок в мире и порядок в тексте (на материале селькупского фольклора) // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 448–460.
240. Казакевич О. А. Истина, добро и красота, отраженные в селькупской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках. Языки славянской культуры. М., 2003. С. 221–233.
241. Казакевич О. А. Северные (тазовско-туруханские) селькупы // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 36–50.
242. Казакевич О. А. История сборов материалов по фольклору северных селькупов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 57–63.
243. Казакевич О. А. Архив Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg, 2010. Band 32/33. С. 257–269.

244. Казакевич О. А. О культуре народа, отраженной во фразеологии (на материале селькупского языка) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 311–317.
245. Казакевич О. А. Корпус фольклора северных селькупов: 1914–2015 // I Сибирский форум фольклористов. Новосибирск: Академиздат, 2016. С. 19–21.
246. Калинина Л. И. Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1961. Т. XIX. Вып. 2. С. 190–210.
247. Квашнин Ю. Н. Происхождение родов сибирских тундровых ненцев по данным фольклора // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 204–206.
248. Кербелите Б. Типы народных сказок: структурно-семантическая классификация литовских сказок. М.: РГГУ, 2005. 721 с.
249. Ким Ант. А. Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии : дис... канд. ист. наук : 07.00.07. Томск, 2007. 236 с.
250. Ким Ант. А. Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии : автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2007. 18 с.
251. Ким Ант. А. Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск, 2015. 167 с.
252. Ковылин С. В., Сайнакова Н. В. О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов по данным топонимики // Урало-алтайские исследования. 2017. №1 (24). С. 19–33.
253. Козьмин А. В. Структурно-семантический указатель фольклорных сюжетов: Компьютерная модель установления связей между текстом и единицами его описания: автореф.... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
254. Козьмин А. В. Популярность сказочных сюжетов // Проблемы структурно-семантических указателей. М.: РГГУ, 2006. С.156 – 166.

255. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.
256. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
257. Кошелев Я. Р., Пелих Г. И. Из прошлого нарымских селькупов (по материалам устного народного творчества) // Ученые записки ТГПУ. Томск, 1956. Т. 15. С. 206–216.
258. Кузнецова А. И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Самодийские и енисейские языки. Томск, 1987. С. 31–39.
259. Кузнецова А. И. Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 276–279.
260. Кузнецова А. И. Отражение традиционной культуры и условий реальной жизни в образе женщины-матери (по материалам селькупского фольклора) // Образ женщины в традиционных культурах. М., 2002. С. 21–24.
261. Кузнецова А. И. Описание архива Л.А. Варковицкой. Тетради 1–11 (1941 г.) // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 337–340.
262. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л.А. Варковицкой // Советские финно-угроведение. Таллин, 1989. Т. XXV. С. 51–53.
263. Кузнецова Н. Г., Тучкова Н. А. Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 131–133.
264. Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка: Учебное пособие. Часть I. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. 265 с.

265. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / Ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск, 2005. 1382 с.
266. Кузьмина Е.Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. №1. С. 5–12.
267. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. 192 с.
268. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960. 199 с.
269. Лебедев В. В., Соколова З. П. Селькупы // Этническая история народов Севера. Москва, 1982. С. 118–129.
270. Лезова С. В. К истории Тазовского региона // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск: ОмГУ, 1993. Ч. 2. С. 53–56.
271. Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 5–57.
272. Лукина Н. В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 1972. С. 67–92.
273. Лукина Н. В. Некоторые вопросы этнической истории хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 158–161.
274. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. 365 с.
275. Малзурова Л. Ц. Историческая основа бурятских легенд и преданий // Фольклор монгольских народов: историческая действительность. Элиста, 2013. С. 200–212.
276. Малов С. Е. Предисловие // Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л, 1929. С. I–VII.
277. Мартынова Е. П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник – 4. Грани социального: Антропологические перспективы

- исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). СПб: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170.
278. Матвеева Р. П. Народные русские сказки Приангарья: локальная традиция // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №10. С. 209–214.
279. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. 464 с.
280. Мелетинский Е. М. Первобытное наследие в архаических эпосах // Материалы VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 12 с.
281. Мелетинский Е. М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 186–198.
282. Мелетинский Е. М. Сравнительно-историческая типология фольклора: историческая и структурная // Philologia. Памяти акад. В.М. Жирмунского. Л., 1973. С. 385–393.
283. Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 23–41.
284. Могильников В. А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 47с.
285. Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ. Томск, 1999. 141 с.
286. Молданова Татьяна. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 351 с.
287. Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Боги земли казымской. Томск: Изд-во Том. Гос. ун-та, 2000. 111 с.
288. Молодин В. И. Этногенез // История и культура хантов. / Под ред Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 3–44.
289. Морев Ю. А. Место ласкинского говора в диалектной системе селькупского языка (по фонетическим данным) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 189–191.

290. Морев Ю. А. К соотношению глухости-звонкости и долготы-краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1978. Вып. 6. С. 3–14.
291. Надбитова И. С. Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. №1. С. 188–192.
292. Надь З. Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. С. 63–73.
293. Надь З. Васюганские ханты: изменение религиозной системы в XIX–XXI веках. Томск, 2011. 294 с.
294. Надь З. Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Труды ТОКМ. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. Т. 17. С. 187–215.
295. Налепин А. Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике. Критический анализ // Фольклор, проблемы историзма. М.: Высшая школа, 1988. С. 42–70.
296. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к Серии «Народы СССР». Народы уральской языковой семьи. Москва, 1991. Вып. 5. 189 с.
297. Напольских В. В. Как Вукузё стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск: Изд-во Удм. Инст. ист., яз. и лит-ры, 1993. 158 с.
298. Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: Изд-во Удм. Инст. ист., яз. и лит-ры, 1997. 268 с.
299. Напольских В. В. О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та арх. и этн. СО РАН, 1998. Т. 2. С. 343–351.
300. Напольских В. В. Мифологема мирового дерева и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. №6. С. 19–

- 29; переизд.: Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. С. 382–394.
301. Напольских В. В. К методам и основаниям сравнительно-мифологических реконструкций // Этнографическое обозрение. 2015. №3. С.22–25.
 302. Напольских В. В. Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. С. 360–381.
 303. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследований фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Москва: Наука, 1984. С. 221–229.
 304. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. Москва: Наука, 1984. 309 с.
 305. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. Москва: Изд-во Наследие, 1998. С. 6–43.
 306. Неклюдов С. Ю. Небесный охотник в мифах и эпосе тюрко-монгольских народов // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Москва, 1980. Ч. 1. С. 145–155.
 307. Неклюдов С. Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей. М., 2006. С. 31–37.
 308. Неклюдов С. Ю. Типологические исследования в фольклористике (вводная лекция) // <http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm>
 309. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.
 310. Николаев Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке (2015) / vciom/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf
 311. Николаев Р. В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 127 с.

312. Никульков А. В. Василий Пухначев. Новосибирск, 1980. 32 с.
313. Орлова Е. Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 1. Вып. 4. 55 с.
314. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва: Наука, 1974. Т. 1. 484 с.
315. Островских П. Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. №7–8. С. 161–181.
316. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 35–116
317. Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 75 с.
318. Пелих Г. И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148.
319. Пелих Г. И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 65–69
320. Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов: автореф. дис... д-ра ист. наук. Томск, 1972. 40 с.
321. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. 423 с.
322. Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
323. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.
324. Перевалова Е. В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 85–97.
325. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.

326. Перевалова Е. В. Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Уральский исторический вестник. №8. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2002. С. 36–58.
327. Поздеева Г. П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка (сравнительно-сопоставительный аспект): автореф. дис....канд. филол. наук. Москва, 2013. 30 с.
328. Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. №2. С. 96–103.
329. Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т.2. Ленинград, 1930. С. 365–373.
330. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л., 1935. Ч. I. 131 с.
331. Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.
332. Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Тр. по лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Т. IV. Вып. 1. Л., 1935. 132 с.
333. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. М.; Л., 1937. С. 91–124.
334. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 88–107.
335. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
336. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
337. Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1956. С. 665–686.

338. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград : ЛГУ, 1946. 340 с. (Переиздание: 1986, 1996, 2002).
339. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. 603 с.
340. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с.
341. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. С. 185–208.
342. Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 164–181.
343. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.
344. Путилов Б. Н. Фольклорный процесс и этническая история народов Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 15–22.
345. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Ленинград: Наука Ленинградское отделение, 1988. 223 с.
346. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
347. Путилов Б. Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // <http://www.download.aspx?Id=6b892402-3789-4c86-a3f7-8405a916aa14>
348. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М., 1962. 255 с.
349. Пухов И. В., Эргис Г. У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985. С. 544–578. (Эпос народов СССР).
350. Пушкарева Е. Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. Москва: «Мысль», 2003. 286 с.
351. Рассамахин Ю. К. Исследователь Нарымского края Н.П. Григоровский // Нарымский край – моё Отечество. Томск, 1998. С. 25–29;
352. Рассамахин Ю. К. Комментарий к очеркам Н.П. Григоровского // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 267–274.

353. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 208 с.
354. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
355. Сагалаев А. М. «Круговорот жизни» в урало-алтайской традиции // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 28–40.
356. Сайнакова Н. В. Новые материалы по этнографии и микроистории территории юрт Иванкиных на Оби // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 2 (155). С. 107–115.
357. Селезнев А. Г. Самодийцы в Барабе // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1992. Ч. 2. С. 19–25.
358. Селезнев А. Г. О самодийском компоненте в этническом составе барабинских татар // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Сборник, посвященный памяти Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. Барнаул, 1995. С. 187–195.
359. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. / Авторы: Н.А.Тучкова, С.В.Глушков, Е.Ю. Кошелева, А.В. Головнёв и др. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 318 с.
360. Сенько О. В, Берёзкин Ю. Е., Боринская С. А., Козьмин А. В., Кузнецова А. В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализ данных // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-177-0/
361. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. Москва, 1965. С. 132–146.
362. Симченко Ю. Б. Тайга селькупская. Москва, 1995. 137 с.
363. Соколова З. П. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // Советская этнография. 1975. №5. С. 42–52.

364. Соколова З. П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 89–117.
365. Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора). Верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–132.
366. Соколова З. П. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования ИЭи А РАН. М., 2002. С. 271–289;
367. Соколова З. П. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования ИЭиА РАН. М., 2004. С. 192–203.
368. Соколова З. П. Этнограф в поле : Западная Сибирь 1950-1980-е гг. М.: «Наука», 2016. 942 с.
369. Сухих С. И. Историческая поэтика А.Н. Веселовского. Из лекций по истории русского литературоведения. Нижний Новгород: Издательство «КиТ-издат», 2001. 120 с.
370. Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966. 253 с.
371. Томилов Н. А. Этническая история как научное направление // Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 8–27.
372. Тузакова В. П., Коробейникова И. А. Обские напевы селькупов Нарымского края. Томск: «Вайар», 2015. 152 с.
373. Тучкова Н. А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) // Труды ТГОИАМ. Томск: Изд. Том. унта, 1996. Т. IX. С. 68–98.
374. Тучкова Н. А. О селькупах реки Кети // Земля верхнекетская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 188–209.
375. Тучкова Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): дис. канд. ист. наук. Томск, 1999. 199 с.
376. Тучкова Н. А. Шёшкупы реки Оби // Земля колпашевская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. С. 162–185

377. Тучкова Н. А. Селькупы реки Чаи // Земля чаинская. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. С. 98–114.
378. Тучкова Н. А. К истории изучения южноселькупского фольклора (публикации фольклорных текстов в русскоязычных изданиях) // Самодийцы. Тобольск-Омск, 2001. С. 301–305.
379. Тучкова Н. А. Жанровая классификация южноселькупского фольклора // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2002. Т.1. С. 195–204.
380. Тучкова Н. А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск-Омск. 2002. С. 321–327.
381. Тучкова Н. А. Жанровая классификация селькупских текстов // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 65–69.
382. Тучкова Н. А. «Эпос об Итте» у южных селькупов» // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. S. 95–111.
383. Тучкова Н. А. Крайне южные селькупы // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры Археологии и этнологии ТГПУ. Томск: Изд-во Томю гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 205–223.
384. Тучкова Н. А. История изучения южноселькупского фольклора // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 51–57.
385. Тучкова Н. А. Герой селькупского фольклора Итя женится: тексты с активной ролью невесты-волшебницы // Вестник ТГПУ. Томск, 2015. Вып. 9(162). С. 255–261.
386. Тучкова Н. А. «Мальчик, победивший людоеда»: базовые сюжеты с героем Итя в селькупском фольклоре // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2016. Вып. 4 (14). С. 135–158.
387. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед.ун-та, 2014. 224 с.

388. Тучкова Н. А. Указатель сюжетов с героем Итя: опыт классификации // Сибирский филологический журнал. 2018. С. 57–76.
389. Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010. 136 с.
390. Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды томского государственного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. С. 73–85.
391. Фёдорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 54–66.
392. Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа диалектных данных языков обско-енисейского языкового ареала // Вестник ТГПУ. 2010. №7. С. 94–101.
393. Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чулымских диалектных данных // Вестник ТГПУ. 2011. №3. С. 148–155.
394. Хелимский Е. А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 5–10.
395. Хелимский Е. А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // *DialectologiaUralica. Erstes Internationales Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen*. Hamburg, 1984. С. 44–46.; переизд. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 80–81.
396. Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.
397. Хелимский Е. А. Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 179–213.
398. Хелимский Е. А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: автореф. ...докт. филол. наук. Тарту, 1988. 47 с.
399. Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68–79.

400. Хелимский Е. А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 82–93.
401. Хелимский Е. А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 19–40.
402. Хелимский Е. А. Schöselgub у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Hamburg, 2005. С. 41–46.
403. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998. 342 с.
404. Хомич Л. В. Реальность и фантазия в фольклоре ненцев // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 142–149.
405. Хомич Л. В. Е.Д. Прокофьева – исследователь традиционной культуры селькупов // Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. Санкт-Петербург, 2002. С. 3–13.
406. Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. Санкт-Петербург, 2002. 249 с.
407. Чемякин Ю. П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. С. 64–76.
408. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. №2. С. 20–42.
409. Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953. №35. С. 221–241.
410. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1957. №58. С. 136–245.
411. Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып.16. С. 61–93.

412. Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.
413. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 254 с.
414. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 181 с.
415. Чиндина Л. А. У истоков истории селькупов // Северная книга. Томск, 1993. С. 47–50.
416. Чиндина Л. А. О селькупских могильниках XVII в. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1993. Ч.1. С. 74–77.
417. Чиндина Л. А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул, 1995. С. 179–187.
418. Чиндина Л. А. Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11.
419. Чиндина Л. А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс (статья) // VI-е исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 284–290.
420. Чиндина Л. А. Пегая орда – Большого Лося сильный народ // Вестник ТГУ. История. 2013. №3 (23). С. 91–96.
421. Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 338 с.
422. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 306 с.
423. Шаргородский Л. Т. Современные этнические процессы у селькупов. Москва, 1994. 187 с.
424. Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Томск: Изд-во Томского краевого музея, 1927. Т. 1. С. 136–167.

425. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
426. Шелбах И. Введение // Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. С. 8–12.
427. Шерстова Л. И. Значение исторических преданий для реконструкции этнической истории алтайцев // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. С. 166–170.
428. Шерстова Л. И. Легенды о Шуну у народов Южной Сибири (Мифы и реальность в традиционных сюжетах) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 141–147.
429. Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 288 с.
430. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 250 с.
431. Эргис Г. У. Сюжеты якутских сказок // Якутские сказки в 2-х томах. Якутск, 1967. Т. 2. С. 176–239.
432. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.
433. Яковлев Я.А. Культовые места XIX – нач. XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и культуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 35–53.
434. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929. 226 с.
435. Csepregi, M. Ki volt Grigorovski? (Who was Grigorovski?) // Néprajz és Nyelvtudomány 19/20. Szeged, 1975/1976. S. 217–222.
436. Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. XXIV. St. Petersburg, 1854. 608.
437. Castrén A. Ethnologische Vörlesungen über die Altaisehen Völker / Herausgegeb. von A. Schiefner. St.Petersburg, 1857.
438. Collinder B. Survey of the Uralic Languages. Stockholm, 1969. 554 s.
439. Dioszegi V. Pre-Islamic Shamanism of the Baraba Turks and ethnogenetic conclusions // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.

440. Donner K. Zur Vertretung der Konsonantenverbindung Nasal + homorganer Klusil im Tschaja-Dialekt des Ostjak-Samojedischen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 52, Helsinki, 1924. S. 36–41.
441. Donner K. Über die anlautender labialen Spiranten und Verschlußlaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki. 1920.
442. Donner K. A Samoyede Epic // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne* 30 (26). Helsinki, 1913– 1918. 1–13.
443. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // *Советскоефинно-угроведение. №1. Таллин*, 1971. S. 35–43.
444. Helinski E. The Language of the First Selkup Books // *Studia Uralo-Altaika* 22. Szeged, 1983. 268 p.
445. Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) // *Nyelvtudományi Közlemények* 80. Budapest, 1978. 77–104.
446. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki-Porvoo, 1921. I; 1922. II; 1927. III.
447. Katz H. Selkupische Quellen. Ein Lesebuch / *Studia Uralica*, 2. Wien, 1979. 231 S.
448. Katz H. Selkupica III. Castrens nordselkupische Lieder // *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Bd.18.* München, 1986. 90 s.
449. Katz H. Selcupica IV. Die Märchen in Grigorovskis Azbuka. Transkription, Übersetzung, Kommentar // *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. München, 1987. Serie C. Bd. 20. 101 S.*
450. Munkácsi B. Vogul népköltési gyűtemény. II/2. Istenek hősi énekei, regéi és ideső igei. Budapest, 1910–1921.
451. Szabó L. Szelkup szövegek szójegyzékkel (Tymi nyelvjárás) // *Nyelvtudományi Közlemények* 68. 2. Budapest, 1966. 249–277.

Приложение А

Карты

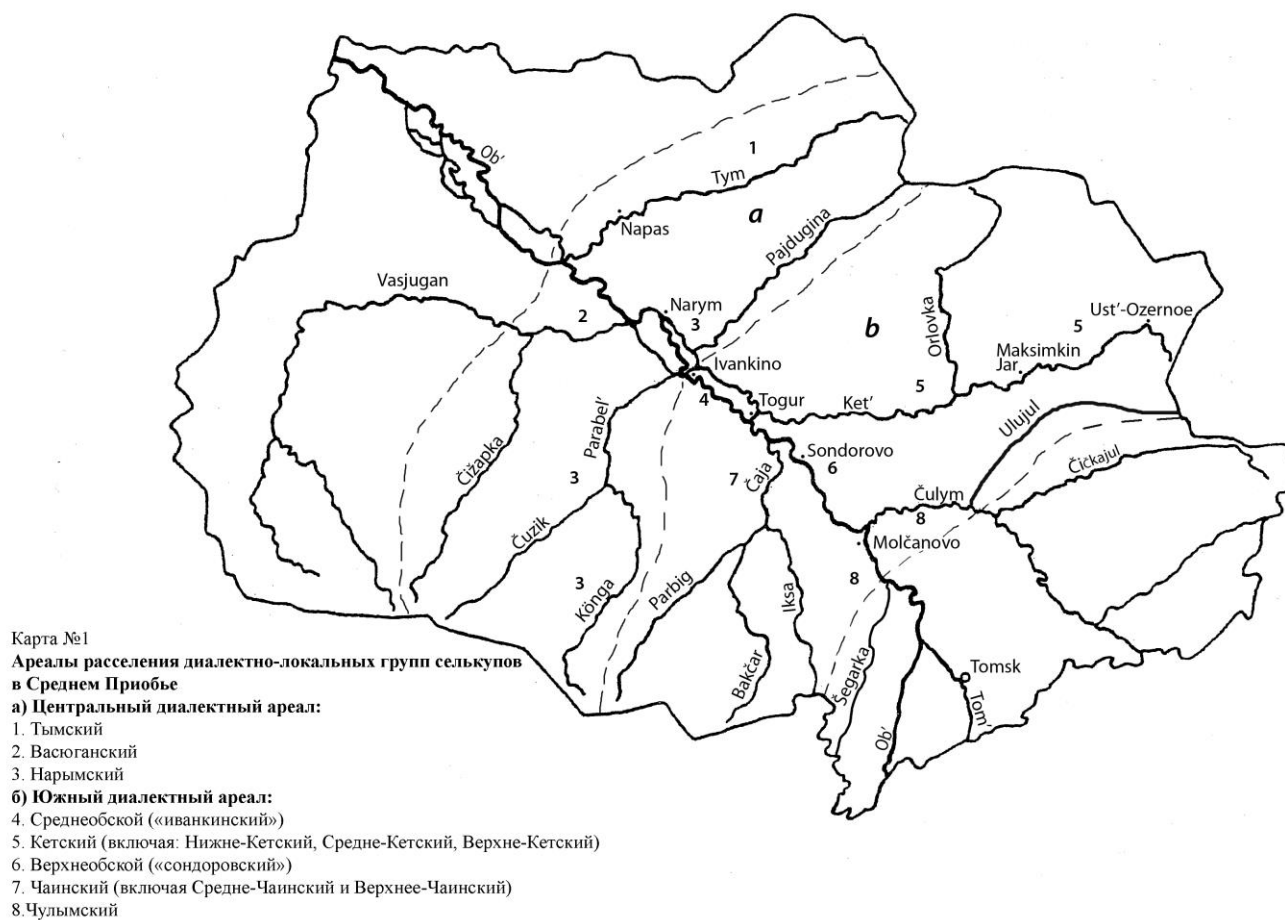
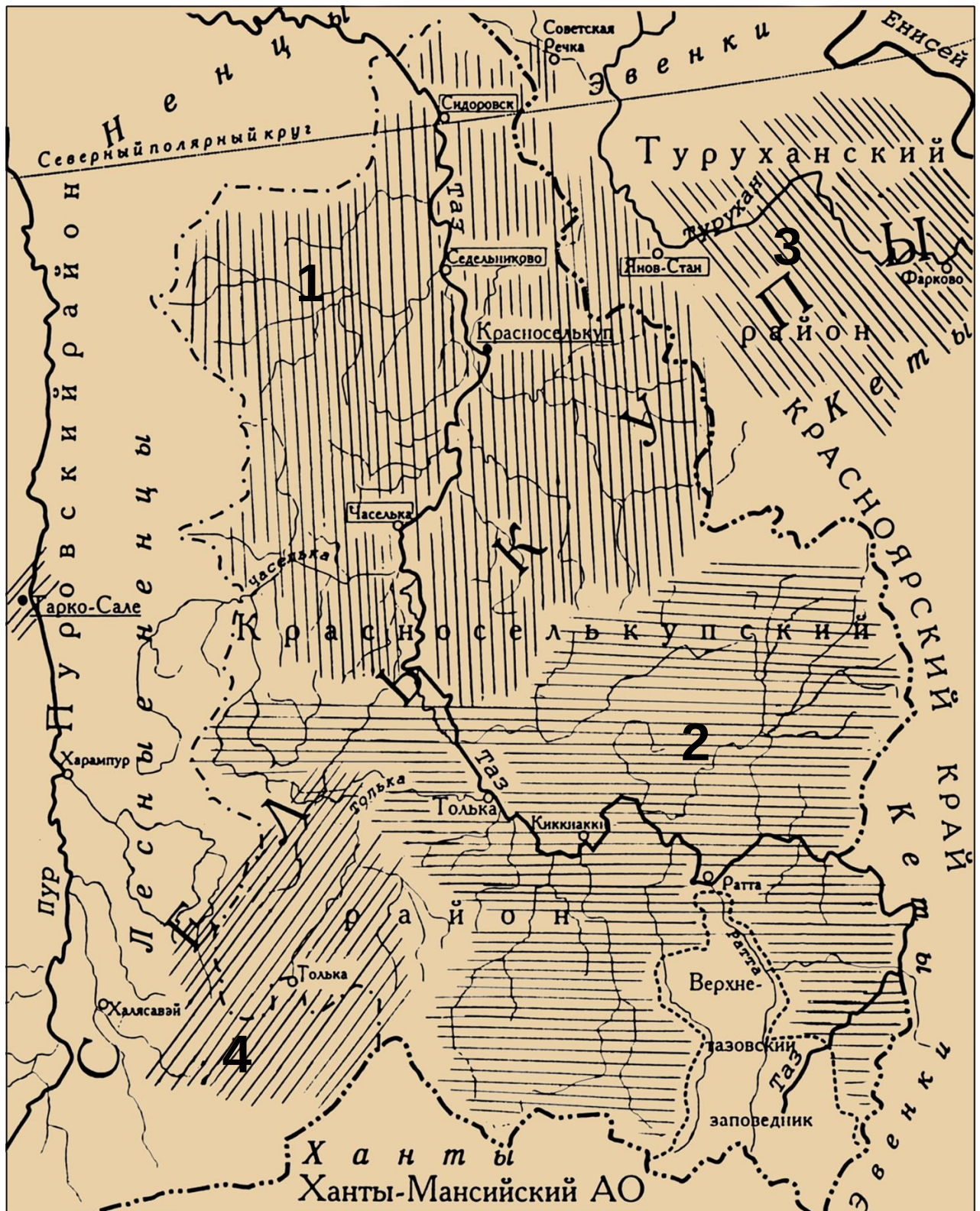

Рисунок А.1 – Расселение локальных групп селькупов: южные и центральные группы

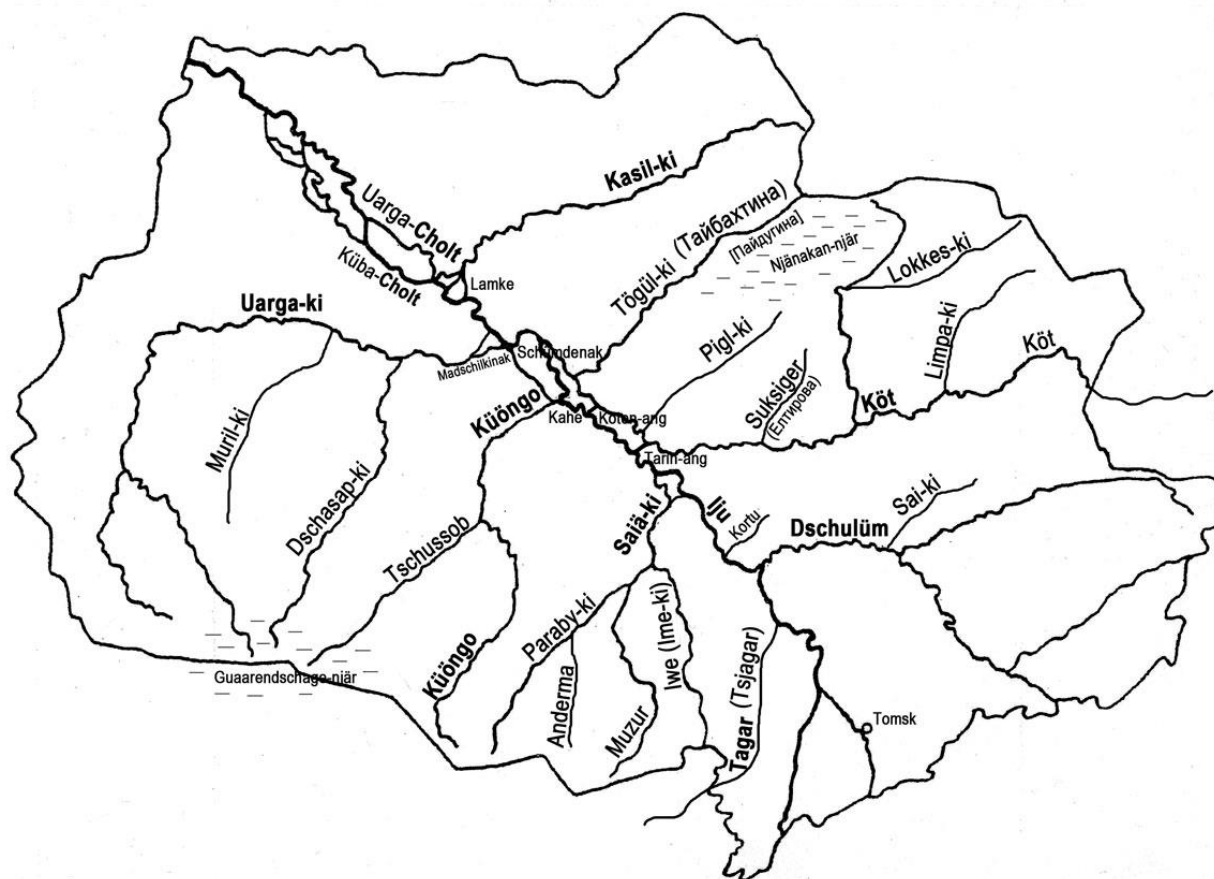

Северный диалектный ареал

1. Среднетазовский 2. Верхнетазовский 3. Баишенский 4. Верхнетолькинский (Ларьякский)

Сост.: О.А. Казакевич

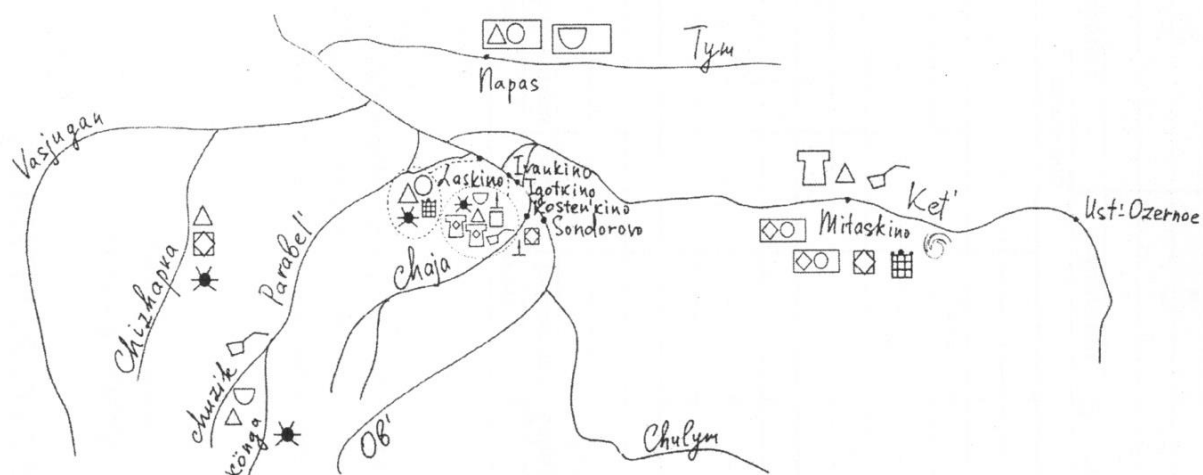
Рисунок А.2 – Расселение локальных групп селькупов: северные группы

Сост.: Н.А. Тучкова

Рисунок А.3 – Названия рек Нарымского Приобья по топонимическим данным
Г.Ф. Миллера.

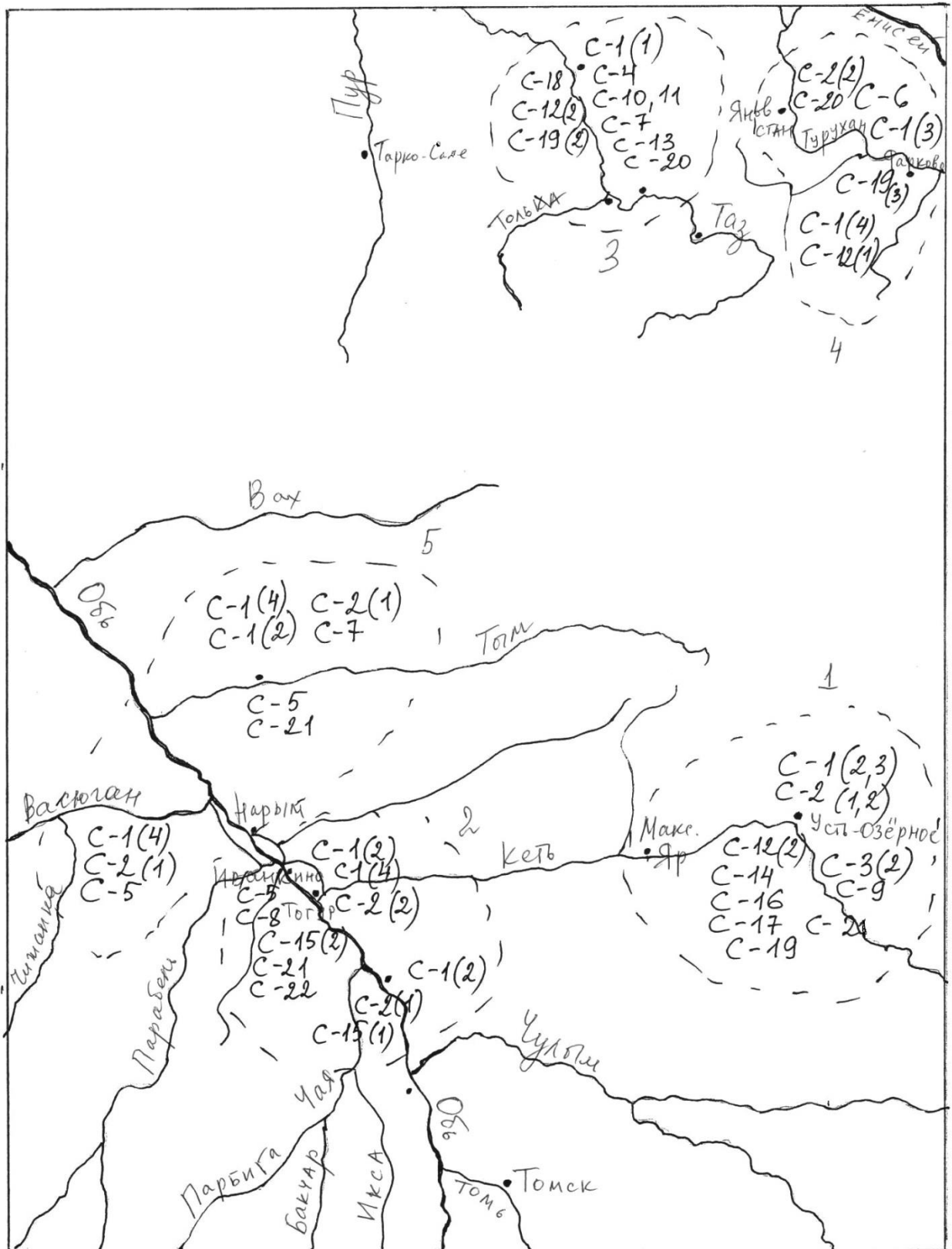
Фрагменты «Эпоса об Итте» на территории Южных Селькупов

Бабушка учит Итте храбрости Grandmother Teaches Itte to be Brave	△	Итте приклеил Людоеда смолой Itte glued the Man-Eater with tar	◐	Итте-паук (Итте ест комаров и мух) Itte-spider (Itte eats flies and mosquitos)	☼
Ловушка-дразнилка Echo-trap	○	Итте путешествует на Небо Itte travels on the Sky	⊥	Итте преследует лося Itte pursues Elk	◡
Косоглазые караси и утки Cross-eyed crucians and ducks	◇	Людоед съедает своих дочерей вместо Итте Pnegusse eats his daughters instead of Itte	◻	Сеть Итте с тремя поплавками Itte's net with three floats	▣
Великан снимает шубу Man-Eater (the Giant) takes off the fur-coat	⌂	Итте попадает в живот Людоеда Itte Falls into Pnegusse's Stomach	◻	Итте получает творящую шерсть Itte receives creating wool	☿

Сост.: Н.А. Тучкова

Рисунок А.4 – Распространение сюжетов с героем Итя в южном и центральном диалектных ареалах (маркировка сюжетов знаками)

Сост.: Н.А. Тучкова

Рисунок А.5 – Распространение сюжетов с героем Итя в южном и центральном диалектных ареалах (буквенно-цифровая маркировка сюжетов).

Приложение Б
Опубликованные тексты

Таблица Б.1.1 – Южный и Центральный диалектный ареалы

Собиратель/ Публикатор	Рассказчик	Место записи	Год записи	Год публикации и перепуб.	Тексты
Кастрен А.	неизвестен	[у Томских Самоедов]	1845	1860, 1857	4 богатырские песни
Григоровский Н.П.	неизвестен	Чая, [Костенькины]	[1870-е гг.]	1879; 1883; 1988; 2001	4 сказки: «Бог сам знает», «Итя», «Чаннский человек и Чулымский человек», «Золотой бобёр». Про Мамонта (козар);
Костров Н.А. (запись Н.П. Григоровского, А. Кастрена)	неизвестен			1882	Кат-ман-пуч (только на рус.яз.); «Бог сам знает...» (перепубл.); 10 самоедских загадок.
Доннер К.	Арбалдаев А.Е. и др.	Кеть, ю. Миташкины	1912	1915; 1997; 2001	Пересказ нескольких сюжетов с героем Итя.
Пухначев В.М.	неизвестны			1950– 1980-е гг.	«Ийте», «Маченкат», «Дочь Земли» (только на рус. яз.)
Дульзон А.П. (запись текстов совместно с А.И. Кузьминой)	Педугина М.П. Педугина В.Д. Карелин М.С.	Кеть, ю. Карелины – 2 фольклед; Обь, Сондорово – 6 ед.		В кн.: «Кетские сказки» (1966)	8 селькупских сказок: Обь, Сонд: “Чего ты дома не знаешь, – это мне посули”; “Сказка про голову без туловища” [муж выгнал ленивую жену]; «Сказка про лесную бабу» [Пажине-людоедка и дочь лесной женщины]; “Сын-лентяй”, “Сказка про крестьянина” [Коварная жена]; Кеть: “Мышонок и рябчик”, “Две сестры
Дульзон А.П. (запись текстов совместно с А.И. Кузьминой)	Соиспаев Д.П.	Парабель (Соиспаево/ Нельмач)	1964	1966	1 текст: «Сказка про Черного царя»
Пелих Г.И.	Тым: Пычкина Л.У., Пычкин А.Ф. (Варгананджино), Портнягин Л.В. (Кулеево), Портнягин А.В. (Нёготка), Портнягин А.В., Арнянгина М.Н. (Напас), Кичебина М.Ф. (Кананак), Ипоков М.Ф. (Варгананджино), Мулин Д.Н., Мулина В.Т. (Напас), Карлыгина А. (Кочеедровы), Чечергина Ф.П.	Тым – 23 фолькл. ед.; Чижалка – 2 ед, Васюган(Ст.Ю гин.) – 1 ед.; Парабель – 1 ед., Обь (Каргасок) – 4 ед. (но информанты из ЮДА – Сондорово, Тайзаково), Обь (Колп.) – 1 ед. Кеть – 12 ед.,	Записи 1951, 1952, 1953,19 59, 1960; 1963 гг.	1972	48 текстов (сказки и нескладочная проза): “Богатырь на Кёнге”, “Богатырь стреляющий в гром”, “Богатырь отобрал жену у другого” [сюжет о коварной жене], “Тымская царевна-богатырша (Амдель-кок-нем)”, “О борьбе тымских богатырей с народом квели”; “Люди как произошли”, “Остяки из земли взяты”, “Месяц девушку утащил” [почему на Луне пятна] и др. (запись только на рус.яз.)

Продолжение таблицы Б.1.1

	(Лымбель-карамо). Чижапка, Васюган: Югина Е.И. (Ст.Югино), Тамбаева Е.А. (Калганак). Ипокова О.М. (род. на Парабели). Парабель: Соиспаев А.Г. (Нельмач). Обь: Киярова Е. (Колпашево), Тайзакова А.Г., Сондорова В.М., Карелина Д.Г. (Каргасок), Кайдалова Ф.О., Кайдалов Т.А. (Ст. Сондорово). Кеть: Ермолин И.Я. (Макс.яр), Боркин В.С. (Боркино), Сербин В.Ф. (Тайные), Кондукова, Кондуков Н.И. (Усть-Озёрное), Мунгалова Н.Д. (Налимкины), Угрюмова П.С. (Маковское),				
Ураев Р.А.	Югин Ф., Мулина М.Н. Арнянгина М.Н. (103 года), Портнягин А. и др.	Тым, Напас	1956	1994	12 фолькл. ед. (запись на рус.яз.)
Кузьмина А.И.	Киликейкин Ф.Н., Югина И. Ф. Арбалдаев Г.С. Карелин М.С.	Тым, Напас; Кеть, Макс.яр Обь: Иванкино Кеть, Усть-Озерн.	1960-е	1967; 2004, 2010 2015	8 фолькл.ед: 3 сказки (Герой борется со змеем; Умная дочь и купленный мальчик; Идя вдвоем с Кана рыбачили); предания и былички: Камаджа, Лосинная полка, Мамонт (кожар), Большая щука. 3 сказки с Кети; 13 сказок про Итю: Тексты№8,9,10,11, 15, 18, 19, 34, 45, 46, 47, 50, 52 (TW);
Szabo L.	Тагина Т.Д. (р.Тым, Напас)	Ленинград	[1960]	1967	Текст№7(TW)
Беккер Э.Г.	Бояринова Н.Н. (замужем за эвенком)	Кеть, Усть-Озерное		1980	2 сказки на селькупском языке: "Глаза и уши", "Как собака себе хозяйна искала"
Воеводина Н.М.	Кондукова К.Н.	Кеть, Усть-Озерное		1980	4 сказки: "Пять карповых братьев", "Пой поргый жариска" [человек в гостях у Бога], "Белоголовая старуха", "Итя".
Морев Ю.А.	Соиспаева А.А.	Парабель (Соиспаево/Нельмач)		1981	2 сказки: "Сказка про крота и кротику", "Сказка про трех сестер"
Быконя В.В.	Минеева Н.Н. м.р. - р. Чузик, Пудино.	Тым, Напас		1981	"Ича и бабушка"

Окончание таблицы Б.1.1

Михенина Г.И.	Карелина К.А.	Кеть, Степановка		1981	“Рябчонок и мышонок”.
Гемуев И.Н.	Мунгалов С.П., Кондуков Н.И.	Кеть, Марковы, Кеть, Усть-Озёрное	1980	1984 2017	8 фолькл. текстов: 6 сказок («Итте с сестрой жили», «Итте жил край берега», «Итте жил с дядей», «Мужик гостил у Бога», «Про двух братьев», «Брат пошел искать пропавших братьев»), 2 былички (запись только на рус.яз.) +5 фолькл. ед.
Купер Ш.Ц., Максимова Н.П.	Сутарева К.К.	Кеть, Белый яр		1995	«О богатырше Тяпса Марга»
Ким А.А., Максимова Н.П.	Сычина Е.В., Иткупова Л.П., Тобольжина М.Р.	Обь, Иванкино		1996	10 сказок: “Сестра и брат”, “Как рябчик человеком стал”, “Каменная баба”, “Разбойники”, “Лозы”, “Сап и Сапиха”; + 5 фрагментов-сюжетов с героем Итя.
Максимова Н.П.	Макшина Н.С.	Парабель, Нельмач		1996	2 сказки: “Дочь Земли” и “Брат и Сестра”
Кузнецова Е.С. (публ. Ким А.А.)	Карелин М.С.	Кеть, Усть- Озёрное		1997	1 быличка: «Сказка про черта»
Максимова Н.П. (публ. Ким А.А.)	Мурзина (Иженбина) А.Р.	Обь, Ласкино	1983	1997	2 текста – несказочная проза (былички): «Бог есть», «Медведь был человек»
Максимова Н.П. (публ. Ким А.А.)	Чинина Д.Н., р. Чижапка, Вольджа	Васюган, Каргасок	1983	1997	12 текстов - несказочная проза (былички): «Душа», «Шаманка», «Раньше много чертей было», «Кто сильно болеет», «Когда чумилькуп умирает», «Лесная женщина», «Шаманский мыс (Мыльджино)», «Медведь (Зверь). «Остяки раньше только мясо ели», «Мамонт», «Шаман», «Красивая белка».
Ким А.А.	Сычина (Киярова) Е.В., Иткупова Л.П.	Обь, Иванкино	1980, 1992	1997	2 текста – несказочная проза (былички): «Лозы», «В Киярово».
Коробейникова И.А.	Тагаева М.Н. (Обь, Ласкино), Макшина Н.С. (м.р. - Обь, Куяльцы, жила на р.Кёнга, затем переехала на Парабель (в Нельмач); Танокин А.Т.	Обь, Мумышево Парабель, Нельмач Васюган; Обь: Ласк	1992	2002	Текст №12 (TW) 1 Сказка – «Бык-сын» 4 песни-импровизации
Максимова Н.П., Ильященко И.А.	Чинина Д.Н. (р.Чижапка, ю.Вольджа)	Обь, Каргасок	1983	2004 2015	«Девушка и лёд», «Хозяйка огня» Текст №16, 24, 43(TW)
Тучкова Н.А.	Карелин, Тобольжина- Вебер В.К., Ипокова М.Ф.	Кеть, Максимкин яр; Обь, Ив. (Инкино) Пос. Кёнга, р. Кёнга			3 сказки: «Кеть и Анга», «Как реки делали», «Мачеха и два брата» Предания: «Богатырь Урлюк» (Запись А.П. Дульзона); «Плавающие острова» (все записи на рус.яз.)
Всего: 153					

Таблица Б.1.2 – Северный диалектный ареал

Собиратель/ Публикатор	Рассказчик	Место записи	Год записи	Год публикации и перепуб.	тексты
Маслов				1833	2 предания: «Об остяках, пришедших на Таз»; «Старик в заячьей парке»
Степанов А.П.				1835	2 предания: «Об остяках, пришедших на Таз»; «Старик в заячьей парке»
Кастрен А.					2 песни «Мщение жены»; «Плач жены»
Третьяков П.				1869	«Об остяках, пришедших на Таз»
Костров Н.					2 сказки
Прокофьев Г.Н.	лесная ненка; Янов Стан; [Таз]		1927	1935, 1968	Текст№1, 37;
Варковицкая Л.А.	Мантаков Г.		1941	1959	Сказка о семи ребятах; Сказка о Пучике-Чурике (№17),
Прокофьева Е.Д.	Агичев С., Агичев Н., Корсамин М., Тетёркин П.	Янов Стан, Фарково	1927, 1926	1959, 1976,	20 (сказки, предания мифологические и исторические): Сыновья старика морского мыса; Хозяйка огня; Тыссия; Кынгерселя; Чанкэр; Ича (2 текста – Текст№56, 27); Солнце и Нижняя Старуха делят Мужчину-Месяц; Устройство иного (шаманского) мира; Мужчина попал в иной мир; Непослушный Сын Неба (ушел без обуви); Небесная охота (созвездие Лось); Мать пауков; «о землю держащей на весу Рыбе», «о лучах Солнца, дарующих жизнь новорожденному», несколько сюжетов, объясняющих Млечный Путь (след Нун Ия: невод Ия, который он повесил на Полярную звезду для просушки, дым от костра Небесной старухи-матери); радуга (тень от лука Ия).
Варковицкая Л.А.	Безруких И.В. Мантаков Г.	Таз, Баиха	1941	1959, 2015	Текст48, 49
Лехтисало Т.	Мантокова А.	Турухан (запись была сделана в Ленинграде)	1957	1960	Текст№28
Кузьмина А.И.	Нерина С.Т., Калин А.И., Саргаев А.И. Кусамин М.И. Кусамина П.М.	Таз, Красноселькуп, Фарково, Туруханск	1965, 1976 1977	2015	Текст№13, 40, 54, 55, 57, 58,

Окончание таблицы Б.1.2

Кузнецова А.И. Хелимский Е.А., Кобзарева Т.Ю., Иоффе Л.Ю., Дорошук В.А., Рыжова Е.Ю.	Безруких В.П., Киприн М.П., Андреева В.А., Андреев А.И., Андреев Л.А., Калин И.А., Безруких Е.П., Мороков И.В., Кирина В.М., Безруких Е.П., Сайготин А., Аксандаков П.А., Сайготин Г.И.	Таз, Красноселькуп, Толька,	1971,1973, 1977	1993, 2015	28 текстов (из них 11 – Итя-текстов) 2015TW:Текст№2, 3, 35, 41, 30, 29, 4, 42, 38, 39, 31
Гемуев И.Н.	Калина Р.И. Безруких Н.И.	р. Таз, пос. Толька, Турухан, Янов Стан	1970, 1979	1984	2 сказки: «Две женщины и Лоз»; «Старик и три дочери»
Головнёв А.В.	Мороков Е.Н., Агичев Н.П., Ириков Т.С., Дибиков А.М., Чекурмин С.В., Чекурмин К.С., Калин Ф.Н., Чекурмина В.И.	Лозыль-то, Рагта, Толька	1988, 1993	1995	20 (сказки, предания и былички): Ича (оживляющий нож); Нёмый Порга (3 сюжета); «Два брата» (о коварной жене); Пронсхождение собаки (сын Нома); «О созвездии Лось»; «Пятна на луне»; «Коркы Пачкы Ыйя»; Мачиль Лоз (2); Патьянг (2); Порге Мач; Лозыль Лака; Уткыль Лоз; Устройство мира (То Ноп); Кукушка («Мать и злые дети»); О кукушке; Нэтанка и Томлянка;
Рудольф В.В.		Таз, Красноселькуп	1980-е гг.	1996	8 сказок
Бауло А.В.	Калина Р.И.	Таз, Пос. Толька,	1979	2017	5 фолькл. ед.: Почему на ерша нельзя сердиться; Ногти отнимают удачу; «Коварная жена»; Две женщина и Медведь (лоз-людоед); Про эвенков-людоедов;
Ким А.А.					3 Песни
Казакевич О.А.					ОАК: Из записей Прокофьева Г.Н.: Из записей Варковицкой Л.А.:
Всего: 98+5Бау+25О АК=128					

Таблица Б.2 – Неопубликованные собрания селькупского фольклора

Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании К. Папан (1888 г.)	10 текстов (героических сказаний) , записанных в Иванкино на Оби (по пути из Томска на Васюган): Čul-d'eld'es-hači-belgel-las (Я.Л. Табалдин, Игнатково [Иготкино]); Koldi-čondži-χok (Д.С. Сычин, Иванкино); Без названия (М.Сычин, Иванкино); Köde pajet (С.Г. Кияров, Иванкино), Kodui-porki-ira (С.Г. Ка[и]яров, Иванкино) Čažabka-čondži-χok (В.И., ю. Заимкины) Kodui-poreχ-ira (Д.С. Сычин, Иванкины) Id'e (2 варианта) (В.И., ю. Заимкины; А.П. Сычин, Иванкино); Без названия (Н.К. Телешин, Masse-kü). (Подробнее см.: Надь З., 2012. С. 202)
Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании К. Доннера (1911–1914 гг.)	Известно о 6 фольклорных текстах К. Доннера (Итя-сюжеты). (из переписки с Я. Алалато).
Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании Г.Н. Прокофьева (1926–1927 гг.)	Известно о 48 текстах Г.Н. Прокофьева. О селькупских материалах в архиве Г.Н. Прокофьева см.: Казакевич О.А., 2010. С. 263-265.
Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании Л.А. Варковицкой (1941 г.)	94 фольклорных текста (записи: 9 тетрадей + 3 тетради Г.Н. Прокофьева+1 блокнот): 1) героические сказания (о богатырях и войнах), 2) волшебные сказки, 3) бытовые сказки, 4) шаманские рассказы, 5) русские сказки, 6) детские сказки, 7) сказки об Иче, 8) рассказы Из них опубликовано было в период 1990-х – 2000-х гг.38; соответственно, неопубликованных осталось 56. (Об архиве: Кузнецова, Хелимский, 1989; Мифология селькупов, 2004. С. 337-340: описание архива).
Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании А.И. Кузьминой (1953–1977 г.)	79 фольклорных текстов. Из них: 48 селькупских сказок (21 – с героем Итя, 18 с иными героями, 9 – сказок о животных); 20 – русских сказок, 1 – ненецкая, 1 – кетская, 1 – пересказ библейского сюжета). +8 песен. Из данного собрания 18 Итя-текстов были опубликованы в 2015 г. Об архиве А.И. Кузьминой см.: Тучкова, Хелимский, 2010.
Фольклорные тексты селькупов в архивном собрании О.А. Казакевич (2002–2010 гг.)	Архив О.А. Казакевич в его текстовой части - это материалы, записанные в 1996-2010 гг. на территории Красноселькупского и Пуровского районов ЯНАО (пос. Красноселькуп, Толька Красноселькупская, Ратта 1996, 2002 гг.; по. Толька Пуровская, г. Тарко-Сале 2000, 2001, 2009 гг.), Туруханского района Красноярского края (пос. Совречка, Туруханск 1998, 2006 гг.; пос. Фарково, Бакланиха 1999, 2003 гг.; пос. Келлог, Сургутиха 2005 г.) и Верхнекетского района Томской области (пос. Степановка, Катайга 2010 г.). Тексты 1996-2001 гг. существуют в аудиозаписи и в графической (транскрипционной) записи с переводом на русский язык), большинство текстов 2002-2010 гг. существуют в видеозаписи, аудиозаписи и графической записи с переводом на русский язык, несколько текстов не имеют графической записи и еще нуждаются в расшифровке. Всего в графической записи в архиве представлено 110 текстов, среди которых <u>65 фольклорных</u> (из них неопубликованных - 40) и 55 рассказов о жизни (в том числе и охотничьих рассказов). Общий объем графической записи текстов - более 40000 словоупотреблений.

Таблица Б.3 – «Предания инородцев» [мемораты], представленные А.Ф. Плотниковым в его работе «Нарымский край» (1901)

«Предания»
О происхождении остяцких населенных пунктов (юрт) и их названий
Юрты Ласкины и Чиряевы: «Предки жили, по преданию , на этом же самом месте, но только не в домах, как теперь, а в корамах – землянках» (с. 166).
Юрты Тяголовы: «Юрты эти существовали задолго до прихода сюда русских» (с. 149).
Юрты Сегодины. « Инородцы объясняют , что название юрт означает «большой запор», каковое дано будто бы их предками наверно потому, что на р. Сегодиной или р. Кети был поставлен ими большой запор для добывания рыбы» (с. 208).
Керенан-эд «Из рассказов стариков-инородцев, слышавших предание от своих сородичей, передававших таковое из рода в род, мы узнали, что жители юрт Конеровых, Езенгиных, Испаемых и Островных, бывшие в то время язычниками, проживали на том самом месте, где в настоящее время находится с. Тогурское (Кетской волости); здесь были их юрты, называвшиеся Керенань-эть (Тогурская юрта). Русских селений в то время никаких, кроме Кетского острога, не было; затем, когда воеводы стали расселять русский народ (ссылных) с рваными ноздрями («норками» – как говорят инородцы), предки их, испугавшись безобразного вида людей, бывших к тому же очень грубыми, – отодвинулись вниз по течению р. Оби и поселились в 8 верстах от селения, ныне с. Тогурского, образовав юрты Конеры...» (с. 147).
Юрты Невальганак (на р. Чижапке): «В начале основания этого селения.... По Чижапке был сильный голод..., но Нум (Бог), который печется об них, по рассказам инородцев , послал им такое множество зайцев, что они ловили их чуть не руками в огромном количестве...» (с. 179).
Юрты Куалкынак - Кольканак. По преданию, сообщенному инородцами , известно, что название эта речка получила потому, что во время голодовок, бывших по Чижапке, когда жители были обречены на голодную смерть, Нум (Бог) посылал им с весеннею водою множество рыбы – язя и щуки – которую инородцы и заготавливали в большом количестве для пищи». (с. 179).
Юрты Сиготкины. « Инородцы сообщают , что на том месте, где они живут, прежде жили татары, и что название Сиготы-кы – татарское» (с. 180).
Юрты Сайдкуловы. Юрты, по рассказам, так назывались потому, что в них жили семейства слепых инородцев, а между тем, правильное их название Сайдкы-эд, т.е. юрта, расположенная около Ракитной речки.
Кожарелькины юрты [близ Нарыма]: «Название самоедское. Инородцы рассказывают, что, по преданию , на том месте, где были юрты, <i>до их предков жили самоеды</i> . Название юрт было совершенно другое, но так как это озеро называлось Кажарским, то название перешло и к юртам... (с. 172–173).
Юрты Ромашкины. «Юрты получили название от первого поселившегося на этом месте инородца Ромашки (Романа)» (с. 156).
О происхождении географических объектов и их названий
Озеро <i>Падергэ нэдэк- амдель-ту</i> Озеро, на котором сидела(жила) медная девушка (с. 180).
Озеро называлось <i>Кажарским</i> ,... Озеро получило название от чудовищ «кожар», которые очень будто бы сердятся и часто воюют между собой. Чудовища эти принимают различный вид, показываясь людям то в виде коровы, то в виде огромной щуки» (с. 172–173).

Продолжение таблицы Б.3

<p>Мыс (скалы) у с. Васюганского</p> <p>«В расстоянии двух верст от села есть мыс, о котором предание рассказывает, что мыс этот – ничто иное как богатырь, превращенный в камень. Имя этого богатыря неизвестно; проживал он на мысу; во время своих путешествий, где-то близ Тьма, познакомился с девушкой, прислуживавшей одной из солнечных дочерей, и они полюбили друг друга. Когда эта девушка призналась богатырю в любви к нему, он тайно от солнечной дочери сел с девушкою на своего богатырского коня и направился в путь. На несчастье девушки-прислужницы, солнечная дочь сама полюбила богатыря, и заметила любовь к нему своей прислужницы, но не могла причинить девушке никакого вреда, потому что на ней было очарованное ожерелье из красных стеклянных бус, охранявших её от всякого вреда и беды. Утром солнечная дочь, узнавши о побеге прислужницы с богатырем, которого любила, обратилась в лебедя и полетела в погоню за беглецами. Во время преследования, нить, на которой были нанизаны бусы сказанного ожерелья, порвалась и бусы рассыпались, из коих одно зерно запуталось в гриве коня, а другое – в черных волосах невесты. Богатырь же, не имея зернышка ожерелья, упал с коня и обратился в огромный камень, конь же с девицею помчались далее по левому берегу Васюгана, вверх. За речкою Ланты-ягом богатырский конь перепрыгнул Васюган, спасаясь от преследования солнечной дочери, во время прыжка последние зерна ожерелья упали в воду. Конь же, перепрыгнувши Васюган, превращен был вместе с беглянкою в две скалы. Между юртами Тимельгиными и Айполовыми, как раз на половине, на правом берегу Васюгана указывают на несколько скал – одна из них называется <i>кохь-педа</i> – конь-камень, а другая – <i>оги-кохь</i> – девица-камень» (с. 196-197).</p>
<p>О культовых местах</p> <p>Мыс Попарге-сок</p> <p>[близ Иванкино] в 1820-40-х годах ... «жители волости придерживались еще языческих верований, чуть не в каждом селении имелись изображения деревянных болванчиков, которых делали при рождении каждого члена семьи, хранили их в лесу на сухом, высоком месте – мысе. В случае смерти кого-либо болванчик этот сжигался. Многие держали кукол в домах. Мыс, где хранились эти куклы и происходило сжигание их, называется и поныне <i>попарге-сок</i>» (с.153).</p> <p>Культовое место [близ юрт Югиных на Васюгане]</p> <p>«Между оз. Перель-гу и безымянным озером, в полуверсте на север, в глухом лесу, в начале 1880х годов существовал ветхий маленький амбар, в котором, по рассказу жителя юрт – крестьянина Ивана Федулова, хранились идолы – лозы (духи), изображавшие кукол, коим инородцы приносили жертвы или подарки, состоявшие из разных вещей; в весеннее время почитатели лоз закалывали молодой скот (быка или жеребенка)...» (с. 191).</p> <p>Культовое место на устье р. Чижапки</p> <p>«В прежнее время на устье Чижапки стояла священная берёза, у которой остяки, выезжавшие весной с Васюгана, клали деньги, шкуры и мн. другое. Дерево это стояло еще и в конце 1870-х. гг. (1878 г.)» (с. 192).</p>
<p>О происхождении народа и переселениях (миграциях)</p> <p>«Жители передают, что лет 400 тому назад предки их [жители юрт Иготкиных] выехали сюда из Березова или Сургута, но откуда именно – утвердительно сказать не могут...» (с.150).</p> <p>«Жители Пиковской волости, как видно из предания, сообщённого нам старожилками, считают себя происходящими от самоедского племени...» (с.151).</p>
<p>О численности населения</p> <p>«Ко времени крещения здесь инородцев, по их преданию, передаваемому из рода в род, в Пиковской волости считалось до 300 душ обоого пола...» (с. 152).</p> <p>«Из предания известно, что селение Инкино в конце 1700 гг. имело 100 человек мужского пола, из которых много утонуло во время бывшего большого наводнения, а затем в 1820 гг. в селении стало 80 человек мужского пола, из числа которых более половины умерли от бывшего в то время сильного жара (наверно от солнечного удара)» (с. 156–157).</p>

Продолжение таблицы Б.3

Юрты Аргаус. «около двух верст от селения, на правой береговой стороне, есть озеро, называемое по-инородчески <i>«Квозопорг-гольда»</i> (озеро с железной одеждой). По... преданию известно, что на том месте, где находится это озеро, жил богатырь, после которого осталась железная одежда (наверно кольчуга), отчего оно и получило такое название» (с. 213).
О крещении
«Жители [юрт Тяговых] стали креститься при Петре Великом. Но половина жителей селения, по преданию, избегая крещения, в числе около 70 человек убежали или в Мангазею, или в Обдорск» (с. 149).
О крещении остяков 1-й Парабельской 1-й половины инородческой волости. «Из рассказов инородцев мы узнали, что они крестились, по преданию, при Петре Великом» (с. 168).
О фамилиях селькупов
«Особенное влияние на крещение жителей Тогурско-Порубежной волости оказал князец <i>Итку</i> , от которого идет фамилия представителей его рода... <i>Иткумовых</i> » (с. 148).
«О фамилии <i>Ипоковых</i> (а в старину – Икоковых) некоторые из инородцев передают следующее предание. Все жители 4-й парабельской волости были люди богатые, так как во множестве добывали бобра, лисиц, соболей и других пушных зверей, почему и носили все одну фамилию Ипоковых (Икоковых). <i>Икок</i> – как богач. Во время крещения племени, одному из нарымских воевод не понравилось то обстоятельство, что все жители волости носили одну фамилию, и он велел дать другую фамилию, поэтому правивший волостью князь разделил своих людей: одной половине велел называться Ипоковыми, а другой – Мазотовыми» (с. 162)
Тобольжины
«Во время покорения русскими края один из бывших тогда главных лиц из среды инородцев, по имени <i>Бигодя</i> (которому русские присвоили родовое звание князца за то, что он встретил завоевателей с честью и с большими подарками), взамен фамилии своей получил название фамилии Тобульдзин, что значит «добыл-честь»; фамилия эта сохранилась и до ныне» (с. 149).
Про исторических личностей
«Из несуществующих селений известно одно «Сангауры», где, по преданию, жил начальник Кетских остяков – <i>Сангаур</i> , который, при приходе русских, бежал в глубь Енисейской тайги, с многими из инородцев» (с. 209).
Про Ивана Кичеева (Ванга Кичей).
Песок этот называется «Князь-Ивановский», по имени владевшего им ранее князя Ивана Кичеева, потомок которого Семен Кичеев рассказывает, что его предки передавали из рода в род о том, что Иван Кичеев, бывший ранее язычником (Ванга Кичей), оказал русскому царю какую-то важную услугу; в 1602 г. неизвестно зачем ездил в Москву и был пожалован в вечное владение многими рыболовными местами.. Сам Семен Кичеев за верную службу царю был награжден кафтаном.(с. 173-174).
О своих предках, оставивших курганы и остатки жилищ (т.е. об археологических памятниках)
«Близ юрт [Иготкиных] находятся два больших кургана, в которых, по преданию, похоронены богатыри племени, павшие в битве, но с кем и когда – инородцы сказать не могут» (с.150).
Из рассказов стариков-инородцев:...Многие из прибывших [в новые юрты Конеры], пожив на новом месте немного времени, в виду принуждения «больших» (начальства), стали разъезжаться по разным речкам, с которыми уехал и князец Арачь, умерший там некрещеным. По имеющимся около Конеровых юрт признакам, находящимся в расстоянии 100 саж. От селения, мы усмотрели ямы – карамо инородцев-конеровцев. Ям этих по одной береговой линии около 80; но многие из них уже смыты водой, так как все старые жилища были расположены близко к берегу» (с. 147).
«Жители [юрт Инкиных] рассказывают, что в волости есть много по берегу реки и протоки, а равно и в бору, таких мест, которые дают указание, что в старину на них жили их некрещеные предки. Многие бутры в бору издают звук пустоты» (с. 156).

Окончание таблицы Б.3

«В двух и девяти верстах от селения [юрты Иванкины] находятся небольшие курганы, о которых иванкинцы говорят , что одни из них – бывшие жилища их предков, а другие – могилы умерших. В трех верстах от Иванкинских юрт заметны следы бывшего жилья, о котором жители передают, что это была крепость , окруженная рвами, еще заметными и до настоящего времени. Там будто бы хранилось оружие. В прежние времена на их племя частенько нападали другие племена, вторгавшиеся с целью отобрать пушнину, добывавшуюся в огромном количестве. Тут же недалеко находится курган ...; существует предание, что тут жили предки юрт Кияровых, убежавшие оттуда в другое место – версты за четыре от Иванкинских юрт, вследствие того, что кияровцы умирали от ужаления змей...» (с.153).
«В двух верстах от юрт Ласкиных есть небольшие курганы, о которых рассказывают , что это могилы их предков, называвшихся чудью...» (с. 166).
«В расстоянии одной версты от ю. Парбских есть признаки прежних жилищ их предков. В 1,5 верстах от селения есть курган ..., в коем, по рассказам , также похоронены их предки, павшие в битве с инородцами других племен» (с. 168).
Курганы близ юрт Тюхтеревых. «.. о которых говорят, что это бывшие жилища «чудаков», ранее составлявших два селения волости» (с. 174-175).
Курган около юрт Пыжиных От этих юрт в 2-х верстах от Оби, вглубь материка, есть возвышенность, похожая на курган, вышиною от 8 до 10 саж. Дети инородцев находят тут изделия из глины. По отзыву инородцев, здесь жило племя, которое они почему-то называют «чудаками». (с. 174).
На Чижапке «Инородцы указывают на многие места, где, по их словам, раньше жили старые люди; вблизи таких (когда-то существовавших юрт) был найден бронзовый кинжал с изображением каких-то зверей, который каким-то образом попал бывшему нарымскому врачу Савченко (ныне умершему), сохранившийся у его семейства; на том же месте были найдены медный котёл и медный наконечник в виде короткого долота, но где находятся теперь эти вещи – неизвестно» (с. 192).
Юрты Широковы. «Близ селения, в бору, есть старые бугры, где, по преданию , жили предки инородцев – язычники. Бугры расположены по двум линиям, между которыми широкий проход... Тут же впереди есть один большой бугор, в котором, по преданию, жил богатырь – начальник юртового селения» (с. 209).
Юрты Тайные. «Предки инородцев жили здесь, по преданию , до крещения, на что указывают и находящиеся в бору, по речке Анге, курганы» (с. 206).
Юрты Ганькины. «Инородцы рассказывают, что селение это получило название потому, что в нем жило очень много инородцев – это еще было до крещения их предков; об их жилищах свидетельствуют до 100 курганов, находящиеся около этих юрт» (с. 207).
Село Кетное или Максимкин Яр. «Инородцы указывают на большое возвышение, находящееся против села (...покрытое сосновым лесом), и называют его богатырским островом, на котором, в бору, будто бы жили богатыри – начальники их некрещеных предков» (с. 211).

[illegible]

¹ В электронном формате данная книга с текстами о герое Итя на селькупском языке с переводом на русский и немецкий языки доступна по адресам:
[academia.edu:https://www.academia.edu/12448091/Texte_%C3%BCber_Itte_der_%C3%BCber_die_sieben_G%C3%B6tter_der>Weisheit_verf%C3%BCgt](https://www.academia.edu/12448091/Texte_%C3%BCber_Itte_der_%C3%BCber_die_sieben_G%C3%B6tter_der>Weisheit_verf%C3%BCgt)
[researchgate:https://www.researchgate.net/publication/276418862_Texte_uber_Itte_der_uber_die_sieben_Gotter_der>Weisheit_verfugt](https://www.researchgate.net/publication/276418862_Texte_uber_Itte_der_uber_die_sieben_Gotter_der>Weisheit_verfugt)
[academia.edu:https://independent.academia.edu/Tuchkova](https://independent.academia.edu/Tuchkova) На сайте Гамбургского университета:
<https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/ressourcen/itte-texte-wagner-nagy.pdf>

²Имеются в виду те неопубликованные тексты, которые представлены – в книге «Тексты с героем Итя» в Приложениях 4, 5, 6 (Тучкова&Вагнер-Надь, 2015. Ч. 1):

КП – Приложение 4 «Тексты про Иде из архива К. Папай» С. 327.

ЛВ – Приложение 5 «Тексты про Ичу из собрания Л.А. Варковицкой» С. 328-329.

ОАК – Приложение 6 «Тексты про Ичу из собрания О.А. Казаквич» С. 330-332

ДоАл – Тексты из коллекции Я. Алатало (записи К. Доннера).

Продолжение таблицы Б.4

<p><i>Вариант 3. А (Кетъ)</i></p> <p>Прологи: предупреждение об опасности (косоглазые караси/утки); звери-кувтарго Пюнегуссе; <u>липкая ловушка</u>; мать-шаманка Пюнегуссе видит шаманским зрением, что это он добыл зверей (Итя убивает её); Людоед хочет съесть Итю; Итя и Пюнегуссе плывут по бессмертной серебряной реке. Итя отправляется на задание: поймать двух лебедей с пепельным горлом; из уха лебедя он достает себе невесту; Пюнегуссе заманивает Итю в <u>ловушку-расщелину</u>; духи Ити помогают ему победить: Итя ловит людоеда петлёй; Итя возвращается домой с невестой (эпилоги: с угольком; бабушку туда-сюда пнул, она молодой стала; брызганье из груди молока для узнавания Ити) (КеМ).</p> <p>Б (северный: туруханский): <u>ловушка-расщелина</u>; Итя догоняет противника в шкуре ястреба-мышелова, ловит его петлей; убивает его дочерей.</p>	С-1 В-3	13, 37 (фрагм)	ДоАл:5 ЛВ: 5, ОАК: 8
<p><i>Вариант 4. (васюганско-тымский):</i> Итя – рыбак; Пёнеге рвёт Итины сети, ворует его рыбу; Итя ловит Пёнеге в клейкую ловушку; Пёнеге а) погибает, приклеенный к лодке; б) гонится за Итей и его спутником; все трое убегают на небо, бог их там делает звёздами.</p>	С-1 В-4	43, 44, 47	
<p>Сюжет №2. Итя попадает в живот Людоеда</p>	С-2		
<p><i>Вариант 1.</i>Итя попадает в живот Людоеда и с помощью ножа выходит наружу.</p>	С-2 В-1	14,15, 16	ДоАл:1
<p><i>Вариант 2. (для маленьких детей): «Один дома»</i> Подварианты: А, Б, С</p>	С-2 В-2	17, 18, 19, 20, 21, 22	
<p>Сюжет №3. Итя уговаривает Людоеда снять шубу</p>	С-3		
<p><i>Вариант 1. (среднеобской(иванкинский):</i> герой живёт с бабушкой; предостережение бабушки об опасности (косоглазые караси); встреча героя с Людоедом и предложение Людоеда жить вместе с Итей; совет бабушки: попросить Людоеда снять его железную шубу; Итя следует совету бабушки; народ (родственники Ити) убивают Людоеда, однако тело Людоеда возрождается вновь</p>	С-3 В-1	23, 61	
<p><i>Вариант 2. (верхнекетский):</i> Встреча Ити и Людоеда, стали жить вместе; Итя хотел его приучить есть мясо животных; Людоед заболел и попросил Итю отнести его попить к реке, Итя просит Людоеда снять железную шубу; народ (родственники Ити) убивают Людоеда, однако тело Людоеда возрождается вновь</p>	С-3 В-2	60 (3)	
<p>Сюжет №4 («северный») Ича живёт с бабушкой; поехал охотиться в лес, запряг в нарту трёх оленей. По дороге Ича находит девушку в тундре с отрезанными ушами (уши ей отрезал отец). На другой день, приехав к девушке вновь, Ича видит, как Лоз-ира уносит её на плече, Ича их догоняет; олени Ичи растоптали Лоз-ира. [данный сюжет является автономным, т.к. он не вписывается ни в одну группу]</p>	С-4	35	

Продолжение таблицы Б.4

<u>Сюжетная группа 2</u> <i>Итя и Бабушка</i> [сюжеты, где только 2 действующих лица: Итя и Бабушка]			
Сюжет №5 «Бабушкины уроки» <i>Вариант 1.</i> Бабушка учит Итю быть храбрым, оставив его одного в лесу.	С-5, В-1	24, 25, 26	
<i>Вариант 2.</i> Бабушка объясняет, кто такой горноста́й, почему у зайца пятна на ушах.	С-5, В-2		ОАК: 1,2
Сюжет №6 Бабушка – даритель волшебных предметов (туруханский) Бабушка даёт Иче волшебную стрелу, духов-покровителей деда и быстрых волшебных рыбок	С-6	27(1), 28	
Сюжет №7 «Медведь идёт!» <i>Вариант 1 (среднетазовский):</i> Спор с Бабушкой из-за рыбы (= Мнимый покойник) <i>Вариант 2 (тымский):</i> Итя болеет (лежит на спине). Бабушка собаку в шубу завернула, подкинула Ити. Крикнула: «Медведь идёт!» Итя вскочил: «Где мой лук? Где мои стрелы?» Потом видит, а это его собака скачет.	С-7	30, 31	ОАК: 12 ДоАл: 2.1; 3.2; 4.
<u>Сюжетная группа 3</u> <i>Итя женится на дочке Лоза, с её помощью борется с ним/убегает от него</i> [активная жена-волшебница]			
Сюжет №8 Итя находит невесту у Людоеда	С-8		
<i>Вариант 1.</i> Невеста – пленница Людоеда; совместный побег, волшебные предметы	С-8 В-1	34	
<i>Вариант 2.</i> Невеста – дочь Водяного Лоза; совместный побег, волшебные предметы, основание священного места	С-8 В-2	37фрагмент	
Сюжет №9 Итя с женой борется с Людоедом <i>Вариант 1.</i> Итя с женой борется с Людоедом и сестрой Ити Сестра Ити живет с Людоедом, отправляет Итю найти ей волшебную мазь. В пути Итя помогает Одноглазому Лозу, тот Ите дает лукошко с духами, в нем «девка» и «парень». Девка потом становится женой Ити и помогает ему в борьбе с Людоедом.	С-9, В-1	36	
<i>Вариант 2.</i> Ича женат на дочке Лоз-ира, он борется с Лозом, а жена помогает ему.	С-9, В-2	62	ЛВ: 8,9 ОАК: 6
<u>Сюжетная группа 4</u> <i>Герой сватается к статусному тестю</i> [к царю; богатому ненцу]			
Сюжет №10. Шантаж царя - отца невесты	С-10		
<i>Вариант 1.</i> Ичя шантажирует отца невесты убитой бабушкой	С-10 В-1	38	
<i>Вариант 2.</i> Ичя шантажирует (пугает) отца невесты обглоданным мышами своим телом.	С-10 В-2	39	
Сюжет №11. Сватовство к богатому ненцу Кто невесту/отца невесты рассмешит?	С-11	40, 41, 42	

Продолжение таблицы Б.4

Ича рассказывает, как его щука укусила за зад.			
<u>Сюжетная группа 5</u> <i>Итя обманывает</i> [Герой – устроитель социальной справедливости; наказывает за жадность]			
Сюжет №12. Ича наказывает за жадность <i>Вариант1.</i> (туруханский): Ича живёт на краю города; В городе есть жадный начальник, он посылает слуг узнавать, кто что добыл; обман Ичи: собака с соболями на шее; ножик, якобы убивающий жадных врагов; Бабушка – помощник при выполнении трюков; Ича хитростью заманивает врагов в мешок и топит в море.	С-12, В-1	56, 57, 58	ЛВ: 6,7 ОАК: 7, 9
<i>Вариант2.</i> Пять братьев встречаются на рыбалке старика; Старик приходит и съедает часть рыбы; Старик жадных братьев обманом садит в мешок и бросает в костер.	С-12, В-2	59	
Сюжет №13 Ича спорит с Лозом <i>Вариант 1.</i> «тазовский»: Чей забор?/ Чья земля? К Богу стали кричать: Бабушка с лиственницы отвечает: «Это Ичин забор»!	С-13, В-1	29	ОАК: 4, 14 ЛВ: 3
<i>Вариант2.</i> Ича и Лоз меняются парками («берестяная парка») УЛоза медвежья парка, у Ичи – из бересты. Ича уговаривает лоза поменяться парками. Лоз соглашается. На морозе берестяная парка уЛоза лопается, Лоз замерзает.	С-13, В-2		ОАК: 5
<u>Сюжетная группа 6</u> <i>Итя в гостях у Духа(Бога) и передает просьбы</i> [сюжеты без противоборства]			
Сюжет №14. Итя в гостях у Старика-Массу, который дал ему творящую шерсть Итя попадает в жилище Массу, который угостил его едой, потом дал шерстинки и попросил Итю разбросать весной в верховьях разных рек. Итя плохо выполнил поручение: выкинул всю шерсть в одном месте. Там уродилось так много зверей и рыбы, что люди стали мясо выкидывать. Оно сгнило, так появились черви.	С-14	50, 51	
Сюжет 15. Итя просит у Бога еды/тепла	С-15		
<i>Вариант 1.</i> Поднимается на собственных кишках (с помощью пения подняться до неба не удается); цель – попросить Бога прекратить голод у татар.	С-15 В-1	32	
<i>Вариант 2.</i> Поднимается на черкане; цель – попросить Бога прекратить холод.	С-15 В-2	33	
Сюжет №16. Итте, Лесной дух и Семь Сыновей Лесного Духа. Встреча с сыновьями Лесного духа; Итте обижает их, перевернув в лодке; Итте приходит в гости к Лесному духу; Семь сыновей Лесного духа припомнили ему обиду; противоборство и искупление вины (помощь Лесному духу): Итте нужно добыть дочерей лесного духа, которых похитили богатыри (мадуры)	С-16	60(1)	

Продолжение таблицы Б.4

<p>Сюжет №17. Итте помогает Птице и Рыбе Итте встречается с Птицей на берегу озера(моря). Когда-то Птица охотилась на гигантскую Рыбу с волосатым и пятнистым рогом, но не смогла её вытащить из воды и оставила в её спине свои когти. Птица просит Итте помочь вернуть ей когти. Итте возвращает когти, заодно помогая и Рыбе избавиться от этих когтей.</p>	С-17	60(2)	
<p>Сюжет 18. Герой (человек) живет в семье Великанов-Пюнегуссе Одинокий герой, его находит Великан-Пюнегуссе и приносит в свою семью; у Великана нет намерения съесть человечка; он помогает Великанам охотиться; дочь Великана играет с человеком «как с куклой»; от их союза произошли селькупы.</p>	С-18	55	
<p>Сюжетная группа 7 Итя борется с необычным противником гигантского размера</p>			
<p>Сюжет № 19. Итя борется с противником гигантского размера, и побеждает только тогда, когда его Идол(-ы) помогают ему.</p>	С-19		
<p>Вариант 1. Пролог: герой-«сирота» осознает свое одиночество; допытывается у бабушки: где его люди?; пытается добыть из проруби огромную Рыбу-прародительницу (Рыбу-Мать-Рыбу-Отца); ему пытаются помочь братья-массу и сестры-пачьянгне; однако все утонули в проруби, не добыв эту Рыбу; справиться с ней помогает только дух-помощник (идол).</p>	С-19, В-1	52, 53 (к прологу «герой ищет своих»)	
<p>Вариант 2. Пролог: герой-«сирота» - Сыльча-Пыльча - осознает свое одиночество и отправляется искать своих людей; долго блуждает; находит у проруби кричащего голого человека – он ждёт своей смерти: должны вынырнуть Лозы из проруби; герой помогает этому человеку, борется с Лозами из проруби; идолы (порке – «нарисованные» лица) помогают ему победить Лозов.</p>	С-19, В-2	54	
<p>Вариант 3. Ича борется с Йеретями, приходящими из могильного холма. Побеждает их с помощью идола деда и семи своих собственных идолов</p>	С-19, В-3	27 предл. 102-181	
<p>Сюжет №20. Ича с братьями борется с небесным царем Кон Мытыкой Ича бабушку в прорубь толкнул, она одноглазой сорогой стала. Сам пошел искать братьев и с ними отправился мстить небесному Кону Мытыке за то, что тот отобрал «отца место запора». Многократные битвы. Ича погибает.</p>	С-20	48, 49	
<p>Сюжетная группа 8 Итя, Кана и Кольгоссе-ит</p>			
<p>Сюжет №21. Итя гонит лося Итя и спутники гонят лося. А) Спутники Ити: Кана и Колгоссе; Б) отец жены Ити и тымский зять Ити.</p>	С-21	45, 46, 47	

Окончание таблицы Б.4

Мифологический эпизод: все спутники переместились на небо и стали звездами.			
<p>Сюжет №22 Иде, Кольгоссе, Кольгоссе-ит, Кана (Иванкино, Обь): Иде живет с бабушкой. У него есть летающие лыжи. Он летит в город Кольгоссе, где видит в одном доме двух необычных мужиков, которые глотают камни/яица. Некий «голос» угощает Иде необычной едой (еда готовится сама и подаётся на стол сама). Ему дарят подарок – сундук, он отвозит его домой, ночью из сундука появляется красивая девушка, сияющая светом. Она становится его женой. Сын Кольгоссе – Кольгоссе-ит – просит Иде тоже посватать ему такую же невесту. Они отправляются снова в город, но Кана (дикий [сумасшедший], но старший [он – старший брат?]) мешает им. Кольгоссе-ит превращается в камень; Иде с женой пытаются ему вернуть человеческий вид. Им это удастся сложным (энергоёмким) способом – Иде топит чужал дровами так сильно, что чужал разваливается; Иде глотает камни (горячие?), они из пупка у него назад выходят, при этом Кольгоссе-ит постепенно принимает снова человеческий живой вид.</p>	С-22		КП:1,2

Таблица Б.5 – Мотив о липкой ловушке

[Фрагмент каталога мотивов Ю.Е. Берёзкина] <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

Западная Сибирь
<u>Ненцы</u> (Югорский полуостров) [у старушки два сына, старший <i>Вэрабук</i> ; рыба пропала, В. пошел искать, в чем дело; набрел на пеня с себя ростом; надел на него свой совик (верхняя одежда), никак не снять; ударил пеня правой ногой, она прилипла; и так все конечности и голова; старик-великан пришел к капкану за добычей; В. сказал, что его санки катятся сами; пустил вниз по склону, великан поверил; В. предложил великану сесть в санки, обещал толкать; сам убежал; великан догнал его, повез на санках, В. снова убежал, великан не заметил]: Терещенко 1949: 144–146;
<u>Восточные ханты</u> : Кулемзин, Лукина 1978, № 98 (р. Аган) [женщина не велит племяннику стрелять в косачей; тот стреляет, промахивается, пытается взять стрелу, прилипает к земле; Железный-нос-печка-нос-женщина уносит его домой в корзине, прибывает к стене, уходит за котлом; юноша велит сыну и дочери людоедки отпустить его, обещает сделать ложки, убивает, варит, сам лезет на дерево; людоедка рубит дерево, ложится отдыхать, юноша просит ее открыть рот, обещает прыгнуть в него, сыпет в глаза ей песок, убегает]: 89; Лукина 1990, № 34 (р. Вах) [(перепеч. из Шатилов 1982: 79–81); <i>Альвали</i> попал стрелой в чирка; не может вытащить стрелу из его тела; бьет луком, лук прилипает; и т.д., пока не прилипла голова; чирок был ловушкой <i>Сэвс-ики</i> ; он приносит А. домой; тот просит сперва его откормить, затем посылает принести большой котел; А. уговаривает его дочерей его отпустить, обещает сделать ложки хлебать его суп; убивает обоих, варит, мясо насаживает на палочки вдоль тропы; лезет на дерево, насыпав в обувь песок; С. съедает мясо; выблевывает топоры, рубит дерево, топоры ломаются; остается один; А. просит С. открыть рот, чтобы прыгнуть туда; сыпет песок, убивает его топором, сжигает, пепел превращается в комаров]: 134–136;
<u>Южные селькупы</u> : Пелих 1972 (верхнекетский говор) [=Тучкова, Вагнер-Надь 2015, № 5: 56; <i>Итче</i> живет со своей эвва (мать, бабушка): она не велит ему уходить далеко от дома, там одноглазый карась; он плывет в лодке, кто-то повторяет его слова; он ударяет веслом, оно вязнет; ногой – то же; рукой; <i>Пюневальде</i> кладет его в кузов, уносит; по дороге И. обматывает себя корой; П. молотит его, думает, что трещат кости; дома дочь П. велит ему лечь вниз лицом; он ложится боком; она показывает, как лечь, он убивает ее ножом, варит; П. находит в похлебке голову дочери]: 344–345; Тучкова, Вагнер-Надь 2015, № 6 (Усть-Озерное, 1960, Кеть-Енисейский водораздел) [2015: 58–60];
<u>Северные селькупы</u> : Прокофьев 1935, № 1 [<i>Ича</i> живет с бабкой; пускает стрелу в чирка, она пролетает мимо; пытается взять стрелу, прилипает кулаком, пяткой и т.д.; черт приносит его своим дочерям, идет за котлом; И. обещает дочерям сделать деревянную ложку, убивает их, залезает на лиственницу; черт съедает своих дочерей; плачет; выблевывает топор рубить лиственницу; Медведь, Росомаха, Лиса последовательно предлагают помочь рубить дерево, убегают с топором; И. обещает спрыгнуть черту в рот, тот ложится лицом вверх; И. засыпает золой глаза черта, спрыгнув с дерева, убивает, сжигает его; искры превращаются в комаров]: 101–102; Санги 1989 [мальчик <i>Ича</i> -муравей живет с бабкой; его родителей съел злой дух; И. вышел из лодки, ногой прилип к земле; дух принес его домой, стал откармливать; И. убил дочерей духа, сварил языки и глаза, сам забрался на лиственницу; дух съел языки и глаза, думая, что это И.; И. велит ему открыть рот, обещает прыгнуть в него; бросает песок в глаза, убивает топором; сжигает, пепел превращается в комаров]: 132–135; Тучкова, Вагнер-Надь 2015, № 1 (зап. Г.Н. Прокофьева) [<i>Ича</i> живет с бабушкой; выстрелил в чирков, они улетели, И. не может вытащить стрелу; последовательно прилипает конечностями и лбом; черт: птенец кукши в пасть попался; принес дочерям; И.: чтобы меня варить, нужен большой котел; утром черт пошел за котлом; И. обещал чертовым дочкам сделать ложку есть его жир; убил их, сварил в котле, двух сорок пустил в полог, насыпал золы в пимы черта, забрался на лиственницу; черт съел мясо дочек, открыл полог, оттуда сороки; лег, семиглазую песчинку, семиглазую звезду считает, И. не видит; наконец, видит на лиственнице; стал рубить; медведь предложил рубить, унес топор; черт взял другой; росомаха – то же; черт некогда проглотил город, тепень отгрынул новый топор; лиса пришла рубить – то же; И.: ложись и раскрой рот и глаза; высыпал в лицо черта золу, изрубил, сжег; искры стали комарами], 2 (Красноселькупск, 1971 г.) [<i>Ичкыча</i> жил с бабушкой;

Продолжение таблицы Б.5

выстрелил в навозную кучу черта; не может вытащить стрелу; последовательно прилипает ногами, руками, головой; черт положил И. («птичку») в мешок, принес домой двоим дочкам, повесил за пятку; на следующий день ушел; И. обещает дочкам сделать пеструю ложку, они его спустили; он их убил,

сварил в котле; в полог черта положил двух птенцов, в бакари насыпал золы, мясо дочек черта насадил у тропы на палочки, сам залез на лиственницу; черт съел мясо, открыл полог, птенцы вылетели; нашел в котле черепа; лег, песчинки сосчитал – семь, все есть; звезды – семь, все есть; И. с лиственницы: я здесь; черт стал рубить; заяц предложил ему поспать, сам будет рубить, унес топор; черт отпрыгнул другой, проглоченный в развалинах города, снова рубит; пришла лиса; то же; далее росомаха, волк, медведь; черт полез на лиственницу; И. велел ему открыть рот и глаза, насыпал золы, изрубил топором, сжег; черт: в некоторые годы моего пепла {т.е. гнуса} пусть много, в некоторые мало}], 3 (Красноселькупск, 1973) [Ичакычика живет с бабушкой, пошел ловить сеть; И.: поплавок сети запутался; навозная лепешка черта все слова повторяет, передразнивает; И. бьет ее веслом, веткой, луком, все прилипает, затем конечностями, головой; пришел черт: в мою счастливую ловушку зайчонок попался; понес И.; согласился, чтобы И. шел сам; уходя, черт велит дочкам нагреть два котла с водой; И. обещает им сделать ложку, убил, сварил; черт пришел, ищет: одной песчинки нет, одной звезды нет; И. с лиственницы: я здесь; заяц, затем лиса, волк вызываются рубить пока черт отдыхает; бьют его топором, уносят топор; черт выблевал новый; И. велит распылить глаза, рот, ноздри, сыплет золу, убил, сжег; частицы пепла будут людей есть(т.е. стали гнусом)], 4 (Толька, 1977, запись Е.А. Хелимского [то же; мальчик (без имени) живет с матерью]: 24-26, 33-39, 43-46, 52-53;

Кеты: Николаева 2006 (дер. Пакулиха, зап. в 1959 г. Р.В. Николаев) [{в точности как в Ошаров 1936а, но имя героя Чууты]: 158-162; Ошаров 1936а [Черт справил нужду, это его ловушка; Ичекочко прилип; просит Черта не есть его, а отнести дочерям на игрушки; дочерей просит его развязать, он им вырежет ложки; убил девок ножом, сварил, жареные куски расставил на палках по пути к чуму; убежал, оставив мелких птичек в пологе, будто девки веселятся; Черт наелся мяса, выпустил птичек, нашел головы дочерей; сосчитал звезды, песчинок не досчитался, понял, что И. убежал по земле; И. залез на дерево, черт стал рубить, Заяц предложил рубить за него; когда Черт заснул, ударил его обухом топора, будто лесина упала, убежал, унеся топор; Черт выблевал новый топор (он проглотил его некогда, проглотив семь городов); те же эпизоды с росомехой; с медведем; И. предлагает Черту закрыть глаза, открыть рот, он туда прыгнет; бросил песок, убил Черта, сжег, из него появились комары, пауты, мошки]: 101-105; Поротова 1982 [младший из трех братьев попал в ловушку великана; тот принес его домой, дал в мужья своей дочери, у них родился сын; они пошли навестить его родственников; жене стало стыдно, что она большая, ушла назад, забрав ребенка; муж вернулся к своим]: 67-69;

Нганасаны: архив МАЭ РАН, Оп.2 Д.992, Ф.К-1; передала М. Момзикова [1] 1973, *Демниме Костеркин, Усть-Авам (?)*, *Горбачева и Чесноков*; Бежит Дяйкю (Д.), видит гора. Поднялся на сопку. Видит чумы. Пошёл к чумам. Нашёл лопатку оленя. Подобрал её. Набрал снегу. Прилепил к лопатке, разбил нос, намазал снег на лопатку, получилось как кусок мяса. Пошел к чумам. Зашел в чум. Старушка в чуме собирается варить мясо. В котле вода кипит. Д.: “Я чужого мяса не ем. Пусть старушка сварит мое мясо”. Старушка бросила в котел мясо. Вскоре мясо сварилось. Старушка стала вытаскивать мясо, а там одна кость – лопатка. Д.: “Ваш котел моё мясо съел”. Ему дали новый кусок мяса. Потом он пошёл, набил оленей. Пришел и говорит: “Я убил много оленей. Пойдите, запрягайте оленей в санки, поезжайте за оленями”. Люди поехали, ничего не нашли; 2) *Записал Момде Александр Челеевич в 1982 году от стариков-оленоводов, п. Волочанка*; Жил, говорят, в давние времена парень Дяйкю со своей бабушкой, имел лук из ребра оленя и стрелы с железными наконечниками, ходил на охоту и добывал много куропадок, рыбачил на лодке из коры дерева. Однажды говорит своей бабушке: “Плохо нам жить без оленей. Надо добыть оленей у соседей дюдюру. Пойдем к ним”. Д. сделал на санях навес, посадил под навес бабушку, запрягся в сани и потащил их, остановился в тундре. Д.: “Тут остановимся. Дальше я пойду один, а ты оставайся здесь. Никуда не уходи. Возьми нож и возле горла в одежду воткни его и так сиди. Когда придут люди, пусть подумают, что ты умерла”. Бабушка воткнула возле горла в одежду нож и так с опрокинутой головой села сидеть. Д. закрыл бабушку пологом, пошел к стойбищу. Вошел в

Продолжение таблицы Б.5

средний чум, там много людей-дюдюру. Хозяин чума: “Откуда гость? Кто такой?” Д.: «Хожу со своей бабушкой по тундре, живу охотой, ни в чем не нуждаюсь». Все дюдюру обрадовались, спрашивают его: “О, Дяйкю! О тебе по всей тундре говорят! Где твоя бабушка? Почему ты оставил свою бабушку?” “Оставил тут недалеко, в балочке. Она не любит по гостям ходить. Но она без дела не сидит. Она шьет мне новую одежду”. Девушка: “Надо ее позвать в чум”. Д. двум девушкам-дюдюру: “Будьте осторожны! Бабушка под пологом сидит. Она у меня пугливая и от испуга может себя ножом зарезать”. Девушки-дюдюру гурьбой побежали к саням Дяйкю. Открыли полог: бабушка сидит с ножом в горле. Они испугались девушки, прибежали и говорят Д.: “Твоя бабушка от испуга зарезала себя ножом! Не губи нас, Д.! Скажи, чем нам откупиться?” Д. заплакал: “Ой, как буду жить без бабушки! Погубили мою бабушку, обидели меня! Уйду от вас в тундру свежее мясо добуду”. И он пошел в тундру, увидел покинутое стойбище, нашел там обглоданную оленью лопатку, собрал забрызганный кровью снег, налепил – получилась лопатка с мясом. С этой лопаткой вернулся в стойбище дюдюру: “Убил много оленей. Завтра соберу. Немного на ужин принес. Положите эту лопатку в котел и сварите. Я буду есть свое мясо”. Хозяйка-дюдюру принесенную оленью лопатку бросила в котел, где варилось мясо. Вот пришло время вытаскивать из котла мясо. Хозяйка вытащила все мясо и чистую, без единого куса мяса лопатку. Д. увидел голую кость, рассердился: “К каким людям я пришел? Убили мою бабушку! Ваш котел съел мое мясо! Бог вас накажет!” Дюдюру попадали на колени: “Д., не губи нас! Проси, что хочешь! Д.: “Давайте мне пятьдесят оленей и я уйду от вас. Один пойду хоронить свою бабушку”. Дюдюру поймали пятьдесят оленей, запрягли их в лучшие упряжки, проводили Д., приехал к бабушке, хохочет: “Ой, как я обманул дюдюру! Теперь поедem на наши летние места”. Всю зиму Д. с бабушкой аргишили и к лету на берег большой реки прибыли, чум поставили. Как-то утром Д. говорит бабушке: “По реке на лодке поплыву”. Сел в лодку из коры дерева. Через три поворота реки навстречу человек в лодке. Остановился посреди реки и спрашивает: “Откуда плывешь? Как тебя зовут? Хочешь есть?” – “Я – Д., живу с бабушкой, недалеко отсюда мой чум на берегу стоит. А где мы есть будем?” – “О, слышал о тебе! Здесь будем есть”. Человек показал на воду, наклонился и что-то шепнул. Вода возле лодки забурлила и выплыл стол с разной едой и двумя чашками горячего чая. Незнакомый человек и Д. поели, напились горячего чая. После этого Д. сказал человеку: “Спасибо за угощение. Завтра приходи ко мне в гости”. Д. вернулся домой и рассказал бабушке, как незнакомый человек угощал его на воде едой и горячим чаем. Утром Д. бабушке: “Я того человека на сегодня в гости пригласил. Тоже на воде буду угощать. Тебя и стол опущу в воду, а как приплывем туда и я скажу: “Бабушка, подавай!” — ты выходи из воды со столом”. Бабушка согласно закивала головой, а сама думает: “Лучше потонуть, чем с таким непутевым внуком жить”. Д. привязал к бабушке камень и со столом опустил в воду недалеко от берега. В полдень к стойбищу приплыл гость. Д. встретил его: “Ты меня на воде угощал. И я тебя на воде угощу”. Д. с человеком-гостем приплыли к тому месту, где была потоплена бабушка со столом, наклонился к воде и громко позвал: “Бабушка, подавай!” Но вода не забурлила и бабушка не выплыла. Д. еще раз крикнул, а потом еще раз, но не было ни бабушки, ни стола. Долго кричал бедный Д., так долго, что он голос потерял. Гость ждал-ждал угощения да и уплыл в свою сторону. А Д. взял шест и начал им по дну водить, только к вечеру вытащил мертвую бабушку и очень удивился, что она не захотела жить. Похоронил Д. бабушку, погоревал и решил на другой берег переплыть, людей там поискать. Переплыл на лодке реку, дальше пешком пошел. Идет и видит: впереди пеня. Он пнул этот пеня — нога прилипла. Ударил второй ногой — и вторая прилипла. Уперся руками — руки прилипли. Вечером пришел Сигиз-людоед: “Ха-ха! Наследственный мой капкан без добычи не бывает!” Оторвал Д. от пня и под мышкой домой понес, дома повесил на крюк возле огня, лег спать. Д. висел, от огня его разморило, он захотел помочиться. Людоедиха увидела и говорит: “Зачем у огня повесил? Весь очаг зальет!” Сняла Д. и положила на землю. Весь день он лежал там, боясь пошевелиться и ожидая, когда Сигиз-людоед проснется и начнет его варить в большом котле. Вечером людоедиха пошла на улицу. Только она села, Д. подбежал, под ноги ей упал и голосом ребенка-младенца заплакал. Людоедиха испугалась, зовет старого людоеда: “Выходи быстрее! У нас ребенок родился! Подушку неси!” Сигиз-людоед вышел и ворчит: “В наши годы какие могут быть дети?” Ребенка занесли в чум, запеленали и сидят радуются. Через день Д. говорит голосом младенца: “Идя! (Папа!) Разреши мне говорить!” – “Нет, рано тебе говорить. Губы порвешь». – “Почему единственному сыну говорить не разрешаешь! У тебя

Продолжение таблицы Б.5

даже немного ребенка больше не будет!” – вступилась за Д. людоедиха. “Ладно, пусть говорит”. Еще через день Д. опять: “Папа, я хочу ходить!” “Нет, тебе еще рано. Ножки сломаешь”. Людоедиха: “Почему ты не разрешаешь ходить единственному сыну! Ведь у тебя никогда больше не будет даже хромого ребенка!” – “Ладно, ходи, только осторожно”. Д. встал и начал бегать. Сперва бегал по чуму, а потом на улицу выбежал. На улице увидел, что людоед имеет много оленей и большой запас продуктов. На третий день Д. говорит С.: “Папа, давай зарежем передового оленя. Я мяса хочу”. – “Зачем резать хорошего оленя?” Людоедиха: “Почему не хочешь зарезать хорошего оленя! Ведь у тебя больше не будет даже тощего ребенка!” – “Ладно, зарежь». Д. зарезал оленя, освежевал: “Давай перевезу мясо на другой берег. Потом буду каждый день привозить вам свежее мясо”. – “Зачем перевозить? Можешь на лодке перевернуться и утонуть”. Людоедиха: “Почему перечишь единственному сыну! Ведь у тебя больше не будет другого ребенка!” – Людоед: “Ладно”. Д. загрузил в лодку все мясо и поплыл на другой берег. Переправившись, выгрузил мясо, продырявил лодку и потопил ее, стал кричать людоеду-Сигиз: “Никакой я не сын вам! Я – Д.! Навсегда оставляю вас! Живите вдвоем!” Взял сколько мог мяса и пошел, не оглядываясь к своему чуму. Жил ни о чем не заботясь, пока все мясо не съел, а когда мяса не осталось, пошел искать новые стойбища и других людей-дюдюру]; Поротова 1980 [Дяйку ударил пень, кулак прилип, затем нога и т.д.; старик принес его домой, сказал жене, что в капкан попался песец; пока старика не было, а старуха вышла во двор, Д. соскочил с перекладки, стал младенцем, зашел старухе под подол; просит зарезать единственного оленя, старуха велит мужу разрешить, ведь это их единственный сын; Д. грузит мясо в лодку, уплывает, кричит, что он не их сын, а Д.; в другом месте дырявит лодку, в которой должны плыть три сына старшины, замазывает дыру глиной, сыновья тонут; Д. возвращается к матери, рассказывает, как обманул старика, утопил людей]: 21-24.

Восточная Сибирь

Долганы: Ефремов 2000, № 12 [Лыбыра плывет в лодке, наскочил на камень, весло, рука, нога и т.д. прилипают; Ангаа Монгус уносит его в кармане; Л. убежал, пока тот сел оправиться, его жена от предвкушения ужина проглотила иголку с ниткой, но ничего не нашла, А. вспорол ей живот, нашел лишь иглу, заплакал; вернулся, принес Л., повесил на крюк, ушел; Л. справил малую и большую нужду, дети А. решили, что это капает жир; Л. обещает им сделать ложки, они его освобождают, он отрубает им головы, варит мясо; А. съел детей; Л. отвечает А. то из-за стены, то из дымохода; велит лезть под очаг не головой, а задом, сует ему в зад раскаленную кочергу; тот умер, Л. вернулся домой]: 223-227; Ермаков 1988 (Хатанга, зап. Ефремова 1964 г. {видимо, другой вариант опубликованного Ефремовым} [Лыбыра наскочил в лодке на камень; весло, ноги, руки, живот, голова прилипают; камень превращается в Ангаа Монгуса, тот уносит Л. в кармане; Л. разрезает карман, убегает по дороге; дома АМ сперва обвиняет жену, что та съела Л., затем обнаруживает дыру, догоняет, приносит Л., вешает на крюк, уходит; Л. говорит жене и детям АМ, что его надо снять, а то высохнет; ведет их в лес заготавливать дрова, отправляет с дровами домой, сам убегает с топором]: 78-79;

Якуты: Илларионов и др. 2008, № 15 (зап. 1938 г., Вилюйский район) [у Лыбыра серебряная лодка, золотые весла; его кто-то зовет, он подходит, это **гриб**, он пинает его бьет, прилипает, Ангаа Монгус приносит его к себе; Л. просит его сначала откормить; посылает за ножом; владелец ножа - к владельцу точила, точило надо увезти на жеребце, нужна веревка для узды, веревка за рекой, АМ падает в воду, тонет; велит, чтобы его тазовые кости стали пестом, берцовая кость - ступой]: 173-177; Эргис 1964-1967(1), № 39 [Чарчахаан хочет сорвать древесный гриб с лиственницы (он служит лекарством); его рука, вторая рука, ноги, лоб прилипают; Ангаа Могус уносит его, Ч. прорезает сумку, убегает, кладет под шубу кору; АМ находит его, пинает, думает, что трещат кости, приносит детям; Ч. обещает сделать им ложку, велит дать острый меч, отрезает им головы, кладет на постель, мясо варит, роет ход наружу; АМ не может просунуть голову, Ч. предлагает лезть задом, протыкает раскаленной пешней; тот велит из двух своих рук сделать весла, из костей спины лодку, голенную кость сделать столбом в балагане, из черепа – котел, из глазниц - чашки], 40 [старик Лыбырда ловит рыбку в серебряной лодочке серебряной сетью; трижды слышит, как из леса его зовут; каждый раз ломает лодку и весла (затем они восстанавливаются), идет искать, кто его звал; на третий раз пинает лошадиный череп, последовательно прилипает к нему всеми конечностями и головой; восьмиголовый Алаа Могус

Продолжение таблицы Б.5

<p>приносит его домой; Л. уговаривает сперва себя откормить; через три года посылает А. за острым ножом; далее серия эпизодов, каждый сосед посылает А. к другому; нужны оселок заточить нож, бык притащить оселок, конь догнать быка, уздечка поймать коня; она на другом берегу; старик Аланай советует А. привязать камни к ногам, рукам, к шее; А. тонет; велит, чтобы Л. сделал из его коленной кости пест, из черепа ступу, из шейных позвонков чашу, из костей спины – шатровый балаган, имущество и скот заберет себе (переск. в Сивцев, Ефремов 1990: 132-136, = Сивцев-Омоллоон 1976: 112-118)], 41 [старуха Тэбэнэкээн хотела смахнуть пену с верши, рука прилипла; так все конечности и голова; Ала Монгус принес ее в сумке в дом; она предложила сперва ее откормить; затем посылает наточить топор; для этого сходить за брусом; хозяин отправляет АМ к одолжившему брусом, тот еще к одному, тот уронил его в море; АМ тонет, велит сделать из кости его голени пест, из затылочной ступку, из шейного позвонка ковш, из второго – засов; все те люди были братьями Т.; выйдя из амбара, где была заперта, Т. убила детей АМ, взяла его богатства]: 118-120, 123-125, 127-129; 1967, № 83 [рыбак <i>Лыыбырда</i> (вар.: <i>Айгын-Тайгын</i> или старуха <i>Тэбэнэкээн</i>, старуха <i>Ючэй</i>) слышит в лесу голос человека; идет и прилипает к грибу (конскому черепу); <i>Монгус</i> забирает рыбака и откармливает, чтобы съесть его; резать рыбака невозможно, так как нож тупой; рыбак посылает М. к <i>Болоною</i> за большим ножом, тот к <i>Хараная</i> за точильным камнем, а последний за конем <i>Аланая</i>, чтобы перевезти камень; А. посылает М. за реку за уздой, М. тонет], 84 [умный и сильный <i>Чаарчахаан</i> в лесу прилип к грибу; его поймал <i>Ангаа Монгус</i>, положил в свою суму и пошел домой; по дороге <i>Чаарчахаан</i> наложил себе под платье корье; придя домой, М. избил Ч., приказал своим детям приготовить из него обед, сам ушел на охоту; Ч. сделал большой нож, посадил детей рядом и всем срезал головы, сварил их в большом котле, выкопал себе яму; пришел М., попробовал мясо; почувствовав, что это мясо его кровных родственников, хотел поймать Ч., но тот убил его раскаленной пешней (ледоколкой); по предсмертной воле самого М., Ч. из его рук сделал весла, из туловища лодку, из бедер — столбы, из черепа — котелок]: 177;</p>
<p><i>Эвенки. Илимтийские эвенки</i> Чиринда, 2007) [Комое решил съесть Сарсикана и расставил для этого капканы, которые были, как грибы; Сарсикан пнул один из них и прилип; комое отнёс пленника домой, повесил вялиться, а сам ушёл; Сарсикан уговорил детей комое снять его, начал с ними играть и предложил вырыть подземный ход; когда комое вернулся, дети и Сарсикан сидели под землёй; Сарсикан крикнул комое, чтобы тот лез к ним, но задом, поскольку отверстие узкое; комое так и сделал; Сарсикан проткнул его раскалённым железом, затем убил детей и вернулся домой]: Дувакин 2013;</p> <p><i>Туруханские эвенки</i> (река Чуя, зап. в 1925 г.) [Медведь поставил липкую ловушку; Танина плыл по речке, ударил ловушку веслом, затем шестом, кулаком, прилип; Медведь понес его в сумке, Т. наложил в нее камней, убежал; дети Медведя нашли камни; Медведь снова поставил ловушку, принес Т. детям, пошел за рыбой; Т. велел детям дать ему нож сделать ложки, чтобы они могли его есть; убил, сварил медвежат, убежал; Медведь съел медвежат; не догнал Т., у него свело ноги, медведи стали косолапыми]: Ошаров 1936а: 57-59;</p> <p><i>Верхнеленские эвенки</i> - Качугский район, Иркутская обл.) [старик идет на охоту, Гриб передразнивает все им сказанное; старик бьет его посохом, тот прилипает, пинает ногой, нога прилипает; великан вынимает добычу, несет домой; старуха идет искать мужа, попадает в ту же ловушку; и она, и старик погибли]: Воскобойников 1967, № 35: 102-103; 1973, № 36: 155;</p> <p><i>Ангарские эвенки</i> [шаман спугнул, подстрелил рябчика; свежует его, жарит, ест, тот продолжает разговаривать; шаман изверг кал, тот говорит, что человек его не убил; шаман стреляет, топает ногой, нога, рука приклеились, он замерз; Наманныя пришел, потащил добычу домой, нарта зацепилась за дерево (и тело шамана, очевидно, свалилось с нарты); жена говорит, что ничего нет, проглотила кольцо {какое?}; Н. думает, что она съела добычу, распорол ей брюхо; затем зашил, она ожила; Н. нашел, принес замерзшего; тот ожил, испустил кал, Н. пошел это есть на реку с песком; Н. сварил сына Н., голову оставил в постели; Н. с женой съели сына; жена говорит, что мясо сына чувствует; шаман ночью колет ноги Н.; тот бьет себя по ногам, ноги, руки сломались; шаман ушел]: Петрова 1936, № 11: 156-157;</p> <p><i>Сымские эвенки</i> [Муривуль убивает птицу, съедает, испражняется; кал говорит, <i>Ты меня не</i></p>

Продолжение таблицы Б.5

<p>убил; М. стреляет в него, стрела прилипает; бьет, прилипает последовательно руками, ногами, головой; Людоед кладет его в сумку, несет; останавливается; М. набивает сумку камнями, цепляется за ветку; дома жена людоеда находит в сумке одни камни; Людоед распарывает ей брюхо, думает, что она одна проглотила еду; там лишь наперсток; он лечит жену, возвращается к М., приносит домой; уходит с женой; М. просит детей Людоеда его отпустить, обещает сделать лук; убивает, варит; родители их съедают вместо М.; тот прячется под постелью, протыкает обоих шилом, они умирают]: Василевич 1936, № 46: 62-64;</p> <p><u>Эвены</u> [Дэбрикен-Кобрикан идет за дровами, видит вращающийся гриб; прилипает к нему одной ногой, другой, руками, лбом; Великан приносит добычу домой; ДК говорит, что его надо резать большим ножом; Нож велит идти за Точилом, Точило - за Оленем его увезти; старик велит Великану хватать Оленя за ногу; тот убивает его своими железными рогами; ДК посылает жену Великана мыть котел; обещает его детям сделать им лучки, пока они спят; роет подкоп, убегает домой]: Новикова 1987: 38-39.</p>
<p>Амур – Сахалин</p> <p><u>Орочи</u> [Дэвэкта велит птичке раздуть меха, та придумывает предлоги, почему ей не перейти к нему через реку; обращается к нему <i>Старший брат</i>; он бьет ее, она взлетает на дерево; его стрела застревает; он лезет на дерево, прилипает к нему; Сандунга вынимает Д. из ловушки, приносит домой, вешает над очагом, идет за дровами; Д. велит маленьким сыновьям С. освободить его; показать, где копьё их отца; ранит себе ногу, кровь течет по льду; С. лижет ее, его язык примерзает, Д. убивает его копьём; поджигает дом Нерп, они гибнут, он берет их запасы рыбы; Лиса просит везти ее в нарте, съедает рыбу, убегает, прячется у старухи; Д. кричит как филин и как заяц, Лиса смеется; просит не убивать ее, приводит Д. в жены дочь старика <i>Ка</i>; приводит оленя; сама съедает его; жене Д.: <i>Старший брат сказал, чтобы ты привязала мне к хвосту жирной лососины</i>; Д. Лису не догнал]: Аврорин, Лебедева 1966, № 2: 129-130;</p> <p><u>Нивхи</u> [человек садится на кочку, прилипает; велит своей железной крысе его оторвать; садится на дерево, то же, ворона отрывает (это все его шаманские покровители); на камень – он зовет кукушку; выходит женщина, поливает его водой, он уже при смерти; его сестра прилетела кукушкой, хвост – копьё, крылья – сабли, клюв – железная дубина; освободила, вылечила брата; с младшим братом он убил ту женщину; когда вернулся домой, она там, он женился на ней]: Пилсудский 2003, № 18: 123-124</p>
<p>СВ Азия</p> <p><u>Оленные коряки</u> (чавчувенский диалект) [<i>Дабро</i> видит поющий гриб; пинает его ногами, бьет руками, кусает; все его члены один за другим прилипают к грибу; Великан относит Д. себе домой, откармливает, чтобы съесть; Д. роет подкоп, убегает; великан застревает в подкопе, Д. отрезает ему голову; возвращается домой]: Жукова 1988, № 8: 27;</p> <p><u>Юкагиры</u>: Гоголев и др. 1975 [<i>Дорбу</i> думает, кто назвал его этим именем; в лесу пень отвечает ему, <i>Дорбу</i>; он бьет пень, прилипает (tar-baby); черт подходит к своей ловушке, кладет Д. за пазуху, несет домой; Д. прорезает ножом одежду черта, убегает по дороге; жена черта ничего не находит; черт приходит к дому Д., тот предлагает ему копать подкоп; нос черта высывается из земли, Д. бьет по нему, убивает черта; Д. был мышкой]: 196-197; Николаева и др. 1989 (2), № 27 [<i>Доврэ</i> кто-то зовет с дерева, он видит на дереве сруб, залезает, пойман; сказочный старик (СС) приносит его на еду своим детям; Д. отправляет его за более острым ножом к <i>Сирхаси</i>, тот за точилом к <i>Нядяе</i>, и т.д.; СС получает теленка, тот превращается в быка, убивает СС; к этому времени Д. уже убил всех детей СС; сруб на дереве превращается в девушку, она была заколдована, Д. берет ее в жены, живет теперь с двумя женами]: 85-89.</p>
<p>Арктика</p> <p><u>Инупиат Берингова пролива</u> [подросток плывет в каяке по р. Кобук, видит в кустах большой сверкающий улу, дотрагивается, рука прилипает, он притворяется мертвым; людоед связывает его, уносит к себе домой; по дороге юноша несколько раз хватается за кусты; дочь людоеда говорит, что отец снова принес ей людовника; людоед велит жене разделить добычу; юноша напрягает тело, людоедка думает, что оно мерзлое, оставляет до утра; обе дочери</p>

Продолжение таблицы Б.5

людоеда играют, говорят, что добыча открыла глаза; ночью юноша убегает, уплывает в каяке домой; людоед не может его догнать]: Garber 1940, № 11: 97-10; инуиат Берингова пролива (зап. в пос. Шишмарев, хотя действие происходит в верховьях р. Кобук) [братья пропадают один за другим; на старости лет у супругов рождается еще один сын Oogoopogoroseok; отец хочет его убить, чтобы тот не уехал от них; роет на тропе ямы-ловушки, ставит петлю у входа в дом, стреляет из лука; У. легко избегает опасностей; уплывает; до этого получил от отца перо куропатки и шкурку ласки (амулеты); плывет вниз по реке, убивает тюленя, берет с собой его голову; у берега дом, в нем женщина; рядом каяк как у У., но старый и развалившийся; У. пускает в иглу голову тюленя; тюлень сражается с женщиной, они убивают друг друга; в следующем иглу молодая женщина вводит его внутрь, там старуха, над ней висит нож; У. не спит; отрубает голову молодой женщине, кладет туда, где сам спит, свою шапку (crown) кладет туда, где спала женщина; старуха встает, зажигает лампу, рубит голову, как она думает, юноше; выход из иглу исчез, но, став лаской, У. выбирается наружу; иглу пропадает, за У. гонится черная медведица, У. успевает уплыть в каяке; слышит, как медведица зовет его голосом той старухи; у следующего иглу несколько сломанных каяков, это каяки братьев У.; он входит в первый дом, бросает гарпун в вошедшего, тот пропадает; У. приходит в следующий, там старуха, У. убивает ее, натягивает ее кожу; за ним (в смысле за старухой) приходят, просят лечить раненого; это тот, в кого У. бросил гарпун; У. просит погасить свет, добывает раненого, сбрасывает кожу старухи, убегает; за ним бегут волки и росوماхи, он успевает уплыть в каяке; видит предмет, висящий на дереве, касается его, пойман в ловушку; ловец приносит добычу в свой дум, полагает, что дичь мертва, засыпает; его двое детей тоже засыпают; У. убивает человека камнем, выходит, заглядывает в дом, там убитый медведь и два медвежонка; У. плывет дальше; достигнув моря, женится; тесть велит не ходить к горе, У. идет, убивает двух свирепых собак, тесть говорит, что это были его охотники, решает убить зятя; велит 1) достать дерево для лодки (бревно бросается на О. когда тот начинает обрубать сучья, У. раскалывает его); 2) моржовую шкуру для лодки (начинается буря, О. успокаивает море); 3) тесть льет смолу на очаг в землянке, О. прячется лаской за дерном; везет жену и дочь к себе домой, шторм успокаивается лишь когда он бросает их в море; О. находит их живыми у тестя, сжигает того в землянке тем способом, каким тесть хотел сжечь его; привозит семью домой; по берегам реки видит берлоги вместо землянок, где жили враждебные существа]: Keithahn 1958: 52-611;

Инуиат северной Аляски: Ivanoff Brown 1981(Селавик) [у Nunamiu и его жены Qimmiq четверо сыновей, они уходят и пропадают; Н. зачинает пятого, разведя костер, чтобы в вагину жены сыпались искры; рождается сын Qaуaq; отец магически воспитывает в нем силу и ловкость, дает амулеты, приготовленные из тел насекомых и небольших юрких животных (ласки, норки, землеройки); приготовив родителям запас продуктов, К. отправляется вверх по долине Кобук на поиски братьев; отец велит ему взять с собой своего дядю, которого встретит на пути; на стоянке в хижину К. заходит недружелюбный человек, он выбрасывает его, тот превращается в дятла; у бобровой хатки подбирает сломанный зуб росوماхи; с ним ночует человек, утром уходит, это была росوماха; подошедшему человеку К. говорит, что его большой палец ест таких как он; человек в испуге убегает, оказывается рысью; некто прожорливый странно себя ведет, бросается на К. с ножом; К. предлагает ему погибнуть в огне, тот прыгает в костер и сгорает; в селении К. женится; весной жена ждет, что ее отец разрежет ее вынуть ребенка; К. учит рожать обычным путем; идет дальше, встречается великана; тот говорит, что скоро придут его две жены, станут драться; пусть К. подрубит обеим поджилки, сперва той, что придет со стороны моря, т.к. она агрессивна; помочившись, великан залил целую долину; К. это делает, великаны перевязывают раны, муж отправляет их прибраться в доме; жены живут с великаном только весной; великан убивает карибу вырванной листовницей; К. уходит, готовит материал сделать лодку, хочет, чтобы ему помогли; подсматривает, видит, что девушка-Лиса жарит мясо, Белка вытапливает смолу, женщины-Птицы сшивают обшивку лодки, Бобр готовит каркас и весла, Ворон - дротик на птиц, Волк и Росوماха выскребают кору, Медведь валит деревья, очищает от веток; затем все пляшут, Дятел бьет в бубен; К. вскакивает, хватает Лису, она остается человеком, остальные разбегаются в образе животных и птиц; летом К. уплывает вниз по

Окончание таблицы Б.5

Юкону, жена снова делается лисой; К. встречает, берет с собой своего дядю; они видят, как человек откалывает от пихты щепки, те падают в воду, превращаются мелкие в форель, крупные в лососей; благодаря этому есть рыба; на берегу дом, кости и черепа его братьев, голая женщина; К. бросает ей в вульву голову лахтака, голова разрывает людоедку; К. хоронит кости; *на дереве блестящий шар, он притягивает К.*, тот повисает в ловушке; людоед приносит его домой, его двое детей говорят, что дичь открыла глаза; людоеды заснули, К. отрубил им головы; лодка К. проскакивает между толкучих скал, только весло раздроблено; великан в лодке и К. бросают друг в друга дротики, дротик К. отсекает великану голову; входит в дом, жена великана бросает улу, К. бросает в нее, отсекает голову; дверь закрыта, он выбирается, став мышкой; превращается в форель, откусывает острие остроги рыбака; приходит к нему, предлагает починить острогу, пронзает ей рыбака; превращается в лосося, забирается в сеть рыбаков; сын вождя съедает голову, кость застревает у него в горле, он умирает; кости бросают в яму, К. возрождается, в него стреляют, он убегает; они доплывают до моря; дядя ушел, превратившись в рысь; К. становится соколом; вождь людей уналик его ловит, съедает, он возрождается из костей, женится на падчерице вождя; тот хотел ее для себя; посылает шторм, лодку К. угоняет в открытое море; К. отпрыгает данные отцом камешки, ветер улегся; К. обжигает этим камнем лицо вождя; тот велит расщепить на дрова бревно; так он убил многих женихов падчерицы; с помощью амулета-ласки К. исполняет задание, вождь удивлен, что К. жив; вождь велит настрелять куропаток, К. убивает там огромную птицу-людоеда; перейти по бревну пропасть, К. падает, но возвращается невредимым; уползает гусеницей из общинного дома, в котором вождь хотел его сжечь; К. уклоняется от пущенных в него стрел, сам убивает воинов вождя; привязывает его голым к столбу, оставляет на морозе; назначает нового вождя, улетает соколом]: 40-114; Ostermann 1952 [четверо братьев пропадают один за другим; зачиная пятого сына, муж высекает искры, падающие в лоно жене; дает младенцу проглотить раскаленные камни, делая его неуязвимым; юноша идет мстить за братьев, встречает различных странных существ; видит *свисающий на веревке с дерева шар*; дотрагивается до него, его руки и ноги приклеиваются одна за другой; приходит людоед, относит его к себе домой; юноша желает, чтобы ему под голову положили тесло; ночью убивает им людоеда, его жену и детей; после этого шар-ловушка потерял силу]: 242–243.

Приложение В

Этнографические детали из контекста селькупских фольклорных произведений

Таблица В.1 – Этнографические детали из контекста селькупских фольклорных произведений

Хозяйственные занятия и материальная культура		
ЦДА - центральный диалектный ареал	Номер текста (см. Прил. Г)	Река, нас.пункт
11) Она с отцом охотиться ходила, зверей добывала. 12) Глухарей тоже добывала она, петли ставила. 13) Она и медведей добывала.	Текст6_БТ	Васюган
Сестра дома еду готовит, брат в тайге охотится.	Текст24_БТ	Парабель
Сама белку застрелю, Сама белку обдеру,	Текст75_БТ	Тым
2. Каждый день Идже ходил в лес на добычу.	Текст7_TW	Тым
10. Два умных сына вдвоем ходили [в тайгу], белковали, что-то делали там.	Текст32_БТ	Парабель
Один человек в тайге долго жил, белок немного добыл. 2) Домой пошел. 3) Солнце село, ночь настала. 4) Он костер развел, чай пьет.	Текст49_БТ	Обь (Ласк)
2. Отец был охотником, в лес ушел, из леса не вернулся. ...6. Бабушка говорит: «Как его отучить, чтобы он не боялся, рыбачить ходил бы, зверей добывать ходил бы...	Текст24_TW	Васюган
ЮДА - южный диалектный ареал		
69) Муж в лес с ружьем пошел белковать. 70) Сколько он жил, он белковал, а жена дома была, <u>скот кормила</u> .	Текст25_БТ	Обь,Ив.
женщина Альчика, промышляла	Текст1_доп	Обь (Заик)
2. Итя ходил рыбачить и охотиться ходил.	Текст11_TW.	Кеть (УО)
Один он охотился на белку. 4. Белок нехорошо добывал. 5. Люди с ним белкуют добывают/стреляют по десять белок, а он пошел, принес одну белку	Текст48_БТ	Кеть
Охота петлём Я сделаю петлю из моих обувных завязок и поставлю на след этого зверя». 1. «У меня еще есть одна завязка на левом сапоге. Я сделаю петлю». 322. Возьми с одной стороны озерную лилию, с другой стороны – озерную лилию 323. И сделай петлю.	Текст4_доп	Кеть
2. Итя охотился, на охоту ходил.	Текст15_TW	Кеть (УО)
СДА – северный диалектный ареал		
3. Отец его тетеревов стрелять отправился. 4. Старший брат его тетёрок стрелять отправился.	Текст17_TW.	Баиха
Волшебная стрела (томар) // Ича взял свой лук, взял свой колчан со стрелами, пошел на охоту. 3. Он охотится на диких оленей. 4. Одной стрелой он убивал семерых диких оленей.	Текст28_TW	Турухан

Продолжение таблицы В.1

2. В лес охотиться поехал на ветке (= челноке).	Текст2_TW	Таз
Снаряжение (экипировка)		
Лук и стрелы, лыжи, нарты		
Ича по реке вверх (по течению) ушел. 3. Вдруг чирки (утки) сидят на воде. 4. Ича лук свой взял, стрелу с железным набалдашником) свою взял, надел (стрелу на тетиву), выстрелил – по чиркам промахнулся... 5. Чирки улетели.	Текст1_TW	Таз
2. В лес охотиться поехал на ветке (= челноке). 3. Лук взял, стрелу взял.	Текст2_TW	Таз
53. Парень взял свой лук, двух девушек застрелил.	Текст16_TW	Васюган
4. Мальчик взял, сделал стрелу и пошел в лес. 5. На той стороне видит – сидят утки. 6. Стрелу взял и выстрелил – прошла стрела поверху [=мимо]. 7. Утки все взлетели.	Текст4_TW	Толька
6. Тут садится утка, на то озеро с боку его, стреляет из лука, подгребая, берет утку, ...	Текст14_TW	Чая
8. Он утку подстрелил, у утки тоже два глаза.	Текст16_TW	Васюган
Деда моего покойного лук и тамар (стрела) где спрятаны? 11. Лук и тамар в чум понес. 18. Ича в путь собрался. 19. Лыжи приготовил, лук и тамар взял. 20. На лыжах пошел.	Текст27_TW	Турухан
2. Ича взял свой лук, взял свой колчан со стрелами, пошел на охоту. 3. Он охотится на диких оленей. 4. Одной стрелой он убивал семерых диких оленей.	Текст28_TW	Турухан
5. Однажды утром встал, под гору (т.е. в ветку – долблённую лодку) сел, лук свой взял и колчан свой взял; под гору сел. 6. Затем вперёд (т.е. вверх по течению) уехал. 32. На гору соскочил, ветку свою отбросил, лук свой схватил, колчан свой схватил, топора звука напротив побежал.	Текст37_TW	Турухан
Из лука (своего) выстрелил. 15. К стреле своей пришли три брата (вместе). 20. Вечером лук свой зарядил стрелой. 21. На север выстрелил. 22. Пришли (они-многие).	Текст48_TW	Таз
Как вышел, нашел лыжи, новые лыжи, сейчас сделанные. Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. Надевает лыжи, берет посох, надевает лямку. Тут начинает идти.	Текст29_БТ	Чая
Охота на диких оленей луком и стрелами 28. «Старик, лук сделай раньше самому жившему человеку, 29. (чтобы) зверя мясо поест». 30. Старик лук сделал, чтобы им вдвоём пойти (букв. пусть пойдут они-двое). 31. Лыжи сделал-он. 31. Этот человек (пы паја) на лыжах (букв. лыжами) пошел. 33. Лук-свой взял-он. 34. Сам старик просто так (без всего) пошел, без лыж отправился(-он). 35. Однажды обнаружил(-он) (олений след). 36. и по оленьему следу пошёл (букв. оленя след погнал(-он)), пы`паја впереди покатылся, говоря, (что) оленя глазами увидела. 37. Из лука (букв. луком) подстрелил-он одного оленя-хора. 38. (вниз) сел, Назад/домой старик пришёл. Пыпая. Великан сам без лыж и стрел охотился, но человеку именно он сделал и лыжи, лук со стрелами. Нельзя сказать,	Текст55_TW	Таз

Продолжение таблицы В.1

что Великан научил человечка охоте на лыжах с луком (или человек научил Великана), но сам он ходил без лыж.		
22. Идет Ича и видит: чистый снег будто разбрызган. 23. Поглядел и вспомнил: «Бабушка с дедом мне рассказывали, будто есть такой зверь – лесной олень, что такой снег он оставляет». 24. Пошел Ича по следу. 25. Видит: следы в тундру спускаются. 26. Совсем свежий след, будто только сейчас прошли звери. 27. Идет дальше на лыжах, а догнать не может – быстро бегут олени.	Текст27_TW	Турухан
53. Семь его сестер-патшиянгне когти свои наточили, пошли (отправились), идут, деревья когтями срубают, видимо, стрелы делают.	Текст52_TW	Кеть (УО)
16. Итины стрелы. [Их семь (по 3) на небе в разных местах. Он стрелял и мимо. И стрелы залетели на небо.]	Текст46_TW	Кеть (УО)
Лук и стрелы 233. Он взял стрелу и положил её на тетиву лука. 234. Он натянул лук и выстрелил.	Текст4_доп	Кеть
Сумка (дорожная, охотничья) 276. Пюнегуссе взял из Итиной длинной сумки то, что Итя взял из уха лебедя – 277. Бессмертное серебряное муллени. 278. И положил в свою длинную сумку. 279. В свою длинную сумку на самое дно спрятал он девушку.	Текст4_доп	Кеть
Ружье		
5) На ногах у него лыжи. 6) Рядом с ним собака, ружье	Текст49_БТ	Обь (Ласк)
Рыболовство		
6. Итя пошел к заливу, каждый день рыбачил. 27. ...Лодка была полная рыбы.	Текст4_доп	Кеть
2. Однажды Ичакычика сказал бабушке: „Бабушка! 3. Я поеду ловить рыбу сетью». 4. Бабушка дала сеть. 5. Ичакычика поехал. 6. Приехал, в ручеек поставил сеть. 7. Сеть натянул. 8. Передний поплавок сети запутался.	Текст3_TW	Таз
9. Итче сеть поставил, <i>Тутто</i> карася поймал. 10. Смотрит на карася: «Имят обманывает меня», - говорит Итче. Потом плавают пурьям. 11. А Итче возьми и стрелил луком.	Текст5_TW	Кеть (УО)
2. Тётка рыбу промышлять ездит, а маленький Идя дома играет. ...Итя сказал: Я сам буду промышлять (ловить рыбу)	Текст8_TW	Обь (Ив)
Мать с сыном сети ставить пошли. 3. Идут по дороге. 4. До озера дошли, в обласок сели. 5. Поехали на обласке, в озере сети поставили.	Текст9_TW	Обь (Ив)
2. Идя матери своей говорит: «Я пойду сеть поставлю.» 3. Пошел, сеть взял, с тремя поплавками сеть.	Текст10_TW	Обь (Ив)
Итя ходит вверх, ходит в верхний край озера ставить сети.	Текст14_TW	Чая
3. Внук вырос, охотиться ходить начал, он сети ставил. 6. Внук бабушку не послушался, рано утром встал, на тот берег озера поехал. 7. Он сети поставил, сети осмотрел, карась попался	Текст16_TW	Васюган
4. Идя большой стал, рыбачить начал ходить.	Текст23_TW	Обь (Ив)

Продолжение таблицы В.1

2. Ича на Карасье озеро поехал. 3. Много карасей поймал.	Текст31_TW	Таз
10) Брат её пришел из леса. 11) Мать её, отец её с рыбалки пришли.	Текст22_TW	Обь (Ив)
Запор		
1. Ича утром к запору вниз дойдя, запора внутри к отверстию мха кусок затолкал (втокнул).	Текст48_TW	Толька
2. Мать его к щучьему запору пошла.	Текст17_TW	Баиха
2. Ича так сказал: «В этом году, бабушка, у меня запора [для рыбной ловли] нет.» 3. А у старухи рыбы нет	Текст29_TW	Таз
Морда		
2. У матери поставлена в истоке озера морда. 3. Мать отправляется морду смотреть, а Идя просится с матерью пойти к морде морду смотреть	Текст34_TW	Обь(Ив)
Лучение рыбы острогой		
54. Ича сделал прорубь, ну, теперь вокруг нее караулят (смотрят). 55. Сам на берег пошел. 56. Остроконечную елку вырвал, заточил конец хорошо. 59. Сам остроконечную елку верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил. 60. Сам на берег отправился. назад посмотрел он, семь его сестер-патшиянгне утонули. 69. Сделал прорубь он, на берег пошел, вырвал остроконечную елку, заточив, погрузил, верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил.	Текст52_TW	Кеть (УО)
Промысел котцами (бобров)		
Тут стариков сын спрашивает отца: батюшка, ты куда пойдешь, как ты ловишь бобров. Старик сказал: я хожу на катцы, катцами убиваю. ...Тут спустился с берега, снимает лыжи, продолбил катцы, лежит серебряный плетеный сак, взявши, черпает лед из катца, лед вычерпал дочиста. Теперь первого бобра схватывает багром, бьет обухом, бобер растопыривается, взявши, кладет в нарту и так наполняет нарту.	Текст29_БТ	Чая
Сети		
15. Итина сеть с тремя поплавками. <i>кās</i> – поплавок.	Текст46_TW	Кеть (УО)
16. Взял поплавки, поставил сети. 17. Незадолго карась попался. 18. Вынул, посмотрел: нет, с двумя глазами.	Текст6_TW	Кеть (УО)
7. Он сети поставил, сети осмотрел, карась попался, у карася два глаза.	Текст16_TW	Васюган
Собирательство		
Как собирают шишки: «Старуха кедровые ветки палкой (колотушкой) бьёт, оттуда шишки падают».	Текст24_TW	Васюган
2. Отец с матерью днем за ягодой, рыбой уходят. 3. За ягодой когда оба пойдут, Итя дома остается	Текст21_TW	Кеть (УО)
В один год шишки много было, ее надо собрать и обработать (букв. сделать). 8. Бабушка Идю позвала: «Давай поедем в тайгу шишку собирать, (чтобы) обработать и продать».	Текст25_TW	Обь (Ив)
Орехи делать, бабушка Иджю увезла шишки собирать.	Текст26_TW	Тым (Чузик)
Животноводство		

Продолжение таблицы В.1

1) Старик со старухой жил. 2) У них детей не было. 3) Они жили, скот держали , кормили. 4) Старик в лес ходил. 18) Старик коня запряг, в сани сел, уехал. 19) В другую деревню приехал, коня привязал, в дом вошел, поздоровался. 20) Этот царь спрашивает: «Зачем к нам приехал?»	Текст25_БТ	Обь(Ив)
Когда жена ушла к скотине		
Ты видел следы коня Пюнегуссе, следы коровы Пюнегуссе.	Текст4_доп	Кеть
3. Однажды, коровы Колсако ира всегда терялись, постоянно теряется. 4. Он думает, что Ичакечика ворует. 5. Послал к нему слуг двоих смотреть, что делает Ичакечика. 6. Он (Ичак) знает, придут с ружьём, его поймают (арестуют), посадят в тюрьму. 7. В это время корову забил, кишки кровью наполнил (залил). 8. Держал большой нож на потолке. 9. Бабушку обкрутил кишками коровы, кровью заполненными. 10. Бабушка надела парку.	Текст58_TW	Турухан
Средства передвижения		
Оленья упряжка, нарты		
2. Ича однажды поехал охотиться. 3. Запряг трех оленей. 4. Эти его олени, все их рога с острыми концами были. 5. На своих оленях поехал в лес охотиться. 6. Ича едет на нарте, вниз упал (=спустился) в тундру.	Текст35_TW	Таз
Лыжи		
40) [Они] едят, спят, лягушка говорит: «Давай поменяемся лыжами и шубами». 41) Они поменялись, девушка надела эти лыжи-голицы, на гору собралась подняться, лыжи назад скользят.	Текст24_БТ	Парабель
Муж её охотиться ходил. Сколько он охотился, к этому дому прикатил (на лыжах).	Текст27_БТ	Обь (Сонд)
Как вышел, нашёл лыжи, новые лыжи, сейчас сделанные. Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. Надевает лыжи, берет посох, надевает лямку	Текст29_БТ	Чая
...он говорит своим лыжам: «Есть город, Khonde-χont-kvač, туда меня везите». 5. Сел на лыжах, взял в руки *** ¹ . 6. Лыжи поднялись, полетели уже близко к небу,	Текст1_доп	Обь (Зайкино)
Лодки		
Старуха из-за избы вытащила берестяной обласок; этот берестяной обласок она потом потыкала ножом и пихнула.	Текст21_БТ	Обь (Сонд)
Пюнегуссе ездил на обласке.	Текст3_доп	Кеть(МЯ)
Нарты		
Итя на край (задок) нарты старика пристроился сверху. Потом Итя, на улицу выйдя, смотрит: люди на звериной шкуре (как на) нарте едут.	Текст50_TW	Кеть (УО)
А потом она меня положит в нарточку, на меня сверху накладёт кудели. А у меня коса длинная, рыжая, по земле будет тащиться.	Текст21_БТ	Обь (Сонд)
А двух коров привязал к нарте, и коровы тащили ее.	Текст23_БТ	Чая
Сестра по медвежьему следу отправилась, весь лес обошла, нарта его стоит, а брата её нигде нет	Текст24_БТ	Парабель

Продолжение таблицы В.1

Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. И снимает лямку, идет вперед, нарта осталась, так пошел, ...	Текст29_БТ	Чая
25. Гроб с бабушкой на нарту поставили. 97. Этот дурак старуху в нарту ставит бабушку свою. 98. А там [у кедра] большая глиняная корчага с золотыми деньгами была. 99. Этот дурак вместе с бабушкой туда [на нарту] поставил и эту корчагу с золотом	Текст32_БТ	Парабель
Собаки		
Олени		
32) Старуха ей говорит: «Меня убей! 33) Ты мою шерсть состриги, в болото брось. 34) Мою печень на ту сторону костра напротив себя положи». 35) Девушка её убила. 36) Она так сделала, как старуха велела. 37) Сама спать легла. 38) Утром встала. 39) Эта шерсть в оленей превратилась. 40) Печень в старушку превратилась	Текст20_БТ	Васюган
Нож и точило		
нащупал, из кармана достал и точилом точить свой ножик начал. 35. Маленький ножик [издает звуки:] шау́ды 'пау́ды rsl, rsl.	Текст15_TW	Кеть (УО)
36. Мальчик в один карман брусок, в другой карман нож положил,	Текст16_TW	Васюган
Жилища и поселения		
Чум		
Чорт-старик в чум свой притащил (Ичу),	Текст1_TW	Таз
21. Он самого себя к опорному шесту чума ремнем примотал.	Текст15_TW	Кеть (УО)
36. Мальчик ...к дереву себя привязал, этот шест посередине чума стоит. 37. У чертей силы не хватает его оттуда отвязать. 38. Бабушку черти поймали, черти чум вверх подняли, унесли.	Текст16_TW	Васюган
16. Удивился, подобрал их и в чум понес. 17. Поели они с бабушкой.	Текст27_TW	Турухан
Избушка		
28) В тот вечер пойдя к бабе-яге, послушай у неё на крыше, у неё крыша низенькая.	Текст21_БТ	Обь (Сонд)
[Пюнегуссе] жил один в карамо.	Текст3_доп	Кеть
Крыша		
Стрела в город (на крышу) полетела, Разбилась, (Крышу) разбила;		среднеобск
Ночлег в лесу		
Тут ночевать остановился, огонь разложил, ночлег наладил, место ночлега (снег сгреб, веток наложил).	Текст48_БТ	Кеть (МЯр)
Амбар		
В старину были в лесу амбарчики на ножках. 7) [Иногда] охотник в лесу оленя, лося добыть не может. 8) Вот добудет лося, какого-нибудь [плохонького] лосяшку, убьет, шкуру сдерет, высушит, в амбарчик повесит. 9) Леший ему тогда скажет: «Сколько хочешь, столько добывай [зверя]». 10) Он много лосей добудет, сколько хочет	Текст56_БТ	Васюган
5) На болоте одноногий амбар стоит. 6) Вот старик [крот] к этому амбару подошел.	Текст39_БТ	Парабель

Продолжение таблицы В.1

Печь (очаг)		
23. У старика чувал , огонь его горит. 24. Три из медвежьих голов головешки сами себя в костре помешивают. 25. Старик семи сажень в высоту котелок над огнем подвесил (букв. вниз опустил). 26. Котел сварился, взял его с огня. 27. Без хозяев, вроде, что ли, вычерпав, поставил	Текст50_TW	Кеть (УО)
Безголовый журавль пошел к чувалу , вытянул шею, две головни подвинулись друг к другу, вдруг загорелся огнём.	Текст29_БТ	Чая
Вышел, смотрит, из отцовского дома вон человек не ходил, посмотрел вниз в трубу чувала , вышедши. Он видит: отец и мать толкают уголек с огнем и говорят один другому: ты не погаси, этот огонь мой сын видел, не погаси.	Текст29_БТ	Чая
24. Этот мужик бересту поджжёт, чёрта берёстой, огнём сжжёт. 25. Чёрт умер, сгорел	Текст35_БТ	Васюган
Дрова, заготовка дров		
(75) За печкой поленница За печкой Я лег, поленья На себя положил; (80) лежу семь дней.	Текст1_БТ	среднеобск
69. Жена ему говорит: «Наколи дров». 70. Он наколол достаточно, но жена говорит: «Это мало; ещё наколи». 71. Наколол, и то мало, «наколи ещё», говорит жена. 72. Когда уже достаточно наколол, занёс в дом и наложил до крыши. а жена говорит ему: «Наложи в чувал ». 74. Наложил, так что начал потеть. 75. Но жена говорит: «Ещё накидай».	Текст1_доп	(Обь, Зайкино)
48. Идье начал колоть дрова. 49. Как только сосну вырубил, домой её отнёс, много [деревя] домой наташил. 50. Дома начал дрова колоть, много наколол, пять сажней за ночь. 51. Мать и жена заносят дрова в дом; закидали дровами дом.	Текст2_доп	(Обь, Ив)
4. Весна пришла. 5. Отец-мать пошли дрова заготавливать в лес, ...8. Отец и мать ушли в лес дрова готовить.	Текст18_TW	Обь (Ив)
8. Бог спрашивает: «Зачем, Идя, пришел?». 9. «Холодно, у нас дров нет». 10. «Иди вниз, назад иди! 11. Тепло будет, дров много натаškai! 12. Похолодает – дрова натаškaiшь.	Текст33_TW	Обь (Ив)
Утварь (предметы домашнего быта)		
Идя – третий, маленький был, в берестяной люльке спал.	Текст22_TW	Обь (Ив)
Ты пищу положи в кузов. Вот еще тебе дам бусы. 25) Маленькую сестрёнку посади в кузов.	Текст21_БТ	Обь (Сонд)
9. Ведро из бересты (пурам..?, пурач..?) само сходило за водой, семь котлов наполнились водой и сами повесились над огнём, тарелка сама подошла к нему. 10. Идье смотрит в свою тарелку , а там лежит большой осётр, потом нож пришёл, начал чистить осетра, а это само сварилось. 11. Потом лопата подошла, выбрала рыбу. 12. Идье поел да наелся; думал, домой пойдёт. 13. Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? 14. Сначала подарок получишь от нас». 15. Подарили ему чёрный сундучок из бересты , и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!».	Текст2_доп	(Обь Ив)

Продолжение таблицы В.1

Одежда		
32. А парка (одежда) у него бедная, из мешка сшитая, вся снегом залеплена, места чистого нет.	Текст27_TW	Турухан(Фарк)
12. Тоже у него шапка, такая же мазь – <i>уюкон-порий-путур</i> ».	Текст36_TW	Кеть (Марк)
18. Шапка на лбу [или на ушах] заинела (инеем покрылась от мороза), [и снова] растаяла.	Текст54_TW	Таз (КрС)
47. Бакари черта-старика взял, золы (в них) зачерпнул	Текст2_TW	Таз
сестра шила шубу из звериных шкур.	Текст24_БТ	Парабель
Однажды я один пришел на то озеро. Время то было жаркое. На мне была кожаная рубашка и кожаные штаны, и ременный пояс, и на поясе был нож.	Текст54_БТ	Чая
девушка свою соболиную шубу надела	Текст24_БТ	Парабель
3. Одежда, шапка, штаны Идье были из шкуры лебедя	Текст1_доп	(Обь, Ив)
«Батюшка – говорит ему – ты оденешь шубу лисью, богатый ты человек.	Текст1_доп	(Обь, Ив)
Были у него лыжи с лебединой кожей, одежда и шапка из лебединой кожи.	Текст2_доп	(Обь, Ив)
Сарафан (бабушка надела)	Текст56_TW	Янов Стан
ЕДА		
24. Для еды (чтобы съесть) подходящий (соответствующий) лосенок, его съев, заночевали (они-многие).	Текст48_TW	Таз
Потом они водку пьют, поют, пляшут, лосиное мясо едят, долго пируют.	Текст24_БТ	Парабель
5. Потом налима в запоре своём вычерпнул-он. 6. На берег вышел-он. 7. Налима печень к двери бросил-он. 8. Налима молоки собрал-он. 9. На огне сварил-он. 10. Налима молоки к котлу прилипли (букв.: прицепилась).	Текст49_TW	Баиха
22) Увидят, что человек мясо ест, говорят: «Ворона мясо ест». 23) Я это [медвежье] мясо не ем. 24) Мне говорят: «Ешь». 25) Я отвечаю: «Не хочу, не ем».	Текст46_БТ	Обь (Ласк)
3. Люди осенью в тайгу обычно ходят, с горстью порсы (муки из сушеной рыбы) обычно зимуют	Текст50_TW	Кеть (УО)
41) Они лосиное мясо сварили. Я там была, мясо ела.	Текст27_БТ	Обь (Сонд)
1) Раньше мы зайца варили, ели. 2) Родители нам заячьи головы положат. 3) Мы будем есть заячьи головы. 4) Родители заставят нас сказку слушать.	Текст28_БТ	(Васюган)
8. Бабушка была. 9. Всегда им хлеб пекла.	Текст32_БТ	Парабель (Нельм)
Они сушили мясо карасей, делали из него порсу (рыбную муку).	Текст4_доп	Кеть
2. Они рыбачили (и) однажды пять карасей добыли. 3. Пришли, рыбу на шашлык положили , этих пять карасей они поджаривали	Текст59_TW	Кеть (УО)
Подарки за выполненное поручение Половину моего дома отдам тебе, бессмертную ценность... Хорошую половину от шелка дам тебе. И корову, и лошадь тебе отдам». Когда достиг он дома Пюнегуссе, он собрал 7 амбаров (денег и запасов).	Текст4_доп	Кеть

Продолжение таблицы В.1

Он собрал шелк и семь тканей. Он взял лошадей и коров.		
Сватовство и свадьба в фольклоре		
Красота девицы, красота юноши		
Эта девушка на [той] земле была самая красивая. 18) У неё глаза были красивые, как небо. 19) У неё щёки такие красивые были, как вечерняя заря. 20) Волосы у неё такие красивые были, как свет луны. 21) Она на лыжах так быстро бегала, что даже ветер задыхался. 22) Она еду хорошо готовила. 23) Дома у неё тоже хорошо [чисто] было.	Текст6_БТ	Васюган
В правом ухе у одного из лебедей было серебряное муллени, золотое муллени. Итя взял муллени. Он взял это и посмотрел. Это была дочка маленькой девочки. У неё были бессмертные серебряные ресницы, бессмертные золотые ресницы. Он взял эту девушку и положил её на дно своей длинной сумки.	Текст4_доп	Кеть
Девушки сами ищут себе мужей		
Вдруг, человек [невидимый хозяин] молвил: гостя с холодным лицом стряпка с дятловой реки привела, заманивши, надо кормить его. Где-то хохочут. Семь раз ночевали. Тут человек молвил: ступайте, меня зашиб остяцкий дух. Теперь две невесты сказали: мы, заманивши, привели человека, а отныне пусть так заманивают мужей. Две девушки сказали: мы, искавши, нашли мужа, вперед, если родится девушка, также чтоб сама искала мужа, мы вот нашли.	Текст29_БТ	Чая
«Вечером кто-то пришел, в избу вошел мужчина. Этот мужчина огонь затопил, котел повесил, мясо сварил, кушать сел. Ей на полено мясной кусок положил, говорит: “Это съешь”. Она съела. Тут легла спать. Этот мужчина один лег спать. Вечером он опять пришел. Мясо, сварив, они поели. Он ее кусок мяса съел, она его кусок мяса съела – значит, поженились и легли спать (вместе)».	(Дульзон, 1966:127).	
Сватовство		
Отец жениха выступал в роли свата.	Кат-ман-пуч	
36. Раз, сорока прилетела к ним и села на лыжи, и говорит: «Sügrüt-pügrüt! Если идут за девицей, то со стариками надо, а вы оба молоды и меня с собой не взяли». 37. Эта сорока - Кана.	Текст2_доп	(Обь,Ив)
Состязание богатырей во время сватовства		
Тогда встали сыновья [царя] и пошли к неведомому богатырю. И двое, взяв его за обе руки, начали его поднимать. Но старшие, хоть и двое, не могли поднять богатыря, и заплакавши, отошли прочь. Наконец подошел и меньшой сын, и один поднял лежащего. Тогда царь вновь устроил пир, посадил пришельца за стол, и велел младшему сыну привести сестру и посадить ее рядом с богатырём, чтоб она стала его женой.		среднеобск
Свадебный пир		

Продолжение таблицы В.1

Свадебный пир продолжался семь дней. Затем богатырь простился, и вместе с невестой возвратился к дереву, на котором оставил своего орла.	Текст1_БТ	среднеобск
Семь островов таскал сын Нума, за то, что на свадьбе своей старшей сестры «раньше всех старших еду со стола схватил»		Таз
64) Медведица [в дом] вошла. 65) Эта девушка взяла шёлковую материю, поклонилась [медведице], шёлковую материю [ей] отдала, [сказала]: «Прости меня».	Текст24_БТ	Парабель
Мать провожает сына в дальний путь		
Женщина плачет, Женщина поднялась, Взяла из люльки одежду-платье, Принесла мне, одела меня, (35) повязала меня мечом, Дала лук и стрелу.	Текст3_БТ	среднеобск
Смерть 202. Потом они переночевали. 203. Утром встали, похоронили Пюнегуссеву Старуху-мать, 204. Потом начали жить. 351. И в то время, за которое котел со щукой, котел с окунем сварились, 352. За это время Пюнегуссе умер. 353. Он умер вертикально, 354. Он умер горизонтально.	Текст4_доп	Кеть
Гостеприимство		
Сестре своей сказал: «Если белка придет – накорми, бурундук придет – накорми, журавль придет – накорми, кто бы ни пришел – всех накорми». [Сестра говорит]: «Я испугалась, если бы я знала, я бы золу не бросила». 70) В тайге так говорят: «Кто придет [к тебе] – всех накорми».	Текст24_БТ	Парабель
Подходит, снимает лыжи, тут и в дом входит. Осматривает избу, изба большая. Внутри избы только один журавль похаживает, безголовый журавль. Пришедши, сел на нары и сидит долго. Вдруг, человек молвил: гостя с холодным лицом стряпка с дятловой реки привела, заманивши, надо кормить его.	Текст29_БТ	Чая
Питье: Тут начали обедать. Сначала прежде пришедшая дочь достала из кармана столовую чашку, кладет пищи, из другого кармана берет бутылку, наливает рюмку и подносит старикову малому сыну. А стариков малый сын сказал: я не пью, ты сама выпей, тут я выпью. Девушка пьет, наливает в другой раз, подает старикову малому сыну. Стариков малый сын сказал: подай подруге твоей. Она подносит подруге, подруга выпивает. И в третий раз наливает, подносит старикову сыну. Стариков малый сын выпивает. Дух захватывает.	Текст29_БТ	Чая

Продолжение таблицы В.1

12. Тогда мужик говорит: «Не видите, что гость пришёл, надо накормить его». 13. Идье видит, что пять муксунов попали, морда сама поднялась, огонь сам поднялся и *** , и когда он сгорел, пришла ломка и сломала [еду] на маленькие куски. 14. После этого высыпалось ***. 15. *** подошёл к чувалу, там налим жир весел. 16. Ложка размешала рыбу, стол стал рядом с Идье. 17. Идье наелся, руками отодвинул, стол сам собой исчез, и ничего не было видно.	Текст1_доп	(Обь, Ив)
62. До тех пор там сидели [ждали столько], пока еда в кастрюле не сварится, тогда человеческий звук говорит: «Гости пришли, накормите их муксуном».	Текст1_доп	(Обь, Ив)
25. Когда дошёл до него, Идье как раз ел, Кана тоже схватил ложку и сел есть. 26. Девушка говорит ему: «Встань-ка, Кана, чуток». 27. Он встал, а девушка постелила под него медвежью шкуру, чтобы сел на неё. 29. Прибыв домой, сказал Kolghezejit-y: «Ты богатый и стелешь шкуру налима туда, куда садишься; а Идье стелит шкуру зверья». 31. Вошёл в дом, Идье спал, потом проснулся и жене сказал: «Старый давновиданный гость пришёл, покормить надо, быстро что-то навари». 32. Женщина сварила лосятину, и постелила дикую шкуру зверья на место [куда усадила] Kolghezeit.	Текст2_доп	(Обь, Ив)
14. «Мама, готовь, дядя и братишка едут». 15. «Ты что, сынок, давно их в живых нет». 16. «Едут, едут». 17. Сейчас сын захватил оленью кожу и путь к пристани настлал , а сам скачет.	Текст53_TW	Кеть (УО)
Домашние лозы («куклы»)		
Тётя вышла из дома, пошла и положила лозов в коробе в нос итиной лодки. Итя вёсла наконецником бросил кузов с духами на берег. Раньше положила нас твоя Тётя к тебе в лодку. 301. В узорчатом берестяном кузове. 302. А ты выбросил нас с лопасти весла.	Текст4_доп	Кеть
Обращение с идолом 36. По этому следу пошел. 37. И вдруг увидел – все-то семь быков как будто умирают, лежат. 38. У одного из быков, того, что с сухими рогами, на верхнем отростке рога лоз-покровитель Ичиного деда висит. 39. Ича подошел к этому быку и говорит лозу-покровителю : 40. Тебя как это сюда занесло? 41. Зачем притащился? 42. Я и сам теперь зверя добывать стал. 43. Снял с рога лоза-покровителя и на березу повесил.	Текст27_TW	Турухан(Ф арк)
1. А у деда моего лоз-покровитель где-нибудь спрятан? 8. Будто в амбаре что-то такое есть. 9. Ича в амбар полез, все дедовское имущество забрал. 10. Лоза-покровителя на жертвенную березу повесил. 35. До кедров дошел, видит, на низу стволов клочья оленьей шерсти. 36. По этому следу пошел. 37. И вдруг увидел – все-то семь быков как будто умирают, лежат. 38. У одного из быков, того, что с сухими рогами, на верхнем отростке рога лоз-покровитель Ичиного деда висит.	Текст27_TW	Турухан(Ф арк)

Продолжение таблицы В.1

Камлание		
Мать Пюнегуссе говорит так: «Бубен тёплым сделать над огнем повесь». Пюнегуссе согрел бубен над огнем. Как она ударила в бубен... Как её подбородок поехал к сердцу семи земель. Её один глаз поехал на седьмой круг неба, Под ногой серебряная одежда бога неба не видно. Второй раз ударила она бубен: Один глаз посмотрел её на северный лес, Другой глаз посмотрел на южный лес. Серебряного бога под ногами... я ничего не вижу. Один её глаз посмотрел туда, где солнце встает, Другой – где солнце садится... Она засмеялась и говорит: «О, Итя, Итя, внучок, ты кушал этих зверей!»	Текст4_доп	Кеть
151. Йомпа так сказал: «я вылечу!». 152. Йомпа днем шаманит (с бубном), ночью шаманит (без бубна); шаманит (без бубна), шаманит (с бубном) – сына водяного вылечил.	Текст37_TW	Турухан
3. Однажды, поохотившись, [Итя] назад идет, слышит, кто-то камлает: 4. «Нечто оленье пусть прилетит, пусть прилетит». 5. Он туда пришел, смотрит: старик Пинэвельдю камлает. 6. Его скребок через дымовое отверстие показался. 7. Олень-хор с четырьмя глазами как у филина, подлетев, в головку скребка воткнулся (проделся). Он затаился. 8. Пинэвельдю свой скребок опустил вниз, ощупал: ничего нет, свой скребок вниз положил 11. Опять старик Пинэвельдю камлает: 12. «Нечто лосиное пусть прилетит». 13. Итя смотрит: корень в виде лося, поверху летя, прилетел, в головку скребка Пинэвельдю воткнулся (проделся). 14. Итя затаился, Пинэвельдю головку скребка ощупал: ничего нет. 27. Через дымовое отверстие вверх взлетел. 28. Долетел, в головку скребка Пинэвельдю его тянет. 29. Он в одну сторону крутится, в другую сторону крутится, в головку скребка не спрятался (?) ¹ . 30. Через дымовое отверстие вниз в золу костра упал.	Текст15_TW	Кеть (УО)
Ментальная охота 3. Итте встал, оделся и среди пола встал и качается . 4. Старик спать ложится. 5. Итте пошел по промысловой дороге. 6. Недалеко ушел и стал костер раскладывать. 7. Итте костер разложил и тут же наклонился и спать лег, а в мыслях продолжает качаться, будто промыслять по дороге пошел . 8. Во сне лося увидел, проснулся, добыл и домой с добычей пошел.	Текст37_TW	Кеть (УО)

¹ Если в записи 'ассъ тăп'тың вметто 'асс(ъ) ѳтăп'тың.

Продолжение таблицы В.1

Закливание Ите Стволы деревьев изогнулись. Вздулся шторм. Ветер послал пепел – мясо Пюнегуссе - на небо. Итя сказал так: «Совсем бессильным делаю я тебя. Совсем неспособным делаю я тебя. Как рыба будешь без? с чешуи и плавников. Твой мясо-пепел превратится в комаров и мошек. Как рыбу без чешуи и без плавников - таким бессильным он сделал (П.), Как рыбу без чешуи и без плавников – совсем без жирным сделал он его.	Текст4_доп	Кеть
Итя кричал долго, ...«он прошел через...»?? Он начал раскачиваться. Он качнулся 7 раз. На маленьком холме духа дерево. Нагнул дерево.	Текст4_доп	Кеть
ГОРОД		
По ту сторону реки был город Kölget-kvaś, там много народу жило. Кана и еще два человека разрушают город Колги –а	Текст1_доп	(Обь. Ив)
2. В татарском городе был голод и ниоткуда не было помощи	Текст32_TW	Чая
На краю княжеского города жила бабушка с внуком. 2. Внука звали Ича. 92. Ичин чум на краю княжеского города стоял. 112. Вдруг такое несчастье случилось: каждую ночь из княжеского города пять-шесть чумов пустеет, люди из них исчезают.	Текст27_TW	Турухан (Фарково)
5. По берегу реки идет вдоль края воды. 6. Смотрит, царский город виден.	Текст39_TW	Таз (КсСельк)
1. Ичекичика жил с бабушкой. 2. Он жил в избушке. 3. Рядом город царский <i>Колцак Ира</i> .	Текст57_TW	Турухан (Фарково)
1. Жил был Ичакечика с бабушкой. 2. Город Колсако ира недалеко был.	Текст58_TW	Турухан (Фарково)
82. Черт-старик без топора остался. 83. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 84. Стал выблевывать.	Текст2_TW	Таз (КсСельк)
148. Наконец черт-старик вспомнил: „Я семь городов [и их] содержимое съел, одну голову [=железную часть] топора проглотил.“	Текст3_TW	Таз (КсСельк)

Продолжение таблицы В.1

<p>(60) В городе люди друг друга обнимают, Вино пьют, Поют, (65) смеются громко;</p> <p>Стрела в город (на крышу) полетела, Разбилась, (Крышу) разбила;</p> <p>Взглянул вниз, От меня город виден,</p> <p>«Почему наш город (240) ты убиваешь?»</p> <p>На седьмой день Я город разрушу.</p> <p>(275) на седьмой день Увидел я перед собой, Город видимый,</p> <p>Города крыша надвое сломалась,</p> <p>На птицу Сев, Сами в свой город Они поехали, 19 из 75 раз</p>	Текст1_БТ	Среднеобск
<p>Семь дней ехали мы; От меня посмотрел, Сожженный город виден;</p> <p>Мы вышли наружу, Наши люди Собрались, Там находящийся народ (220) собрали мы Послали назад: «Идите назад В два города, Разбейтесь на две половины.»</p>	Текст3_БТ	Среднеобск
<p>15) Говорит [бык]: «Поезжай, если она не пойдет [за меня замуж], я его город со всем вместе в море рогами забодаю [столкну]».</p>	Текст26_БТ	Парабель
<p>47) Обе услышали: кто-то лес рубит, увидели: большой город строят.</p>	Текст24_БТ	Парабель
<p>Однажды они своим матерям говорят: «Дедушкин город посмотреть мы пойдем! – большой он или маленький – город у него. Нас отпустите, мать!»</p>	Текст30_БТ	Парабель

Продолжение таблицы В.1

...Подбросили письмо из моря на гору, трехглавый змей, в царскую ограду: «Чтобы сегодня же вечером свою дочь на берег привез, к краю моря. Если не привезешь, мы весь твой город на мелкие куски разобьем».		
дошел до города бабы-яги		
Город лозов /мизгирей (пауков)		
1) По Чижапке есть на берегу большой высокий лес. 2) Там мизгири живут. 3) Этот город называют городом мизгирей. 4) В городе мизгирей люди деньги под деревья кладут. 5) [Они] платки на ветки вешают. 6) Мизгири работают, город свой дальше строят, сыновей, дочерей растят.	Текст43_TW	Васюган
Черти семь городов имеют. 3) Они богато живут. 4) Люди им хорошие шкуры [приносят] кладут. 5) Им жертвы [приносят] кладут, деньги. 6) Остяки лоскуты ткани, платки часто вешают. 7) Кладут для них жертвы. 8) Они на эти деньги города.	Текст60_БТ	Васюган
Царь, Дворец(дом) царя, пир		
(210) Во дворец пошли, За стол сели мы Пили (выпивая), Семь дней сидели, (290) Мы снова На трех птиц Сели, взлетели, Опять семь дней (295) мой собственный город Мы достигли, Мой народ город Украсил В дом входя, (300) приготовил мой народ выпивки Мы сели, выпивая, Сидели семь дней	Текст3_БТ	Среднеобск
Живет черный царь. У него три дочери, двенадцать комнат у него. Сам он работать уходит... Мы пешком посреди города шли, люди кричат: «Царь так плохо живет, что лошадей нет – пешком (его внуки) идут».	Текст30_БТ	Парабель
Большой человек (царь) не говорит: «Это кто пришел? Кто же пришел?»	Текст1_БТ	Среднеобск
Паровоз и самолет		
164. Йомпа сбежал, пешком пошел. 165. Йомпа тем временем водяного дочку повстречал. 166. В стальную нарту такой зверь запряжен – рог его самого неба по мездре скребет. 167. По двум сторонам рта его наружу только огонь (досл. «огненную головню») выбрасывает. 168. На эту нарту свою уселись (они дв.), двинули. 169. По такой тропе поехали – конского ребра вышиной проломлена.	Текст37_TW	Турухан
53. Ича выскочив, рубанув, сломал. 54. Царя (Кона) Мытыку убил-он. 55. Потом наружу вышли-они-многие. 56. Черный железный гроб сделали-они-многие.	Текст49_TW	Баиха

Продолжение таблицы В.1

57. В черный железный гроб залезли-они-многие. 58. Бог, гремя, наружу выбрался. 59. Потом Ичи черный железный гроб бросил (? выстрелил, см. 71). 61. Черный железный гроб его будто мохом оброс.. 69. Потом небесный (на небе находящийся) царь вылез. 70. Выстрелил. 71. Ичи черный железный гроб выстрелил. 72. Только железо громынуло.		
37. Вот лето настает (букв. Бог летовать начинает). 38. Железный гроб давайте сделаем (мы-многие). 39. Сделал. 40. Живут (они-многие). 41. Слышит (? слышат). 42. Гром гремит(букв. Бога голос слышен/слышится). 43. Облако, гремя, возшло (появилось на небе). 44. Возшло, вниз погрузилось (опустилось к земле). 45. Сверху вниз выстрелил (?о). 54. Облако выкатилось, земле навстречу возшло, вниз погрузилось. 55. Стрелять стал, облако упало с неба. 56. Наружу выскочили (они-многие). 57. Зарубили (они-многие). 58. Убили (они-многие). 59. Небесного царя (букв. находящегося на небе царя) убили (они-многие). 60. Мясом его живут (они-многие).	Текст48_TW	Таз
Оружие. Сражения.		
62. «Отказа твоего черенок сгорел» (букв. огонь съел). 74. Стрелять начал. 75. Упало с неба. 76. Рубить стали (они-многие), а отказа голова отломилась.	Текст48_TW	Таз
69. Потом небесный (на небе находящийся) царь вылез. 70. Выстрелил. 71. Ичи черный железный гроб выстрелил. 72. Только железо громынуло.	Текст49_TW	Баиха
Лук, стрелу, меч Засунула она в люльку Лук висит. (45) Одежду взяв, Я оделся, Опоясался мечом, Лук я взял, Мечом махнул, Героя напополам Перерубил, Мечом махать-рубить Я начал, Лука тетива Звенит, Мечом я рубанул (260) две половины, Весь развалился он. Я мечом рублю, Голова прочь летит; (135) снова троих я вижу, Они рубят, убивают;	Текст1_БТ	Среднеобск

Продолжение таблицы В.1

Саблю надел, ремень крепко затянул, шпоры дернул. Конь его как прыгнул, в обоих ушах засвистело. Он его еще бичом ударил; конь	Текст30_БТ	Парабель
- О, как саблей ударил – две головы сразу прочь отлетели	Текст30_БТ	Парабель
Старик сидит, свой нож точит. 55) Он своей старухе голову отрезал.	Текст31_БТ	Кеть
Звуки ножа		
35. Маленький ножик [издает звуки:] <i>шауды пауды ʒыл, ʒыл.</i>	Текст14_TW	Чая
8. Идя нож точит, а нож говорил: «Идя киль-киль-киль (сюда), Идя ты-ты-ты (туда)!»	Текст20_TW	Обь (Ив)
Старик свой нож точит – <i>сили-мили, сили-мили,</i>	Текст59_TW	Кеть (УО)
ПТИЦЫ		
Орёл и лебедь (транспортное средство) Я встал, Сел на орла, Женщина села на лебедя, (40) Мы полетели. Орел, кружа, Вверх поднялся. Я после моей жены (50) на лебеде поехал;	Текст1_БТ	среднеобск
Лебедь 42) Дочь Солнца в лебедя превратилась, их догоняет.	Текст 7_БТ	Парабель
И я нашел лебеда , стрелил в лебеда из лука и убил. Тут я поплыл вплавь за лебедем, недалеко я был у него, и лебеда вдруг не стало видно. Я забоялся и заворотился назад. Тут небо потерялось, и кто-то проглотил меня, и опомнился я внутри его.	Текст54_БТ	Чая
два лебеда, у которых горло пепельного цвета	Текст4_доп	Кеть
Журавль Журавль шею поднял, своей головой кивнул (букв.: потряс) и говорит [бобру]: 16) «Близко же ты меня видишь! Я тебя увидел издалека. 17) Пропадешь ты с такими своими глазами и стал смеяться над бобром.	Текст37_БТ	Кеть (УО)
Внутри избы только один журавль похаживает, безголовый журавль. на шею журавлю повесился котел, подвигает котел на огонь... И журавль опять идет к огню, на огне головня медвежья голова и головня волчья голова вместе сдвинулись, и загорелся огонь. Тут журавль подставил шею, котел повесился,...	Текст29_БТ	Чая
Филин 1) У филина глаза большие, клюв кривой. 32) Филин прилетает, садится на пенёк, Пору зовет: «Я тебя унесу». 33) Отец с матерью придут. 34) Дочь им рассказывает: «Мама, ко мне филин прилетал, меня звал: «Я тебя унесу». 35) Они говорят: «К окну не подходи, дверь не открывай!». 36) Отец с матерью на охоту ушли. 37) Филин опять на пенёк сел. 38) Девочка к окну подошла. 39) Филин её схватил и унёс. 40) Филин её съел, голову оставил.	Текст28_БТ	Васюган

Продолжение таблицы В.1

Кулик Колдун закричал: «Я тебя в птичку превращу». 74) [Колдун] левой рукой взмахнул. 75) Охотник в кулика превратился, взлетел. 76) Девушка закричала: «Меня тоже птичкой сделай!» 77) Два кулика над домом взлетели. 78) Богатырь этого колдуна топором зарубил. 82) Эти две птички всегда вместе летают, перекликаются, друг друга зовут.	Текст 6_БТ	Васюган
Туловище туда-сюда разбросал: «Ешьте сороки-вороны, поминайте Ивана-царевича».	Текст30_БТ	Парабель
ДЕРЕВЬЯ		
Кедр, кедрач, кедровая смола		
Что за человек кричит в лесу (в кедраче), ищет собаку белую? 18. К этому человеку пришел ночевать, а этот человек был леший.	Текст48_БТ	Кеть (МаксЯр)
29. Шли они шли сколько в тайгу, [смотрят] – один кедр стоит. 30. Что за такое большое дерево с широкими ветвями? 31. Около него одна лиственница, ветки вниз. 32. А у этого кедра разбойники жили, люди убивали.	Текст32_БТ	Парабель
Как ударит о толстый кедр, кузов лопнул. Как ударил о толстый кедр, у её сестрёнки, железная кожа лопнула. Она свистнула фю, фю, чинн, чинн и полетела. Когда твой муж схватил кузов и его ударил о большой кедр, у меня железная кожа лопнула.	Текст21_БТ	СрОб (Сонд)
13) К кедру пришла, там мужчина лежит. 14) У него сил нет.	Текст7_БТ	Парабель
16) Идя говорит: «Я смолу наберу с кедра». 17) Набрал смолы и в котел положил. 18) Костер разложил, котел свой над костром повесил. 19) [Котел] со смолой кипит. 20) Идя сидит, встал, котел взял с кипящей смолой, подошел к лодке своей. 21) Кипящей смолой беседку вымазал.	Текст44_TW	Обь (Ив)
Берёза, береста, берёзовый пенёк		
Она хотела разжечь костер, сломала березовый пенёк, а оттуда выскочила лягушка. 34) [Лягушка] закричала: «Ты сломала мой дом».	Текст24_БТ	Парабель
До города доехал, коня остановил, с коня слез, снял узду с головы коня, коня толкнул: «Ты корягой сделайся!» Мохом все заросло. Узду бросил: « Тальником сделайся!» Седло бросил: « Березой сделайся!» Потник бросил: « Ракитным кустом сделайся!»	Текст30_БТ	Парабель
Эти люди [деревенские мужики] всех мёртвых людей в кучу собрали, вместе похоронили. 20) Там сосны, березняки выросли.	Текст5_БТ	Васюган
Его этот человек боялся(побаивался). 22. Заранее днем бересты надрал. 23. Самого себя накрыл, сам на себя внутри надел срубил рябину/ осину .	Текст48_БТ	Кеть (МаксЯр)
Женщина длинные волосы отрежет, красивой лентой обмотает, на березу повесит. 2) Береза как девушка – остячка. 3) У березы свои волосы есть.	Текст63_БТ	Васюган
1)Богатырь проснуля, Лежит в люльке; Женщина качает его;	Текст1_БТ	среднеобск

Продолжение таблицы В.1

Наружу он смотрит; (5) Береза растет;		
Сосна		
32) Там красивые сосны стоят. 33) На соснах человеческие лица сделаны.	Текст41_БТ	Васюган
Черёмуха		
Пёнэге в дом вошёл, на порог сел, голову всю черёмуховой саргой обмотал	Текст34_БТ	Васюган
64. Ича саночки принес. Бабушка его к реке побежала, к проруби склонилась, двух рыбок поймала: карася и сорожку. 65. В чум принесла, Иче сказала: 66. Положи этих рыбок за пазуху и уходи. 67. Когда приедешь к твоему месту и убитых коров на саночки погрузишь, то рыбок вынь и в саночки запряги. 68. Смотри не серди их и не обижай.		
Рыба		
Волшебные рыбки, 8. Ича смотрит, когда бабушка к проруби подошла, поймала она двух маленьких рыбок. 9. Потом запрягла она маленького окуня и маленького ерша в маленькие сани. 10. «Как повезу я на таких санках семерых диких оленей?» 11. «Нет, мой внучок. 12. Всех твоих диких оленей доставят эти маленькие рыбки к цели. 13. Ты только не кричи на них.	Текст28_TW	Турухан
64. Ича саночки принес. Бабушка его к реке побежала, к проруби склонилась, двух рыбок поймала: карася и сорожку . 65. В чум принесла, Иче сказала: 66. Положи этих рыбок за пазуху и уходи. 67. Когда приедешь к твоему месту и убитых коров на саночки погрузишь, то рыбок вынь и в саночки запряги. 68. Смотри не серди их и не обижай.	Текст27_TW	Турухан(Фарк)
сорога 2. Бабушка одноглазой сорогой стала. 3. Ичакычика бабушку в прорубь столкнул.	Текст48_TW	Таз
35. Ича, придя, двери у отверстия (у входа) стоит. 36. Рыбную коробичку (короб, куженьку с рыбой) видит. 37. Бабушка одноглазой сорогой стала.	Текст49_TW	Баиха
Косоглазые караси и косоглазые утки		
«Вниз по течению реки не плавай, а вверх по течению плавай, в низовье караси косоглазые, а в верховье караси с хорошими глазами».	Текст23_TW	Обь (Ив)
7. А Имьят говорит: «Нет, не ходи, там <i>Кабальдезян тутто</i> (одноглазый карась) и <i>Кабальдезян пурья</i> (гоголь), не надо ловить его». 8. Но Итче потом уезжает туда на обласке (<i>андо</i>). 9. Итче сеть поставил, <i>Тутто</i> карася поймал. 10. Смотрит на карася: «Имьят обманывает меня», - говорит Итче. Потом плавают пурьям. 12. Пурьям взял и глядит – как карась	Текст5_TW	Кеть (УО)
дядя через три дня посылает Итте рыбачить край озера на карасей. 12. «В эту сторону, – говорит, – не ходи, там одноглазые караси.» 13. Итте в обласок сел и поехал. 14. Итте увидел гоголя (пурья), выстрелил, добыл. 15. Посмотрел, а гоголь не одноглазый. 16. Взял поплавки, поставил сети. 17. Незадолго карась попался. 18. Вынул, посмотрел: нет, с двумя глазами. 19. Сел в обласок и обратно домой приехал. 20. Эти	Текст6_TW	Кеть (УО)

Продолжение таблицы В.1

добычи с собой взял. 21. Приходит к дяде и говорит: «Дядя, ты зря говорил, что караси и птицы одноглазые, у них оба глаза. ъ. Смотри: оба с глазами.»		
6. Тётка сказала: В верхнюю сторону (конец) озера съезди, а в нижнюю сторону озера не езд. 7. Там косоглазые караси белые и косоглазые красные караси. 20. Карасей добыл много. 21. У одного карася глаза выкопал, глаза прямые. 22. У другого карася глаза выкопал, тоже прямой. 23. Ну тётка, соврала мне! 24. Меня обманывает.	Текст8_TW	Обь (Ив)
15. У сети три поплавок было, четыре карася попали. 16. И три карася добыл (попали в сети).	Текст9_TW	Обь (Ив)
1. Итя ходит вверх, ходит в верхний край озера ставить сети. 2. А вниз не пустит бабушка, внизу караси с косыми глазами и утки с косыми глазами. 3. Он утром рано и встает, и едет на низ. 4. Шедши, ставит сеть, и попадает карась. 5. Ковыряет у карася глаз, прямой, а бабушка говорит, косой глаз, она меня обманула. 6. Тут садится утка, на то озеро с боку его, стреляет из лука, подгребая, берет утку, ковыряет у утки глаза, глаза прямые, а бабушка говорит, косые глаза, совсем обманула меня.	Текст14_TW	Чая
4. Бабушка ему говорит: «Ты не ходи на тот берег. 5. Там караси одноглазые, утки косоглазые». 6. Внук бабушку не послушался, рано утром встал, на тот берег озера поехал. 7. Он сети поставил, сети осмотрел, карась попался, у карася два глаза. 8. Он утку подстрелил, у утки тоже два глаза. 9. Он подумал: меня обманула бабушка.	Текст16_TW	Васюган
Тётя сказала: «Иди в залив, а на озеро не ходи, там живут косоглазые караси и утки».	Текст4_доп	Кеть
Кыккы_букашка А дядя говорит: «Все равно туда не ходи. 24. Там у края речки кыкка ходит, ты туда не ходи.» 25. Итте встал, в обласок сел и поехал туда, где дядя не велел. 26. Там кыкка с панцирем, навроде божьих коровок, со спичечную коробку, а панцирь там твердый. 27. Они у карасей у щеки все внутренности достают. 28. Они как клоп, такой же широкий, величиной со спичечную коробку. Когда приехал туда, увидел этих букашек. 29. Он все ж таки одну букашку поймал, привез домой, дяде бросил	Текст6_TW	Кеть (УО)
Огонь		
Теперь старик взял огниво, на трут высечь огня, а огонь к труту не пристает,	Текст 23_БТ	Чая
И журавль опять идет к огню, на огне головня медвежья голова и головня волчья голова вместе сдвинулись, и загорелся огонь.	Текст 29_БТ	Чая
Мы, чумылькупы, так делаем. 77) Мы огонь железом не трогаем, не рубим. 78) Я в доме живу, печка у меня есть. 80) Я семь поленьев нарублю, золу всю выгребу, крылом вымету. 81) Семь поленьев в печь положу, красный тряпочкой накрою, тогда зажгу. 82) Голову Хозяйки огня закрою, чтобы пожара не было. 83) Я так каждый год делаю.	Текст 22_БТ	Васюган
Боги и духи		

Продолжение таблицы В.1

Хозяйка огня 47) Старуха огонь разжигать начала. 48) У неё огонь не горит. 49) Старуха на колени встала, вниз заглянула. 50) Она видит, там старая женщина сидит. 51) У неё кожа огнём горит. 52) Хозяйка огня говорит: «Ты огонь не зажжёшь! 53) Твоя сноха меня рассердила. 54) Она мои глаза водой заливала. 55) Она моё лицо топором рубила. 56) Она зачем, глупая, это сделала?»	Текст22_БТ	Васюган
Лесные люди (духи) 1) Такие люди есть, мы их не видим. 2) Это не люди, это умерших людей души живут там [в своих домиках]. 3) Кто утонул, кто в тайге замерз, кто просто куда-нибудь пошел и умер. 4) Их души лесными людьми [лешими] становятся. 5) Живые люди им деньги кладут, положат возле дерева, на ветки ленты привяжут.	Текст56_БТ	Васюган
Лесная хозяйка 32) Он кричит: «Кто там стреляет?» 33) Черная собака бежит, лает. 34) Женщина позади идет. 35) Повернулась, у нее на веревке белки привязаны, много белок.	Текст51_БТ	Обь (Ласк)
Дух-Массу 19. Карамо перед дверью кланяются они, к солнцу (в сторону солнца) кланяются. 20. Вдруг где-то дверь на ширину головки тамара открылась. 21. Туда забираются (букв. забираясь идут) они, Массу дома внутрь забрались (букв. забравшись подошли). [Пришли просить, чтоб зверя послал в жертву, зверь будет плодиться, охотники будут добывать. ¹] 22. Старик старый, строгая, сидит, стружка его, выходит (букв. выйдя идет) белкой, бурундуком (становясь). 23. У старика чувал, огонь его горит. 24. Три из медвежьих голов головешки сами себя в костре помешивают. 25. Старик семи саженей в высоту	Текст50_TW	Кеть (УО)
Акт творения промысловых зверей 33. Старик говорит: «Итя, сюда приди. 34. Я дам ниток моток. 35. Полную горсть звериной шерсти дам. 36. Теперь домой когда придешь, люди твои в тайгу поедут. 37. Тогда, на улицу выйдя, посматривай. 38. Наступит лето. 39. Звериную шерсть мою понемногу в верховье рейки кидай. 40. Люди твои потом, может, зверя добывать будут».	Текст50_TW	Кеть (УО)
Там была такая вода, которая сама несла человека - Он сел на рог серебряного бога?).	Текст4_доп	Кеть
Серебряный Бог		
1. Итя опять подумал звериным умом, подумал рыбным умом. 2. Как мне выманить их на землю этих двух лебедей? 3. Итя обратился к богу: 4. «Серебряный Бог, Отец, если бы ты от конца моря ветром подул бы»... 5. Прошло не очень много времени, 6. Прошло столько времени, что котел со щукой, котел с	Текст4_доп	Кеть

¹ Комментарии на русском языке А. И. Кузьминой со слов рассказчика (без варианта на селькупском языке).

Продолжение таблицы В.1

окунем не сварился бы, 7. С конца моря подул ветер. 8. Этот ветер принес этих двух лебедей на землю.		
1. Итя руки ... серебряного бога ... 2. «Серебряный Бог-Отец, хоть бы теперь ветер с конца моря подул бы. Из подмышки..» 3. Кончики души деревьев начали колебаться. 4. Они качались, падая. 5. Через некоторое время с конца моря тучи закрыли солнце, 6. Небо вздулось, поднялся шторм. 7. Стволы деревьев изогнулись. 8. Вздулся шторм. 9. Ветер послал пепел – мясо Пюнегуссе - на небо.	Текст4_доп	Кеть
Солнце		
Круглая ценность небесной царицы лицо...	Текст4_доп	Кеть
19. Карамо перед дверью кланяются они, к солнцу (в сторону солнца) кланяются. 20. Вдруг где-то дверь на ширину головки тамара открылась.	Текст50_TW	Кеть (УО)
О реке		
Дядя, давай поедem к концу бессмертной серебряной реки, к концу бессмертной золотой реки.	Текст4_доп	Кеть
«Но Итя, дядя, смотри, конец реки. В конце неумирающее озеро с серебряной водой, золотой водой.	Текст4_доп	Кеть
Под ногами Бог в серебряной одежде. Небеса..	Текст4_доп	Кеть
Представление о времени. Измерение времени		
Прошло столько времени, что котел со щукой, котел с окунем не сварился бы, С конца моря подул ветер. 389. Икры щуки день прошел, окуня икры день прошел. 390. Он ехал длинный день, 391. Он ехал короткий день. 392. Долго ли, коротко ли – достиг дома Пюнегуссе.	Текст4_доп	Кеть
То зима настает, то лето. Так долго шел, что шапка на лбу инеем покрылась, и вновь растаяла.	Текст54_TW	Таз (КрС)
11. Там он сидел [ждал], пока еда в кострюле не приготовится. Колгей пошел и, прибыв в дом Идье, сел на обочину, и там сидел, [столько по времени] пока кастрюля супа не сварится. 52. Тогда Идье говорит: «Гость пришел, накормить надо муксуном».	Текст1_доп	(Обь, Заикино)
61. Вечер закатное время („высота ступни“) на берег наступило,		
Каждую ночь растет сын, как тесто киснет, в день вырастает на костяной черен ножа	Текст9_БТ ТВ	
Вдруг он проснулся, лебеди гогочут, гуси гогочут. Лето прошло. Так долго спал! Гуси улетают в теплую страну. ...так долго спал – лето прошло, лебеди-гуси разговаривают – вот как долго спал, - все лето.	Текст30_БТ	Парабель
10. Они так и поехали. 11. Ехали они длинный день,	Текст4_доп	Кеть

Продолжение талицы В.1

12. Ехали короткий день. 13. Так они долго ехали, что проехали 77 устьев рек и 77 устьев озер, тогда они достигли конца бессмертной серебряной реки, конца бессмертной золотой реки.		
Пространство. Путешествие через пространство		
<i>Выбор направления пути</i>		
Заночевали. Утром идти отправились. С вечера лук свой зарядили. Утром на север выстрелили. Вниз на север дошли.	Текст48_TW	Таз
Бросила лыжу по направлению к верховью реки, лыжа перевернулась. 28) [Она] думает: «Туда я не пойду». 29) Бросила лыжу по направлению к низовью реки, лыжа туда вниз покатила. 30) [Она] думает: «Туда надо идти».	Текст 24_БТ	Обь_Парабель
97) Эта женщина клубок ниток на дорогу бросила, конец нитки держит, куда клубок покатится, туда она идет.	Текст 25_БТ	СрОбь(Ив)
26) Клубок брось. 27) Куда катится клубок, туда же ты беги.	Текст21_БТ	СрОбь(Сонд)
14. Из лука (своего) выстрелил. 15. К стреле своей пришли три брата (вместе). 17. Заночевал. 18. Утром идти собрался. 20. Вечером лук свой зарядил стрелой. 21. На север выстрелил.	Текст48_TW	Таз
Путешествие в земном мире		
Таз с верхушки до устья пересекал, и мелкие речушки пересекал.	Текст54_TW	Таз (КрС)
Путешествие на небо		
путешествие на чиркане	текст 33_TW	Обь (Ив)
Переход из реального мира в потусторонний		
Он только стал, чтоб воротиться, впереди близко рубит. Он и подумал: эка, парень, надо видеть. И пошел вперед, скорее идет, длинно шагает. Сколько идет, и опять перестал рубить. Сколько идет, а там останавливается, тут и думает: ну, видно, лоз заманивает меня, ворочусь назад, нарта остается далеко. Только что остановился воротиться назад, только заворачивается назад, впереди человек ударил об нарту, он послушал. Кого я не могу догнать, говорит он. А тут он и отправился, задорно идти отправился, волосы поднялись на нем. Кого такого я не могу догнать? Тут пошел так, как вихорь, и вышел на выпавшую дорогу, выпала дорога, и догоняет, уж за спиною близко он догоняет. Подходит к дому и находит дом, останавливается. Он подумал: назад или в дом идти, чем идти назад, лучше, пришедши, надо войти в дом.	Текст29_БТ	Чая
Путь в мир духов 12. Старик едет на большой водоем (большое водяное море). 13. Синичка / Птичка (поползень; синичка?) говорит: «Свой водоем (водяное море) не отдам я.» 14. Семь ночей переночевав, семь дней провели (букв. проведя) они вверху. 15. Синичка (в голове аршинная косточка) (море) с голову (синички) тут замерзло (застыло) жураң ? головы синички смерзлось. 16. По этому месту на другую сторону пришли. 17. Потом идут. 18. Однажды где-то другого мыса вершины, хребта вершины достигли они, царя (верховного правителя)	Текст50 TW	Кеть (УО)

Продолжение таблицы В.1

вершины. [С костяной тамар дырочку сделали; они туда залезли.		
<i>Путь к Водяному Лозу</i> 139. Йомпа так сказал: «Меня посадите!». 140. Йомпу посадили, вверх вздернули листовницы на вершину. 141. Йомпа, пока еще не сидел (досл. «в несидении своем») надел (стрелу на тетиву), к небу выстрелил. 142. Томар его в верх ушел, вниз спустился – томар свой тут поймал. 143. Затем опять надел (стрелу на тетиву), вниз выстрелил в воду, томар его по какому (месту) вниз нырнул, сам тоже прыгнув по тому (месту) нырнул, томара своего по пути нырнул. 144. Томаром своим Йомпа выстрелил, водяного чум вершины по середине вниз проломил, сам тоже по тому (месту) вниз залез водяного (чорта) чума вовнутрь.	Текст37_TW	Турухан
Путь в подземном мире		
Едет долго или нет, ничего не знает; какой день, сколько дней прошло, сколько месяцев, не знает. Он не знает: то ли зима, то ли лето. Под землей едет, ничего не видно. Вперед смотрит, вроде светло. Дальше идет, идет - еще светлее стало. Очень светло становится, все больше и больше. Он из-под земли наверх вышел. Вперед смотрит – солнце видно. Он обрадовался: «Солнце вижу! Теперь не помру!»	Текст 30_БТ	Парабель
В мире умерших	Текст5_доп	Кеть (УО)
Духи-помощники		
Один из этих двух духов, который был маленький как две щиколотки и в черном платке, сбегал к кончику дерева. Другой побежал к корню дерева. Они дунули бессмертным серебряным дыханием, бессмертным золотым дыханием. И дерево расколосось на две стороны. Они взяли локоть Ити, дунули бессмертным серебряным дыханием, бессмертным золотым дыханием, И он исцелился. Потом они оба сказали: «Когда ты нас на землю бросал, мы рассердились на тебя. Но теперь, Итя, ты наш господин.	Текст4_доп	Кеть
Порке – личина, лицо вырезанное на дереве		
45. Сыльча Пыльча Кэш сделал порке (человеческое лицо на дереве вырезал) большим ножом (пальмой) 46. «Ты смотри, меня никогда не выдавай (не разоблачай, не говори обо мне). 47. Черт тебя будет спрашивать: «Сыльча Пыльча Кэш куда девался? 48. Обо мне никогда не говори». 49. Так погрозил копьём. 50. Он вышел на берег. Там землянка. 51. На двери он тоже такое лицо порке сделал.... 55. На этой двери тоже порке (лицо человежье) сделал. 56. – Ты смотри, про меня никогда ничего не говори. 57. Копьём погрозил.	Текст54_TW	Таз (КрС)
32) Там красивые сосны стоят. 33) На соснах человеческие лица сделаны.	Текст41_БТ	

Окончание таблицы В.1

волшебные предметы Коробка из которой Иде получает жену Железные яйца, с которым ворожат.		
Эмоции, мыслительный процесс		
1. Пюнегуссе рассердился на Итю. 2. И Пюнегуссе грёб так, что конец их лодки вертелся туда-сюда.	Текст4_доп	Кеть
1. Он подумал рыбным умом, 2. Он подумал (подвигал) звериным умом	Текст4_доп	Кеть
Музыкальные инструменты, пение		
5. Прибыв туда, он вынимает свою арфу, и начинает играть на ней, чтобы войти в сношение со всемогущим богом. 6. Он играет и поет семь дней непрерывно, и все же ему не удается подняться на небо.	Текст32_TW	Чая
10. Едет в обласке. Гребёт. По-своему песни поёт: «Пёстрая (разрисованная/ вырезанная) ручка весла, обласок едет». 11. А Пёнегесса тоже поёт, что Идя поёт, и Пёнегесса поёт. Помоему. 12. На берегу по-его говорит. 13. И Идя поёт: «Пёстрая весла ручка...». 14. А Пёнегесса дразнит, что говорит Идя, и Пёнегесса по-его тоже поёт.	Текст9_TW	Обь (Ив)
1. Пюнегуссе сел в лодку и поплыл вниз. 2. Давай споем песню 3. Пюнегуссе запел: 4. «К груди этой девушки прильну я сам, 5. А Итя останется навсегда защемленным».	Текст4_доп	Кеть
Топонимика		
Ича поехал на Карасье озеро.	Текст30_TW	Таз (КрС)
Итя и его тётя жили в бухте Карасевой реки	Текст4_доп	Кеть (КеМ)
Таз с верхушки до устья пересекал, и мелкие речушки пересекал.	Текст54_TW	Таз (КрС)

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Тучкова

Тучкова Наталья Анатольевна

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР СЕЛЬКУПОВ:
ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ДАННЫХ

Том 2

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна

Томск – 2018

Приложение Г

Селькупские фольклорные тексты

В данном приложении собрано 115 образцов селькупского фольклора

Часть 1 – «Тексты с героем Итя»¹ (Тексты №1-60 (TW²))

Часть 2 – «Фольклор [южных] селькупов»³ (Тексты №1-63 (БТ⁴)).

Часть 3 – фольклорные тексты, выявленные позднее 2014 г (№1-6).

¹ Выявление текстов с героем Итя из разных источников и набор их на компьютере (селькупского оригинала и русского перевода) осуществлялись автором данного исследования в период с 2005 по 2013 гг. В ходе подготовки текстов к изданию лингвистом (специалистом по самодийским языкам) Б. Вагнер-Надь была проведена работа по унификации записи селькупских текстов (шрифтов и (частично) орфографии).

Издание данного сборника было осуществлено: см. **Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте...» Тесты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск, 2015.**

² TW – Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б.

³ Сборник «Фольклор селькупов» готовился в рамках проекта «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (грант РГНФ.). В работе над этим сборником, кроме автора данного исследования, принимали участие лингвисты-селькуповеды: А.В. Байдак, Н.П. Максимова (выявление селькупских фольклорных текстов из материалов, хранящихся в лаборатории языков народов Сибири; компьютерный набор селькупских оригиналов); А.А. Ким-Малони (перевод с немецкого языка текстов богатырских песен, записанных А. Кастреном); А.И. Кузнецова и О.А. Казакевич готовили к изданию североселькупские фольклорные тексты. В ходе работы по проекту была подготовлена рукопись сборника, представленная в РГНФ (в качестве отчета) и в Институт фольклора СО РАН (Новосибирск). Однако данная работа пока не завершилась изданием. **Именно поэтому в данном Приложении Г к диссертации во 2-й Части использованы только русские переводы южноселькупских фольклорных текстов и совсем не представлены североселькупские тексты из данного собрания** (чтобы не нарушать права соавторов). Однако в процессе исследования сюжеты северных селькупов также брались во внимание при анализе материала.

⁴ БТ – Байдак А.В., Тучкова Н.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 ИТЯ-ТЕКСТЫ.....405

Текст №1

[*Iča šötti qənni, imil'ati mātqindi āmdilä qala..* / Ича в тайгу пошел, бабушка его в чуме сидя осталась]*

Текст №2 Icaкyсу / Ичкыча

[*Ičkiča ilimpa imil'anti əpti.* / Ичкыча жил со своей бабушкой]

Текст №3

[*Ičakičika ilimpa imil'antisä.* / Ичакычика жил со своей бабушкой.]

Текст №4

[*Šötqin ilimpani ima.* / В лесу жила женщина. / Im Wald lebte eine Frau.]

Текст №5 Итче – это богатырь. / Итче – это богатырь

[Итче – это тоже богатырь. Пюневальде – людоед по-нашему.]

Текст №6

[Итте жил с дядей, и Итте все время спит и спит.]

Текст №7 Īže Kaža/Идже Каджа

[*Elkikumba, warkikumba Īže Kaža.* / Однажды жил-поживал Идже Каджа.]

Текст №8 Про Идю

[*Илзақ варкызақ йдәй әлдиғазық.* / Жили были Идя с теткой.]

Текст №9 Īt'an āлдига /Итя и Альдига

[*Елаква варкыква окыр әдегын йтан алдига.* / Жили были в одной деревне сын с матерью]

Текст №10 Йден алчика /Идя и Альдига

[*Елықуақ варқықуақи Йден алчикассақи.* / Жили были Идя с матерью вдвоём.]

Текст №11 Итя в ловушку попал

[*Ите имнәссыккей йлакустә.* / Итя с братьями жил.]

Текст №12 Куда нога прилипла?

[*Iže-kaža čažimba, hokomba.* / Идже-каза шел, спрашивал, спрашивал.]

Текст №13 Ичакйчика /Ичекичика [в шкуре ястреба-мышелова]

[*Йлымба Ичакйчика имландыса.* / Жил Ичекичика с бабушкой.]

Текст №14 Īt'a / Итя

[*Īt'a tāmṁə pal'čəṣun, tāmṁi ton kʷaččə pal'čun poŋqəlle.* / Итя ходит вверх, ходит в верхний край озера ставить сети]

Текст №15 Йте и Пинәвелд'ү / Ите и Пиневельдю

* Так как тексты не всегда имеют названия, данные информантами или исследователями (или их названия одинаковые), то для различения текстов даны их первые фразы.

[*Ите имн'әсәуи илакусты әккус пәнджай қатай сақујай кәнаңди.* / Итя с бабушкой жили, была у них собака-сучка с камысом на когтях.]

Текст №16 Китка

[*Tut kit parūt pajal'žika bargā iga imde.* / На берегу озера жила старушка с внуком (сыном ее сына).]

Текст №17 Пучика-Чурикаль-чаптә / Сказка о Пучике-Чурике

[Остался однажды Пучика-Чурика в чуме один.]

Текст №18 Калабонка и Пөнегесса

[*Елыквāt варкыквāt әра пајассәқи.* / Жили были старик со старухой.]

Текст №19 Пөнеге / Пөнэге

[*Елакумбақ варкәкумбақ пајага арагәсе.* / Жили были старуха со стариком.]

Текст №20 Йде / Идя

[*Йде пьлгәлың элза.* / Идя один жил..]

Текст №21 Ите / Итя

[*На Ите илакус ези евимқъзе.* / Этот Итя жил с отцом и с матерью..]

Текст №22 Оккырсайи лөз / Одноглазый черт

[*Элзәги-варкызәги ара паясық.* / Жили-были муж с женой..]

Текст №23 Пөнэгессә / Пёнэгессә

[*Элзәдыт Йде альдигазә.* / Идя жил с бабушкой.]

Текст №24 *It'a üčega kalimba pelgalik* / Итя-маленький остался один

[*It'a üčega kalimba pelgalik, kužakin ambadi kumba.* / Итя-маленький остался один, когда мать его умерла.]

Текст №25 Қандук Йдя мадәғыт шаққымба / Как Идя в лесу ночевал

[*Йдя эза кыбыльдикай, калымба азыткалык и авыткалык.* / Идя маленький был, остался без отца и без матери.]

Текст №26 *İže i Imjal raja* / Иджа и бабушка

[*Imjal raja İžer qbilip qbatku a İže larimba.* / Старуха Иджю рыбу ловить посылает, а Иджа боится. / Die alte Frau schickt Idja fischen und Idja hat Angst.]

Текст №27 Сказка про Ичу

[На краю княжеского города жила бабушка с внуком.]

Текст №28 *Imil'anti t'säptә*

[*İča imil'antisä ilimpa.* / Ича жил со своей бабушкой. / Itscha lebte mit seiner Großmutter.]

Текст №29 Ical' captä / Сказка об Иче

[*İča ilimpa imil'antisä.* / Ича жил со своей бабушкой.]

Текст №30 Ical' captä / Сказка об Иче

[*İča i imaqota ilimpäqi.* / Ича и старуха жили..]

Текст №31 Ical' captä / Сказка об Иче

[*Iča imil'antisä ila.* / Ича со своей бабушкой живет..]

Текст №32 Итьте вступается за татар

[Когда Итьте все еще жил в тундре со старой женщиной, к ним является татарский принц, князь, просить помощи.]

Текст №33 Қандук Йде номнэ төмба / Как Идю на небо подняло

[*Йде альдигандзэ шыдэқ элзәуи.* / Идя с своей бабушкой вдвоем жили.]

Текст №34 Йден әлдига /Идя и Альдига

[*Елыквәқ варкыквәқ Йден әлдигассық.* / Жили-были Идя с матерью..]

Текст №35 *Ičakičika* / Ичакычика

[*Ičakičika imil'asiqāj ilimmintāj.* / Ичакычика вдвоем с бабушкой жили.]

Текст №36 Итте с сестрой жили

[Итте с сестрой жили, много ли, мало ли..]

Текст №37 Jompa / Йомпа

[*Jompa imil'antisä ilimpāqı.* / Йомпа с бабушкой своей жили..]

Текст №38 Ičal' čaptä / Сказка об Иче

[*Iča ilimpa imil'antisä.* / Ича жил со своей бабушкой.]

Текст №39 Ičal' čaptä / Сказка об Иче

[*Iča ilimpa pēlikālik.* / Ича жил один. / *Itscha lebte allein.*]

Текст №40 Tırşā-qō-ira čaptä / Сказка про Тырша-kō-Старика

[*Ичик Ичика илымпа имлантыса.* / Ичик жил с бабушкой..]

Текст №41 Ičal' čaptä / Сказка об Иче

[*Iča ilı imil'antisä.* / Ича живет со своей бабушкой.]

Текст №42 Ičakiča īmpatī imam / Ичакычика женится

[*Ilimpa imaqota, tərīn mīqīn ɛppa ījatī Ičakičika.* / Жила старуха, у нее был сын Ичакычика..]

Текст №43 Id'et kbatčel mad'e / Идин город-лес

[*Čažakiyit barıı pırgı mad kīt pargıt eja.* / На Чижапке есть большой высокий яр.]

Текст №44 Йдет тяттэ / Сказка об Йде

[*Элымба варкымба Йде.* / Жил-был Идя.]

Текст №45 Йде нѳмбат пѳқым /Идя гонит лося

[*Тй тау қышқасайлам кадеқуавын қоргонт, а ми пѳқонт, ...* /Вы эти звёзды зовёте «Медведь», а мы – «Лось»]

Текст №46 Кысаңа. /Звёзды.

[*Қарай қуәндәнтә пәри кысаңа.*/Утренняя на заре бывает звезда.]

Текст №47 Id'e roquireşpa kanaue šitiqut / Идя вдвоем с Каном рыбачили

[*Id'e poquirešpa kanaye šitiqut.* / Идя вдвоем с Каном рыбачили, сети ставили.]

Текст №48 Қонмытыкаль чаптә / Сказка о Конмытыке

[*Ičakečikat nāqyr timñasyt.* / Ичакычика втроем с братьями.]

Текст №49 Ичакечика ай имылымылья/ Ичакечика и бабушка

[*Ičakečika qarīt kiñcoqāntā karræ pall'æ, kiñcit šināktā nopāl' lakap tokkaltāt.* /Ича утром к запору вниз дойдя, запора внутри к отверстию мха кусок затолкал (втокнул).]

Текст №50 Итя живёт на червяном мысу

[*Йће йллакуң һеи әтергу сәққан.* / Итя живет-поживает на мысу появления (?) червей.]

Текст №51 Итте жил край берега

[Итте жил край берега, а его родители все ушли на охоту.]

Текст №52 Ите добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу

[*Йћа имһәсәки йлакусти.* / Итя с бабушкой жили двое.]

Текст №53 Иче ищет своих людей

[Один раз Иче спросил: «Мать, скажи, где мои родители, где мои люди?»]

Текст №54 Сылча пылча қәш /Сыльча Пыльча Кәш

[*Сылча пылча қәш йымпа.* / Сыльча Пыльча Кәш жил.]

Текст №55 Пыпаја / Пыпая

[*Кошикола илемпа уккур қуп тиләл қуп.* / Бедно (плохо) жил (живёт) один человек, сирота.]

Текст №56 Ича и Корсә

[Ича жил вдвоем с бабушкой..]

Текст №57 Ичекичика обманывает *Кол'цак Ира* с помощью ножа и собаки [Ичекичика жил с бабушкой.]

Текст №58 Qol'saqo iga / Кол'сако Старик

[*Илимп Ичак Ачка имлантысә.* / Жил был Ичакечика с бабушкой.]

Текст №59. Сомбыл'е иннезат/ Пять братьев

[*Сомбыл'е иннезат иллызат қвелейгусат.* / Пять братьев жили, рыбачили.]

Текст №60. Фрагмент публикации К. Доннера «Самоедский эпос» (1915)

Часть 2 Фольклор [южных] селькупов.....512

I. ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Текст №1. [Богатырь в обликии соболя] ¹

Текст №4. [маленький богатырь]

¹ Пропуски в нумерации говорят о том, что либо текст выпущен в связи с недостаточной его подготовкой к публикации (см. Текст №1 - и сразу Текст №4), либо аналогичный текст присутствует в Части 1 (см. Текст №7 – Текст №20: из второй части выпущены все тексты с героем Итей, чтобы не допустить дублирования).

II. СКАЗКИ (Сказочная проза)

Богатырские сказки

Текст №5. Матур/ Богатырь

Текст №6. Матурын нэд/Дочь богатыря

Текст №7. Дочь Земли

Мифологические сказки

Текст №20. Девочка и лёд

Текст №21. Пажэне и Дочь маленькой женщины

Текст №22. Огня мать

Текст №23.[Бог сам знает...]

Волшебные сказки

Текст №24. Брат и сестра

Текст №25. Как рябчик человеком стал

Текст №26. Как бык человеком стал

Текст №27. Сказка про голову без туловища

Текст №28. Пора

Текст №29. Золотой бобёр

Текст №30. Сказка про черного царя

Текст №31. Пять карповых братьев

Текст №32. Три брата

Текст №33. Сказка про двух братьев, которых выгнала мачеха

Текст №34. Пёнэге

Текст №35. Черт

Текст №36. Мальчик и чёрт

Сказки про зверей

Текст №37. Глаза и уши

Текст №38. Как собака себе хозяина искала

Текст №39. Как старуха без старика осталась

Текст №40 Мышка, рябчик и крот амбарный

III. НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Предания о том, как раньше было

Текст №41. Как богатыри раньше жили

Текст №42. Остяки с других рек девушек украдут

Текст №43. Остяки старых людей не обижают

Текст №44. Остяки красивые и некрасивые были

Текст №45. Собакоголовые люди

Текст №46. Раньше, говорят люди, медведь был человеком

Текст №47. Праздники зверей

О встрече с лесным / водяным хозяином (лозом) или с лесной хозяйкой

Текст №48. [Охотник и лоз]

Текст №49. [Как охотник мешок с белками украл]

Текст №50. Черти

Текст №51. [Лесная чертовка]

Текст №52. [Муж с женой жили в верховье Нюрольки]

О встрече с мамонтом, медведем, огромной рыбой

Текст №53. Кожар/Мамонт

Текст №54. [Чаинский человек и чулымский человек]

О покойниках

Текст №55. [Другие люди]

Текст №56. [Лесные люди] (умерших людей души)

Текст №57. [Про покойников]

О шаманах

Текст №58. Шаманы

Обычаи (объяснения)

Текст №59. [Остяки огонь любят]

Текст №60. [Зачем лозам приклады]

Текст №61. Идет / Мизгири (Пауки)

Текст №62. [Зачем надо денежку в воду бросать]

Текст №63. [О волосах]

Часть 3

Селькупские фольклорные тексты, выявленные

после 2014 г.575

Текст №1 Иде

Текст №2 Иде

Текст №3 Пюнегуссе - остяцкий силач

Текст №4 Итя и его тётя жили в бухте Карасевой реки

Текст №5 Пел я про свою жизнь..

Текст №6 Кат Ман Пуч

Метаданные к текстам592

Часть 1.

Часть 2.

Часть 3.

Часть 1

ИТЯ-ТЕКСТЫ

Текст №1_TW

Ича в тайгу пошел, бабушка его в чуме сидя осталась

Рассказал: ?

Записал: Г.Н. Прокофьев

Место и время записи: Таз, 1920-е гг.

1. Iča šötti qənni, imil'ati mātqindi āmdilä qala. 2. Iča kiš šūmin konnä qənni. 3. Ukkir čondōqit pakāt āmnindātīt ütōqit. 4. Iča inditi inditi, kəziŋgoti inditi, āttenda, čattiŋiti – pakātip nūnuriti ... 5. Pakāt wəššejātīt. 6. Nī tūŋa kəziŋgōqindi, kə:ziŋgomdi čap nāqqileliti – mēldi orqilbati kos qaj. 7. Iča nil' kətiŋiti «Qaj orqilbati kəziŋgomi?» – «Qaj orqilbati kəziŋgomi?» 8. Iča nil' kətiŋiti: «Lōsi-tütäl laka, kəziŋgomi tō ütāt!» – «Lōsi-tütäl laka, kə:ziŋgomi tō ütāt!». 9. Iča kuppeŋiti – kupan nī orqilniti. 10. «Lōsi-tütäl laka, kupanmi tō ütāt!» – «Lōsi-tütäl laka, kupanmi tō ütāt!». 11. Nini aj tā peläl' kupaktisä qättiŋiti – aj tī orqilniti. 12. „Lōsi-tütäl laka, kupanmi tō ütāt!“ – «lōsi-tütäl laka, kupanmi tō ütāt!». 13. Lakčissä qättiŋiti – lakčit nī orqilniti. 14. „Lōsi-tütäl laka, lakčunmi tō ütāt!“ – „Lōsi-tütäl laka, lakčunmi tō ütāt!“ 15. Aj kətikā peläl' lakčundisä qättiŋiti – lakčit nī orqilniti. 16. „Lōsi-tütäl laka, lakčunmi tō ütāt!“ – „Lōsi-tütäl laka, lakčunmi tō ütāt!“ 17. Qāttisä qättiŋiti – qāt nī orqilniti. 18. „Lōsi-tütäl laka, qānmī tō ütāt!“ – „lōsi-tütäl laka, qānmī tō ütāt!“ 19. Sēpilaŋ nāni ippa. 20. Ukkir čondōqit lo:si-ira koŋžeindi. 21. „Ūu! kēzimil' čaŋap! 22. Titijap qəttap, qolqan iŋap qəttap!“. 23. Lōsi-ira mātqindi tattiŋiti, nāl'āqiqindi nil' kətiŋiti: «Nāl'ā! čilj karrā iŋiŋilj!» 24. Iča nil' kətiŋiti: „Il'ča! tan nini qaj tomdal? 25. Naššāk kipa čindisä mašim aj kuttar amnandi? 26. Ūrmī ullā na šikendi!“ 27. „Ūu! kətsan, ānjl!“ 28. Lōsi-ira nil' kətiŋiti: «Mat tāli warqi čiqāk qoll'āk». 29. Lōsi-ira tābtīl' qarit čiqindi qənni, iča ondi qala lōzit nāl'āqisä. 30. Čēlit ukkir čondōqit Iča nil'čik esa «Mat tē čāti nəkirił' solal'ap mēlāk man ūrmī ammondijqo». 31. Lōzit nāl'āqi nil'čik esāqi «Iča, ānjl! kissa me:tī!». 32. Iča po:nā tanda pičum mišallā; tap po:t to:pi qo:pāptimminditi, top pōt tōpi qo:pāptimminditi ... 33. Ukkir čondōqit iča nil'čik esa: «qatiŋ! qaj soma solaŋ mēndap? qatiŋ! pōnā mannimbilj!» 34. Lōzit nāl'ā pōnā tari, iča pičūš suksä qättiŋiti qātīt kimin. 35. Mātti šērnī. 36. Iča aj kipa nāl'āp qāttinditi. 37. Čiti karrā iŋiŋiti, karrā ponniti lōzit nāl'āqip. 38. Nini mušāqi. 39. Ukkir čondōqit Iča tipī mēqilditi; čimdī konnä wəčuŋiti, mundit čari matelniti. 40. Lōzit nāl'āqit wəčul lakal' miŋ tipondi tokkaldālniti, lōzi-irat wəttōndi čoqqirniti. 41. Ondi moqinā tūŋa, lōzi-irat pēmim inditi, olimdi tō matiŋiti ... 42. Lōzi-irat pēmīt kūtīt šūnnōndi šimisä zonniti. 43. Pōnā tanda, pičul'āmdī čūqindi tokkalditi, tūmondī siqilni, tūm pāriŋit āmda. 44. Ukkir čondōqit lōzi-ira koŋžeindi na. 45. Pōs ukōl' wəčul' munnōndi na tuliči, mišallā polleinditi: «ū! miti onāŋ wəčuŋa!». 46. Aj polleŋiti: «ū! miti onāŋ wəčuŋa!». 47. Mātāndi ākti tūŋa, ŋēnūmānni nāl'āqiqindi: „Tē qail' Ičasā karambālŋ? Ičat ūr ullā iki šikiŋjā!“ 48. Mātti il'ča lōzi-ira, nāl'āqiti qaš šūnčōqit čičurimbāqi. 49. Na qaj kutil' qaj? Iča lōzi-irat nāl'āqit olil lakal' miŋ tō pačallā karrā čindī potteimbati. 50. Nini šitti iškāšāqi orqillā qamiš šūnnōndi ūteimmindī. 51. Lōzi-ira qamiŋ unā čap tulleiŋiti – šitti iškāšāqi wəššeindāqi. 52. Karrā kol'alda, kalam mišalditi, čiti unā qoldeiŋiti – nāl'ān olil lakap unā sōqilleinditi, qotil' olil. 53. Lōzi-ira čūrela, qamd il'ča. 54. Sēl'či sajl' kōras sajlup nini tōqildimbati – kun qaj ni čāŋgi. qottā il'ča. 55. Sēl'či sajl' qišqās sajlup nini tōqildimbati – kun qaj ni čāŋgi. 56. Iča koš kučče qənba? kuti tenimiŋiti? 57. Sēl'či pōt pāriŋ nini

tōqıldimbatı – İča koş kučče qənba? 58. Ukkir čondōqıt lōzıt mātān āč čāti purgi nāqır tūmı. 59. nāqırmdälul' tūm pāriqıt tō āmnındı iča. 60. Lōzi-ira unnä läpätälni, néñnumānnı. 61. Pičiti mišalditi, kurallä pačaleliḡiti. 62. Sēpilaḡ nēni pačititi. 63. Ukkir qorqi tündi. 64. «İl'ča! man aj pačallāp, pičal mäkķä miti!». 65. Lōzi-ira mil'čujiti pičumdi. 66. Qorqi ukkir par pačalniti – nēni pakta. 67. Lōzi-ira čap nōḡiti qorqım – mēldi pakta. 68. Lōzi-ira šittindäl wənił' piči inditi, aj pačaleliḡiti. 69. Ukkir čondōqıt üḡḡındi tündi. 70. „İl'ča, pičal mäkķä miti! man aj pačallāp, mālī amqonijqo.“ 71. Lōzi-ira mil'čujiti. 72. üḡḡındi ukkir par pačalniti – nēni pakta. 73. Lōzi-ira nāti pičikālik kučče qatenda?... 74. Ukkir čondōqıt lōzi-ira tōtkiqolamni. 75. „Ū! izēčariqıt qəttit tīrip amdāqāk qorsan olip polisak!“. 76. Qorsat olım pōnā tōtteiḡiti, paqqondı tokkaldıḡiti, nēni aj pačaleliḡiti. 77. Ukkir čondōqıt loqa tündi. «İl'ča! qorsallı mäkķä miti! matpačallāp!“ 78. Lōzi-ira mil'čujiti. loqa ukkir par pačalniti – nēni pakta. 79. Lōzi-ira tətalbılä čap nōḡiti: „Kətsat, kətsanē, qorsanmi moqınā tattāt!“ – loqa mēldi pakta. 80. Lōzi-ira moqınā tūḡa, aj tōtkiqolamni. 81. İča nil'čuk esa: «İl'ča! tōtkilä pūtamdı aj qa sēpālnal? 82. Tat qottä āl'čāšuk, āḡli, sajla, indäl'di mü, tastı mü mündik šitti kepitāldı pōsā». 83. lōzi-ira nil'čuk esa: «kətsat, āḡij!». 84. kepitālnit mündik. 85. İča ullā panišqolamni. 86. Ukkir čondōqıt lōzi-ira nil'čuk esa: «kətsat, sajōqāk aj qail' pōt tuka talimmındi?!». 87. İča nil'čuk kətiḡiti „Ašša, il'ča! mat paničendilä pōt qāzi talimmındı ...“ 88. İča ullālāqi panīñña, lōzi-irap šīmıl' misä čari qamdeḡiti. 89. lōzi-ira olä na toršelna. 90. İča ullā läpätälni, lōzi-irap pičš šuksä qāttiḡiti. 91. Lōzi-irap pačallä talaldıḡiti. 92. Pō taqqılditi. 93. Lōzi-irap tūsä čāteḡiti. 94. Lōzi-irap tū amdıptāqındı qānditi piḡımbılä wəšelındātıt: „Ū! orip neniqal' pōti ēmmäsä, mat qāndap ēläsä!“ 95. İča nēni qənnı imil'andınık.

1. Ича в тайгу пошел, бабушка его в чуме сидя осталась. 2. Ича по реке вверх (по течению) ушел. 3. Вдруг чирки (утки) сидят на воде. 4. Ича лук свой взял, стрелу с железным набалдашником свою взял, надел (стрелу на тетиву), выстрелил – по чиркам промахнулся... 5. Чирки улетели. 6. Сюда пришел он (к стреле своей), стрелу свою лишь только потянул – все держит (ее) что-то. 7. Ича так сказал: «Что держит стрелу мою?» – «Что держит стрелу мою?» (ответило эхо). 8. Ича так сказал: «Чорт – мусорная кучка, стрелу мою отпусти!» – «Чорт – мусорная кучка, стрелу мою отпусти!» (ответило эхо). 9. Ича ударил кулаком – кулак сюда поймало. 10. «Чорт – мусорная кучка, кулак мой отпусти!» – «Чорт – мусорная кучка, кулак мой отпусти!» (ответило эхо). 11. Затем опять потусторонним кулаком своим ударил – опять сюда поймало. 12. «Чорт – мусорная кучка, кулак мой отпусти!» – «Чорт – мусорная кучка, кулак мой отпусти!» (ответило эхо). 13. Пяткой ударил – пятку сюда поймало. 14. «Чорт – мусорная кучка, пятку мою отпусти!» – «Чорт – мусорная кучка, пятку мою отпусти!» 15. Снова левосторонней пяткой своей ударил – пятку сюда поймало. 16. «Чорт – мусорная кучка, пятку мою отпусти!» – «Чорт – мусорная кучка, пятку мою отпусти!» 17. Лбом своим ударил – лоб сюда поймало. 18. «Чорт – мусорная кучка, лоб мой опусти!» – «Чорт – мусорная кучка, лоб мой опусти!» 19. Достаточно долго лежит. 20. Вдруг чорт-старик появился. 21. «Уу! Счастливая пасть моя! 22. Пташечку поймал я, кукши птенца поймал я!» 23. Чорт-старик в чум свой притащил (Ичу), дочкам своим так сказал: «Дочки! Котел ваш под гору (т.е. к огню) повесьте!» 24. Ича так сказал: «Дедушка! Ты впредь что говоришь? 25. Столь маленьким котлом меня опять как есть будешь? 26. Жир мой вниз вот прольется!» 27. «Уу, внучек, справедливо!» 28. Чорт-старик так сказал: «Я завтра за большим котлом своим (досл. «к большому котлу своему») схожу (пожалуй)». 29. Чорт-старик на следующее утро за котлом своим пошел, Ича сам (т.е. один) остался с дочками чорта. 30. Как-то днем (досл. «дня в одном промежутке») Ича так стал (т.е. сказал): «Я для вас узорчатую ложечку сделаю (давай), мой жир есть чтобы вам». 31. Чортовы дочери так стали: «Ича, верно! Ну-ка, сделай!». 32. Ича на улицу вышел, топор взяв; того дерева подножье тешет, того дерево подножье тешет... 33. Вдруг Ича так стал: «Ай-да! Что хорошую ложку делаю? Ай-да! На улицу выгляните!». 34. Чортова дочка на улицу вышла, Ича обухом (затылком топора ударил (ее) лба по середине. 35. В чум вошел. 36. Ича и маленькую дочку ударил. 37. Котел свой под гору (т.е. к огню повесил, под гору (в котел) сложил чортовых дочек. 38. Долго варились. 39. Между тем (досл. «в одном промежутке») Ича шпеньков

понаделал; котел свой на гору (т.е. с огня) поднял, на куски разрезал (чертовых дочек). 40. Чортовых дочек куски на шпеньки понадевал, чорта-старика к дороге воткнул. 41. Сам обратно пришел, чорта-старика пимы взял, головки их отрезал... 42. Чорта-старика в пимовые голяжки (досл. «пимов голяжек вовнутрь») золой начерпал. 43. На улицу вышел, топорик свой к поясу своему прицепил. на лиственницу залез, лиственницы на вершине сидит. 44. Вдруг чорт-старик появился вот. 45. К первому мясному куску вот подошел, схватив, проглотил: «Уу! Будто своим пахнет мясом!». 46. Опять проглотил: «Уу! Будто своим пахнет мясом!». 47. Двери своей к отверстию (рту) пришел, рассердился на дочек своих: «Вы с каким Ичей играете? Ичин жир вниз да не прольется!». 48. В чум ввалился чорт-старик, дочери его под пологом (досл. «полога внутри») чирикают. 49. Что это такое? Ича, чорта дочек головы отрубив, под гору в котел сложил. 50. Затем двух сорок поймав, в полог (досл. «полога во внутрь») пустил. 51. Чорт-старик полог вверх лишь только поднял – две сороки вылетели. 52. Под гору повернулся, поварежку схватил, в котле своем (досл. «котел свой») вверх зачерпнул – дочери голову (досл. «головную кучу») вверх вычерпнул, с сережками головную (кучу). 53. Чорт-старик заплакал, ниц упал. 54. Семиглазую песчинку (досл. «песка глаз») все считает – нигде ничего нет. Навзничь упал. 55. Семиглазую звезду (досл. «звезды глаз») все считает – нигде ничего нет. 56. Ича хоть куда ушел? Кто знает? 57. Семи деревьев вершины все считает – Ича хоть куда ушел?... 58. Вдруг, против чортова дверного отверстия – три высокие лиственницы. 59. Третьей лиственницы на вершине вон сидит Ича. 60. Чорт-старик вскочил, рассердился. 61. Топор свой схватил, подбежав, зарубил. 62. Достаточно долго рубил. 63. Один медведь пришел. 64. «Дедушка! Я тоже порублю (давай), топор мне дай!». 65. Черт-старик отдал топор свой. 66. Медведь один раз рубнул – потом убежал. 67. Чорт-старик как только погнался за медведем – совсем убежал. 68. Чорт-старик во второй раз другой топор взял, опять рубить стал. 69. Вдруг росомаха пришла. 70. «Дедушка, топор мне дай! Я тоже рубить буду (давай), пополам есть чтобы нам». 71. Чорт-старик отдал. 72. Росомаха один раз рубнула – потом убежала. 73. Чорт-старик впредь без топора (досл. «безтопорно») куда денется?... 74. Вдруг чорт-старик блевать стал. 75. «Уу! В старину целый город (досл. «города совокупность») когда съел (досл. «в моем съедении») тесла голову проглотил (я)!». 76. Тесла голову выблевал, на топорище надел, затем снова рубить стал. 77. Вдруг лисица пришла. «Дедушка! Тесло мне дай! Я порублю (давай)!». 78. Чорт-старик отдал. Лисица один раз рубанула – затем убежала. 79. Чорт-старик уговаривая (ее) лишь только погнался: «Внучка! Внучка! Тесло мое обратно принеси!» – лисица совсем убежала. 80. Чорт-старик обратно пришел, опять блевать стал. 81. Ича так стал: «Дедушка! Выблевывая нутро свое снова чего надламываешь ты? 82. Ты навзничь ложись (досл. «упади»), рот твой, глаза твои, ноздри твои, заднепроходное отверстие – все надвое распяль палочками». 83. Чорт-старик так стал: «Внучек, верно!». 84. Распялил все. 85. Ича вниз спускаться стал. 86. Вдруг чорт-старик так стал: «Внучек! В глаза мои опять какая-токая древесная труха сыплется?!» 87. Ича так сказал: «Нет, дедушка! Я пока спускаюсь, дерева кора сыплется»... 88. Ича вниз маленько спустился, чорта-старика золой в рожу обсыпал. 89. Чорт-старик только вот задрогал. 90. Ича вниз соскочил, чорта-старика обухом топора ударил. 91. Чорта-старика рубя, изломал. 92. Дрова собрал. 93. Чорта-старика огнем сжег. 94. Чорта-старика огонь когда пожирал (досл. «в пожирании его»), искры его жужжа залетали: «Уу! Сильно комариный год будет если, мои искры (это) будут!...». 95. Ича затем ушел к бабушке своей.

Рассказал: Киприн М.П.

Записал: Кобзарева Т.Ю., Хелимский Е.А.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1971

1. *Ičkiča ilimpa imil'anti apti.* 2. *Māččā koralā qənpa antisä.* 3. *Intiti ĩmpati, tiššati ĩmpati.* 4. *Mačōqit lōsit tüt'il' čaŋki čatta.* 5. *Tiššamti nākāŋiti, nākāŋiti.* 6. *«Tiššam qaj orqilpati? 7. Tiššam qaj orqilpati?»* 8. *Neññimātpa, topisä čel'čālŋiti.* 9. *«Topam qaj orqilpati? 10. Topam qaj orqilpati?»* 11. *Šittimtäli' topisä čel'čālŋiti.* 12. *«Topam qaj orqilpati? 13. Topam qaj orqilpati?»* 14. *Utisä qättiŋiti.* 15. *«Utam qaj orqilpati? 16. Utam qaj orqilpati?»* 17. *Šittimtäli' utisä qättiŋiti.* 18. *«Utam qaj orqilpati? 19. Utam qaj orqilpati?»* 20. *Qättisä qättiŋiti.* 21. *«Qānmi qaj orqilpati? 22. Qānmi qaj orqilpati?»* 23. *Nimti mēlti āmta.* 24. *Ūŋkilimpatī – kos qaj tūntiloričči sattiŋik.* 25. *Na qaj – Lōs-ira tūntiloričči.* 26. *Qol'čimpatī Lōs-ira: «Kisimil' čaŋkōqit sūrik ija āmninti.* 27. *Kisimil' čaŋkōqit sūrik ija āmninti.»* 28. *Tülā tō mišallēŋiti, mēšaqqinti sāqālniti, nēni moqinā qəntiŋiti.* 29. *Moqinā Lōsin šitti nāl'āqiti eppa.* 30. *Moqinā tattiŋiti.* 31. *Innā itiŋiti sukiltā, unnā itiŋiti l'akčiminti.* 32. *Tāptil' čeli aj māččā qənqolamna koralā.* 33. *Nāl'āqitinti kətiŋiti: «Illā iki ūtiŋil.»* 34. *Māččā qənna Lōs-ira.* 35. *Ičkiča kətiŋiti Lōsin nāl'āqitini: «Illā mašum ūtiŋil.* 36. *Mat tē čāti nəkiri' solam mētak.»* 37. *Illā ūtiŋipatu Ičkičap.* 38. *Nəkiri' solam mēqolampati.* 39. *Ičkiča nuk kətiŋipati: «Apantj ūti'po mākkā tātiŋil.»* 40. *Lōs-iran nāl'āqī Ičkičanti mimpatu āsəntu tətəqaj.* 41. *Nēni na ūtiqolamti.* 42. *Lōs-iran nāl'āqī šitti' pələqqin omtiŋipati.* 43. *Ukkiriŋiti qättiŋiti, nēni ej ukkiriŋiti qättiŋiti – illā qəttēŋiti šinnu.* 44. *Nēni rāki činti karrā pottēŋiti.* 45. *Nēni ponā tanta.* 46. *Šitti sūrik ija orqilniti, Lōs-iran qamti ūtiŋiti.* 47. *Lōs-iran pēmi ī ŋiti, šimisä sōnniti.* 48. *Nēni ponā tanta, Lōs-iran wəttōqinti nāl'anti wəčim pōl'anti tokkaltāllā nē omtiŋiti.* 49. *Nēni unnā siqilna tūmonti.* 50. *Lōs-ira moqinā qālimpa.* 51. *Qoŋiti wəčil' kusal'a.* 52. *Qoŋiti, amqolamna.* 53. *«Pi-pi-pi, onāna! 54. Pi-pi-pi, onāna!»* 55. *Na wəčil' kusal'a muntij amniti, wəttōqin lōqirālpiti.* 56. *Mātti šerlā neññimāttēŋa nāl'āqitini, qamim unnā tullēŋiti.* 57. *Nēni ponā sūrik ijat wəšālētātiti.* 58. *Karrā kol'altilā rākimti qoltēŋiti utisä.* 59. *Nāl'āqit oli laka unnā qontiššēŋa.* 60. *Nēni qamtā āl'ča, kōrassaji tōqiltiŋiti – sel'či, muntij ēŋa.* 61. *Nēni ponā tanta, qšqässaji tōqiltiŋiti – sel'či, muntij ēŋa.* 62. *Ičkiča unnāni ulā laŋkal'na «Il'ča, qaj pēnti? 63. Mat tiŋiti tamētak!»* 64. *Lōs-ira neññimātti, Ičkičam ulā mātiqolamniti pičisä.* 65. *Na mātiminti, na mātiminti.* 66. *Nēni noma tūŋa.* 67. *«Il'ča, qaj mētiŋiti?»* 68. *«Mat Ičkičam mattēntiloriččap.* 69. *Man nāl'ani wəčisä šum apstimpati.»* 70. *«Il'ča, pičal mākkā mitti, man mattilāk.* 71. *Tat kipakaŋ ŋišqiltāš.»* 72. *Il'čati na āl'čiminti ŋišqiltiqontōqo.* 73. *Il'čati na kətiminti: «Kuššat siŋimpak na ippak, kuššat riqimpak na qontallēŋak.»* 74. *Noma paččitqolamna.* 75. *Paččinniti, paččinniti.* 76. *Natqin māčāqinti sārēntiloriŋiti pičip.* 77. *Kuššan riqala, mišsalniti, Il'čamti tas šūmit pičisä nē qättiŋiti.* 78. *«Il'ča, pōli na āl'činti!»* 79. *Noma nēni pakti.* 80. *„Nōmā, pičal tātāti!»* 81. *Nōmā, pičal tātāti!»* 82. *Lōs-ira pičikālŋi na qaliminti.* 83. *Nuk tēnirpati: „Qəttiŋ torqī kol'altiptāqāk aj pičin oli pōlisap.»* 84. *Tōtiqolampa.* 85. *Na tōtkiminti, na tōtkiminti, pičin oli tōtkiminti.* 86. *Pičin oli tokkalimpatī paqqonti.* 87. *Aj na paččitqolampati.* 88. *Na paččitti, na paččitti.* 89. *Nēni loqa tūŋa.* 90. *«Il'ča, qaj mētiŋiti?»* 91. *„Mat Ičkičam mattēntiloriččap.* 92. *Man nāl'ani wəčisä šum apstimpati.»* 93. *«Il'ča, pičal mākkā mitti, man mattilāk.* 94. *Tat kipakaŋ ŋišqiltāš.»* 95. *Il'čati na āl'čiminti ŋišqiltiqontōqo.* 96. *Il'čati na kətiminti: «Kuššat siŋimpak na ippak, kuššat riqimpak na qontallēŋak.»* 97. *Loqa paččitqolamna.* 98. *Paččinniti, paččinniti.* 99. *Natqin māčāqinti sārēntiloriŋiti pičip.* 100. *Kuššan riqala, mišsalniti, Il'čamti tas šūmit pičisä nē qättiŋiti.* 101. *«Il'ča, pōli na āl'činti!»* 102. *Loqa nēni pakti.* 103. *«Loqā, pičal tātāti!»* 104. *Loqā, pičal tātāti!»* 105. *Lōs-ira pičikālŋi na qaliminti.* 106. *Nuk tēnirpati: «Qəttiŋ torqī kol'altiptāqāk aj pičin oli pōlisap.»* 107. *Tōtiqolampa.* 108. *Na tōtkiminti, na tōtkiminti, pičin oli tōtkiminti.* 109. *Pičin oli tokkalimpatī paqqonti.* 110. *Aj na paččitqolampati.* 111. *Na paččitti, na paččitti.* 112. *Nēni ūŋinti tūŋa.* 113. *«Il'ča, qaj mētiŋiti?»* 114. *«Mat Ičkičam mattēntiloriččap.* 115. *Man nāl'ani wəčisä šum apstimpati.»* 116. *«Il'ča, pičal mākkā mitti, man mattilāk.* 117. *Tat kipakaŋ ŋišqiltāš.»* 118. *Il'čati na āl'čiminti ŋišqiltiqontōqo.* 119. *Il'čati na kətiminti: «Kuššat siŋimpak na ippak, kuššat riqimpak na qontallēŋak.»* 120. *Ūŋinti paččitqolamna.* 121. *Paččinniti, paččinniti.* 122. *Natqin māčāqinti sārēntiloriŋiti pičip.* 123. *Kuššan riqala, mišsalniti, Il'čamti tas šūmit pičisä nē qättiŋiti.* 124. *«Il'ča, pōli na āl'činti!»* 125. *Ūŋinti nēni pakti.* 126. *«Ūŋintē, pičal tātāti!»* 127. *Ūŋintē, pičal tātāti!»* 128. *Lōs-ira pičikālŋi na qaliminti.* 129. *Nuk tēnirpati: «Qəttiŋ torqī kol'altiptāqāk aj pičin oli pōlisap.»* 130. *Tōtiqolampa.* 131. *Na tōtkiminti, na tōtkiminti, pičin oli tōtkiminti.* 132. *Pičin oli tokkalimpatī paqqonti.* 133. *Aj na paččitqolampati.* 134. *Na paččitti, na paččitti.* 135. *Nēni ātāl' amiri' sūrip tūŋa.*

136. «*Il'ča, qaj mētinti?*» 137. «*Mat Ičkičam mattentiloriččap.*» 138. *Man nāl'ani wəčisä šum apstimpati.*» 139. «*Il'ča, pičal mäkka mitti, man mattiläk.*» 140. *Tat kipakaŋ nışqiltäš.*» 141. *Il'čati na āl'čimminti nışqiltiqontōqo.* 142. *Il'čati na kətimmintiti.* «*Kuššat siñimpak na ippak, kuššat riqimpak na qontallēŋak.*» 143. *Ātāl' amiri' sūrip paččitqolamna.* 144. *Paččinniti, paččinniti.* 145. *Natqin māčāqinti sārēntiloriññiti pičip.* 146. *Kuššan riqala, miššalniti, Il'čamti tas šūmit pičisä nī qättiŋiti.* 147. «*Il'ča, pōli na āl'činti!*» 148. *Ātāl' amiri' sūrip nīni pakti.* 149. «*Ātāl' amiri' sūrimə, pičal tātāti!*» 150. *Ātāl' amiri' sūrimə, pičal tātāti!*» 151. *Lōs-ira pičikālŋ na qalimminti.* 152. *Nuk tənirpati:* «*Qəttit torqi kol'altiptāqāk aj pičin olī pōlisap.*» 153. *Tōtiqolampa.* 154. *Na tōtkimminti, na tōtkimminti, pičin olī tōtimmintiti.* 155. *Pičin olī tokkalimpatī paqqonti.* 156. *Aj na paččitqolampati.* 157. *Na paččittiti, na paččittiti.* 158. *Nīni qorq-ira tūŋa.* 159. «*Il'ča, qaj mētinti?*» 160. «*Mat Ičkičam mattentiloriččap.*» 161. *Man nāl'ani wəčisä šum apstimpati.*» 162. «*Il'ča, pičal mäkka mitti, man mattiläk.*» 163. *Tat kipakaŋ nışqiltäš.*» 164. *Il'čati na āl'čimminti nışqiltiqontōqo.* 165. *Il'čati na kətimmintiti.* «*Kuššat siñimpak na ippak, kuššat riqimpak na qontallēŋak.*» 166. *Ātāl' amiri' sūrip paččitqolamna.* 167. *Paččinniti, paččinniti.* 168. *Natqin māčāqinti sārēntiloriññiti pičip.* 169. *Kuššan riqala, miššalniti, Il'čamti tas šūmit pičisä nī qättiŋiti.* 170. «*Il'ča, pōli na āl'činti!*» 171. *Qorq-ira nīni pakti.* 172. «*Qorq-irə, pičal tātāti!*» 173. *Qorq-irə, pičal tātāti!*» 174. *Lōs-ira pičikālŋ na qalimminti.* 175. *Nuk tənirpati:* «*Qəttit torqi kol'altiptāqāk aj pičin olī pōlisap.*» 176. *Tōtiqolampa.* 177. *Na tōtkimminti, na tōtkimminti, pičin olī tōtimmintiti.* 178. *Pičin olī tokkalimpatī paqqonti.* 179. *Aj na paččitqolampati.* 180. *Na paččittiti, na paččittiti.* 181. *Lōs-ira ontī unnā kətqilna.* 182. *Ukkir par kətqilna, tūmīt čonninti tulīñña.* 183. *Aj kətqilna, aj aš tulīñña.* 184. *Ičkiča nık kətiŋiti:* «*Il'ča, kuššaŋ nuŋ oriččənnanti?*» 185. *Il'čə!* 186. *Sajil' tälli, āl' tälli šitti kēpitāliti pōsā.* 187. *Mat tan āqqānti na al'čentak.* 188. *Il'ča nul'čik mēmpati.* 189. *Āl' tākti, sajil' tākti muntik šitti kēpitālpati.* 190. *Nul'čik āl'čimpa.* 191. *Ičkiča ullā na pašqolamna.* 192. *Tāl' pəlāl' tūmīt tōmmīt, taplāl' pəlāl' tūmīt tōmmīt ullā paččənta.* 193. *Ullā sēpilak paul'ā šimil' pēmimti il'čanik čarrā qamtēŋiti.* 194. *Il'čamti pičil'antišā paččallā nī qəttēŋiti.* 195. *Nīni təp čātiŋiti, tūnti čattiŋiti Lōs-irap.* 196. *Tū na ammintiti Lōs-irap.* 197. *Āmi pōt qāntap sā ēkkilā, āmi pōt qāntap sā qānaŋ ēkkilā.* 198. *Pūt Ičkiča moqinā qəŋna imil'āqinti.*

1. Ичкыча жил со своей бабушкой. 2. В лес охотиться поехал на ветке (= челноке). 3. Лук взял, стрелу взял. 4. В лесу в навозную ловушку черта выстрелил. 5. Свою стрелу тянет, тянет. 6. «Мою стрелу что схватило? 7. Мою стрелу что схватило?» 8. Рассердился, ногой топнул. 9. «Мою ногу что схватило? 10. Мою ногу что схватило?» 11. Второй ногой топнул. 12. «Мою ногу что схватило? 13. Мою ногу что схватило?» 14. Рукой ударил. 15. «Мою руку что схватило? 16. Мою руку что схватило?» 17. Второй рукой ударил. 18. «Мою руку что схватило? 19. Мою руку что схватило?» 20. Лбом ударил. 21. «Мой лоб что схватило? 22. Мой лоб что схватило?» 23. Там все время сидит. 24. Услышал: Кто-то подходит тяжело (=тяжелой поступью) 25. Это что (= вот оно что) – Черт-старик подходит. 26. Увидел Черт-старик: «В счастливой ловушке птенчик сидит.» 27. В счастливой ловушке птенчик сидит.» 28. Подойдя, вынул (Ичкычу), в мешок засунул, потом домой понес. 29. Дома две дочки черта были. 30. Домой принес. 31. Наверх повесил вниз головой, наверх повесил за пятку. 32. На следующий день опять в лес собрался идти охотиться. 33. Своим дочкам сказал: «Вниз (Ичкычу) не опускайте». 34. В лес ушел черт-старик. 35. Ичкыча сказал дочкам черта: «Вниз меня опустите. 36. Я для вас пеструю ложку сделаю». 37. Они вниз опустили Ичкычу. 38. Пеструю ложку стал делать. 39. Ичкыча так сказал: «Вашего папы инструмент мне принесите». 40. Дочки черта-старика Ичкыче дали вещи своего отца. 41. Потом стал работать. 42. Дочек черта-старика по обе стороны (от себя) посадил. 43. Одну ударил, потом еще одну ударил – убил обеих. 44. Потом в большом котле на огонь поставил вариться. 45. Потом на улицу вышел. 46. Двух птенцов поймал, в полог черта-старика пустил. 47. Бакари черта-старика взял, золы (в них) зачерпнул. 48. Потом на улицу вышел, на дороге черта-старика мясо его дочери, на палочки понасадив, туда расставил. 49. Потом залез на лиственницу. 50. Черт-старик домой идет. 51. Увидел кусочек мяса. 52. Увидел, стал есть. 53. «Пы-пы-пы¹ своим пахнет!» 54. «Пы-пы-пы

¹ Междометие, выражающее ощущение запаха – «обонятельное» восклицание.

своим пахнет!» 55. Эти кусочки мяса все съел, на дороге натканные. 56. В дом войдя рассердился на дочек, полог вверх задрал. 57. Оттуда наружу птенчики повылетали. 58. К очагу повернувшись большой котел взболтнул рукой. 59. Черепа дочек всплыли. 60. Потом ничком лег, песчинки сосчитал – семь, все есть. 61. Потом на улицу вышел, звезды сосчитал – семь, все есть. Ичкыча сверху вниз крикнул: «Дед, что ищешь?» 63. Я здесь, вот я здесь!» 64. Черт-старик рассердился, Ичкычу вниз (чтобы снять, дерево) стал рубить топором. 65. Рубит, рубит. 66. Потом заяц пришел. 67. «Дед, что делаешь?» 68. «Я Ичкычу срублю. 69. Мясом моей дочки он меня накормил». 70. «Дед, топор мне дай, я давай срублю. 71. Ты немного отдохни». 72. Дед лег отдохнуть. 73. Дед сказал: «Когда я соплю – это я (просто) лежу, когда я храплю – это я заснул». 74. Заяц стал рубить. 75. Рубит, рубит. 76. Тем временем к своему хвосту привязывает топор. 77. Когда (черт) захрапел, (заяц) дернул, деда по заду топором туда ударил. 78. «Дед, твое дерево падает!» 79. Заяц оттуда убежал. 80. «Заяц, топор принеси! 81. Заяц, топор принеси!» 82. Черт-старик без топора остался. 83. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 84. Стал выблевывать. 85. Блюет, блюет, голову топора выблевал. 86. Голову топора насадил на топорище. 87. Опять стал рубить. 88. Рубит, рубит. 89. Потом лица пришла. 90. «Дед, что делаешь?» 91. «Я Ичкычу срублю. 92. Мясом моей дочки он меня накормил». 93. «Дед, топор мне дай, я давай срублю. 94. Ты немного отдохни». 95. Дед лег отдохнуть. 96. Дед сказал: «Когда я соплю – это я (просто) лежу, когда я храплю – это я заснул». 97. Лиса стала рубить. 98. Рубит, рубит. 99. Тем временем к своему хвосту привязывает топор. 100. Когда (черт) захрапел, (лиса) дернула, деда по заду топором туда ударила. 101. «Дед, твое дерево падает!» 102. Лиса оттуда убежала. 103. «Лиса, топор принеси! 104. Лиса, топор принеси!» 105. Черт-старик без топора остался. 106. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 107. Стал выблевывать. 108. Блюет, блюет, голову топора выблевал. 109. Голову топора насадил на топорище. 110. Опять стал рубить. 111. Рубит, рубит. 112. Потом росомаха пришла. 113. «Дед, что делаешь?» 114. «Я Ичкычу срублю. 115. Мясом моей дочки он меня накормил». 116. «Дед, топор мне дай, я давай срублю. 117. Ты немного отдохни». 118. Дед лег отдохнуть. 119. Дед сказал: «Когда я соплю – это я (просто) лежу, когда я храплю – это я заснул». 120. Росомаха стала рубить. 121. Рубит, рубит. 122. Тем временем к своему хвосту привязывает топор. 123. Когда (черт) захрапел, (росомаха) дернула, деда по заду топором туда ударила. 124. «Дед, твое дерево падает!» 125. Росомаха оттуда убежала. 126. «Росомаха, топор принеси! 127. Росомаха, топор принеси!» 128. Черт-старик без топора остался. 129. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 130. Стал выблевывать. 131. Блюет, блюет, голову топора выблевал. 131. Голову топора насадил на топорище. 133. Опять стал рубить. 134. Рубит, рубит. 135. Потом волк пришел. 136. «Дед, что делаешь?» 137. «Я Ичкычу срублю. 138. Мясом моей дочки он меня накормил». 139. «Дед, топор мне дай, я давай срублю. 140. Ты немного отдохни». 141. Дед лег отдохнуть. 142. Дед сказал: «Когда я соплю – это я (просто) лежу, когда я храплю – это я заснул». 143. Волк стал рубить. 144. Рубит, рубит. 145. Тем временем к своему хвосту привязывает топор. 146. Когда (черт) захрапел, (заяц) дернул, деда по заду топором туда ударил. 147. «Дед, твое дерево падает!» 148. Волк оттуда убежал. 149. «Волк, топор принеси! 150. Волк, топор принеси!» 151. Черт-старик без топора остался. 152. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 153. Стал выблевывать. 154. Блюет, блюет, голову топора выблевал. 155. Голову топора насадил на топорище. 156. Опять стал рубить. 157. Рубит, рубит. 158. Потом медведь пришел. 159. «Дед, что делаешь?» 160. «Я Ичкычу срублю. 161. Мясом моей дочки он меня накормил». 162. «Дед, топор мне дай, я давай срублю. 163. Ты немного отдохни». 164. Дед лег отдохнуть. 165. Дед сказал: «Когда я соплю – это я (просто) лежу, когда я храплю – это я

заснул». 166. Медведь стал рубить. 167. Рубит, рубит. 168. Тем временем к своему хвосту привязывает топор. 169. Когда (черт) захрапел, (заяц) дернул, деда по задку топором туда ударил. 170. «Дед, твое дерево падает!» 171. Медведь оттуда убежал. 172. «Медведь, топор принеси! 173. Медведь, топор принеси!» 174. Черт-старик без топора остался. 174. Так думает: «Вместилище (=остов, развалины) города когда я обходил еще голову (=железную часть) топора проглотил». 176. Стал выbleвывать. 177. Блюет, блюет, голову топора выbleвал. 178. Голову топора насадил на топорнице. 179. Опять стал рубить. 180. Рубит, рубит. 181. Черт-старик сам вверх подтянулся. 181. Один раз подтянулся, до середины лиственницы добрался. 184. Ичкыча так сказал: «Дед, сколько так будешь возиться? 185. Дед! 186. Глаза и все относящееся к ним, рот и все относящееся к нему, пораспаль палками. 187. Я в твой рот упаду». 188. Дед так (и) сделал. 189. Рот и все относящееся к нему, глаза и все относящееся к ним пораспаль. 190. Так лег. 191. Ичкыча вниз стал спускаться. 192. По дальнему краю лиственницы, по ближнему краю лиственницы вниз спускается. 193. Вниз достаточно спустившись, бакари с золой деду в лицо высыпал. 194. Деда своим топориком изрубив туда убил. 195. Потом огонь разжег, в огонь бросил черта-старика. 196. Огонь съел черта-старика (=сгорел черт-старик). 197. «В некоторые годы мой пепел пусть бывает, в некоторые годы моего пепла пусть мало бывает.» 198. Потом Ичкыча домой пошел к своей бабушке.

Текст №3_TW

Ичакычика жил со своей бабушкой

Рассказал: Андреева В.А.

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1973

1. Ičakičika ilimpa imil'antisä. 2. Ukkir čontōn Ičakičika tomniti imil'antim: „Imil'a! 3. Mat qəntak poqqittilä.“ 4. Imil'ati miñiti poqqisä. 5. Ičakičika qənnä. 6. Tüŋa, noŋil'anti pinniti poqqip. 7. Poqqimti kiniltiñiti. 8. Poqqinti ükil' lāmpil laka sikirmānni. 9. Nu' kətiñiti: „Tap poqqani lāmpil laka qajqo sikirmānni?“ 10. Konnāqin kuti qos qāqiltimpati: „Tap poqqani lāmpil laka qajqo sikirmānni?“ 11. Iča nu'čik kətiñiti: „Nimti kuti šip qāqiltimminti?“ 12. Lōsit tüti' palčal laka. 13. Iča nu'čik kətiñiti: „Mat tašunti konnā tantilä šunti möttak.“ 14. Lōsit tüti' palčal laka aj qāqiltimpati: „Mat tašunti konnā tantilä šunti möttak.“ 15. Iča sōriñiti poqqinti ükip. 16. Konnā tanta, nu' kətiñiti: „Kuti šip qāqiltimminti?“ 17. Lōsit tüti' palčal laka nu' kətiñiti: „Mat šunti qāqiltimmintak.“ 18. Iča néñnimānna, lōsit tüti' palčal laka qəttiñiti lapintisä. 19. Lapiti l'okkimānni. 20. Iča nu'čik kətiñiti: „Lapap tō ütāti!“ 21. Lōsit tüti' palčal laka qāqiltimpati. 22. Iča néñnimānna, qāsil' anti'ati orqiltiti, qāsil' anti'antisä qəttiñiti. 23. Iča aj kətiñiti: „Tō ütāti antap!“ 24. A lōsit tüti' palčal laka nu'čik kətiñiti: „Tō ašša ütəntap.“ 25. Iča néñnimānna, qəttiñiti innintisä. 26. „Intap tō ütāti!“ 27. Lōsit tüti' palčal laka aj nuk kətiñiti: „Aš ütəntap.“ 28. Iča néñnimānna, qəttiñiti komantisä. 29. Nuk kətiñiti: „Tō ütāti komam!“ 30. Lōsit tüti' palčal laka nuk kətiñiti: „Tō aš ütəntap.“ 31. Iča néñnimātti, tappalni. 31. Nuk kətiñiti: „Topap tō ütāti!“ 33. Lōsit tüti' palčal laka nuk kətiñiti: „Aš ütəntap.“ 34. Iča néñnimātteja, kuppēñiti. 35. „Utap tō ütāti!“ 36. Lōsit tüti' palčal laka aj nuk kətiñiti: „Tō aš ütəntap.“ 37. Iča néñnimānni, tappalni. 38. Ičat topi nī l'okkimānni. 39. Iča tənirpa: „Kuttar mēqo?“ 40. Utiti, oliti qalimminti. 41. „Man nāti kuttar mētap?“ 42. Tənirpa čap, nini nāti na kuppēmminti. 43. Iča nu'čik kətiñiti: „Tō ütāti utap!“ 44. Lōs-irat tüti' mi nu' kətiñiti: „Tō aš ütəntap.“ 45. Iča nāti nī qajiti ej čāŋka. 46. Olintisä qəttiñiti. 47. Iča nuk kətiñiti: „Tō šip ütāš!“ 48. Lōsit tüti' palčal laka nu'čik kətiñiti: „Aš šunti ütəntak.“ 49. Iča na ānnimminti. 50. Ukkir čontōt ütān Lōs-ira tüntloričči, sumpilä: „Kisimil' čaŋkaqāñ noman ija tütiñiti!“ 51. Lōs-ira tülčēčelä Ičap unnä mišačēnti. 52. Wəččēnti, qənninti mātqinti amqintō. 53. Qālimpa Ičakičikap wəččēmpilä. 54. Ičakičika nu' kətiñiti: „Il'ča, šip ütāš!“ 55. Mat topisä qālimmentak.“ 56. „Kətsat, āñil', qālimpāš topisä. 57. A to mat utap čüsalinti.“ 58. Ičap ullä ütiñiti. 59. Iča qālimpa topisä il'čanti qəqit. 60. Na qəntāj. 61. Mannimpōaqi wərqī čul' māt. 62. Tüŋāq, mātti šērñāq. 63. Iča niŋka, šitti mantäl'pa. 64. Lōs-iran mātīt šüñči wərqī ēŋa. 65. Šitti' pəlat kopti. 66. Tapläl' pəlan nāl'anti' miqāt kopti. 67. Lōs-ira nu'čik kətiñiti: „Kətsat, nēnnä qənāš.“ 68. Iča nēnnä qənnä, omta. 69. Lōs-ira apstiñiti Ičap. 70. Iča amirna. 71. Kəsil' tēmtiti nēnnāqin sārimpa saltilāqit. 72. Iča somak amirna, Lōs-ira Ičap sārñiti tēmtisä. 73. Nini ullä qontātīt. 74. Iča šāqqa na pit. 75. Qarīn unnä wəšātīt. 76. Lōs-ira tümti čātiñiti, apsi muširālñātīt, amirñātīt. 77. Na čēli Lōs-ira nī kuččā ašša qənnä. 78. Ütitqo wəšilä amirni, amirlä pülä aj qos kuččā qənni. 79. Qənqolamtāqinti nu' kətiñiti: „Tē mat noman ija iki šil'qaltijili. 80. Mat onāk tülä moqinā amtap. 81. Tē pöttijilin šitti wərqī čü üssä.“ 82. Lōs-ira qənnä. 83. Lōs-ira somak ippimānni, Iča nu'čik kətiñiti: „Tē mašip tō šip taršaltijilu. 84. Mat tē čāti solal'a mētak. 85. Tē mākka tātijilu kəsil lupi.“ 86. Nätāqqu tātijitu kəsip aj sālīp, Ičap taršaltijiti. 87. Nätāqqu nu' quraltiñiti: „Tē mat pūlani inti omtijilu.“ 88. Nätāqqu omtāqi Ičat pūlonti. 89. Iča ontiqajol pačitta, nini koll'altilä ukkir nēmti pačalni. 90. Aj pačitta, nini aj tōnna nēmti pačaltiti. 91. Innä pakta, čäkəptilä nätāqqu čaqqēñiti, karrā pottēñiti. 92. Sičil'aīmti čin ākti pottēñiti. 93. Muša, muša. 94. Ponā pakta, kol'alimpa. 95. Ukkir čontōt üñkiltimpati Lōs-ira tükinä sumpäptimpilä. 96. Iča üntišeñiti, mātti šerreja, nāl'anti sičip mētip mattälālñiti, pöl' tupil'anti töttälālñiti, ponā čoqqirālñiti. 97. Lōs-ira ašša kuntik ēŋa. 98. Iča mātti patqilna, Lōs-irat pēmi mišaltiti, šimil' mi sötēnti. 99. Ponā pakta, sajil' olil' tümonti siqilel'ča. 100. Lōs-ira tulinnī mātan ākti, qol'čijiti sičiti mēti. 101. Qol'čintiti, nu' oriñni: „Mat tēšuntj mētak! 102. Kuttar mat noman ijam porčijpālil!“ 103. Lōs-ira taqqilelā mētimti sičimti muntik ammēñiti. 104. Nini nu'čik oriñni: „Mitī tuna onākšaq.“ 105. Māt šērni, mannimpati nēnnāqit stol tottinti, šitti tarālka apsil' tottinti. 106. Lōs-ira omtilä amirna. 107. Šitti tarālkap apsil' muntik amniti. 108. Čip čap qoltēñiti – nāl'anti oli sōqilēnti. 109. Néñnimānni Lōs-ira, nuk kətiñiti: „Tap lōsi onāk ijanī wəčisä šum apsta!“ 110. Ponā pakta, qamtā al'ča, nuk kətiñiti: „Ukkir kōrassaji čāñinti.“ 111. Qottā al'ča, nuk kətiñiti: „Ukkir qišqässaji čāñinti.“ 112. Iča nuk kətiñiti: „Il'čē, qaj pēntal?“ 113. Mat timti ēntak!“ 114. Lōs-ira néñnimānna: „Tat mat onāk ijanī wəčisä šip apstanti!“ 115. Mat ullä šunti əstilä ukkirna mānti šunti amtak.“ 116. Lōs-ira pičimti mišalni, pačinniti sajil' olil' tümimti. 117. Tümti noma „Il'čē, šunti pətilāk!“ 118. Lōs-ira miñiti pičimti nomanij. 119. Il'čati piñtaltijiti: „Qatamol mat siñimpak, na qaj mat ippaj. 120. Qatamol mat

riqal'nak, na qaj, qontalejak. "121. *Noma ontiqaj pičit šuksä mōnniti.* 122. *Lōs-ira na riqal'či, qontala.* 123. *Noma koll'alta, Il'čamti pičit šuksä qättiñiti.* 124. „*Il'čē, pōli na āl'činti!*“ 125. *Lōs-ira unnā omtija.* 126. *Noma pičimti mišalniñi, māčāqinti sarrēñiti, nīni pakta.* 127. *Lōs-ira lañkiñiñi:* „*Nomō, pičap tattāti!*“ 128. *Noma mēlqo pakta, Lōs-ira čap lañtiñiti – noma mēlqo qənni.* 129. *Lōs-ira mätti šērnī, pičimti i ñiti.* 130. *Ponā tanta, pačitqolamniñi.* 131. *Pōmti pačinniti.* 132. *Loqa tünti:* „*Il'čē, pičal mäkķä mitti!*“ 133. *Il'čati nik kətiñiti:* „*Mašip noma šip ālalsi.* 134. *Mat tāntinik ašša mintap, aj šip ālaltənnanti.*“ 135. „*Il'ča, mat tašunti ašša šunti ālaltəntak.*“ 136. *Lōs-ira miñiti, piñtaltiñiti:* „*Qatamol mat siñimpak, na qaj, mat ippak.* 137. *Qatamol mat riqimpak, na qaj, mat qontalejak.*“ 138. *Lōs-ira āl'ča qontiqo.* 139. *Lōs-ira na ippinti, ukķir čontōt qontaleja.* 140. *Loqa mišalniñi pičimti, sarrēñiti māčāqinti.* 141. *Lōs-irap qättiñiti.* 142. „*Il'čē, pōli na āl'činti!*“ 143. *Lōs-ira unnā omtija.* 144. *Loqa nīni pakta.* 145. *Lōs-ira lañkišqolamniñi:* „*Loqē, pičap tattāti!*“ 146. *Loqa mēlqo qənni.* 147. *Lōs-ira na āmninti tənirpālā.* 148. *Ukķir čontōn Lōs-ira tənāpta:* „*Mat sel'či qəttip turip apsap, ukķir pičin olip pōlisap.*“ 149. *Lōs-ira na tōtkiqolamtiñi.* 150. *Ukķir čontōt pičit olip tōtintiñi.* 151. *Pičinti olip paqqittintiñi, aj pačitqolamniñi.* 152. *Pōmti pačinniti, pūtōqinti tuličči.* 153. *Tünti ātāl' amiriñi sūrip, nik kətiñiti:* „*Il'čē, pičal mäkķä mitti!*“ 154. *Lōs-ira nik kətiñiti:* „*Mašip noma ālalsi, loqa ālalsi, aj tat šip ālaltənnanti.*“ 155. „*Il'čē, mat tašunti ašša šunti ālaltəntap.*“ 156. *Lōs-ira miñiti pičimti ātāl' amiriñi sūrti, piñtaltiñiti:* „*Qatamol mat siñimpak, na qaj, mat ippak.* 157. *Qatamol mat riqimpak, na qaj, mat qontalimpak.*“ 158. *Lōs-ira nani na siñimminti, ukķir čontōt riqal'či.* 159. *Ātāl' amiriñi sūrip, pičimti mišallā, māčāqinti sarrēñiti, Lōs-irap qontitiñi pičit šuksä tasit šūmīn qättiñiti.* 160. „*Il'čē, pōli na āl'činti!*“ 161. *Lōs-ira unnā omtija.* 162. *Ātāl' amiriñi sūrip nīni pakta.* 163. *Lōs-ira lañtiqolamniñi:* „*Ātāl' amiriñi sūrimē, pičap tattāti!*“ 164. *Ātāl' amiriñi sūrip mēlqo pakta.* 165. *Lōs-ira āmta, tənirpa „Qaj mēqo Ičasā?“* 166. *Iča il'čamti quraltiñiti:* „*Il'čē, tat qənāš karrā, sajal aj intāl'i, ākli māl'sā šitti kēpitāl'ti.*“ 167. *Lōs-ira qənni karrā, ākti, sajiti, intāl'či māl'sā šitti kēpitāl'niñi.* 168. *Konnā tūa.* 169. *Iča quraltiñiti:* „*Tat, il'ča, āl'čāš pōnti tāponti.*“ 170. *Il'čati āl'ča pōnti tāponti.* 171. *Iča nu' kətiñiti:* „*Mat tat āqqānti al'čəntak.*“ 172. *Lōs-ira ippa pōnti tāpōqin.* 173. *Iča ullā paniččəntiloriñiñi, nat kunti pēminti pātirti taršaltəntiloriñiñi.* 174. *Ullālā panuñi, Lōs-irap āt čiri šimiñi misā qamtēñiti.* 175. *Lōs-ira toršal'ni.* 176. *Iča ullā paul'ā qāttilā su'ltaltiñiti.* 177. *Čul' māt tō tal'altiñiti, Lōs-irap tūsā čattēñiti.* 178. *Lōs-irap tū amtiñi.* 179. *Šimi unnā wəšākənta, Lōs-irat qānti nu'čik oriñiñāt:* „*Mat qāntap kul'šöl' qumip sā ket amlāti.*“ 180. *Iča Lōs-irap tūsā čātālā moqinā qənni.*

1. Ичакычика жил со своей бабушкой. 2. Однажды Ичакычика сказал бабушке: „Бабушка! 3. Я поеду ловить рыбу сетью». 4. Бабушка дала сеть. 5. Ичакычика поехал. 6. Приехал, в ручеек поставил сеть. 7. Сеть натянул. 8. Передний поплавок сети запутался. 9. (Ичакычика) так сказал: «Этот поплавок моей сети почему запутался?» 10. На берегу кто-то передразнивает: «Этот поплавок моей сети почему запутался?» 11. Ича так сказал: «Там кто меня передразнивает?» 12. (А это) чертова навозная лепешка. 13. Ича так сказал: «Я тебя на берег выйдя побью». 14. Чертова навозная лепешка опять передразнивает: «Я тебя на берег выйдя побью». 15. Ича привязал конец сети. 16. На берег вышел, так сказал: «Кто меня передразнивает?» 17. Чертова навозная лепешка так сказала: «Я тебя передразниваю». 18. Ича рассердился, чертову навозную лепешку ударил веслом. 19. Весло прилипло. 20. Ича так сказал: «Мое весло отпусти!» 21. Чертова навозная лепешка передразнивает. 22. Ича рассердился, веточку (=челнок) из коры схватил, веточкой из коры ударил. 23. Ича опять сказал: «Отпусти мою ветку!» 24. А чертова навозная лепешка так сказала: «Не отпущу». 25. Ича рассердился, ударил луком. 26. «Мой лук отпусти!». 26а. Чертова навозная лепешка опять так сказала: «Не отпущу». 27. Ича рассердился, ударил стрелой. 28. Так сказал: «Отпусти мою стрелу!» 29. Чертова навозная лепешка так сказала: «Не отпущу!». Ича рассердился, пнул (ее). 31. Так сказал: «Мою ногу отпусти!» 31. Чертова навозная лепешка так сказала: «Не отпущу». 33. Ича рассердился, ударил (ее) кулаком. 34. «Мою руку отпусти!» 35. Чертова навозная лепешка опять так сказала: «Не отпущу». 36. Ича рассердился, пнул ее. 37. Ичина нога туда прилипла. 38. Ича думает: «Как (=что) делать?» 39. Рука и голова остались. 40. «Я теперь как (=что) сделаю?» 41. Думает, а потом еще ударил кулаком. 42. Ича так сказал: «Отпусти мою руку!» 43. Дерьмо черта-старика так сказало: «Не отпущу». 44. У Ичи уже ничего и нет. 45. Головой

ударил. 46. Ича так сказал: «Отпусти меня!». 47. Чертова навозная лепешка так сказала: «Не отпущу тебя». 48. Ича сидит и сидит. 49. Наконец вечером черт-старик приближается, напевая: «В мою счастливую ловушку зайчонок попался!» 50. Черт-старик подойдя Ичу выдернул. 51. Поднял, понес в свой дом, чтобы съесть. 52. Идет, Ичагычику неся. 53. Ичагычика так сказал: «Дед, меня отпусти! 54. Я пешком буду идти». 55. «Внук, правда, иди пешком. 56. А то мои руки заболели». 57. Ичу опустил. 58. Ича идет пешком рядом с дедом. 59. Пошли. 61. Видят большую землянку. 62. Пришли, в дом вошли. 63. Ича стоит, по сторонам посматривает. 64. Внутренность дома черта-старика велика [=дом черта-старика просторный]. 65. На обеих сторонах постели. 66. На ближней стороне постели двух его дочерей. 67. Черт-старик так сказал: «Внук, вперед пройди». 68. Ича вперед прошел, сел. 69. Черт-старик накормил Ичу. 70. Ича ест. 71. Железная веревка [=цепь] впереди привязана на столбике. 72. Ича хорошо ест, черт-старик Ичу привязал веревкой. 73. Потом легли спать. 74. Ича переночевал этой ночью. 75. Утром встали. 76. Черт-старик огонь разжег, еды наварили, едят. 77. В этот день черт-старик никуда не пошел. 78. К вечеру вставши поел, поевши опять куда-то пошел. 79. Когда он собирался уходить, так сказал [дочкам]: «Вы моего зайчонка не испортите. 80. Я сам, придя домой, съем [его]. 81. Вы нагрейте два больших котла с водой.» 82. Черт-старик ушел. 83. Черт-старик хорошо [=совсем] исчез из виду, Ича так сказал: «Вы меня развяжите. 84. Я для вас ложечку сделаю. 85. Вы мне принесите кусок железа.» 86. Девушки принесли железо и молоток, Ичу развязали. 87. [Ича] девушкам так велел: «Вы на мои колени сядьте.» 88. Девушки сели на колени Ичи. 89. Ича понарошку долбит, потом повернувшись одну [из дочек] рубанул. 90. Опять долбит, потом еще другую рубанул. 91. Вскочил, быстро девушек разделал [на куски], на огонь поставил вариться. 92. Их сердечки в проем котла [=поверх всего в котле] положил вариться. 93. [Котел] варится, варится. 94. [Ича] на улицу побежал, обошел вокруг. 95. Вдруг услышал – черт-старик, слышать, пришел, напевая. 96. Ича услышал, в дом вошел, дочки сердце [и] печень нарезал, на деревянные шпеньки понанизал, на улицу повтыкал. 97. Черт-старик недалеко находится. 98. Ича в дом нырнул, черта-старика бокари взял, золу зачерпнул. 99. На улицу побежал, на лиственницу с глазами [и] с головой залез. 100. Черт-старик дошел до проема двери, увидел сердце [и] печень. 101. Увидел, так говорит: «Я вас сделаю [=покажу вам]! 102. Как моего зайчонка испортили!» 103. Черт-старик собравши печень [и] сердце все съел. 104. Потом так говорит: «Вроде это [=пища] такое, как я сам.» 105. В дом вошел, смотрит – впереди стол стоит, две тарелки с едой стоят. 106. Черт-старик, севши, ест. 107. Две тарелки с едой все [=целиком] съел. 108. В котле взболтнул – и своей дочки голову зачерпнул. 109. Рассердился черт-старик, так сказал: "Этот черт мясом моего собственного ребенка меня накормил!» 110. На улицу побежал, ничком упал, так сказал: «Одной песчинки нет.» 111. Навзничь упал, так сказал: «Одной звезды нет". 112. Ича так сказал: «Дед, что ищешь?» 113. «Я тут нахожусь!» 114. Черт-старик рассердился: «Ты мясом моего собственного ребенка меня накормил! 115. Я вниз тебя свалив все равно тебя съем". 116. Черт-старик топор взял, рубит лиственницу с глазами [и] с головой. 117. Пришел заяц: "Дед, тебе давай помогу!" 118. Черт-старик дал топор зайцу. 119. Дед подсказал: «Если я соплю, значит, я лежу. 120. Если я храпел, значит, заснул". 121. Заяц нарочно обухом топора бьет. 122. Черт-старик храпел, заснул. 123. Заяц повернулся, деда обухом топора ударил. 124. «Дед, твое дерево упало!" 125. Черт-старик вскочил [=сел из лежачего положения]. 126. Заяц топор взял, к своему хвосту привязал, оттуда убежал. 127. Черт-старик кричал: „Заяц, мой топор принеси!“ 128. Заяц совсем убежал, черт-старик окликнул [его] - а заяц совсем ушел. 129. Черт-старик в дом вошел, топор взял. 130. На улицу вышел, стал рубить. 131. Дерево рубит. 131. Лиса пришла: «Дед, топор мне дай!» 133. Дед так сказал: «Меня заяц обманул. 134. Я тебе не дам, тоже меня обманешь.“ 135. «Дед, я тебя не обману.» 136. Старик-черт дал [топор], подсказал: «Если я соплю, значит, я лежу. 137. Если я храплю, значит, я заснул.“ 138. Черт-старик лег спать. 139. Черт-старик

лежит, наконец заснул. 140. Лиса взяла топор, привязала к своему хвосту. 141. Черта-старика ударила. 142. «Дед, твое дерево упало!» 143. Черт-старик вскочил. 144. Лиса оттуда убежала. 145. Черт-старик стал кричать: «Лиса, мой топор принеси!» 146. Лиса совсем ушла. 147. Черт-старик сидит, думая. 148. Наконец черт-старик вспомнил: „Я семь городов [и их] содержимое съел, одну голову [=железную часть] топора проглотил.“ 149. Черт-старик стал блевать. 150. Наконец голову топора выблевал. 151. Голову топора насадил на топорище, опять стал рубить. 152. Дерево рубит, до сердцевины добрался. 153. Пришел волк, так сказал: „Дед, топор мне дай!“ 154. Черт-старик так сказал: "Меня заяц обманул, лиса обманула, и ты меня обманешь". 155. „Дед, я тебя не обману.“ 156. Черт-старик дал топор волку, подсказал: «Если я соплю, значит, я лежу. 157. Если я храплю, значит, я заснул.“ 158. Черт-старик некоторое время сопит, наконец, захрапел. 159. Волк, топор взявши, к своему хвосту привязал, черта-старика спящего обухом топора по заду ударил. 160. «Дед, твое дерево упало!» 161. Черт-старик вскочил. 162. Волк оттуда убежал. 163. Черт-старик стал окликать: «Волк, мой топор принеси!" 164. Волк совсем убежал. 165. Черт-старик сидит, думает: "Что сделать с Ичей?" 166. Ича деду велел: «Дед, ты пойдй на берег, свои глаза и свой нос, свой рот прутьями пораспьяль.“ 167. Черт-старик пошел на берег, свой рот, свои глаза, свой нос прутьями пораспятил. 168. С берега пришел. 169. Ича велел: «Ты, дед, ляг к подножью дерева.» 170. Дед лег к подножью дерева. 171. Ича так сказал: «Я в твой рот упаду.» 172. Черт-старик лежит у подножья дерева. 173. Ича вниз спускается в течение этого [=тем временем] завязки бакарей развязывает. 174. Немного ниже спустился, черта-старика по рту золой засыпал [=насыпал золу в рот черту-старика]. 175. Черт-старик задрыгался. 176. Ича, вниз спустившись, ударив, сломал [его]. 177. Землянку разломал, черта-старика огнем сжег. 178. Черта-старика огонь съел [=черт-старик сгорел]. 179. Частицы золы вверх поднялись: «Частицы моего пепла простых людей пусть же съедят.» 180. Ича черта-старика огнем сжегши домой пошел.

Текст №4_ TW

Šötqin ilimpani ima / В лесу жила женщина

Рассказал: Мороков И.В.

Записал: Хелимский Е.А.

Место и время записи: Толька, 1977

1. *Šötqin ilimpani ima*. 2. *Təpin miqin ɛppani i jati*. 3. *Iman miqin irati čāŋimpa, a i jati kipa ɛppa*. 4. *Ījaja ĩmpati, mēmpati komar i qənpaŋi šötti*. 5. *Tājpələqqin mannımpati – āmtātıt šıpan*. 6. *Komamti ĩmpati i čättımpati – qənpaŋi komati ĩmıntı*. 7. *Šıpan muntik məşşēmpātıt*. 8. *Qanti tūmpaŋi komamti ĩqıntō*. 9. *Nākaŋıti komamti – sačaltıqa tačalpati*. 10. *Ullā panıšpa antın nāni, komamti sačaltımpati, a topımtı sačaltıqa tačalpati*. 11. *Konnāntı karrā panıšpaŋi Lōs-ira i oriŋıanı: „Tan man kapkatqāk tūtırantı, tu mat taşuntı amtıŋaŋ“*. 12. *Īja oriŋıanı: „Maşım iki qatıtāşıŋ, il'ča*. 13. *Man məcam čāŋka, kukçaŋētıj ləmi“*. 14. *Lōs-ira qənnımpati mātqıntı ĩjajap i ontı mātqım mərimpati*. 15. *Lōs-ira ontı qənkanı šötti, a ĩjap qəçıkkıŋıti pitaqıntı*. 16. *Pitāqın ɛppıntı şitti Lōs-ıjāqı*. 17. *Lōs-ira mātqıntı tükkanı i ĩjajap mıkasä saŋarojımpati, qaj čöşıŋēŋa, qaj aşşā*. 18. *Ukkıpar Lōs-ira šötti qənpaŋi, ĩjajap mātıti taqıtımpati kəsıj mātasa, ponā aşşā paktıqıntōqa*. 19. *Īja ĩmpati, Lōs-ıjanık tūmpaŋi*. 20. *Īja soqıŋıŋıti Lōs-ıjap: „Kun ēanı apantı kəsıj mı?“* 21. *A Lōs-ıja muntıŋ atıltıkkıŋıti təpınik*. 22. *Īja mişalpati sipsäl laka i tō sellēmpati mātıat kəsıp i ponā sačımātpa*. 23. *Ponā sačımātpa, nıŋı orqılpati şitti sūr-ıjāqıp i mātıti tultēmpati, qamıt şüŋıŋantı üttēmpati*. 24. *A na Lōs-ıjāqıp şınnı ullā qättımpati i məttın ākti ĩtälälpati şitti mattälä*. 25. *Lōs-ira tūmpaŋi moqınā qəşılä*. 26. *Qälımpılä muntik unnä ampati ĩjaıntı məçıj mıp*. 27. *Lōs-ira aptalēmpati ĩjaıntı məçi i laŋkişqolampati*. 28. *Mātıti patqılpanı – şitti sūr-ıjāqı tul'tırnāqı çıçırımpılä*. 29. *Qamıp tullēmpati, i sūr-ıjāqı ponā məşşēmpāqı*. 30. *Lōs-ira olımtı orqılpati laŋkijjelälımpaŋi*. 31. *Kojaltılä ĩjam pēqolampati*. 32. *Təttantı āl'çımpaŋi i pöt säpıj mı tōqıl'tıqolampati*. 33. *Čāŋka nımtı ĩja, məttıti čāŋka*. 34. *Qottä āl'çımpaŋi i tōqıl'tıqolampati qışqätıp*. 35. *Tōqıl'tımpati, tōqıl'tımpati i mannımpati ukkıır qışqāja kē ēŋanı*. 36. *Qol'çımpati ĩjajap – unnāt pōn ĩqın āmtanı*. 37. *Pıçım ĩmpati, paçıtqolampati tūmıp*. 38. *Nūniçılä omnımpaŋi*. 39. *Nomāja tūmmıntı*. 40. *„Il'čə, qā āmnantı?“* 41. *Nışqılāş, mat paçırılāk!“* 42. *Ontıqaj ləsımpaŋi, ləsımpaŋi, Lōs-ira qontalēmpaŋi*. 43. *Pıçım məççälä paktımpaŋi nomāja*. 44. *Innä çam məşanı Lōs-ira – nomāja čāŋka*. 45. *Lōs-ira laŋkijjelälımpaŋi*. 46. *Qənpaŋi, qorşan ĩmmıntıti*. 47. *Qorşansä paçıtpati, paçıtpati*. 48. *Nūniçılä al'çımpaŋi*. 49. *Mannımpati üŋıntı qoptırıntı*. 50. *„Il'čə, tan āl'çılä qontallejāş, mat paçırılāk tat čātı!“* 51. *Üŋıntı ontıqaj ləsımpaŋi i qorşan məççälä paktılä qənpaŋi*. 52. *Lōs-ira unnä şittiçımpaŋi – üŋıntı čāŋka, paktılä qənpaŋi*. 53. *Lōs-ira unnä kətqılıkojımpa i pöt čontıt tətti kətqılukka*. 54. *Ījaja unnānıntı oriŋıanı: „Il'ča, qottä āl'čäş!“* 55. *Āklı, sajal şitti kēpıtältı!“* 56. *Mat täntı onāŋ al'çıntak tan āqqäntı!“* 57. *Ījaja ullā panıšpaŋi pōn nāni, kōrasä qamtēmpati mənnōmıntı*. 58. *Ullā paktırtälpanı, pıçımtı unnä sačaltımpati i paçıllä şitti qəllēmpati məçımtı*. 59. *A lōs-ıran məçıj mı paktırilä, paktırilä nēntı tūqılēntılorıŋıŋātıt*. 60. *Ījaja məçıp şitti qəŋıti i tū čātımpati*. 61. *Lōsın məçıp tūsä čātımpati*. 62. *I Lōs-ira laŋkijjelälımpati: „Man nūni čātı ista tükıjan ɛşıŋıjātıt nēniqa, tıpā, nımırä – muntıŋ ista tükıjan ɛsilātın!“* 63. *Lōs-ırap koptıkalık tūsä čātımpati ĩjaja*. 64. *Ījaja qənpaŋi moqınā i mannımpati əmıti çürılä āmtanı*. 65. *Ījaja māt şerrēmpaŋi i əmıti, ĩjamti qol'çılä, paktımpaŋi təpıŋıŋ, nutälpati*.

1. В лесу жила женщина. 2. У нее был сын. 3. У женщины мужа не было, а сын маленький был. 4. Мальчик взял, сделал стрелу и пошел в лес. 5. На той стороне видит – сидят утки. 6. Стрелу взял и выстрелил – прошла стрела поверху [=мимо]. 7. Утки все взлетели. 8. На берег пришел стрелу взять. 9. Тянет стрелу – выдернуть не может. 10. Спустился из ветки [=сошел с челнока], стрелу выдернул, а свои ноги выдернуть не может. 11. Сверху на берег спустился черт-старик и говорит: „Ты в мой капкан попался, теперь я тебя съем.“ 12. Мальчик говорит: "Меня не трогай, дед. 13. У меня мяса нет, только кости". 14. Черт-старик унес в свой дом мальчика и в своем доме держит. 15. Черт-старик сам ходит в лес, а мальчика оставляет в своей норе. 16. В норе были два чертенка. 17. Черт-старик в свой дом приходит и мальчика иглой пробует, жирный ли, нет ли. 18. Один раз черт-старик в лес ушел, мальчика в доме запер железной дверью, на улицу чтобы он не выбежал. 19. Мальчик взял, к чертенку пришел. 20. Мальчик спрашивает чертенка: «Где находятся твоего папы железные вещи?» 21. А чертенок все показывает ему. 22. Мальчик взял напильник и сточил железо [=запор] двери и на улицу выскочил. 23. На улицу выскочил, потом поймал двух птенцов и в дом принес, внутрь полога пустил. 24. А этих чертенят обоих убил и вдоль дороги развесил, на части разрезав. 25. Черт-старик пришел домой, голодая [=голодным]. 26. Пока шел, все съел куски мяса своих детей. 27. Черт-старик унюхал мясо своих детей и стал кричать. 28. В дом забрался – два птенца летают, щебеча. 29. Полог задрал, и птенцы наружу вылетели. 30. Черт-старик свою голову схватил [=схватился за голову], закричал. 31. Двигаясь по кругу, мальчика стал искать. 31. На землю лег и древесные щепки стал считать. 33. Нет там мальчика, его дороги нет. 34. Навзничь лег и стал считать звезды. 35. Посчитал, посчитал и увидел - одна звездочка лишняя. 36. Увидел мальчика - вверху на дереве сидит. 37. Топор взял, стал рубить лиственницу. 38. Уставши сел. 39. Зайчик пришел. 40. «Дед, почему сидишь? 41. Отдохни, давай я порублю!» 42. Нарочно стучит, стучит, черт-старик заснул. 43. Топор подняв убежал зайчик. 44. Встал черт-старик - а зайчика нет. 45. Черт-старик закричал. 46. Пошел, тесло взял. 47. Теслом рубил, рубил. 48. Уставши, упал. 49. Видит - росомаха скачет. 50. «Дед, ты улегшись [=ляг и] засни, а я давай порублю за тебя!» 51. Росомаха нарочно стучит и, тесло подняв, прыгнувши ушла. 52. Черт-старик проснулся – росомахи нет, прыгнувши, ушла. 53. Черт-старик вверх подтягивается и до середины дерева подтягивается. 54. Мальчик сверху говорит: «Дед, навзничь ляг! 55. Свой рот, свои глаза пораспьяль! 56. Я тебе сам упаду в твой рот!» 57. Мальчик спустился с дерева, песку насыпал ему в лицо. 58. Вниз спрыгнул, топор вверх выдернул и, рубя, расшвырял его мясо. 59. А куски мяса черта-старика, скача, скача, вместе сходятся. 60. Мальчик мясо расшвырял и огонь разжигает. 61. Чертово мясо огнем сжег. 62. И черт-старик закричал: «Ради моего бога всякие букашки пусть станут [=появятся] – комар, муха, мошка – все [и] всякие букашки пусть станут!» 63. Черта-старика дотла огнем сжег мальчик. 64. Мальчик пошел домой и видит – его мать плача сидит. 65. Мальчик в чум вошел и мать, сына увидев, побежала к нему, расцеловала...

Итче – это богатырь

Рассказал: Кондуков Н.И.

Записал: Пелих Г.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1963

1. Итче – это тоже богатырь. Пюневальде – людоед по-нашему. 2. Вот Итче жил со своей Имьят (3. то ли мать, то ли бабушка, но *эва* – мать по-нашему) край озера *Караданбокку*. 4. Имьят говорит: «Итче, не ходи далеко от дому». 5. Он месячный стал ходить один. 6. А он говорит: «Вот тут озеро есть, я пойду». 7. А Имьят говорит: «Нет, не ходи, там *Кабальдезян тутто* (одноглазый карась) и *Кабальдезян пурья* (гоголь), не надо ловить его». 8. Но Итче потом уезжает туда на обласке (*андо*). 9. Итче сеть поставил, *Тутто* карася поймал. 10. Смотрит на карася: «Имьят обманывает меня», - говорит Итче. Потом плавает пурьям. 11. А Итче возьми и стрелил луком. 12. Пурьям взял и глядит – как карась. 13. Домой пришел, Имьят спрашивает, он ей все рассказал. 14. Имьят: «Итче, Итче, не ходи, там Пюневальде-людоед съест». 15. Но Итче не слушается, утром встает, опять идет. 16. Едет по реке в обласке и поет. 17. А ему кто-то то же самое отвечает. 18. Стрежь его несет вниз, а там опять слушает – то же самое отвечает. 19. Он осердился: - «Кто меня там называет так?» 20. Останавливается тут: «Веслом ударю». 21. А там то же отвечает. 22. Веслом ударил, и палка завязла. 23. Теперь сидит. 24. «Весло пусти, а то пну ногой!» 25. И там так же отвечает. 26. Он с обласка соскочил и топнул. 27. Нога приросла. 28. Он другой ногой – тоже прильнул. 29. «Кулаком ударю!» 30. Там так же отвечают. 31. Он другой рукой – руки прильнули. 31. «Пусти!» 33. Там так же отвечают. 34. Сидит, слушает. 35. Подходит кто-то теперь. 36. «У-ху-ху-ху!» 37. Это Пюневальде. 38. Пришел и положил теперь Итче в кузов. 39. Сидит он там, сидит. 40. Пюневальде остановился, Итче наклонил лесину, коры набрал и вокруг себя к поясу и всюду натыкал, весь завернулся. 41. Пюневальде давай Итче молотить на ладошках: «У-ху-ху». 42. Он думает: кости у Итче трещат, а это каза (кора) там ломается. 43. Опять в кузов положил. 44. Домой пришел и положил: «У-ху-ху!» – дочь зовет. 45. *Нее* (дочь по-нашему). 46. Итче слушает, как неживой. 47. *Пананге* – это людоеда дочь (две их у него). 48. Говорит: «Итче, ляг вниз лицом, брюки распорем». 49. А он ложится боком, говорит: «Сама ложись, покажи». 50. Пананге легла, он ее ножиком зарезал и в котел бросил. 51. Волосья туда спустил и варить поставил. 52. А сам спрятался. 53. Пюневальде говорит: «У-ху-ху! Чего это смеетесь Вы там?» 54. А сам в котле ложкой мешает. 55. Голова с волосьями попалась. 56. Заплакал Пюневальде, куда-то уходит...

Итте жил с дядей

Рассказал: Кондуков Н.И.

Записал: Гемуев И.Н.

Место и время записи: Кеть, Усть-Озёрное, [1980]

1. Итте жил с дядей, и Итте все время спит и спит. 2. «Итте, ты бы куда-нибудь сходил, какую-нибудь дичь добыл.» 3. Итте встал, оделся и среди пола встал и качается. 4. Старик спать ложится. 5. Итте пошел по промысловой дороге. 6. Недалеко ушел и стал костер раскладывать. 7. Итте костер разложил и тут же наклонился и спать лег, а в мыслях продолжает качаться, будто промышлять по дороге пошел. 8. Во сне лося увидел, проснулся, добыл и домой с добычей пошел. 9. Итте зашел и спать лег, а дядя стал готовить. 10. Итте встает, есть же надо. 11. Сколько времени прошло, этой добычей прожили, и дядя через три дня посылает его рыбачить край озера на карасей. 12. «В эту сторону, – говорит, – не ходи, там одноглазые караси.» 13. Итте в обласок сел и поехал. 14. Итте увидел гоголя (пурья), выстрелил, добыл. 15. Посмотрел, а гоголь не одноглазый. 16. Взял поплавки, поставил сети. 17. Незадолго карась попался. 18. Вынул, посмотрел: нет, с двумя глазами. 19. Сел в обласок и обратно домой приехал. 20. Эти добычи с собой взял. 21. Приходит к дяде и говорит: «Дядя, ты зря говорил, что караси и птицы одноглазые, у них оба глаза. ъ. Смотри: оба с глазами.» 23. А дядя говорит: «Все равно туда не ходи. 24. Там у края речки кыкка ходит, ты туда не ходи.» 25. Итте встал, в обласок сел и поехал туда, где дядя не велел. 26. Там кыкка с панцирем, навроде божьих коровок, со спичечную коробку, а панцирь там твердый. 27. Они у карасей у щеки все внутренности достают. 28. Они как клоп, такой же широкий, величиной со спичечную коробку. Когда приехал туда, увидел этих букашек. 29. Он все ж таки одну букашку поймал, привез домой, дяде бросил. 30. Дядя говорит: «Ты туда не ходи, Итте.» 31. Итте утром встал, сел в обласок и опять край этой речки поехал. 31. И видит: гагара. 33. Итте гагаре говорит: „Сейчас на тебя обласком наеду.“ 34. Итте загребся, загребся, поскорей на гагару наскочил, и обласок остановился. 35. Просит гагару: «Обласок пусти, обласок пусти, обласок пусти! 36. Отпусти, а то сейчас веслом стукну». 37. Веслом стукнул, весло пульнул туда же, оно к этой же гагаре прильнуло. 38. Опять говорит: «Весло отпусти, весло отпусти. 39. Я сейчас вылезу, тебя растопчу, растопчу». 40. Итте ногой наступил одной, нога прильнула. 41. Гагаре говорит: «Ногу отпусти, ногу отпусти, раз не отпустишь – другой ногой растопчу». 42. Другой ногой толкнул - другая нога прильнула. 43. «Ноги отпусти, ноги отпусти, я тебя стукну кулаком». 44. Стукнул кулаком – и кулак туда прилип. 45. Итте пока дрался, разговаривал, видит: кто-то едет. 46. «Вкусно мясо, Итте, прилип», – говорит Пюневельде. 47. Итте он взял отцепил, в кузов положил, понес с собой. 48. У Итте обласок остался тут, где прилип. 49. Пюневельде поехал, стал проезжать под деревом. 50. А Итте за дерево схватился. 51. Он за дерево вцепился, с дерева коры надрал и в кузов положил. 52. Этому Пюневельде, который его привез, говорит: «Ты меня оставил.» 53. А тот: «Итте, хорошо, что ты сказал.» 54. Итте взял в кузов залез, давай мять кору. 55. А Пюневельде ему говорит: «Ты кого добыл, положил?» 56. А он кору давит, трещит кора. 57. Итте помял, помял, залез на дерево. 58. Пюневельде его ссадил и в кузов снова положил. 59. Положил и домой пришел и говорит: «Ой, я Итте принес, какое у него вкусное мясо». 60. Пюневельде говорит: «Вы его сварите, я пойду.» 61. Пачьянны (два дьявола. – И.Г.) встали, говорят: «Надо пойти Итте распороть». 62. Итте распорол, теперь надо в котел положить. 63. А Итте развернулся обратно. 64. «Итте, ты не так лег, надо обратной стороной». 65. Итте им говорит: „Вы покажите, как лечь. 66. Оба ложитесь, покажите, потом я лягу». 67. Они легли, показывают – вот так надо. 68. Итте схватил ножи и им обоим брюхи распорол. 69. Итте взял котел, их нарезал, в котел положил, а кишки на волю вынес. 70. Кишки сложил,

костер разложил, котел кипит, а сам спрятался. 71. Итте хоть и распороли, а он обернулся. 72. Итте – Итте и есть – кишки-то не вытащили из него. 73. Пюневельде пришел. 74. Сороки хохочут. 75. «Сороки, вы чего хохочете?» – Пюневельде говорит. 76. Пюневельде ложку взял, котел мешает, черпнул – надо Иттино мясо есть. 77. Две головы вылезло в котле, как черпнул. 78. «Итте, ты чего сделал, моих, вроде, детей убил?» 79. Пюневельде плачет, плачет над своими детьми. 80. Итте вылез. 81. Пюневельде говорит: «Ты моих дочерей пошто убил?» 82. А Итте говорит: «Они хотели меня убить. 83. Если ты меня есть хочешь, край озера иди, черемуху сруби. 84. А я упаду – ты меня съешь». 85. Этот (Пюневельде. – И.Г.) черемуху срубил, принес к костру, ветки нарубил, а Итте в это время себе в одежду золу напихал. 86. Старик (Пюневельде. – И.Г.) лег, рот разинул, а Итте подвигается, подвигается, к старику близко подошел, эту золу ему вытряхнул, в рот попал, в глаза попал, везде попал. 87. Пюневельде кричит, а Итте взял эту черемуху и давай этого старика лупить. 88. Он все ж таки убил Пюневельде, дров натаскал, костер разжег и Пюневельде в костер положил. 89. Пюневельде горит, дым идет, а из дыму всякая мошкara, паут получается. 90. Эти все летают, людей, вроде, хотят исти. 91. Ну, он старика сжег и палочку (черемуху) сожег. 92. Что, мол, такое, что Пюневельде сожег? 93. Вокруг избы обошел, две женщины сидят, пряжу прядут. 94. Эти женщины говорят: «Итте, Итте, когда мы твое мясо ели?» 95. Он этих двух женщин убил. 96. На второй день опять две женщины сидят. 97. Он домой-то пришел, женщин привел, дяд сидит, у него один уголек остался, и костер не разжигается. 98. Итте взял дунул, и уголек совсем потух. 99. Дядя говорит: «Итте разжигал костер, и теперь он совсем потух». 100. Итте домой зашел, дядю пнул вперед, потом назад пнул – что, мол, тут делал? 101. Он туда-сюда пнул, дядя в молодого оборотился, а Итте говорит: «Я тебе двух женщин привел». 102. Они тут живут, едят, спят и тут еще поживают.

Текст №7_TW

Īže Kaža / Идже Каджа

Рассказал: Тагина Т.Д.

Записал: Сабо Л.

Место и время записи: Ленинград, 1964

1. *Elkikumba, warkikumba Īže Kaža*. 2. *Kāžna čelt kwajamba sōt awarmūtko*. 3. *Okkr bar Pōnege(t) saj Īže Kažap karaūlimbad, oralbad i onž mat qwannimbād*. 4. *Načat Īže Kažap kīgi wary čānoŋg čāčegu, podgu i amgu*. 5. *Īže Kaža čurle māderlella*. 6. *Īžalguk pōnege sajōn: „Mat tēka tōnat čup melax, načat palex wary qwεεlep, ūdlend mašik kība qwεεlep tadgu.“* 7. *Pōnege saj ūdit Īže Kažap*. 8. *Tab ĭmbad kōč šīvēr tūnd, Pōneget xajond čāčimbād*. 9. *Pōnege xajgālīk nabīlīs xajd šīwe*. 10. *Pōneget saj čūrelba, čut pūžond patkīlbā*. 11. *Īže Kaža moyne kurax*.

1. Однажды жил-поживал Идже Каджа. 2. Каждый день он ходил в лес на добычу. 3. Однажды его выследил Пёнеге, схватил и притащил в свой дом. 4. Там он хотел бросить Идже Каджа в большой котел, чтобы сварить и съесть. 5. Идже Каджа разразился плачем, и начал просить его. 6. Он сказал черту: «Я сделаю тебе горшок клея, туда положу большую рыбу, позволь мне мелкой рыбы принести». 7. Пёнеге отпустил Идже Каджа. 8. Он взял много золы из костра, Пёнеге в глаза бросил. 9. Пёнеге глаза наполнились золой. 10. Пёнеге глаза заслезились, (он себя) закопал в землю. 11. Идже Каджа домой побежал.

Текст №8_TW

Про Идю

Рассказал: Пидогина М.П. (1892 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Илзақ варкызақ йдәй әлдигазык. 2. Әлдигат қуәлылле палдукуң, а кыба Йде матқән јен вәркан. 3. Әлдигат қушаң орумтшле тәдәрыст, Йдә варгың орумнең. 4. Алдигандәни тәрың: ман тидам онең қуәлиле палденджаң. 5. Алдигат асс үткүт, а Йда тәрың: ман онең қуәлы тәнджаң. 6. Алдигат тәрың: тәми төрон тибент палдик, а таңи төрон тибент ик палдик. 7. Натен көнсей тутола, көнзей и падала. 8. Ну и Йдә қуанның пәңглам понныйт. 9. Маттә тәуан, сеңгат. 10. Қаримын вазың, поңгыландә қуанның. 11. Медын поңгылауынт тудола қуәдымбат сәтка. 12. Тудолам қуәлам коцин қуанның. 13. Талладақ. 14. Үдәмыуың ай қуанның поңгылам потку. 15. Тәңи төрон тибент поннат. 16. Онтә тербан, қайно мазым алдига аз үткүң таңи төрон. 17. Таңи төрон тибент ужо ман көчжулаң. 18. Ну и қуанның таңи төрон тибент. 19. Поннет поңгылам. 20. Тудола қуәдат коцин. 21. Оккыр тудон сей пақылгундыт, сейт тәдың јең. 22. Сәдәм джеле тудон сеим пақылгунт, ней тәдың јең. 23. Ну алдига, сидептымбан меңга. 24. Мазым алымбан. 25. Ну поңгыламыт қуәдит. 26. Сәдә мыуың поннат поңгылам. 27. Ондә трбан, қайно ман таңи төрон тибент қуанджа андызе. 28. А ман тәдәтәт удырылаң тау төрон тибент. 29. Ну и ниңи меват. 30. Үдырың. 31. Андым қандолджит. 31. Онтә убаң. 33. Тшәджис, тшәджис. 34. Медыдең, пенексен тет. 35. Ә! Пенексен тет пан? 36. А тет табым қуеуылджимбат: Ах! пәнексен тет пан? 37. Йдә тарың: а, тан мазым қуеуылджименандж. 38. Удунтсе қатыт пенексин тедым. 39. Үдәт парәдиң. 40. Ә! Тан манане удоу ораннал? 41. Тет табым қуеуылджимбат. 42. Йдәң ут парыдиң тетә. 43. Йдә түвың. 44. Сәдәмджеле удумтсе қатыт, и сәдәмджеле үдут парыдең. 45. Тан мазым ай қуеуылджимант? 46. Йдә ай варуың тевың, тобынтсе табоннант. 47. Тобыт парыдиң. 48. А, тан ман тобоум ай ораннан? 49. А пенексен тет табың ай қуегылджимбат. 50. А Йде ай варуың түвың, сәдәмджеле тобынтсе как табу(о)нныт, и тобыт ай парыдең. 51. А, тан манани сәдәмджели тобоум ораннал? 52. Йдә түводиң, как тшәнджеқатсе пәдәнныт. 53. Пенексен тедым и тшәнджиқат парыдиң пенексен теттә. 54. Ну и Йдә қотә тасеттызе мотшкан пенексен тетқын. 55. Пенексе тшәджиң. 56. Әә! кәтәр! манани тетқын ма(о)тшкант. 57. Ну и пәнексе йдау йут, кйдент омдолджит. 58. И үбең пенексе Йдәзе. 59. Қушаң Йдәм тәдәрыст, тәдәрыст. 60. Йдә тәрбан: Манан вет кыба па јетан. 61. Қыба пәм йуат Йдә, кейдыгун (кидан) тибым мәжит и натен төнджикан тәнджиң кидәуыңдо. 62. Ну и куронның пәнексенанто. 63. Пәнексе варуың ерампа, аз енселдет кундар Йдә қуроның. 64. Қурс, қурс, қурле тәуан мәтқынт. 65. Алдикат тәрың: Тан қайно қундың јеват? 66. А ман нано кундың јеваң, таңи төрон тибент поңгылам поннау, а онең тәрба, қайно тан мазым асс үтквант тәми төрон тибент. 67. Ну и кыгелаң қуаңгу. 68. Қуаннаң, поңглам поннау. 69. Тудола қуедәлаттә. 70. Тәқ тудон сеим пақылгоу, сеит тәдың йең. 71. Нәру тудон сеин пақылгоу, нәй тәдың јең. 72. Ну и поңгылам потқынаң(w). 73. Таңи төрон тибент асс кыгелаң түгу андызе. 74. Тәми төрон тибәуан үдераң, андоқау үгәннау. 75. Қынбарт тшәнджаң, а натен ваттә тшәнджечка, тшәнджечка. 76. А ман на ватоуың убаң. 77. Тшәджисан, тшәджисан. 78. Пенексен тет қондаң медыдәң. 79. Удоусе қаттызау, а пенексен тет мазым қуегылджимбан. 80. Ман ай ау удоузе қәтау. 81. Пенексен тедың манан удоу ай пәрыдиң. 82. Тобоусе табоннау, тобоу парыдәң. 83. Аw тобоусе табуннаң, нәй парыдиң, тшәнджиқатсе қәтау, тшәнджиқадәw парәдиң. 84. Ну и қотә тасенсе мәшкаң. 85. Пенексен теан: Әә! тан ман теткәң парыдимант? 86. Мазым Йван пенексе, омдолджиң кйдент. 87. Ну и тәдәрың мазым, а ман тарбаң: маннан јеван кыба пә. 88. На пәм pow, кйдән слам маджау, төнджикаң тетөваң кидәуыңдо и қуороннаң. 89. Пенексе мазым әз енселдиң. 90. Ниөдиң ман маттә теаң. 91. Алдигат табнә тевың: ах, тан қаторонд! 92. Ман теңга тәрзаң тәми төрон тибент ик палдик, а тан меңга ас еңылджиквант. 93. На қай ментал? 94. Тидам пенексе тендзиан, месви әмджиң. 95. Ну и қушаң алдигат табнә тембыс, тембыс. 96. Қушаң ик тембық, қаймней ас менджал. 97. Кыба Йде қуанның поңгылам маннымбыгу. 98. Тудолам коциң қуанның. 99. Маты тәуан. 100. Алдигат тудолам мәуыт, пәннат. 101. Манне(ә)й језан табыстәннан. 102. Тудолам апсаw, араңкам ессаw, әкенто күлджис, әкең ассор вассен. 103. Ну и тәптә малтшедиң. 104. Нагыртә қазасен.

1. Жили были Идя с теткой. 2. Тетка рыбу промышлять ездит, а маленький Идя дома играет. 3. Альдига сколько его растила, Идя большой вырос. 4. Тетке сказал: Я теперь сам промышлять

буду. 5. Тётка не пускает, а Итя сказал: Я сам буду промышлять (ловить рыбу). 6. Тётка сказала: В верхнюю сторону (конец) озера съезди, а в нижнюю сторону озера не езд. 7. Там косоглазые караси белые и косоглазые красные караси. 8. Ну и Итя пошел, сети поставил. 9. Домой пришел, ночевали. 10. Утром встал, к сетям уехал. 11. Доехал к сетям, караси попали хорошо. 12. Карасей добыл много. 13. Проденовали. 14. Вечером опять поехал сети поставить. 15. В верхнюю сторону поставил сети. 16. Сам думает, почему меня тётя не пускает на нижнюю сторону озера. 17. В нижнюю сторону озера уже я съезжу. 18. Ну и поехал в нижнюю сторону озера. 19. Поставил сети. 20. Карасей добыл много. 21. У одного карася глаза выкопал, глаза прямые. 22. У другого карася глаза выкопал, тоже прямой. 23. Ну тётка, соврала мне! 24. Меня обманывает. 25. Ну сети оставил. 26. В двух местах оставил сети. 27. Сам думает, почему я в нижнюю сторону поеду в обласке. 28. А я сюда пристану, к этому концу озера. 29. Ну так и сделал. 30. Пристал. 31. Обласок навалил (перевернул на обратную сторону). 32. Сам пошел. 33. Шел, шел. 34. Подошел, там Пюнексево г...но. 35. Ах, Пюнексе н...л? 36. А г...но его передразнивает: Ах, Пюнексе н...л? 37. Идя сказал: А, ты меня еще дразнить будешь? 38. Рукой ударил по Пюнексиному г...ну. 39. Рука прильнула (прилипла). 40. Ах! Ты еще мою руку схватил (поймал)? 41. А говно его передразнивает. 42. Идина рука прилипла к говну. 43. Идя рассердился. 44. Другой рукой ударил, и другая рука прильнула. 45. Ты меня опять дразнишь? 46. Идя опять шибко рассердился, ногой топнул. 47. Нога прилипла. 48. Ах, ты опять мою ногу поймал? 49. А Пюнексино г...но его опять дразнит. 50. А Идя опять сильно рассердился, другой ногой как топнул (пинанул), и нога опять прилипла. 51. А, ты у меня вторую ногу поймал (схватил)? 52. Идя рассердился, как лбом ударил. 53. К Пюнексиному г...ну и лоб прилип к г...ну Пюнексиона. 54. Ну и Идя вверх ж..пой торчит в пюнексином г...не. 55. Пюнексе идёт. 56. Аа! Каторжный! в моём г...не торчишь. 57. Ну и Пюнексе Идю взял, в кузов посадил. 58. И отправился Пюнексе с Идей. 59. Сколько Идю тащил, тащил. 60. Идя подумал: У меня ведь есть маленький нож. 61. Маленький нож взял Идя, у кузова доньшко подрезал и затем помаленьку вылез из кузова. 62. Ну и побежал от Пюнекси. 63. Пюнекси очень старый, не услышал, как Идя убежал. 64. Бежал, бежал, прибежал к дому. 65. Тётка сказала: Ты почему долго пробыл? 66. А я зато долго был, на нижний конец озера сети расставил, а сам думаю: почему ты меня не пускала к верхнему концу озера. 67. Ну и вздумал ехать. 68. Поехал, сети поставил. 69. Караси попали. 70. У белого карася глаз выкопаю, глаз прямой есть. 71. У красного карася глаз выкопаю, тоже прямые глаза. 72. Ну и сети расставил. 73. к нижнему концу озера не захотел ехать в обласке. 74. у нижнего конца озера пристал, обласок затащил. 75. На берег вышел, а там дорога большая, широкая. 76. А я по этой дороге пошел. 77. Шел, шел. 78. Пюнексино г...но нашел (наткнулся, увидел). 79. Рукой ударил, а Пюнексино г...но меня передразнивало. 80. Я опять другой рукой ударил. 81. К Пюнексиному г...ну моя рука опять прилипла. 82. Ногой пнул, нога прилипла (прильнула). 83. Другой ногой пнул, тоже прильнула, лбом ударил, лоб прильнул. 84. Ну и вверх ж..пой торчу. 85. Пюнексе пришел: Аа! Ты в моё г...но прильнул! 86. Меня взял Пюнексе, посадил в кузов. 87. Ну, понёс меня, а я думаю: у меня есть маленький нож. 88. Этот ножик взял, у кузова дно разрезал, помаленьку слез из кузова и побежал. 89. Пюнексе меня не услышал. 90. Так и домой я пришел. 91. Тётка на него рассердилась: Ах, ты каторжный! 92. Я тебе сказала, в нижний край озера не езд, а ты меня не слушаешься. 93. Ты чего это наделал? 94. Теперь Пюнексе придёт, нас съест. 95. Ну и сколько тётка на него сердилась, сердилась. 96. Сколько не сердись, ничего не сделаешь. 97. Маленький Идя пошел сети смотреть. 98. Карасей много добыл. 99. Домой пришел. 100. Тётка карасей очистила, наварила. 101. Я тоже там была у них. 102. Караси ела, вино пила, изо рта бежало, а в рот не попало. 103. Ну и сказка кончилась. 104. Пиши по-русски.

Текст №9_ TW

Йт'ан а́дига / Итя и Альдига

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Елаква варкыква окыр эдегын йт'ан а́дига. 2. Йтин алдика поққурку қваннджагый. 3. Чәджақый ваттогын. 4. Тонтъ мёдагый, кыба андтонт омдагый. 5. Чәджагый кыба андсе, тонт поққым кынт,джақый. 6. Мәтқынт қваннагый моқунай elle эдент. 7. Қондыгу куджа,нақый. 8. Қәртәл а́дика йдене чәнча: „Йде таптәл поққонт оннендж қванджант». (межалджеджал поққұлам – снимать с сетей) 9. Йда а́ндалба. Чәджа. тонт кыба а́нттонт ома. 10. Чәджа кыба антсе. тўа. онджил таре ләра: «Нагрыбақыла поқа, а́ндока чәджа». 11. А Пёнегесса най ләра, қаим йда ләра, и Пёнегесса ләра. маттаредак. 12. А қат пәрон табыт таре чәнча. 13. А Йде ләра: наққырй пақзе (нагри паққи) лабока. 14. А Пёнегесса трәзнимбат, қаим қадешпат йде, и Пёнегесса табыт таре най ләра. 15. Нәгур поққъ қәсс, тәт тут қвәтымба. 16. И накур тут қвәтымба. 17. Мōқына қванна, 18. поққып межалбат. 19. Қәт пәронт қаталджа, кыба а́ндом қамдалджав, наша ваттонт чәджаң. 20. Ваттоқын куттат тōтпа. 21. Йде ләбомт тетем қәттйт, а лап рōкватпа. 22. Йде ларымто кведат. 23. Ондже пушай рокватпыл. 24. Матқант мета. 25. А́чикақынт қатәшпат: «Тонт қваннаң, поққылам межалешпам, онең ай лараң. 26. Мат лараң: «нагъри пақзе лабока, кыба а́ндока ондж чәджа». 27. А қәт пәрон кутта чәнча, мат қаим қатәшпав. 28. И тап нап қатәшпат. 29. Қат пәронт мөта, кыба андым қамдалджав. 30. Ваттоұын чәджаң, кутта ваттонт тōтпа. 31. Лансе қәттау, лап рокванна тōтт. 31. Мешалгу и мешалгу, и қаимназа мөмба. 33. И лабом тōтқан қала». 34. А́дика Йдене чәнча: «а жа Пёнегесса чәнчимба тассе. 35. Пёнегесса таптәл мйқунун тōнджа пет тōнджо ми жа шедәви амджа. 36. Йден а́дзига қвәлым мөмыт чаннақын. 37. Қәалыт қавым қамджит, катымнат чанныже (чаннәуын) ұтимын мадат том қамджит. 38. А́цика Йдене чәнча: «Пёнегесса тōнджа, тау қаонт а́ченджа, а ми тассе: 39. Тат педека орамбет о'догонт и мат най пөт о'догонт йнджав. 40. Как мәт шөрча, тау қаонт нандолдженджит, а́ченджа, а мй шедәви тассе, Йде, пөтсе тапом қватчей. 41. И пелдомп аза қонденджай. 42. Мәтқыт а́мдагый, о́нтақый Пёнегесса чәджа. 43. Чветчсе лақа и мәтсе лақа. 44. А́цика петем удоуынт межаннит и Йде най педекант удоқант ораннит. 45. Мәдауынт а́цика аупле мәдаГынт ныледе, а йде таупле мәдақынт ныледе педекант. 46. Пёнегесса мәда нōват и мәда топқын нат қәу қвалыт топот нажолпа. 47. Илле а́ча Пёнегесса. 48. Нат қаронт а́цика лартимпа, педекант өрчимбат, а Йде нашт қаронт угон Пёнегесса ондж педекансе падалбат ологынт. 49. Угон қватпат пёнегесса. 50. Йде а́дзигақант чынча: «А́дзига, ман угон қватпав табым, тан ищо лагант.» 51. А́цика чәнча: «Йдане тепер мй тассе тўп понен татлай, Пёнегессем тент панджай, таденджай.» 52. А́дзика и чәнча: «Тепер елыквенджей варкыквенджей и кутымней аза ларымбуквенджей и кутнай аза миже тассе кутнай аза амджа.»

1. Жили были в одной деревне сын с матерью. 2. Мать с сыном сети ставить пошли. 3. Идут по дороге. 4. До озера дошли, в обласок сели. 5. Поехали на обласке, в озере сети поставили. 6. Домой пошли назад в деревню. 7. Спать легли. 8. На другой день мать сыну говорит: «Идя, сегодня снимать сети ты сам пойдёшь». 9. Идя обрадовался. Идёт. На озере сел в обласок. 10. Едет в обласке. Гребёт. По-своему песни поёт: «Пёстрая (разрисованная/ вырезанная) ручка весла, обласок едет». 11. А Пёнегесса тоже поёт, что Идя поёт, и Пёнегесса поёт. По-моему. 12. На берегу по-его говорит. 13. И Идя поёт: «Пёстрая весла ручка...». 14. А Пёнегесса дразнит, что говорит Идя, и Пёнегесса по-его тоже поёт. 15. У сети три поплавок было, четыре карася попали. 16. И три карася добыл (попали в сети). 17. Назад поехал. 18. Сети снял. 19. К берегу заехал, обласок перевернул, по этой же дороге пошел. 20. На дороге кто-то н...ал. 21. Идя веслом его г...но ударил, а весло прильнуло (прилипло). 22. Идя весло оставил. 23. Сам пусть прильнул. 24. Домой к себе он пришел. 25. Матери рассказывает: «На озеро пришел, с сетей снимаю, сам пою. 26. Я пою: Разрисованная ручка весла, обласок сам едет. 27. А на берегу кто-то говорит, что я говорю. 28. И он также говорит. 29. До берега добрался, обласок перевернул. 30. Дорогой иду, кто-то на дорогу н...ал. 31. Веслом ударил, весло прилипло. 31. Стал тянуть и тянуть, и ничего не сделал. 33. И весло на г...не осталось». 34. Альдига Иде говорит: «Это же

Пёнегесса говорил с тобой. 35. Пёнегесса сегодня к нам придёт среди ночи, нас же двоих съест». 36. Мать с сыном рыбу очистили в корыте. 37. Рыбью чешую вылили, и кишки в корыте вечером у порога дома вылили. 38. Альдика Иде говорит: «Пёнегесса придёт, на этой чешуе поскользнется (упадёт), а мы с тобой. 39. Ты топорик возьми в руки, и я тоже топор в руку возьму. 40. Как в избу зайдет, на эту чешую наступит, упадёт, а мы с тобой двое, Идя, топором его убьём. 41. и всю ночь спать не будем». 42. В избе сидят, слышат – Пёнегесса идёт. 43. Земля дрожит и изба дрожит. 44. Мать топор в руки взяла, и Идя тоже топорик в руки взял. 45. У двери сбоку мать на ту сторону встала, а Идя на эту сторону от двери встал с топориком. 46. Пёнегесса дверь открыл и у порога на рыбьей чешуе ногой поскользнулся. 47. Вниз упал Пёнегесса. 48. На то время (в тот момент) мать испугалась, топорик потеряла (выронила), а сын в то время вперед (первым) Пёнегесса своим топориком отрубил голову. 49. Вперёд убил Пёнегесса. 50. Сын матери говорит: «Альдзига, я вперёд убил его, ты еще шевелишься» (я первым убил его, пока ты копошишься). 51. Мать говорит сыну: «Теперь мы с тобой огонь на улице разложим, Пёнегесса в огонь положим, сожжём». 52. Мать говорит: «Теперь будем жить поживать и никого не будем бояться, и никто-никто нас с тобой не съест».

Текст №10 _ TW

Йден алчика / Идя и Альдига

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Елықуақ уарқықуақи Йден алчикассақи. 2. Йде алчикауынт чәнча: Мат қуанджаң поқым кынчи(е)ку. 3. Қуанна поқым ймыт, нәгур тәпи поқымт. 4. Алцикат чйджегипа Йдене: Тан оккыр ваттоун, маннани ваттоун чәджик, поқомт кынннджал, моқонә е́ле тōннандж мāt (мātт). 5. Йде қуанна алцикант ваттоунт, қайнуң алцикат титтарба и на ваттоуонт и Йде титтарлә чәджа. 6. Поқымт кынджит. 7. Моқунә е́ле мātқынт чәджа и аолджәт, қайнуң алчика титтарба, а тап куты нат титтарлә чәдж. 8. Тōва мātқынт. 9. Тапти қаримыуын поқым надә маннымбыгу. 10. Қуанджа. 11. Чәджа поқоуынт. 12. Тōва. 13. Поқымт маннымбат, қажем нәза қуанныт (аза қуатпат). 14. А қāt пәроқынт қай да чәнче. 15. А на Пōнөгессә чәнчи, Йдасә чәнче. 16. Йда, татлел мека лапомт. 17. Йден алчик. 18. Нагрибаққы лабол е́ја? 19. А Йде әжалгва: е́ја 20. Моқунә е́ле қәделджа андымт қамдәлджит, а моқунә чәджа наша ваттоуынт. 21. А Пōнөгессә тапын ваттоунт тōтпа. 22. Йде чәнча: Нагрыбаққы лапомт мекка минджал, а Йде әжалгва: аза менджау. 23. Йде лабонтсә қātтыт тūtти палца, лабот рōқуанна, и моуунә йку ондж тирауынт, орыт метыкwa аза эппа чижалба, лабомт қуәдит, и лабкалың моуунә матқың. 24. Алчикауынт кадешпат: Лабом қала, Пōнегәссән тетън рōқуалле қала. 25. Алцикат әджалгва: тан машем аза уңгылджимант. 26. Мат текка тйджешпызаң: Тан маннани ваттоунт қуајак. 27. От и лабол роқwalle қала, и онендж рōқуаннwнт бы.

1. Жили были Идя с матерью вдвоём. 2. Идя матери своей говорит: «Я пойду сеть поставлю.» 3. Пошел, сеть взял, с тремя поплавками сеть. 4. Мать наказывает Иде: «Ты по одной дороге, по моей дороге иди, сеть поставишь, домой обратно придешь в дом.» 5. Идя пошел по материной дороге, как мама его шагала, и по этой дороге Иде шагает. 6. Сеть поставил. 7. Обратно домой идёт, и забыл, как мать шагала, он, куда попало, шагая, идёт. 8. Пришел домой. 9. Назавтра утром сеть надо смотреть. 10. Пошел. 11. Идёт к сети. 12. Пришел. 13. Сеть просмотрел, ничего не добыл. 14. А на берегу кто-то разговаривает. 15. Это Пёнегесса говорит, с Идею говорит: 16. «Идя, дай мне весло. 17. Мать Идя. 18. С красивой ручкой весло есть?» 19. Идя говорит: «Есть.» 20. Обратно к берегу пристал, лодку перевернул, назад пошел той же дорогой. 21. А Пёнегесса по его дороге наср...л. 22. Пёнегесса говорит: «Разукрашенное весло мне отдай», а Идя отвечает: не отдам. 23. Идя веслом ударил г...вно, весло прилипло, и обратно взять не может, и без весла домой ушел. 24. Идя матери говорит: «...Моё весло к г..вну Пёнегессе прилипло.» 25. Мать отвечает: «Ты меня не слушался. 26. Я тебе наказывала: ты иди моей дорогой. 27. Вот твоё весло, прилипнув, и осталось, и сам ты тоже прилип бы»...

Текст №11_TW**Итя в ловушку попал**

Рассказал: Белозёрова А.Г.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. *Ите имнăссыккей йлакустə. 2. Ите палдукус ɣwālалле и сүрулле палдукус. 3. Оккəмықан палдүлевле (нәнна тшātшакус нид). 4. Таңондъ мйтаң а нәнно на тăраң ɣal шындə нилдäлтшəнджаң и нātно тăраң: Нелдöлтшəнджаң ай пилей топан нēлдöджепджаң.*

1. Итя с братьями жил. 2. Итя ходил рыбачить и охотиться ходил. 3. Однажды походивши туда пришел тако. 4. ...в ловушку попал а туда говорит мол тебя пну и еще говорит пну и одной ногой пнул.

Текст №12_TW**Куда нога прилипла?**

Рассказал: Тагаева М.Н. (1924 г.р.)

Записал: Коробейникова И.А.

Место и время записи: Обь (Мумышево), 1992

1. *Iže-kaža čažimba, hokomba. 2. Ku tobod rukβatpa? 3. Ukor tobonde, ket'ende tobod rukβanna, šidemžel tobonde keted – šidemžel tobod rukβatpa. 4. Potom lagi, lagi koptogit- onžnind rukβatpa.*

1. Идже-каза шел, спрашивал, спрашивал. 2. Куда нога прилипла? 3. Одной ногой пнул, нога прилипла, другой ногой пнул – другая нога прилипла. 4. Потом двигался, двигался на одном месте – сам весь прилип.

Текст №13_TW

Ичакйчика / Ичекичика [в шкуре ястреба-мышелова]

Рассказал: Кусамин М.И. (1919 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Турухан (Фарково), 1976

1. Йымба Ичакйчика имландыса. 2. Ичакйчик қанна мәчонты, қоңыты қуп пачетта. 3. Тұңа тәрычакты қоңыты мәрыка лос (лōзыл қуп). 4. Ича, қой меттал? 5. Ма поп пачертап, – лōзы қаттыта (қаттысыты). 6. Ма окот тап пōп утсә шиты нытколёкак. 7. Ныткалёт куса, қатсан, шиты куса саңаты. 8. Лозыл и'чат пōп шиты нақылыныты. 9. Куса утол сәқалды, шиты ўтол тоқал'деты наққалты кыса. 10. По орқылсыт ўтемты, шиты утәты. 11. Тәм олта, орты ченка. 12. Лōзы қатасыты: омдазик и текесик». 13. Лōзы қәссы. 14. Ича(е) кечик омдыса, омдыса, кунды чап кунды, қандык чап қандык. 15. Тәнырпыса, қандык тандеқо. 16. Эппа қатыты қалтырса и қутырса. 17. Табыни тұңа қорқә. 18. Ича, пōп сйты нытқаылты. 19. Қоргъ сйты нытқыт'ситы, утыты титеситы. 20. Ичакёчик утътъ ўбыл алчаса. 21. Танта пōнōны. 22. Қуттарна, қалтерна, танырпа, қантдык мйтаықо и қондерқо лōсып. 23. Куттарна, қалимпа, тәнырпыт, куттар лосып мйтақо, оргылқо, оргылә, йлела. 24. Тәнырпа, куче қәтеқо. 25. Олоуынты алча тәныты, нотна карманмы менымпықо, қорбытко. 26. Карманқынты қōсыты мыс(ш)алтукат қопы. 27. Ныңыл'ә паныт қолапсыт мысалтукат қопы. 28. Панысыты мәрқылō асыса. 29. Тоқал'дисты олоқынты. 30. Ныны қотә то титесыты. 31. Очик пәналсыты. 31. Ай очик тоқал'дисты. 33. Олоуынды кәбоуынды. 34. Ныны ай то тисәты нууонды ноны и олондыпны. 35. Ай пәнысыты, ай пәнысыты, ай пәнысыты. 36. Ай тәнырсы, ай панытқо нōтно. 37. Пәнысыты, пәнысыты, пәнысыты мысалтукат қопып. 38. Мәрқ аса, тй тоқал'дисыты мысалтукат қобып, қәбоуынды и нұуоуонды нұуо мысалтукат қобы турелситы тобоуонды. 39. Ныны тәп аса мысалтукатқо. 40. Ныны мыссәңа, омти тōло тонык. 41. Омды'а, сичладымба тумты. 42. Сичладымбысыты, сичладымбысыты, сичладымбысыты тумты, мыссәса нумынәқты и нат тиндерса, көлембыли нумынәқты. 43. Ныны мыссәса тимбелә кып нодықолапсыты таққыла или то тилдара тимбелә. 44. Оккыр чондоқыт қоңыты кыт шундеқыт кықыт анды қанта. 45. Илла лō ўтеса. 46. Қоңыты, лōсы ситы нә'аиндыса қантотыт. 47. Лōсы қоңыты, мысалтука көлемба олоуынт. 48. Тылдыр'а көлемпа. 49. Ой, нә'а, маннынбет, куттар нәқырыл сурут нәка суруруп тилдерна ме олоуыныт пōрыуыныт. 50. Лōсы сұмпа: «Нә'әиуынты нәлә нәла, менымбаты ме пороқыны сурут хей куттар сұруп тинты. 51. Мыссалтука мыссәлә қәсса тәбын уконты кынты маруыо темонты кыт қәноқыт олта. 52. Ныны шиты тұмыт пōрынты панды наққылә (наққысыты), ытысыты чесын (кыт сәнненты, кыт сентōнты). 53. Лōсы тента сумбыла шиты налат. 54. Тұса, тұса, чесын қанта андыса терычақты чесынты тұса андыса. 55. Лōзы қондыртатты ченка чесынып. 56. Чесын сол'мынты мишалшиты шиты тұймы. 57. Лōзы қуптаты аза тәнымыты. 58. Тәп андоуыт оуылсыты лōзын нәлаимты қартысты (кыт қаныкты) и лōзын нә'ап оккырнемты челчолә пйсәты сōнты. 59. Шинделе нәламды ай нилчик чаттысыты и селдисыты. 60. Мат чаптәмы қутыка еңчылдембы сыты, мелдетқо апсыты.

1. Жил Ичекичика с бабушкой. 2. Ичекичика пошел в лес, видит, человек рубит. 3. Подошел ближе, ходит Лос. 4. «Дедушка, что ты делаешь?» 5. «Я дрова раскалываю», Лос сказал: 6. «Я раньше это дерево руками рвал (расщеплял). 7. Расщепи рукой, внучек, попробуй». 8. Лос-старик дерево расщепил на куски. 9. Ну-ка рукой толкай, обои руки твои толкай (впихивай), подтяни (оттяни). 10. Дерево поймало руки, обе руки. 11. Он сидит, силы нет. 12. Лос сказал: «Сиди и сушишь». 13. Лос ушел. 14. Ичекичика сидел, сидел, долго ли. 15. Думает, как вырвать. 16. Ходит и ходит (зачеркнуто). 17. К нему пришел медведь. 18. «Старик, дерево порви». 19. Медведь рванул-потянул, распорол. 20. Ичекичика руки свободны стали. 21. Вышел из щели дерева. 22. Ходит, ходит, думает, как догнать и увидеть Лоса. 23. Ходил, ходил. Думает, как Лоса поймать, схватить, схватив, взять. 24. Думал, что делать (куда деться). 25. В голову упал ум, нужно в кармане смотреть, щупать. 26. В кармане нашел коршуна (ястреба-стервятника) шкуру. Ястреб-мышелов. 27. Мягчить (мять) стал мышелова шкуру. 28. Мяс, побольше стала (не такая большая, средняя). 29. На голову надел. 30. Потом снял с головы. 31. Опять мял

(начинал мять). 31. Опять надел. 33. До туловища надел (еще больше стала). 34. Потом опять снял с туловища и с головы. 35. Опять мят, мят, мят. 36. А думает, опять мять надо. 37. Мят (3 раза) мышелова шкуру. 38. Большая стала, надел мышелова шкуру, до половины тела, и полностью всё тело мышелова шкуры хватило ему, до ног дошел. 39. Он уже соколом стал (соколёнком) – мышеловом. 40. Потом полетел, сел там подальше (там поближе). 41. Сидя, потрясает (проверяет) свои пёрышки (перьями потряхивает). 42. Потряс (3 р.), улетел на небо и планирует (поворот давал на небе). 43. Потом улетел по речке догонять (проверить) вдоль: вниз или вверх полетел. 44. Однажды увидел, вдоль реки (по реке) ветка плывёт. 45. Ниже маленько спустился. 46. Видит, Лос с двумя девушками, видит. 47. Лос увидел сокола (коршуна) над головой. 48. Летел, кругами кружится. 49. «Ой, дочки, смотрите, как красивой (узорно) птица летает над нашими головами (верхом)». 50. Лос поёт: «Девушки, девушки, смотрите, как над головами птица Хей! какая птица летит!» 51. Коршун улетел, на большую лиственницу около берега реки сел. 52. Потом две лиственницы верхушками стянул, повесил силок (петлю) посредине реки. 53. Лос едет, напевая, с двумя девушками. 54. Плывёт, плывёт, поближе к ловушке подъехал. 55. Лос не видел силок. 56. Петля силка за шею стянула. Петля из верёвки. Две лиственницы (выпрямились?). 57. Лос умер. 58. Он поймал в ветке дочерей черта, пристал к берегу, и лозовых дочек сначала одну бросил в глину (ил). 59. Вторую дочь тоже также бросил и топтал (растоптал). 60. Кто мою сказку слушал, навсегда скушал!

Рассказал: ?

Записал: Григоровский Н.П.

Место и время записи: Чая (ю. Костенькины?), 1870-е гг.

1. *Īt'a tām̄mē pal'čēčun, tām̄mī ton k'wacčē pal'čun poŋqəlle.* 2. *A taŋŋə al'čəkāt as ūtenčət, taŋŋən qapəl'čī sej tūto, qapəl'čī sej nāpə.* 3. *Ƨəpə qari-miŋən irte i wasən, taŋŋə q'wannən.* 4. *Q'walle poŋqəntə ponnət, aj tūto q'wētən.* 5. *Tuton sej paqqannət, tātəŋ ēŋ, a al'čəkaw čarən, qapəl'čī sej, tɛpə masəm āləmpa.* 6. *Nāpə omtən ninka, na tontə, tɛpən qōntə, intəse čāčət, nāpəm tūle q'walle iŋət, nāpən sej paqqannət, tātəŋ ēŋ, a al'čəkaw čarən, qapəl'čī sej sowsem ʒsəm āləmpa.* 7. *Tūto poŋqontə q'wətəle čāčən aj posoba čāŋkwan, annəmtə tīrət i poŋqəntə mīsennət i mātqən čāčən.* 8. *Mātqən mītən, al'čəkāt qɛŋ-pārən nɪntə nɪŋkan aj q'wətəmpa: „Ilssan na k'wental.“* 9. *A Īt'a čarən: „tām̄mən tūto sūnhāmpa.“* 10. *Aj sēŋqəlepe qari-miŋən aj nɪŋka poŋqəntə isat, tīpeqəntə poŋq itə i mannəmpat: nɪŋkəla tɪrqəmpat.* 11. *Ƨəpə tɛjəpə, qaj tūto quptəmpət konne, nɪŋka-žə q'wannən, qajqən tɪrqəmpa.* 12. *Ƨəpə q'walle mītən, nɪŋk ontə mītəlepəle kūw neqqəlpət.* 13. *A tɛpə i čāčən, antə ontə čāčən, čarən: „Ontə tūnti ūt.“* 14. *Ƨəpə čarən: „Qajqən ilssan čaqqəkəti.“* 15. *Taŋŋə pənčənen, a k'wal'čə končīn.* 16. *Taŋŋə mančēčəkwan, tām̄mē mančēčəkwan, i sitəmtettə mančēčən, qūm qout i annontə čončəŋ ūpən / tūalən.* 17. *T'wələŋ orannət, ninto kampərnən: na qom āmtan, a tɛpə mannəmpat, tɛpən sejətə čāŋkwan, sejəkəti era.* 18. *I q'wəl sērpan poŋqontə, ninto inne čēččət.* 19. *Wančon sērpan etar-poŋqə, wančəm tē-iŋət poŋqoun.* 20. *Annontə pinnət, wančontə oloqəntə sālī-pōn qettət, wančəm aj ninto wančə ippən antoqən.* 21. *Īt'a wančəm orannət olountə, antoqənto ūqənnət, ontə antoqən pinnət, antoqən tūelle čončəŋ noqolle čāčən, aj čičəle tūle ūpərət.* 22. *Sōjeqəntə mītən, tonti sōl'čə, ninto čičən na sōjm čāčən, toqəntə mītən, poŋqontə tūto q'wətəmpa, poŋqəntə mīsannən, i mātqən q'wanpan.* 23. *Mātqəntə mītən, ētə-qarqən al'čəkāt q'wətəmpa, putom q'wətəmpa, tɛpə čarən: „Tan na Pūnekusse qajno qōčəkəwantə?“* 24. *Paja kuysan q'wətəmpa, a wančəm konne čēččət.* 25. *A Īt'a čarən: „Amčej!“* 26. *Ninto al'čəkāt q'wəl-tjntə pinnət, ittərnən, aj awərlepe al'čəkəsən sēŋqəqə.* 27. *Aj na tontə taŋŋə q'wacuŋan qari-miŋən.* 28. *Poŋqəntə potku tīpeqən ūpərəmpat, taŋŋən tīpeqəntə polle mālčət.* 29. *Aj taŋŋən pənčən, k'wal'čə čančən i na qūm sejəkəti qompan.* 30. *Čončəŋ pənčən, mītən q'walle annontə, antəm orannət čončəŋ, orannət, ontə āmtan.* 31. *As kuntəŋ āmtan, nɪnto i q'wəl poŋqən karəsət, poŋqəm inne ūqəlle ūpərət, poŋqəm inne čēččət, poŋqəntə tīpeqən warqə q'wəl sērpan, antoqəntə ūqənnət, na q'wəl poŋqoqənto tē-iŋət.* 31. *Taw q'wəqər q'wattət sejəkəti era, era ille Pūqəlčən utose i čarən: „Q'wəqər ik t'wəlī, Īt'a!“. 33. Era poŋqəntə aj ūttə sāqennət ille.* 34. *Q'wəqərəm Īt'a ninto t'wələt antoqənto i antoqən pinnət.* 35. *Īt'a nāmpotə annonto, tūle ūpərət, a sejəkəti era poŋqəntə polle mālčət.* 36. *Annəmtə pūqəlčət.* 37. *Pūqəlčət, q'wəqər čāŋkwan.* 38. *Na erai čarən: „Man pərqeqən ippələnnəsə, ɛsət tɛpən man pərqeqən neŋ ippəs, tan neŋ man pərqeqən ippennančə, nomtə as wasennančə, tītām nomtə as wasennančə.“* 39. *Īt'a čarən: „Tan nɪl'ti nekkam aukuntal, a man as ablentəsə.“* 40. *Ninto nānnen tūan, sōjeqən nānnen tūan, poŋqoqəntə potpətj mītən, poŋqəntə mīsalle annontə ūpərət, mālčət.* 41. *Al'čəkantəŋ tūle ūpərət mātqən, q'walle mātqəntə mītən.* 42. *Paja q'wətəmpan, paja čarən: „Pūnekusse mēsət amčət.“* 43. *Īt'a čarən: „Tōn ippə, nɪ qaj amnenčət“, čarən: „Nɪl'ti nekkam aukuntə.“* 44. *Īt'a q'wəqərtə tallepəle konne čēččət mātqəntə.* 45. *Q'wəqərni nānčə qorət, oləntə mačət, q'wəl-čintə ponnət, nɪnpəle awərnaqə.* 46. *Nom ūtəmlepəle ūŋkəlčən: Pūnekusse piŋkərtə qettəmməntə, čarən: „Ītām tī tannalət, lōsəla!“* 47. *Al'čəkāt ūrmen-āymən q'wannən, nɪnpəle mančəqən kanaŋ-tə qārəmpəle qaləntə.* 48. *Īt'a āw-pəlekkantə pūmmən karmantə selčəssa-pū pinnət aj āw-pəlekkantə ontə pāt pinnət, pīrəmtə ūnəse mātən čōčəntə sārət.* 49. *Ƨəpə tɛjəpə: jesli tɛpə masəm polleńčənčət, nassaqən man tī poččətəlakəsə aj tɛpə ni nānčət qorenčaw.* 50. *Māttə tɪrqəmpa tatərlaqən, ninto lōsəla ūrən.* 51. *Sitəmtettə māt inne waččəčəku inne waččət, selan māt, aj okkər-mjntə kosol'tən i q'walle mītərat lōsəla.* 52. *A Pūnekusse jenne wasən, ūrmen-āŋtə maŋketəmpa, čjkkət Ītām i tɛpə čarən: ješčo sārəlčəmmantə, man wančow amnel aj q'wəqər aj amtal“, nassaqən čjkkəlčəlepe i tɛpəm pollečəmpat.* 53. *Titam tī poččətən, pāmt iŋət karmatqənto i selčəssa-pū iŋət, selčəle ūpərət: čit-pūt, čit-pūt, čit-pūt.* 54. *Īt'a čēnččə Pūnekussəni: „Māttə sūnčə qomtese kutpa aj patərqəse kutpa, ilčaw, māttə sūnčə.“* 55. *A Pūnekusse čarən: „Tan kojməččəle ūpəral.“* 56. *Ƨəpə nānnončə ontə pīrəmtə qettət.* 57. *Īt'a pōčol'čəkəwelət pūrəŋ.* 58. *Pūnekusse laŋkojpa: „Aj-ka! qajontəse pōčol'čəkəwantə?“* 59. *A Īt'a čarən: „Man lɪlaw pōčol'čəkəuntə.“* 60. *Sitəmtettə nānčəqən pōčol'čət, nɪnto nānčət aj qorət.* 61. *Nassaqən al'čəkantə i kanantə orallepəle nānčənto pōne piŋkələmpən, nɪnto ūttə qare kuronnət.* 62. *Ninto al'čəkantə mūsəlčət aj kanantə mūsəlčət, nɪnto ontə pīrəmtə mūsəlčət aj mātqəntə konne čančən.* 63. *Pūnekussem pōne ūqənnət, nɪnto Pūnekussem tūjəntə pinnət aj porččəmpan.* 64. *Ninto ɛutə qout, tɛpə*

čarən, ɣutə: „Pūnekussen nēt ētta, sēl'čə nēt ēat.” 65. Īta čarən nej-qoni: «Tan esel qajsə isət apstəmpəkusət?» 66. A tɛpə: „Qūn wačəse apstəkusət.” 67. A tɛpə pissən qettət i qʷatpan. 68. Kussaqaṇ sēl'čəmtettj nej-qoni tɛpə sōqaṇpan: «Tan esel qajse isət apstəmpəkusət?» tɛpə čarən, što „qaj-nej awoj-mi man as aukusaw, a tol'ko sentə qʷeləse apstəkusan. 69. Tɛpəm pajayle iɣət, aj nɪŋka tannkt, ontə esentə mättə, i ninto iləle... ūpəran.

1. Итя ходит вверх, ходит в верхний край озера ставить сети. 2. А вниз не пустит бабушка, внизу караси с косыми глазами и утки с косыми глазами. 3. Он утром рано и встает, и едет на низ. 4. Шедши, ставит сеть, и попадает карась. 5. Ковыряет у карася глаз, прямой, а бабушка говорит, косой глаз, она меня обманула. 6. Тут садится утка, на то озеро с боку его, стреляет из лука, подгребая, берет утку, ковыряет у утки глаза, глаза прямые, а бабушка говорит, косые глаза, совсем обманула меня. 7. Караси попадают в сеть, и пособиться не может, наполняет лодку и снимает сети, и едет домой. 8. Приезжает домой, бабушка стоит на берегу и ворчит: «Вот на свой век добра добыл.» 9. А Итя говорит: «Вверху карасей убавилось». 10. И ночевавши, утром берет сеть туда, ставит сеть у берега и посмотрел, камыши дрожат. 11. Он подумал, что караси скопились ко крутому берегу, едет туда же, где дрожит. 12. Он подъезжает, подъехавши туда, быстрина его тянет. 13. А он и едет, лодка идет сама, говорит: «Вода сама гребет.» 14. Он сказал: «вот где жизнь-то без работы.» 15. Плывет вниз, а тут речной конец. 16. Взглянул вниз, взглянул вверх и на середину взглянул, заметил человека, и начал лодку тихо подгребать к нему. 17. Тайком держится, тут прижался; тот человек сидит, а он смотрит, глаз его нет, слепой старик. 18. И рыба попала в сеть, тут вытаскивает. 19. И попала нельма в матку сети, берет нельму из сети. 20. Кладет в лодку, нельму в голову бьет колотушкою, убивает нельму, и тут нельма лежит в лодке. 21. Итя держит за голову нельму, вытаскивает из лодки, кладет в свою лодку, тихонько гребя, отталкивает лодку, и начинает грести вверх. 22. Подходит к истоку в свое озеро, тут истоком едет против воды, подошел в озеро, караси попали в сеть, и поехал домой. 23. Подъезжает домой на пристань, бабушка сердится, очень ворчит, она говорит: «ты зачем ходил к тому черту?». 24. Сколько старуха ворчала, а нельму несет на берег. 25. А Итя сказал: «Съедем!» 26. Тут бабушка кладет в котел, варит, и, поужинавши с бабушкою, ночевали. 27. Опять утром поехал на то озеро на низ. 28. Начал ставить сеть около травы, поставил сеть на нижнем конце. 29. И плывет вниз, доезжает до реки и нашел того слепого человека. 30. Плывет тихо, подъехал к лодке, тихонько держит лодку, держит, сам сидит. 31. Не долго сидит, тут и попала в сеть рыба, начинает вытаскивать сеть из воды, вытащил сеть, в матку сети попала большая рыба, тащит к лодке, ту рыбу снимает с сети. 31. Это осетра поймал слепой старик, щупает старик рукою и говорит: «Не украдь, Итя, осетра!». 33. Старик опять ставит сеть в воду. 34. Тут Итя крадет осетра из лодки и кладет в лодку. 35. Итя отпихнулся от лодки, начинает грести, а слепой старик кончил ставить сеть. 36. Щупает в лодке. 37. Щупает, осетра нет. 38. Тот старик говорит: «Будешь лежать в моем брюхе, твой отец тоже лежал, ты тоже будешь лежать в моем брюхе, к Богу не встанешь, теперь не пойдешь к Богу». 39. Итя сказал: «Ты едал таких болванов, а меня не съешь». 40. Тут гребет вперед, по истоку гребет вперед, доехал до поставленной сети, начал снимать сеть в лодку, кончил. 41. Начал грести к бабушке домой, приезжает домой. 42. Старуха ворчит, старуха говорит: «Черт нас съест». 43. Итя сказал: «Какого вялющего станет есть», сказал: «Таких болванов едал». 44. Итя, неся, осетра вынес на берег домой. 45. Распарывает осетру брюхо, режет голову, варит в котле, потом, попевшую, ели и поели. 46. Свечерело когда, слышит, черт колотит в бубен, говорит: «Лозы, несите сюда Итю!». 47. Бабушка улетела в трубу, потом на улице завизжала собака. 48. Итя кладет в один карман штанов брусок, в другой свой ножик, и привязал себя ремнем к брусу избы. 49. Он думал: если он меня проглотит, то я сам распорю ему брюхо. 50. Изба затряслась ходенем, тут лозы скрылись. 51. В другой раз поднимается дом, поднялся

целый дом, и вместе несут лозы к хозяину. 52. Черт поднялся, достал его через трубу, развязывает Итю и говорит ему: «Еще привязал себя, мою нельму съел и опять осетра съел», тогда, развязавши, и проглотил его. 53. Теперь здесь образумился, ножик берет из кармана и брусок берет, начинает точить: чит-пют, чит-пют, чит-пют. 54. Итя говорит черту: «У тебя, дядя, внутри дома золочено, самоварной медью обложено, горница». 55. А черт говорит: «Ты начинаешь песни петь». 56. Он ударил себя по брюху. 57. Итя стал потыкивать ножом вокруг. 58. Черт закричал: «Ай-га! Чем ты тычешь?» 59. А Итя говорит: «Мои кости тычат тебя». 60. В другой раз потыкал по брюху, тут и распарывает брюхо. 61. Тогда, держа бабушку и собаку, выпадает вон из брюха, тут бежит на берег в воду. 62. Тут моет бабушку, и моет собаку, тут и самого себя моет и идет в дом на берег. 63. Черта вытаскивает вон, тут кладет черта на огонь и сжег его. 64. Тут находит мать свою, она сказала, мать сказала: «У черта есть дочери, семь дочерей есть». 65. Итя говорит девушке: «Твой отец чем кормил тебя?» 66. А она: «Кормил человеческим мясом». 67. А он ударил обухом топора и убил ее. 68. Когда седьмую девушку спросил он: «Чем тебя кормил твой отец?» Она сказала, что ничего худого она не ела, а только ела свежую рыбу. 69. Он берет ее себе женою и приводит туда, в свой отцовский дом, и тут стал жить...

Текст №15_TW

Йте и Пинәвельдү / Йте и Пиневельдю

Рассказал: Сутарев В.Г. (1903 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. Йте имн'әсәуи илакусты әккус пәнджай қатай сакујай кәнаңди. 2. Йте сүруйгус сүруле пәдүкус. 3. Оккырың сүрулевле қоттә тшатшандә ұңалджимбиндә қайта сомбарне: 4. Атай қай тиллей тиллей. 5. Тәпә ныңа тўған манджамбиндә Пинәвельдү ирра сомбарнә. 6. Қwassат ўвру паровын қонджүлдимба. 7. Тә саин пыјай атай қоррә тйле қwәссанд оллонд сwәңгырылдәң тәпы туаллеуыт. 8. Пинәвельдү қwassамдә илле йуат пўғалджумбат қайнақ тәнуң қwassамдә илле пәннат. 9. Йте мātқандә қwаннә шытамдәлджү аколагә сүрулле қwанны. 10. Қоттә ўтаймын тшатшандә. 11. Ақоләуә Пинәвельдү ирра сомбарнә. 12. Пеңгай қай тилый. 13. Йте манджамбинды пеңгай қонджи иннәвын тимбиле тылле Пинәвәлдүң қwassан оллонд сwәңгырылдәң. 14. Йте туаллеуыт Пинәвельдү қwәсанд олам пўғалджимбат қайна тәну. 15. Йте тан масим туалирсинатандә. 16. А а илдә ман Пинәвельдү қwassамды илле пәннат. 17. Йте қwанны. 18. Мātқандә тўған сәңгаң қараймын имнәмдә атән мокрә ўнан қўррыт сарку салджондә пәнджай қатай сакејай кәнаңды пәанын сәрамба. 19. Оккырың пәнджай қатай сōкүјай кәнаңды кыккеле олдиң. 20. Ох. имнә Пинәвельде месинат қwassан оллондә наверна қwара. 21. Ондә сијамдә қамбул пәанды ынан қуррыт. 22. Пәнджа қатай сәкујай кәнақ тшокалдиң. 23. Йилдиң, асс кундәуан имнәт кыккуле олдың. 24. Оккырың ынат лақтшилдиң имнәт ыннә йилдиң қwанны. 25. Йте қәлиң ондә. 26. Оккырың асе кундә есулдиң Йтте кыккыле нә олдіндә ўнат лақтшилдиң. 27. Йвру паровын ыннә иилдиң. 28. Вәссамбиле мйтандә Пинәвәлдең қwassан оллонды нәкқалтаты. 29. Тәпә теай пангалджукуң той паңгалджукуң қwassан оллондә ассә тәптың. 30. Ивру паровын илле тысивенды пыңгелың. 31. Пинәвельде сивай котан тшоппыле пыаллеуыт и матшкамбә қалло тыта ман қwassон оллом ассә туалирштенданды шындә амнаң. 31. Йте Пинәвәлдең перген матшкәмба тарба Ах ты! Пинәвельде! масиң пыаллеуан ужо. 33. Әтшатшипса пәқам таван укон сесолуконнең пәналдекусам. 34. А тита ужо пўтаlelle пўталәндат сәпқандең илдет и салгитәкөт силамбиле пакамдә олдит. 35. Н'үнү пай шауды пауды қыл, қыл. 36. Пинәвельдү ұңалджимбат ә!! тар илландә тәпә оккә пиллей пōкундә пан путән потшолджейгат. 37. Пинәвәлдү қајутшуң Йтен қwassпарга угә поттшелтәндә. 38. Йте перкамдә пәттшеуәллит пәнә пыңгелың Пинәвельдүң пергеуыннә манджамбиндә имнәт и пәнджай қатай сакујай кәнакат. 39. Накәнәндың. 40. Тәпә сйтърыт имнәмдә пәнджай қатай сакејай кәнақамдә сйтърыт и имнәмдә сйтәрыт. 41. Нараннә тай сәңганә тай пәй қарам ондыни нәққаныт. 42. Пинәвәлдем тўндә парджот қwанимдә мергендә ўттыт.

1. Итя с бабушкой жили, была у них собака-сучка с камысом на когтях. 2. Итя охотился, на охоту ходил. 3. Однажды, поохотившись, назад идет, слышит, кто-то камлает: 4. «Нечто оленье пусть прилетит, пусть прилетит». 5. Он туда пришел, смотрит: старик Пинэвельдю камлает. 6. Его скребок через дымовое отверстие показался. 7. Олень-хор с четырьмя глазами как у филина, подлетев, в головку скребка воткнулся (проделся). Он затаился. 8. Пинэвельдю свой скребок опустил вниз, ощупал: ничего нет, свой скребок вниз положил. 9. Итя домой пошел, вторично, опять на охоту пошел. 10. Обратно вечером идет. 11. Опять старик Пинэвельдю камлает: 12. «Нечто лосиное пусть прилетит». 13. Итя смотрит: корень в виде лося, поверху летя, прилетел, в головку скребка Пинэвельдю воткнулся (проделся). 14. Итя затаился, Пинэвельдю головку скребка ощупал: ничего нет. 15. «Итя, ты меня обокрасть собираешься?». 16. «Э, э, дядя, я...». Пинэвельдю свой скребок вниз положил. 17. Итя ушел. 18. Домой пришел, переночевал, утром свою бабушку спинным ремнем оленя обмотал, чтобы привязать к столбу, его собака-сучка с камысом на когтях к дереву привязана. 19. Вдруг его собака-сучка с камысом на когтях хотеть (= рваться прочь) начала. 20. «Ох, бабушка, Пинэвельдю нас в головку скребка, наверное, зовет». 21. Он самого себя к опорному шесту чума ремнем примотал. 22. Его собака-сучка с камысом на когтях отвязалась, 23. взлетела. Немногим позже его бабушка хотеть (= рваться прочь) начала. 24. Наконец ее ремень лопнул, его бабушка вверх взлетела, ушла (= улетела). 25. Итя остался сам. 26. Однажды, не долго сделалось (= ждать пришлось), Ича хотеть (= рваться прочь) начал, его ремень лопнул. 27. Через дымовое отверстие вверх взлетел. 28. Долетел, в

головку скребка Пинэвельдю его тянет. 29. Он в одну сторону крутится, в другую сторону крутится, в головку скребка не спрятался (?)¹. 30. Через дымовое отверстие вниз в золу костра упал. 31. Пинэвельдю, кочергой подхватив, проглотил его и распрямился, мол, теперь мою головку скребка ты не украдешь, я тебя съел. 31. Ича в животе Пинэвельдю распрямился, думает: «Ах ты, Пинэвельдю! Меня проглотил ужо. 33. Сверлильный ножик перед этим про запас я положил». 34. А потом уже, нащупывая, нащупал, из кармана достал и точилом точить свой ножик начал. 35. Маленький ножик [издает звуки:] *шауды пауды ʒɪl, ʒɪl*. 36. Пинэвельдю услышал: «А! Еще жив ты». Он один его бок кончиком ножа проткнул. 37. Пинэвельдю [...], железный идол (?) Ичи кончик проткнет². 38. Итя его живот распорол, наружу выпал, в животе Пинэвельдю видит свою бабушку и свою собаку-сучку с камысом на когтях. 39. Вытащить хочет. 40. Он разбудил свою бабушку, свою собаку-сучку с камысом на когтях разбудил, и свою бабушку разбудил. 41. Потом с другой стороны леса кучу дров к себе натащил. 42. Пинэвельдю в огонь, поджег, его пепел по ветру пустил.

¹ Если в записи *ассэ тӓптың* вметто *асс(ъ) ьтӓптың*.

² Глагол *кајутшуң* неясен, перевод фразы в целом сомнителен.

Текст №16_TW

Китка

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Каргасок), 1983

1. *Tut kit paryit pajal'žika bargha iga imde.* 2. *Iga imd kberimdit kitka.* 3. *Iga imd oromba, menergu kojallelimba, tab poqqop kinžekud.* 4. *Ad'uka tabin čenča: „Tan igi kojaješ nañnel kit parond.* 5. *Nat'erit tudot ukkir hajhe ejadit, nabit kolžehajet ejadit.*“ 6. *Iga imd ad'ukayind aya üngulžemba, uruk kayit bažimba, nañnel tut kit paronde kβinba.* 7. *Tab poqqop kinnimbat, poqqom mannimimbad, tudo kβedid'emba, tudonnan šidi haj eja.* 8. *Tab nabip kβatpat, nabinnan naj šidi haj eja.* 9. *Tab tanetemba: mažin alin ad'ukkam.* 10. *Tab koče tudop kβatpat, andot tiral tudop kβatpat, ugulže kβinba.* 11. *Ad'ukkade kit paroyin ninga.* 12. *Ad'ukkade kβedimba: „Nat'eγit biril hajgidil āra, tab mižnit abla.*“ 13. *Tab čenča: „Man na ārani aya larimbak.*“ 14. *Tab aj nat'el kinilgit poqqom kinžimbad, tab mannimba ūtkil nuž layelimbadi.* 15. *Anda porolžande čannimba, onže kurešpellimba.* 16. *Ūced'e tanetimba: ün onže čaželimba.* 17. *Tab kolžembad: Kit paroyit hajgidil āra amnind, kβilip šabirnad.* 18. *Āra kol'dit kβil kβatpat, tab kol'dit kβilip olounde kettimbat, andoyonde penbat.* 19. *Ūced'el'ika āran tōmba, na kβilip onže andoyonde penbat.* 20. *Onže ugulže kβinba.* 21. *Ad'ukad ugulžeyit aj kβedimba: „Tat qaito na āran kojand?* 22. *Na āra uruk biril kidyul, āra tab mižnin abla.*“ 23. *Paja najeβatpimba - najeβatpimba, kβilip čayin mužerembat.* 24. *Tab karit na mindi kβined'emba natet.* 25. *Na ara aj kβilip d'abirnad.* 26. *Ara bargi nodik kβatpat.* 27. *Ara kβilip andoyonde penbad, na ūced'en čenča: „Tan man nodik igi tβiled!*“ 28. *Ūced'el'ika tārba: „Tab hajgalij eja, i mažik konžirnad.*“ 29. *Tab tabinnan nodik imbad, onže andoyonde penbat, ugulžeyindi kβinba.* 30. *Hajgidil āra paržoyimba: „Mat šinde ablage.*“ 31. *„Tan mažin aya ablende, tat manil kudon aβešpak!*“ 31. *Tab ugulže tōmba, ad'ukande.* 33. *Tabey aβirbay.* 34. *Ūdit tabey ūdedidi: kudi-koj qaip-koj l'anečembad.* 35. *Āra parka: «loyot, tabip ti tadat!»* 36. *Ūced'el'ika ukkir palekayind helža pör, ukkir palekayind payit penbat, pondə onže piremdi haretpat, na čakka koren šündeyit niŋga.* 37. *Loyot tabip oropt aya medenžid nindi tak harilgu.* 38. *Pajap loyot kβinnimbadi, loyot korep enne bačembadi, korende kβinnimbadi.* 39. *Hajgidil āra tabip tak čekkimbad, ambad.* 40. *Ūced'e āpat pargeyin amda, helža pōmde imbad, payimde habešpad, onže lira.* 41. *Tab payimde ārat pargip čokolešpelimbadi.* 42. *Āra parka tabin: „Tan qajhe čokolešpand?”* 43. *Tab čenča: „Man lim tažinde čokolešpat.”* 44. *Tab pahe pargimde mal korombad, pone čannimba, onže ad'ukamde pone imbad.* 45. *Tabey kare tonde tōmbay, onže piremde mulžigu.* 46. *Ambamde, ad'ande pone imbad, na kidyul ārap bargi tünde čabimbadi.* 47. *Ūčega ārat korende kβinba, nagur nadek koreute pone čannimba.* 48. *Tab tabidin hoyonža: „Te qajem aβešpalit?”* 49. *βargi nañnad tabin čenča: „Mat kun βad'em aβešpak.”* 50. *Šidimžel nañna čenča: „Man naj kudin βad'em aβešpap.”* 51. *Nagurumžel naden hoyonža: „Tat qajim aβešpal?”* 52. *Na nadek čenča: „Mat kun βad'em a aβešpap, mat kβilim aβešpak.”* 53. *Ūced'e imbad endemde, šidi nadekap čačembadi.* 54. *Nagurumžel nadep ugulže kβennimbadi.* 55. *Tabey nateγit βargellimbay, kunde bargimbay.*

1. На берегу озера жила старушка с внуком (сыном ее сына). 2. Внука звали Китка. 3. Внук вырос, охотиться ходить начал, он сети ставил. 4. Бабушка ему говорит: «Ты не ходи на тот берег. 5. Там караси одноглазые, утки косоглазые». 6. Внук бабушку не послушался, рано утром встал, на тот берег озера поехал. 7. Он сети поставил, сети осмотрел, карась попался, у карася два глаза. 8. Он утку подстрелил, у утки тоже два глаза. 9. Он подумал: меня обманула бабушка. 10. Он много карасей поймал, лодку полную карасей наловил, домой пошел. 11. Бабушка на берегу стоит. 12. Бабушка ругается: «Там злой одноглазый старик (живет), он нас съест». 13. Он отвечает: «Я этого старика не боюсь». 14. Он снова на том берегу сети поставил, он смотрит: водяная трава (камыш) колыхается. 15. Лодка на быстрину вышла, сама пошла. 16. Мальчик думает: вода сама несет (лодку). 17. Он смотрит: на берегу слепой старик сидит, рыбу удит. 18. Старик нельму поймал, он нельму по голове стукнул, в лодку положил. 19. Мальчик к деду подошел, эту рыбу в свою лодку положил. 20. Сам домой пошел. 21. Бабушка дома опять ругается: «Ты зачем к старику ходил? 22. Этот старик очень злой колдун, он нас съест.» 23. Старуха сердится-сердится, (сама) рыбу в котле варит. 24. Он утром туда же на то место пошел.

25. Этот старик снова рыбу ловит. 26. Старик большую стерлядь поймал. 27. Старик рыбу в лодке спрятал, этому мальчику говорит: «Ты мою стерлядь не укради!» 28. Мальчик думает: он – слепой, а меня увидел. 29. Он у него (у старика) стерлядь взял, в свою лодку положил, домой поехал. 30. Слепой старик кричит: «Я тебя съем!» 31. «Ты меня не съешь, ты глупых людей ешь!» 31. Он домой приехал, к бабушке. 33. Они поели. 34. Вечером они слышат: кто-то чем-то стучит. 35. Старик кричит: «Черти, его сюда несите!» 36. Мальчик в один карман брусок, в другой карман нож положил, к дереву себя привязал, этот шест посередине чума стоит. 37. У чертей силы не хватает его оттуда отвязать. 38. Бабушку черти поймали, черти чум вверх подняли, унесли. 39. Слепой старик его отвязал, съел. 40. Мальчик в животе старика сидит, брусок достал, нож точит, сам поет. 41. Он ножиком старика живот покалывает. 42. Старик кричит ему: «Ты чем тычешь?» 43. Он говорит: «Мои кости тебя колют». 44. Он ножом живот, распорол, наружу вышел, свою бабушку наружу вывел. 45. Они к озеру пошли, себя обмыть. 46. Мать, отца наружу вывел, этого злого колдуна в большом костре сжег. 47. Мальчик в чум старика вошел, дочерей его из чума вывел. 48. Он у них спросил: «Вы что едите?» 49. Старшая сестра ему сказала: «Я человеческое мясо ем». 50. Вторая сестра говорит: «Я тоже человеческое мясо ем». 51. У третьей девушки спрашивает: «Ты что ешь?» 52. Эта девушка говорит: «Я человеческое мясо не ем, я рыбу ем». 53. Парень взял свой лук, двух девушек застрелил. 54. Третью девушку домой повел. 55. Они вдвоем там жить стали, долго жили.

Пучика-Чурикаль-чаптă / Сказка о Пучике-Чурике

Рассказал: Мантаков Г. (1928 г.р.)

Записал: Варковицкая Л.А.

Место и время записи: Баиха (ю. Н.Баиха), 1941

1. Остался однажды Пучика-Чурика в чуме один. 2. Мать его к щучьему запору пошла. 3. Отец его тетеревов стрелять отправился. 4. Старший брат его тетёрок стрелять отправился. 5. Остался Пучика-Чурика в чуме совсем один. 6. Взял Пучика-Чурика нож матери и сал у очага жерди резать. 7. Тут черт-старик к чуму подошел и закричал: 8. «Пучика-Чурика, куда ушла твоя мать?» 9. «Моя мать к щучьему запору ушла.» 10. «Пойду-ка я твою мать погоняю!» 11. «Ты мою мать не гоняй! 12. Моя мать своим большим топором тебя надвое разрубит: одна твоя половина на небо полетит, другая твоя половина в землю уйдет.» 13. «Пучика-Чурика, куда пошел отец твой?» 14. «Отец мой тетеревов стрелять отправился.» 15. «Пойду-ка я твоего отца погоняю!» 16. «Ты моего отца не гоняй. 17. Если отца гонять станешь, отец мой большим мечом-отказом тебя надвое разрубит: одна твоя половина на небо полетит, другая твоя половина в землю уйдет.» 18. «Пучика-Чурика, куда ушел твой брат?» 19. «Брат мой тетерок стрелять отправился.» 20. «Пойду-ка я твоего брата погоняю!» 21. «Ты моего брата не гоняй. 22. Мой старший брат большим отказом тебя надвое разрубит: одна твоя половина на небо полетит, другая твоя половина в землю уйдет.» 23. Тут черт-старик в чум зашел. 24. Пучика-Чурика под жерди подлез. 25. Нож свой в рукав засунул. 26. Черт-старик по ковшику ударил: 27. «Куда Пучика-Чурика девался?» 28. Ковшик так говорит: 29. «Я про Пучика-Чурика не скажу. 30. Какую бы еду Пучика-Чурика ни ел – эта еда сначала мне попадает.» 31. Потом по котлу ударил. 31. «Куда Пучика-Чурика девался?» 33. Котел так сказал: 34. «Я про Пучика-Чурика не скажу. 35. Какую бы еду Пучика-Чурика ни ел – эта еда сначала мне попадает.» 36. Потом черт по низу все облазил. 37. По низу облазив, по жердям ударил: 38. «Куда Пучика-Чурика девался?» 39. Жерди так сказали: 40. «Пучика-Чурика сегодня наши спины резал, вот он под нами сидит!» 41. Тут черт-старик Пучика-Чурика проглотил. 42. А Пучика-Чурика ножом своим живот черта-старика колоть стал. 43. Черт так и закрутился: 44. «Брюхо мое кто-то ест!» 45. Пучика-Чурика живот черта-старика распорол и наружу вывалился. 46. Черт-старик из чума выскочил и убежал. 47. Тут мать Пучика-Чурика к чуму подошла, закричала: 48. «Пучика-Чурика, неси-ка связку щучек в чум!» 49. А Пучика-Чурика так говорит: 50. «Меня черт проглотил, меня дьявол проглотил.» 51. Потом отец его пришел: 52. «Пучика-Чурика, неси-ка связки тетеревов в чум!» 53. «Меня черт проглотил, меня дьявол проглотил.» 54. Тут брат его пришел: 55. «Пучика-Чурика, неси-ка связки тетерок в чум.» 56. «Меня черт проглотил, меня дьявол проглотил.» 57. Тут все с смоляными факелами в чум зашли. 58. В чум лишь зашли, видят: Пучика-Чурика весь мазаный-перемазанный сидит. 59. Потом мать его вымыла.

Текст №18 _ TW

Калабокка и Пӧнегесса

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф. (1911 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Елыквāt варкыквāt әра пајассәқи. 2. Табыштјаннән ёква Йди. 3. Непт Калабокка. 4. Ӧтәт мѐта. 5. А́завәт қваннатән пӧјергу шӧтт, а Калабокканә тичәтт. 6. Тан мātқән кұнаң варқык мātәм ок тәзәлджимбет. 7. Тәзәлджименджал Пӧнегесса тӧнджа и амджа шт. 8. А́зти а́вәт қваннақи шотт пӧјергу. 9. Калабокка қала палгāлың. 10. Йвәт кыбыжо павәм и сәлдсә пӧқән й сәллә қваттыт. 11. Ада и а́ва қай чәнчәқы, Пӧнегесса тӧнджа машшим амгу. 12. А матт кәба паузе тап Пӧнегессам мадженджау. 13. Кәба павәмт сәлешпәт, а онджа лāра мādәмт тәзәлджимбәт. 14. Қате мылā ӧнтит, қайта чādжа тоблантсе муджуватпл'е. 15. Калабокка кәба паундсе коптән ы́лонт аттеда. 16. Пӧнегесса мāt шѐрна, Калабоккам коптән ы́лоқонто чатчит, ондж пйреқынт и Калабоккам пӧлледит. 17. Калабокканнән е́ја кәба пав. 18. Амта Пӧнегессан паргеқән, кәба паонтсә паргеқынт та тӧ поджалджешпат. 19. Пӧнегесса чәнча: Калабокка, Калабокка, маннани паргев рк поджалджешплел. 20. А Калабокка паргеқын на кыбыжо паокантсә пӧнегессан шйдем тоқоллā қваттыт. 21. А Пӧнегесса чәнча: Калабокка, Калабокка, мат шйдем әк тоқолешплел. 22. Мат ташт тӧденджак шт. 23. Пӧнегесса Калабоккам тӧтәт моқонә е́ле. 24. Калабоккан о́лыт тарыт Пӧнегесса кӧгалбат, олтаргāлыт қāлымба. 25. Пӧнегесса пӧнә чāнджа и қванн. 26. Калабокка мешелачлā қала и ӧлтаргāлың. 27. Ё́дәмын тӧ́вақ а́дат и а́ват, а Калабокка мешелачлā еппа и ӧлтаргāлың. 28. А́сти а́вот сӧқындақи Калабокканә, олтаромт ку қадәбумбал и мешелачант? 29. А Калабокка кадāшпат: машим тшитша (чича) лӧссым пӧлджирса. 30. И мимбин (тилди нилди) лӧссым пӧлджирса. 31. Тāпти тѐл а́зыт а́вот кұнай аза қваннāқий (қваннāқ), мāt тѐладәгу (тāладъгу) қалақи. 31. А́зыт и а́выт чаннә тйри қвалыт ны́ндепом а́нәт томн (топт) қамджāқий, а онджи мādат шедой плеккант ны́ледāқий. 33. А́зыт пет йндат, петсе ныңга, петсе ны́леда. 34. А пајат а́вот соммай пӧ йндәт. 35. А Калабокканә чәнчәқий: а тат, Калабокка, мādым тазалджимбелел. 36. Калабокка лāра, пӧндсә қатāлышпат қаимта, ӧнтадын Пӧнегесса чādжа. 37. Мāt шѐрешпа, Пӧнегесса мādат том а́занныт, қwāлын ны́ндепонт тйуелджә и нуққылwallā е́лле а́лде. 38. И нашт қарон а́зыт и а́вот, а́зыт петсә Пӧнегессан о́лом паданныт, Пӧнегессам қваннāқи. 39. Пӧнә варқ тhжомом паннāқи. 40. Пӧнегессам на варқ тўжомнә тādжāқи. 41. Пӧнегессам тў авешпат, Пӧнегессан теулат қолциватплā тўуондок тӧ е́ле пақтырнātт. 42. Пӧнегессам тў амныт, и таперта е́лātт и варкātт. 43. И Калабокка най орумба, и Пӧнегессала най т'а́ңгвātт.

1. Жили были старик со старухой. 2. У них был сын их. 3. Имя его Калабокка. 4. Весна пришла. 5. Отец-мать пошли дрова заготавливать в лес, а Калабокку наказывают: 6. «Ты дома молча, сильно в избе не шуми. 7. Если шуметь будешь, Пёнегесса придёт и съест тебя.» 8. Отец и мать ушли в лес дрова готовить. 9. Калабокка остался один. 10. Взял маленький ножик и об точильный камень точить стал. 11. Отец и мать что мне говорили: Пёнегесса придёт меня съесть. 12. А я маленьким ножом Пёнегесса зарежу. 13. Маленький ножик точит, сам песни поёт, в доме шумит. 14. Вскоре слышит, кто-то идёт, ногами стучит. 15. Калабокка с маленьким ножом под кровать спрятался. 16. Пёнегесса в дом зашел, Калабокка из-под кровати вытащил к себе (в себя) и Калабокка проглотил. 17. У Калабокка есть маленький нож. 18. Сидит у Пёнегесса в брюхе, маленьким ножом туда-сюда колет. 19. Пёнегесса и говорит: «Калабокка, Калабокка, в моём брюхе не тыкай меня». 20. А Калабокка в брюхе этим маленьким ножиком Пёнегесса по сердцу стал тыкать. 21. Пёнегесса говорит: «Калабокка, Калабокка, моё сердце не тычь. 22. Я тебя обратно выблюю». 23. Пёнегесса Калабокка выbleвал обратно. 24. У Калабокка волосы облезли все, он без волос остался. 25. Пёнегесса на улицу вышел и ушел. 26. Калабокка больным остался и без волос. 27. Вечером пришли отец его и мать, а Калабокка, болея, лежит и без волос. 28. Отец и мать спрашивают Калабокка: «Волосы свои куда девал и болеешь?» 29. А Калабокка рассказывает: «Меня страшный черт глотал. 30. Вот такой черт меня глотал». 31. На завтрашний день отец и мать никуда не пошли, дома дневать остались. 31. Отец и мать полное корыто рыбьей слизи у порога налили, а сами по обеим сторонам двери встали. 33. Отец топор взял, с топором стоит, с топором встал. 34. А мать пест от ступки взяла. 35. Калабокку говорят: «Ты, Калабокка, в доме шуми!». 36. Калабокка поёт, палкой колотит, что-то слышат – Пёнегесса идёт. 37. В избу заходит, Пёнегесса через порог перешагнул, на рыбью слизь наступил, поскользнувшись, упал. 38. И в это время отец и мать, отец топором Пёнегесса голову отрубил, Пёнегесса убили. 39. На улице большое огнище развели. 40. Пёнегесса в это большое огнище бросили. 41. Пёнегесса в огне горит, зубы Пёнегесса со щелчком (цокая) от огня прочь летят. 42. Пёнегесса сгорел, и теперь то живут и поживают. 43. И Калабокка теперь вырос, и Пёнегессов теперь нет.

Текст №19_TW

Пёнеге / Пёнеге

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф. (1911 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Елакумбақ варкәкумбақ пајага арагасе. 2. Табыштјанан еппа кыба мыла. 3. Табыштја көшкумбақ мадонт (мәдечле). 4. Елмадлади қалакумбади мәтқәт. 5. Тиджекумбақ елмадлаұанды кунак икат. 6. Ми лыбвалебе тәнджай. 7. Таптел кундағын қванджай. 8. Қошкумбақ. 9. Елмадлади қалакумбади. 10. Тел мор қуртқумбаден мәтқәт. 11. Межалбәкумбадәт, ләракумбадыт, тракачқумбадет, а Пёнеге әмдакумба ондже мәтқынт. 12. Әмдле массәкумба: «Мат тав олом най пассада». 13. Кәмдесе сәрле олом. 14. Кәмдесе сәрымбат. 15. Әмнымба, и кәмдет най ологыт пассадимба. 16. Қwәдумба Пёнеге и қwәнба кыба малам амгу. 16. Төмба, а табла лакватчембадет. 17. Мөроқондыт аза медыкумбадыт. 18. Қатәлбат мәдап. 19. Варгә нанадет чаннымба. 20. Куд нында? 21. Ноп тау лыпватпа. 22. Авем, тй тәндали? 23. А Пёнеге аджалгумба: Мат тәндак Пёнеге. 24. Маштыт тәвак амгу. 25. Ман олом най корван, пассадимба. 26. Кәмдызе сәрыккам, кәмде най пассада. 27. И тәвак тйштай амгу. 28. Тй варгык мәдеп тазелджимбадыт. 29. Кыба мыла, ык тазелджимбад мәт, а то қwәлыт, сүрут әһн аза патчут.

1. Жили были старуха со стариком. 2. У них были дети. 3. Они двое уходили в тайгу. 4. Дети оставались дома. 5. Наказывали детям, чтоб смирно были (не шумели в избе). 6. «Мы очень поздно придём. 7. Сегодня далеко мы пойдём». 8. Ушли (они дв.). 9. Дети остались. 10. Весь день бегали в избе. 11. Плясали, пели песни, дрались, а Пёнеге сидел в своём доме. 12. Сидит и говорит: «Голова-то моя раскололась». 13. Черёмуховой верёвкой обвязал голову. 14. Черемуховой верёвкой обвязал. 15. Сидел, и от черёмуховой верёвки тоже голова его раскалывалась. 16. Рассердился Пёнеге и ушел ребятишек съесть. 16. Пришел, а они смеялись. 17. До сознания не доходит, хохотали без остановки (не прекращали). 18. Застучался в дверь. 19. Большая старшая сестра вышла. 20. Кто там? 21. Уже стало темно. 22. Мать, наверно, вы пришли? 23. А Пёнеге сказал: «Это я пришел, Пёнеге. 24. Я вас пришел есть. 25. Моя голова кружится, раскалывается. 26. Черемошниковой верёвкой завязана была, черемошник тоже раскололся. 27. И пришел я вас съесть. 28. Вы шибко в избе шумите». 29. Дети, не шумите (не шалите) дома, а то рыба, звери в рот не залезут (т.е. не добудем).

Текст №20_TW

Йде / Идя

Рассказал: Иткупова Л.П. (1911 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1981

1. *Йде пѧлгѧлың элза. 2. Пѧнэгессэ қоштымбат, куттѧн Йде элымба, натѧт қвѧле қваттымба. 3. Пѧнэгессэ оралгуммамба. 4. Йде кѧннымба. 5. Шэдымджэл пѧр тѧмба Пѧнэгессэ, Йдем оралбат и поллѧдимбат. 6. Йде пѧргѧгыңд ѧмдыс и тавып салѧшпыс. 7. Пѧнэгессэ сѧгыңдимба: «Йде, қай мѧшпыңдал?» 8. Йде паып салѧшпыс, а паы массымба: «Йде, тѧ, Йде тѧ». 9. «Тан, Йде, қай на мѧшпыңдал?» 10. «Пѧргемт кыгак мат поджалджыгу». 11. «Тан мат пѧргем э́к поджалджле, мат квѧссе тѧдлакс».*

1. Идя один жил. 2. Пѧнэгессэ узнал, где Идя жил, туда стал ходить. 3. Пѧнэгессэ стал Идю хватать. 4. Идя убежал. 5. Еще пришел Пѧнэгессэ, Идю схватил и проглотил. 6. Идя в его животе сидел, нож точит. 7. Пѧнэгессэ спросил: «Идя, что делаешь?» 8. Идя нож точит, а нож говорил: «Идя киль-киль-киль (сюда), Идя ты-ты-ты (туда)!» 9. «Ты, Идя, что делаешь?» 10. «Живот твой хочу вспороть». 11. Ты мой живот не вспарывай, я тебя назад изрыгну».

Текст №21_TW

Ите / Итя

Рассказал: Кондукова К.Н. (1934 г.р.)

Записал: Воеводина Н.М.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1970

1. На ите илакус ези евимқъзе. 2. Ези евимеқый телан чопырле қвелалле қодади. 3. Чопырле қвендади, Ите матқън қалиқуң, матқат онд амдикуң. 4. Матқан амда, понен қайда лукирна. 5. Ите муўпту амда, ассе етчугу. 6. Лозе лукирле, лукирле, Ите матамды ассе нўкут. 7. «Ите, матал нўды!» 8. Лукирле, лукирле матандъ мишанет. 9. Мата нўкуң. 10. Лозе матты серне, Итем пеле олдыт. 11. Ите муўпту петин куттон амда. 12. Лозе пеле, пеле қоват Итем, тепе орранет Итем. 13. Ите той пактаң, ўтелдиң. 14. Лозе Итен моққон тынғырымбыле ўтелдиң. 15. Ите ўтимбикуң мадам томбы, ассе ораджолджагуң. 16. Ите печин қатты миталдиң, потполын ам неқолдит, ондә печин моққонды тагалдиң. 17. Лози Итен моққон ўтимбиле, на мўндә четчолдиң. 18. Овсе зашибануң, ныттаң на жамын сўндең иппикуң. 19. Итене тараң: «сим саппозық». 20. Ите печан моггон амда муўпту. 21. Ези евезықы тўуети. 22. Ите печан моққон чаруң. 23. «Маттал а қайинго нўмба?» – еват согандикуң. 24. Лозе жаман чақале иппикуң. 25. Ези евезеги лозем жамақын сапанати. 26. «тан қақтың тўмбанды?» 27. «Ман олла тесаң. 28. Ите сим қониң пилле олдысыт, жамын нўқыдисит, сим нитта нўмолдис. 29. Ман овсе зашибанусаң, ите сим ассе сабасқус». 30. Ите тараң евимРинне: «теп сим амгу ес. 31. Мең некутта қаттугу, ман жамам нўқадиссаң, теп ни четчолдис, ман иллыле қаллигаң. 32. Евезеқи на лозим саппаннат. 33. «Тан қақтың тўсандә?» 34. «Ман ола тың тўсаң». 35. Лозем матқандә ўтысади. 36. Тан тың ык тўқуқ. 37. Лози қвенны. 38. Ессе евезеги сеңқлевле, аққол қвеннади. 39. Итене таррати: «Қай тўи қутинен, ас ык неқут». 40. Тепқын қвелевле, Ите амдықуң. 41. Ындытит қайда чаджаң. 42. Лозе еруққан миттан ўнгалджимба. 43. Қай матқан енды ўнгалджимбисит қаймн ас матқан ас ендүң. 44. Аққол маттам лукирныт лаңгинне: «Ите, матам нўте». 45. Ите муўпту амда. 46. Лозе аққол лукирне. 47. «Ите, ман тедне гастичуле тўмбаң, тан мең ыкы леримбақ, ман синдә ас амджам». 48. Ите куйРан амда. 49. Лозе акошканне митаң, акошкам нўуат, акошкандә паттне. 50. Ите аққол печын кутон амда. 51. Ите муўпту амда. 52. Лози тараң: «тан ти чаруқ». 53. «Қай синдә аққол пергу?» 54. Ите тедиң: «тан сим аққол амгу еуандә». 55. «Ман синда ас амджам». 56. Ите еруққан чаруң, лозин қонде миттеле олдаң. 57. Лози тепе орраныт. 58. Ите ўделдзиң. 59. Неннатой ўтимбикусади намди тынгаргулле. 60. Ите уққон ўтимбикуң, лози моқонне, Итем тепе орраныт. 61. Ите лавкум мишшақаныт лозиннә еле четчоқалдит. 62. Лози ўтимбис, итен моққон на скамейкан тапәроқыле четчолдис, утамдә лақчет, қатты паттонет, путамды қеволдит. 63. Итене тедин: «тан сим қветнанды». 64. Ите печинкутондә тақалдиле амда ниң. 65. Қози евезеқы тўуати. 66. Лози мадан қыуан иппа, чақаң. 67. Езат қолдат: «Тан қақ аққол тың тўмбанды?» 68. «Итем ман манджегу тўсаң, гостичуле тепанне. 69. Теп сим ўтас қал сим митет. 70. Ман Итен моққон ўдылдисаң, теп лавкам ноққоқоныт, ман четчолдаң. 71. Манджамбадат, ман уттом лақчамбинде, қатмы паттўлбинды, путтом нақеваң». 72. Ите аққол тедиң: «Қат теп сим амгу ес». 73. Езат еват тараң лозинне: «Қвенақ ыкы тўқуқ!». 74. Лози қвенны. 75. Моққа сўнде таррати: «Тўмандә, ме синдә қветчат». 76. Лозе қвелевле тита ас тўқуң. 77. Ите еси евезеқи иллати, тита иллати.

1. Этот Итя жил с отцом и с матерью. 2. Отец с матерью днем за ягодой, рыбой уходят. 3. За ягодой когда оба пойдут, Итя дома остается, сам дома сидит. 4. Вот он дома сидит, а на улице кто-то стучит. 5. Итя молча сидит, не отвечает. 6. Лоз стучит, стучит, а Итя дверь не открывает. 7. «Итя, дверь свою открой!» 8. Он стучал, стучал и дверь дернул. 9. Дверь открылась. 10. Лоз в дом зашел, Итю искать стал. 11. Итя молча за печкой сидит. 12. Лоз едва нашел Итю, чуть не поймал Итю. 13. Итя в сторону отскочил и побежал. 14. Лоз за Итей догонять побежал. 15. Итя бежит по избе, его поймать не удастся. 16. Итя к шестку печки подбежал, подполья западню открыл, а сам за печку заскочил. 17. Лоз позади Ити бежал и в яму упал. 18. Он сильно разбился и там в яме внутри лежит. 19. Он Ите говорит: «Ты меня вытащи!» 20. Итя за печкой сидит молча. 21. Его отец с матерью пришли. 22. Итя из-за печки вышел. 23. «Твоя дверь почему открыта?» – его мать спрашивает. 24. Лоз в яме лежит и стонет. 25. Отец с матерью лоза из ямы

вытащили. 26. «Ты зачем пришел?» 27. «Я так пришел. 28. Итя гонять начал, яму открыл, меня туда толкнул. 29. Я совсем разбился, Итя меня не вытаскивал». 30. Итя говорит своей матери: «Он меня съесть хотел. 31. Мне некуда деваться, я яму открыл, он туда упал, и я живой остался». 31. Мать с отцом этого лоза вытащили. 33. «Ты зачем сюда пришел?» 34. «Я там сюда пришел». 35. Они лоза домой послали. 36. «Ты сюда не приходи!» 37. Лоз ушел. 38. Отец с матерью, переночевав, опять ушли. 39. Ите они сказали: «Если кто придет, никому не открывай». 40. Они ушли, а Итя сидит. 41. Слышит – кто-то идет. 42. Лоз тихо подошел, слушает. 43. Кто дома есть, слушал, никого дома не слышно. 44. Он опять в дверь стучит и кричит: «Итя, дверь открой!» 45. Итя молча сидит. 46. Лоз снова стучит. 47. «Итя, я к тебе в гости пришел, ты меня не бойся, я тебя не съем». 48. Итя молча сидит. 49. Лоз опять к окошку подошел, окошко открыл, в окошко залез. 50. Итя опять за печкой сидит. 51. Итя молча сидит. 52. Лоз говорит: «Ты сюда выйди!» 53. «Разве тебя опять искать?» 54. Итя говорит: «Ты меня опять съесть хочешь». 55. «Я тебя не съем». 56. Итя потихоньку вышел, к лозу подходить стал. 57. Лоз его чуть не поймал. 58. Итя побежал. 59. Потом они бегали, друг друга догоняя. 60. Итя вперед бежит, лоз сзади, Итю чуть не поймал. 61. Итя скамейку схватил и лозу на дорогу поставил. 62. Лоз бежал сзади Ити, об скамейку запнувшись, упал, свою руку сломал, лоб разбил, свой нос раскровил. 63. Ите говорит: «Ты меня убил». 64. Итя, за печку спрятавшись, сидит там. 65. Отец с матерью пришли. 66. Лоз посреди избы лежит, стонет. 67. Отец увидел: «Ты зачем опять сюда пришел?» 68. «Итю я посмотреть пришел, в гости к нему. 69. Он меня впустил, говорит, меня догони! 70. Я сзади Ити бежал, он скамейку толкнул, я упал. 71. Смотрите, я руку себе сломал, мой лоб разбит, нос раскровавлен». 72. Итя опять говорит: «Он, видно, меня съесть хотел». 73. Отец и мать говорят лозу: «Уходи и больше не приходи!» 74. Лоз ушел. 75. Ему вслед они сказали: «Если придешь, мы тебя убьем». 76. Лоз ушел, сюда больше не приходит. 77. Итя с родителями живет, сейчас еще живет.

Текст №22 _ TW

Оккырсайи лѳз/ Одноглазый черт

Рассказал: Иткупова Л.П. (1911 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1981

1. Элзāги-варкызāги ара паясық. 2. Табланан элзāдыт эльмāдла. 3. Оккыр йд варг эза. 4. Нэд шэдықодэги, Йдя, нāгрумжэли, кыбаң эза, твёй қогырсағыт қондыс. 5. Йден неннят вадоачымба, тюрле амдыкумба лэ́рле: «Оккырсайи лѳз бы тѳнэ, мат табнэ қумнэ қваннэк». 6. Оккырсайи лѳз тѳмба. 7. Йден неннят қоноырбат оккырсайи лѳзып, қытьвātпа. 8. Таб эджалгумба: «Манан Йде кыбайчэ. Ыдымыгыт, қужат азем, авем тѳнжадыт, тан нашак тѳленд.» 9. Оккырсайи лѳз ўдымыгыт тѳмба. 10. Темнят тѳмба шётқындо. 11. Авыт азыт қвылычлебе тѳмбадыт. 12. Азыт сѳгындимба лѳзнан: «Тат қайқо тѳмманд?» 13. Лѳз эджлгумба: «Мат Йдет кыба ненням йгу тѳмбақ онэқэқ қвандыгу.» 14. Азыт эджлгумба: «Йдят неннят – мат нэм. 15. Йдя – мат йм. 16. Мат тѳка нэп қумнэ аза менджап. 17. Тан – араң эянд. 18. Э́к қваяленд мигнут. 19. Тѳннандж – мй ташт қваччут. 20. Мат табыт аз э́як. 21. Мат тѳка нэп аза менджап.» 22. Оккырсайи лѳз аза тѳмба. 23. Нэ́т қалымба тепкагыт амдле.

1. Жили-были муж с женой. 2. У них были дети. 3. Один сын старший был. 4. Дочь – средняя, Идя – третий, маленький был, в берестяной люльке спал. 5. С Идей сестра его водилась, сидела, плакала и пела: «Одноглазый черт пришел бы, я бы за него замуж пошла». 6. Одноглазый черт пришел. 7. Идина сестра увидела черта и испугалась. 8. Она сказала: «У меня Идя малыш. Вечером, когда отец мой и мать моя придут, ты тогда приходи». 9. Одноглазый черт вечером пришел. 10. Брат её пришел из леса. 11. Мать её, отец её с рыбалки пришли. 12. Отец ее спросил у черта: «Ты зачем пришел?». 13. Черт ответил: «Я Идину сестру забрать пришел, к себе увести». 14. Отец ее сказал: «Идина сестра – моя дочь. 15. Идя – мой сын. 16. Я тебе дочь замуж не отдам. 17. Ты – старый. 18. Не приходи к нам. 19. Придешь – мы тебя убьем. 20. Я – отец. 21. Я тебе дочь замуж не отдам». 22. Одноглазый черт не пришел. 23. Дочь его осталась сидеть в девках.

Текст №23_TW

Пөнэгессэ /Пёнэгессэ

Рассказал: Иткупова Л.П.

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1981

1. Элзэдыт Йде альдигаза. 2. Чардэ вёсь онджыуын удигу ймбат Пөнэгессэ. 3. Йде кыбаң эза, альдигандызэ қалымба. 4. Йде варуың азымба, қвэлычле қваяле қваттымба. 5. Альдигада массымба: «Тақ эккы қваяленд, а тәм қваяленд, таққыт колоысайи тодла, а тәммыт сыва сайи тодла.» 6. Йде қошқумба, тәм қошқумба, тақ қошқумба, тадымбады тодлап. 7. Альдиганд эджалгумба: «Тодла вёсь оккырнәди сайи тодла, колджысайи тәңгва.» 8. Альдигат эджалгумба: «Наттят таққын эла Пөнэгессэ, а Пөнэгессэ вёсь тат чардемд таққылбат, таннан азел эза и авел эза, и няннәлал темнәлал вёсь эзадыт и таптәл эядыт. Пөнэгессэ чардәмд таққылбат. Пөнэгессәннан удьле элләдыт.» 9. Йде қвылчыгу қваямба, қоноырбат Пөнэгессэп. 10. Пөнэгессэ эджалгват Йден: «Тат удырленд, коннэ чәждленд». Қваллай мёка элгу! 11. Пөнэгессэ чәждленд: «Қваллай мёка элгу!» 12. Йде эджалгумба: «Мат альдиганнан соуындьлак қошклебе.» 13. – «Но соуындиленд!» 14. Йде тәмба эдәнд, альдиганд эджалгумба: «Пөнэгессэ онджыуын қвэрыт элгу.» 15. Альдига эджалгумба Йдени: «Қвалленд табни элгу.» 16. Қужан на одоуонт ташт йнджыт, тат паркленд варуың. 17. Ай-га! Маннан вёсь қожа! 18. Пөнэгессэ, тан, машәп қвэзи поруондзэ вёсь поджәннал. 19. Машәм үдленд элле и қвэзи поруымд тә тәчле!» 20. Йде тәмба тақ, натят Пөнэгессэ. 21. Пөнэгессэ эджалгумба: «Қай альдига эджалгумба?» 22. – «Эджалгумба: Қошкленд!» 23. Пөнэгессэ Йдеп одоуынд ймбат. 24. Йде парка: «Тан машәп қвэзи поруондзэ вёсь подәннал!» 25. Пөнэгессэ Йдем эллеё удымбат и қвэзи поруым тә тәччембат. 26. Нашан Йдет чардэ вёсь тәмбадыт и Пөнэгессэп қватпәдыт. 27. Вёсь эдәнд тәмбадыт и альдиганнан эрзадыт, ұды эрзадыт, межалбызадыт, эрзадыт, назэ и қалымбадыт и таптәл элладыт. 28. Азем наттән эза, най таблазэ эза.

1. Идя жил с бабушкой. 2. Родственников всех забрал к себе работать Пёнэгэсэ. 3. Идя маленький был, с бабушкой своей остался. 4. Идя большой стал, рыбачить начал ходить. 5. Бабушка его сказала: «Вниз по течению реки не плавай, а вверх по течению плавай, в низовье караси косоглазые, а в верховье караси с хорошими глазами». 6. Идя плавал, вверх по течению плавал, привез карасей. 7. Бабушке своей сказал: «Караси все одинаковые, косоглазых нет». 8. Бабушка его рассказала: «Там в низовье живет Пёнэгэсэ, а Пёнэгэсэ всех твоих родных забрал, у тебя отец был, и мать была, и сестры, и братья были, и сейчас есть. Пёнэгэсэ родных твоих забрал. У Пёнэгэсэ живут и работают». 9. Идя рыбачить поехал, увидел Пёнэгэсэ. 10. Пёнэгэсэ говорит Иде: «Ты остановись, на берег выйди.» 11. Пёнэгэсэ говорит: «Давай пойдем ко мне жить!» 12. Идя сказал: «Я еще у бабушки спрошу поеду». 13. – «Ну, давай спроси!» 14. Идя приехал в деревню, бабушке сказал: «Пёнэгэсэ к себе позвал жить.» 15. Бабушка сказала Иде: «Иди к нему жить. 16. Когда он на руки тебя возьмет, ты кричи громко: 17. «Ой-ой, Пёнэгэсэ, у меня все болит. 18. Пёнэгэсэ, ты меня железной шубой всего исколол. 19. Меня вниз отпусти и железную шубу сбрось». 20. Идя приехал в низовье, там Пёнэгэсэ. 21. Пёнэгэсэ сказал: «Что бабушка ответила?» 22. – «Сказала: Поезжай!» 23. Пёнэгэсэ Идю на руки взял. 24. Идя кричит: «Ты меня железной шубой всего исколол!» 25. Пёнэгэсэ Идю отпустил, железную шубу сбросил. 26. Тогда Идины родственники пришли и Пёнэгэсэ убили. 27. Все в деревню пришли, и у бабушки гуляли, водку пили, так и остались, и сейчас живут. 28. Отец мой там был, тоже с ними был.

It'a üčega kalimba pelgalik / Итя-маленький остался один

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: Обь (Каргасок), 1983

1. *It'a üčega kalimba pelgalik, kužakin ambadi kumba.* 2. *Ad'ade eppimba menertil qup, mad'onde kβinba, mad'oute čβesse ugulže aya tömba.* 3. *Ad'ukade tabip onže piriyeinde imbad.* 4. *Tab bargi üčed'el'ikatko oromba, larimba onže.* 5. *Tab kunnaj ad'ukandennan aya kβinba, ukkirin ad'ukayende oralba.* 6. *Ad'ukade čenča: «Kanduk tabin tan oyollalžigu, tab igi larimbeja, kβilisku kojaje, hurup kβatku kojaje, nidi čayičalil qutko ed'eja?»* 7. *Tabey mad'onde kβinbay, βešyap takkilgu kβinbay.* 8. *Paja kβilšanond omnimba.* 9. *It'a iga imd omdelžimbad, kβilšandimdi kare namped'embad, kβilšande čažay.* 10. *T'eledi kβedimba, nagur čurum mennimbay, konne čannimbay, βeškap takkelešpelimbadi.* 11. *Paja tidin molap pohe (čaželikahe)ketteld'e, nateute βeškin ol al'tešpindadi.* 12. *Kβilšanimdi βeškahe tirale penbadi, ugulže üppidigu takkilimbay (lakkimbay).* 13. *Ad'ukade ukkir pažap βeškande konne kβešimbad.* 14. *Tab čenča iga iyend: «Tat kuralgeš, tadel'e.»* 15. *Onže kβilšanimdi kare namped'embad i kβinna.* 16. *It'a parkellimba, čurellimba.* 17. *Paja na kodeyit tak edemba.* 18. *Tab onže natet mad'et pužoyit kalimba, tab kojamba, perimba, pot pužop kombad, natet patpa.* 19. *Naten amda tarišatpile, larimba.* 20. *Tab tarba: hurut töllage, tabin ablade.* 21. *Tabin kudinnaj aya mitemba.* 22. *Marga margečemba, βeškin olot al'tešpadit.* 23. *Kužak tab aya larimbimba, kondalalt'emba.* 24. *Karit tab enne kel'temba, čeledi čelimba.* 25. *It'e tab onže pirende haroyimbadi pündernid: Mat qai helan ejak, kudinnaj mažin aya amba.* 26. *Udid naj helan eja, tobid naj helan eja.* 27. *Tab pot pužoute pone paktemba, toboyinde nil'ed'emba.* 28. *Ninde koček βeškin olot eppadi.* 29. *Tab βeškip takkelešpad, kudinnaj aya larimba.* 30. *Ad'ukade tömmand: Tat tinčil kummond, tat kudinnaj igi larimbeš!* 31. *Mat aya kundakkit tanan šekiand.* 31. *Tabey aj kβilšande tirip βeškap takkilbad, ugulže kβinbay.* 32. *Nin bule it'e kunnaj aya larimbellimba kβengu, tab oromba, a menertil qutko ed'emba, kudinnaj, qaimnaj aya larimba.*

1. Итя-маленький остался один, когда мать его умерла. 2. Отец был охотником, в лес ушел, из леса не вернулся. 3. Бабушка его к себе взяла. 4. Он взрослым парнем вырос, боится (всего). 5. Он никуда от бабушки не отходит, все время за бабушку держится. 6. Бабушка говорит: «Как его отучить, чтобы он не боялся, рыбачить ходил бы, зверей добывать ходил бы, таким смелым человеком стал бы?» 7. Они в лес пошли, шишки собирать пошли. 8. Бабушка в обласок села. 9. Итю-внука посадила, обласок оттолкнула, поплыли на обласке. 10. Солнце светит, три песка проехали, на гору поднялись, шишки собирают. 11. Старуха кедровые ветки палкой (колотушкой) побьет, оттуда шишки падают. 12. Обласок шишками полный наложили, домой отправляться собрались. 13. Бабушка одно лукошко с шишками на горе оставила. 14. Она говорит: «Ты сбегай, принеси!» 15. А сама обласок от берега оттолкнула и уехала. 16. Итя кричал, плакал. 17. Старуха в то время скрылась. 18. Он один в лесу остался, он ходил, искал, дупло нашел, туда спрятался. 19. Там сидит, дрожит, боится. 20. Он думает: звери придут, его съедят. 21. Его никто не трогает. 22. Ветер дует, шишки падают. 23. Сколько он ни боялся, уснул. 24. Утром он проснулся, солнце светит. 25. Сам себя потрогал, щупает: я здоров ли (цел ли), никто меня не съел. 26. Руки целы, ноги целы. 27. Он из дупла выскочил, на ноги встал. 28. Там много шишек нападало. 29. Он шишки собирает, никого не боится. 30. Бабушка приехала: ты здешний человек, ты никого не бойся! 31. Я недалеко от тебя ночевала. 32. Они снова полный обласок шишек собрали, домой поехали. 33. С тех пор Итя никуда не боится ходить, он вырос, хорошим охотником стал, никого и ничего не боится.

Җандук Идя мадѣгыт шаққымба / Как Идя в лесу ночевал

Рассказал: Сычина М.С. (1914 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1980

1. Идя эза кыбыльдикай, калымба азыткалык и авыткалык. 2. Авыт кўмба, кушай под Идя тѣлымба. 3. Азыт мадѣнд кванба сўрым кватку, аза тѣмба. 4. Идя элза азынавеннан. 5. Идя орымба варгы и весь кытьватпа, маткындо қутидѣли аза кваява. 6. Альдига кыгза, Идя эза орсуй қуп, кваяза мадѣнд, квылычле. 7. Оккыр пот свѣшк котиң эза, табым нѣда таккылгу и мѣгу. 8. Альдига Идяп квѣрза: «Чажлай мадѣнд таккылгу свѣшкып, мѣгу и мерымгу». 9. Идя ыжалгус: «Кваллай!». 10. Табла омдадыт кыба андонд, кваннадыт. 11. Чѣжызыт – чѣжызыт, медѣдыт, ўдырнѣдыт, кыба андогынды чанжле мадѣнд. 12. Свѣшк альдя котиң- котиң. 13. Табла свѣшкып, таккылбадыт қоронжѣнд и тыгылышпандыт кыба андонд тырыгын кыба анд. 14. Кыгелымбадыт чѣжыгу мѣт. 15. – «Идя, мат квѣдяң қоронжѣм, тат кѣшкленд, йллел қоронжѣм, тадлел тыкка». 16. Идя квасса қоронжѣтко, а паяга омда кыба андонд, кванна пелгалык. 17. Идя калымба натян мадѣгын. 18. Таб ларымба и тюрза ларымбле. 19. Идя қольдя свѣшк котиң эя, таккылешпат пелгалык. 20. Пелгалык Идя шаққымба, куднай табым аза амбадыт. 21. Қарын паяга тѣмба. 22. Идя ыжалгус: «Мат, аза ларымбам, пелгѣлык кванжак и свѣшкым таккылоэноал». 23. Идя орымба варгың, эза сыва, орсуй тыбылгум. 24. Семилѣс, семилѣс, мат нюндям.

1. Идя маленький был, остался без отца и без матери. 2. Мать его умерла в тот год, когда Идя родился. 3. Отец его в тайгу ушел зверя бить, не вернулся. 4. Идя жил у бабушки (букв. у отцовой матери). 5. Идя вырос большой и всего боится, из дома никуда не ходит. 6. Бабушка хотела, [чтобы] Идя был сильным человеком, ходил бы в лес, рыбачить. 7. В один год шишки много было, ее надо собрать и обработать (букв. сделать). 8. Бабушка Идю позвала: «Давай поедем в тайгу шишку собирать, (чтобы) обработать и продать». 9. Идя сказал: «Давай поедем». 10. Они сели в обласок, поехали. 11. Ехали-ехали, добрались [до места], пристали, из обласка вышли, в тайгу [отправились]. 12. Шишек нападало много-много. 13. Они шишки собирали в лукошко и таскали в обласок, полный обласок [натаскали]. 14. Захотели ехать домой. 15. [Бабушка говорит]: «Идя, я оставила лукошко, ты, сходи, возьми лукошко, принеси сюда». 16. Идя пошел за лукошком, а бабушка села в обласок, уехала одна. 17. Идя остался там в тайге. 18. Он боялся и плакал от страха. 19. Идя увидел, [что] шишек много, собирал один. 20. Один Идя переночевал, никто его не съел. 21. Утром бабушка приехала. 22. Идя сказал: «Я не боюсь, один поеду и шишку соберу». 23. Идя вырос большой, он был хороший, сильный мужик. 24. Хватит, хватит, я устала.

Текст №26 _ TW

Īže i Imjal paja / Иджа и бабушка

Рассказал: Минеева Н.Н. (1895 г.р.)

Записал: Быконя В.В.

Место и время записи: Тым, 1977

1. *Imjal paja Īžer qβilip qβatku a Īže larimba.* 2. *Naččat Pōnege mažek apila.* 3. *Hβičkap mešpugu, imial paja Īžer qwinnimbat hβičkap taqqilgu.* 4. *Imajal paja qoromžer qwižinbat qonneyit.* 5. *Anondi paja omnimba.* 6. *«Īže, koromže koneyit āβilžar».* 7. *Īža a kiga.* 8. *Īže quralžimbat qonne.* 9. *Īže quralba qoremžetko.* 10. *Paja kappä nampežemba i qβinba.* 11. *Īža niqa qalimba, čūrimba, parkomba, paja qwinba.* 12. *Čeldi patpa.* 13. *Īže laromba.* 14. *Pōnege žigalba.* 15. *Īže titit tabond olondi harelbat.* 16. *Hβičkan ol al'češpa.* 17. *Īže parqβa: «Pōnege, olomdi ōginat».* 18. *Īža qarret qelčimba, hβič alčimba, innä omnimba.* 19. *Qail Pōnege čangβa.* 20. *Qappe ottom manimba, imajal paja lerile tōšpa.* 21. *Mat taβ eak.* 22. *Qail Pōnege čangwa.* 23. *Naye Īže qβil čelimba, huru čelimba, naye βaryile qβittambay.* 24. *Ayβami kočč ēžemba.* 25. *Qβil, βati helži pore.*

1. Старуха Иджю рыбу ловить посылает, а Иджа боится. 2. Там лесной меня съест. 3. Орехи делать, бабушка Иджю увезла шишки собирать. 4. Старуха лукошко оставила наверху. 5. В лодку старуха села. 6. «Иджа, лукошко наверху забыла (я)». 7. Иджа не хочет. 8. Иджа побежал наверх. 9. Иджа побежал за лукошком. 10. Старуха оттолкнулась и уехала. 11. Иджа здесь остался, плакал, кричал, бабушка уехала. 12. Солнце село. 13. Иджа боялся. 14. Лесной съест. 15. Иджа под кедр голову затолкал. 16. Шишки падают. 17. Иджа говорит: «Лесной, голову мою не тронь!» 18. Иджа утром проснулся, шашка падала, сел. 19. Никакого лесного нет! 20. Вниз на берег посмотрел, бабушка, напевая, едет. 21. «Я – вот! 22. Никакого лесного нет!» 23. Теперь Иджа рыбу ловил, зверя добывал, теперь хорошо жить стал. 24. Продуктов много стало. 25. Рыба, мясо семь амбаров.

Сказка про Ичу

Рассказал: Тетеркин П. (1908 г.р.)

Записал: Прокофьева Е.Д.

Место и время записи: Турухан (Фарково), 1926

1. На краю княжеского города жила бабушка с внуком. 2. Внука звали Ича. 3. Бабушка Ичу воспитывала. 4. Плохо, бедно жили. 5. Вот Ича подрос и однажды говорит бабушке: Деда моего покойного лук и тамар (стрела) где спрятаны? 6. Бабушка ответила: в амбаре. 7. А у деда моего лоз-покровитель где-нибудь спрятан? 8. Будто в амбаре что-то такое есть. 9. Ича в амбар полез, все дедовское имущество забрал. 10. Лоза-покровителя на жертвенную березу повесил. 11. Лук и тамар в чум понес. 12. На следующее утро вышел Ича из чума, огляделся и видит – на вершинах семи деревьев сидят семь пальников (глухарей). 13. Бегом в чум вернулся, лук и тамар взял, нацелился и в крайнего выстрелил. 14. Все семь пальников упали. 15. Убил. 16. Удивился подобрал их и в чум понес. 17. Поели они с бабушкой. 18. Ича в путь собрался. 19. Лыжи приготовил, лук и тамар взял. 20. На лыжах пошел. 21. В этот день свежий снег выпал. 22. Идет Ича и видит: чистый снег будто разбрызган. 23. Поглядел и вспомнил: «Бабушка с дедом мне рассказывали, будто есть такой зверь – лесной олень, что такой снег он оставляет». 24. Пошел Ича по следу. 25. Видит: следы в тундру спускаются. 26. Совсем свежий след, будто только сейчас прошли звери. 27. Идет дальше на лыжах, а догнать не может – быстро бегут олени. 28. Вышел в тундрочку, со всех сторон окруженную лесом. 29. И тут такой вихрь, ветер поднялся, не устоял Ича на ногах, упал. 30. Неизвестно, долго ли лежал. 31. Наконец оглянулся, поднялся. 32. А парка (одежда) у него бедная, из мешка сшитая, вся снегом залеплена, места чистого нет. 33. Ича смотрит кругом и думает: «А олени мои куда делись?» 34. К лесу на лыжах пошел. 35. До кедров дошел, видит, на низу стволов клочья оленьей шерсти. 36. По этому следу пошел. 37. И вдруг увидел – все-то семь быков как будто умирают, лежат. 38. У одного из быков, того, что с сухими рогами, на верхнем отростке рога лоз-покровитель Ичиного деда висит. 39. Ича подошел к этому быку и говорит лозу-покровителю: 40. Тебя как это сюда занесло? 41. Зачем притащился? 42. Я и сам теперь зверя добывать стал. 43. Снял с рога лоза-покровителя и на березу повесил. 44. Потом с быков шкуры обдирать стал. 45. Ободрал. 46. Шкуры в снег закопал. 47. Одну заднюю ногу только отрезал. 48. Домой собрался идти. 49. Лоза-покровителя с березы снял, за пазуху положил. 50. Домой пришел, лоза опять на жертвенное дерево повесил, а оленью ногу в сених оставил. 51. В чум вошел, бабушке говорит: 52. Пойди в сени, я там одну куропатку добыл, так принеси ее в чум. 53. Бабушка вышла. 54. Видит, оленья нога лежит. 55. Говорит бабушка: Э-э, Ича, верно, оленя добыл. 56. В чум вошла, Ича ей говорит: 57. Нашел я семь быков, всех убил. 58. Как мы их сюда из лесу притащим? 59. Бабушка отвечает: Давай туда жить пойдем. 60. Жить будем, съедим. Нет, я в такой мороз переселяться с чумом не буду. 62. Бабушка подумала и сказала: 63. Вот, моя мудрость пригодится, пойди в амбар и принеси твоего покойного деда саночки, они в амбаре внизу стоят. 64. Ича саночки принес. Бабушка его к реке побежала, к проруби склонилась, двух рыбок поймала: карася и сорожку. 65. В чум принесла, Иче сказала: 66. Положи этих рыбок за пазуху и уходи. 67. Когда приедешь к твоему месту и убитых коров на саночки погрузишь, то рыбок вынь и в саночки запряги. 68. Смотри не серди их и не обижай. 69. Ича рыбок взял, за пазуху положил, сам в саночки впрягся и пошел. 70. Пришел на свой старый след, до того места, где мясо закопал, дошел. 71. Все семь быков на саночки погрузил, рыбок из-за пазухи вынул, запряг. 72. Закричал: Эй, рыбки, ну-ка, бегите! 73. Обе рыбки его лежат. 74. Ича кричит: Сейчас прутом вас заставлю тянуть! 75. А рыбки спокойно лежат. 76. Ича прут отломил, прутом рыбок ударил. 77. Рыбки чуть-чуть шевельнулись. 78. Глупые вы, еле шевелитесь! – кричал Ича и сам саночки потянул. 79. И вдруг рыбки так сильно саночки подхватили, что Ича в сторону упал, а саночки, чуть-чуть касаясь снега, по верху несутся. 80. Ича поднялся и с плачем побежал. 81. Видит: рыбки мимо чума пронеслись – прямо к проруби. 82. Ича руками машет, кричит: Бабушка, помогай! 83. Бабушка из чума вышла, увидела, что случилось, к проруби

побежала. 84. Рыбок остановила, саночки отпрягла, рыбок в прорубь отпустила. 85. В чум пошла, Иче сказала: 86. Ты что же, слов моих не слышал? 87. Я говорила – не серди рыбок, а ты что? 88. Чуть в беду не попал. 89. Туши оленей с саночек сгрузили. 90. Мяса целую ногу от одной туши отрезали, большой огонь в чуме развели, мясо варят. 91. Ича с убитых оленей в чум втащил – сушиться развесил. 92. Ичин чум на краю княжеского города стоял. 93. Кто как живет, князю все видно. 94. Вот видит князь: из чума Ичи дым сильно идет. 95. Князь слугам говорит: 96. Сходите, посмотрите, почему это из Ичиного чума такой большой дым идет. 97. Слуги князя, по имени Подол и Наперсток, пошли к Ичиному чуму. 98. Вошли в чум, видят – много оленьих шкур на шест повешено. 99. На огне мясо варится. 100. Поели, на прощанье Ича им сказал: Я на охоту ходил, вот этих семь бычишек добыл. 101. Подол и Наперсток к князю побежали и рассказали, что Ича, мол, очень много оленей добыл. 102. А Ича лыжи надел, топор взял, опять из дома пошел. 103. Идет куда глаза глядят. 104. В самую середину чащи леса зашел. 105. Там погребальный холм возвышается, а из него наружу огонь и дым струятся. 106. Подошел и слушает. 107. Там два голоса, слышно, говорят, людей из княжеского города как им погубить договариваются. 108. Вспомнил Ича, что могильный холм этот старшим дочкам князь после их смерти сделал. 109. Думает: «Вот что! Князевы дочери, видно, злыми йэретями (волшебницами) стали. Большая беда от них может быть». 110. Домой пошел к своей бабушке. 111. Жил, жил. 112. Вдруг такое несчастье случилось: каждую ночь из княжеского города пять-шесть чумов пустеет, люди из них исчезают. 113. Испугался князь, позвал слуг Подола с Наперстком и говорит: 114. Позовите ко мне Ичу, может быть он узнает, куда мой народ исчезает. 115. Слуги побежали. 116. В чум к Иче вошли. 117. Ича спрашивает их: Зачем вы пришли? 118. Не сами пришли мы, нас князь послал. 119. Народ наш каждую ночь убывает, куда-то теряется. 120. Ты, Ича, не знаешь ли, какая тому причина? 121. Ича отвечает: У князя две дочери умерли. 122. Обе они йэретями стали. 123. Это они людей к себе тащат. 124. Я чуть к ним не попался. 125. Слуги назад к князю побежали, рассказали. 126. Князь велел Ичу позвать. 127. Подол и Наперсток опять к Иче побежали. 128. Ича, князь тебя зовет к себе. 129. Пошли все вместе к князю. 130. Князь говорит Иче: 131. Народ мой каждую ночь теряется. 132. Скоро совсем мало людей останется. 133. Не поможешь ли нам? 134. Не сумеешь ли ты что-нибудь сделать? 135. Я самую младшую дочь тебе за помощь отдам. 136. Согласился Ича помочь князю и его народу. 137. Говорит князю: 138. Свой народ в один чум, в твой самый большой чум, всех собери. 139. После этого Ича принес покровителя деда – лоза, на тропинке поставил. 140. У входа в княжеский чум семь лозов своих посадил, сам недалеко от амбара с отказом притаился. 141. Вот вечер уступил место для ночи. 142. Ночь чуть не к половине своего пути пришла, а все тихо. 143. Вдруг на тропинке что-то застучало, видно, это йэreti из леса за княжеским народом идут. 144. Вот йэретя дедкиного покровителя-лоза увидела (он на тропинке стоял), схватила и закричала: 145. Ты что это без хозяина стоишь? 146. На что ты годеи? 147. Бросила лоза в сторону, дальше идет. 148. К чуму подошла, видит – у входа семь лозов рядышком сидят – семь деревянных лозов. 149. Закричала им: Вы что тут расселись? 150. Зачем к чуму прислонились? 151. А они ей в ответ: Что ты кричишь? 152. Голодные мы, ты к амбару пойдешь, еды нам принеси, мы тебя тогда в чум впустим. 153. Она с тропинки сошла, к амбару направилась. 154. А там Ича! 155. Отказом ей голову отрубил и тело рядом с амбаром бросил. 156. Сам опять караулить сел. 157. Через некоторое время на тропинке опять шум послышался, кто-то из лесу вышел и говорит: 158. Куда это моя сестра ушла, почему ее так долго нет? 159. Это подруга йэретя вышла, в князев город за людьми собралась. 160. Вдруг дедкина покровителя-лоза на тропинке увидела, схватила, ругает: 161. Ты нового себе хозяина нашел? 162. погоди, мы твоего хозяина съедем. 163. Бросила лоза в сторону. 164. К чуму подошла. 165. Сидят у входа семь деревянных лозов, к двери прислонились. 166. Она кричит: Вы что тут торчите? 167. Зачем к чуму прислонились? 168. Они отвечают ей: Ты пойдешь лучше к амбару, еды нам принеси. 169. Мы тут одну женщину послали, да что-то она не идет назад, а мы голодные. 170. Ругается йэретя. 171. Однако к амбару пошла. 172. Видит: сестра ее лежит. 172. Ты чего тут разлеглась? 173. Или так много без меня людей съела, что устала? 174. В чум побежала, поскорей съесть побольше людей. 175. Ича, подкравшись, отказом ее ударил –

голову отрубил. 176. Смотрите, – говорит Ича людям, – жадность у них великая, людей целиком ели. 177. Сколько горя нам сделали. 178. Йэретей вместе сложили, на большом огне сожгли. 179. Князь Иче дочь свою в жены отдал. 180. Помощником своим сделал. 181. Стали люди тихо, одним дружным умом жить.

Imil'anti tšáptəğ / Сказка про бабушку

Рассказал: Мантокова А. (1928 г.р.)

Записал: Т. Лехтисало

Место и время записи: Ленинград, 1957

1. *Īča imil'antisä ilimpa.* 2. *Īča intiti inipti, tissäl' kopäeti inipti, mačonti qənnä.* 3. *Mačil' ätäp nūñiti.* 4. *Ukkir tissese sel'či ätäp qənniti.* 5. *Moqine tūña.* 6. *Imil'anni pūn ničij essa: „Imil'a, mat qətpiti' ätä imi mokine kutar tatiltam?“* 7. *Imil'ati ätikol ponne tāra.* 8. *Īča mənnipət, imil'a qəqqonti tūñil'äsiṭi qəlil'am orqolñiti.* 9. *Nini ukkir (okkir) qəasa'ap aj ukkir nirsäl'ap kipa qaylonti sōarñiti.* 10. *„Niči qaylise kutar sel'či ätä imi tatiltam?“* 11. *Asa, kətsat.* 12. *Müntik ätä ili nat sūrī'at qənnəlnōatit.* 13. *Tan ol'ä ikə tēntäs.* 14. *Sūrī'atip ikə qətti.* 15. *Čontikā mārāt.* 16. *Īča aylimoll'ä ontī koptōqinti ūpalna.* 17. *Ni tūlil'ä seči ätä intī qaylonti t ltiñiti.* 18. *Ninə kəlil'at nāmonti misalnoati, ol'ä siriṭ qaylit čipōqit puskāttəm.* 19. *S□pīlāk □lā qəlil'atti utiroatti.* 20. *Īča lañkīlnə (lañkalnə): „□, qaitqo utirñōattit?“* 21. *Kissa, kəlləme!“* 22. *Qəlil'ati melkko tañimōatirñōat.* 23. *„□, kail orkilpi' sūrīt □ñātīt!“* 24. *Qəlil'ati tañ tottōatit.* 25. *Īča mē lip iñiti, qəlil'ātīt kñiti.* 26. *Īča kottä al'ča.* 27. *Qəlil'ati qayl'imti namonti innä misalnōti, tōatit ūtəlis qəqqonti paktirōatit.* 28. *Īča mantējja: „Əmpə ütti paktirintōat!“* 29. *Īča čūrīla lañkālna: „O, imil'a, tantäs, utirāt!“* 30. *Imil'a pōn tanta.* 31. *Nilčimti qōñiti.* 31. *Qəlil'amti čontika kəriñiti.* 33. *Qəlil'aiti koll'imōal' imil'a kuntini tullinñōatit.* 34. *„Āj, āj, Īča, kətsam!“* 35. *Tat man ətomī pokkaltisal.* 36. *Natqō nil'čik tōrāmti čam al'čanti.“*

1. Ича жил со своей бабушкой. 2. Ича взял свой лук, взял свой колчан со стрелами, пошел на охоту. 3. Он охотится на диких оленей. 4. Одной стрелой он убивал семерых диких оленей. 5. Он пришел домой. 6. Своей бабушке сказал он позже так: «Бабушка, как принесу я моих убитых диких оленей домой?» 7. Бабушка молча вышла из дома. 8. Ича смотрит, когда бабушка к проруби подошла, поймала она двух маленьких рыбок. 9. Потом запрягла она маленького окуня и маленького ерша в маленькие сани. 10. «Как повезу я на таких санках семерых диких оленей?» 11. «Нет, мой внучок. 12. Всех твоих диких оленей доставят эти маленькие рыбки к цели. 13. Ты только не кричи на них. 14. И не бей этих рыбок. 15. Обращайся с ними спокойно». 16. Ича, удивлённый, уехал на них. 17. Туда приехав, погрузил он своих семерых оленей на саночки. 18. Тогда помчались маленькие рыбки, так что только снег от краёв полозьев взметнулся. 19. После довольно долгого времени маленькие рыбки стали останавливаться. 20. Ича кричал на них: «Эй, почему вы останавливаетесь? 21. Эй, езжайте дальше!» 22. Маленькие рыбки останавливались неподвижно. 23. «Эй, что вы за слабые звери!» 24. Тут маленькие рыбки остановились. 25. ИТСа взял прут, настегал рыбок. 26. Ича упал в сторону. 27. Рыбки захватили саночки вместе с их содержимым и прыгнули прямо в прорубь. 28. Ича крикнул: «Глянь-ка, так они уйдут под воду!» 29. Ича, заплавав, стал звать: «О, Бабушка, выйди (из дома, наружу)! Останови (удержи) их!» 30. Бабушка выбежала на улицу. 31. Она увидела всё. 31. Она тихо позвала маленьких рыбок. 33. Маленькие рыбки, вернувшись, пришли к бабушке. 34. «Ой-ёй-ёй, Ича, мой внучок! 35. Ты меня не послушался. 36. Поэтому ты был близок к тому, чтобы попасть в беду».

Текст №29_TW

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруких Е.П. (1932 г.р.)

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1973

1. Iča ilimpa imil'antisä. 2. Iča nuṣsa: „Tap pōn, imil'a, mat kuńčap čāṇka.“ 3. A imaqota qēlitī čāṇka. 4. Tap pōt qajsä amirtēnta? 5. Iča qənnā Lōs-irat kuńḥontī. 6. Imil' imil'amtī tūmontī omtiltēl'čitī. 7. Nīnī nīk kətītī: „Lōs-ira kuńčōqintī panuńña.“ 8. A Iča nīmī wərka. 9. Lōs-ira tūa, Ičanīk nīk kətītī: „Mat kuńčap.“ 10. A Iča nīk kətītī: „Mat kuńcap. 11. Nomtī laṇkišāšīk, mol mat kuńcap.“ 12. Lōs-ira laṇkińña – nop nī qajim ašša kətītī. 13. Iča laṇkal'na – imaqota konnāt laṇkal'na, što Ičat kuńči. 14. Lōs-ira nīrkīmānna, kuńḥimtī tō čattītī. 15. Iča nūčīk Lōs-irat kuńčip tō īṇitī. 16. Nīnī Iča qēlīp qəttiqolamnītī i imil'antisä mēltī nīmī ilīqolamnāqī.

1. Ича жил со своей бабушкой. 2. Ича так сказал: «В этом году, бабушка, у меня запора [для рыбной ловли] нет.» 3. А у старухи рыбы нет. 4. В этом году чем будет питаться? 5. Ича пошел к запору черта-старика. 6. Свою бабушку на лиственницу посадил. 7. Потом так сказал: «Черт-старик к своему запору спускается.» 8. А Ича там находится. 9. Черт-старик пришел, Иче так сказал: «[Это] мой запор.» 10. А Ича так сказал: «[Нет, это] мой запор. 11. Богу кричи, мол, [это] мой запор.» 12. Черт-старик кричит – Бог ничего не сказал. 13. Ича крикнул – старуха наверху закричала, что [это] Ичин запор. 14. Черт-старик испугался, свой запор бросил [=отказался от своего запора]. 15. Ича так запор черта-старика отобрал. 16. Потом Ича рыбу стал ловить и с бабушкой всегда там стали жить.

Текст №30 _ TW

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруких Е.П. (1932 г.р.)

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1973

1. Iča i imaqota ilimpāqı. 2. Iča qənpa Tūtıl'tōntı. 3. Qətpatı wərqı tūtıp. 4. Tümpa moqınä. 5. Imaqotanık kətımpatı: „Wərqı tūtap iki amtı. 6. Jes'li ammēntal, mat qul'čentak.“ 7. Ontı qənnəja mačo. 8. Moqınä čap tūña, imaqota Ičat wərqı tūtıp unnä ammēmpatı. 9. Iča qul'ča. 10. Imaqota tã pūña, Ičam illä taqnıti. 11. Imaqota moqınä pūña. 12. Ūtıt āmta. 13. Nul'čık kətıti: «Tāl' pələqqıt qorqı šenti ləp amqontōqo anıčči». 14. Iča unnä omtıja: «Kun ēña?» 15. Imaqota tã pūña, Ičam moqınä pūtıtı.

1. Ича и старуха жили. 2. Ича поехал на Карасье озеро. 3. Поймал большого карася. 4. Приехал домой. 5. Старухе сказал: «Моего большого карася не ешь. 6. Если съешь, я умру.» 7. Сам поехал в лес. 8. Домой пришел – а старуха Ичиного большого карася съела. 9. Ича умер. 10. Старуха на ту сторону переехала, Ичу похоронила. 11. Старуха назад переехала. 12. Вечером сидит. 13. Так сказала: «На той стороне медведь, чтобы свежие кости съесть, спустился.» 14. Ича вверх сел [=вскочил]: «Где [он] есть?» 15. Старуха на ту сторону переехала, Ичу назад перевезла.

Текст №31 _ TW

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруких Е.П. (1932 г.р.)

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1977

1. Iča imil'antisä ila. 2. Iča Tütül'tönti qənnä. 3. Koččik tütü qənniti. 4. Ukkir wərqi tütü qəttiti. 5. Moqinā tūṇa. 6. Imil'anti nik kətiṇiti. „Tūtal muširāti, wərqi tūtap iki amti. 7. Mat cātü qēcāti. 8. A kipa tūtal amti. 9. Qata wərqi tūtap ammēmmäl, mat qul'čentak.“ 10. Onti nini ej qənnəja. 11. Imaqota wərqi tütü muširälä unnä ammēti. 12. Ičanik qəčiti kipa tütü. 13. Iča moqinā tūṇa, amirqontō omta. 14. Imaqotanik nül'čik kətiṇiti. „Wərqi tūtap kuččä qattus?“ 15. A imaqota nül'čik kətiṇiti: „Iča, man əmiltälä unnä ammēmpap tat tūtal.“ 16. Iča pāpi al'ča, qul'ča. 17. Nini imaqota kuččä qatenta? 18. Ičam ullä mēqolamniti. 19. Qāsıl' antōqinti teltiti, tā mačit pārinti pütiti. 20. Ičap söl'minti tēmtisä sārimpatı, konnā ũqılñiti. 21. Ičam ullä mēṇiti. 22. Moqinā pūṇa. 23. Ūtin āmta, sūm ēṇa. 24. Mātati qottā ippa. 25. Āmtälä nül'čik laṇkñña: „Tāl' pēlāqqit qorqi na panıčči šenti ləm amqontōqo.“ 26. Iča təttim unnä pōttēti. 27. „Kun ēṇa? Kun ēṇa?“ – nül' laṇkñña. 28. Imaqota tā pūṇa, Ičam moqinā pütiti. 29. Nini nül'čik ñennä ilāqı.

1. Ича со своей бабушкой живет. 2. Ича на Карасье озеро поехал. 3. Много карасей поймал. 4. Одного большого карася поймал. 5. Домой приехал. 6. Бабушке так сказал: «Карасей сварю, моего большого карася не ешь. 7. Для меня оставь. 8. А маленького карася съешь. 9. Если моего большого карася съешь, я умру.» 10. Сам потом опять уехал. 11. Старуха, большого карася сварив, съела. 12. Иче оставила маленького карася. 13. Ича домой приехал, кушать сел. 14. Старухе так сказал: «Мой большой карась куда делся?» 15. А старуха так сказала: «Ича, я, забывши, съела твоего карася.» 16. Ича сразу упал, умер. 17. После этого старуха куда денется? 18. Ичу стала хоронить. 19. В ветку [= челнок] из коры погрузила, на ту сторону на вершину яра перевезла. 20. Ичу за шею веревкой привязала, на берег тащит. 21. Ичу похоронила. 22. Назад переехала. 23. Вечером сидит, [все] тихо. 24. Дверь откинута на нюк. 25. Сидя так кричит: «На той стороне медведь спустился свежие кости съесть.» 26. Ича [через] землю вверх прошел насквозь. 27. «Где [он] есть? Где [он] есть?» – так кричит. 28. Старуха на ту сторону переехала, Ичу назад перевезла. 29. Потом так дальше живут.

Текст №32_TW**Итьте вступается за татар**

Рассказал: ?

Записал: Доннер К.

Место и время записи: [Чая]

1. Когда Итьте все еще жил в тундре со старой женщиной, к ним является татарский принц, князь, просить помощи. 2. В татарском городе был голод и ниоткуда не было помощи. 3. Поэтому в своей крайней нужде они обратились к Итьте, чтобы он попытался умиловить богов. 4. Итьте обещает им сделать, что он сможет, и в красивых санях татары увозят его в свою страну. 5. Прибыв туда, он вынимает свою арфу, и начинает играть на ней, чтобы войти в сношение со всемогущим богом. 6. Он играет и поет семь дней непрерывно, и все же ему не удается подняться на небо. 7. Тогда он бросает свою арфу, ложится на спину и просит старую женщину разрезать его живот. 8. Как только она это сделала, его пустой желудок вылетает к Богу просить пищи для умирающих от голода татар. 9. Бог согласился на эту мольбу, и старуха притягивает вниз желудок, и все время находившийся в связи с кишечником, и укладывает все это обратно на свое место, зашивает живот и моет свои руки. 10. Немедленно леса наполняются животными, а реки рыбой, и татарский князь в знак благодарности выдает за Итьте свою дочь после чего он возвращается домой в свою страну. 11. Здесь некоторое время супруги живут счастливо. 12. «Жена родит ему сына и дочь. 13. Мальчика он тянет к себе как бы крючками, дочь он прогоняет прочь палкой (выдает замуж)».

Қандук Йде номнэ төмба / Как Идю на небо подняло

Рассказал: Иткупова Л.П. (1911 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1981

1. Йде альдигандзэ шыдэҕ элзәуи 2. Ташшуккумба, ташшудэ эза. 3. Альдига эджалгумба: «Йде, қошкленд нушшуннендж, мадырленд номнан, штобы пōднэ». 4. Альдигад мēmбат ладам. 5. На ладанд омнымба Йде, лэрымба: «роң, роң, тити нук». 6. Йдеп коннэ мешшālбат, титэнд наттйт қванба. 7. Номнэ төмба. 8. Ноп эджалгумба: «Қай, Йде, төмманд?» 9. «Ташшук, мйнан пō тйгва». 10. «Чāджленд эллē, квēссэ чāджленд! 11. Пēдэнджа, поп тūзылле. 12. Ташшугумнэнджа, поп тūуылденджал. 13. Ташшугумнэнджа и мātқынд амнынджали».

1. Идя с своей бабушкой вдвоем жили. 2. Мороз был, холодно было. 3. Бабушка его говорит: «Идя, сходи на небо, попроси у бога, чтобы стало тепло». 4. Бабушка его сделала черкан. 5. На черкан сел Идя, поет: «ронг, ронг, тити нук». 6. Идю вверх подняло, на облоко туда, улетел. 7. К богу пришел. 8. Бог спрашивает: «Зачем, Идя, пришел?». 9. «Холодно, у нас дров нет». 10. «Иди вниз, назад иди! 11. Тепло будет, дров много натаскай! 12. Похолодает – дрова натаскаешь. 13. Холодно будет – дома будете сидеть».

Текст №34 _ TW

Йден алдига / Идя и Альдига

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф. (1911 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. Ёлыквѧқ варкыквѧқ Йден алдигассық. 2. Алдиганнан пѧтпа то сѧѧоқон қар. 3. Алдигат ѳбѧтешпа қарым маннымбыгу, а Йда ѧндалджа алдигандѧсѧ қвангу қаронт, қарым маннымбыгу. 4. Алдигат аза кыгасыт йку, а патом йвыт, и ѳбѧдақий шѧдѧқи. 5. Чѧджѧқ ваттоонто. 6. Алдигат чѧнча Йденѧ: кутет мат титарнак, тйѳелджешпаң тйттарлѧ, тан най маннани ваттоқең тйттарлѧ тйѳелджешплент. 7. Қароқонти метѧқи. 8. Қарым еннѧ чатчет алдигат, қwѧлым кйдент қароқондо қамджѧт, и моѳонѧ ѳбѧдақий. 9. Чѧджа алдигат наннѧн, Йда алдигант могоѳен (могунѧн) чѧджа. 10. Алдигат кѳ тйѳалджешпа, и Йда най табын ваттот тйттарлѧ чѧджа. 11. Мѧтқынди мѧдақш, шаққақи. 12. Йде алдигақынт чѧнча: мат таптѧл, алдига, пелгалың қwанджаң қаронт, қарым маннымбыгу. 13. Алдигат қwѧдыте, ку кваннандж қаронт. 14. Натан қошти чветчот тондж, қwаннандж пелгалың. 15. Јесле қwаннандж, маннани ваттоонт, кутет мат титтарбаң и тан най маннани ваттонт нйк ша титтарлѧ чѧджѧк. 16. Кујем қѧн тйѳалдженнандж, Пѧнѧгессѧ тѧл'апешт тѧнджа и қwанненджашт оккырлѧ. 17. Йде алдигант ваттоонт чѧджа қаронт, қаронт мѧда, қаромт еннѧ ваттет, қароѳондо қwѧлым кйдѧнт қамджит, қwѧли кйдѧмт шернѧт, и моқынѧ ѳбеда. 18. Перва чѧджис алдигант ваттоонт, мастерең тйттарлѧ чѧджис. 19. Кйдѧт тйри қwalзѧ. 20. Нундилѧ қwатта, нунда и чѧджа, кутет тоблат тйѳелджешпѧт, и натет тйѳалджешпле чѧджис. 21. Нѳндай и қwашқылджегу омда. 22. Кѧлджѧт пѧронт ѧмда. 23. Қайѳондо чанджа пѧнегесс Йденѧ. 24. Йдам қwатпѧроѳонт тѧтджит Йдем и қwандѧт. 25. Тѧдѧрыт Йдам. 26. Кушак пѧлзаққын тѧдѧрыст, сақ тыдыжай мѧгырқын тѧдѧрыт. 27. Кундѧң или каукаң тѧдѧрыст Пѧнегессѧ онджѧ мѧтқынт мѧда. 28. Шаққақи. 29. Тѧпти қаримықын Пѧнѧгессѧ қwанна. 30. Пѧнѧгессѧ қwѧјалебе тѧwa, ай қарѧн ку қwѧјақwѧ, и ай қwанн. 31. Кундың или каукаң ѧлызѧқ оккыр пот меннынт и шѧдамджѧли пѧқонт қwанн. 31. Йде Пѧнѧгессѧн мѧда шенден пѧқут қаймда и қѧват култи шартот. 33. На култилантысѧ пѧнѧ чанджа, а пѧнегессѧнѧ ѧјѧт сѧлд клѧжлат. 34. На култилантысѧ клѧжан мѧдам нѧwѧт клеже шендент маннымба, на клежѧт шендеқын сѳрут қопсѧ тйромба. 35. Шѧдѧмджѧли клежом нѧwѧт, на клеш шендеқын сѳрун ватсѧ тйрымба. 36. Нѧгрѧм джѧли клежѧм нѧwѧт и тѧттымджѧли и сомблам джѧли. 37. И сѧлдимджѧли клежѧм нѧwѧт, а натақын ѧмда надѧң (надѧ). 38. На надѧ ѧнтѧллѧ и терѧллѧ. 39. Ташт Йде қайшт таттымба тѧка? 40. А Йде қадѧшпѧт: машин Пѧнѧгессѧ жѧм таттѧст. 41. А мат тѧнт, надѧң кадѧшпыт, нѧгурѧмджѧли пѧқонт тау клесқын ѧмдаң. 42. Надѧнопти клесконто пѧнѧ чанджѧқий, надѧ Йденѧ чѧнча. 43. Мат Пѧнѧгессѧн мѧт шѧрлай қѧлай табѧннан шаққуй пѧм и типсим. 44. Нам йнджѧй и куѧѧнджѧй. 45. Шѧрнѧқий Пѧнѧгессѧн мѧт и пѧwѧқий. 46. Қѧwѧқий типсим и шакқуй пѧм. 47. Йwѧқий и кѳнѧқий. 48. Кушак курсақий чѧджѧқ кундың или қаукаң, нѧдѧк мугылджиква чветчонт еллѧ и қѧндсѧ ѧңгындрѧмба. 49. Ендѧдет, Пѧнѧгессѧ табыштѧм нѧдѧмбат чѧджа. 50. На нѧдѧк типсинт чатчет кылон олоқондо и на типсим татджит чветчонт. 51. Онджа ѧджалгва, тап типси азтй пѧй лый тѧулѧ. 52. На типси азта лый тѧулѧ оромна. 53. Пѧнѧгессѧ меда, на лый тѧнт қаттѧллѧ қwаттыт, а нашт қарон Йде нѧдѧссѧ кундаң и кундаң ѧле қwаннѧқ. 54. Кундың или қаукаң курсақий, надѧң ай мугѧлджимблѧ ѧңгелджимба и ѧнтит, Пѧнѧгессѧ табыштѧм ай нѧwѧт. 55. Тең медрѧнджит табыштѧм. 56. Надѧк чатчит шакқуй пѧмт. 57. На шакқуй пѧм чветчонт тѧджит, онджа чѧнча. 58. Тау шакқуй пѧ орымнин пѧй тѧулѧ. 59. И нашит қарон шакқуй пѧ орымна пѧй тѧулѧ. 60. А табыштѧк курнѧқи кушаң ѧрупти ѧја. 61. Пѧнегѧсса пѧй тѧнт медлѧ қаттыде, пѧй тѧм қатѧлышпат, а нашт қарон Йде нѧдѧссѧ кундаң ай кундаң қwаннѧқий. 62. Катемылѧ нѧдѧқ ай ѧңгылджѧква чветчонт (чветчоуонт). 63. Чветч ай лақа ай лақа, Пѧнѧгессѧ медрѧшпат табыштѧм. 64. Нѧдѧ қылон олоу(қ)ондо ай чатчет шакқуй квѧзымт, на шакқуй квѧзым чветчонт татджет, онджа ѧджалгва: 65. Тау шакқуй квес орымни квѧзи тѧулѧ. 66. Нашт қарон и орымна квѧзи тѧ. 67. Пѧнегессѧ мѧда квѧзи тѧн ауплеккант қаттѧлишплѧ қwаттѧт на квѧзи тѧм (квѧзи). 68. Нашт қарон Йде и нѧдѧ Йден мѧтқынди мѧдѧқий. 69. Йде ондж мѧт пѧроѳонтѧ чѧджа и турбаонто елле мѧтқынт мѧдѧ шеннендж мѧннымба. 70. Алдига (ѧ ѧндѧт) ѧрагантнопти ѧмдѧқи шовалт қѧқын и тѳй шйдем пѳѧқый. 71. Йде на тѳй шйдем еннѧқындѧ свѧдит. 72. На тѳй шйт қаптѧде. 73. Алдига ѧрагандсѧ тѧттақий. 74. Алдигат ѧраганѧ ѧджалгва, таттѧт тѳй шйт қаптѧде. 75.

Тāt свѣдал. 76. Ёде мāt шѣрнāџи надāнопти, алдикат адантнопти āнданнаџи. 77. Ёде нāдāнопти мѣдаџий и елат варкат и таперто еlāt.

1. Жили-были Идя с матерью. 2. У матери поставлена в истоке озера морда. 3. Мать отправляется морду смотреть, а Идя просится с матерью пойти к морде морду смотреть. 4. Мать не хочет брать, а потом взяла, и отправились вдвоём. 5. Идут по дороге. 6. Мать говорит сыну: «Куда я шагаю (наступаю; по следам, наступая в следы), наступаю шагая, ты тоже по моим следам, шагая, наступай». 7. К морде (их двоих) подошли. 8. Морду вытащила мать, рыбу в кузов вывалила из морды и обратно отправились. 9. Идёт мать вперёд, Идя позади матери идёт. 10. Куда мать наступает, и Идя тоже по ее дороге, ступая, идёт. 11. К их дому пришли, ночевали. 12. Иде матери говорит: «Я сегодня, мама, один пойду к морде, морду смотреть». 13. Мать рассердилась: «Куда ты пойдёшь к морде. 14. Там худая местность, пойдёшь один. 15. Если пойдёшь, по моей дороге, куда я наступала, ты также по моим следам также, шагая, иди. 16. Куда-нибудь набок (в сторону) наступишь, Пёнегесса придёт и тебя унесет навсегда (навовсе)». 17. Идя по дороге матери идёт к морде, до морды дошел, морду поднял, из морды рыбу в кузов вывалил, кузов с рыбой надел и обратно отправился. 18. Сперва шел по материной дороге, хорошо наступая, шел. 19. Полный кузов с рыбой. 20. Уставать стал, устал и идёт, куда ноги сами наступают и туда, наступая, шел. 21. Устал и отдохнуть сел. 22. На кочку сел. 23. Откуда-то вышел Пёнегесса к Иде. 24. Идю на плечо закинул, Идю понёс. 25. Несёт Идю. 26. Сколько по лесу нёс, по черному кедровому веретью несёт. 27. Долго ли коротко он нёс, Пёнегесса до своего дома дошел. 28. Ночевали. 29. Назавтра утром Пёнегесса ушел. 30. Пёнегесса ходил да, пришел и опять утром куда-то ходит, и опять ушел куда-то. 31. Долго ли, коротко ли жили, год прошел, второй год настал. 31. Идя в Пёнегессовой избе ищет что-то, и нашел связку (кучу) ключей. 33. С этими ключами на улицу вышел, а у Пёнегесса семь амбаров. 34. Этими ключами двери амбаров открыл, внутрь амбара смотрит, в этом амбаре внутри шкур много (полно). 35. Второй амбар открыл, внутри этого амбара звериного мяса полно. 36. Третий амбар открыл, и четвёртый, и пятый. 37. И седьмой амбар открыл, а там сидит девушка. 38. Эта девушка, обрадовавшись, заплакала: 39. «Тебя, Идя, что принесло сюда?». 40. А Идя рассказывает: «Меня Пёнегесса же принёс». 41. «А я здесь, – девушка рассказывает, – третий год в этом амбаре сижу». 42. С девушкой из амбара на улицу вышли, девушка Иде говорит: 43. «Я в избу Пёнегесса, зайдём давай, найдём у него огниво и гребень. 44. Это возьмём и убежим». 45. Зашли в избу и ищут. 46. Нашли гребень и огниво. 47. Взяли и убежали. 48. Сколько бежали, долго ли, коротко ли, девушка наклоняется к земле и ухом слушает. 49. Слышит, Пёнегесса их гонит, идёт. 50. Эта девушка гребень вытащила с груди и этот гребень бросила к земле. 51. Сама говорит: «Этот гребень стань (вырасти) каменной костяной горой». 52. Этот гребень стал костяной горой (вырос). 53. Пёнегесса пришел, эту костяную гору колотить стал, а в это время Идя с девушкой далеко и далеко ушли. 54. Долго или коротко бежали, девушка опять наклонилась, слушает и слышит, Пёнегесса их опять догоняет. 55. Скоро догонит их. 56. Девушка вытащила камень для высекания огня. 57. Этот камень на землю бросила, сама говорит: 58. «Этот камень вырасти каменной горой». 59. В это время (в тот момент) камень вырос каменной горой. 60. А они бегут сколько силы есть. 61. Пёнегесса до каменной горы добежав, бить стал, каменную гору бьёт, а в это время Идя с девушкой далеко-предалеко убежали. 62. Вот вскоре девушка опять слушает к земле. 63. Земля опять дрожит и дрожит, Пёнегесса догоняет их. 64. Девушка из груди опять вытащила железку-высекалку, эту высекалку на землю кинула, сама говорит: 65. «Эта высекалка вырасти железной горой». 66. В это время и выросла железная гора. 67. Пёнегесса пришел по ту сторону горы, колотить начал эту железную гору. 68. В это время Идя и девушка домой к Иде пришли. 69. Идя сам на крышу дома полез. В трубу в дом (во внутрь дома) смотрит. 70. Альдига со стариком сидят около чела печи (чувала) и на единственный уголёк от огня дуют. 71. Идя на этот уголёк сверху сплюнул. 72. Этот уголёк погас. 73. Мать со стариком подрались. 74. Мать старику говорит: «Из-за тебя уголёк погас. 75. Ты плюнул». 76. Идя в дом зашел с девушкой, альдига снохе обрадовалась. 77. Идя с девушкой пришли и живут-поживают, и теперь-то живут.

Рассказал: Андреева В.А.

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1973

1. Ičakičika imil'asiqāj ilimmintāj. 2. Iča ukkir čontōt qonna sūrill'ä. 3. Sārīñiti nākir ātāti. 4. Na ātāiti muntik āmtiti sōp'il' ūkin ēñātīt. 5. Ātāintisä qonni mačonti koralä. 6. Iča qaqłitta, karrä al'ča ħaronti. 7. Mannimpatī ħarīt qoltōqīt ātāt kuralimmintātīt. 8. Tō pū ħa. 9. Čap mannimpatī māt āmninti. 10. Tül'ča mātiti, mannimpatī qaqłi tottinti. 11. Ukkir pōl' qōri'l' qaqłi tottinti, ukkir imal' qaqłi tottinti. 12. Mātāqin ponä mannimminti ukkir nātāk. 13. Iča māt šērni, ullä omta. 14. Nātāk čāñikti muširinti. 15. Iča āmtilä čāj ütintiti. 16. Soqñiča: „Apantil' mit kuššat qəssātīt?“ 17. Nātāk kətiñiti: „Apal' mit täl'čēli qəssātīt.“ 18. Iča kətiñiti: „Kuššat tüntātīt?“ 19. Nātāk kətiñiti: „Tāl'i qarīt tüntātīt.“ 20. Iča qonna moqinā. 21. Moqinā tüñja, ātāimti tō ūtiñiti. 22. Šāqqa, imil'antiniñ ħi qajim ej ašša kətiñiti. 23. Qarīn unnä wəša, amirna, qəñqolamniti. 24. Ponä tanta, nākir ātāti sarrałtiti, täl'čēli sārīmpipil', laqaltəja. 25. Na čēli korañja mačōqīt. 26. Nātāt əsi qarīt tülä nuk kətiñiti: „Kutī türsi?“ 27. Nāl'ati kətiñiti: „Täl' čēli türsi ukkir qup.“ 28. Āsāsīn na čēli nimti čēlattātīt. 29. Qarīt unnä wəšātīt, qəñqolamniti. 30. Nāl'amtī nimti qəčiqolamniti. 31. Kərtilä ira qəñqolamniti, mātiti tō tuiñiti. 31. Nāl'anti qōp tō mattēñiti. 33. Nīñi kol'alta, nāl'anti qōp tül'pot ilti sāqālniti. 34. Ontīt nīñi kərtātīt. 35. Nāl'amtī nimti māt koptōt šūññonti qəčiqñiti. 36. Āsāsīt qənnātīt. 37. Iča na čēli aj qonni mačonti koralä. 38. Aj nākir ātāti sārīntiti. 39. Tüñja na irat mātiti. 40. Mannimpatī ira kərtimpa čaptāt. 41. Tüñja māt koptonti. 42. Mannimpatī – sūrīn wətti. 43. Iča ullä koralta, tō cap mantəja – qumīn wətti. 44. Ullä koralta, tül'pop unnä wəččēñiti, nātāt ūñkīlsal lakal' mi qol'čintiti. 45. Ullä karmatqñiti sāqālniti. 46. Qaqłōqñiti omta, ħōtiñiti lōsip. 47. Ĥarōmit qaqłitti. 48. Al'ča sərti. 49. Tāpīlākti mannimpatī aj ħari tāpīlākti. 50. Al'ča ħaronti. 51. Mannimpatī – lōsi qos qajip ūččīmpilä qālimpa. 52. Ātāmti ħennä kēriñiti. 53. Təččakti tüñja, qoñiti, monti wəččīmpatī nātāp. 54. Ātāmti ħennä kuraltñiti. 55. Ātāt tülä təččakti lōsinik, lōs-ira Ičap qol'čilä nātāp ullä ūtiñiti. 56. Nātāk ālpālā qəllä nilleja. 57. Lōs-ira koralta Ičani. 58. Ičat ātāiti, lōs-irap wəččilä, čattātīt təttin ħnti. 59. Lōs-ira unnä wəšiqolamna, ātāt čēl'čālālnātīt. 60. Ātāiti lōs-irap qəllä, Iča ātāimti ullä utirñiti. 61. Nātāp unnä omtiltñiti. 62. Iča moqinā laqaltəja. 63. Tül'ča moqinā, nātāp mātiti ūtiñiti. 64. Nātāk mātiti šērna. 65. Iča ātāimti tō ūtiñiti, māt šērna. 66. Imil'ati apstñiti təpāqup. 67. Šāqqātīt. 68. Iča qarīt unnä wəša čōmiqik, tümti čātñiti. 69. Čāñikti muširñiti, nātāt ūñkīlsap muširñiti, konnā wəččīñiti, unnä titñiti. 70. Nātāt ūñkīlsap ullä l'okkaltñiti. 71. Nātāk aj imil'ati unnä wəšāq. 72. Nātāk unnä wəša, čap qoñiti – ūñkīlsatī ukōt kuttar əsi, nul'čij ej ēñja. 73. Nātāk nimti iliqolamnī. 74. Na kət nimti tañimnātīt. 75. Šettirqīt qənnātīt nātāt əsip pēlä. 76. Na qəntātīt kərtilä nātāt əsit wəttīt šūmit. 77. Qənnātīt, na čēli ətiñtqo mannimpātīt ātā qāl'tāl'imminti. 78. Tüñātīt təččakti, mannimpātīt monti nātāt əsin māt. 79. Tüñātīt, mātiti šērnātīt. 80. Nātāk mannimpatī – əsiti namiššak iralipitqo əsimpa. 81. Māt šērlä amirñātīt. 82. Mātīt mēqolamtātīt. 83. Mātīt čəsātīt, nimti iliqolamnātīt. 84. Nātān əmi tülä mātirni ātāt qopitqo. 85. Nātāk ħeññimānni: „Mat tē cātī kūni qolāp ātāqopip?“ 86. Tē mašip tō šip čattisālīt māt koptōt quqinō. 87. Mat tēqinčit ašša mintap.“ 88. Iča nul'čik kətiñiti: „Mitti ātāqopisä aj mātīqopisä.“ 89. Nātāk ponä tanta, miñiti ātāqopisä aj mātīqopisä. 90. Əmiti moqinā qəntñiti ātānti qopip aj mātīqopip. 91. Qənni, məntāl' mātīqopip tō tuiñiti, šenti mātīqopip unnä čəsñiti. 92. Iča ponä tanta, ātāsä miñiti əsintil' mit. 93. Nātī ašša tōtiqolamnātīt. 94. Ilātīt. 95. Ullä tañimni. 96. Ukkiršak Ičasä qəlinñātīt.

1. Ичакычика вдвоем с бабушкой жили. 2. Ича однажды поехал охотиться. 3. Запряг трех оленей. 4. Эти его олени, все их рога с острыми концами были. 5. На своих оленях поехал в лес охотиться. 6. Ича едет на нарте, вниз упал (=спустился) в тундру. 7. Смотрит: на полосе тундры олени ходят. 8. Туда перебрался. 9. Смотрит, а (там) чум стоит. 10. Приехал к чуму, смотрит: нарта стоит. 11. Одна грузовая нарта стоит, одна женская нарта стоит. 12. В дверях на улицу смотрит одна девушка. 13. Ича в чум вошел, сел. 14. Девушка чайник вскипятила. 15. Ича сидя чай пьет. 16. Спрашивает: «Твои родители когда уехали?» 17. Девушка сказала: «Родители вчера уехали». 18. Ича сказал: «Когда приедут?» 19. Девушка сказала: «Завтра утром приедут». 20. Ича поехал домой. 21. Домой пришел, своих оленей распряг. 22. Переночевал, бабушке ничего и не сказал. 23. Утром встал, ест, собрался уезжать. 24. На улицу вышел, трех оленей запряг, вчера (=накануне) запрягавшихся, тронулся. 25. В этот день охотится в лесу. 26. Отец девушки утром, приехав, так сказал: «Кто приезжал?» 27. Его дочь сказала: «Вчера приезжал один человек». 28. Отец и его домашние этот день там продневали. 29. Утром встали, (отец) собрался уезжать. 30. Свою дочь там собрался оставить. 31. Откочевывая, старик собрался уезжать, чум снял. 31. Своей дочери уши отрезал. 33. Потом повернулся, уши дочери под хвою засунул. 34. (А) сами оттуда откочевали. 35. Свою дочь там на чумовище (=на месте, где стоял чум) в пустоту (=на пустом чумовище) оставил. 36. Отец и его домашние уехали. 37. Ича в этот день опять поехал в лес охотиться. 38. Опять трех оленей запряг. 39. Приехал к чуму этого старика. 40. Смотрит: старик откочевал давно. 41. Приехал к чумовищу. 42. Смотрит: звериный след. 43. Ича вниз повернулся (=нагнулся), туда заглянул, а (это) след человека.¹ 44. Нагнулся, хвою приподнял, куски ушей девушки нашел. 45. В карман сунул. 46. В нарту сел, погнался за чертом. 47. По тундре едет. 48. Спустился на болотистый берег. 49. На ту сторону смотрит: тоже тундра на ту сторону. 50. Попал в тундру. 51. Смотрит: черт, что-то неся, идет. 52. (Ича) своих оленей вперед погнал. 53. Близко подъехал, увидел: видать (=оказывается) (черт) несет девушку. 54. (Ича) своих оленей вперед заставил идти. 55. Олени, когда подъехали близко к черту, черт-старик повернулся к Иче. 58. Олени Ичи, черта-старика подняв, швырнули (его) на землю. 59. Черт-старик начал подниматься, олени (его) растоптали. 60. Его олени черта-старика убивши (=когда убили), Ича оленей остановил. 61. Девушку наверх усадил. 62. Ича домой тронулся. 63. Приехал домой, девушку в чум послал. 64. Девушка в чум вошла. 65. Ича своих оленей распряг, в чум вошел. 66. Его бабушка накормила их. 67. Переночевали. 68. Ича утром встал тихонько, огонь разжег. 69. Чайник вскипятил, уши девушки сварил, с огня снял, вытащил (уши). 70. Уши девушки приклеил. 71. Девушка и бабушка встали. 72. Девушка встала, посмотрела – а ее уши раньше как были, так и есть. 73. Девушка там стала жить. 74. Этой зимой там пролетовали (=прожили). 75. Весной поехали отца девушки искать. 76. Поехали, откочевав, по дороге отца девушки. 77. Поехали, в этот день к вечеру смотрят: олени ходят. 78. Подъехали близко, смотрят: видать, (это) чум отца девукши. 79. Приехали, в чум вошли. 80. Девушка смотрит: ее отец таким старикашкой стал. 81. В чум войдя, едят. 82. Свой чум стали делать. 83. Свой чум поставили, там стали жить. 84. Мать девушки придя (=пришла и) просит оленью шкуру. 85. Девушка рассердилась: «Я для вас откуда найду оленью шкуру? 86. Вы меня бросили на чумовище умирать. 87. Я вам не дам». 88. Ича так сказал: «Дай оленью шкуру и шкуру для нюка». 89. Девушка на улицу вышла, дала оленью шкуру и шкуру для нюка. 90. Ее мать домой унесла оленью шкуру и шкуру для нюка. 91. Пошла, старый нюк содрала, новый нюк натянула. 92. Ича на улицу вышел, оленя отдал родителям. 93. Больше не стали ссориться. 93. Живут. 95. Настало лето. 96. Вместе с Ичей рыбачат.

¹ По-видимому, «двойственный» (зверино-человеческий) внешний вид следов позволил герою узнать, что в этом месте побывал черт.

Текст №36 _ TW

Итте с сестрой жили

Рассказал: Мунгалов С.П.

Записал: Гемуев И.Н.

Место и время записи: Кеть (Марково), 1980

1. Итте с сестрой жили, много ли, мало ли. 2. Сестра заболела. 3. Она заболела, но совсем не заболела. 4. Пюнегусэ ходил-ходил-похаживал к сестре и решили они как бы Итте убить. 5. Пюнегусэ говорит: «Ты будто заболеи крепко и Итте пошли в пещеру. 6. Там есть огромный медведь, он в живых никого не оставляет. 7. Ты скажи: «У медведя есть на шапке мазь такая – *путур*. 8. Если три года назад умерший человек, если помазать, оживает». 9. Туда пойдет Итте и не вернется, медведь никого в живых не отпускает. 10. А если он в живых останется, то скажи: «Дальше опять пещера – *пюлдан-памит*. 11. Там есть одноглазый великан Оксай-лоз. 12. Тоже у него шапка, такая же мазь – *уюкон-порий-путур*». 13. Тот великан тоже живым не отпускает, затопчет, задавит». 14. Итте приходит с рыбалки домой, а сестра болеет, катается – Пюнегусэ научил. 15. И говорит: «Итте, пошел бы туда-то, в пещеру, к медведю, если *путур* он отдаст то три года назад умерший человек оживает. 16. Ты бы принес. 17. Если этот медведь не даст, то иди дальше, в другую пещеру, там Оксай-лоз. 18. Тоже у него *путур* есть. 19. Ты бы все это достал мне, тогда бы я ожила, а то умру». 20. Итте собрался, долго шел, пришел к пещере, где медведь. 21. Только стал подходить, медведь, не дожидаясь, вылетает навстречу. 22. Итте надеялся на себя, начал молотить его, трепать, но не убил. 23. Медведь стал просить пощады и позвал Итте в свою пещеру. 24. И говорит Итте: «Вот ты не знаешь, что дома делается. 25. К твоей сестре Пюнегусэ ходит. 26. Они хотят, чтобы я тебя съел. 27. Вот и послали тебя. 28. Это правда, что у меня есть *уюкон-порий-путур*, от которого три года назад человек умерший оживает. 29. Но я *путур* тебе не дам, а дам это лукошечко». 30. В лукошечке он дал парня (сына) ему. 31. А дальше медведь говорит: «У меня узда есть, садись на меня, я тебя туда довезу. 32. Когда к пещере подойдем, одноглазый кинется на нас. 33. Ты скажи так: «Если от меня сказка пойдет, эта узда чтобы на шее оделась Оксай-лозу». 34. Я в это время отвернусь, а ты крепко сиди». 35. Подъезжают они. 36. Оксай-лоз вылетает на них с криком. 37. Медведь только отвернул от Оксай-лоза, а Итте кричит: «Если от меня сказка пойдет, эта узда пусть сама оденется на великана». 38. Он только крикнул, узда сама оделась, и медведь тащит его. 39. Оксай-лоз просит: «Ты, Итте, не губи меня. Пойдем ко мне в пещеру». 40. Ладно, приходят. 41. Лоз говорит: «Тебя сестра послала, чтобы я тебя убил. 42. К ней Пюнегусэ ходит. 43. Она представляется, что болеет. 44. Я тебе тоже дам лукошечко. 45. Откроешь тогда, когда тебе тяжело будет очень. 46. (Лоз дочку дал). 47. Ну, правда, *путур* можно дать, но я не дам. 48. Ступай домой, проучи сестру. 49. Врет она, тебя на смерть посылает». 50. Ладно, домой он приходит, эти лукошки не открывает. 51. Сестра все еще валяется. 52. «Что, – говорит, – Итте, принес, что я просила?» 53. Итте говорит: «Ты меня на смерть посылала, но я по-своему расправился». 54. Как пришел, опять на рыбалку Итте пошел, не стал убивать сестру. 55. Он только на рыбалку, Пюнегусэ приходит. 56. Сестре говорит: «Итте живой вернулся, снова посылай его в *сельдь-сюньдай-квотм*» (пещера, где семь помещений – И.Г.). 57. Двери каменные открываются, а вниз закрываются они. 58. Этими камнями его придавит и он не вернется». 59. Итте отправился туда. 60. Там сидит *Кон* (царь этой пещеры – И.Г.). 61. Тоже у него *уюкон-порий-путур*. 62. Чтобы Итте взял эту мазь. 63. Ну, Итте шел долго и решил на одном месте посмотреть, что за лукошко дал ему медведь. 64. А нельзя было открывать, пока трудности не будут. 65. А он открыл. 66. Открыл и смотрит: парень стал – пацан молодой. 67. Давай второе лукошко открою, решил Итте. 68. Открыл – там невеста – *некувай-ниттень*. 69. Девка говорит: «Ты зря нас раскрыл. 70. Все равно от тебя отставать не будем». 71. Идут

дальше втроем. 72. «Итте, меня отец дал тебе в жены», – девка говорит. 73. Идут втроем, доходят – скала и двери. 74. Итте подходит и говорит: «Какой бы ты, лоз, ни был, а двери открой нам». 75. Ну и дверь открывается. 76. Не видать даже живой души. 77. Подходят ко вторым дверям. 78. Тоже так же сказали, и открылась дверь – камни сверху уходят. 79. Проходят дальше – тоже души человеческой не видать. 80. К третьим дверям проходят. 81. Третью также открывают. 82. Четвертую также проходят. 83. И все ничего нет. 84. Пятую, шестую проходят. 85. Итте так же говорит. 86. Седьмые двери подходят, говорит Итте: «Какой бы лоз ни был, дверь открой». 87. Седьмые двери поднялись, только стали проходить, и их придавило. 88. Итте на себя надеялся, бился-бился и кое-как выполз на улицу. 89. А невесту и парнишку потерял. 90. Ну, он кое-как на карачках, но шел домой. 91. Домой приходит, а где жили, там бурьяном затянуло, сестра к Пюнегусэ ушла – Итте не вернется. 92. Итте отдохнул, набрался сил мало-мало, а душа-то кипит, что сестра ушла к людоеду. 93. Он подходит, а сестра выглянула и ругается на брата. 94. Ну, Пюнегусэ приказал ей большой котел взять и воды греть. 95. Она Итте заставляет: возле костра, мол, раздевайся, разувайся, мойся, потрошить будем тебя (видит, что хоть живой остался, а мощей-то нет у него). 96. Итте стал подвязку развязывать у бродней. 97. На пруток садится птичка маленькая. 98. И поет: «Итте, Итте, подвязку не торопись развязывать» (это значит: невеста с парнишкой (сыном – им медведь как сына дал) вышли, идут). 99. Одну все же развязал подвязку. 100. Сестра торопит. 101. Итте вторую подвязку стал развязывать. 102. А птичка поет: «Не торопись развязывать подвязки». 103. И говорит: «Скоро придут». 104. К Итте стала приваливать прежняя сила, стал сильным и бодрым, как только увидел их. 105. Они ведь не простые. 106. Как только невеста подходит, Итте торопит: «Пошли домой, здесь нам делать нечего». 107. Как пришли домой, невеста помазала Итте путуром – мазью. 108. Это она капитально его вылечивает, чтобы восстановить прежнюю его силу. 109. Сколько-то пожил, все Итте снова вроде на рыбалку собирается. 110. Жена сказала: «Хоть ты парнишку-то возьми с собой». – «Нет, я один». 111. День прождали, ночь прождали. 112. И невеста (жена) пошла искать его. 113. Искала-искала его там, где его съисть хотели, не могла найти. 114. А они съели Итте, а кости в конуре под собачью постель зарыли. 115. Ну, жена попросила мышей: «Ищите, может, косточку найдете». 116. Мыши нашли под собачьей постелью кости Итте. 117. Она эти косточки собрала в сумочку – и домой. 118. Все кости собрала, как у человека бывает, раз помазала – человек как человек стал, только неживой. 119. Второй раз помазала – он ожил. 120. Третий раз помазала – совсем такой, как был, стал. 121. «Ну, теперь, – говорит, – ты не ходи туда. 122. Они ведь наши силы выматывают». 123. И сколько-то пожил, Итте опять засобирался на рыбалку. 124. Неймется ему. 125. Он не на рыбалку, а сразу туда. 126. И схватился драться с Пюнегусэ. 127. Сестра, куда наступить людоеду, золу подсыпает, куда наступить Итте, льду насыпает. 128. Завалил – и опять в котел. 129. Второй раз Итте исть будут. 130. Съели, а кости в речку свалили. 131. Внизу (в низовьях реки. – И.Г.) стояли морды людоеда, а сверху Иттины морды были, жена схватилась – значит, опять там. 131. С сыном обои (он уже парень стал, не парнишка) искали-искали, зверей и птиц просили – нигде не могли найти. 133. И так вернулись домой. 134. И плыли по речке щука и налим. 135. Налим говорит щуке: «Вот Иттины кости, и все собери». 136. А щука говорит: «Нет, я не дурная, при первой же жерлице я останусь. 137. Лучше ты собери, ты все же похитрее». 138. Ну, ладно, налим собрал все кости, получился пузатый-пузатый. 139. И налим смотрит: при первой же жерлице (Пюнегусэ – И.Г.) щука осталась. 140. А налима притягивает жерлица; он всяко извивается, но проходит. 141. Речка загорожена, Пюнегусэ морда стоит. 142. Налим залез вперед хвостом и поломал морды. 143. И налим пошел дальше, и дошел до Иттиной морды, и залез в морду. 144. А дома жена говорит сыну: «Ты бы посмотрел морды, что отец ставил, посмотри сбегай». 145. Парень пошел, морду вытащил, а там один налим. 146. Притащил налима домой. 147. Жена распоролa налима, а там посыпались Иттины кости. 148.

Она первым долгом заживила, вылечила налима и сама пошла опустила выше морды, чтобы никуда не попадал (он теперь хитрый налим). 149. И опять Иттины кости собрала косточку к косточке. 150. И давай лечить. 151. Выздоровел. 152. Но не прежний Итте стал, а слабее (кости в желудке налима попортились). 153. Наказала: «Больше туда не ходи». 154. А Итте снова на рыбалку собирается. 155. Ушел. 156. Днем его нету. 157. Парень матери говорит: «Давай, пошли». 158. Чует – беда будет. 159. Только подбегать стали – они дерутся. 160. Эти подбежали и тех (Пюнегусэ и сестру. – И.Г.) заколотили сразу. 161. За речкой две елки, одна в западной стороне, другая – в восточной. 162. Итте на восточную елку сестру задом воткнул, а Пюнегусэ – на западную. 163. Если западный ветер, пусть Пюнегусэ тянется-тянется, но маленько не дотянется, а если восточный – пусть сестра тянется, но не дотянется. 164. Домой пришли, стали жить. 165. Однако на Урашную (речку. – И.Г.) мы выходили, следов сейчас нет...

Jompa / Йомпа

Рассказал: лесная ненка

Записал: Прокофьев Г.Н.

Место и время записи: ? 1920-е гг.

1. Jompa imil'antisä ilimpäqi. 2. Jompa kinčitta. 3. Ukkir čontōqit qēli kinaltiŋiti; qēlit qetqo tačalni. 4. Jannāntak isi čēlinmä lattarit ləp nannārik qūrŋiti – Jompat kinčŋi nāti passəjnti. 5. Ukkir čontōqit qarit innä wəša, karrä tija [=tiŋa], intiti intiti aj tiššäl' qoptati intiti; karrä tiŋa. 6. Nini jannä qənni. 7. Ukkir čontōqit lattaril' maktonti tuliŋna. 8. Konnä tanta, čatim mēntiti. 9. Nini tō kiräŋntiti, küčnoltālniti, antin ūkonti tokkaltiŋiti aj čipōqinti tokkaltiŋiti, utinti kəčonti tokkaltiŋiti. 10. Nini čatiti intiti, qellä latarit pōl' koril lakal' miŋ qāttilä qāntitqo tal'altiŋiti. 11. Nat kūnti nil'čik laŋkiŋni: „Lattaril' sāntirlimti!“ 12. Lattarit innä paktilä təpəp čap orqilnātit, čaŋal' utinti kəčōqit tokkimātpil' töl lakal' miŋ orqilnātit. 13. Jompa karrä qwällä antōqinti til'ča. 14. Lattarit nōlā tattātiti. 15. Karrä noqqolna – čam orqilnātit, čaŋal' anninti ūkōqil' tokkimātālpil' töl lakal' miŋ orqiltātiti. 16. Jompa nini qənni; ukkir par tūqiläl'ča, sel'čimtālil' mutit tākti kol'mānni. 17. Aj sēl'či čēli ūŋkiltimpa – kuššāqit qənta, naššāqit kočč əsa: lattaril ləp pūs orsā qūrŋiti. 18. Ukkir čontōqit nil'činti tuliŋna – monti miŋa sepilal' kočči māt. 19. Konnä tanta, qumŋin monti āmnintātiti. 20. Innä paktālātiti, jompap čülälātiti intisä. 21. Jompa čap laŋkal'pa: „Laqqi! kuttar əsālŋn?“ 22. Čāŋki, təpiti čūŋātiti. 23. Jompa ukkir čontōqit nāti nēnŋimānni, karrä kuralni, ukkir qāsal'a aj niršäl'a orqiltiti, nini sukiltä pikiltälä ūtājŋiti, miŋa nil' ketiŋiti: „Sukiltä pikilpilä qāmpirniŋ, tam üt tontinnilij!“ 24. Nimit ün namŋin mānti mučäča – lōqtil' pōp tātik iŋiti. 25. Qumit nil'čik čap laŋkal'nātit: „Jompil' kuttar əsanti? nāt šinŋi qəčāšik!“ 26. Mat ukōt tē-šintit tətalpisak, miŋa nāti šip qəčŋiti; tē tənirpāliti, monti čülä intisä mašip qətantilŋiti. 27. Ün namānti mučäča – na qumit muntik quŋātiti. 28. Jompa takki kol'alta, sukiltä moqinā qənni imil'antiniŋ ašša tanta, karrāmŋin qənni. 29. Takki pānta. 30. Ukkir par tūqiläl'ča – sel'čimtālil' mut tākti kol'mānni. 31. Ukkir čontōqit nil'čik ūntiŋni: qup tap pačitkunä. 31. Konnä pakta, annimti tō čattiŋiti, intiti mišaltiti, qoptati mišaltiti, pičit süm čāti kuralni. 33. Čap tūŋa, – monti lōsi-ira antil' ūča. 34. Nini lōsi-irat qorsanŋi āŋtōqil' qāpiril lakap mišalniŋi, lōsi-irap čari čattiŋiti, lōsi-irap čari omtājnti. 35. Lōsi-ira nil' ketiŋiti: „Uu! Uu! Onāk pičani āŋtōqil' qāpiril laka ukōt iliptāqak čari ašša šip omtājolimpisi!“ 36. Na kuttar nil'čŋi əsa?“ 37. Jompa nil' ketiŋiti: „Il'ča! tat qaj lōsanti ēlānti, monti mat tūptāmi aj ašša tənimal?“ 38. Lōsi-ira nil'čik ketiŋiti jompanik: „Kətsan! mat ukōt tat tarā ēptāqak antip ukkir čēli mel'čikap qulallā milä.“ 39. Jompa nil' ketiŋiti: „Il'ča! illä qontik!“ 40. Jompa konnä kuralni, ukkir tūšŋi orqiltiti aj ukkir tāmtä orqiltiti, karrä tultŋiti, antōqinti pinnājŋiti tūšimti aj tāmnāmti. 41. Antiti šitti qulaläl'čaja. 42. Nini lōsi-iraniŋ kuralni. 43. „Il'ča! innä wəšik!“ 44. Lōsi-ira innä wəša. 45. „Kətsan! Qaj annamti qulaläl'čal?“ 46. „Aə, Il'ča! Kissa qəllej!“ 47. Karrä tiŋāqi antōqinti, morānti karrä noqqolnāqi. 48. Morāqit sēl'či putil' āmāsŋi qontiti. 49. Jompa muntik čattiŋiti. 50. Nini konnä tantāqi. 51. „Kissa! amirlej!“ 52. Nāti amirqolamnāqi (amirqo olamnāqi). 53. Jompa sēl'či putim muntik ammājŋiti. 54. Lōsi-ira kekkisä ukkir puti amtiti. 55. Nini ukkir putit timil laka iŋiti, šākōqinti (šakil' kotat šūnŋonti) pinniti, nini karrä tiŋāqi. 56. Lōsi-ira lapiti sāpittājntiti. 57. Konnä tantāqi. 58. Nini šittintāl tūmŋin nānti qāpaltiti, tōkisä šitti kipaka qāttiŋiti. 59. Nini lōsi-ira nil'čik ketiŋiti: „Mat ukōt tat tarā ēptāqak il'matqəŋ, utisä šitti nitqillājkolimpisam.“ 60. Jompa utimti tūmit tālkanti sāqālnit, lōsi-ira pičimti tō mišalniŋi. 61. Jompat utip nŋi orqilniti. 62. Lōsi-ira lakkimāllā karrä kuralni. 63. „fhhā! qāti sēl'či pōt kūnti, iril' sēl'či pōt kūnti kūnti nimti təkisāšik!“ 64. Antōqinti til'čilä lōsi-ira karrä noqqolni, sumpāptilä takki tūqilpa. 65. Jompa karmattināni putit timil laka innä titiŋiti, nini nil' ketiŋiti: „Tap puti mompa pol' amiril' sūrip. 66. Anij čālsä kətiselä (kətisä ēlā) tap pōp tal'altiŋijä!“ 67. Putinti timil laka tūmonti šitti mōronti tokkaltiŋiti; utinti ilqil' pālāqqit tūmi šitti passājlä šitti āl'ča. 68. Jompa tō putilmānni, illä kol'alta, karmattināni ukkir muntolin iŋat qopil'a innä titājntiti, panalāllā šütikotōqinti l'okkaltājŋiti, wəšäča morāt tā. 69. Nini morāt kēnti panŋiŋna. 70. Nŋi orimkilimni. 71. Karmattināni paŋit āŋtōqil' pūti tītintiti, morāt kēnti čattiŋiti – namit piril' sāq kəsil' pūtqo orimni – sāl' nomti mitičimpa. 72. Na pūn intŋi omtiča, nimti nāni āmta, kəšqilta. 73. Nini aj wəšäča, morāqini karrä wəšäča. 74. Monti miŋa ki korrajmminti. 75. Lōsi-ira monti miŋa nimit karrä pānta. 76. Innä tūmpilä tūŋa, lōsi-ira takkil' pālāqqin tūm pārinti omtiča, karmattinnāni utinti kəčil' temnimti innä intiti, tūm pāriqini čəsinil'atqo mēl'čilä illä ūtečŋiti. 77. Lōsi-ira kontšajnti jannāt sumpāptimpilä. 78. Nil'čik sumpāptimpa: „Jompa miŋa koš sēl'či pōt kūnti nimti təkŋiŋijä!“ 79. Nini innä manta lōsi-ira. 80. „Innān aj qail' nekiril' wəntil' sūril'a āmta?“ 81. Lōsi-ira takki pānta. 82. Jompa utinti kəčil' temnil'antisä innä lōsi-irap tātōminti mišalniŋi. 83. Lōsi-irat antip üt takki mišalniŋi. 84. Jompa wəšäča, lōsi-irat antiš šūnŋonti nāraltājlä omtiča. 85. Takki pānta, lōsi-irat sumptäsä nil'čik

sumpāptimpa: 86. „Kiij! kiij! lōsi-ira koš sēl'či pōt kūnti nīmti tēkīnnijä tūm pāriqit itilä!” 87. Nīni šittintäl jompa takki pānta. 88. Ukkir čontōqit warqi ütti na kontšājntak, karrä mannimpak – monti šitti qumōqi antisä šipa rōritij. 89. Nīni mat tēpāqikini na tūntak, monti qontaltāntāqi. 90. Jompa nil'čik ketijiti: «konnä tantilimit!» 91. Konnä tantilä amirnatit, nīni jompa nil' ketijiti: 92. «Qontallājkulimit». 93. Hllä qontātīt. 94. Jompa karrä kuralni, qumōqit antin ilip pursä šotqālālniti, nīni kōrasä sōkaltālniti; nīni konnä tanta, qumōqitkini nil'čik āsa: «kissa! qellimit tē mātqintij». 95. Karrä tiqātīt, karrä tōt kīnti paninātīt. 96. Ukkir čontōqit qumōqi nil'čik na ketintitij: «antōqinij üt kuni tūṇa?» 97. Nil'čik laṅkalālāqi: «Jompī! innä šinij orqilāšik! ütti na quntej!» 98. Jompa mitqiltijiti, lapisä pačallā qättijiti. 99. Qumōqi ütti quṇāqi. 100. Jompa na qumōqit mātti qenni. 101. Tūṇa. 102. «Jompa! tat kuni tūṇanti?» 103. Tīmti šitti qumōqi šyitti qessāqi nāqirmtālil' čēl tāqqin, 104. tēp qaj qumpāqi, qaj ilāqi? 105. Jompa, tat qaj, ašša tētipēṇanti [tētipi ēṇanti]?» 106. Jompa nil' ketijiti: «čāṅki». 107. Nīni ukkir tētipi na sumpiqolamni [sumpiqo olamni]. 108. Na summinti – qaim ni ašša na qontiti. 109. Hllä na qiqilti. 110. Nīni šittintäl ukkir imakota na sumpiqolamti, na summinti, nil' na qontiti: «tap qumōqi qumpāqi. 111. Ašša ni qail' ūrōmin – ütti qumpāqi»... 112. Imakotap sumpiptāqinti ukkir qup temnisä moqinā nāqqilpati, kepōminti sārīmpilä. 113. Nīni qumit qontaltāntālātīt. 114. Jompa nil'čik āsa: «kissa! tē kīpaka qontallājkuṇit, mat imakotap orqilpilāp». 115. Nīni qumit qontalāl'čātīt. 116. Jompa imakotap ūtājijiti – imakota tūnti āl'ča. 117. Imakota tū muqiltīrik ammājijiti, somak ammājijiti. 118. Jompa nil'čik laṅkalāla: «laqqi! innä wešijit! imakotap tūn ammājintiti! 119. Imakota aj kuni tūnti āl'čisi? 120. Mat tīmti qaj qontalāl'čak? 121. Imakota qaj nīmti qaj mantšil'čilä tūnti āl'čisi?...». 122. Qumit nēnīmānnātīt: «imakotam ašša tat tūnti pārqilnal?» 123. Jompap intisä mintisä čulālātīt. 124. Jompa āmta. 125. Ukkir čontōqit nāti nēnīmānni, innä läpātālni, karrä kuralni, intiti mišaltiti, konnä kol'alta, qumitip čulālāijiti, qumitip čattilä milä muqiltīrik ütti qättijiti mātissä mintissä. 126. Karrä til'ča, moqinā qenni. 127. Imil'amtī karrāmīn mātājijiti, kiñčōqinti tūṇa – kiñčōqāk lattariṇ pūš koččik qättimpatī. 128. Kiñnīmti takki tešāṇiti, ukkirtik jannā qenni. 129. Ukkir čontōqit nil'činti tuliñña – monti qumit qaj sāntirnatit, qaj jap qättältātīt. 130. Nī tūṇa. 131. «Laqqi! qaj mētintilin?» 131. «Ašša, mē tap tēttōqin qēli mēlti šinīt kinalta, ukkir qēlip qetqo tačalpāmīn». 133. Mūntik nil'čik oriñnātīt: šitti tūm pāri temnisä nānti nāqqilpāqi, nīmti isi qumip āmtiltātīt aj innä tūm pārinti nāqqilnātīt. 134. Na qup nīni illä pakta aj ütti patqilni; kekkisä patqilni – takkimillāqi innä kampišil'ča qul'čilä. 135. Jompa nil' ketijiti: «tē na qajqo pattālin?». 136. Ašša, mē q ēlip qetqo mēl tačalnīmīt. qēli šinīt kinalta. 137. Tētipit nil' qompātīt: karräl lōsi qēlip mātqinti taqqilpati, ašša qajqo – iṇati qūtinti. 138. Na karräl lōsin mātīp tal'altīqo antalīmpāmīn». 139. Jompa nil' ketijiti: «mašīm āmtiltijit!» 140. Jompap āmtiltātīt, innä nāqqilnātīt tūm pārinti. 141. Jompa taraš āmnāntiptāqinti ättānta, nomti čatta. 142. Komati innä qenni, illä paninā – komamti nī orqilniti. 143. Nīn aj ättānta, illä čatta ütti, komati kūmīn illä patqilpa, onti aj paktilä nīmīt patqilni, komanti wettōmīn patqilni. 144. Komantisä jompa čättimpatī, karräl lōsit mātīp pāri kāmīn illä ruṇaltimpatī, onti aj nīmīn illä patqilni karräl lōsit māt šūñontī. 145. Ānij! monti karräl lōsit iṇa qūta. 146. Karräl lōsi nil' ketijiti: «kuni tūṇanti, keṇsat?». 147. Ašša, mat apsitqo quntitil' qumit tāntinik šip ūtisātīt: 148. Qēlip qetqo mēl tačalnātīt». 149. Lōsi nil'čik āsa: «mat kuttar ūtāntap qēlip? mat iṇami qūtinti, qēlit ontin aj ašša kīkātīt – tīmnatit qūtinti». 150. Karräl lōsi nil' ketijiti: «tan qata kīkanti, tan ukōt mat qūtītīl' iṇami mēti, man nat pūt nāti qēlip ūtāntap». 151. Jompa nil' ketijiti: «mat mētap!». 152. Jompa čēlit sumpa, pit qamitirni; qamitirni aj sumpa, qamitirni aj sumpa – karräl lōsit iṇap mēl'čijiti. 153. Karräl lōsi qēlip mūntik ūtijiti; qumīn innāt qēlip namānti qetālātīt– siqilal' qēlip kuččā katipontātīt? 154. Jompa onti karräl lōsit mātqini tantīqo nāti tačalni. 155. Karräl lōsit nālāsā pāltaltāqi nānti. 156. Jompa ukkir čontōqit nil'čij āsa: karräl lōsit māt šūñōqit āmi kuritqo pikilpa, āmi tāpātqo pikilpa. 157. Karräl lōsi mātāmti illä taqitimpatī. 158. Mātānti āqqit šitti kešti kīripil' qorqōqi sārīmminti. 159. Karräl lōsit nāl'ā nil'čij āsa Jompanik: «tat paktāšik mātīt pārimīt, mat tašinti mitāntak». 160. Jompa pakta; lōsit qorqōqi čap ottalniti, čaṇal' šetīl leṇi nitqilājintitij. 161. Jompa innä saččīmānni. 162. Qumit innāt qēlip namānti qettātīt – nāti tormasä, ašša ketiqēṇa (ketiqo eṇa). 163. Karräl lōsi jompap nōlā tattijiti. 164. Jompa kunnāja, tōpisä qenni. 165. Jompa ukkir čontōqit karräl lōsit nāl'ā čessä četijiti. 166. Sāq kešil' qaqlišä nil'čil' sūrip sārīmminti – āmtiti sāl' nūt nāṇmīt qirīmpa. 167. Šitti pālāl' ākti kūmīn pōnā olā qāti tūl' pōp tī kūrāṇiti. 168. Na qaqloqinti tiṇāqi, laqaltāqi. 169. Nil'čil' sarpōmīn qennāqi – čuntit qōti piri seppājīmpa. 170. Ukkir čontōqit karräl lōsi mitiqolamni. 171. Jompa ukkir qatīl' šoqqa qečintiti, čessä pikiltilä niltijiti: «ukkir qatīl' šoqqa' imil'ā, somaṇ orqilpāt!» 172. Nīni aj qenna. 173. Šittimtalil' tettit tičonti šitti qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 174. Nāqirmtālil' tettit tičonti nāqir qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 175. Tēttimtalil' tettit tičonti tētti qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 176. Sompilamtalil' tettit tičonti sompila qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 177. Muktimtalil' tettit tičonti muktīt qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 178. Sēl'čimtalil' tettit tičonti sēl'či qatīl' šoqqa' ima qečintiti. 179. Lōsi tūṇa, moqināni sēl'či qatīl' šoqqa' ima mūtālpātī,

l'akčiminti sātimpilä näkāṇiti. 180. Jompa ti tō qenni. 181. Ukkir tettiṭ tičonti ukkir āmtil lōsil' qōri niltinti. 182. Šittimtäli' tettiṭ tičonti šitti āmtil' lōsil' qōri niltinti. 183. Nāqirmtäli' tettiṭ tičonti nāqir āmtil lōsil' qōri niltinti. 184. Tēttimtäli' tettiṭ tičonti tētti āmtil lōsil' qōri niltinti. 185. Sompilamtäli' tettiṭ tičonti sompila āmtil' lōsil' qōri niltinti. 186. Muktimtäli' tettiṭ tičonti muktin āmtil lōsil' qōri niltinti. 187. Sēl'čimtäli' tettiṭ tičonti sēl'č āmtil lōsil' qōri niltinti. 188. Lōsi muktin āmtil' qōrimti pottāṇiti. 189. Sēl'čimtäli' qorōqinti tuliṇṇa. 190. Lōsip sēl'čimtäli' qōri čarinniti, karräl lōsip aj tiltiṇiti, mēltitqo takkil' ütīn mōronti kōptiraltiṇiti. 191. Jompa konnā tanta. 192. Šitti ütīn tōkonti sāq kēsīl' pūs soq orimminti, sāl' nomti mitičimpa. 193. Imilāqinti čap tuliṇṇa, imilami monti naššāqit qumpa – miqaj qorqit taril' qit tātik qāmpišpati. 194. Imati – karräl lōsit nāl'al' – imakotat le' mīp tōpinti ūkonti pinqilniti, tappolniti nīni šāntik čēliṇṇiti' nātāl'atqo omtiča. 195. Nīni konnā qenni, tina sāq kēsīl' pūs soqti qenni. 196. Imati, karräl lōsit nāl'al', solotal' mun kēsī tutolālniti, nīni tō čattiṇiti. 197. Nil'čik solotal' mātītqo omtiča – nūqimti tū tātik čāpimpa. 198. Māt karräl' päläkti sēl'či salti čoqqoltiti. 199. «Pōsi mōronti sumpiti' qup ēmmäsä, mātān ākti sumpikolimpiläsä (sumpiko olimpiläsä); čonnonti sumpiti' qup ēmmäsä, čontōqil' saltonti sumpikolimpiläsä». 200. Māt pōl' päläkti sēl'či qossil' pō čoqqoltiti: «qossi pārīpsä mākkā na qossil' pōnti tattišolčimpilātissä». 201. Māt šūnčōqit qāti tū tātik čāpimpa. 202. Sēl'či tamtir nil'čiksä ketikulātiti: «tettin moqalil' qossi pārīl lōsil' māt»

1. Йомпа с бабушкой своей жили. 2. Йомпа запором промышляет. 3. Однажды рыба обездолила (его); рыбу добыть не может. 4. Сверху (по течению) каждый день покойницкие кости так сильно несет (течением) – Йомпы запор впредь сломается. 5. Однажды утром встал, под гору (т.е. в ветку – долблённую лодку) сел, лук свой взял и колчан свой взял; под гору сел. 6. Затем вперёд (т.е. вверх по течению) уехал. 7. Вдруг к покойницкому холму (т.е. к кладбищу на холме) доехал. 8. На гору вышел, колотушку сделал. 9. Затем бересту содрал, позавернул (на огне), ветки на нос прицепил и к корме ее прицепил, рук своих к суставам прицепил. 10. Затем колотушку свою взял, походя покойницкие деревянные амбары (т.е. надгробницы) ударяя, в крошки изломал. 11. В это время (досл. «этого в длину») так кричал: «Покойники! Играть будем (давайте)». 12. Покойники, вверх вскочив, его как только схватят, одни лишь рук его на суставах нацепленные берестяные штуки схватывают. 13. Йомпа под гору убежав, в ветку свою сел. 14. Покойники в погоню идут. 15. Под гору оттолкнулся, лишь только схватят, одни лишь ветки его на носу понацепленные берестяные штуки схватывают. 16. Йомпа затем уехал; один раз гребнул, за седьмое плесо завернул. 17. Снова семь дней слушает – где поедет, там много стало: покойницкие кости еще с большей силой несет. 18. Вдруг к такому (месту) пришел – видать, достаточно много чумов. 19. На гору вышел, люди, видать, сидят. 20. Стали вскрикивать, в Йомпу стрелять стали луком. 21. Йомпа лишь только закричал: «Товарищи! Как вы стали (т.е. что вы делаете)?». 22. Нет, они стреляют. 23. Йомпа вдруг впредь рассердился, под гору (т.е. к реке) побежал, одного окунька и ершика поймал, затем, обратно повернув, пустил, словно так сказал: «Обратно повернувшись, плывите, эту воду заприте!». 24. По тому (месту) вода до такой степени прибыла – стоячее дерево совсем покрыла (досл. «взяла»). 25. Люди так лишь только закричали: «Йомпа! Как ты стал (т.е. что ты делаешь)? Впредь нас оставь!». 26. «Я прежде вас уговаривал, впредь, мол, меня оставьте; вы думали, будто бы стреляя луком, меня убьете». 27. Вода настолько прибыла – эти люди все погибли. 28. Йомпа вниз (по течению) повернулся, обратно назад поехал; к бабушке своей не вышел, под горой уехал. 29. Вниз плывет (не гребя). 30. Один раз гребнул – за седьмое плесо завернул. 31. Вдруг так слышит: человек это рубит (слыхать). 32. На гору соскочил, ветку свою отбросил, лук свой схватил, колчан свой схватил, топора звука напротив побежал. 33. Лишь только пришел, – видать, чорт-старик ветку работает. 34. Затем чорта-старика с острия стружку схватил, чорту-старика в рожу бросил, чорту-старика в рожу попала (досл. «уселась»). 35. Чорт-старик так сказал: «Уу! Уу! Своего топора с острия стружка прежде в житии моем в рожу мне не садилась! 36. Это как так стало?». 37. Йомпа так сказал: «Дедушка! Ты что-ли чортом будешь (по-видимому), видать мой приход тоже не узнал (не знаешь)?». 38. Чорт-старик так сказал Йомпе: «Внучек! Я прежде тебе наподобие в бытности моей (т.е. когда я был таким как ты) ветку в один день выделявал с распяливанием вместе». 39. Йомпа так сказал: «Дедушка! Приляг спать (досл. «вниз усни»)!» 40. Йомпа на гору побежал, одну ящерицу поймал, и одну лягушку поймал, под гору принес, в ветку положил ящерицу и лягушку. 41. Ветка его на двое распялилась (сразу). 42. Потом к чорту-старика побежал. 43. «Дедушка! Подымись!» 44. Чорт-старик поднялся. 45. «Внучек! Что ветку свою распялил (ты)?» 46. «Ага, дедушка. Ну-ка пойдем!». 47. Под гору уселись в ветку (его), к морю под гору оттолкнулись. 48. На море семь бобров с маткой нашел (Йомпа). 49. Йомпа всех застрелил. 50. Затем на гору вышли. 51. «Ну-ка! Кушать (давай) будем». 52. Впредь кушать стали. 53. Йомпа семь бобров всех съел. 54. Чорт-старик с трудом (мучением) одного бобра съел. 55. Затем одного бобра челюсть (досл. «зубную кучу с мудростью») взял, к огниву (огнива мешка во внутрь) положил; затем под гору (т.е. в ветку) сели. 56. Чорт-старик весло свое сломал (нечаянно). 57. На гору вышли. 58. Затем во второй раз лиственницы крень тешет, чорт-старик клином надвое маленько расшиб (ее). 59. Затем чорт-старик так сказал: «Я прежде тебе наподобие в бытности моей, в молодости моей, руками надвое разрывал». 60. Йомпа руку свою лиственницы в развилку засунул, чорт-старик топор свой вытащил. 61. Йомпы руку сюда поймал. 62. Чорт-старик, засмеявшись, под гору побежал. 63. «Ха! Хоть семи лет в течение (досл. «в длину»), многих семи лет в течение здесь сохни!». 64. В ветку свою усевшись, чорт-старик под гору (т.е. на реку) оттолкнулся, распевая вниз гребет. 65. Йомпа из кармана своего бобровую челюсть вытащил, затем так сказал: «Этот

бобер, говорят, дерево поедающий зверь. 66. В самом деле, если с мудростью он, это дерево пусть сломает!». 67. Бобра своего челюсть к лиственнице за два конца (досл. «к двум концам») прицепил; руки его на нижней части (половине) лиственница, надвое расколовшись, надвое упала (т.е. развалилась). 68. Йомпа отскочил, вниз повернулся, из кармана своего одну мышелова птенца шкурку вытащил, поразмяв к спине (собст. к месту между лопатками) прилепил, полетел через море. 69. Затем моря на середину спустился. 70. Здесь обессилел. 71. Из кармана своего оселок вытащил, моря в середину бросил – таким высоким стальным камнем вырос – до самого неба достает (к небу приближается). 72. На этот камень (досл. «этого камня наверх») уселся, здесь все сидит, отдыхает. 73. Затем опять полетел, с моря под гору улетел. 74. Видать, будто река течет (досл. «бороздит»). 75. Чорт-старик, видать, будто по этому (месту) вниз плывет (не гребя). 76. Взлетев, прилетел (пришел), чорта-старика на нежней (по течению) стороне лиственницы на вершину уселся, из кармана своего руки своей суставную повязку вытащил, лиственницы с вершины, силоюком сделав, вниз спустил. 77. Чорт-старик появился вверху, распевая. 78. Так распевает: «Йомпа хоть семи лет в течение здесь пусть сохнет!». 79. Затем вверх взглянул чорт-старик. 80. «вверху опять какой-токой пестророжий зверек (птийка) сидит?». 81. Чорт-старик вниз плывет (не гребя). 82. Йомпа руки своей суставной повязкой вверх чорта-старика за шею (собств. по месту под подбородком) схватил. 83. Чорта-старика ветку вода вниз схватила. 84. Йомпа полетел, чорта-старика ветки вовнутрь, паря, уселся. 85. Вниз плывет (не гребя), чорта-старика напевом так распевая: 86. «Киинг! Киинг! Чорт-старик хоть семи лет в течение тут сохнет пусть, лиственницы на вершине висят». 87. Затем во второй раз Йомпа вниз плывет (не гребя). 88. Вдруг к большой воде вот появился (я), под гору смотрю – видать, два человека в ветке (досл. «веткой») уток гоняют. 89. Затем я к ним вот пришел, видать спать собираются. 90. Йомпа так сказал: «На гору выйдем (давай)!». 91. На гору выйдя, поели. Затем Йомпа так сказал: 92. «Спать (давайте) будем (недолго)». 93. Уснули (досл. «вниз уснули»). 94. Йомпа под гору побежал, людей ветки днище сверлом продырявил, затем песком позасыпал (его); затем на гору вышел, людям так стал: «Ну-ка! пойдите в ваш чум». 95. Под гору (т.е. в ветку) сели, под гору озера на середину спустились. 96. Вдруг люди так вот сказали: «В ветку нашу вода откуда пришла?». 97. Так закричали: «Йомпа! Нас вылови! Мы вот утонем (досл. «в воду вот умрем»)!». 98. Йомпа приблизился (к ним), веслом рубя, ударил их. 99. Люди утонули. 100. Йомпа этих людей в чум поехал. 101. Приехал. 102. «Йомпа! Ты откуда пришел? 103. Здесь два человека в тайгу уехали третий день назад. 104. Они что-ли умерли или живы (досл. «живут»)». 105. Йомпа, ты что не шаман?». 106. Йомпа так сказал: «Нет». 107. Затем один шаман вот шаманить собрался. 108. Вот шаманит – ничего не увидел тот. 109. Перестал вот (досл. «вниз перестал вот»). 110. Затем во второй раз одна старуха вот шаманить собралась, так вот увидела: «Эти люди умерли. 111. Не по какому-либо делу – в воду умерли (т.е. утонули)». 112. Старуху, когда она шаманила (досл. «в ее шаманении»), один человек за веревку (досл. «веревкой») назад тащил, по туловищу ее привязав. 113. Затем люди спать собрались. 114. Йомпа так стал: «Ну-ка! Вы маленько усните (ненадолго), я старуху держать буду (давайте)». 115. Затем люди уснули. 116. Йомпа старуху отпустил – старуха в огонь упала. 117. Старуху огонь целиком сожрал, хорошо сожрал. 118. Йомпа так закричал: «Товарищи! Встаньте! Старуху огонь сожрал. 119. Старуха опять откуда в огонь упала? 120. Я здесь что-ли заснул? 121. Старуха что-ли здесь что-ли, сорвавшись, в огонь упала?». 122. Люди рассердились: «Старуху не ты ли в огонь толкнул?». 123. Йомпу луками стрелять стали. 124. Йомпа сидит. 125. Вдруг впредь рассердился, вскочил, под гору побежал, лук свой схватил, на гору повернулся, людей стрелять стал, людей перестреляв, целиком в воду побросал с чумами их (и со всем имуществом). 126. Под гору уселся (т.е. в ветку), назад поехал. 127. Бабушку свою под горой миновал, к запору своему приехал – в запор мой покойников еще больше набил. 128. Запор свой вниз (по течению) прочистил (он), разом вперед уехал. 129. Вдруг к такому месту доехал – видать, люди то-ли играют, то-ли бьются друг с другом. 130. Сюда пришел. 131. «Товарищи! Что делаете?». 132. «Нет, на этой земле рыба нас обездолила, ни единой рыбы добыть не можем». 133. Все так стараются: двух лиственниц вершины веревкой вместе стянуты, здесь каждого человека усалят и вверх лиственницы к вершине вздернут. 134. Этот

человек затем вниз прыгнет и в воду нырнет; лишь только нырнет – пониже (по течению) вынырнет умерший. 135. Йомпа так сказал: «Вы чего-то ныряете?». 136. «Нет, мы рыбу добыть совсем не можем, рыба нас обездолила. 137. Шаманы так нашли: водяной (досл. «подгорный чорт») рыбу в чуме своем запер, не для чего-либо – сын его хворает. 138. Этого водяного чум сломать стараемся мы». 139. Йомпа так сказал: «Меня посадите!». 140. Йомпу посадили, вверх вздернули лиственницы на вершину. 141. Йомпа, пока еще не сидел (досл. «в несидении своем») надел (стрелу на тетиву), к небу выстрелил. 142. Томар его в верх ушел, вниз спустился – томар свой тут поймал. 143. Затем опять надел (стрелу на тетиву), вниз выстрелил в воду, томар его по какому (месту) вниз нырнул, сам тоже прыгнув по тому (месту) нырнул, томара своего по пути нырнул. 144. Томаром своим Йомпа выстрелил, водяного чум вершины по середине вниз проломил, сам тоже по тому (месту) вниз залез водяного (чорта) чума вовнутрь. 145. Верно! Видать, водяного сын хворает. 146. Водяной так сказал: «Откуда пришел, внучек?». 147. «Нет, меня с голоду (досл. «еды ради») умирающие люди к тебе послали. 148. Рыбу добыть совсем не могут». 149. Чорт так стал: «Я как пошлю рыбу? Мой сын хворает, рыбы сами тоже не хотят – брат их хворает». 150. Водяной так сказал: «Ты если хочешь, ты сперва моего хворающего сына вылечи (досл. «сделай»), я после этого впредь рыбу пушу». 151. Йомпа так сказал: «я вылечу!». 152. Йомпа днем шаманит (с бубном), но́ью шаманит (без бубна); шаманит (без бубна), шаманит (с бубном) – сына водяного вылечил. 153. Водяной рыбу всю пустил; люди вверху рыбу настолько добывать стали – несчастную рыбу куда денут? 154. Йомпа сам из чума водяного выйти впредь не может. 155. С дочкой водяного спарились (они дв.) вместе. 156. Йомпа вдруг так стал: в чуме водяного то горностаем обернется, то белкой обернется. 157. Водяной дверь свою запер. 158. Двери своей у отверстия двух на половину ободранных медведей привязал. 159. Водяного дочка так сказала (досл. «стала») Йомпе: «Ты выскочи чума поверху (т.е. сквозь дымовое отверстие), я тебя догоню». 160. Йомпа прыгнул; водяного медведи лишь только укусили (его), одну только кость предплечья ему порвали. 161. Йомпа вверх вырвался. 162. Люди вверху рыбу настолько добыли – впредь счетом не сказать. 163. Водяной за Йомпой в погоню (досл. «Йомпу гоня») отправился. 164. Йомпа сбежал, пешком пошел. 165. Йомпа тем временем водяного дочку повстречал. 166. В стальную нарту такой зверь запряжен – рог его самого неба по мездre скребет. 167. По двум сторонам рта его наружу только огонь (досл. «огненную головню») выбрасывает. 168. На эту нарту свою уселись (они дв.), двинули. 169. По такой тропе поехали – конского ребра вышиной проломлена. 170. Вдруг водяной догонять стал (их). 171. Йомпа однокогтистую суку оставил, навстречу обернув, поставил: «однокогтистая сучья бабушка, хорошо держи!». 172. Затем опять поехал. 173. Во второй теснине (собств. «ко второй теснине») двухкогтистую суку (досл. «сучью бабу») оставил. 174. В третьей теснине трехкогтистую суку оставил. 175. В четвертой теснине четырехкогтистую суку оставил. 176. В пятой теснине пятикогтистую суку оставил. 177. В шестой теснине шестикогтистую суку оставил. 178. В седьмой теснине семикогтистую суку оставил. 179. Чорт пришел, сзади семикогтистая сука облаяла (его), за пятку его, закусив, тащит (его). 180. Йомпа теперь уехал. 181. В одной теснине однорогого чортова хора поставил. 182. Во второй теснине двурогого чортова хора поставил. 183. В третьей теснине трехрогого чортова хора поставил. 184. В четвертой теснине четырехрогого чортова хора поставил. 185. В пятой теснине пятирогого чортова хора поставил. 186. В шестой теснине шестирогого чортова хора поставил. 187. В седьмой теснине семирогого чортова хора поставил. 188. Чорт шестирогого хора своего пересилил. 189. К семироговому хору своему дошел. 190. Черта седьмой хор забодал, водяного утащил, навсегда нижней воды в конце (т.е. в северном ледовитом море) утопил. 191. Йомпа на гору вышел. 192. Двух вод на развилке (т.е. на косе) стальной каменный мыс вырос, до самого неба достает. 193. К бабушке своей как только дошел, бабушка моя, видать, так давно умерла – даже медвежий (собств. медвежье-шерстый) мох совсем (ее) покрыл. 194. Жена его – водяного до́й (собств. «дочерняя») – старухи кости ноги своей на носок сложила, пнула – затем заново рожденной дева́йкой уселась (бабушка). 195. Затем на гору пошла, к стальному каменному мысу пошла. 196. Жена его, водяного дочь, золотое кольцо (собств. «пальца железо») пожевала, потом отбросила. 197. Таким золотым чумом уселось (кольцо) – нюки его

огонь прямо сжигает. 198. Чума к подгорной стороне семь столбов воткнула. 199. «К самому концу шаманящий человек если будет, дверей к отверстию шаманить пусть будет; к середине шаманящий человек если будет, к среднему столбу шаманить пусть будет». 200. Чума к наружной стороне семь жертвенных деревьев воткнула: «Жертвы мне к этим жертвенным деревьям пусть приносят». 201. В чуме словно огонь прямо горит. 202. Семь родов так сказывать будут: «Земли на хребте (находящийся) жертвенный чортов чум».

Текст №38_TW

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруких Е.П. (1932 г.р.)

Записал: Хелимский Е.А.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1977

1. Iča ilimpa imil'antisä. 2. Ukkir čontōqit Iča mātīt šünčōqit tol'čimti tokkaltiti i laksira. 3. Imaqota nuk kətiti: „Iča, qā laksiranti tol'čil' tiri?” 4. Nini mātāp nül'čiti, ponä neššālna. 5. Iḡiti tāqamti, tōlā qənnā – moqinā somaḡata. 6. Korrä mel'čintiti i nimiti qonta. 7. Qarın unnä šittija. 8. Moqinā tūa tol'čim tokkaltilä. 9. Mannimpatī mātān ām – mātqini ponä tantišpa qorqi. 10. Nini Iča tō qənnā, pōp pacalnitī, mātām ullä taqititi. 11. Mātīpārti unnä sīqilpa, ullä šöttēmpati tāqasä coqqällä. 12. Ullä mannimpatī, imaqotām nül'čik qoḡiti – qorqi āmnintī. 13. Nini unnāni ullä coqqoḡiti tāqasä. 14. Imaqota ətikka. 15. Ukkir contōqit imaqota coqqolnitī i qəttēti. 16. Mātīpāriqini ullä panuḡā, mātām unnä nūḡiti, mātī šērna. 17. Imaqota qumpa. 18. Imaqotap soma qal' porqintisä tokkalaltālnitī, ponä tattiti, qaqil'anti omtiltiti. 19. Nini qālḡiḡinti paḡip sāqālnitī. 20. Onti karrä ūqil'čiti qəttontī. 21. Tūḡa āmtil' qōn mātī. 22. Okoškan ākti qaqil'amtī nī tottiḡiti. 23. Onti mātī šērna, āmtil' qōn mātī. 24. Āmtil' qōn nāl'at ponä nül'čik qoḡātīt – Ičat imati qaqloḡin āmta. 25. Āmtil' qōn nāl'at ponä paktātīt Ičat imam mannimpāqo. 26. Mannimpātīt – Ičan imati qumpa. 27. Paḡisä kuti kos pārqiḡpati. 28. Māt šērlä nuk kətātīt: „Imal qumpa, Iča.” 29. Iča neḡḡimātpa, ponä pakta. 30. Mannimpatī – imati qumpa. 31. Mātī paktimpa, āmtil' qōnik neḡḡimānna: „Tan nāl'aili man imam qətpātīt, paḡisä pārqiḡpātīt. 31. Imasä šum miḡāšik! 33. A to qumimti muntik qəttap.” 34. Āmtil' qok kuččä qatenta? 35. Nāl'amtī quraltiti Ičanik, pōs kipa nāl'amtī quraltiti. 36. A imaqotap – āmtil' qōt qumit qilip mēḡātīt i imaqotap ullä mēḡātīt. 37. Iča imam ilā nini qənnā. 38. I tamit tētti tā ilinti imantisä.

1. Ича жил со своей бабушкой. 2. Однажды Ича внутри чума лыжи надел и пляшет. 3. Старуха так сказала: «Ича, зачем плясешь с лыжами?» 4. После этого [Ича] дверь открыл, на улицу выкатился. 5. Взял свою пику, немного поодаль ушел – обратно хорошо видно [=чум еще хорошо виден]. 6. Яму для ноа́лега сделал и там спит. 7. Утром проснулся. 8. Обратно пришел, лыжи надевши. 9. Смотрит на дверной проем, из чума на улицу вышел на время медведь. 10. Потом Ича отошел, дерево срубил, дверь запер [=подпер бревном]. 11. На крышу вверх залез, вниз дырку сделал, пикой потыкав. 12. Вниз смотрит, старуху так увидел – медведь сидит¹. 13. Потом сверху вниз тычет пикой. 14. Старуха все прячется [=увертывается]. 15. Наконец старуху ткнул и убил. 16. С крыши вниз спустился, дверь открыл, в чум вошел. 17. Старуха умерла. 18. Старуху в хорошее платье одев, [Ича] на улицу принес [ее], в нарто́аку посадил. 19. Потом ей под мышку нож сунул. 20. Сам на берег потащил в город. 21. Пришел в дом царя. 22. К окну свою нарточку туда поставил. 23. Сам в дом вошел, в дом царя. 24. Царские дочери [посмотрев] на улицу так увидели – Ичина жена в нарте сидит. 25. Царские дочери на улицу выбежали на Ичину жену посмотреть. 26. Смотрят, Ичина жена умерла. 27. Ножом кто-то [ее] заколол. 28. В дом войдя так сказали: «Твоя жена умерла, Ича». 29. Ича рассердился, на улицу выбежал. 30. Смотрит, его жена умерла. 31. В дом прибежал, на царя рассердился: «Твои дочери мою жену убили, ножом закололи. 31. Жену мне дай! 33. А то твоих людей всех убью». 34. Царь куда денется? 35. Свою дочь послал к Иче, самую младшую свою дочь послал. 36. А старуху – люди царя яму сделали и старуху похоронили. 37. Ича, жену взявши, оттуда отправился. 38. И до сих пор живет со своей женой.

¹ Ича принял свою бабушку за медведя.

Текст №39_TW

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруких Е.П. (1932 г.р.)

Записал: Хелимский Е.А.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1977

1. Iča ilimpa pelikālik. 2. Nuč'ik tənirpa: „Pelikālik kuttar ilentak? 3. Qāti qallā imam pēqilsam enā.” 4. Iča qənna. 5. Qoltit qanmīt qālimpa ütīt tōmmīt. 6. Mannimpatī āmti' qōt qētti ata. 7. Nūtil lakat pārinti ullā āl'ča, nuč'ik laḡkīhā: „Nūtīt tāpīl' tama, muntik jap tattijit! 8. Wəčap sipalnāti!” 9. Nūtīt tāpīl' tama tūjātīt, wəcīmti muntik amnātīt. 10. Iča qala čaḡal' ləti. 11. Innā wəša, konnā tanta āmti' qōt qēttontī. 12. Āmti' qōn māt šērna, mātan āqqit nīleja. 13. Āmti' qoḡ nīrkimānna: „Qaj lōsi tünta? 14. Il'ča, qā tūsanti?” 15. Iča ētikāliḡ mēlti niḡka. 16. Ičanik āmti' qoḡ kətiḡiti: „Apsisā šunti mintāmīt, laqālāšik!” 17. A təm mēlti niḡka. 18. Tōnnamīp āmti' qok čap kətiḡi, mēlti niḡka. 19. Ukkir čontōqit āmti' qoḡ nuč'ik kətiḡi: „Iki šumīn amāšik! 20. Imasā šunti mintāmīt!” 21. Iča pāpī laqālilā, ləl' mītī muntik laqālātīt. 22. Āmti' qo nāl'amtī quraltīt: „Ašša qənnanti, to muntik šumīn amta na lōsi.” 23. Āmti' qoḡ nāl'amtī miḡiti. 24. Āmti' qōn nāl'am utōmīnti orqīlnīti Iča, nīnī qəntītī. 25. Qənna, kun ippīsa nūtil lakāqīt, nī tūāqī. 26. „Tat tīmīti niḡkāšik, iki paktāšik. 27. Paktimmānti, mat šunti amtak.” 28. Onti tō qənna, nūtil lakanti āl'ča i laḡkīhā: „Nūtīt tāpīl' tama, muntik wəcap tattātīt!” 29. Āmti' qōn nāl'a mannimpatī tama namanti koččik tūḡa, Ičap tāt sīpīlnātīt. 30. Ašša kuntī ēḡa tamaītī muntik ürreḡātīt. 31. Iča unnā pakta. 31. Nuč'ik qumītqo ɛssija, miti ütqinī qompišpa. 33. Āmti' qōn nāl'a paktilā Ičap qāmāk'l'čiti. 34. I moqīnā qənnā Ičat mātīt. 35. Tamīt tētti Iča imasā ila.

1. Ича жил один. 2. Так думает: «Один как буду жить? 3. Может быть пойдя жену я искал бы [=может быть, мне пойти поискать жену].» 4. Ича пошел. 5. По берегу реки идет вдоль края воды. 6. Смотрит, царский город виден. 7. На кучку травы лег, так кричит: «Мыши [живущие] у подножья травы, все сойдитесь! 8. Мое мясо обглодайте!» 9. Мыши [живущие] у подножья травы пришли, его мясо все съели. 10. Ича остался одними только костями. 11. Поднялся, на берег вышел в царский город. 12. В дом царя вошел, в дверях встал. 13. Царь испугался: «Что за черт пришел? 14. Дед, зачем пришел » 15. Ича молча все стоит. 16. Иче царь сказал: «Еды тебе дадим, зашевелись!» 17. А он все стоит. 18. Другое царь сказал [=обещал], а [он] все стоит. 19. Наконец царь так сказал: «Не ешь нас! 20. Жену тебе дадим!» 21. Ича сразу зашевелившись [=зашевелился и] его кости все зашевелились. 22. Царь своей дочери велел идти: «[Если] не пойдешь, то всех нас съест этот черт.» 23. Царь свою доаь отдал. 24. Царскую доаь за руку схватил Ича, оттуда увел. 25. Пошел [туда], где [он] лежал на куаке травы, туда пришли. 26. «Ты здесь стой, не убегай. 27. Если убежишь, я тебя съем». 28. Сам отошел, на кучку травы лег и кричит: «Мыши [живущие] у подножья травы, все мое мясо принесите!» 29. Царская дочь видит: мышей так много пришло, Ичу совсем облепили. 30. Не долго есть [=вскоре] мыши все исчезли. 31. Ича вверх вскочил. 32. Таким человеком стал, будто из воды вынырнул. 33. Царская дочь, подбежав, Ичу обняла. 34. И домой пошли в дом Ичи. 35. До сих пор Ича с женой живет.

Тырша-qō-ira čartä / Сказка про Тырша-kō-Старика

Рассказал: Нерина С.Т. (1957 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1965

1. Ичик Ичика илымпа имлантыса. 2. Пун Ичик Ичика нилчик қатыныт имләуынты. 3. Мат қонтак: тыршā-қō иран мотты. 4. Имили милә нилчик қаттынит: Ичик Ичиканык, кутар йтал қумытыт нәlew(д). 5. А Ичика нилчик қаттыңыт: манола олыка манныментам, куттар қумат иманјтыт. 6. Ичик Ичика қаррақәнә козыл анныты лйбыла. 7. Қарра нукалныт и ныны пинныта наррапылат қарромта антақынты. 8. Ныны қәнны(ә) тырса қо йранык. 9. Укурчонтот тот қыкыт перқымты ны шуржуқылныт. 10. Тот қыуыт пеллака қонтыт. 11. На пеллаканты онтан, укурчонтот пича ны сатаиныт. 12. Нара пуламты оркыла пичаф олычер қаттымйт. 13. Ныны пичамты антауынт чаттымйт, антақынтә тиңа. 14. Нына қанта тиңа тырща қо ират мотты. 15. Шитанты тоттынта. 16. Теңа анымты қонна нәқылнытә. 17. Қоннатанта, мотә чап шерна. 18. Моқтыт татти қум ома. 19. Пут тырща қира нилчик қаттыңыты: Ичик Ичика лумтасик. 20. Қумыт иманөтыт. 21. Ирақотат ай имақота онтоқий нымтә әтыкол. 22. Пут ирра нилчик қаттыңыт: кутай шим пйсалтәнтә наммынык нелам минынтам. 23. Ичик Ичика нилчик қатыңыт: мат тот қыкыт перқам ны шурроқулсыт. 24. Нынә мат қоса пеллака на пуллаканты қонна пактыса тетқылсам. 25. Пича ны шим сатаиса. 26. Мат нарапұлям оркысам. 27. Нына пичар олычир қатса. 28. Нына пичаф антықан нына чатсам. 29. Ныны тй түсак. 30. Ирра лакы мотайт. 31. Ныны ирра нәламтә мймпат Ичикичикамик. 31. Қумыт ныны қәннотыт имақолык.

1. Ичик жил с бабушкой. 2. Потом Ичик так своей бабушке сказал: 3. Я поеду к Тырша-ко-ира домой. 4. Бабушка так сказала: Ичик-ичика, как ты возмёшь чужую дочку? 5. А Ичик так сказал: Я просто так посмотрю, как люди сватаются. 6. Ичик-ичика утром пошел к ветке (лодке) с горы [к лодке на берегу реки]. 7. Затолкнул ветку [столкнул лодку в воду] и потом положил на ветку палочку, сел на ветку. 8. Потом поехал к Тырша-ко старику в чум. 9. Потом в озере в середине реки желудок заболел. 10. Среди озера лежит большой камень видит. 11. Он на камень сел оправляться, вдруг щука откуда возмись укусила. 12. Он палкой взял щуку по голове стукнул. 13. Потом щуку в ветку положил, на ветку сел. 14. Потом поехал Тырша-ко-ира в чум. 15. Две ветки стоят. 16. Подъехал, ветку вытащил. 17. Пошел на берег, зашел в чум. 18. В чуме 4 человека сидят. 19. Потом Тырша-ко-ира так говорит: Ичик-ичика, садись. 20. Народ сватается. 21. Старик со старухой всё сидят молча. 22. Вдруг старик так говорит: Кто бы меня рассмешил, тому бы дочь дал. 23. Ичик-ичика так говорит: Я ехал среди озера, живот заболел. 24. Потом я нашел камень, залез на этот камень, управился (покакал). 25. Щука тут меня схватила. 26. Я за палку схватился. 27. Эту щуку по голове стукнул. 28. Потом щуку на ветку бросил. 29. Потом сюда приехал. 30. Старик засмеялся. 31. Потом старик дочь выдал замуж за Ичу-ичику. 31. Люди потом уехали без невесты.

Ičal' čaptä / Сказка об Иче

Рассказал: Безруков Е.П.

Записал: Иоффе Л.Ю.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1973

1. Iča ili imil'antisä. 2. Iča üntiññiti qumit imaññātīt ukkir qāl-iranik. 3. Na qāl-ira nul'čik tomñiti „Mašip kuti pisaltenta, näl'amī namīnik mintap.“ 4. Iča namip üntiññiti, imil'anik nul'čik kətiñiti „Mat qəntak na qāl-iran mātiti. 5. Na ira wərqī tətta.“ 6. Iča qənnā qāsil' antil'antisä. 7. Iča tōnti karrā panuñña, wərqī tōnti. 8. Pərqap čüšalinti. 9. Karrāqīt tōt kīqīt wərqī pū āmta. 10. Nāččā kekkišä tuliššak, pūnti unnä sīqilsak. 11. Illä čam omtak – pičča mašip ottalsi. 12. Mat orqilsap, unnä čattisap qāsil' antaqāk. 13. Nīñi qəssak ĩennä təttat mātiti. 14. Mātiti tūñak. 15. Nīmīti tūmpātīt imall'ä. 16. Qāl-ira nul'čik tomñiti: „Kuti mašip pisaltenta, näl'amī namīnik mintap.“ 17. Muntik mulimpātīt – qāl-ira nul'čik āmta, miti qantēmpa. 18. Nīñi qāl-ira: „Iča qaj kətenta?“ 19. Iča nul'čik kətiiti: „Mat qaj kətəntap?“ 20. Mat qoškīñilak. 21. Man ukkir ēti kətəntap. 22. Mat tōqīt tūsak. 23. Mat tōnti paniššak – pərqap čüšalisi. 24. Wərqī pūnti kekkišä tuliššak. 25. Pūnti unnä omtisak – pičča mašum sattēsa.“ 26. Qāl-ira qottā alčisa, mātiti kīpašša ponā pōttēsiti. 27. A tōnna qālīt muntik ētikālīk āmtisātīt. 28. Qāl-ira näl'amti karrā ētiiti Ičan annonti, qaj āñil' qətpati piččap – ēñā qaj cāñka? 29. Nātāk, piččap wəččilä, konnā tattiti. 30. Qāl-ira näl'amti kuraltiti Ičanik. 31. Iča imamti teltilä tō qənta.

1. Ича живет со своей бабушкой. 2. Ича услышал – люди сватаются к одному ненцу. 3. Этот ненец так сказал: "Меня кто рассмешит, мою дочь тому дам". 4. Ича это услышал, бабушке так сказал: «Я поеду в чум этого ненца. 5. Этот старик большой богач.» 6. Ича поехал в своей веточке [=челночке] из коры. 7. Ича на озеро вниз спустился, на большое озеро. 8¹. У меня живот заболел. 9. Внизу посреди озера большой камень стоит. 10. Я туда еле добрался, на камень залез. 11. Сел – а щука меня укусила. 12. Я ее схватил, вверх бросил в свою ветку из коры. 13. Потом поехал дальше в чум богача. 14. В чум приехал. 15. А там люди пришли свататься. 16. Ненец так сказал: «Кто меня рассмешит, мою додь тому дам.» 17. Все говорят – ненец так сидит, будто замерз [=застыл]. 18. Потом ненец [говорит]: "Ича что скажет?" 19. Ича так сказал: «Я что скажу? 20. Я плохо [=бедно] живу. 21. Я одно слово скажу. 22. Я в озере [=по озеру] приехал. 23. Я на озеро спустился – у меня живот заболел. 24. До большого камня еле добрался. 25. На камень вверх сел – щука меня укусила.» 26. Ненец на спину упал², свой чум чуть не наружу прошел насквозь [=чуть не пропорол стену своего чума]. 27. А те ненцы все молча сидели. 28. Ненец свою дочь на берег послал к Ичиной ветке - действительно ли [Ича] поймал щуку – есть или нет? 29. Девушка, щуку подняв, с берега принесла. 30. Ненец свою додь послал к Иче. 31. Ича жену погрузивши, увез.

¹ Во фразах 8-14 повествование ведется от имени самого Ичи.

² Ненец упал от хохота.

Ičakičša ĩmpatĩ imam / Ичакычика женится

Рассказал: Киприна В.М.

Записал: Хелимский Е.А

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1977

1. *Ilimpa imaqota, təp̄in m̄iq̄in ɛppa ĩjatĩ Ičakičška.* 2. *Kuntik na il̄imm̄intāt̄it, ukk̄ir p̄ār Ičakičška ũntiřpatĩ – q̄āliŋ nāl'amtĩ ĩmpatĩ.* 3. *Kutim ĩtiŋiti?* 4. *Qālĩ nuk k̄ətiřiti; „Kutika nāl'am pistalt̄əntiŋiti, təp̄iniŋ mintam.”* 5. *Ičakičška im̄il'āq̄intĩ nū'čik k̄ətiřiti: „Mat q̄əntaŋ q̄ālitin m̄ātti.”* 6. *Karrā paniřša, q̄āřil' anti'ap i lap̄iti ĩřiti.* 7. *Antōq̄intĩ t̄isa, na q̄ənta.* 8. *Kuntin na q̄ənm̄intĩ.* 9. *W̄əttōq̄in q̄omp̄ati w̄ərqi p̄ü.* 10. *P̄üntĩ om̄niŋpa, təp̄ip pičča sattēmp̄ati.* 11. *Təp unnā pakt̄impa, mann̄imp̄ati – pičča sattēmp̄ati.* 12. *Piččam orq̄ilpatĩ, ullā q̄ātt̄imp̄ati, antōq̄in pinpatĩ.* 13. *Aj na q̄ənp̄a.* 14. *N̄inĩ t̄ümp̄a q̄ālitin m̄ātti.* 15. *Ontĩ om̄niŋpa pecit q̄ōq̄it.* 16. *Q̄ālin nāl'a qum̄itip mantālp̄ati.* 17. *Koŋalt̄imp̄āt̄it t̄əttal' qum̄it čaptā – n̄ätäk ařša piřin̄ā.* 18. *Kuřřat Ičakičška t̄üsa, koŋalt̄impa, qaj ɛřimm̄intak.* 19. *Na koŋalt̄imm̄intiti: „Mat kuřřat t̄ēq̄in̄cit t̄üsak, mařip pičča sattēmp̄a.”* 20. *Ičakičška somaŋ munt̄ik k̄ətiŋpatĩ, n̄ätäk orřa piřiřša.* 21. *Q̄ālik nāl'amtĩ Ičakičškanti miřiti.* 22. *Ičakičška qaj m̄ēt̄iŋiti?* 23. *Imap ĩřiti.* 24. *Karrā q̄ənn̄imp̄ati im̄amtĩ, antōq̄intĩ om̄niŋp̄āq̄i, na q̄ənm̄intāq̄i.* 25. *Ičakičška kuřřat moq̄inā t̄ümp̄āq̄i, im̄il'atĩ āntalpatĩ.* 26. *Ičakičška im̄il'ant̄isā i im̄ati t̄i na il̄āt̄it.*

1. Жила старуха, у нее был сын Ичакычика. 2. Дого жили, один раз Ичакычика услышал - ненец свою дочь выдает. 3. Кого возьмет [в зятья]? 4. Ненец так сказал: «Кто мою дочь рассмешит, ему дам.» 5. Ичакычика своей бабушке так сказал: «Я поеду в чум ненцев.» 6. На берег спустился, веточку [=челночек] из коры и весло взял. 7. В веточку сел, поехал. 8. Долго едет. 9. В дороге увидел большой камень. 10. На камень сел, его щука укусила. 11. Он вскочил, смотрит – щука укусила. 12. Щуку схватил, убил, в ветке положил. 13. Опять поехал. 14. Потом приехал в чум ненцев. 15. Сам сел возле пёйки. 16. Дочь ненца людей рассматривает. 17. Рассказывают богатые люди сказки – девушка не смеется. 18. Когда Ичакычика приехал, рассказал, что со мной [=с ним] случилось. 19. Рассказал: «Я когда к вам приехал, меня щука укусила.» 20. Ичакычика хорошо все сказал, девушка очень смеялась. 21. Ненец свою дочь Ичакычике дал. 22. Ичакычика что сделает? 23. Жену взял. 24. На берег увел жену, в ветку сели, поехали. 25. Ичакычика [с женой] когда домой приехали, его бабушка обрадовалась. 26. Ичакычика со своей бабушкой и его жена сейчас живут.

Текст №43_TW

Id'et kβatčel ma'de / Идин город-лес

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: Обь (Каргасок), 1983

1. Čažakiyit βaryi pirgi mad kit pargit eja. 2. Na'e'yit id'en βargellimbadi. 3. Na kβatčel kβiradi Id'et kβatčel ma'de. 4. Id'et kβačel ma'd'ond kut komdep pot tabinde pengadi, kaβpip molande edekkadit. 5. Id'en üd'adi kβačemdi, naññe mešpadit, imdi, ñeimdet oromdešpadit, tabit, kak kut kβilip kβadešpadit. 6. Tabdinnau pokkodin naj eja. 7. Tabin pokkomde kinžekud, kβilip kβatkud, Pönegedip kβaded'padit. 8. Id'e Pönegem aya nadirid. 9. Pöneget qum amgu lakkatil'de, Id'e nika töl'čemba, kuptin il'de, pokkomde Pönegep oralled'e, pokkoyinde mukkatil'de. 10. βarga Id'e kužakit Pönegep orallede, mukkatil'de naššakit tabit pajad el'matte tölla. 11. Naššakit Pöneget kaptip tan ñepkallade, tünde čačellade, tü tabin abild'e. 12. Pönege koškodel ära, tab kuden aβešpad, ñepkelešpad. 13. Tab aya nadirid kibamarid. 14. Kužakit šergembadi, βargi kut qaj'emip kattlešpadit tab kemdehe olomde kurol'de, qajyin qun βargellimbadi, na'edel'e čaža. 15. Ržade tabinnan t'anguk, kudinnaj tabin kom aya pengud. 16. Tab kuden kβengu lakattekuk, id'e kuden aya üdild'e, pokkomde orallad'e. 17. Id'el'ikat tabit haužerle, ninkap, čibem oralešpadit onže üčega pokkol'ikamdise mukkatilešpadit.

1. На Чижапке есть большой высокий яр. 2. Там мезгири живут. 3. Этот город зовут Мезгирев город. 4. В Мезгиреве городе люди деньги под деревья кладут, платки на ветки завязывают. 5. Мезгири работают, город свой дальше строят, сыновей, дочерей растят, они как люди рыбу ловят. 6. У них сети тоже есть. 7. Они свои сети ставят, рыбу ловят, чертей ловят. 8. Мезгирь черта не любит. 9. Черт человека съесть захочет, мезгирь сюда придет, человека отберет, сетью черта схватит, сетью задушит. 10. Большой мезгирь, когда черта схватит, задушит, тогда его жена и дети придут. 11. Тогда у черта кровь высосут, костер разведут, огонь его съест. 12. Черт, плохой старик, он людей ест, кровь высасывает. 13. Он не любит детей, когда шумят взрослые люди, чем-нибудь стучат. 14. Он саргой голову обвяжет, где люди живут, туда идет. 15. Лент у него нет, никто ему жертвы не приносит. 16. Он к людям идти только захочет, мезгирь к людям не пускает, сетью его поймает. 17. Маленькие мезгирики, они играют, комаров, мух ловят своими маленькими сетями, душат их.

Текст №44_TW

Йдет тяттэ / Сказка об Йде

Рассказал: Тобольжина М.Р. (1912 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1981

1. Элымба варкымба Йде. 2. Йде поқұычугу қыгелымба. 3. Поқұламд таққылбат, қванба, поқұламт кыннымбат. 4. Йдет поқұонд қвЫдыкадыт чйбела, нынкала, неврела, пұла. 5. Йде амгыт. 6. Поқұымд қвэдиккыт кынджле. 7. Қошка мātқынд шākкыгу. 8. Шэдымджэли тёл қошка поқұламд маннымбыгу. 9. Тōкка – поқұламд весь неджарымбадыт. 10. Йде тарбыкумба: «Қуд мат поқұлам неджарешпад?» 11. Идя омдыкумба пот табонд, āмда, āмдле āдолджа. 12. Қуд тōнандж? 13. Тōка Пёнэге. 14. Пёнэге поқұламд бесь нэджарбыт и қошка. 15. Йде тарымба: «Қай мёгу?» 16. Йде Эджалгумба: «Мат сāп пақұылак тыдыққындо.» 17. Пақұылбат сāп, қвэльдент панбат. 18. Тўп панбат, қвэльдимт тўт пāронд Эджимбат. 19. Квэльдит сāзэ пāрча. 20. Йде āмда, важэмба эннэ, қвэльдимд ймбат пярчынди сāзэ, тōмба андоуынд. 21. Пяргынды сāзэ андом тōмбат. 22. Йде қванба, пōт табонд омнымба, āмда, āдолгуджа, кужат Пёнэгессэ тōнджа. 23. Пёнэгессэ чāджа, меда аннонд, андом карре ноганныт, ома. 24. Йде маннымба: Пёнэгессэ тэ-тэ тō, а пирым ваттигу теद्याбыт, рокватпа. 25. Идя табони мёдымба. 26. Пэнэгессэ кольдимбат Йдеп, тюрле қватталджымба. 27. Идя Эджалгумба Пёнэгессэнэ: «Қайқо мат поқұлам нэджарешпал? 28. Нынд қуннано! 29. Мат ташт аза ўдэнджак». 30. Идя мātқынт қванба. 31. Пёнэгессэ авгалык қумба.

1. Жил-был Идя. 2. Идя половить сетями захотел. 3. Сети собрал, пошел, сети свои поставил. 4. Попали в сети мухи, комары, мошки, паузы. 5. Сетник [букв. Идя] ест. 6. Сети свои ставит, оставляет их. 7. Идет домой ночевать. 8. На второй день идет сети свои смотреть. 9. Приходит – сети его все порваны. 10. Идя думает: «Кто мои сети рвет?». 11. Идя садится под дерево, сидит, ждет. 12. Кто придет? 13. Приходит Пенэгэсэ. 14. Пенэгэсэ сети его рвет и уходит. 15. Идя думает: «Что делать?». 16. Идя говорит: «Я смолу наберу с кедра». 17. Набрал смолы и в котел положил. 18. Костер разложил, котел свой над костром повесил. 19. [Котел] со смолой кипит. 20. Идя сидит, встал, котел взял с кипящей смолой, подошел к лодке своей. 21. Кипящей смолой беседку вымазал. 22. Идя пошел, под дерево сел, сидит, ждет, когда Пенэгэсэ придет. 23. Пенэгэсэ идет, подошел к лодке, лодку на воду спустил, сел. 24. Идя смотрит – Пенэгэсэ туда-сюда [дергается], подняться не может, прилип. 25. Идя к нему подошел. 26. Пенэгэсэ увидел Идю, заплакал. 27. Идя говорит Пенэгэсэ: «Зачем мои сети порвал? 28. Здесь помрешь! 29. Я тебя не отпускаю». 30. Идя домой пошел. 31. Пенэгэсэ без еды умер.

Текст №45_TW

Йде нōмбат пёқым /Идя гонит лося

Рассказал: Тобольжина Ф.Ф. (1911 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Обь (Иванкино), 1967

1. *Тй тау қышқасайлам кадеқwавын қоргонт, а ми пёқонт, пёқын нөмба шёшкулдарә, пёқ куралешпа; Ида нагуртын нёwат.* 2. *Йде нёмбат пёқым.* 3. *Тау қышқасайлам мй кадеқwаум пёқым, Йде (нөмбат) нёдымбат пёқым.* 4. *Қышка сай.* 5. *Кәна.* 6. *Пёқ, Йде, кәна, қолгоссә.* 7. *Табла нётисат пёқым и нұшундент қwanбатън ёзымбатън.* 8. *Оккырле натен елат и тапертъ елатән.* 9. *Пёқ угон чәджа, пёқын могоуын Йде, Йден могоуын Кәна, Кәна могоуын Қолгосса.* 10. *Окырле курле чәджадән.*

1. Вы эти звёзды зовёте «Медведь», а мы – «Лось», «Лося гонят» по-шёшкупски, «Лось бежит»; Идя втроём гонят. 2. «Идя гонит лося». 3. Эти звёзды мы зовем «Лось», «Идя гонит лося». 4. қышка сай – звезда. 5. Кана – один из людей, которые гонятся за лосем. 6. Лось, Идя, Кана, Кольгоссе. 7. Они гоняли лося (сохатого) и на небо забежали (поднялись). 8. И всегда там живут, и теперь живут. 9. Лось первым идёт, позади лося Иде, позади Иди – Кана, за ним Кольгосса. 10. И веяно, бегая, идут.

Текст №46_TW

Кысаңа / Звёзды

Рассказал: Сутарев В.Г. (1903 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. *Кысаңа*. 2. *Җарай җwәндәнтә пәри кысәңа*. 3. *Үтай җwәндәнтә пәри кызәңа*. 4. *Җwәндәтә*. 5. *Җwәргәй кысаңай пәрат*. 6. *Кысаңай пәрат*. 7. Раньше кто-то гонял сохатого, он туда и улетел. 8. У последней звезды как буд-то бы катомочка. 9. *Йтте пеңгам нөүат*. 10. Он и на сказках, и везде выходит. 11. *Йтен ылдәт*. 12. *Пеңгә*. 13. *Казыкын тын Ылай тепартә*. *Казыкын – имя реки [Тым], тепартә – зять*. 14. *Нөй пәрат*. 15. *Йтен нәр кәсай поңгә. кәс – поплавок*. 16. *Йтен тыссе*.

Русский перевод шире, чем селькупский текст, так как информант добавлял комментарий на русском языке.

1. Звёзды. 2. Утренняя на заре бывает звезда. 3. Вечерняя на верху зари звезда. 4. Заря. 5. Медвежий звёздный пярят. 6. Большая медведица. 7. Раньше кто-то гонял сохатого, он туда и улетел. 8. У последней звезды как буд-то бы катомоёка. 9. Итя сохатого гонит. 10. Он и на сказках, и везде выходит. 11. Итиной жены отец (свёкр) – в серёдке звёздушка. 12. Четыре звезды Медведицы и еще впереди маленькие – это сам сохатый. 13. Три звезды – люди, которые гонят сохатого: «Ите», «Дедушка (отец жены)» и «С реки Казы [Тым] живущий зять». 14. На небе смотришь и кружок такой: часто-часто звёздочки бывают – это называется какой-то «заячий пярят» (не переводится). 15. Итина сеть с тремя поплавками. *кәс* – поплавок. 16. Итины стрелы. [Их семь (по 3) на небе в разных местах. Он стрелял и мимо. И стрелы залетели на небо.]

Текст №47_TW

Id'e poquirešpa kanaŷe šitiqut / Идя вдвоем с Каном рыбачили

Рассказал: Киликейкин Ф.Н.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Тым (Напас), 1974

1. *Id'e poquirešpa kanaŷe šitiqut*. 2. *Pönege qwāl tβerna*. 3. *Id'e sap pakilešpat (pakilbat), pesetkap saye qamžimbat*. 4. *Pönege besetkat omnimba*, 5. *Tabit tat rokuatpa sant*. 6. *Pönege nejwatpa*, 7. *Tabi amgu kigelimba*. 8. *Tabi a čenča. miže ig aβešk*, 9. *Mi teka peqap čaželaje*. 10. *Peqan βadz so eja mi βadzinan*. 11. *Peqam nōdat, Pönege moŷoŷint*. 12. *Peq patom innä βašežemba, nušünend*. 13. *Nušünžeyit nor qoštāt, βes qiškahaitqo meŷit*.

1. Идя вдвоем с Каном рыбачили, сети ставили. 2. Пёнеге рыбы воровал. 3. Идя смолы накопал, бесетку [скамейку в лодке] смолой помазал. 4. Пёнеге на бесетку сел. 5. Жупа прилипла к смоле. 6. Пёнеге рассердился. 7. Их двоих съесть захотел. 8. Им не говорил (?). 9. «Мы тебе лося добудем. 10. Лось мясо луяше, чем наше мясо». 11. Лось погнался (их трое было), Пёнеге сзади. 12. Лось потом вверх полетел на небо. 13. На небе Бог узнал, всех звездами сделал. 14. *Пёнеге – черт, Идя, Кана* – они оба промышляли.

Текст №48_TW

Җонмытыкаль чаптă / Сказка о Конмытыке

Рассказал: Безруких И.В.

Записал: Варковицкая Л.А.

Место и время записи: Таз, 1941

1. *Ičakečikat nâqır timñasıt.* 2. *Imilimil'a pālāsail' pečatqo esani.* 3. *(Ičakečika) Imil'amtı qəqqı šı illä pərqıl'nıti.* 4. *Takki kuralni.* 5. *Timñanti mätti šerna.* 6. *Nannä omtani.* 7. *İllä qənta.* 8. *Təntiña.* 9. *Ləkitil' məčikitil' qoi sinti mərisiñi.* 10. *Timñati kətti: „Onol karampilä tənta.“* 11. *Säqätit.* 12. *Qəngolamnätit.* 13. *Takki qənnätit.* 14. *İntiti čattiti.* 15. *Tiššağınti tiğani nâqır timñasıt.* 16. *İril' pata čattimpatı.* 17. *Säqāni.* 18. *Qarıt qəngolamna.* 19. *Aj qəngolamna.* 20. *İtit innimt ätititi.* 21. *Takki čattiti.* 22. *Tiğätit.* 23. *Nâqır qur.* 24. *Amqışal' pəqqı ija na mır ablä säqätit.* 25. *Qarıt qəngolamna.* 26. *Takki talinnätit.* 27. *Qon mitika kinponti qajar putonti purgalal' tiña.* 28. *Qumiti pannätit.* 29. *Qajarti potonti peñiti.* 30. *Pinä tantätit, ašša qonjätit.* 31. *Qon mitika ontı panñiña.* 32. *Kiñčoğınti tiğani.* 33. *Innä pakta Ičakečeka.* 34. *Nâqır timnasi pačalla qəttecätit Qon Matikap.* 35. *Nini illqolamnätit.* 36. *Ti nop tağimnenta melimit.* 37. *Ti nop tağimnenta.* 38. *Kəsil' si melimit.* 39. *Meñiti.* 40. *İlätit.* 41. *İñkiltimpat.* 42. *Numit čari inta (inninta).* 43. *Tin olı lapkillä siqıl'nıña.* 44. *Siginti illä patqılna.* 45. *Innän illä čıñiti.* 46. *Tin olı lapkiçıña.* 47. *Ponä pakta.* 48. *Nâqor timnasä.* 49. *Pačallä qənnätit.* 50. *Nopqıl qok qənniti.* 51. *Məçim amniti.* 52. *Nopqıl qon məçisä ilanı.* 53. *Nini ej numit čari intiqolamnıña.* 54. *Tin olı neşil'nıña tätti česa siqinti illä patqıl'nıña.* 55. *Čiqolamniti tin olı illä lapkiçıña.* 56. *Ponä paktätit.* 57. *Pačalnätat.* 58. *Qənnätat.* 59. *Nopqıl qon qənnätat.* 60. *Məçimtisä ilätat.* 61. *İjati nil'čik kətti äsintinik:* 62. *„Täqanti kəçi ti ampati.“* 63. *İlätat.* 64. *Numit čari inninta.* 65. *Čiläl numit čari inninta.* 66. *Tin olı siqılnan.* 67. *Tiğani.* 68. *Čiqolamniti.* 69. *Lapkiçıña.* 70. *Ponä paktılä, pačalälñiti.* 71. *Nopqıl qon məçisä ilanı.* 72. *İñkiltimpätit.* 73. *Numit čiri inninta.* 74. *Tin olı Siqıl'nıña.* 75. *Čiqolamniti.* 76. *Čäp pačitqolamnätat täqanti olı ta səppeiña.* 77. *Tin olonti inni paktani Ičakečika nâqır timñası.* 78. *Qon Mitikal' čaptä siñintiña.*

1. Ичакычика втроем с братьями. 2. Бабушка одноглазой сорогой стала. 3. Ичакычика бабушку в прорубь толкнул. 4. Вниз/на север побежал. 5. Брата своего в чум зашел. 6. Вперед сел. 7. Вниз пришёл. 8. Рассказывает: 9. Безкостный, безмясый дух (?) тебя держал. 10. Брат его говорит: «Правду шутя рассказывает». 11. Заночевали (они-многие). 12. Отправились (они-многие) в дорогу. 13. Вниз/на север пошли (они-многие). 14. Из лука (своего) выстрелил. 15. К стреле своей пришли три брата (вместе). 16. Туесок с жиром (букв. жировую коробию) подстрелил. 17. Заночевал. 18. Утром идти собрался. 19. Опять идти собрался. 20. Вечером лук свой зарядил стрелой. 21. На север выстрелил. 22. Пришли (они-многие). 23. Три человека. 24. Для еды (чтобы съесть) подходящий (соответствующий) лосенок, его съев, заночевали (они-многие). 25. Утром идти собрался. 26. Вниз/на север дошли (они-многие). 27. Кона Мытыку запора морду внутрь замело (?). 28. Люди спустились (они-многие). 29. Внутри морды ищет. 30. Наружу вышли (они-многие), не нашли (они-многие). 31. Кон Мытыка сам спустился. 31. К запору пришел. 33. Вверх прыгнул Ичакычика. 34. Три брата (вместе) зарубили (букв. зарубив убили) Кона Мытыку. 35. Потом жить стали (они-многие). 36. Вот лето настает (букв. Бог летовать начинает). Давайте сделаем (мы-многие). 37. Вот лето настает (букв. Бог летовать начинает). 38. Железный гроб давайте сделаем (мы-многие). 39. Сделал. 40. Живут (они-многие). 41. Слышит (? слышат). 42. Гром гремит (букв. Бога голос слышен/слышится). 43. Облако гремя взойшло (появилось на небе). 44. Взойшло, вниз погрузилось (опустилось к земле). 45. Сверху вниз выстрелил (?о). 46. Облако упало с неба. 47. Наружу выскочил. 48. С тремя братьями. 49. Зарубили (они-многие) (букв. рубя, убили). 50. Небесного царя (букв. на небе находящегося царя) убил. 51. Мясо съел. 52. Небесного царя (букв. на небе находящегося царя) мясом живёт. 53. Потом опять гром загремел (букв. Бога голос слышен стал/ послышался). 54. Облако выкатилось, земле навстречу взойшло, вниз погрузилось. 55. Стрелять стал, облако упало с неба. 56. Наружу выскочили (они-многие). 57. Зарубили (они-многие). 58. Убили (они-многие). 59. Небесного царя (букв. находящегося на небе царя) убили (они-многие). 60. Мясом его живут (они-многие). 61. Сын его так сказал отцу своему: 62. «Отказа твоего черенок сгорел»

(букв. огонь съел). 63. Живут (они-многие). 64. Гром гремит(букв. Бога голос слышится). 65. Сиротский (одинокый) божий голос слышится. 66. Облако вошло. 67. Пришло. 68. Стрелять стал (?о). 69. Упало с неба. 70. Наружу выскочив, изрубил. 71. Небесного царя (букв. находящегося на небе царя) мясом живёт. 72. Слушают (они-многие), гром гремит (букв. Бога голос слышится). 73. Облако вошло. 74. Стрелять начал. 75. Упало с неба. 76. Рубить стали (они-многие), а отказа голова отломилась. 77. На облако вверх прыгнул Ичакычика втроем с братьями. 78. Кона Мытыки (букв. Мытыкина) сказка кончилась.

Текст №49_TW

Ичакечика ай имылымылыа/ Ичакечика и бабушка

Рассказал: Мантаков Г. (1928 г.р.)

Записал: Варковицкая Л.А.

Место и время записи: Баиха ?, 1941

1. *Ičakečika qarit kińčoqāntā karrā pallā, kińcit šināktā nopāl' lakap tokkaltāt.* 2. *Nīni imil'āmantisā panīa.* 3. *Imil'āmāl'a na nopāl' lakap to čāp iqolamnātā Ičakečika ittā noqāl'nyā.* 4. *Imil'āmāl'atā ittā alča.* 5. *Nīni nīnip kińčoqāntā soqāl'nāt.* 6. *Konnā tanta.* 7. *Nīnit mātāp mātantā qəŋātā.* 8. *Nīnit ulap taqqāl'nātā.* 9. *Karrā musārāt.* 10. *Nīnit ulaka čiqāntā orqāl'el'ča.* 11. *Nil'čik tənārpa.* 12. *Imāl'āmāl'amā apsāp somak mekātā.* 13. *Imāl'āmāl'amā qaiqo ittā noqolnap.* 14. *Nānā Ičakečika qənna.* 15. *Nanā kurānna.* 16. *Nānnā mənñāmpa.* 17. *Pālāl' topāl' s'tolāl' timnātā qəŋartā il'tārāt.* 18. *Pālāl' utāsā sotta, pālāl' utāsā čoqotāŋa.* 19. *Nānā Ičakečika nil'čik laŋkānā:* 20. *Ma aj mənñāmpālā (k)qāl' qəlā qəttal?* 21. *Pālāl' topāl' āstolāl' timnātā konnā kuralna.* 22. *Ičakečika ašša tulānā.* 23. *Nānā Ičakečika tilā mātān āqāt nāŋka.* 24. *Pālāl' topāl' (ā)stolāl' timnātā nil'čik kəŋāŋāt:* 25. *Ičakečika, tat qa təttāp nenñaltāmantā?* 26. *Āsānt kińcit koptāp qāt mātāka to taqalpāt.* 27. *Nānā pālāl' topāl' stolāl' timnāntān opti qənnātāt.* 28. *Nanā kurānātāt.* 29. *Nānnā mənñāmpa.* 30. *Pālāl' topāl' qəŋarāl' timnātā pālāl' utāsā sotta, pālāl' utāsā čoqotāŋa.* 31. *Ičakečika nil'čik laŋkānā.* 31. *„Qāl' qəlā qətal?”* 33. *Ma aj mənñāmpālā.* 34. *Pālāl' topāl' qəŋarāl' timnātā konnā kuralna.* 35. *Ičakečika tilā mātān āqat nīnka.* 36. *Qəlāl' patap āllā mennāpat.* 37. *Imāl'āmāl'at okkār sail' pečatqo esāčimpa.* 38. *Nānā pālāl' topāl' qəŋarāl' timnāntā nil'čik kəŋāŋāt:* 39. *„Ičakečika, tat qa nenñaltāmantā?”* 40. *Āsāntā kińcit koptāp qon mātāka to taqalpāt.* 41. *Nānā Ičakečikal' nākār timnasāqāqā qənnātāt.* 42. *Ičakečika nil'čik kurānna nānnāl' pālē' qul'qot čipā innā tann qənta.* 43. *Moqānāl' pālāl' qul'qot čipā illā qammēnta.* 44. *Nānā nānnā mennāmpa.* 45. *Qon mātākat kinnūntā matār kārñal' tirāl' qumāt tinat čarā eŋa.* 46. *Nānā Ičakečikal' mātā tiŋātāt.* 47. *Numāp puskalaltāt ontā mortāt šinn āntā taŋalta.* 48. *Nānā Qon mātāka qumimtā kińčoqāntā itāŋat.* 49. *Qumitā pallā mortāt šin āp čāp peŋātāt.* 50. *Ašša qoŋātāt.* 51. *Nānā konnā tantātāt.* 52. *Qon mātāka ontā panīa.* 53. *Ičakečika innā paktēlā pačallā tal'altāt.* 54. *Qon mātākap illā qətteita.* 55. *Nānā konnā tantātāt.* 56. *Sāq kəsāl' sel'qorāp meŋātāt.* 57. *Sāq kəsāl' sol'qortā pattełātāt.* 58. *Nop tāttālā sāgāl'na.* 59. *Nānā Ičakečikat sāq kəsāl' sel'qorāp čattāŋāt.* 60. *Nil'čik kəŋāŋāt: Ičakečikal' nākār timnasāqāqāl' čaptet qumpātāt.* 61. *Sāq kəsāl' səl'qortā māqai qātārpa.* 62. *Nānā Ičakečika innā putāl'māllā pačallā tal'altālā qətteiŋātāt.* 63. *Nānā ilāmpātāt.* 64. *Ej nul' tin olā sāgāl'na.* 65. *Tātāllā.* 66. *Pālāl' topāl' qəŋarāl' timnātā nil'čik kəŋāŋāt: Ičakečika tat tāqantā tāsāt ti ampat.* 67. *Ičakečika nil'čik kəŋāŋāt:* 68. *Čilel' qol iŋkā sāgāl'tenta.* 69. *Nānā nopqil' qok sāgāl'na.* 70. *Čattāŋāt.* 71. *Ičakečikat sāq kəsāl' səl'qorāp čattāŋāt.* 72. *Ola kəsā raŋgāmātta.* 73. *Nānā nil'čik kəŋāŋāt:* 74. *Ičakečikal' nākār timnasāqāqā čaptāt qumpātāt.* 75. *Ičakečika innā putāl'māllā čāp pačallā tal'altāt.* 76. *Tāqant olā to rāŋqāmānna.* 77. *Nanā nopqāl' qon Ičakečikal' mātāp āllā qənnātāt.* 78. *Morātāt.*

1. Ича утром к запору вниз дойдя, запора внутри к отверстию мха кусок затолкал (втолкнул). 2. Потом с бабушкой дошел. 3. Едва Бабушка этот мха кусок брать стала, Ича в воду толкнул (её). 4. Бабушка в воду упала. 5. Потом налима в запоре своём вычерпнул-он. 6. На берег вышел-он. 7. Налима печень к двери бросил-он. 8. Налима молоки собрал-он. 9. На огне сварил-он. 10. Налима молоки к котлу прилипли (букв.: прицепилась). 11. Так думает: 12. Бабушка-моя еду хорошо варит. 13. Бабушка-моя, почему (тебя) в воду толкнул-я». 14. Потом Ича пошел. 15. Долго шел. 16. Вперёд смотрит 17. Одноногий (букв. на одну ногу опирающийся) брат-его морду свою вынимает. 18. Одной рукой черпает, одной рукой долбит. 19. Потом Ича так закричал: 20. «Я тоже смотрю (букв.: я видя), какую рыбу добыл-ты?» 21. Одноногий брат его наверх выбежал. 22. Ича не дошел. 23. Потом Ича придя двери у отверстия стоит. 24. Одноногий брат-его так сказал: 25. «Ича, ты что его рассердил? 26. Отца-твоего запора место царь Мытыка отобрал». 27. Потом одноногий брат его вместе пошли. 28. Долго шли. 29. Вперёд смотрит. 30. Одноногий кривой брат-его одной рукой черпает, одной рукой долбит. 31. Ича так закричал. 31. «Какую рыбу добыл-ты? 33. Я тоже смотрю (букв.: я видя). 34. Одноногий кривой брат его наверх побежал. 35. Ича, придя, двери у отверстия (у входа) стоит. 36. Рыбную коробичку (короб, куженьку с рыбой) видит. 37. Бабушка одноглазой сорогой стала. 38. Потом одноногому кривому брату своему так сказал: 39. «Ича, ты что рассержен?» 40. Отца запора место царь Мытыка отобрал. 41. Потом Ича с тремя братьями пошли-они-многие. 42. Ича так идёт: передней половины льдины конец вверх вышел. 43. Задней половины льдины конец вниз погрузился. 44. Потом вперёд смотрит. 45. Бога Мытыки к запору палка шерстью вверх шерстистых людей рукава толщиной есть. (т.е. к запору бога мытыки толщиной с рукав шерстистых людей палка шерстью вверх есть – А.К.). 46. Потом Ича с братьями (букв. Икачкины) пришли-они-многие. 47. Бог запуржил (букв. бога заставил снегу идти) сам морды у середины отверстия притаился. 48. Потом царь Мытыка людей своих к запору послал-он. 49. Люди, дойдя морды середины отверстие едва ищут-они-многие. 50. Не нашли-они-многие. 51. Потом наверх наружу вышли-они-многие. 52. Царь (Кон) Мытыка сам дошел. 53. Ича выскочив, рубанув, сломал. 54. Царя (Кона) Мытыку убил-он. 55. Потом наружу вышли-они-многие. 56. Черный железный гроб сделали-они-многие. 57. В черный железный гроб залезли-они-многие. 58. Бог, гремя, наружу выбрался. 59. Потом Ичи черный железный гроб бросил (? выстрелил, см. 71). 60. Так сказал: Ича с тремя братьями давно умерли-они-многие-вроде. 61. Черный железный гроб его будто мохом оброс. 62. Потом Ича вверх выскочив, рубанув, сломав убил. 63. Потом жили-они-многие...64. Опять на небесное облако взобрался-он. 65. Загремев. 66. Одноногий кривой брат его так сказал: Ичина отказа шея сгорела (огонь съел). 67. Ича так сказал: 68. Одинокого царя слышно, вылезет-он. 69. Потом небесный (на небе находящийся) царь вылез. 70. Выстрелил. 71. Ичи черный железный гроб выстрелил. 72. Только железо громыхнуло. 73. Потом так сказал-он: 74. Ичика с тремя братьями давно умерли-они-многие. 75. Ича выскочив, едва рубанув, сломал. 76. Отказа-его голова проаь громыхнула. 77. Потом небесный царь (на небе находящийся царь) Ичу с братьями (букв. Икачкиных) убил. 78. Конец.

Текст №50_TW

Итя живёт на червяном мысу

Рассказал: Кондаков Н.И.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. *Йте йллакуң һеи атергу сѳққан.* 2. *Қаңунд ассә сеңгалә, қаңунд ассә тѳлатыллә иллакуң.* 3. *Құла әрран маттѳндә тшаджакууат, порси орран қәндасқууаттә.* 4. *Йте қондикуң.* 5. *Құлат нара маттѳндә мѳндәлә қѳдат.* 6. *Қаимнассе қваткуат, сүндебым қоттә мātқандыт тўкуат.* 7. *Оккырың Йте пѳнә тшанджандә.* 8. *Қаила тшәджандат.* 9. *Ман тшамбиндә: сѳбақай кўнди құла, қwәрүы кўнди, тәвай кўнди.* 10. *Моққоуоннә йрра тшәджаң.* 11. *Йте йрран қанджайдибантә пәралдиң.* 12. *Ирра тшаджакуң варүә ұтай тәзиндә.* 13. *Сәтиңа тѳтәмба: оннә ұти тәзим ассә мѳнджам.* 14. *Сѳлдун сәңгылә, сѳлдун тѳладылә нәндә әуат.* 15. *Сәтиңат ѳлан қураң нәнду қәндең.* 16. *Ниван тай пүлә қwәннаттә.* 17. *Нәнны тшәджау қууат.* 18. *Оккырың қайған аргу сууан пари, моққарын пәри мйттат, амдиқован пари.* 19. *Тәймāt мātтат омдалпикуват, тѳлне омдалпикуват.* 20. *Оккырың қайған мātта қѳван ѳллан тшәнджи нўгу.* 21. *Нйван таңлә қѳдәт, массун мātа синдә таңлә мйттат.* 22. *Йрра қwәндәгай мйрсе тшиллә амдә, қәбәрет қwәллә тшәтшаң нәжавуллә, сѳбакавлә.* 23. *Йрран сѳввал тўтә порумба.* 24. *Нәгур қwәрган ѳли тў сәттшу ондә нәмдә сәлджелбат.* 25. *Ирра сәлду тәррин пйри қwәлдим тўл пәри иннә пы қалджит.* 26. *Қwәлди мўссаң, қоннә йүәт.* 27. *Нўссүсү қалык қѳзи қайи сѳқалә тшеттшит.* 28. *Йрра тәраң: тўмбәди құлам апситит ыраптшит.* 29. *Қѳзи тәпат авурнат, ырат.* 30. *Нәннә қѳзи қѳттә мātқандыт қвангу асууат.* 31. *Йрра шытаңзе сүрун тәрам тәпатни мйуат.* 31. *Йте мātан алған пәрамба.* 33. *Йрра тәрраң: Йте, титтә тўуак.* 34. *Ман минджам сәги маңо.* 35. *Орандири сүрун тарам минджам.* 36. *Тйта мātқындә қунны мйттандә, құlal мātтѳндә тшәтшат.* 37. *Нәндә пѳнә тшандылә манджамбикут.* 38. *Ном таумдженджаң.* 39. *Сүрул тәрае нўнўқаң қын оллондә тәджакут.* 40. *Құlal нәннә можәт сүрум қваткунджаттә.* 41. *Нәнны тшанджилә қwәннат.* 42. *Йте йрра қәнджан тйпен пәралдиң.* 43. *Қѳзи нәннә тшәджақууат.* 44. *Қаңундә сәңглә.* 44. *Тѳлатыллә мйттат.* 45. *Йте қѳзи иллә (пақтаң) пақтыгәзаң.* 46. *Мātқандә мўри пәри сәтар иллә қутшоллә қондаң.* 47. *Оккырың қәуи ныңа сйтиң қәји тәпым сйткут.* 48. *Саим нўндат.* 49. *Нәйқум ситкуыт.* 50. *Йте, қѳза сап қондәндә.* 51. *Мандже, құlal мātтѳндә тшәтшат, порси орран қәндат.* 52. *Тән понә тшәнджилә, асәм қаим кәтсан – нәди сүрул тарам қын оллотдә нўнўк тәттшыгу.* 53. *Йте вәзаң, орран тйре тәттшит қынә ѳллолдә.* 54. *Онда қѳттә сѳрнә қутшаллә қондаң.* 55. *Неннә оккырың қәқи құла мātтѳқыннә қоттә тшатшат, нәйқум ситкуыт.* 56. *Йте иннә вәсак.* 57. *Мандже, құlal кўлдиң сүрум қwәтпаттә.* 58. *Нәннә Йте пѳнә тчанджилә манджамба: құла сүрун қѳпи қанджан тшатшат.* 59. *Нәннә ном таумнә, қын olle кўңгәннә.* 60. *Қын olle на құла сүрум қwәтлѳлә, вәтамдә тѳй тәтшамба.* 61. *На сүрум вәтте тшукарлә тәмба, тшукам ұтман тәдәрыт.* 62. *Нәйгум Йтем сйтыт: Йте, вәсак, қwәллә манджелджет, қәиңо нилдиң мѳуал.* 63. *Тинна қайи кўн оллотдә сүровлә тәңу.*

1. Итя живет-поживает на мысу появления (?) червей. 2. Как-то (букв. как ни) ночует, как-то день (букв. как ни) проводит, живет-поживает. 3. Люди осенью в тайгу обычно ходят, с горстью порсы (муки из сушеной рыбы) обычно зимуют. 4. Итя спит да спит. 5. Люди так в тайгу мимо (букв. проходя мимо) ходят. 6. Ничего обычно не добывают, пустыми обратно домой обыаю приходят. 7. Однажды Итя на улицу вышел, кажется. 8. Кто-то едет, кажется. 9. Смотрит, кажется: люди с бурундуками, медведями, мышами вместо лошадей (букв. бурундуковыми, медведевыми, мышиными лошадьми). 10. Сзади старик (мужик) едет. 11. Итя на край (задок) нарты старика пристроился сверху. 12. Старик едет на большой водоем (большое водяное море). 13. Синичка¹ / Птичка (поползень; синичка?)² говорит: «Свой водоем (водяное море) не отдам я.» 14. Семь ночей переночевав, семь дней провели (букв. проведя) они вверх. 15. Синичка (в голове аршинная косточка) (море) с голову (синички) тут замерзло (застыло)³/ қураң ? головы синички смерзлось.⁴ 16. По этому месту на другую сторону пришли. 17. Потом

¹ Вариант перевода А. И. Кузьминой (со слов рассказчика).

² Вариант перевода Е. А. Хелимского.

³ Вариант перевода А. И. Кузьминой (со слов рассказчика).

⁴ Вариант перевода Е. А. Хелимского.

идут. 18. Однажды где-то другого мыса вершины, хребта вершины достигли они, царя (верховного правителя) вершины. [С костяной тамар дырочку сделали; они туда залезли.¹] 19. Карамо перед дверью кланяются они, к солнцу (в сторону солнца) кланяются. 20. Вдруг где-то дверь на ширину головки тамара открылась. 21. Туда забираются (букв. забираясь идут) они, Массу дома внутрь забрались (букв. забравшись подошли). [Пришли просить, чтоб зверя послал в жертву, зверь будет плодиться, охотники будут добывать.²] 22. Старик старый, строгая, сидит, стружка его, выходит (букв. выйдя идет) белкой, бурундуком (становясь). 23. У старика чувал, огонь его горит. 24. Три из медвежьих голов головешки сами себя в костре помешивают. 25. Старик семи саженой в высоту котелок над огнем подвесил (букв. вниз опустил). 26. Котел сварился, взял его с огня. 27. Без хозяев, вроде, что ли, вычерпав, поставил. 28. Старик сказал: «Пришедших людей накормил, напоил. 29. Наверно, они поели, попили. 30. Потом, наверно, обратно домой пойти хотят». 31. Старик с золой-его звериную шерсть им дал. 31. Итя двери сбоку пристроился. 33. Старик говорит: «Итя, сюда приди. 34. Я дам ниток моток. 35. Полную горсть звериной шерсти дам. 36. Теперь домой когда придешь, люди твои в тайгу поедут. 37. Тогда, на улицу выйдя, посматривай. 38. Наступит лето. 39. Звериную шерсть мою понемногу в верховье ре́йки кидай. 40. Люди твои потом, может, зверя добывать будут». 41. Потом, выйдя, поехали. 42. Итя на нарты краешек старика пристроился сверху. 43. Вроде, потом едут. 44. Как-то переночевав, передневавши (букв. день прожив), добрались. 45. Итя, вроде, вниз спрыгнул. 46. Дома улегшись на мўри пāри сāтар спит. 47. Однажды когда там он проснулся (от того, что) кто(-то) его будит. 48. Глаза открыл, вроде. 49. Женщина будит: 50. «Итя, наверное, хватит тебе спать (букв. достатоāно спишь ты). 51. Смотри, люди твои в тайгу идут, с горстью порсы зимуют. 52. Ты на улицу выйди, мой отец что сказал – вот эту звериную шерсть в ре́йки верховье немножко бросить». 53. Итя поднялся, полную горсть бросил в ре́йки верховье. 54. Сам обратно вошел, улегшись, спит. 55. Потом однажды какие-то люди из тайги обратно идут, женщина будит (его): 56. «Итя, поднимись. 57. Взгляни, люди твои как зверя добыли». 58. Потом Итя, на улицу выйдя, смотрит: люди на звериной шкуре (как на) нарте едут. 59. Потом настало лето, верховье речки потекло. 60. В верховье речки эти люди зверя добыв, мясо его выбросили. 61. Это зверя мясо, зачервивев, сгнило, червей по воде несет. 62. Женщина Итю разбудила: «Итя, вставай, пойдя, взгляни, зачем так сделал ты. 63. Отныне ничто в верховье реки охоты (букв. охотиться) нет».

¹ Комментарии на русском языке А. И. Кузьминой со слов рассказчика (без варианта на селькупском языке).

² Комментарии на русском языке А. И. Кузьминой со слов рассказчика (без варианта на селькупском языке).

Текст №51_TW

Итте жил край берега

Рассказал: Кондаков Н.И.

Записал: Гемуев И.Н.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1980

1. Итте жил край берега, а его родители все ушли на охоту. 2. А у Итте продукты оставили, день он пробалуется, а вечером в свой уголок забьется и спит. 3. Вот как-то ноёью на двор захотел, вышел на улицу. 4. А тут мимо проходят охотники со всем снаряжением, идут тоже на охоту, осенью это. 5. А народу-то много шло, пропустил тех, кто впереди шел, последние проходят, а его не видят люди, он спрятался. 6. Вот последняя нарта проходит, он выскакивает и в заднюю нарту вцепился. 7. А люди как идут, так и идут, не замечают, что Итте вцепился в нарты сзади. 8. Вот они болотину проходят, по согре идут, потом опять болотина. 9. Ну, и сколько шли-шли, на привал сели пообедать. 10. А Итте сидит сзади, спрятанный. 11. Целый день прошли, а вечером видят – дымок идет, значит, человек есть там. 12. Вот они к этому юрту подъехали – есть живой человек. 13. Остановились. 14. А этот человек говорит: «Приезжих людей, прихожих надо кормить, чего-то варить». 15. Взял котел, пошел мясо нарубил, поставил варить (котлы раньше большие были – народу много). 16. А эти в это время стали свои нарты опрастывать, собираться на ночлег. 17. Они стали нарты развязывать, а Итте там. 18. Испугался, что найдут, выскочил и у старика за одеждой спрятался, будто никто его не видит. 19. И сидит там у юрты, где поднимается сзади, залез и в одежду спрятался. 20. А старик-то был это его отец. 21. Ну, он наготовил: «Садись, ужинать будем». 22. Когда все эти сели, старик заметил, что Итте тут: «Итте, ты же тут, давай вылазь». 23. А эти говорят: «Мы сами шли, не было никакого Итте. Вот сколько нас есть – все». 24. Старик одежку приподнял, а Итте тут. 25. «Вот, видите», – говорит. 26. Итте сел с ними тоже, ночевали. 27. Назавтра встали, позавтракали и говорят: «То ли нам дальше идти, то ли здесь остановиться?» 28. Спросили у старика: «Здесь есть ли что? Ты что ходил, добыл?» 29. Старик говорит: «Я все обошел, там мало зверя-птицы, а осень длинная, зря вы идете». 30. А те и повернули обратно. 31. А старик Итте подозвал, вызнал его, чтобы с ними не пошел. 31. Старик говорит Итте: «Я дам тебе клубок ниток и горсть шерсти звериной (белийей, птйяей – всякой). 33. Вот они уйдут подальше, ты этот клубок пусти, он домой тебя приведет». 34. И сказал: «Ты эту шерсть помногу не бросай, помаленьку, щепотоайкой». 35. Итте взял эту шерсть, клубок и отправился домой. 36. Шел-шел, пришел домой, опять в свой уголок залез. 37. Устал, спать лег. 38. Спал-спал, проснулся: «Скоро опять пойдут охотники, какие-нибудь другие». 39. Вот он наказ отца вспомнил: «Надо его исполнить, а то мне попадет». 40. Взял он эту шерсть, решил: «Зачем я буду помаленьку ее кидать да другой раз вставать, луайше сразу ее брошу». 41. И взял эту шерсть и по речке, и по сухому месту раскидал: где рыба будет водиться – по реайке, где зверь – по сухому раскидал. 42. Все раскидал, пошел спать. 43. Поест – спит. 44. Приходил старик наведывать сына и обратно ушел. 45. Тут охотники увидели: здесь полно зверя, птицы и рыбы, зачем дальше идти, остановились охотиться тут. 46. Вот они охотятся, лосей, белок, медведей добывают. 47. Сначала мясо ели, а потом только шкуру снимают, а мясо бросают. 48. А на мелкую птицу и не охотятся. 49. Вот они за зиму охотились, добывали, шкуру обдерут, мясо бросают. 50. Они с Итте вместе живут, он доволен. 51. Они на день-два уходят, опять вертаются. 52. Весна пришла. 53. Стало все таять, реайки пораскрывались. 54. Мясо, которое они бросали, стало киснуть, вонь пошла, и в реайку скидывали, и по речке туши плывут. 55. И рыба стала из-за гнилого мясадохнуть. 56. А старик тоже наохотился и идет обратно домой. 57. Видит: такая пакость везде, мясо тухлое валяется, рыбадохлая – это, наверно, Итте сделал, его работа (он же говорил: помаленьку надо шерсть бросать). 58. Он пришел домой, Итте поймал, настегал. 59. Итте спрятался, в лес убежал и сейчас, поди, живет.

Текст №52_TW

Ите добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу

Рассказал: Сутарев В.Г. (1903 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. *Ита имнәсәки йлакусти.* 2. *Ну, йлакустати, Ита сүруйгус.* 3. *Оккрың тўуаң сүрулевле имнәдни тәран.* 4. *«Нужели қалло ман оннан кувай пәнджармы тәңу?»* 5. *Тан тиннувымал қатты.»* 6. *«Қал Итејо Итејә ман қал асс тинновам.»* 7. *Итә имнәмт тынд локәрелдеқвут қоттә, мишалгуват: «Қатты!»* 8. *«Итејо, ну тинновам қал тәна таминетай аргулдасууан ООО.»* 9. *Оккырың сүрулевле қоттә тшатшаң қоват мәта алто.* 10. *И на сүрулевле тўуаң.* 11. *«Тан қал асс тиннувынди қайуын қwалам қwатку?»* 12. *Имнәт тәраң: «Қал тнәндә еуан матәл до.* 13. *Нәндә йлаң қwәлан есай қwәли и қwәлан евай кувай.»* 14. *Ите: «Қалло қаран қwәлле қwаттшам.»* 15. *Ита қараймын қwанны.* 16. *Нәнны тўң на мәтәлдондә.* 17. *Қўтам тылһеқылдит меуат еррерму нәтшкүтам сүкалдә бттыт ондә коннә ўдылдиң.* 18. *Мыран бар мйталдиң.* 19. *Коннә манджамбинд улуом вес питқалбат.* 20. *«Ну кулдиң на қwәләм, қwатку асс тиннувам.»* 21. *Нар тарыппа: «Қwанджаң имнәмни.»* 22. *Тўуаң имнәтни: «Но қwәләм һекулдиң қwатку.* 23. *Ман нәтшкүтам ўтандам улуом вес питқалбат.* 24. *Тан имнә асс тиннәвали, қайуын ман қўвай пәнджармә еуаң?»* 25. *Имнәт тәран, қал ман асси тинновам.* 26. *«Қас тинновали асс кәтқували?»* 27. *Имнәмдә тынде локрелдуквут коннә, мишалгуват: «Кәтты!»* 28. *«Еде кәтте тынновам. тәна таминне тай тассукан пүтәң пәрин массу селду иннә ләндә.»* 29. *Тәппә никуванны: «Но қалло тә қала лат силәмбат!»* 30. *Тита қwанджот қwәлан әсай қwәләм қwатку, қwәлан әвай қwәләм қwатку.»* 31. *Массу селду йнат тә қал әмдат силлатит, ыппат.* 32. *Пәм пафәлбиндадыт әтшанмы тыкуң.* 33. *Тондә мйттат мәуат әррерму.* 34. *Массу селт инәндәни тәраң.* 35. *Атшат әррермын қәуан тә қалассә қwәлле ыннә на камбалджиенджант тәқан қwәтнат.* 36. *Ондә коннә мант силдәң нәтшкү там. тылһеуыллит.* 37. *Миндал пилле тәттә қылдит сүкалджә аррармындә ўтқу әсуң сәң қал.* 38. *Аттшат, сечас тшандженджуң нәтшекутам.* 39. *Илле иттыт.* 40. *Ондә конна ытылдиң қоттә мандженды массум селд йнат қоңба.* 41. *Тон улуом қwәле вес питқалбат.* 42. *Нуңга и тәерба массум селд йннәм қоптәром.* 43. *Ну тыта асс тинновам кулдиң қwатку.* 44. *Қwанджаң имнәмни может таррә тиннувыт қайуынәммы коннең кувай пәнджармә тиннувындәт.* 45. *Тўуаң имнәндни: «Қатты, қайуынеммы ассә ли тинновал ман қўвай пәнджармы?»* 46. *«Итејо асс тинновам.»* 47. *«Қәсс тинновал, қатты!» тындә локәрәлдеқут.* 48. *«Едә кәте, тинновам тәна таңиәтәй тәссууан пүтәң парин пәтијаңнә сәлду ополмыт әндат.»* 49. *Но, тита қwанджаң тәплани.* 50. *Қwанны, нытә тўуаң.* 51. *Опла тита қатлалат силәмбат.* 52. *«Қwәлан әсай қwәләм қwатку қwанджот қwәлан әвай қwәләм қwатку қwанджот.»* 53. *Пәтјанә селдү опәт қатләмдәт силәнатат ўппат, тшатшат пәам кәтәң пәтшалбиндатыт атшанмыләтуң.* 54. *Ите меуат еррарму но, тита тәмды перуң атшат.* 55. *Ондә коннә қwанны.* 56. *Нәтшәқўтам тылһәүәлдит, минделбаттс ууаң сәң.* 57. *Атшат.* 58. *«Қwәлан әвай, қwәлан әсай қwәллот тшанденджиң кәтам пәтәлә коннә сапәһет.»* 59. *Ондә нәтшкүтам сүкалджә еррермынды ўттыт.* 60. *Ондә коннә ўтылдиң.* 61. *Ўтә мыранбәр коннә мйталдиң, коттә манджендә, патшјаңдә сәлдү опат қоңба.* 62. *Улуом вес питқалба.* 63. *Ну тита и патшијаңнә сәлдү оппом қоптрам тыта асс тинновам кулдиң қwатку қwәләм.* 64. *Мәтқәндә тўуаң и тәерба тита имнәң наведено асс тиннувыт.* 65. *Қаран қwанджаң өннең.* 66. *Alleвылоси тидуң нави йллевле.* 67. *□дә кәте сәңгам қаралде пондони қwәндат мылла сәлдәң қwанны.* 68. *Теуаң на тондә.* 69. *Меуат әррермә, коннә қwанны, тиллот нәтшкүт минделбиле патнат сүкалдже, еррамынды ўттыт.* 70. *Ондә коннә ўтелдиптә қәндә аллул'ози китуңгамди қоттә тоғо тәттшит.* 71. *Коннә мйталдиң коттә манджамбинт қwәлан әсай қwәлан әвай қwәләм улуон бәринт пәнбат.* 72. *Нәрнә тәп қоттә пигалджиң тўуаң қwәланни қwәлан пергам пәттшит: массум сәлдү инәмдә әмбат, патшијаңнә сәлдү опәмдә әмбат.* 73. *Тәб йуат иннәләмдә и оппәләмдә ситәрыт.* 74. *Қалло тита қwәннат мәтләуандыт.* 75. *А манн тавә қwәләм сәлдути париүле пәттшам аллул'ози қәкнең.* 76. *Сәлдитыка той һессанны, тәпуңа тәйлилдиң тәптә мәлмәң.*

1. Итя с бабушкой жили двое. 2. Ну, жили они двое, Итя охотился. 3. Однажды он пришел, поохотившись, бабушке своей говорит. 4. «Неужели, мол, у меня самого человеческого

окружения нет? 5. Ты, если знаешь, скажи». 6. «Мол, Итя, Итя, я, мол, не знаю». 7. Итя свою бабушку тут поставил (опрокинул) на спину, тербит ее: «Скажи!» 8. «Итя, ну, я знаю, мол, тех и этих чужих, холодно ООО». 9. Однажды, поохотившись, обратно идет он, увидел таежное озеро. 10. И вот, поохотившись, пришел он. 11. «Ты, мол, не знаешь, где рыбу добыть?» 12. Его бабушка говорит: «мол, там есть таежное озеро. 13. В нем живет рыбы отцовская рыба и рыбы материнская человеческая». 14. Ича: «мол, завтра добывать пойду». 15. Ича утром пошел. 16. Туда пришел он к этому таежному озеру. 17. Елку вырвал (выдернул из земли), сделал прорубь, остроконечную елку верхушкой книзу опустил, сам на берег отправился. 18. Закатное время („высота ступни“) наступило. 19. На берег смотрит, видимо, лед весь смят. 20. «Ну как эту рыбу добыть, не знаю я». 21. Так сказал он: «Пойду я к бабушке своей». 22. Пришел он к бабушке своей: «Ну, рыбу никак не добыть. 23. Я остроконечную елку опустил, лед весь смят. 24. Ты, бабушка, не знаешь ли ты, где мое человеческое окружение есть?». 25. Бабушка его говорит, мол, я не знаю. 26. «Не знаешь ты или не говоришь?» 27. Бабушку свою тут поставил (опрокинул) вверх, тербит: «Скажи!» 28. «Ича-внучок, я знаю. Там верховского холодного мыса на вершине твои семь братьев-массу есть, видимо». 29. К ним пошел: «Ну, мол, копыя ваши точите! 30. Теперь пойдем мы рыбы отцовскую рыбу добывать, рыбы материнскую рыбу добывать». 31. Семь его братьев-массу свои копыя наточили, пошли. 31. Деревья рубят, видимо, рогатины вяжут. 33. К озеру пришли они, сделали прорубь. 34. Своим семерым братьям-массу он говорит: 35. «Караульте около проруби, копыями убейте, (когда) всплывет она (рыба), видимо, копьем убейте». 36. Сам на берег отправился быстро, остроконечную елку вырвал (выдернул из земли). 37. Заострив, принес он ее верхушкой вниз (перевернув), (чтобы) в прорубь опустить, хорошо будет, кажется. 38. Караулят (смотрят), сейчас опустит остроконечную елку. 39. Вниз опустил. 40. Сам на берег отправился, назад посмотрел, видимо, семь братьев-массу утонули. 41. Лед озера, пока он охотился, весь смяло. 42. Стоит и думает он, семь братьев-массу утопил я. 43. Ну, теперь я не знаю, как добыть. 44. Пойду к моей бабушке, может еще знает, где-нибудь на суше мое человеческое окружение знает она, видимо. 45. Пришел к своей бабушке: «Скажи, где-нибудь не знаешь ли мое человеческое окружение?» 46. «Итенька, я не знаю». 47. «Если знаешь, скажи!» Туда опрокинул. 48. «Итя-внучок, я знаю там низовского холодного мыса на вершине семь сестер-патшиянгне есть, видимо». 49. Ну, теперь я пойду к ним. 50. Пошел, туда пришел. 51. Сестры теперь когти свои точат. 52. «Рыбы отцовскую рыбу добывать мы пойдем, рыбы материнскую рыбу добывать пойдем мы». 53. Семь его сестер-патшиянгне когти свои наточили, пошли отправились), идут, деревья когтями срубают, видимо, стрелы делают. Достигли озера. 54. Ича сделал прорубь, ну, теперь вокруг нее караулят (смотрят). 55. Сам на берег пошел. 56. Остроконечную елку вырвал, заточил конец хорошо. 57. Караулят (смотрят). 58. «Рыбы отцовскую (рыбу), рыбы материнскую (рыбу) давайте добудем мы, выйдет она, когтем заколов, наверх вытащим». 59. Сам остроконечную елку верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил. 60. Сам на берег отправился. 61. Вечер закатное время („высота ступни“) на берег наступило, назад посмотрел он, семь его сестер-патшиянгне утонули. 62. Лед весь смят. 63. Ну теперь и семерых сестер-патшиянгне я утопил, теперь я не знаю, как добыть рыбу. 64. Домой пришел и думает: теперь бабушка моя, наверное, не знает. 65. Завтра я пойду сам. 66. Идола достал этого, взявши. 67. Ича-внучок переночевал, к старому дереву его отнес, тряпки повесил на шею, пошел. 68. Пришел на это озеро. 69. Сделал прорубь он, на берег пошел, вырвал остроконечную елку, заточив, погрузил, верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил. 70. Сам на берег когда пошел, идол пусть рыбу ловит сзади, в озеро выбросил он его. 71. Берега достиг, назад посмотрел, видимо, рыба отцовская, рыба материнская рыба льда поверху положена (лежит). 72. Потом он назад повернул, пришел к рыбе, рыбье брюхо распорол: семь его братьев-массу съедены, семь его сестер-патшиянгне съедены. 73. Он взял своих братьев и своих сестер разбудил. 74. Мол, теперь идите все по

своим домам. 75. А я эту рыбу распорю в качестве жертвы-сельдюти¹ идольскому князю. 76. Сельдюти прочь укатилась, [идольский князь] ее схватил, унес, так сказка закончилась.

¹ селдути (салдитыка) – видимо, устаревшее обозначение какого-то жертвоприношения.

Текст №53_TW

Иче ищет своих людей

Рассказал: Мунгалов П.Т.

Записал: Гемуев И.Н.

Место и время записи: Кеть (ю. Марковы), 1978

1. Один раз Иче спросил: «Мать, скажи, где мои родители, где мои люди?» 2. Мать говорит: «Нет, сынок, нет». 3. «Как нет? Я не один должен быть, есть, должны быть. 4. Мать, сожгу тебя!» 5. Мать и говорит: «Вот, раньше были у тебя: сродный брат, сестра, дядя. 6. И пришел дьявол ли, кто ли, их сгубил». 7. «Ладно, пойду». 8. Сел, поехал в обласке. 9. Ну, долгое время не был. 10. Она сбоялась: «Куда девался сынок? Что случилось с сынком?» 11. Потом смотрит, сын приплывает. 12. «Мать, приготовь что-нибудь!» 13. «Ой, сынок, ты опять, сынок, сдурел?» 14. «Мама, готовь, дядя и братишка едут». 15. «Ты что, сынок, давно их в живых нет». 16. «Едут, едут». 17. Сейчас сын захватил оленью кожу и путь к пристани настлал, а сам скачет. 18. Мать вышла – верно, слышать – на гребях гребутся. 19. Мать смотрит – правда они едут. 20. Иче прыгал, прыгал. 21. Они пристали, а он упал и помер. 22. Выходит брат и дядя. 23. «Что, – говорит, – для этого ты нас звал, племянничек, чтобы мы пришли, а ты помер?». 24. Он (Иче) захохотал, вскочил, пожалуйста, пришел домой. 25. Давай, жили-жили тут, пили-гуляли. 26. Сколько дней гуляли, я не знаю. 27. Они поехали домой жить. И вот наше кетское оттуда пошло.

Сылча пылча қәш /Сыльча Пыльча Кәш

Рассказал: Калинин А.И.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1965

1. Сылча пылча қәш йлымпа. 2. Әмытый әпынта. 3. Азыты чаңымпа. 4. Йла, йла. 5. Оккырчөнтоты әмынты нйқотот қәтит. 6. Әмтыты пилчик аса мат қумыл перла қәннак. 7. Тиджа кутар илантымыт? 8. Әмыт томныты мани қай! қум аш тәнниме. 9. Ама, тан монтықай таптәттыт понтарқыт қумып аш тәнниме? 10. Тап тәттыт понтарқыт тәтчақыт қуп чәңка. 11. Ијаты әмынтын нил қәтитә: „Тан момпа онет йлашиқ, ман омба қумыл пәрила қәлләк.“ 12. Тап тәтит понтарқыт сылша пылша кәш ныны қәнна. 13. Сылча пылча кәш наіақ қәнтына. 14. Қәңка ай таңымка. 15. Қолдыпка тулдымпыка кып қә тулдымпыка. 16. Никакой ниқай! қуп чәңка. 17. То толмықат кет қәнка. 18. Ұқондықо кот кет сғырычика ай чұқо. 19. Уккур чондоқын¹ тулуна мәчонта марғыл мәче. 20. На мәчомыт қыт аннымынта. 21. На қыт қаныңмыт қәлімпақ уккур чондоуыт қос қай ұннәнта, а – бұх! а – бұх! 22. Қәлімпа нилдий чарымын ұнтынит. 23. Ни қай сурым ни қай чәңка. 24. На тәттыт понтар қолалтыптақак. 25. Қуса қай орыче? Мат қот маннымпысан ена. 26. На түннент, на түннента. 27. Ырык митола қышинчөқыт тақыт ұнта ай кенна (айкенна) лаңкычента а – бұх! а – бұх! 28. Нилди чарыты қалмонты тәнқырна. 29. На тунтанбыы тақыт қыт қыуат қос қай сяшымыт. 30. На майни! лаңыңа: Ааа! бух! Аша ни қумыт чары олани лаңкыңа. 31. Ны на тунта монтә нилчик қум лаңые. 32. Нычап тунта монтыла қуп (монты қуп) там асанты аманты мәчи сә һаңыча қуп. 33. Тап әсынты әмынты вәчи се һаңыча ома на қақын оқыт на қай на қуп лаңышмынта. 34. Тат қаний омнат? 35. Аша мумпа мат лозашиман мамқоқомтак омак. 36. Қоннәқыт қумимы еңотыт. 37. Наммыт шип онда! импотат лошим амқо. 38. Олка мат қонна таннәнтак лос мунтык шимыт амта, не қайим наші қәләта. 39. На қашим омдылимпотет. 40. Тат қоне тантыш. 41. Танней қоне танташ. 42. Мат кутар таннентак? Қумыт шип қолчантотыт. 43. Мат томнап, тат қонтанташ. 44. Қонна на танннтоқай. 45. Сылше пылшет кәш порке на мелчинтыты тауантыса. 46. Тан напа машип кушанык шип қәташиқ. 47. Лос ташты на сәуыченынта: „Сылча пылча қәш куча қәтыса?“ 48. Мәшип кушена шип қәташиқ. 49. Нил ақылчимпата тәқасә. 50. Кона на қәнта ны мончулмот. 51. На қәт мотаноқыт ай поркенна мәнтыты. 52. Мот шерешік қаныңанты қантенинт. 53. Мат қантык шертәк қумимы шип қолчантотыт. 54. Тан ола мот шерешек. 55. На мотаноқыт ай порке ментыт. 56. Тан напа машип ыкы шип қәташиқ. 57. Тауазә еқылчыыты. 58. Мотна шера тына қуп әтымынты. 59. Мунта на қолчинтотытна. 60. Мумпа қә шерна? 61. Аша мумпа қупти мотты шип ұтыса. 62. Қос қәјел қуп тұса, машип мот шим ұтәса. 63. Қонышеп таттыралдес. 64. Тәп чап қоңыты мотат һәннал пеләқыт ай уккыр һаңыча қуп қомта. 65. Ныноқа нилчик еса: „Қумып ыннә тақталотет.“ 66. Ныны пона тандылә ұңылы қолчимбаты лосы кутыл монтоқыт қомпышка. 67. Лоса қата қомпышнә, мот шернылыт. 68. Уккыр қуп ұңудымпыңыје. 69. Момпа ұтыл қәнтыты тоқычента қомпашме, нашат танты қолчимпа. 70. Сәпыллақ ента уккыр тәтчонтоқыт қуп на танннынта, момпа қарет на қомпыча. 71. Мотты патқылна: „Лосы на қомпыча!“ 72. А момпа нотә таңкык өмтыңылыт, ни кушат ыкы тантыңылыт. 73. Сылчи пылчит кәш ұңудимбеты қай? 74. Коннә на таннын тыңа танннынта. 75. Пәкап қолчиты. 76. Пәке чұқ, чұқ. 77. Қай сылша пылша кәш қаттұса? 78. Сылша пылша кәш тындә қәсса. 79. Конна на тунта поркәп қоңот. 80. Порқе қәтәты: сылша пылша кәш мотқын ома. 81. Лосы қарра қоллимолла курролна (қәнна) ұтты алча. 82. Мыта курр қаш, курркәш. 83. Пона пақтыла тинтена сылша пылша қәш порқемты пачаллә шилалтәты мача қаттолит. 84. Јарық порқеп мәнеты. 85. Чарә ақулчимпыңыты: „Тат на па мәшип никушатны ыкы қәташиқ. 86. Ти танты қолчимпа қарыныл пит. 87. Ныны пинты кунты на омнентотыт. 88. Қарныл пит қумыт қурайтотыт понә маннымпотет чолсә аша танта? 89. Сылша пылша қәш қурайтотыт ұңалтымбаты. 90. Сәбылак қуп на ләмык еинта моттә на алчинта мытта уккыр лосы қомтышпә. Лозы на қомпышпа. 91. Қәпија шилша пәлша ондә ұңылдимпаты. 92. На таннын та қоннә. 93. Қурылле тап тұкына. 94. На қәт пөрынты на танннынта. 95. Тынтәна порқенты қурылле на тунта мыта: чұқ, чұқ, чұқ. 96. – Қай сылча пылча қәш? қаттұје қай мотқын еңа? 97. Сылча пылча қәш нашат қәсса. 98. Тат қонна қәлла апсолә амты. 99. Тона курлә на қәнта нәәә, мота ноқыл порқенты тұңа: 100. „Қат тұса?“ 101. Сылча пылча қәш теп аша тәла нашак қәсса қәсыңа. 102. Мотты шерлә апсоләамты. 103. Уккыр чонтоқыт лосы мотына нәқолта, мотты на ноқолта. 104. Мотты чеп серна лосы сылча пылча қәш потчалыныты оланылака моты шу һәнна пүнқолна. 105. Қәпынты лака қоттә понә алча. 106. Қәтентит. 107. Понә таттыңыт тә сылча пылча қәш қәпынты лака. 108. Понә танта монте чәлыңелча. 109. Қаррә тултыңыт сылча пылча қәш қәпынты лакап. 110. Улгозе һәнты қантепиты нилчик пиннете. 111. Ұдыл қәқынты қаныкты нилчик пинныт. 112. Мйтола йллые иппа, олынтәсә ненты локалтыңыты. 113. На чәли чәлатыңомыт. Ыпқо мота. 114. Момпа кеккысе шиттәқий, жарыгмы йчека аше тәнымомыт. 115. Ұтыт на липқы монна ұтыт сәбылак ома на ремқы мотқоламна. 116. Қумып понә қурайтәты: ұңылтымбаты! 117. Қуп поқыт ныңка. 118. Қә! қумна қомпышколамна. 119. Мотты патқылна, моты шерлә нилчик қәтымпат: 120. „Лосы қаррет

¹ или чондоқыт

қомпынйй қонна қурылле на таннынта қоннә. 121. Қай қомпыче? Ааа! Тат қай кочкымонанты, амырелчинанты? Нарқымотијанты? 122. Уккур нѐмты нылчик қоңыты. 123. Мат окот амырѐле нилчик иппыколчимпыкак. Ныны қонна қурылле на тўнта қонна кўрылле на тўнта чўқ, чўқ. 124. Қай, сылча пылча қаш қат тўлча¹ қай қәсса қай қат тесса? 125. Сылча пылча қаш окон наша қәсса тинды наша қәсса. тат қонна қәлла апсол амты. 126. Нына қонна курле қәллә. тинтена порқанты тўна. 127. Қәттыты: „Қай сылча пылча қаш мотқын ейна? 128. Тәм аша нашат тынтә қәсса, мот серла апсол амты. 129. Омай нылчик әсса мотты қай сертак, қай аша шертак. 130. Омай мы: порқе, қай момпа машип курымманта? 131. Қатий кўлтымпа (кўлтымпына). Омий, қай шерта, қай аша шерта. 131. Оккыр чонтокыт на шерколамта, олымты мотты чап ноқолныт. 133. Сылча пылча қаш пачалныт олынты лако мотты наннә алча, пўнколна. 134. Қопынты лака қоттә пōнә алча. 135. Қәтәныты. 136. Ныны ноты чап омототыт, омототыт, ни қай чеңка. Мумпа қай шите йча? 137. Топтыл қарыт инна чёлыңна. 138. Момпа пō пачалнылыт. 139. По пачалнотыт. 140. Тў чотыңылыт. 141. Әтымынты поп пачалнотыт, шиттәқып қаррә тултоқтәт, тў чототыт. 142. Қоптыколык тўсә чототыт. 143. Ирал әсәсыт, на йра нәлаты аппа. 144. На нәламты сылча пылча қашты мйңаты. 145. На тәттыт мōры колалтыт тәқыт. 146. Шōлқумытыткине тўна. 147. Морыт на ента.

1. Сылча Пылча Кэш жил. 2. У него была мать. 3. Отца не было. 4. Жил, жил. 5. Однажды матери так сказал. 6. Так сказал матери: «Я человека искать пойду. 7. Как мы будем этак жить?» 8. Мать говорит: «Я никого не знаю» (2 раза). 9. – Мама, ты неужели не знаешь людей в этом крае («в окрестностях этой земли»)? 10. – В этом крае людей близко нет. 11. Сын матери так сказал: «Ты одна живи, я сейчас человека искать пойду». 12. По этой стороне Сылча Пылча Кэш тогда пошел. 13. Сылча Пылча Кэш столько ехал (он). 14. То зима настанет, то лето настанет. 15. Таз с верхушки до устья пересекал, и маленькие речушки пересекал. 16. Никакого человека не было. 17. По озёрам ехал. 18. Шапка на лбу [или на ушах] заинела (инеем покрылась от мороза), [и снова] растаяла. 19. Однажды дошел до леса, [кустарниковый] лес был. 20. Из этого леса река вытекла. 21. По этой реке я иду. Однажды что-то слышно: а – Бух! а – Бух! 22. Идёт, такой звук слышал. 23. Никакого зверя, ничего нет. 24. Это пространство (край) обошел я. 25. Ну что такое? Я хоть бы посмотрел. 26. Идёт, идёт. Вот приходит (туда). 27. Буд-то бы по реке внизу слышно опять кричит: а! бух! а бух! 28. Такой звук раздаётся. 29. Подходит, внизу посредине реки что-то чернеет. 30. Этот опять кричит: А! Бух! А! Бух! Нечеловеческий голос только так кричит. 31. Туда приходит, вот такой человек кричит. 32. Сюда подошел, увидел, что вот там с мясом(?) матери и отца голый человек. 33. Тот, с мясом(?) матери и отца голый человек сидит у (отверстия) проруби, вот этот человек кричал. 34. – Ты почему так сидишь? 35. – Нет, я сижу, черт меня чтобы скушал, сижу. 36. Там в лесу (на берегу) мои люди есть. 37. Они меня пожертвовали черту на съедение. 38. Если я только выйду на берег, черт всех нас съест, никого не оставит. 39. Поэтому пожертвовали меня. 40. Ты иди туда (на берег). 41. – Ты тоже иди на берег, – Сылча Пылча Кэш так сказал голому человеку. 42. – Я как выйду? Люди меня увидят. 43. – Я говорю, ты выходи на берег. 44. На берег вышли. 45. Сылча Пылча Кэш сделал порке (человеческое лицо на дереве вырезал) большим ножом (пальмой)² 46. «Ты смотри, меня никогда не выдавай (не разоблачай, не говори обо мне). 47. Черт тебя будет спрашивать: «Сылча Пылча Кэш куда девался? 48. Обо мне никогда не говори». 49. Так погрозил копьём. 50. Он вышел на берег. Там землянка. 51. На двери он тоже такое лицо порке сделал. 52. – В дом заходи, зачем стоишь, замерзнешь, замерзнешь. 53. – Я как зайду? Мои люди меня увидят. 54. – Ты просто в дом заходи. 55. На этой двери тоже порке (лицо человежье) сделал. 56. – Ты смотри, про меня никогда ничего не говори. 57. Копьём погрозил. 58. В дом вошел этот человек всё же. 59. Все увидели. 60. – Зачем зашел? 61. – Нет. Меня человек домой отправил. 62. Какой-то человек пришел, меня домой отправил. 63. Он меня привел на берег. 64. Он увидел, что еще один голый человек перед дверью сидит. 65. Потом так стал говорить: «человека оденьте». 66. Потом, выйдя, слушал, когда (через некоторое время) черт всплывет. 67. – Черт если выйдет, тогда в дом заходите. 68. Один человек пусть подслушивает. 69. Говорят, что когда вечерняя заря исчезает (в полночь), тогда он всплывет. Тогда выходите. 70. Немного погодя в одно время человек вышел, буд-то бы там (на берегу) появляется (поднимается из-под воды, всплывает). 71. В дом забежал (вбежал): – Черт уже

¹ тўна

² таға - большой нож с длинной ручкой (копье, пальма).

выходит! 72. – Ну ладно, сидите спокойно, не выходите. 74. На берег вышел он. 75. Рябчика увидел. 76. Рябчика чўҗ, чўҗ (поцеловал? см. предл. 95). 77. – Что, Сыльча Пыльча Кэш куда делся? [черт спрашивает].

78. – Сыльча Пыльча Кэш только что ушел. 79. На берег пришел, лицо нарисованное увидел. 80. Лицо нарисованное сказал: «Сыльча Пыльча Кэш дома сидит». 81. Лоз на бережную сторону повернулся, убежал, в воду упал. 82. Звук раздался, плеск послышался (как *курркеш-курркеш* звучал, когда утонул). 83. На улицу выбежавши, Сыльча Пыльча Кэш лицо нарисованное разрубил, всё искрошив, на сторону побросал. 84. Другое лицо сделал. 85. Лицу погрозил: «Ты смотри, про меня никогда не говори!» 86. Теперь он [лоз] выходит утренней ночью (на рассвете). 87. Дальше всю ночь сидеть будут. 88. На заре люди выбежали посмотреть, не вышел ли? 89. Сыльча Пыльча Кэш заставил: «послушай». 90. Недолго человек побыл, в дом забежал, упал (человек, который караулил на берегу): «Буд-то бы лоз один вылез». 91. Позже Сыльча Пыльча Кэш сам слушает. 92. Вот он (лоз) на берег вышел. 93. Побежал. 94. На эту гору невысокую (возвышенность) поднялся. 95. К этому нарисованному лицу подбежал, поцеловал [(звучал) как:]: чук, чук, чук. 96. – Сыльча Пыльча Кэш куда делся? В доме ли? [лоз спросил]. 97. – Сыльча Пыльча Кэш [уже] ушел. 98. – Ты тогда на берег иди, кушанье (еду) съешь. 99. Туда, бегая, пошел, к порге у двери подошел: 100. – Куда делся? 101. – Сыльча Пыльча Кэш он же только ушел. 102. – В дом зайди, твою пищу съешь. 103. Одно время лоз в дом стал заходить (медленно, плавно, сам себя толкает в дом), в дом втокнулся. 104. В дом только зашел черт, Сыльча Пыльча Кэш срубил [топором >] голову кусок (кругляшок), по избе покатила туда. 105. Тело обратно на улицу упало. 106. Убил [хотел убить]. 107. На улицу вынес Сыльча Пыльча Кэш его туловища кусок. 108. На улицу вышел. Уже посветлело. 109. Под гору (к реке) снёс Сыльча Пыльча Кэш туловища кусок. 110. Со льдом вместе заморозил. Так положил. 111. Около проруби так положил. 112. Буд-то бы живой лежит, с головой вместе прилепил (заморозил). 113. Этот день мы продневали. Стемнело. 114. Буд-то говорит только двое, другой ходит [ли], не знаем.(?) 115. Стемнело. Вечером немного сидит; только стало темнеть. 116. Человека на улицу послал: Подслушивай! 117. Человек на улице стоит. 118. Ой! (удивление). Человек стал подниматься из под воды (всплывать). 119. В дом забежал, в дом зайдя, так сказал: 120. – Черт [там на берегу] всплывает! На берег, бегая, вышел! 121. – Кто всплывает? Ааа! Ты что, окоченел? [Как палка выпрямишься ли?] 122. Один из них так нашел: 123. – Я раньше покушавши так полёживал. Потом, бегая, пришел. Бегая пришел. 124. – Что, Сыльча Пыльча Кэш куда делся? Что ушел или куда делся? 125. – Сыльча Пыльча Кэш только что ушел. Ты на берег сходи, твою пищу съешь. 126. Потом вверх, бегая, идёт. К тому (тот, который только что был) нарисованному лицу пришел. 127. Сказал: – Что Сыльча Пыльча Кэш в доме есть? 128. – Он же только что ушел, в дом зайди, твою пищу съешь 129. Колеблется. Так сказал: «В дом мне зайти или не зайти?». 130. (Колеблясь): Порке, что, буд-то меня путаешь(?), что ли? 131. Сомневается, зайти или не зайти. 132. В одно время начал заходить. Голову в дом затолкнул. 133. Сыльча Пыльча Кэш срубил голову кусок, в дом вперёд упала, покатила. 134. Туловище обратно на улицу упало. 135. Убил. 136. Потом сидят, сидят, ничего нет. Вот что просыпается? 137. На следующее утро рассвело. 138. Говорит, что дрова нарубите. нарубите дрова! 139. Дрова рубят, рубят. (Зр.) дрова нарубили. 140. Огонь разожгите! 141. Правда, что дрова нарубили, двоих на реку под бугор понесли, огнём сожгли. 142. Совсем огнём сожгли. 143. Старик с сыном были. У того старика была дочь. 144. Эту дочь он Сыльча Пыльча Кэш отдал. 145. Обходя этот край... 146. ... пришел к людям (шэлькупам). 147. Конец сказки.

Пыпаја / Пыпая

Рассказал: Саргаев А.И.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Таз (Красноселькуп), 1965

1. Кошикола илемпа уккур қуп тилай қуп. 2. Ни порқыто, ни пемыты чеңка, сайанқыче йлымпа. 3. Тәнатымпа (тәнырпа) куттар нылджак йантак пеликолык? 4. Қысауана (қәсауена), кучет эмма кұнама, қумык қонтак косау ена. 5. Пона танта, қәнна, кучет тәнытә тұтырымпа. 6. Уккыр чонтоқыт маннымпат қы қонд колдже ата нече паныне; қарра чапаныне монтә қолдә. 7. Таккы маннымпа, чумпы қолдит кыл, онтә кинче атентә. 8. Ны чап тұңак, мукултирил пол мәтырты. 9. Ыңы толәк орачар еңотыт. 10. Мотты қоңак: мунты шите топа, мырк еңа. Моттетә. 11. Нынтә мортәт. кәла ұлдимботыт мортауыт кинджин мортәт. 12. Иллә маннымпа, опчин моруә, вәруә опчин. 13. Таккы маннымпак, қай лосы тұнты. 14. Ныркымона. 15. Ыкот тұсак. моркәлак чолсә шип абле. 16. Мәркак нымтә. 17. На тұнтә, нылчик шип қоңа. Пы паја. 18. Неламы сонтыр тәнта. 19. Котә қынтысамена. 20. Нупоҳунтә омтәтәуытә. 21. Моқонә қынтоуыт. 22. А қуп нопоуыт олта. 23. Маннымпаты коннә вәрқъ мот. 24. Омнаты. Тұңа. 25. Ны моты тулдиңыты. 26. Нәја қоңак пы пајал сонтараш. 27. Илемпотыт имакотатә нылчик кәтыңыты: 28. Ирра ынтә меңашип ўкот онтә илебил қуп. 29. Сурә мочә амқо. 30. Ирра ынтәп мәнәтә кәсса қәллоуән. 31. Толчеп мәнәтә. 31. На қуп толдиса кәннә. 33. Ындытә йңатә. 34. Онт ирра олча кәнна, толчиолик ўта. 35. Уккур чонтоуыт қоңаты. 36. Отан мәтып нўотыңыты (нўтыңыты) пы паја һәнна нешолны кәtell'a отап саисе қоңатә. 37. Ынтысә чатыңыты уккор қорры. 38. Илле олта. моқонынә ирра тұңа. 39. Маннымпаты қоры иппынты пыпаја олта, нуныча. 40. Ирра нылчик кәтоуыты опсә қоңап моқонә кынтак. 41. Тә кәннә ўтәзә тұма сопырныты. 42. Корымты пунтызә чонтоуынтә парколете кәкалле. 43. Моқонә куса кәлай моқона тұңа. 44. Ймақота нылчик кәтыңыты: опсә ирра татәле. 45. Сома пыпаја илемпөтыт нәландын моқа сонтырле. 46. Уккор ија қоңаты. 47. Йјаты оромпа уккыр чонтоуыт ирра нәјанны мықы ўтәлей. 48. Моқын еуат пыпаја қумитә отәл тәтәт. 49. Нәламты миңотә ирра имақотай мықауә. 50. Нәлантыл қәннуә. 51. Мәқонә тымтә илло кошик еја. 52. На пұнакеса ирра мықауә нәланты мила ўтыңыты. 53. Ијанты шәл құмыл тәтондә тәс қултонтә. 54. Пенәкәсал метәк чап тұңа ирантә тәтонтә. 55. Йлего кошик еја сакасык еңа. 56. Ијамты әсынтыса кәучиңыты. 57. Тәс қолтонтә ирранты тәтонты. 58. Шоқумын тәтонты а мат мәқона кәнтак. 59. Пұнакысай тәттауак ирамты ијантысә кочи еңыты. 60. Сәмак илеңыли. 61. Шо' қуп кыпа кәты и еңотыт. 62. Кенәкысал нылчик кәтымпатыт шәлқупса укуршак кәтыпыл йјамы илңиңијетот. 63. Ворқы кәпык еңа ијетат.

1. Бедно (плохо) жил (живёт) один человек, сирота. 2. Ни верхней одежды-его, ни обуви-его нет, голый (букв. безприкрытый) жил (живёт). 3. Думал-он (думает-он), как так живу-я одиноко? 4. Если пойду-я куда-нибудь, бродяга, людей, может, найду-я (букв. Пошел бы я куда-нибудь, бродяга, людей, может (видимо – букв. вижу-я), нашёл бы я. 5. На улицу вышел-он, пошел-он, куда глаза глядят (букв. как ум/разум/мысль-его ведёт). 6. Один раз видит-он, сбоку реки притока (курья) виднеется; туда пошел-он; на берег (вниз) пошёл-он, (где) гладь (поверхность) притоки. 7. Вниз смотрит-он, длинный плёс, сам забор виднеется. 8. Туда пришел-я. Связки шестов (букв. узлы-шесты) поставлены. 9. Котцы слабо захватываются (-они-мн.). 10. Дорогу/след обнаружил-я: в две ступни величиной (букв. обоих (букв. всех) двух ступней, большой есть). След-его. 11. Там морда, рыба плавает (букв. плавают-они-мн.) в морде, запора морда(-его.). 12. Вниз (под собой) смотрит-он, сак (сачок) стоит, огромный сак (сачок). 13. Вниз по течению смотрю-я, что черт пришёл-вроде. 14. Испугался-он. 15. Раньше/прежде пришел-я. Если я буду здесь (букв. буду находиться-я если), (то) меня съест-он (букв. съев). 16. Я тут (букв. нахожусь-я тут). 17. Вот пришел-он-вроде, так меня нашёл-он. пы'паја. 18. Дочка-моя будет играть, 19. если назад/домой принесу-я (её) (бук. Если бы назад/домой принёс-я)». 20. В рукавицу посадил-он. 21. домой/назад понёс-он. 22. А человек в рукавице сидит. 23. Видит-он внизу большой чум. 24. Сели-они-мн. Пришел-он. 25. Потом в чум занёс-он (-его). 26. Дочка, нашёл-я пыпаја. Играй. 27. Живут (-они-мн.), старуха-его так

сказала: 28. «Старик, лук сделай раньше самому жившему человеку, 29. (чтобы) зверя мясо поесть». 30. Старик лук сделал, чтобы им вдвоём пойти (букв. пусть пойдут они-двое). 31. Лыжи сделал-он. 31. Этот человек (пы паја) на лыжах (букв. лыжами) пошел. 33. Лук-свой взял-он. 34. Сам старик просто так (без всего) пошел, без лыж отправился(-он). 35. Однажды обнаружил(-он) (олений след). 36. и по оленьему следу пошёл (букв. оленя след погнал(-он)), пы`паја впереди покати́лся, говоря, (что) оленя глазами увидела. 37. Из лука (букв. луком) подстрелил-он одного оленя-хора. 38. (вниз) сел, Назад/домой старик пришёл. 39. Видит-он, олень-хор лежит-вроде, пы паја сидит, устал(-он). 40. Старик так говорит: всё увидел-я, домой/назад унеси-ты. 41. (Прочь) ушёл-она, руками пояс выдернул-он. 42. Оленя своего наверх(у) посередине пристроил, прилепил с трудом. 43. Назад давай пойдём-мы-дв. Назад пришёл-он. 44. Старуха так сказала, (когда) всё старик принёс (букв. принеся). 45. хороший пып`аја. Живут(-они-мн.), дочь-их-мн. (ген.) с паре с пыпаја играет (букв. играя). 46. Одного сына родила-она. 47. (Когда) сын-её вырос, (сказал) однажды старик: Давай дочь с её парой отпустим-мы-дв. 48. Дома пыпаја люди-его ждут(-они-мн.). 49. Дочку свою(-его) отдала старика и старухина пара. 50. Дочкина пара ушла(-они-дв). 51. Дома здесь жить плохо (есть). 52. Вот пёнегусе старика пара дочке своей (-его) отдав, послала 53. сына-её на шёлкупскую землю, на Тазовскую землю. 54. пёнегусе пара едва-едва пришла на старикову землю. 55. жить плохо (есть), мрачно (есть). 56. сына с отцом-его оставил-он. 57. на Тазовскую землю (пойму), старика землю, 58. **на шёлкупа землю**, а я домой пойду. 59. пёнегусе богача пара старика с сыном-его оставила. 60. хорошо живите-вы-дв. 61. **шёлкупа/-ов** немного пусть воспитывают (они-мн.). 62. Пёнегусе пара так сказали с шёлкупом/-ами вместе воспитанный сын-мой, пусть живут-они. 63. Большого телосложения (роста, размера) пусть они будут.

Ича и Корсэ

Рассказал: Корсамин М.

Записал: Прокофьева Е.Д.

Место и время записи: Янов-Стан, 1927

1. Ича жил вдвоем с бабушкой. 2. На другой стороне реки жил Корсэ-старик, князь. 3. Корсэ-старик был любопытный, жадный. 4. Он часто посылал своих работников посмотреть, что его люди добыли, много ли ценных шкурок, много ли диких оленей добыли, не утаили ли что от князя своего. 5. Ича однажды позвал свою собаку, привязал ей на шею связку собольих шкурок и отпустил собаку на улицу. 6. Пришли князевы работники к Иче. 7. В чум вошли, сели, все оглядывают. 8. Вдруг кто-то царапаться в дверь стал. 9. Ича и говорит бабушке: «Это, верно, собака моя вернулась,пусти ее». 10. Обратился к княжеским работникам и говорит: 11. «Собачку мою семь дней тому назад послал я на промысел в лес. 12. Посмотрим, что она добыла!» 13. Бабушка впустила собаку. 14. Видят люди – что такое? 15. На шее у собаки собольи шкурки. 16. А Ича говорит: «Вот хорошая собака моя, хорошие шкурки принесла!» 17. Работники тут же вскочили с места и к князю Корсэ побежали рассказать про Ичину собаку. 18. Прибежали и рассказывают старому князю: 19. «Князь Корсэ, какую мы собаку у Ичи видели! 20. Семь дней тому назад он послал ее на промысел, и она ему связку собольих шкурок принесла». 21. Корсэ-князь говорит им: «Идите сейчас же к Иче и скажите, что я куплю у него эту собаку!» 22. Побежали работники к Иче. 23. Передали, что князь сказал. 24. Ича ответил: «Правда, умная моя собака, за коня уж продам ее князю. 25. Только смотрите, не испортите ее!» 26. Работники забрали Ичину собаку, отвели к князю, а Иче привели коня. 27. Ича, как только князевы работники ушли, коня убил, кишки вынул, кровью убитого коня кишки наполнил и башку свою ими обмотал. 28. А поверх опять сарафан надела бабушка. 29. Так сидит. 30. Приходят работники князя Корсэ и говорят Иче: 31. «Ича, князь Корсэ сердится, собака твоя ничего промыслить не идет, и в лес-то не идет, только по двору княжескому бегаёт». 32. Ича вскочил и закричал: «Испортили мою собаку! 33. Я ведь говорил вам – смотрите, не испортите». 34. Я не хотел мою собаку продавать. 35. Это ты ее князю отдала! 36. Теперь я тебя убью!» 37. И ударил Ича бабушку ножом. 38. Кровь потекла, и бабушка будто умерла. 39. Сел Ича, сидит. 40. Сидел-сидел, думал. 41. Вдруг и говорит, плача: 42. «Что я сделал! 43. Ведь я сам отдел свою собаку за коня! 44. Зачем я бабушку свою убил!» 45. Взял свой нож, поставил его на землю около правого своего колена и говорит ножу: 46. «Ты мою бабушку убил, теперь ты ее и оживи». 47. Смотрят люди: бабушка пальцами зашевелила. 48. Потом руками зашевелила, потом глаза открыла – ожила. 49. Работники побежали к Корсэ-князю и рассказывают: 50. «У Ичи такой мудреный нож есть – он же убьет, он же и оживит убитого! 51. Сами видели!» 52. Князь приказал им: 53. «Идите и скажите Иче, что я хочу такой нож испробовать – может быть, куплю!» 54. Побежали работники к лодке, переплыли реку, к Иче идут. Пришли, говорят: 55. «Ича, дай твой нож, князь Корсэ испробовать его хочет!» 56. Ича отвечает: «Нет, не дам! 57. Вы его испортите, как и собаку мою испортили. 58. Этим ножом бедных, работников резать нельзя, он испортится. 59. Можно только богатых, настоящих оленщиков резать да начальников, у них тело жирное. 60. Разве что испробовать дам. 61. Но помните, что я сказал: не испортите мой нож». 62. Взяли работники нож, побежали к князю. 63. Князь Корсэ собрал в город всех своих самых богатых оленщиков да начальников и стал их этим ножом резать. 64. Ударит – убьет. 65. Всех поубивал. 66. Потом поставил нож на землю, около своего правого колена и говорит ножу: 67. «Ты всех поубивал, теперь ты же их и оживи!» 68. Лежат мертвые и не шевелятся. 69. Совсем убил. 70. Никто не оживает. 71. Закричал Корсэ-князь: «Ича обманул меня! 72. Тащите Ичу сюда, я его убью! 73. Из-за него я своих лучших людей лишился!» 74. Побежали работники к Иче: 75. «Иди скорей! 76. Князь Корсэ сильно на тебя сердится! 77. Он всех богатых оленщиков твоим ножом поубивал!» 78. Ича тоже рассердился: 79. «Значит, вы испортили мой нож! 80. Вы, верно, работников и бедных людей им резали! 81. Пойдемте к князю, зачем он мой нож испортил,

разберемся!» 84. Пошли. 85. Пришли к князю. 86. Ича говорит князю в сильном гневе: 87. «Ты, верно, бедных людей резал моим ножом, не послушал меня, испортил мой нож!» 88. А князь кричит: 89. «Ты еще разговариваешь со мной?! 90. Я из-за тебя своих лучших людей лишился. 91. Схватите его, убейте!» 92. Время уже к вечеру подходило. 93. Ича посмотрел на небо и говорит: 94. «Зачем же сегодня меня сразу убивать! 95. Если моя вина есть, то уж лучше сперва помучайте меня, а завтра убьете. 96. Завяжите меня в мешок из сырой коровьей кожи и снесите к проруби, пусть я до утра помучаюсь, а утром убьете». 97. «Верно, – сказал князь Корсэ, – так и сделайте». 98. Работники схватили Ичу, завязали в мешок из сырой коровьей кожи, стащили под гору к проруби и там положили. Сами ушли в город. 99. Совсем стемнело. 100. Наступила ночь. 101. Все люди в городе заснули. 102. Ича лежит у проруби. 103. Слышит – едут собачьи нарты. 104. Это купцы товар везут. 105. Слышит – купцы говорят: «Будто что-то лежит у проруби». 106. Ича отвечает им: 107. «Это я лежу!» 108. «Зачем же ты лежишь?» 109. «А из проруби много товару скоро выходить начнет. 110. Там на дне много разного добра имеется – и ткани красивые и многое другое. 111. Вот я скоро вытаскивать наверх этот товар буду.» 112. Купцы говорят: 113. «Дай нам немножечко полежать, мы тоже товару немного возьмем!» 114. «Нет, не пушу вас! 115. Вы самое лучшее вытащите, а мне последки, худое останется.» 116. – Пусти, мы только до выхода луны полежим, а ты после нас хоть всю ночь и день лежи да вытаскивай товар! 117. Ича помолчал, потом говорит: 118. – Ну, ладно! 119. Ложитесь, только и мне хороший товар оставьте! 120. Развязали его купцы. 121. Сами в мешок залезли. 122. Ича их завязал. 123. Говорит им: 124. – Сейчас ваши глаза привыкнут к темноте, и вы увидите товар. 125. Я ваши нарты немного в сторону отведу, больше места будет вам товар складывать. 126. Взял Ича собак за повод и отвел к себе весь аргиш с купеческим добром. 127. Дома собак разогнал, нарты сломал, а товары купеческие в чум к себе перетащил. 128. Утром князевы слуги к реке спустились, в мешке купцов в прорубь бросили. 129. Прошел день. 130. На следующее утро вышел Корсэ-князь из дома, смотрит что такое? 131. У Ичиной избушки вершина чума сильно дымится. 131. Видно, большой костер в чуме горит. 133. Много еды варит бабушка. 134. Позвал князь слуг и приказал: 135. «Переплывите к чуму Ичиной бабушки, посмотрите, почему у нее так сильно костер дымит? 136. Что у нее там случилось?» 137. Переплыли работники. 138. Пришли к Ичиному чуму. 139. В чум вошли. 140. Видят: верно, большой костер весело горит. 141. Дым столбом выходит вверх. 142. В чуме всякого товару навешано, как у купца в лавке. 143. Ича сам на сундуке сидит – перед ним на столике разная еда наставлена. 144. Какая только мыслима под нашим небом еда всякая имеется. 145. Ича сидит, чай пьет, а лицо у Ичи все исцарапано. 146. Говорит им Ича: 147. «Садитесь, гостями будете! 148. Вы вчера меня в прорубь бросили, а вот теперь смотрите, что я там нашел. 149. Видите – сколь много всякого товару я нашел. 150. Да и еще там много всего осталось». 151. Работники так удивились, чай пить не сели. 152. Постояли, послушали Ичу, только глаза и рот открыли от удивления. 153. И побежали скорей к князю. 154. Всё ему рассказали, а по пути всем людям в городе рассказали. 155. Князь велел тут же корову убить, его, князя, в мешок из коровьей шкуры зашить, и в прорубь бросить. 156. И все купцы и начальники стали коров убивать, в мешки зашиваться, а затем приказали слугам своим в прорубь себя стаскивать. 157. Там все и утонули. 158. Не стало жадного князя и жадных начальников. 159. Всех Ича хитростью истребил. 160. Выбрали селькупы над собой Ичу старшим. 161. И жить хорошо стали. 162. На этом и конец.

Ичекичика обманывает *Кол'цак Ира* с помощью ножа и собаки

Рассказал: Кусамин М.И. (1919)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Турухан (Фарково), 1976

1. Ичекичика жил с бабушкой. 2. Он жил в избушке. 3. Рядом город царский *Колцак Ира*. 4. Ичекичика сидит. 5. Кушать, продуктов нет. 6. Рядом город. 7. Кушанья недостаток. 8. Он наворовался в городе (корову убил). 9. Чиновник в городе: Что так крепко у него...из печки такой дым идёт? 10. Слугу отправил. 11. Слуга. ...солдат с винтовкой, узнать, что за воровство. 12. – Здравствуй, 13. Ичекичика сидит со старухой, он рваненым [в рваной одежде]. 14. – Что ты делаешь? 15. – Ничего не делаю. 16. – Как живёшь? 17. Ты ничего не делаешь. 18. Бабушке: 19. – Вставай, бабушка. 20. Людей кормить, угощать надо. 21. Она встать не может. 22. Она кишки заплнила кровью. 23. Она лентяйничает. 24. – Ты чего воруеть живёшь? 25. – Бабушка, вставай! 26. Чайник вари. 27. На верху висит сабля. 28. – Ох, ты бабушка лентяйка. 29. Берёт ножик, режет бабушку. 30. Она упала вся в крови. 31. А ножик воткнулся в ноги. 31. Бабушка в крови – уснула. 33. Лежит. 34. Ах, разбужается, буд-то от смерти. 35. – Внучек, вон ты меня всю перерезал. Зачем меня резал? 36. Соскакивает. 37. За пять минут чайник закипел. 38. Опять повесил ножик. 39. Они думают: как это? шаман-колдун. 40. Уходят двое. 41. Докладывают губернатору: 42. «Вот такого Ичекичика видели. 43. Ножик у него, кинжал золоченый. 44. Заставлял варить чай бабушку. 45. Бабушка лентяйничала. 46. Потом после того (бабушка ожила)». 47. – У нас тоже такие жены лентяйки. 48. Надо его оставить и купить у него ножик. 49. У нас жены такие же. 50. Их надо проучить. 51. Потом Ичекичика придумал. 52. Они пришли покупать ножик. 53. Пришли двое слуг купить. 54. Тот сердитый сидит. 55. «Я свою бабушку резал. 56. Я свой ножик не продам. 57. Этим ножиком только лучших людей резать, плохих нельзя». 58. Продал. 59. Они купили ножик. 60. Губернатор говорит: 61. «У меня жена лодырь. 62. Спит до 12 часов. 63. Я попробую свою жену резать». 64. Надо только самых чистых людей резать (крест и на полу нельзя кинжал держать). 65. Он повесил. 66. – Маарам [мадам], вставай! 67. Она не встаёт. 68. Потом начал её рубить ножом. 69. Жена вечно умер. 70. Вы неправильно обратились. 71. Надо арестовать Ичекичика. 72. Слуги говорят: 73. «Попробуем на своих женах». 74. Один говорит: 75. «Я возьму.» 76. Другой говорит: 77. «Я старший.» 78. Взял. 79. Отсрочили убить Ичекичика. 80. Тот тоже навесил на чистом месте кинжал. 81. Уснул. 82. Утром будит: 83. «Давай, вставай, моя дорогая!» 84. Она не встаёт. 85. Он её как тыкает. 86. (Потом) в ноги (воткнул, как) Ичекичика. 87. Она лежит мёртвая. 88. Третий тоже также делает. 89. Губернатор тоже попробовал. 90. Требуется немедленно арестовать. 91. Они приходят. 92. А Ичекичика придумал следующее: чует свою смерть. 93. Что делать? 94. У него сучка была Кола Кәра. 95. – Есть приказ: рубить голову тебе. 96. – Ну ладно. Меня уведите. 97. А что вы возьмёте? 98. Сученок несёт сто шкур соболиных. 99. Тот ласкается. 100. – Что такое за собаченка? 101. Мы сегодня не арестуем. 102. Доложим, что ему сучка принесла сто соболиных шкурок. 103. – Почему не арестовали? 104. – Как? 105. Нужно купить у него собачку немедленно, которая принесла сто соболиных шкур. 106. Отправляет на другой день купить сучку. 107. – Надо её кормить лучшей крупой. 108. Держали, держали, ничего не получилось. 109. Приходят слуги арестовать Ичекичика. 110. – Ну, собирайся! 111. Собаку продал, толку нет. 112. Бабу резал. 113. – Защить живьём в сыромятную шкуру (конскую) и топить в море с большим камнем. 114. – Знаете что, ребята, вы меня маленьким камнем не утопите. С маленьким камнем вы меня не утопите. 115. Положили его на край моря зашитым. 116. – Я перед Богом жаловаться буду. Соболиные сто шкурок со мной положить, а

то Богу буду жаловаться. 117. Те пошли камень искать. 118. Идёт возчик караван. 119. Остановил лошадь. 120. Шкура лежит. 121. Толкнул, что такое? 122. – Ой, зачем меня трогаете? 123. Возчик: «Чего лежишь? 124. Что такое? 125. Какие-то шкуры зашитые?». 126. – Как я лежу в море. 127. Нырял, богатый попался. 128. Отвяжи меня. 129. Он развязал, разрезал. 130. Соболиные шкуры в мешке. 131. – А там меня в море бросают, я ныряю и золото там есть и соболиные шкуры. 132. – Давай я попробую! 133. Зашил его. 134. Смотрит, те катят камень помаленечку целый день. 135. Он зашил этого возчика. 136. Положил на тоже место. 137. А тут три воза товаров. 138. Он сел и уехал домой с товаром. 139. Эти приходят, камень прикатили. 140. – Что, лежишь? 141. Хватит нас обманывать. 142. По приказу урядника пойдёшь в море. 143. А тот кричит: «Я не Ичекичика». 144. Тот кричит: «Это я, а не Ичекичика». 145. – Ничего, там заговоришь в море! 146. Подтащили его: 147. – Хватит тебе обманывать. 148. Унесли, бросили в воду другого. 149. Уехали домой. 150. Докладывают губернатору, что утопили, где утопили. 151. На второй день губернатор выходит: 152. – Что там у Ичекичика горит, как фабрика? 153. Что там дым такой сильный идёт? 154. Его же казнили! 155. А он верёвку протянул и повесил в избе товары. 156. Ичекичика сам исцарапался. 157. Сундук (большой ящик) будто товаров принёс. 158. Слуги приехали. 159. Казнённый сидит, вокруг полна изба товаров висит. 160. Один раз казнили, второй раз уже не казнят. 161. – Вы, слуги губернатора, надо мной издевались, утопили в море. 162. А я там попал на столько товаров разных сортов. 163. Они ушли, ничего не пили, докладывать губернатору, что Ичекичика столько товаров из воды привёз. 164. – Прикажите ему явиться. 165. Пусть расскажет, как это было. 166. – Хотите в море товаров достать, зашивайте себя в сыромятные шкуры друг друга только хороших лошадей, топите в море, и будете доставать богатства. 167. Губернатор соглашается. 168. – Попробую. Меня приготовтесь. 169. Все богачи, купечество, управляющие согласились, каждому хочется богатство. 170. Друг друга зашивают и поочереды бросают в море. 171. Первого – губернатора. 172. Ичекичика сидит со своим товаром дома. 173. Идёт Ичекичика – всё готово. 174. – Посмотри, Ичекичика, правильно мы все зашиты? 175. Ну ладно. 176. Ичекичика: 177. – Людей буду топить. 178. Везите вначале губернатора. 179. Как бросит туда. 180. – Потом заместителя. 181. Всех! 182. – Теперь ищите золото и товары! 183. Всех из города потопил. 184. Сказка кончена. 185. Кто слушал, навсегда скушал! 186. Ичекичика – хитроумный человек, мудрый человек. 187. Он обманул и дальше может жить.

Qol'saqo ira / Кол'сако Старик

Рассказал: Кусамина П.М. (1927)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Турухан, 1977

1. Илимпә Ичак Ачика имлантысә 2. Қолсақ ирал қәтты асса кундақын еса. 3. Оккыр чондоқыт қолсақо ирал сырыты ұра (ұрыса) телдеұрықа. 4. Тәп тәнымыты што Ичак Ачикат тәлысыт. 5. Ұтоты тәбынык казатып ситатып мәннимбықо қоип метыт Ұчак Ачика. 6. Тәп тәнымыты тўнтотыт русаксә (пушкатсә) тәбып орқәлтәнтотыт (орқылқо), омдылдементотыт турманты. 7. На времаұыт (на челе) сырып қәссытыкы, кәтымты кымса қамдысыты. 8. Мерысыты марқә паңып мота пороуот (поруынт). 9. Имламты тамдысыты кәмыл сырыт кетыса. 10. Имлат тоқалдисты порқат. 11. Казат (казақыт) тўсотыт Ичакәчиканык. 12. Марқа қуп қатысыты Ичакәчиканык. 13. Тасынты омдылтықо нотна тўрманты. 14. Тат сырытып қәттал амнал. 15. Тәп һейһамосса, имландыкини қәтсыты. 16. Массып омдалтынтотыт тўрманты. 17. Чәйник мужерет (мушереқо) кәнбыла. 18. Имлаты тәтәлна: тобоп утоп тесса. 19. Казат нынқотыт мотан оқыт. 20. Ичак Ачика имландыкини – та лентаймонт, чәйник аса кыканыты мусыроқо. 21. Һейһамосса Ичәк Ачика, паңымты иллә йсыты, имламды маттәрсыты, имлаты қулч(т)иса. 22. Ныны Ичәк Ачика қәтсыты казаткини: имлам мелде нил'чик орынна. 23. Паңыты тобоқынты логырысыты. 24. Имла, иннә пактәш, паңып иллаптента. 25. Ныны имлаты нылләйса, қәнбыллә орқылсыты чайникты мусырықо. 26. Канзап наққылдат кунты чайник мусейса. 27. Наһ и апсып тоттысыты лемты қәнпыллә. 28. Казат амырқолапсотыт. 29. Тәбыт нилдик қәтсотыт: ме тат паңып тәментомыт. 30. Ме йма ймат лентәйтотыт и қунтотыт. 31. Қазат аза лағырқолапсотыт Ичак Ачикап, қәтәнтотыт қолсақ йранык. 31. Но қәтымбөтыт. 33. Началник куралдысты тәмықо паңып. 34. Синделыл чәл тамотыт. 35. Қолсақ ира қәттысыты: паңып макке миңелыт, мат сақылтентап. 36. Ма имам и работникит лентәйтотыт. 37. Чәлит и пйт қонтотыт. 38. Ичак Ачика қатысыт (қәтымпаты): паңып чистаң мәрыңылыт. 39. Сома қумып матырқо. 40. Қолсақ ира қондыса, қарыт чең(к) омдыса (мәсыса). 41. Има, омдәшик! и работникит омдәңылыт! 42. Тәбыт чек асса омәнтотыт. 43. Һейһамосса. 44. Иллә йсыты паңамт, мотәрсыты мунтык. 45. Паңып логырсыты тобоуынты мунтык маттырпыл қумиуанты. 46. Чап қәттықыты. 47. Мелде қулчотыт. 48. Ира һейһамосса, казатып қәрысыт. 49. Кун йзәлыт паңып? 50. Тәп Ичәк меқыни паңып миситы. 51. Тәп Ичәк Ачика өләкса. 52. Қәллә орғылқо судинқо. 53. Имам ймыт мундык қўсотыт паңынон. 54. Тат оннақа аза тотык маттырса. 55. Тәбып қәчиқо оккур чәл, ме ай саңартомыт. 56. Ме йма ймыт ай лентәйтотыт. 57. Қолсақ ира ай қәтысыты: ланно, мол, саңарнылыт паңып! 58. Казат шитәт нилдик матәлсыты онди имайт. 59. Ймайт қўсотыт қәмытчорык. 60. Қарыт қәтысотыт қолсақ иранык: ме имаймыт мелде қўсотыт. 61. Ира һейһамосса. 62. Ичак Ачикап орқылқо нотна. 63. Казат қәсотыт. 64. Ичак Ачика на времаұыт мотқынты өмта. 65. Ичак Ачикап орқылсотыт. 66. Сеп молмытысанты. 67. Ме мундык ймаимыт и работникит матәлсимыт, тәбыт қўсотыт қәмытчорык. 68. Ичак Ачикап қәнтысотыт терманты. 69. Қолсақ ира куралдысты иллә қоптырықо ұттә. 70. Қәтысыты: сырытқобонты шўһнонты шўтқо илелә. 71. Казат тәбып қәндысотыт чўндыл қаулысә ұт топты морет қаныкты. 72. Тәп қотачўндәұыт илыла иппа. 73. Қәтысыты: масып қоптырантылыт марГә пұса пәуылынықыт. 74. Тәбыт қәсотыт пәқо марГә пеп. 75. Кунды ли қомыча йпымпа, үңелдымбат, чўндыл қаулы тўнта. 76. Тәтты ли сомбыла қаулыт тўнта. 77. Утырысотыт. 78. Тәмқуп тоқсә (таварсә) лыптыксә қәнта моқына. 79. Тәмқуп тополсыты сырыт кобыл қотап. 80. Қои тымды иппа? 81. Ичак Ачика ланкайса: ијө! 82. Тәмқуп: қоитқо йппант? 83. Ичак Ачика қәтысыты: иннә сим ұтас! тә матәлты! 84. Тәп тә матәлосыт. 85. Тәп иннә путәлмосса (тантыса). 86. Тәбын мыуыт сит қобыл мы еппа мунқынты. 87. Тәмқуп соуоһет: қоитқо йпанты? 88. Мат йппап, ұтты патырсақ, сит қопып йсап. 89. Ормы чәнқыса, тоқ (лыптык) қоччи ұтқәт. 90. Адылситы сит қопытып тәмқумынык. 91. Тәмқуп ондалса: ма ай патырлек ұтт. 92. Тәпып сүтәситы сырытқотанты. 93. Тәмқуп иппа ұттопқып қотақыт. 94. Ичак Ачика қәннайса чўндыл қаулынтыса и тоқса. 95. Казат татысотыт марГә пұп, сорықолапсотыт. 96. Тәнтотыт ондыһанды: сеп Ичак Ачика, олыһырсал. 97. Ұтқыт қуннант. 98. Тәмқуп үңелдымбат, сорықандалдимботыт пұп, марГә пұп. 99. Аса мат Ичик Ачика. 100. Ичәк Ачика қә(ә)сса. 101. Тап масым олыкса. 102. Мат тәмқумоһок. 103. ОлыГә масып сўсса сырқобыл қотанты. 104. Касат томнат: тат Ичәк ачиканты, сеп молмытысанты. 105. Тона чұрыла лаңкына қотақыт: мат тәмқумоһок. 106. Тентысак чентыса, қаулыса. 107. Ұттә тұлдыла чаттысотыт, қоптысотыт пұса. 108. Казат моқына қәссотыт. 109. Ме қоптырсымыт ұттә Ичик

А́чика. 110. Ичек тўса моқынә чўндыса, чўндыл қаулыса. 111. Тоқты ўссе чондаптысты, тәмнонты иннә Ыталситы тәқықо. 112. На времауыт началник қолсақ ира меннымба, Ичик А́чикат мотыл пелакты шоуыр чотымбат, пурқықатқа шоуырноны. 113. Тымдысә нымдысә қаттысыты қазатыкиник қәллә меннымбықо имақотап. 114. Тәбыт қасотыт. 115. Мотты сәрсотыт, имақотат қоптычот омта столыниуыт Ичәк А́чика һейһамотпа. 116. Мундык мәндыты қатолбат қәмча, порГымты нытаппыла. 117. Тәбыт серсотыт, қатысот: дорова, лака! 118. А Ичек А́чика һейһимола омта: тә масып ўтысып қоптырысылыт, мат моранйлұыт котчик тоқ лыптық қосап. 119. Нәсаң еңа кусако орым (ма орымы а́са йсыты) а́са йсап. 120. Бытта ўденыл номГын ёсак. 121. Тәбыт қасотыт, ныргымоллә, қойл жабол а́са. 122. Қолсақ иранык қатықо: Ичак а́чикап ўттә қоптырысымыт укол чәле (окот), тәп насса қомбаты тоқ лыптык кушал татақой – мундык қумпаты и сит қобылмыт. 123. Қолсақ ира тәныты ўрыса. 124. Қәндык нилдик а́сыса? 125. Ичек А́чика - жабыл, маннон (менон). 126. Шиндел чәл онды шитәт касат тўнготыт Ичек А́чиканты, ўтыты касак ира соқысқо Ичек А́чикап, қуттар қосыты на то лыптытып. 127. Ме ай ўттә паттыртеннымт тоқытқо. 128. Ичек А́чика қатысыты: сүтқоныңылыт сырыт қобыноқы қотатып, олчиңылыт морат қанықты, мат тезинды сүттап қотанты, қантап ўттә пұса, марГә пұса. 129. Тә қонделит мунтык тоқ. 130. Уғот қолсақ ира (началник) кудь кыка қаттоуоны (қын). 131. Тәп сүтколситы угот қолсақ ирап, ныны мәныл қумимты (касатып). 132. Ныны Ичак А́чика онты қәқолапсыты сетыпыл қотатып қумытысә ўттә. 133. Қатысыты қолсақ иранык: пәты тоқ моран илұыт. 134. Никун аза қонта! тоқыты и товарып. 135. Мелды қунанты. 136. Те на масып кәкысылыт, ўттә сып қасылыт.

1. Жил был Ичакечика с бабушкой. 2. Город Колсако ира недалеко был. 3. Однажды, коровы Колсако ира всегда терялись, постоянно теряется. 4. Он думает, что Ичакечика ворует. 5. Послал к нему слуг двоих смотреть, что делает Ичакечика. 6. Он (Ичак) знает, придут с ружьём, его поймают (арестуют), посадят в тюрьму. 7. В это время корову забил, кишки кровью наполнил (залил). 8. Держал большой нож на потолке. 9. Бабушку обкрутил кишками коровы, кровью заполненными. 10. Бабушка надела парку. 11. Казаки пришли к Ичакечика. 12. Начальник сказал Ичакечика: 13. «Тебя посадить нужно в тюрьму. 14. Ты коров убиваешь и ешь.» 15. Он (Ичакечика) рассердился, бабушке сказал: 16. «Меня посадят в тюрьму. 17. Чайник кипяти скорее.» 18. Бабушка заругалась: «Ноги, руки болят». 19. Казаки стоят около дверей. 20. Ичакечика бабушке: «Ты лентяйка, чайник не хочешь кипятить». 21. Рассердился Ичакечика, ножик сверху взял, на клочки разрезал, бабушка умерла. 22. Потом Ичакечика сказал казакам (солдатам, слугам): «Бабушка всегда так лентяйничает». 23. Ножик в ногу бабушки воткнул. 24. «Бабушка, вставай! Нож оживит тебя!» 25. Потом бабушка поднялась на ноги, скорее схватила чайник кипятить. 26. Трубку за время искурить чайник вскипел. 27. Хлеб и еду поставила на стол быстро. 28. Казаки начали есть. 29. Они так сказали: «Мы твой нож купим. 30. Наши жены лентяйничают и спят». 31. Солдаты не стали трогать Ичакечика, скажут Колсақо Ира (начальнику). 32. Ну сказали. 33. Начальник велел купить нож. 34. На другой день купили. 35. Колсақ Ира сказал: Нож мне дайте, на ночь пусть у меня будет (я подержу ночь). 36. Моя жена и работники лентяйничают. 37. День и ночь спят. 38. Ичакечика наказал: Нож в чистоте содержите. 39. Хорошего человека резать. 40. Колса Ира спал, утром рано поднялся (встал). 41. «Жена, поднимись! и работники, поднимитесь!» 42. Они быстро не поднимались. 43. Он рассердился. 44. Снял сверху ножик, порезал всех. 45. Ножик воткнул в ноги всем резанным людям. 46. Тоже говорил (волшебное слово). 47. Навек умерли. 48. Начальник рассердился на Ичакечика, казаков вызвал. 49. «Откуда вы брали ножик?» 50. «Он (Ичакечика) нам нож дал. 51. Он Ичакечика обманул». 52. «Идти, поймать и судить!». 53. Жена и женщины все умерли от ножа». 54. «Ты, однако, неправильно резал», – говорят его солдаты. 55. «Его оставить еще на один день, мы тоже попробуем. 56. Наши жены тоже лентяйничают». 57. Колсак Ира тоже сказал: «Ладно, мол, попробуйте нож!» 58. Казаки вдвоём также резали своих жен. 59. Жены их умерли, истекая кровью. 60. Утром сказали начальнику: «Наши жены навек умерли». 61. Колсак Ира рассердился: 62. «Ичакечика схватить надо!». 63. Казаки пошли. 64. Ичакечика в это время дома сидит. 65. Ичакечика поймали. 66. «Хватит! Обманывал!». 67. Мы всех жен и работников порезали, они умерли, истекая кровью». 68. Ичакечика увезли в тюрьму.

69. Колсак Ира велел утопить. 70. Сказал: «В коровью шкуру внутрь зашить живьём». 71. Слуги его увезли на телеге на край воды, на край моря. 72. Он в мешке живой лежит. 73. Сказал: «Меня утопите, большой камень найдите!». 74. Они пошли искать большой камень. 75. Долго ли коротко лежал он, слышит, конская телега идёт. 76. Четыре или пять телег едет. 77. Остановились. 78. Купец с товаром идёт домой. 79. Купец пнул ногой мешок из шкуры коровы. 80. «Что тут лежит?» 81. Ичакечика вскрикнул: «Ой!» (больно когда). 82. Купец: «Почему лежишь?» 83. Ичакечика сказал: «Отпусти меня (вверх пусти)! разрежь мешок!» 84. Он [купец] разрезал. 85. Он [Ичакечика] выскочил (вышел) из мешка. 86. У него соболиные шкуры были за пазухой. 87. Купец спрашивает: «Зачем лежишь?» 88. «Я лежу, в воду нырял, соболиные шкуры взял (нашел). 89. Силы не было, товаров много в воде». 90. Показал соболиные шкуры купцу. 91. Купец радовался: «Я тоже нырну в воду (хочу нырять)». 92. Его зашил в мешок из коровьей шкуры. 93. Купец лежит около берега в мешке. 94. Ичакечика уехал на лошадиной телеге и с товаром. 95. Казаки приволокли большой камень, начинают привязывать. 96. Говорят друг другу: «Хватит Ичакечика, обманывал! 97. В воде умрёшь!». 98. Купец слышит, привязывают камень, большой камень. 99. «Я не Ичакечика. 100. Ичакечика ушел. 101. Он меня обманул. 102. Я – купец. 103. Обманом меня зашил в коровьей шкуры мешок». 104. Казаки говорят: «Ты – Ичакечика, достаточно обманывал». 105. Он, плача, кричит в мешке: «Я купец. 106. Ехал на лошадях, на телеге». 107. В воду увезя, бросили, утопили с камнем. 108. Казаки домой ушли. 109. «Мы утопили в воде Ичакечика». 110. Ичакечика приехал домой на лошади на телеге. 111. Товар водой намочил, на верёвку развесил сушить. 112. В это время начальник Колсак Ира смотрит, со стороны чума Ичакечика печь топится, густой дым идёт от печки. 113. Тут же сказал своим слугам (их двое) идти посмотреть бабушку. 114. Они ушли. 115. В дом зашли, вместо старухи на месте за столом сидит Ичакечика сердитый. 116. Всё лицо исцарапано в кровь, одежда изорванная. 117. Они зашли, говорят: «Здорово, товарищ!» 118. А Ичек сердитый сидит: «Вы меня в воду пустили, утопили, я в море на дне много товара нашел. 119. Столько есть, сколько моя сила не взяла (сколько сил хватило) было взял. 120. Как вроде (будто) у подводного Бога был на небе». 121. Они пошли, испуганные, какой [д]явол был. 122. Начальнику Колсак Ира рассказали: «В воде мы утопили Ичакечика ранешний день (раньше), он столько нашел товару – вещи все нашел и соболиные шкуры». 123. Колсак Ира разум потерял. 124. Как это так получилось? 125. Ичек – Ябыл (дьявол). 126. На другой день сами двое слуг пришли к Ичакечика, Колсак Ира слуг послал спросить, как он достал товар? 127. «Мы тоже в воду нырять будем за товаром». 128. Ичакечика рассказал: «Зашивайте из коровьей шкуры мешки, ложитесь на берег моря, я вас зашью в куль, брошу в воду с большим камнем. 129. Вы найдёте всё богатство (товар)». 130. Вначале Колсак Ира (начальник), кто согласен (хочет) из города. 131. Он зашил сначала Колсак Ира, потом других людей (казаков). 131. Потом Ичакечика сам бросать стал зашитые мешки с людьми в воду. 133. Сказал начальнику Колсак Ира: «Ищи товар на дне моря. 134. Нигде не найдёшь богатство и товар. 135. На век умрёшь. 136. Вы меня замучивали, в воду меня бросали.»

Сомбыл'е иннезат/ Пять братьев

Рассказал: Кондукова К.Н. (1934 г.р.)

Записал: Воеводина Н.М.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1970

1. Сомбыл'е иннезат иллызат қвелейгусат. 2. Тепла қвелейсат оқары сомбыл'е тутом қветсадат. 3. Тұсадыт қвелем тапсузат на сомбыл'е тутом тапсулевле мұзаккус. 4. Иннезат қветсат варұә нұқиндә нин чеққырымбизадат. 5. Тұивадыт туттола таңгут. 6. Аққол қвеннадот қвелейгу. 7. Қвелем қвотсадат аққол тапсууадат. 8. Тапсулевле чеққойгу қвеннат. 9. Оқә қум қалиң. 10. Иррат чаджаң қарреқынны нұдисай макит. 11. Қуты түй – түби қувам апстегу надо. 12. Ирранне миуат шиттә тутто. 13. Иннезат түүат – туттола танамбадат. 14. Теп тараң – ман амбам. 15. Иннезат аққол қвеннадат қвелейгу. 16. Қвелассат, тутом қветсадат. 17. Тутом қветлевле тўн топты тапсадат. 18. Тўн топ татлевле қадисадат тапсусадат. 19. Тапсулевле шитамтелой иннамдыт қведисат тўн топқан. 20. Ынат мўстерембад. 21. Ырра аққол чаджаң. 22. Қундоклау манн сіндап ас қонджургусам, ирра тараң. 23. Тўмбидий қувам апстегу надо. 24. Тутом тепанне мизат. 25. Иннезат түүатыт, туттола танықын еуат. 26. Инат тараң – ман оңең амнам. 27. Тепла қвеннат аққол мазаргу. 28. Қвелалевле аққол тутом қветәсат. 29. Тўле тапсузат. 30. Оқар инамдыт қвезизат. 31. Туттола мўсле чаджысат. 31. Ырра чаджаң аққол, тўанны, туттолам амнат қвенны. 33. Иннезыт түүат, туттола таңгуң. 34. Қай амбат. 35. Ман оңең амбам аққол мазаргу қвеннат, сомбыл'е тутто оррандыт. 36. На тутом илевле мазанқынны қвеннадат тўн топты. 37. Тўн топты тўлевле неуалджисадат. 38. Неуалджилевле оққырым қведисат тўн топқан қвелем тапсугу. 39. Ондат қвессат чеқджамбигу. 40. Тетамделджи иннамдыт қвезат. 41. Чеқойджимбилевле тўват туттола таңгуват. 42. Туттола қу қаттузат. 43. Оқә йрра тўқус. 44. Теп тараң – тита мең тўқуалат. 45. Иннат тараң – йрра сінат ондыне қвераң. 46. Ирранне тўвадыт, ира пайазақә амдади. 47. Пайа тараң – қәнаңнә матқан таңгу. 48. Иннезат амдат, қәннаң мат тўған. 49. Пайа тараң – менаннә қәнаңнә ас квентәкай ме тербот матсен. 50. РИ частын ең қәннаң қаймн ас қвентат. 51. Сомбыл'е иннезат амдат, пайам ўнгалджимбадат. 52. пайа тараң – тембитий қулам апстыгу надо. 53. Теп мадан тўмбы палдун, қаймн асси мўссурыгут. 54. Ирра тараң – тан мўссерет. 55. Ирра амда, памдә силамбат. 56. Пайандә олам матчеқалдите. 57. Иннезыт амдат. 58. Ырра памдә силамбат сили мили, сили мили, нар пой тақ қагам илептықусаң, а тита қупи қайт ендә пайа vessаң, амқиң – манн қундә қондысаң. 59. Пайа vessелевле, сомбыл'е иннезат апстызыт, тепла маты қвосат. 60. Иннезат таррат – ме нар метчот пайалават матченджот. 61. Ме нилдің қоуунджот. 62. Матты тўвадыт қвел ондисат, матты тўлевле пайаламдыт итаргу тарызат. 63. Пайалауандыт тарлевле, ондыт омдызадат, паламдыт симамбигу. 64. Паламдыт силамбилле нейақуламдат матчесадат. 65. Нейақуламдат маселевле веттақусадат, нейақуладат асси везакууат. 66. Тепла пам силамбилле, пан сумбанды митлевле. 67. Паламдыт силамбиле миттырзадыт, пайалат ас вазақват. 68. Тепла тұлдадат. 69. Қвелот иранне, тўндә тепаң тачелот. 70. Түүадәт тебанне. 71. Тан меқаныт асси соң меуал. Тан пайанды олам матчесанд теп иллес. 72. Ме пайалан оламдыт матчесот, ас иллекуват. 73. Ме сіндә тўндә пенджот иннезат тарат. 74. Сим тўндә ык омдалджуқват, тў қой, ман қоунджаң. 75. Сим тўндә ыкы омдалджиқват, сим мотнадыт, ирра тараң. 76. Иннезат пом татлевле, тўм пессадат, иррам қотчанды сарәлевле, котчам тўндә ноққосадат. 77. Ыра қотчауән амда тедин – тў қой, ман қоунджаң. 78. Тўм амнат, ирра чаруң. 79. Қудгонн потә малманды, йра чаджаң, сопорулат сәрбиндет. 80. Па сомбыл'е иннезат кветулууат иразе. 81. Те мазин коурталыт – йра тараң. 82. Иннезат тербадат – ме нилдің метчот. 83. Ира, тан сінат тўндә омдалджик. 84. Қулдың ман сіндат омдалоилдаң, те қотиуат, ман оңең, меганаң оруммы таңгуң сіндат омдалджигу. 85. Иннезат таррат ме пом ладиндженджот, тўм пенджот, тан сінат тўндә ноққолак. 86. Ме қотчалам татчот, қотчаланды омденджот, мезаныт сарет, сарлевле тўндә ноққолои. 87. Те ченчууалыт – тў қой, ман ас қой, йра тараң иннеза қандыт. 88. Ира тўм пелевле иннезымдыт қотчелауән тўндә ноққосыт. 89. Иннезат қаринат – тўндә лерилбот, ирра сінат миссалақ. 90. Ирра нарне ноққолекут. 91. Нар иннезат тў апсат. 92. Ирра кулдың палдун нарра палдун.

1. Пять братьев жили, рыбачили. 2. Они рыбачили (и) однажды пять карасей добыли. 3. Пришли, рыбу на шашлык положили, этих пять карасей они поджаривали. 4. Братья пошли к большой ели (и) там сушились. 5. Они вернулись, (а) карасей нет. 6. Они опять пошли рыбачить. 7. Они рыбу поймали (и) опять на шашлык посадили. 8. Посадив на шашлык, (они) сушиться пошли. 9. Один человек остался. 10. Старик идет с берега с соломенным посохом. 11. (Если) кто придет, (то) пришедшего человека накормить надо. 12. Он старику дал два карася. 13. Его братья вернулись – карасей меньше стало. 14. Он говорит: «Я съел их». 15. Братья опять пошли рыбачить. 16. Они порыбачили, карасей добыли. 17. Карасей наловив, (они их) к костру поднесли. 18. К огню принеся очистили их и на шашлык посадили. 19. На шашлык посадив (они) второго брата своего оставили у огня. 20. Их брат жарит. 21. Старик опять идет. 22. «Давно я вас не видел», – старик говорит. 23. Гостя (букв.: пришедшего человека) накормить надо. 24. Он карасей ему дал. 25. Братья пришли, (а) карасей мало стало. 26. Брат их говорит: «Я сам (их) съел». 27. Они пошли опять рыбачить. 28. Порыбачив, они опять карасей поймали. 29. Вернувшись, (они их) на шашлык посадили. 30. Они одного брата оставили. 31. Караси жарились. 31. Старик идет опять, пришел, карасей съел и ушел. 33. Братья пришли, а карасей нет. 34. «Кто их съел?» 35. «Я сам (их) съел». Опять (они) рыбачить пошли, пять карасей поймали» 36. Этих карасей, ваяв из невода, унесли к огнищу. 37. Подойдя к огнищу, они раздеваться стали. 38. Раздевшись, одного оставили у огнища рыбу жарить. 39. Сами они пошли сушиться. 40. Они четвертого брата своего оставили. 41. Подсушившись, они вернулись, (а) карасей нет. 42.) «Караси куда девались?» 43. «Один старик приходил». 44. Он старик говорит: «Теперь ко мне приходите». 45. Брат их говорит: «Старик нас к себе зовет». 46. Они к старику пришли, старик со старухой вдвоем сидят. 47. Старуха говорит: «Нашей собаки дома нет». 48. Братья сидят, собака домой пришла. 49. Старуха говорит: «У нас собака не старая, мы думаем, лес густой и наша собака ничего не добыла». 50. Пять братьев ездят, старуху слушают. 51. Старуха говорит: «Гостей (букв.: пришедших людей) накормить надо». 52. Она по избе ходит, ничего не варит» 53. Старик говорит: «Ты свари!» 54. Старик сидит, свой нож точит. 55. Он своей старухе голову отрезал. 56. Братья сидят. 57. Старик свой нож точит – сили-мили, сили-мили, три года назад умершего он оживлял, сейчас умершая было старуха встала, зевает: «Я долго спала». 58. Старуха, встав, пять братьев накормила, они домой пошли. 59. Братья говорят: «Мы так же сделаем, наших жен зарежем. 60. Мы так же разбогатеем». 61. (Они) домой пришли, рыбу наловили (и), в дом придя, своим женам варить приказали. 62. Своим женам это сказав, сами сели свои ножи точить. 63. Наточив свои ножи, (они) своих жен зарезали. 64. Женщин своих зарезав, (они их) поднимать стали, (но) их жены не встают. 65. Они нож точили до обуха дойдя. 66. Свои ножи точить они кончили, а их жены не встают (все же). 67. Они рассердились. 68. «Пойдем к старику, в огонь его бросим!». 69. Пришли к нему. 70. «Ты с нами нехорошо поступил. Ты своей старухе голову отрезал, (и) она ожила. 71. Мы головы их отрезали, (а они) не оживают. 72. Мы тебя в огонь посадим», братья говорят. 73. «Меня в огонь не сажайте, огонь – богатый, (и я) разбогатею. 74. Меня в огонь не сажайте, меня побейте», – старик говорит. 75. Братья дров принесли, огонь разложили и, старика в мешок завязав, мешок в огонь толкнули. 76. Старик в мешке сидит, приговаривает: «Огонь – богатый, я – разбогатею». 77. Огонь сгорел, старик вышел. 78. Сколько лет прошло, а старик идет, хорошую одежду одел. 79. Эти пять братьев повстречались со стариком. 80. «Вы мне помогли разбогатеть», – старик говорит. 81. Братья подумали» «Мы так же сделаем». 82. «Старик, ты нас в огонь посади!» 83. «Как я вас посажу, вас много, а я один, у меня нет сил вас посадить». 84. Братья говорят: «Мы дрова приготовим, огонь разведем, а ты нас в огонь толкни. 85. Мы мешки принесем, в мешки сядем, нас завяжи (и), завязав в огонь толкни!» 86. «Вы говорите – огонь богатый, а я не богатый» – старик сказал братьям. 87. Старик, огонь разложив, братьев в мешках в огонь

толкнул. 88. Братья кричат: «Мы огня боимся, старик, нас выдерни!» 89. Старик (их) дальше толкает. 90. Так огонь братьев сжег. 91. Старик как ходил, так и ходит.

Текст № 60 _TW**К. Доннер «Самоедский эпос» (фрагмент из публикации с пересказом сюжетов)**

Рассказал: Арбалдаев А.Е. и др.

Записал: Доннер К.

Место и время записи: Кеть, 1912

...Во время моего пребывания на реке Тым я имел возможность записать несколько саг, которые по особенностям их содержания значительно отклоняются от так называемых героических песен, и у меня явилось предположение, что между ними существует взаимная близость происхождения, благодаря герою, который появляется во всех них. Главное действующее лицо всегда носит имя Итьте, а его противником часто является великан-людоед по имени Пюнегуссе.

Во время моего путешествия по реке Кети осенью 1912 г. я нашел полное подтверждение моих догадок. Чем выше вверх по реке мне приходилось путешествовать и чем глубже я проникал в тундру, тем многочисленнее оказывались эти саги и тем ближе становилась их связь между собою...

Так как в мою цель входит только дать краткое содержание этого цикла легенд, открытых мною, то, мне кажется, лучше всего в интересах ясности изложения кратко передать его содержание в том виде, как я сам с ним познакомился в самой полной и связной форме в области Верхней Кети.

1. Первая сага повествует о герое Итьте, живущем на реке Кети вместе со своими родителями. Вскоре, однако, мир в тундре был нарушен прибытием с севера страшного, дотоле неизвестного великана-людоеда Пюнегуссе. Великан убивает и съедает родителей Итьте; сам же Итьте был спасен от этой же участи старушкой, которая вначале укрывает его, а затем уводит далеко-далеко, в долину отдаленного Кети. Здесь проходят его детство и юность в охоте и рыбной ловле, и он мужает и крепнет умом. Уже и в этот период жизни с ним происходит целый ряд приключений, которые подготавливают его к великим подвигам, выпадающим на его долю впоследствии.

2. Так, однажды во время путешествия в лодке, он встречается с семью сыновьями Лесного духа (Массу-лоза), которые ловили рыбу из своих лодок. В свое юношеской самонадеянности он гребет мимо них с такой силой, что их лодки заливаются водою, а они сами попадают в реку и с трудом выплывают к берегу; герой же возвращается домой очень довольный. За исключением небольших экскурсий по соседству Итьте никогда не предпринимал во время своей юности никаких путешествий в более отдаленные страны.

3. Старая женщина постоянно предупреждает его далеко не отлучаться, чтобы не подвергнуться опасности. Но чем более она его предупреждает, тем сильнее растет в нем страсть к открытию неведомых стран. Однажды утром, когда старуха крепко спала, он, взяв свою сеть с собою в лодку, поплыл к озеру, на котором никогда не бывал ранее. Все здесь оказалось необычным; вода увлекла его лодку так стремительно, что не надо было грести, и едва он успевал забросить сеть в воду, как она оказалась наполненной большими капками. Он возвращается домой в восторге со своей добычей, но старуха бранит его. Несмотря на это, он снова отправляется на озеро и встречает там старого слепого человека, сидящего в лодке и удящего рыбу. Старику удалось поймать крупную рыбу, которую Итьте перехватывает, как он думает, тайком от старика, но, вернувшись домой, ему вскоре приходится раскаяться в своем поступке. Итьте слышит, как кто-то вдали бьет в бубен и призывает духов на помощь. Это был старый слепой человек, великий могущественный шаман, как ему объяснила старуха. Итьте слышит, что шаман приказывает духам привести к нему своего обидчика для того, чтобы его проглотить. Поэтому Итьте заползает в свою юрту вместе со старухой и своей верной собакой и

привязывает себя накрепко к стене для того, чтобы духи его не могли утащить проаь. На всякий случай он кладет в карман нож и точильный брусок. Едва только он успел окончить свои приготовления, как являются духи. Не будучи в состоянии оторвать его от стены, они уносят по воздуху всю юрту к слепому старику. Шаман с пренебрежением проглатывает Итьте, старуху и находившуюся с ними в юрте собаку, а затем удовлетворенный засыпает. Вскоре, однако, он просыпается от страшных звуков, исходящих из его желудка, так как Итьте, вынув из кармана брусок и нож, принялся точить последний. Вскоре шаман чувствует боль в своем огромном животе: это Итьте прорезает в нем отверстие для выхода. Старый шаман начинает догадываться о том, что происходит, но слишком поздно. Итьте вылезает, убивает людоеда и освобождает старуху с собакой. Вымывши самого себя и других, он с гордостью возвращается домой. Благодаря хитрости и искусству, он в первый раз спасает себя и свой народ от великой опасности.

4. После этого и других подобных приключений Итьте жаждет отправиться дальше на более значительные и более опасные испытания, чтобы проверить свою силу. Поэтому он предпринимает долгие путешествия и, наконец, приходит к большому озеру (морю). Здесь живет огромная птица, называемая Пюне. Она была в состоянии схватить и проглотить самые большие предметы, она пожирала деревья и скалы, людей и животных – всех и все. Но еще далее, посредине великого озера жило еще более могущественное и сильное чудовище Рыба с волосатым рогом – Рыба с пятнистым рогом (*Тари амди куэл – Пекри амди куэл*), которая была так огромна, что могла поднять саму землю. Пюне однажды отправилась на охоту за этой рыбой, напала на нее, вцепившись когтями в ее спину, но, конечно, не была в состоянии подняться на воздух со своей добычей. Рыба нырнула под воду и птица не могла сразу освободиться; когда после больших усилий ей это удалось, Пюне потеряла свои могущественные когти, оставшиеся на спине рыбы. Прошло три года, и вот Итьте повстречался с нею, голодной и слабой, на берегу моря. Птица попросила Итьте о помощи, она слышала о его силе и хитрости. Итьте согласился помоаь ей, но потребовал, чтобы птица доставила его к гигантской рыбе. Итьте сел на спину птицы и перелетел через озеро (море). Однако во время путешествия птица трижды роняла Итьте в воду и поднимала его снова в самую последнюю минуту кончиком своих крыльев. Все это было сделано для того, чтобы испытать его мужество. Наконец птица спустилась с ним на берег большого озера (моря), где жила гигантская рыба. Итьте сидел, обдумывая, чтобы ему предпринять. И вот он придумал следующий план. Он сделал музыкальный инструмент с семью струнами и заиграл на нем. Его игра была так прекрасна, что все живые создания понимали ее, и разлиаьные животные собирались кругом послушать его: все лесные звери, рыбы, живущие в воде, все птицы, летающие в воздухе, все они слушали музыку Итьте. Наконец и гигантская рыба тоже приплыла, очарованная его игрою, а Итьте, не прекращая игры, зашел ей на спину, рыба же поплыла в открытое море. Во время этого путешествия рыба рассказала ему о своей болезни. Когти Пюне все еще крепко сидели в ее спине, которая начинала от того гнить. Если, говорила она Итьте, он мог спасти ее, вытащив когти, рыба дала бы ему, как вознаграждение, в жены доаь рыбы с волосатым рогом. Итьте вынул свой нож и принялся вырезать когти Пюне из спины рыбы. Гной вышел из ран в таком количестве, что покрыл всю поверхность моря. Итьте вытащил когти и сохранил их. Рыба же, верная своему обещанию, приглашает его войти в свое, рыбье, ухо, что он и делает. Там внутри была как бы большая комната; в ней он находит девушку, которую он берет с собою и возвращается к Пюне. Чтобы отплатить птице за свое невольное троекратное купание в море, он трижды прикрепляет когти птицы так слабо, что когда Пюне пытается схватить ими разлиаьные предметы, они не держат добычу. Только в четвертый раз он привязывает когти, как следует. После этих приключений и испытаний Итьте возвращается домой со своей молодой женой.

5. Прежде чем герой этой саги предпринял свою великую борьбу против врага людей Пюнегуссе, у него было много приключений разлйаного рода, так как он постоянно отправлялся в свет, чтобы видеть и знать все больше и больше. Однажды, рассказывают, он попал в лес, в котором жил Лесной дух (Массу лоз). Итьте вошел в его жилище и был немедленно узнан сыновьями Лесного духа, который, однако, ничего не сказал об этом. напротив, он пригласил Итьте самым дружеским образом отужинать с ними и угощал его самым радушным образом едой и питьем. В это время семь его сыновей собрались все вместе и, когда насытились, самый младший из них рассказал о том, как с ними поступил однажды Итьте на реке. Следующий сын также рассказал эту историю, а затем и остальные повторили ее каждый в свою очередь. Но Итьте сидел спокойно в домике и делал вид, что ничего не понимает. Внезапно все они набросились на него и принялись его бить, спрашивая его все время, почему он так скверно поступил с ними на реке. Итьте был силен и крепок, но против семерых сыновей Лесного духа ничего не мог поделать. Они связали его и продолжали бить. Итьте умолял отпустить его, но те держали крепко. Наконец один из братьев рассказал, что войны (мадуры) отобрали у них их сестер, и они не знают, как бы вернуть их обратно. Если Итьте отправиться с ними и ему удастся привезти назад их сестер, они согласны даровать ему жизнь. Итьте, обсудив и обдумав, в конце концов согласился, так как смерть угрожала ему в обоих случаях.

6. Прежде чем он отправился, сыновья Лесного духа надавали ему наилучшие советы. Тогда, отправившись в дорогу, он путешествовал далеко-далеко и, наконец, пришел к одному из богатырей. Этот обещал вернуть ему девушку, которой он завладел, если Итьте сумеет получить прежде остальных дочерей Лесного духа. Итьте продолжал свой путь через необъятные тундры и переплыл через огромный океан, прежде чем он достиг жилища второго мадура. Этот богатырь поставил ему те же условия, что и первый, и Итьте вновь отправился в дальнейший путь, с значительно облегченным сердцем. После разлйанных приключений Итьте приходит к третьему и последнему из богатырей, и с помощью присущей ему хитрости ему удается похитить третью доаь Лесного духа. Похитив и двух остальных, он возвращается к Лесному духу, который охотно отдает ему в жены всех трех.

7. Без сомнения, самой странной частью этой саги является ее конец. В нем рассказывается, что после того, как Итьте женился на трех дочерях могущественного Лесного духа, одна из них родила ему сыны Медведя-духа или Медвежьего духа (*Паргай-куорг-лоза* или *Паргай-куорг*), и от этого сыны ведут свое начало самоеды реки Кети. Вот по какой причине они называются Медвежье племя (Куорг-тамдыр), но в саге, записанной мною, нет никаких комментариев, каким образом самоеды производят свое происхождение от этого медведя, отцом которого был Итьте, а матерью – доаь духа.

8. После всех пройденных испытаний, Итьте был уже подготовлен к борьбе против злейшего врага его народа, могущественного людоеда севера Пюнегуссе, который был так велик, что самые высокие деревья едва достигали его колен. Людоед был жесток и беспощадно охотился за людьми, которых пожирал без разбора. Итьте встречался с ним во время своих скитаний, завязал с ним знакомство и поселился с ним вместе в лесу. Для того чтобы отвлеаь великана от человеческого мяса, Итьте добывал и предлагал ему птиц, рыб, мясо северного оленя и других животных, но Пюнегуссе продолжал оставаться людоедом. Наконец народ этой страны стал просить Итьте присоединиться к ним, чтобы убить это чудовище. Итьте согласился, так как ему было уже тяжело жить с Пюнегуссе. И вот однажды вечером случилось, что людоед был болен, а Итьте попросил его спуститься вниз по реке, чтобы добыть свежей воды. великан не мог этого сделать и просил Итьте снести его на руках вниз. Итьте согласился, но посоветовал Пюнегуссе снять кольчугу и все вооружение, так как в нем он был слишком тяжел. Когда Пюнегуссе оставил все эти вещи дома, Итьте снес его вниз, к реке, но едва он это

сделал, как тотчас же, напав на него, схватил его. В тоже сааме время он из всех сил сзывал народ, который поджидал их. Те второпях присоединились к нему и всем вместе им удалось убить людоеда и разрубить его тело на части. Но, как и многие другие могущественные шаманы, Пюнегуссе восстал из мертвых. Он приобрел новую жизнь и еще новую силу, сделавшись несравненно более могущественным, чем был ранее.

9. Существует следующая интересная легенда об их последней борьбе. Итьте отправился в лес, чтобы овладеть двумя самыми прекрасными дочерьми Лесного духа. Итьте удалось это сделать. Он схватил их и предпринял обратное путешествие домой. К несчастью, он забыл взять с собою своих лозов, которые служили ему и предохраняли от всякого зла. По дороге он повстречал Пюнегуссе, который тоже хотел овладеть этими девушками. Великан нападает на Итьте, ломает у него руку и, крепко связав, покидает его на берегу, (предоставив) его судьбе. Сам же ушел, смеясь, с девушками, которых засунул себе в карманы. Когда Итьте лежал раненый и беспомощный на берегу в ожидании смерти, ангелы-хранители его явились к нему с вопросом, почему он оставил их без внимания дома. Итьте объяснил, что это случилось не вследствие его злого умысла, а просто по забывчивости и обещал им всегда брать их с собою и в надлежащих случаях просить их о помощи; после того духи освободили Итьте и сделали его годным снова к битве. Тогда они взяли на себя покончить с людоедом.

10. После целой серии сражений, во время которых хитрость Итьте играла выдающуюся роль, им удалось счастливо завершить свое намерение. В тех случаях, когда только грубая сила могла повлиять на исход борьбы в открытом бою, Пюнегуссе никогда не мог быть сраженным, но они хитростью заманили его в ловушку и предали смерти. Чтобы предупредить для него всякую возможность вновь ожить, как это уже раньше случалось, необходимо было совершенно уничтожить его тело. Поэтому Итьте срубил несколько больших деревьев, сделал из них костер, развел костер и бросил на него тело великана, который вскоре сгорел и превратился в пепел, но в тлеющих углях челюсти Пюнегуссе еще двигались, скрипя друг о друга, и был слышен голос, вскричавший: «вы убили и сожгли меня, но все же буду продолжать мучить людей: каждое лето ветер будет развеивать мой пепел, и пылинки будут летать кругом людей и сосать их кровь». Из пепла великана каждое лето в Сибири поднимаются тучи комаров, которые поистине являются язвою для людей и животных, кровь которых они сосут. В таком виде представляют себе самоеды великого людоеда, который в продолжение всей своей жизни пожирал их целиком, а после своей смерти продолжать делать их жизнь нестерпимой во время луа́шей части года, когда они могли бы наслаждаться теплом и солнечным светом.

11. После смерти людоеда «Итьте, обладающий мудростью семи богов, Итьте, обладатель семи (всех) стран» стал править своим народом. Повсюду царил мир, не было ссор, леса были полны дичи, а реки рыбы; и все же мир в конце концов был нарушен. Демон с семью зубами явился к Итьте и потребовал от него человеческого мяса и других вещей. В продолжение трех лет Итьте давал ему вместо человеческого мяса камни, наконец демон обратился к другому пришельцу – Кростосу, который уже к тому времени появился с детьми своими, русскими, и Кростос, отец всех русских, дал демону пищу и питье и людей, которых тот требовал. Когда Итьте увидел, что Кростос и демон приобретали все большее и большее влияние, он решил удалиться из земли своего народа. Он ушел далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать, но, отправляясь, он сказал приятелю демона Кростосу: «Сегодня ваш день, завтра будет мой», и, когда наступит время, Итьте проснется от своего сна и вернется, соберет вместе всех своих рассеянных по всей земле детей и прогонит чужеземцев из Сибири.

12. В настоящее время, когда Кростос и демон царствуют над землей, все несчастны, бедны, ранее же все были богаты и счастливы. Теперь по́йти нечего есть, а прежде все было в изобилии; но Итьте только спит, он не умер и он вернется, - и до сих пор самоеды ожидают появления «божественного принца Итьте, спящего принца, отдыхающего принца Итьте».

Таково в общих чертах содержание этой эпической поэмы в том наиболее полном виде, в каком его передают самоеды реки Кети...

Население реки Чаи, которое географически и лингвистически очень тесно связано с кетскими самоедами, обладает, как и население близлежащих областей по реке Оби, довольно ясным представлением этого цикла саг и наиболее существенного из его содержания. Правда, эпизоды с людоедом они частью забыли, но герой Идя, как здесь его зовут, а также и его труды на пользу самоедского народа выделяются в их представлениях тем яснее. Они рассказывают о том, как Идя вступался и за другие племена. Вкратце привожу этот рассказ, - до такой степени он характерен для этих первобытных племён.

13. Когда Итьте все еще жил в тундре со старой женщиной, к ним является татарский принц, князь, просить помощи. В татарском городе был голод и ниоткуда не было помощи. Поэтому в своей крайней нужде они обратились к Итьте, чтобы он попытался умиловить богов. Итьте обещает им сделать, что он сможет, и в красивых санях татары увозят его в свою страну. Прибыв туда, он вынимает свою арфу, и начинает играть на ней, чтобы войти в сношение со всемогущим богом. Он играет и поет семь дней непрерывно, и все же ему не удается подняться на небо. Тогда он бросает свою арфу, ложится на спину и просит старую женщину разрезать его живот. Как только она это сделала, его пустой желудок вылетает к Богу просить пищи для умирающих от голода татар. Бог согласился на эту мольбу, и старуха притягивает вниз желудок, и все время находившийся в связи с кишечником, и укладывает все это обратно на свое место, зашивает живот и моет свои руки. Немедленно леса наполняются животными, а реки рыбой, и татарский князь в знак благодарности выдает за Итьте свою доаь после чего он возвращается домой в свою страну. Здесь некоторое время супруги живут счастливо, «жена родит ему сына и доаь. Мальчика он тянет к себе как бы крючками, доаь он прогоняет проаь палкой (выдает замуж)».

Ниже по Оби и во всей долине реки Тыма эти саги обыёно хорошо известны. Всё же мне не удалось открыть ни одного эпизода, касающегося Лесного духа и нашего героя...

На Енисее и его притоках Турухане, Баихе и на Тазе повсюду известен великий Итьте и его борьба с людоедом; они также знают и все мельчайшие подробности, как, например, его свадьбу с дочерью Лесного духа, но они не считают себя потомством, происходящим от этого брака. Это, может быть, объясняется тем, что медведь не является их тотемом или прародителем племени. Поскольку я мог себе выяснить, им не известны сказания и песни о борьбе Итьте с Христом, хотя они всё же рассматривают его как а́резвычайно могущественного духа-хранителя, как это явствует из песен шаманов...

Часть 2

I. ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Текст №1_БТ

Рассказал: ?

Записал: Кастрен А.

Место и время записи: ? 1846 г.

[Богатырь в обличии соболя]

(1) На мысу реки я родился,
 Проснулся, подумал:
 «Я хочу жениться».
 Я встал,
 (5) сидел, думал:
 «К отцу я хочу пойти».
 Пока я сидел там,
 Железный пень (или какое- то строение)
 нашел,
 (10) Я иду вниз,
 Семь дней
 Под землей
 Дошел, вверх пошел,
 (15) Отца пень в середине нашел,
 В отцовский дом я вошел,
 Сажу в доме,
 Отец спит, он проснулся, он говорит:
 (20) «Кто пришел?»
 «Я пришел,
 Маленький сын.»
 «Почему ты пришел?»
 «Я пришел спросить,
 (25) мир вокруг ты обошел, ты жену не нашел?»
 Отец говорит:
 «Не нашел,
 Сам ищи!»
 (30) «Отец! Я пойду
 На место «второе дерево»,
 На гору
 За дочкой царя пойду.»
 «Маленький сын! Не плохо,

Это будет хорошо.»
 Когда я сидел,
 Пол
 Опкрылся,
 Я вверх пошел;
 (40) после того как я наверх пришел, в свой собственный дом
 Вошел я, сел,
 Посмотрел вокруг (осмотрелся),
 Лук висит.
 (45) Одежду взяв,
 Я оделся,
 Опоясался мечом,
 Лук я взял,
 Сел на орла,
 (50) наружу полетел;
 Ровно в полдень
 Я сломал и поехал;
 На седьмой день
 Достиг я вершины дерева;
 (55) орел сел;
 Я осмотрелся:
 Из другой страны
 Три богатыря пришли,
 за ними
 (60) семь богатырей шли.
 В городе люди друг друга обнимают,
 Вино пьют,
 Поют,
 (65) смеются громко;
 Я осмотрелся,
 На седьмой день
 Я превратился в соболя,
 Вверх пошел,
 (70) к дому дошел,
 Вошел в дом,
 Большой человек (царь) не говорит:
 «Это кто пришел?
 Кто же пришел?»
 (75) За печкой поленица
 За печкой
 Я лег, поленья
 На себя положил;
 (80) лежу семь дней.
 Отец из-за стола
 Поднялся,
 Говорит семи сыновьям:
 «Кто пришел?
 (85) За печкой он лежит.»
 Семь сыновей встали,
 Плачут.
 Два старших брата
 (90) прибежали,

За обе руки
 Меня схватили,
 Наверх тянули,
 Меня наверх не вытянут;
 (95) плача они вернулись.
 Второй раз два сына придя,
 За обе руки
 Опять меня схватили,
 Прочь отпустили,
 (100) плача ушли.
 «Отец! Почему ты нам не
 Сказал?
 В третий раз
 Два сына за обе руки
 (105) Меня схватив, тянули,
 Прочь отпустили,
 Прочь пошли.
 Седьмой сын
 Меня схватив
 (110) наверх тянет,
 Поднял (меня),
 Наверх принеся
 За стол посадил.
 Отец говорит:
 (115) «Маленький сын! Сестру-твою приведи,
 Посади ее на его сторону.»
 Маленький сын в другой
 Дом пошел, там задержался,
 Оттуда сюда привел
 (120) рядом со мной
 Посадил (ее);
 Мы начали вино пить;
 На седьмой день
 Мы встали,
 (125) руками схватил,
 Наружу
 Мы вышли,
 Обратились в соболей,
 (130) на дерево
 Мы залезли,
 На орла
 Легли мы;
 Мы день лежали.
 (135) Из города
 Один герой вышел,
 Из лодки
 Один герой
 Поднялся,
 (140) туда – сюда ходит,
 Лук взял,
 На тетиву лука
 Положив стрелу,

Натянул,
 (145) выстрелил,
 Стрела в город (на крышу) полетела,
 Разбилась,
 (Крышу) разбила;
 Из города
 (150) один богатырь
 Вышел,
 Взял мечь,
 Вниз к реке бежит он,
 К лодке подошел,
 (155) рубит его,
 Нижний богатырь
 Напополам перерубил;
 Ко второй лодке бежит
 Лодочный богатырь,
 (160) как он поднялся
 Мечом махнул,
 Героя напополам
 Перерубил,
 Снова
 (165) два богатыря
 Подбежали;
 Нижний богатырь
 Рубит,
 На куски их.
 (170) Два богатыря
 Из города прибежали,
 Вниз к реке бегут;
 Нижний богатырь
 Рубит,
 (175) обоих богатырей
 В куски.
 Женщина начала плакать,
 Увидя ее братьев
 Почему муж убивает.
 (180) Богатырь в обличии соболя
 Пробегал, превратился в человека.
 Из города
 Богатырь пришел.
 (185) Я пришел
 Богатырей
 Я схватил;
 Отпустил его назад в город;
 Сам взял лук
 (190) положил стрелу,
 Натянул тетиву, выстрелил,
 Стрела пошла
 В богатыря,
 (195) попала ему в грудь,
 Прошла насквозь,
 Вышла впереди,

500 человек убил он,
 Он домой пошел
 (200) 500 человек убил он.
 Опять
 Лук натянул,
 Выстрелил,
 500 человек убил он,
 (250) домой пришел,
 Снова 500 человек
 Он убил, (повторяется 9 раз)
 Убил всех,
 Вернулся назад (к дереву)
 (210) как соболю (в качестве соболя) бежал он быстро,
 На дерево
 Залез он,
 На орла
 Забрался он;
 (215) Женщину он украл.
 Он огляделся,
 Женщина на птицу
 Села, убежала отсюда,
 На север.
 (220) На орла
 Я сел и погнался;
 Преследуя я догнал ее;
 Взглянул вниз,
 От меня город виден,
 (225) пришел в город;
 7 богатырей лежат;
 С орлом я поднялся,
 На городскую крышу поднялся,
 Трех богатырей я поднял,
 (230) четверо богатырей остались.
 Мечом махать-рубить
 Я начал,
 Лука тетива
 Звенит,
 (235) стрела семь Klafter
 не достала;
 богатырь передо мной стоит,
 говорит:
 «Почему наш город
 (240) ты убиваешь?»
 «Отдай мне мою жену,
 Тогда я вернусь домой.»
 «Почему мы должны отдать?
 Она сама пришла.»
 (245) «Почему она не вернется?
 На седьмой день
 Я город разрушу.
 Богатырей
 Я разрубил

(250) на две половины,
 Совсем развалились
 Мечом я начал рубить,
 Богатырь ко мне приходит,
 Говорит:
 (240) «Наш город
 Почему ты убиваешь?»
 Мою жену дайте мне назад.»
 «Мы не отдадим.»
 Мечом я рубанул
 (260) две половины,
 Весь развалился он.
 Богатырь ко мне подошел,
 говорит (повторяется 2 раза)
 (265) в дом он вошел,
 Жены место
 Замерзло;
 Он огляделся,
 На север
 (270) ее унесли.
 На орла
 Сел-я,
 Снова преследовал,
 Догнал-ее;
 (275) на седьмой день
 Увидел я перед собой,
 Город видимый,
 35
 Богатырей лежат,
 (280) я испугался как
 Я их убил,
 Города крыша надвое сломалась,
 Три богатыря упали.
 (285) С орла
 Я сошел,
 Начал рубить,
 Стрела прозвучала,
 Стрела семь клафтер
 (290) на достигла,
 Богатырь передо мной стоит,
 Говорит:
 «Мой город
 Почему ты убиваешь?»
 (295) «Мою жену почему
 Вы украли?»
 «Твоя жена сама пришла,»
 «Дайте (ее) назад,»
 «Мы не дадим (ее) назад,
 (300) нашу сестру мы дадим,»
 «Мне не надо вашу.»
 Богатыря я рублю,
 На две части

Совсем распадается он.
 (300) Снова
 Стрела прозвенела,
 Стрела к нему
 Прилетела,
 Богатырь говорит:
 (310) «Почему наш город ты убиваешь?»
 «Мою жену
 Почему украли?»
 Богатырь плачет:
 (215) «Мы не украли ее,
 Она сама пришла.»
 «Мечом я ударил,
 На две части
 Он распался.
 (320) Я оглянулся,
 30 богатырей
 Остались;
 Я слышу,
 Птица прилетает,
 (325) Я вижу,
 Богатырь идет,
 Маленький деверь идет,
 Он приходит, он говорит:
 «Деверь! Я спал.»
 (330) Мы двое рубить
 Начали,
 Не знали мы,
 Богатырь ли он или нет,
 Мы рубили,
 (335) цы убили,
 Стрела прозвенела.
 Я оглянулся,
 Стрела семь веревок
 Не достигла,
 (340) богатырь говорит:
 «Мой город
 Почему ты убиваешь?»
 «Мою жену мне верни.»
 «Почему должен я (ее) вернуть,
 (345) 4я тебе свою сестру отдам.»
 «Мне ее не надо.»
 Богатыря
 Как
 Я рублю,
 (350) на две части
 Совсем он распадается;
 От меня я смотрю,
 Десять богатырей
 Остались,
 (355) двадцать мы убили,
 Прямо я рублю,

тетива звенит,
 стрела прилетев
 грудь-его поразила
 (360)на землю упал-он,
 Семь дней
 Стрела трет,
 Стрелы сила ушла,
 Богатырь встал,
 (365)тамошний богатырь пришел,
 Они схватились,
 Семь лет
 Они держали (бились?) друг друга,
 Я вниз
 (370) упал,
 Богатырь шею
 Начал отрезать,
 Я рукой
 Наверх махнул.
 (375) В это время маленький деверь
 Прибежал,
 Его схватив
 На верх поднял,
 Они схватились,
 (380) маленький деверь
 Другого богатыря
 Вниз бросил
 Голову отрубил.
 «Деверь! Ложись сюда,
 (385) «Я сам закончу.»
 Я уснул,
 Проснулся;
 Семь лет
 Я проспал,
 (390) огляделся,
 Совсем
 Закончил он (всех порубил он).
 Я поднялся,
 Вместе с маленьким деверем
 (395) домой пошли,
 Я огляделся,
 Моя жена сидит у двери.
 Маленькому деверю
 Я сказал:
 (400) «Сестра сама вернулась.»
 Деверь сказал:
 «Отец дал ее тебе однажды.»
 Я взял (ее)
 Наружу вытащил,
 (405) поставил на дерево. (это значит: убил ее и поставил на дерево.)
 Я пошел в дом,
 Нижний богатырь
 Свою сестру

Мне дал
 (410) мы начали пить (вино),
 Сели за стол,
 Семь дней сидели мы,
 Мы встали,
 Наружу вышли
 (415) на двух птиц
 Мы сели,
 Домой вернулись
 На мыс реки,
 В отцов город
 (420) достигли мы,
 Начали пить,
 Сели за стол,
 Сам сестру-мою
 Маленькому деверю я отдал,
 (425) эти две наружу вышли,
 На птицу
 Сев,
 Сами в свой город
 Они поехали,
 (430) в дом войдя
 Женщина с мужчиной
 Спать пошли
 До конца света.

Текст №3_БТ

[маленький богатырь]

мāдур кēлжек, чопсōган еппа... / Богатырь проснуля, Лежит в люльке...

Рассказал: ?
 Записал: Кастрен А.
 Место и время записи: ?

1) Богатырь проснуля,
 Лежит в люльке;
 Женщина качает его;
 Наружу он смотрит;
 (5) Береза растет;
 Богатырь думает:
 «Три брата
 Возле меня лежат
 Троих братьев убили
 (10) у женщины я спросил
 «Откуда ты пришла?»
 Женщина говорит:
 «Твой отец привел меня.»
 «Кто разрушил город?»
 (15) «С болотной стороны
 12 богатырей
 Пришли и убили.»
 Я плакал

Из люльки я встал,
 (20) прямо пошел, сел,
 Спросил женщину:
 «Во что я оденусь
 В эту одежду есть он?»
 «Твою мать вниз в люльку
 (25) засунул,
 Лук, стрелу, меч
 Засунула она в люльку.»
 Женщина говорит:
 «Не отпущу тебя.»
 (30) «Я пойду.»
 Женщина плачет,
 Женщина поднялась,
 Взяла из люльки одежду-платье,
 Принесла мне, одела меня,
 (35) повязала меня мечом,
 Дала лук и сирелу.
 Я встал,
 Сел на орла,
 Женщина села на лебедя,
 (40) Мы полетели.
 Орел, кружа,
 Вверх поднялся.
 Я вниз посмотрел
 Моего брата
 (45) тело лежит.
 Я плачу,
 Птицу я зову,
 Я после моей жены
 (50) на лебеде поехал;
 Вниз поехали,
 Семь дней ехали мы;
 От меня посмотрел,
 Сожженный город виден;
 (55) один человек
 Жалуется:
 «Какой хороший человек пришел-ты?
 Вверх ты поднимишься?»
 (60) Я моей жене
 Сказал:
 «Мы поднимаемся!»
 Жена говорит:
 «Идем».
 (65) Мы двое птицу
 Вниз направляем,
 Остановились,
 Вниз сели.
 Тамошний человек
 (70) стол ставит
 Пьем (выпивая) и сидим,
 Семь дней сидим мы.

Тамошний человек
 Дал мне свою сестру,
 (75) на четырех птиц
 Мы сели, полетели;
 От нас смотрим,
 Один город виден,
 (80) 65 богатырей
 Мы достигли
 На четыре стороны
 Мы начали рубить,
 Семь дней рубили.
 (85) тетива прозвучала,
 Стрела прилетая семь клафтер
 Не достигла.
 Богатырь ко мне подойдя
 Встал, сказал:
 (90) «Где ты остался?
 Отца и мать мы убили.»
 Сам смеется-он.
 Я мечом рублю,
 (95) голова-его вниз упала,
 Я вижу,
 Трое других рубят,
 Убивают;
 Я снова начал рубить;
 (100) тетива опять прозвенела;
 Богатырь, подходя,
 Близко ко мне подошел,
 Говорит:
 «Почему мой город
 (105) ты убиваешь?
 Моего брата
 почему ты убил?»
 Богатырь говорит:
 «Где ты остался?
 (110) «Ты маленький,
 Почему пришел ты,
 Мы тебя снова убьем.»
 Я мечом
 Рублю,
 (115) голова прочь отлетела;
 На трех богатырей я смотрю,
 Они рубят, убивают;
 Половину мы убили.
 Снова я рублю,
 (120) ко мне богатырь подойдя
 Приблизился, говорит:
 «Почему ты пришел?
 Мы снова тебя убьем.»
 «Где вы меня убьете?»
 (125) Мечом я рублю,
 Голова прочь отлетела;

Прочь от себя я посмотрел,
 Тетива прозвенела,
 Стрела, подлетев ко мне, упала.
 (130) Богатырь приходит и смеется:
 «Почему ты пришел?
 Чуть тебя, стрельнув, не убил.»
 Я мечом рублю,
 Голова прочь летит;
 (135) снова троих я вижу,
 Они рубят, убивают;
 Я вижу
 Моя старшая жена упала;
 Я бегу, богатыря
 (140) за голову я схватил,
 Тяну вниз, бью его,
 Бью, богатыря голову
 Как я схватил у меня осталась,
 Мою старшую жену
 (145) я поднял;
 «Иди домой!»
 Туда пошла она.
 Мы трое сами
 (150) остались,
 От меня я посмотрел,
 Двадцать богатырей остались,
 Тетива прозвенела,
 Ко мне подойдя,
 (155) богатырь говорит:
 «Что пришел?
 Ты маленький,
 Мы тебя убьем.»
 Меня где ты убьешь?»
 (160) Мечом рублю я,
 Голова прочь отлетела,
 Пятнадцать остались.
 Снова начал я рубить,
 Тетива прозвенела,
 (165) богатырь, ко мне подойдя,
 Остановился.
 Я рублю,
 Голова прочь летит;
 Я вижу,
 (170) двое других рубят
 Десять богатырей остались.
 Мы рубим;
 Тетива прозвенела,
 Ко мне подойдя,
 богатырь говорит:
 (175) «Что пришел?
 Ты маленький,
 Мы тебя убьем.»
 Меня где вы убьете?»

(180) Мечом рублю я,
 Голова прочь отлетела,
 Я смотрю перед собой,
 двое других рубят
 шесть богатырей остались;
 (185) Тетива снова прозвенела,
 Богатырь ко мне подойдя,
 Остановился, говорит:
 «Ты маленький,
 Мы тебя убьем.»
 (190) Меня где вы убьете?»
 Я рублю
 Голова прочь отлетела,
 Четыре богатыря остались,
 Тетива прозвенела,
 ко мне подойдя,
 Остановился он, говорит:
 «Ты маленький, и т.д.
 Голова отлетела,
 Я посмотрел
 (200) трое остались
 Тетива снова прозвенела,
 ко мне подойдя,
 Остановился он, говорит:
 «Ты маленький, и т.д.
 (205) Голова отлетела, я посмотрел,
 Никого нет.
 Мы трое
 Моя старшая жена
 (210) Во дворец пошли,
 За стол сели мы
 Пили (выпивая),
 Семь дней сидели,
 Посмотрели (от нас)
 (215) в городе не было (богатыря)
 Мы вышли наружу,
 Наши люди
 Собрались,
 Там находящийся народ
 (220) собрали мы
 Послали назад:
 «Идите назад
 В два города,
 Разбейтесь на две половины.»
 (225) Сами
 На птицу сели мы.
 Маленький деверь говорит:
 «Шурин! С двумя женами
 (230) спишь ты;
 У меня нет жены;
 Как мне спать?»
 «Ты, маленький деверь,

Откуда ты это знаешь?
 (235) сам принесу.»
 На четырех птицах мы поднялись,
 Семь дней мы ехали,
 Перед собой посмотрели,
 Семьдесят пять
 (240) богатырей
 Мы в город пришли,
 Остановили четырех птиц,
 Я говорю:
 «Богатыри! Слушайте:
 (245) «Мы пришли освободить
 Чтобы сестру.»
 Богатырь говорит:
 (250) «Войдите в дом
 Отец зовет вас.»
 Мы с четырех птиц
 Вниз сошли,
 В город вошли,
 (255) в дом вошли,
 Сели,
 Между собой говорили,
 Семьдесят пять
 Богатырей,
 (260) вокруг собравшись,
 Сидят,
 Семь дней мы сидели,
 Говорили;
 Брат из другого дома
 (265) сестру ведет,
 На сторону богатыря
 Ее приведя
 Садит он;
 (270) мы начали пить,
 Сидели семь дней;
 Мы породнились
 Мы встали;
 Наружу мы пятеро
 (275) вышли,
 Старики со старухами
 Нас провожают,
 Мы друг другу кланяемся.
 На пять птиц
 (280) мы садимся,
 Прочь путешествуем,
 Назад возвращаясь,
 Семь дней мы едем,
 С моим маленьким деверем
 (285) город достигли,
 Сели пить,
 Говорили друг с другом:
 «Маленький деверь,

Здесь всегда живи!»
 (290) Мы снова
 На трех птиц
 Сели, взлетели,
 Опять семь дней
 (295) мой собственный город
 Мы достигли,
 Мой народ город
 Украсил
 В дом входя,
 (300) приготовил мой народ выпивки
 Мы сели, выпивая,
 Сидели семь дней
 Мои люди,
 (305) наружу выйдя, поехали,
 Мы с двумя женами спали,
 Там до конца неба
 Совсем мы спали.

II. СКАЗКИ (СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА)

Богатырские сказки

Текст №5_БТ

Матур / Богатырь

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)
 Записал: Н.П.Максимова
 Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) В старину сильно люди враждовали с богатырями. 2) Один богатырь в деревню пришёл. 3) У одного мужика жену забрал и ушёл. 4) Себе взял [её] в жены. 5) Этот мужик собрал деревенских мужиков, [чтобы] туда пойти с луками воевать. 6) Они идут, шумят. 7) Богатырь говорит жене: «Посмотри, там, что слышно». 8) Она вышла наружу, смотрит: её муж идёт. 9) Она богатырю ничего не сказала. 10) Богатырь на улицу выскочил, смотрит: люди идут с железными стрелами. 11) Он таган схватил, людей бить начал. 12) Он много людей убил. 13) Они в него стрелами стреляют. 14) [Они] ему в спину выстрелили. 15) Он [богатырь] упал, он умер. 16) Земля провалилась. 17) Богатырь туда вниз упал. 18) На этом месте озеро появилось. 19) Эти люди [деревенские мужики] всех мёртвых людей в кучу собрали, вместе похоронили. 20) Там сосны, березняки выросли.

Текст №6_БТ

Дочь богатыря.

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)
 Записал: Максимова Н.П.
 Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Эту сказку рассказала чумылькупка Дарья. 2) Мой муж был хант. 3) Он рассказал мне на хантыйском языке эту сказку. 4) Давным-давно жил в чаще леса богатырь. 5) Его красивая молодая жена умерла молодой. 6) У него осталась маленькая дочка. 7) Богатырь сильно любил жену свою. 8) Вторым раз жениться не захотел. 9) Дочь выросла очень красивая, на мать похожая. 10) Она была смелая, всё делала быстро. 11) Она с отцом охотиться ходила, зверей добывала. 12) Глухарей тоже добывала она, петли ставила. 13) Она и медведей добывала. 14) Богатырь дочь свою очень любил. 15) Для нее ничего не жалел. 16) У его дочери были красивые меховые шубы, одежда из соболей, дорогие одежды, расшитые бисером. 17) Эта девушка на [той] земле была самая красивая. 18) У неё глаза были красивые, как небо. 19) У неё щёки такие красивые были, как заход солнца [вечерняя заря]. 20) Волосы у неё такие красивые были, как свет луны. 21) Она на лыжах так быстро бегала, что даже ветер задыхался. 22) Она еду хорошо готовила. 23) Дома у неё тоже хорошо [чисто] было. 24) Она всегда смеялась. 25) Однажды она такая стала, голову повесив, ходит. 26) Руки её ничего не делают. 27) Богатырь её спрашивает: «Ты не болеешь?» 28) Она отвечает: «Я не болею, я здорова. 29) Мне хороший сон приснился. 30) Я, будто, вижу красивого высокого охотника. 31) Он шёл через лесную чащу к нам, и исчез. 32) Мне никто не нужен. 33) Я о нём думаю». 34) Богатырь свою умную птичку позвал, сказал: «Нашу землю облети. 35) Людям расскажи сон моей дочери. 36) Этот охотник пусть услышит, к нам придёт». 37) Птичка над землёй [эту вест] разнесла. 38) Злой колдун разговоры об этой девушке слышал. 39) Этот колдун горбатый был. 40) У него одного глаза не было. 41) У него три жены было. 42) Он этих жён убил. 43) Эти жёны его хорошо [всё] делали. 44) Этот колдун такой злой был. 45) Он людям вредил. 46) Он к этому богатырю пришёл. 47) Попросил: «Дочь твою мне отдай. 48) У меня лодка есть. 49) Лук со стрелами есть. 50) Хорошие шкуры есть. 51) Сети есть». 52) Богатыря дочь ему в лицо рассмеялась. 53) Богатырь ему сказал: «Моя дочь к тебе не пойдёт. 54) Ты – старый». 55) Колдун ему говорит: «Я таким красивым парнем стану». 56) Богатырь говорит: «Ты мою дочь напугал. 57) Она не будет тебя слушать». 58) Он [колдун] вверх подпрыгнул, лбом об землю ударился. 59) Он хотел красивым человеком стать. 60) Он горбатым остался. 61) Он не стал красивым. 62) Он рассердился, закричал: «Я так сделаю, что этот охотник к тебе не доберется. 63) Я землю болотами покрою. 64) Он к тебе не придет. 65) Я в лесную чащу бурю запущу. 66) Чтобы [буря] деревья повалила». 67) Тут уже охотник идёт, песню поёт. 68) Колдун правой рукой махнул, там болото появилось. 69) Охотник идёт. 70) Он так идёт как лось, ноги не проваливаются. 71) Он им говорит: «Здравствуйте». 72) Охотник к девушке подошёл, за руку её взял: «Я долго тебя искал. Ты – моё сердце». 73) Колдун закричал: «Я тебя в птичку превращу». 74) [Колдун] левой рукой взмахнул. 75) Охотник в кулика превратился, взлетел. 76) Девушка закричала: «Меня тоже птичкой сделай!» 77) Два кулика над домом взлетели. 78) Богатырь этого колдуна топором зарубил. 79) Колдун хотел за землю двумя руками ухватиться. 80) [Он] в корягу превратился. 81) Богатырь состарился, умер. 82) Эти две птички всегда вместе летают, перекликаются, друг друга зовут.

Текст №7_БТ

Дочь Земли

Рассказал: Макшина Н.С. (1912 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильашенко И.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1984

1) Давным-давно жил один человек, очень сильный, высотой с кедр был. 2) Никого не боялся. 3) Однажды пришли разбойники, давай [начали] людей убивать. 4) Этот сильный человек всех разбойников убил, сам в тайгу пошёл. 5) [Он] идет, кровь капает. 6) В тайге сила его кончилась. 7) На землю лёг, уснул. 8) По тайге ходила красивая девушка, Дочь Земли. 9) Она дрова искала. 10) Она увидела, нашла капельки красные. 11) [Она] подумала: «Эта кровь – хорошего

человека кровь». 12) Эти капельки крови в руку собрала, полную горсть собрала. 13) К кедру пришла, там мужчина лежит. 14) У него сил нет. 15) Девушка рукой своей дотронулась [до него], он глаза открыл. 16) Она подумала: «Я капли крови вылью обратно [в его раны]». 17) Эти капли в драгоценные камни превратились. 18) Мужчина эти камни на нитку нанизал, девушке на шею повесил. 19) Сказал: «Что захочешь, то сбудется, рукой потрогай камень». 20) [Девушка отвечает]: «Я хочу, чтобы ты таким же сильным стал, каким был». 21) Он говорит: «Надо живую воду принести, тогда я встану». 22) Она к драгоценным камням прикоснулась, в птичку превратилась. 23) Взлетела, живую воду принесла. 24) Она семь раз живой водой плеснула [на него]. 25) Он встал. 26) Он говорит: «Я тебя полюбил». 27) Она тоже говорит: «Я тебя полюбила». 28) Мужчина говорит: «Вместе давай уедем, будем вдвоём жить». 29) Девушка, плача, говорит: «Дочь Солнца меня не отпустит, я завтра к тебе приду». 31) Сама ушла. 32) В тайгу пришла Дочь Солнца. 33) Она увидела этого мужчину, влюбилась. 34) Говорит [ему]: «Пойдем со мной, вместе будем жить». 35) Он говорит: «Я Дочь Земли люблю». 36) Дочь Солнца рассердилась, говорит: «Я её убью». 37) - «Не убьёшь! У неё драгоценные камни». 38) Она Дочь Земли не убила. 39) Ночь настала. 40) Они на коня верхом оба сели. 41) Этот парень с Дочерью Земли поехал. 42) Дочь Солнца в лебедя превратилась, их догоняет. 43) Конь быстро-быстро идет. 44) Перед конём большая речка. 45) Конь назад повернул. 46) Мужчина один в воду упал, в большой камень превратился. 47) Девушка сама не упала. 48) Нитка [у неё на шее] порвалась, камни рассыпались. 49) Один камень в её косе запутался. 50) Один [другой] камень в лошадиной гриве запутался. 51) Дочь Земли говорит: «Я без него жить не хочу». 52) Камень в воду бросила. 53) На землю упала [девушка] в камень превратилась. 54) Конь тоже в камень превратился. 55) Так остались три больших камня. 56) Дочь Солнца летает, кричит, сердится.

Мифологические сказки

Текст №20_БТ¹

Девушка и Лёд

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Н.П.Максимова

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Старик утром к реке пришел, прорубь делать пришёл. 2) Прорубь сделал, из проруби воду пить начал. 3) Лёд за бороду его схватил, не отпускает. 4) Борода примерзла ко Льду. 5) Старик говорит: «Меня отпусти! 6) Я тебе дочь отдам». 7) Он не отпускает. 8) Старик младшую дочь отдать надумал: «Лёд, меня отпусти! 9) Я младшую дочь тебе отдам». 10) Тогда Лёд его отпустил. 11) Лёд старикову дочь уносит, далеко уносит. 12) Человек на берегу стоит. 13) Девушка кричит: «Куда меня несёт?» 14) Человек отвечает: «Я не знаю. 15) Впереди люди старше нас живут, у них спроси». 16) Впереди опять избушка стоит. 17) Девушка опять кричит. 18) Люди ей говорят: «Тебе [там] впереди скажут». 19) Четвертый человек ей говорит: «Вперед езжай! 20) Впереди тебе скажут». 21) Десятый человек ей говорит: «Лёд тебя в плохое место несёт». 22) Девушка от него [ото Льда] убежать хочет, она ото Льда побежала, убежала, побежала на берег. 23) Лёд её зовет: «Иди ко мне». 24) Лёд её обманывает: «Назад посмотри!» 25) Она назад не посмотрела. 26) Десятый человек её учил: «Когда на берег подниматься будешь, назад не смотри». 27) Девушка на гору забежала. 28) На горе одна старушка живёт. 29) Эта старуха заросшая шерстью была. 30) Она в шерсти была. 31) Девушка к старухе подошла. 32) Старуха ей говорит: «Меня убей! 33) Ты мою шерсть состриги, в болото брось. 34) Мою печень на ту сторону костра напротив себя положи». 35) Девушка её убила. 36) Она так сделала, как старуха велела. 37) Сама спать легла. 38) Утром встала. 39) Эта шерсть в оленей превратилась. 40) Печень в старушку превратилась. 41) Они здесь жить стали.

Текст №21_БТ

[Пажэне и Дочь маленькой женщины]

Рассказал: Пидогина М.П. (1886 г.р.)

Записал: Дульзон А.П., Кузьмина А.И.

Место и время записи: р.Обь (Сондорowo), 1961

1) Я тебе расскажу сказку хорошую. 2) Ну, вот теперь слушай, 3) я буду сказки рассказывать.
4) Жила-была лесная женщина. 5) У неё две маленькие дочери.
6) Жила-была баба-яга: 7) у бабы-яги две дочери.
8) Жили, жили баба-яга и лесная женщина. Баба-яга пришла к лесной женщине.
9) – Ну-ка, дева, пойдём: 10) Сегодня день хороший, кудель (высокая крапива) рвать надо.
11) А лесная женщина всё знает, зачем она её зовёт: баба-яга её убить хочет.
12) Лесная женщина в этот день своим дочерям, своим двум дочерям хорошенько всё рассказывает. Дочери слушают, как мать рассказывает.
– Завтра утром придёт ко мне баба-яга. 13) Она мне скажет: «Ну-ка, дева, кудель рвать собирайся. 14) Сегодня день хороший, ведренный». Я с ней пойду. 15) Мы пойдём кудели

¹ Тексты №№ 8-19 - «Сказки с героем Итя» - изъятые, так как они совпадают с текстами из Части 1 (из Сборника «Тексты с героем Итя»).

рвать. Кудели нарвём, нарвём, 16) а баба-яга скажет мне: «Давай вши искать». Сперва её голову будем обыскивать. Потом баба-яга будет у меня в голове искать. 17) Она недолго у меня в голове будет искать, мою голову потом кольнёт, – я умру. 18) А потом она меня положит в нарточку, на меня сверху наладёт кудели. А у меня коса длинная, рыжая, по земле будет тащиться. 19) Ты на берег придишь и стоять будешь:

20) Тётя, ты пришла? А мама где? 21) Она тебе скажет: «Ну-ка, чего разговариваешь? 22) Посоabi мне затащить». А ты плакать будешь, когда мою косу увидеть, 23) как она по земле тащиться будет, сама ты плакать будешь.

24) Я тебе дам клубочек. Ты пищу положи в кузов. Вот еще тебе дам бусы. 25) Маленькую сестрёнку посади в кузов. 26) Клубок брось. 27) Куда катится клубок, туда же ты беги. 28) В тот вечер пойди к бабе-яге, послушай у неё на крыше, у неё крыша низенькая.

29) Сколько-то, послушав, убеги домой.

30) Её девочки будут спрашивать: 31) «Мама, их мать сегодня съедим, а её детей когда?» – 32) «А куда они денутся? 33) Мать их сегодня съедим, а потом детей съедим».

34) Потом беги с маленькой сестрёнкой.

35) В ту ночь лесная женщина своих дочерей обнимала. Сама плакала: девочки плакали.

36) Утром баба-яга пришла к лесной женщине, лесную женщину зовёт: «Ну-ка, дева, пойдём кудель рвать».

37) Потом они обе отправились кудель дергать.

38) День хороший. 39) Кудель рвали, рвали. Много надергали кудели.

40) Баба-яга сказала лесной женщине: 41) «Ну, давай будем вшей искать».

42) Ну, вшей искать уселись. 43) Сперва у бабы-яги в голове искать начали. 44) Сколько-то искали, искали, искали, потом баба-яга сказала лесной женщине: «Ложись, твою голову будем смотреть».

Ну, лесная женщина легла. 45) Баба-яга у лесной женщины в голове искать стала.

46) Она недолго искала у лесной женщины. 47) Потом баба-яга голову лесной женщины кольнула ножом. 48) Лесная женщина умерла.

49) Баба-яга повернула карточку, лесную женщину положила на нарточку, сверху наклала кудели. 50) Лесной женщины не видно, только видна её длинная коса.

51) Баба-яга обратно отправилась. 52) Шла, шла, притащилась на берег речки.

53) Дочка лесной женщины стоит на берегу речки. Она видит, баба-яга тащится с нарточкой.

54) Дочка лесной женщины спросила у бабы-яги: «Тётя, ты пришла? А мама где?»

55) Дочка лесной женщины видит материны косы, а сама плачет.

56) Баба-яга сказала дочери лесной женщины: «Ну, чего ты разговариваешь? 57) Посоabi затащить нарточку».

58) А девочка плачет и сама ей помогает. 59) С бабой-ягой дочка лесной женщины дошла до дому бабы-яги. 60) (Потом) девочка побежала домой.

61) Баба-яга стала снимать кудель, сняла кудель, а лесную женщину затащила в избу. Баба-яга лесную женщину потрошить начала, а дочка лесной женщины прибежала к бабе-яге на крышу, 62) слушает, что она говорит со своими детьми.

63) Дочери бабы-яги радуются, у своей матери спрашивают: «Мама, их мать сегодня съедим, а девочек когда? 64) Она ответила дочерям: «Мать сегодня съедим, а дети её куда денутся».

65) Девочка послушала у бабы-яги на крыше. 66) Сама плачет, домой побежала. 67) Как ей мать сказала, она так и сделала. 68) Кузов взяла и запас пищи в кузов положила. 69) Собрала маленькой сестренке одежонку; всё в кузов сложила.

Мать ей дала серёжки, и бусы тоже ей дала. Она клубочек схватила, маленькую сестрёнку посадила в кузов, кузов надела, клубочек бросила. 70) Куда клубочек покотился, 71) туда девочка и бежит.

72) Сколько-то она бежала – сестрёнка у неё заплакала. 73) Она потому плачет, что вспоминает материно молоко. 74) Сестрёнка ей хлеб дала. То даст, другое даст, а ребёнок как плакал, так и плачет.

75) Когда её сестрёнка замолчала, 76) девочка опять побежала. 77) Бежит, бежит, бежит сама думает, 78) а её сестрёнка снова плакать начала. 79) Девочка поставила кузов, 80) вынула оттуда свою сестрёнку, 81) начала её кормить и поить, а сестрёнка её ничего не ест, как плакала, так и плачет – 82) ей надо молоко матери, лесной женщины.

83) Сестра рассердилась. Она свою сестрёнку посадила в кузов, а кузов поставила. Сама сказала: «Раз ты плачешь, меня не слушаешься, оставайся с кузовом! Баба-яга придёт, меня съест и тебя съест».

84) Побежала девочка. Бежала, бежала, жалко ей маленькую сестрёнку. Назад вернулась:

85) – Зачем я оставила маленькую сестрёнку? 86) Баба-яга придёт, пусть нас вместе съест.

87) Старшая прибежала, кузов схватила, а её сестрёнка застыла (обернулась) железной куклой.

88) Она сестрёнку туда-сюда качала, качала, а сестрёнка как железной куклой. застыла, так и застыла. 89) Что делать? Так и придётся тащить.

90) Старшая сестра кузов надела, сестрёнку понесла, клубочек опять бросила и за ним побежала. 91) Бежала, бежала, прибежала на берег речки. 92) А на той стороне речки стоит дом, около дома ходит старуха.

93) Девочка говорит: «Тётя, дай мне обласок, а то меня баба-яга съест»? 94) Старуха сказала: «Ты после (про меня) скажешь, какая косматая старуха».

95) – У тебя голова не косматая, гладенькая, как у ельца. 96) Ну, тётя, дай обласок, а то баба-яга сейчас меня съест.

97) – Ну, а ты после скажешь, какая старуха, груди сморщенные.

98) – Ну, тётя, у тебя груди не сморщенные, у тебя груди как у молоденькой девочки, только что начинаются. 99) Подай обласок!

100) – Ну, а ты после скажешь, какая старуха, тоненькие ножки!

101) – Ну, тётя, у тебя ноги не тоненькие, 102) у тебя ноги хорошенькие, как у зучка ножки.

103) – Ну, хорошее отца-матери дитя!

104) Бабушка откуда-то обласок выдернула, пихнула. Девочка села в обласок, через речку переехала.

105) Баба-яга прибежала: «Ну-ка, дева, что расхаживаешься? 106) Обласок дай!»

Старуха говорит: «После ты скажешь, какая старуха косматая».

– Голова у тебя поди не косматая. Обласок пихни!

– А после ты скажешь, какая старуха, груди сморщенные.

– Грудь у тебя поди-ка не сморщенные, обласок пихни!

Старуха ей сказала: «А после ты скажешь, какая старуха тонконогая».

– Ноги поди у тебя не тоненькие. Ну-ка, дева, у меня зверёк убежал, гоню я его, чтобы съесть. Чего ты меня с разговором донимаешь, пихни обласок. Скорей мне обласок давай!

Старуха из-за избы вытащила берестяной обласок; этот берестяной обласок она потом потыкала ножом и пихнула.

Баба-яга села в обласок, отправилась. Обласок водой наполнился; баба-яга утонула.

Ой две дочки, ой, две дочки!» – баба-яга кричала, и потонула.

Теперь дочка со старухой отправились домой.

Ей навстречу бежит собачка и говорит: «Тяв, тяв! Новая сноха идёт!»

Девочка собачке вдернула серёжки, одела собачке бусы.

Собачка обрадовалась: «Тяв, тяв! Новая сноха мне чего дала – серёжки, корольки!»

Собака образовалась.

У старухи есть сын; он охотиться ходит.

Старухин сын пришёл. Старуха сказала сыну; «Ну, сын, жениться надо. К нам хорошего человека дочка сама пришла. Её взять надо».

Сын жениться надумал, девочку взял замуж. Поженились они, жить стали.

Сын охотиться отправился, а сам оставил своей жене много шкурок зверей.

«Вот тебе пушнина, сшей мне шубу, – он ей сказал.

– Как у зверей уши, ноги, лапки и хвост есть, так и сшей». Сам на охоту отправился.

Лесная женщина думала: «Как сшить (шубу). Я выросла, никогда не шила такую шубу». Она плачет.

В избу к ней заходит женщина с русыми волосами (Это та собачка к ней зашла. Была собачка, теперь стала женщиной).

– А, ты зачем плачешь?

– Я потому плачу, что мой муж мне приказал ему шубу сшить. Как у зверька уши, лапки, ножки и хвостик есть, так и сшить. А я никогда не шила.

– Ну, не плачь!

Она успокоилась и дала ей те шкурки мелких зверьков. Та взяла эти шкурки звериные, настелила на пол и ей сказала: «Вши искать будем!» – «Ой, когда я буду вши искать, когда же я сошью шубу?»

– Ну, поищем!

Они стали вши искать. Искали, искали, искали. Сноха ей говорит: «Хватит искать».

– Ну, ещё поищем недолго».

– А сноха не хочет. Она потому не хочет, что думает, когда же сшить шубу.

Искали, искали, искали. Бросили искать.

Сноха встала, глядит: шуба сшилась, так же сшилась, как ей муж сказал.

Золовка сказала снохе: «Мой брат придёт с охоты и скажет: «А это моей сестры шитьё». А ты скажи ему. «Я твою сестру не знаю, никогда не видела твою сестру. До этого разве твоя сестра мне шила. Я сама сшила. Так и скажи».

Как золовка ей наказала, так она и мужу сказала.

Муж пришёл с охоты, у жены шуба сшита. Муж спросил у неё: «Что, сшила шубу?» – «Сшила».

– «Покажи».

Жена показала шубу. Муж сказал: «А это не твоё шитьё, а это шитьё моей сестры».

Жена сказала: «До этого, чего твоя сестра мне шила? Я твою сестру знать не знаю, а ты говоришь, что твоя сестра сшила».

Ну, и так она его обманула.

Своему мужу стала собирать на стол есть, мужа накормить. А сама другую чашку почерпнула. Она начерпала в отдельную чашку, поставила своей сестрёнке. А после почерпнула своему мужу.

Потом они спать легли. Утром встали; она мужа накормила.

Муж опять отправился на охоту, он опять оставил жене звериные шкурки, чтобы сшить шубу.

Он опять сказал: «Сшей такую же шубу».

Пришла к ней снова та же женщина, а она плачет.

– А почему ты плачешь?

– Твой брат мне оставил опять сшить шубу. Так же сшить, как сшита та шуба. Я же как сошью?

– Дай пушнину! Сноха ей дала пушнину.

Золовка взяла пушнину, на пол постелила, как ей нужно. Она опять сказала: «Поищем вшей». Та ответила: «А когда шуба сошьется?» Женщина ей ответила: «Помаленьку сошьется; поищем опять вшей!»

Они вшей искать стали. Искали, искали. Лесная женщина сказала: «Хватит искать». – «Ну, ещё маленько поищем».

Искали, искали – перестали искать.

Сноха встала, смотрит: шуба сшилась. Потрясла, наверх повесила.

Золовка опять ушла, сказав: «Мой брат придёт, ты моему брату так же скажи, как ты сказала про ту шубу».

Муж пришёл, разделся, у неё спросил: «Что, сшила шубу?» – «Сшила». – «Покажи мне шубу!»

Жена дала мужу шубу.

Муж смотрит шубу, говорит: «Опять моей сестры шитьё». – «Ты опять говоришь, что твоей сестры шитьё, а я твою сестру не знаю, никогда не видела твою сестру. До этого, чего твоя сестра мне шила? Я сама сшила!»

Так она и сказала мужу, как ей сказала золовка. Она опять стала собирать на стол пищу, чтобы накормить мужа. Опять начерпала чашку еды, чтобы младшую сестрёнку накормить. Она сначала начерпала своей сестрёнке. Когда она сначала накормит свою сестрёнку, то у неё тогда сердце не болит, а если после почерпнет покушать своей сестрёнке, то у неё на сердце не хорошо. А потому нехорошо, что если студеное кушанье ставит сестрёнке, то сестрёнка как будто не ест. А горячую пищу ей поставит, у ней на сердце хорошо. Вот почему она сначала накормит сестрёнку, а мужу еды начерпает после.

Когда она мужу после почерпнула пищу, он рассердился на неё, вскочил из-за стола, побежал, схватил кузов, вынес на улицу. Как ударит о толстый кедр, кузов лопнул. Как ударил о толстый кедр, у её сестрёнки, железная кожа лопнула. Она свистнула фю, фю, чинн, чинн и полетела.

Муж сказал жене: «У тебя чего в кузове, человек был или чёрт? Когда я приду, устану, я есть хочу. Меня накормить надо вперёд, а ты его кормишь!»

После этого она накормила мужа. Они опять переночевали. Утром встали; она своего мужа накормила.

Муж опять отправился на охоту. А жена плачет, плачет, ей жалко сестрёнку.

С большой тайги подул ветер, лесная женщина посмотрела: большой дом поставился. Женщина думает: «Какая изба там? Я схожу в дом, узнаю, что за дом».

Ну и пошла туда. Она идёт. Дворовая собачка лает. Её сестра на улицу вышла.

Муж (той сестры из кузова) у неё спросил: «Чего собака лает?» – «Чего собака лаять будет?» – «Это те люди идут, которые меня на улицу выбросили».

Старшая сестра зашла в избу, свою сестру узнала, сама плачет. Узнала, поцеловала, за шею схватилась, плачет. Сестра тоже плачет.

Старшая сестра сказала: «Ты здесь живешь?»

– Я живу в густой тайге.

Младшая сестра старшей сестре сказала: «А я потому сюда прилетела, что ты вечно плачешь. Теперь никогда не плачь. Я поэтому сюда прилетела, тебе показаться, чтобы ты не плакала никогда».

Ну, а потом они кушать стали. Хорошую пищу покушали, водку пили.

А потом младшая сестра старшей сестре рассказывать стала: «Когда баба-яга убила нашу мать, ты меня посадила в кузов и побежала со мной. А я у матери пососать захотела и заплакала сильно. А ты меня питьем и пищей кормила. Я немножко замолчала. Ты бежишь, бежишь, а я опять заплакала. Ты кузов сбросила, опять меня кормить стала. А я всё равно не слушаюсь и не слушаюсь. А ты меня в кузов обратно посадила и поставила. Сама побежала, а я железной куклой обернулась. Я подумала: баба-яга придёт, меня есть начнёт, а зуб её меня не возьмёт. Я поэтому железной куклой обернулась. А ты обратно вернулась, меня взяла.

Когда ты вышла замуж и твой муж приходит домой, ты мне вперёд почерпнешь поесть (еду), чтобы меня сначала накормить, а мужу почерпнешь после».

– А я тебе вот почему вперёд черпала поесть. Когда тебе горячую пищу почерпну, моему сердцу легче, как горячую пищу я поставлю, ты будто бы ешь. А мой мужик рассердился, как кузов подхватил и на улицу вынес, о большой кедр ударил.

– А у меня железная кожа лопнула, – я сюда прилетела, здесь вышла замуж.

– Ты улетела, а я тебя сильно жалела и каждый день плакала.

– А ты больше не плачь. Здесь я теперь живу хорошо, я вышла замуж за брата твоего мужа.

Ну, обе сестры хорошо поговорили. Сестрин муж сказал: «Ты принеси мешок, чтобы пушнины покласть». Пушнины наклали ей много, полный мешок.

Потом они друг дружку поцеловали. Старшая сестра отправилась; младшая сестра сказала: «Ты иди обратно, живи хорошо, обо мне не тоскуй никогда. Я живу хорошо».

Старшая сестра ушла, много пушнины унесла.

Она домой пришла. Муж её вернулся: «Ты дома была сегодня, а больше меня добыла зверьков, оказывается». Она мужу сказала: «Где я добыла пушнину? Это мне дала моя младшая сестра».

А муж ей говорит: «А ты чего у ней была?» – «Была». – «А, как ты была?» – «А так у меня получилось. Вышла на улицу, взглянула, с большой тайги такая непогода поднялась! Я как-то

разглядела, большой дом стоит на берегу, на берегу Чаи. Я думаю, что это за изба, надо пойти узнать. Ну, и пошла узнать. А там и нашла свою сестру. У ней я побыла и расспросила её: «Ну как ты сюда попала?». Она мне ответила: «Когда твой муж схватил кузов и его ударил о большой кедр, у меня железная кожа лопнула. Я потом пришла, за брата твоего мужа замуж вышла.

А она потому мне показалась, что я всё время плакала».

Муж жене говорит: «А почему же ты мне не сказала, я бы её не бросил».

«Теперь, – она сказала, – теперь живи, старшая сестра, и не тоскуй. Ты живешь хорошо и я живу хорошо».

Они с мужем жить-поживать стали, хорошую пищу кушали, водку выпивали. 266) Я была у них, тоже водку пила. По моим устам бежала, а в рот не попала.

Текст №22_БТ

Хозяйка огня

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Мы маленькие были. 2) Огонь горит. 3) Мать нам говорит: «В огонь не плюйте, Хозяйка огня на нас рассердится – наши вещи съест [сожжёт]». 4) Давно [это] было. 5) Люди жили в четырёх чумах. 6) Однажды все мужчины в тайгу ушли. 7) Женщины с детьми в чумах остались. 8) Они так три дня жили. 9) Одна женщина дрова принесла, сама с ребёнком к огню села. 10) Сыночка своего грудью кормит. 11) Искра отлетела, ребёнку на грудь упала, ребёнка обожгла. 12) Ребёнок заплакал. 13) Мать вскочила, огонь ругает: «Что ты делаешь? 14) Я тебя дровами кормлю, ты моего ребёнка обжёг. 15) Тебе дров не дам, я тебя изрублю, водой залью, я тебя погашу». 16) Она ребёнка в люльку кинула, огонь топором рубит. 17) Она водой залила огонь. 18) Огонь погас. 19) В чуме темно стало. 20) Похолодало. 21) Ребёнок от холода громко плачет. 22) Мать опомнилась, огонь разжигать начала. 23) Ни одной искорки даже не осталось. 24) Сынок её громко плачет. 25) Мать подумала: «Я сбегая в другой чум за огнём, огонь разожгу». 26) Она побежала в соседний чум. 27) Она дверь открыла, у них огонь начал гаснуть. 28) Она в чум вошла, огонь пропал. 29) Они огонь зажечь не могут. 30) Она в другой чум побежала за огнём. 31) Дверь открыла, огонь погас. 32) Она в третий чум побежала за огнём, дверь открыла, огонь погас. 33) Там впереди чум виднеется. 34) Она туда посмотрела, огонь горит. 35) В этом чуме живет мать её мужа. 36) Она туда побежала, дверь открыла. 37) Огонь рассердился, дым пошёл, погас [огонь]. 38) Эта старуха её ругать стала: «У тебя там что дома случилось? 39) Ты вошла, огонь погас. 40) Ты огонь ругала? 41) Ты огню что-то сделала? 42) Ты злая, глупая. 43) Ты – лягушка». 44) Эта женщина к себе старуху зовёт. 45) Они пришли. 46) Ребёнок плачет, сильно замёрз. 47) Старуха огонь разжигать начала. 48) У неё огонь не горит. 49) Старуха на колени встала, вниз заглянула. 50) Она видит, там старая женщина сидит. 51) У неё кожа огнём горит. 52) Хозяйка огня говорит: «Ты огонь не зажжёшь! 53) Твоя сноха меня рассердила. 54) Она мои глаза водой заливала. 55) Она моё лицо топором рубила. 56) Она зачем, глупая, это сделала?» 57) Старуха сильно рассердилась на сноху свою. 58) Долго просила старуха: «Нам огонь дай». 59) «Я тогда огонь вам дам, когда эта женщина сына своего мне отдаст. 60) Я из его сердца огонь сделаю [зажгу]. 61) Я из сердца вашего сыночка огонь сделаю [зажгу]. 62) Вы огонь любите, берегите». 63) Мальчика мать громко заплакала. 64) Старуха ей говорит: «Из-за тебя ни у кого нет огня. 65) Как мы жить будем? 66) Сына своего отдай». 67) Мать сына отдала. 68) Хозяйка огня сказала: «Вы – чумылькupy, по-чумылькупски живите! 69) Топором огонь не рубите! 70) Огонь берегите, любите! 71) Хозяюку огня [только] палочкой трогать». 72) Хозяйка огня к сучку на полене пальцем прикоснулась. 73) Огонь загорелся. 74) Хозяйка огня с мальчиком в огне пропала. 75) Старуха ей [снохе] сказала: «Ты сердцем сына своего огонь зажгла». 76) Мы, чумылькupy, так делаем. 77) Мы огонь железом не трогаем, не рубим. 78) Я в

доме живу, печка у меня есть. 80) Я семь поленьев нарублю, золу всю выгребу, крылом вымету. 81) Семь поленьев в печь положу, красный тряпочкой накрою, тогда зажгу. 82) Голову Хозяйки огня закрою, чтобы пожара не было. 83) Я так каждый год делаю.

Текст №23_БТ

[Бог сам знает...]

Рассказал: ?

Записал: Н.П. Григоровский

Место и время записи: [Чая]

- 1) Три человека хотят идти в тайгу, последние три человека, а люди ушли прежде. Они сегодня говорят друг другу, что идти надо. Теперь отправились в тайгу и ночевали на дороге. Пришли в вершину речки, на край болота, и ночевать надо, надобно стан копать, снег отгребать.
- 2) Теперь старик взял огниво, на трут высечь огня, а огонь к труту не пристаёт, и он говорит: руки совсем зябнут, тут не добудете ли вы, мне не до огня, руки совсем замерзли. А тогда был сильный мороз, а молодой человек носил дрова; другой помоложе старик взял огниво высекать, и у него нет огня, искра не пристаёт.
- 3) Молодой человек говорит старикам: я влезу на дерево; не увижу ли огня, сюда в вершину речки пришли много людей, пришли промыслять зверей. И влез на дерево, и недалеко увидел горящий огонь, нашел огонь.
- 4) Он сказал: близко огонь горит, ты, старик, иди. А сам показал ему рукою. Вот, старик и пошел, надевши лыжи, пришел к тому огню, пришел в стан к одному человеку, одинокий человек стоит у огня.
- 5) И начал говорить: здравствуй, брат, и ему сказал: здравствуй. Дай мне огня! Он сказал: не без огнива ли пришел? А ему сказал: трут отсырел и не загорается. А тот человек сказал: я дам тебе огня, а ты узнай, когда будет тепло? А ему сказал: завтра будет мороз, облаков нет.
- 6) Он говорит: как ты узнал, что завтра будет мороз, я сам Бог, а теперь в одну минуту, может, сделаю пасмурно, и в один час опять выяснит, я и сам не могу узнать, я не знаю, что делать. Тогда тот человек ударил старика тонким прутком, и он сделался коровою.
- 7) Там они ждут. Молодой человек говорит: дошедши до огня, сел и греется у огня. Другому молодой сказал: иди ты, старик, смотри, опять приходи скоро, я уже замерз. Старик пошел, старик подошел, увидел тут только корову, а товарища нет, а тот одинокий человек у стана стоит.
- 8) Пришедший и говорит: дай мне огня! А он сказал (человек от стана): ты узнай, что будет завтра, тепло или мороз будет? А он сказал: завтра будет морозно, облаков нет. А он сказал: как ты знаешь? Я сам Бог, а не знаю. Тот человек, старика, он ударил тонким прутком, и он сделался коровою.
- 9) Сидевший на дереве ждет, и мерзнет, сколько мерз, спустился и, надевши лыжи, сам пошел. И подошел к стану и увидел двух коров, а товарищей нет, а только станный человек одинокий стоит.
- 10) И спросил того станного человека: дай мне огня? А он сказал: узнай, что будет завтра, облачно или морозно? А он сказал: Бог сам знает, а я не знаю. Он опять сказал: как не знаешь? А он, пришедший человек, сказал: Бог Сам знает, а я не знаю, я не Бог.
- 11) А он сказал: я даю огня, и начал совать ему в пазуху, и пазуху наполнил, рукавицу дай сюда, и стал сыпать ему в рукавицу. Теперь иди назад в стан, сказал, огонь уж будет гореть. Уведи этих коров. А он сказал: как кормить стану? А тот станный человек сказал: ты только уведи, а они станут кормиться верхушками дерев, ты работай на них, только не бей тонким прутком.
- 12) Идет в стан и видит, в стану огонь горит, и подумал: однако два старика пришли. Подошел, и стариков нет, а только горит огонь. Придя в стан, посмотрел в рукавицу и увидел деньги, и за пазуху посмотрел, и за пазухою нашел деньги. И пошел к нарте и деньги кладет в мешок, и сварил ужин, и, поевши, уснул.
- 13) Утром рассветало, стал промыслять тут и потом пошел домой. А двух коров привязал к нарте, и коровы тащили ее. Приходит домой и привел коров. Жены товарищей не спросят, куда девал моего мужа, и в уме нет. На коровах он возил дрова, возил сено и живет целый год.

14) Везет на коровах толстое бревно недалеко от дома, сажень в десяти. Подошли к тому месту, и зауросили обе коровы, он берет прут и бьет тех двух коров, и они делаются людьми. Они говорят: Бог сделал нас коровами; ты работал на нас, и дрова мы возили и возили сено. Теперь Бог сделал нас людьми, простил в том грехе, теперь надобно разделить Богом данные деньги.

15) Потом разделили деньги на трое и тут пошли по своим домам, приходят домой и находят жен, и жена сказала: где ты пропадал год? А он сказал: я пошел в лес, когда мы пришли на то место, Бог сделал нас коровами, а теперь опять сделал людьми.

Волшебные сказки

Текст №24_БТ

Брат и сестра

Рассказал: Макшина Н.С. (1912 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1984

- 1) В давние времена жили брат с сестрой. 2) Родители их умерли. 3) Они сами вдвоем [жили], выросли оба. 4) Сестра дома еду готовит, брат в тайге охотится. 5) Однажды брат в тайгу пошёл. 6) Сестре своей сказал: «Если белка придет – накорми, бурундук придет – накорми, журавль придет – накорми, кто бы ни пришел – всех накорми». 7) Брат ушёл в тайгу, сестра шила шубу из звериных шкур. 8) В дом вошла медведица (букв. большой зверь), поклонилась. 9) Девушка испугалась, схватила горячую золу, в глаза ей [медведице] бросила. 10) Медведица схватилась лапами за морду, завывала, выбежала на улицу, побежала в лес по лыжне туда, куда брат [девушки] ушёл. 11) Сестра ждёт брата, сегодня ждёт, завтра ждёт. 12) Сестра пошла [брата] встречать, пришла на болото. 13) Ничего не видно. 14) Видит: снег кружится. 15) Она думает: «Там брат мой, брат на меня сердится». 16) Смотрит: нет брата, снега нет. 17) [Она] постояла, постояла, назад повернула. 18) Ночь прошла, брата нет. 19) Сестра одна живёт. 20) Лыжи свои надевает, [собирается] брата искать. 21) Думает: «Пусть брат сердится, я пойду встречать [его]». 22) Добралась до того болота, брата там нет, лыжни нет. 23) По этой дорожке медведь прошёл. 24) Сестра по медвежьему следу отправилась, весь лес обошла, нарта его стоит, а брата её нигде нет. 25) Думает: «Медведь брата встретил. Куда идти? Где искать?». 26) Вечером собрала свою котомку, утром вышла из дома. 27) Бросила лыжу по направлению к верховью реки, лыжа перевернулась. 28) [Она] думает: «Туда я не пойду». 29) Бросила лыжу по направлению к низовью реки, лыжа туда вниз покатила. 30) [Она] думает: «Туда надо идти». 31) [Она] надела легкие, подбитые соболиным мехом, лыжи, и в путь отправилась. 32) Наступила ночь. 33) Она хотела разжечь костер, сломала березовый пень, а оттуда выскочила лягушка. 34) [Лягушка] закричала: «Ты сломала мой дом». 35) Девушка говорит: «Я сломала, я почию». 36) Лягушка говорит: «Давай вместе будем ночевать, сёстрами станем. Я еду приготовлю». 37) Лягушка гнилушки положила в котёл. 38) Девушка говорит: «Гнилушки есть не будем, у меня есть мясо». 39) Лягушка говорит: «Давай мясо поедим». 40) [Они] едят, спят, лягушка говорит: «Давай поменяемся лыжами и шубами». 41) Они поменялись, девушка надела эти лыжи-голицы, на гору собралась подняться, лыжи назад скользят. 42) Лягушка так обрадовалась: «У меня лыжи хорошие, сами идут вниз и вверх». 43) Девушка говорит: «Я на твоих лыжах в гору подняться не могу, они назад катятся, все руки даже исцарапала». 44) [Они] опять поменялись, лягушка надела свою плохую порванную шубу, а девушка свою соболиную шубу надела. 45) Лягушка говорит: «Ты хорошая девушка». 46) [Они] еду сварили, поели, отправились в путь. 47) Обе услышали: кто-то лес рубит, увидели: большой город строят.

48) Лягушка говорит: «Здесь нас парни [женихи] встретят. Мой парень с золотым поясом, а твой парень с кожаным». 49) Девушка говорит: «Какой такой жених, мы город [этот] не знаем». 50) Обе девушки идут к реке, встречаются с двумя парнями. 51) У одного парня золотой пояс, он к лягушке подошёл, поклонился, положил руку ей на плечо, лягушка превратилась в красивую девушку. 52) Другой парень подошёл к девушке [к той, которая брата ищет], поклонился ей, сам красивый, такой красивый. 53) Парень взял её за руку, они поднялись на гору. 54) Навстречу им люди идут, много людей. 55) Утром свадьбу сыграли, долго пили, ели, пели, плясали. 56) Жена говорит: «Поедем домой!» 57) На лодке [они] отправились по реке, едут – едут, смотрят: в воде стружки плывут, видят: на верхушке кедра два медвежонка сидят и шишки делят. 58) Большой медвежонок [говорит]: «Я свои шишки тёте отдам». 59) Маленький медвежонок говорит: «Я свои шишки дяде отдам». 60) Эти медвежата с кедра спустились, о землю ударились, в детей превратились, закричали: «Возьмите нас в лодку». 61) Посадили их в лодку. 62) Старший мальчик говорит: «Мама моя в медведя превратилась. Мама сильно ругается. Вы поезжайте, не бойтесь, поклонитесь. Отец не сердится, он вас встретит». 63) [Они] смотрят: на берегу дом стоит, брат её около дома стоит, всех в дом зовет. 64) Медведица [в дом] вошла. 65) Эта девушка взяла шёлковую материю, поклонилась [медведице], шёлковую материю [ей] отдала, [сказала]: «Прости меня». 66) Медведица на улицу вышла, женщиной обернулась, медвежьей шкуру сбросила, красивой девушкой стала. 67) Женщины друг друга поцеловали, обнялись. 68) Она [сестра] смотрит: у этой женщины щека обожженная. 69) [Сестра говорит]: «Я испугалась, если бы я знала, я бы золу не бросила». 70) В тайге так говорят: «Кто придет [к тебе] – всех накорми». 71) Потом они водку пьют, поют, пляшут, лосиное мясо едят, долго пируют.

Текст №25_БТ

Как рябчик человеком стал

Рассказал: Сычина Е.В.

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: р. Обь (Иванкино), 1980

1) Старик со старухой жил. 2) У них детей не было. 3) Они жили, скот держали, кормили. 4) Старик в лес ходил. 5) Однажды идет, видит – рябчик сидит. 6) Он хотел из ружья выстрелить. 7) Этот рябчик человеческим голосом говорит: «Не стреляй в меня! 8) Я тебе сыном буду. 9) Унеси меня домой!». 10) Старик взял рябчика и вернулся домой. 11) Назад домой пришел, своей жене говорит: «Я сына принес». 12) Эта старуха говорит: «Какой это сын, это рябчик». 13) Держали его несколько лет. 14) Этот рябчик говорит своему отцу, матери: «Жените меня!» 15) Старик со старухой говорят: «Ты рябчик, кто пойдет к тебе жить?» 16) А рябчик человеческим голосом говорит: «Съезди в другую деревню, там живет царь. 17) У него три дочери». 18) Старик коня запряг, в сани сел, уехал. 19) В другую деревню приехал, коня привязал, в дом вошел, поздоровался. 20) Этот царь спрашивает: «Зачем к нам приехал?» 21) – «Я потому приехал, что мой сын хочет жениться. 22) Хочет взять вашу дочь». 23) Этот царь не хотел разговаривать, его всего топором изрубил, в сани положил, коня отпустил. 24) Конь домой пришел, во двор туда зашел. 25) Старуха на улицу вышла, туда пошла, а там видит – её муж изрубленный лежит на санях. 26) Она домой зашла, плачет, своему сыну сказала: «Что ты наделал? 27) Отца изрубили». 28) Он говорит своей матери: «Положи золу в корыто!» 29) На золу положи куски мяса!». 30) Этот сын мясо потоптал ногами, отец поднялся, опять человеком стал. 31) Сын спрашивает отца: «Что царь не дает свою дочь?» 32) Отец говорит: «Разговаривать не хочет». 33) На второй день он говорит отцу: «Поезжай туда вторую дочь взять». 34) Он лошадь запряг и туда поехал в другую деревню. 35) Он лошадь привязал и в дом вошел, поздоровался. 36) Этот царь спрашивает: «Зачем к нам приехал?» 37) Он говорит: «Снова приехал, мой сын хочет жениться. 38) Мой сын – рябчик». 39) Этот царь ничего не

сказал, на улице всего изрубил, его в сани положил, лошадь отпустил. 40) Лошадь пришла домой и во двор зашла. 41) Старуха на улицу вышла во двор, туда пошла, видит – её муж изрубленный лежит. 42) Она снова, плача, в дом вошла, сыну говорит: «Отца снова всего изрубили». 43) Сын говорит: «Не плачь! 44) Снова золу в корыто положи, на золу куски мяса положи!» 45) Рябчик опять ногами потоптал [куски мяса]. 46) Отец встал. 47) Сын спрашивает: «Что говорит царь?» 48) – «Не дает дочь» говорит: «Кто с ним будет жить, твой сын – рябчик». 49) Поэтому меня зарубил». 50) На третий день сын говорит: «Лошадь запрягай и поезжай туда, третью дочь он отдаст». 51) Старик запряг лошадь, поехал туда. 52) Опять приехал, в дом вошел, поздоровался. 53) Этот царь снова спросил: «Зачем приехал?» 54) – «Я приехал сюда третью дочь взять своему сыну в жены». 55) Ну этот царь говорит своей дочери: «Хочешь идти замуж – иди. 56) Не хочешь – дома сиди». 57) Эта дочьodelась, со стариком поехала туда жить. 58) Туда приехали, мать с сыном встретили [их]. 59) В дом привели эту девушку. 60) Она разделась. 61) Старуха на стол собрала. 62) [Они] ели, пили. 63) Начали жить, они хорошо жили, он свою жену любил. 64) Ну сколько прожили, старик со старухой умерли. 65) Они вдвоем жить начали. 66) Они спать легли, а рябчик свою кожу снял, стал человеком. 67) А жене отдал кожу, сказал ей: «Эту кожу никуда не देвай, если куда денешь, меня не увидишь». 68) Утром встали, поели. 69) Муж в лес с ружьем пошел белковать. 70) Сколько он жил, он белковал, а жена дома была, скот кормила. 71) Сестры к ней приходили, смотрят: она хорошо живет. 72) Когда сестры домой пошли, друг другу говорили: «Наша сестра хорошо живет. 73) Давай мы с тобой что-нибудь сделаем! 74) Они не будут жить». 75) Они говорили: «У неё муж был рябчик, стал человеком». 76) Когда муж домой пришел с охоты, [они] поели, спать легли. 77) Жена утром сварила, мужа разбудила, он встал, поел и в лес пошел. 78) Когда жена ушла к скотине, у неё [в доме] большая печь топилась. 79) Сестры ее в дом вошли, их сестры дома не было. 80) Сестры кожу рябчика искали. 81) На кровати нашли и в большую печь бросили. 82) Сестры домой ушли. 83) Эта женщина в дом вошла, никого не было дома. 84) Печь топилась, она варила. 85) Мужа дожидалась. 86) Муж домой не пришел. 87) Она плакала. 88) На улице села на крыльцо, плачет. 89) Шла какая-то старуха, её спросила: «Почему плачешь?» 90) Она говорит этой старухе: «Мой муж куда-то делся». 91) – «Твои сестры кожу мужа сожгли, поэтому он ушел, сюда не придет». 92) Клубок ниток ей дала, говорит: «На дорогу положи! 93) Кудаклубок покатится, ты туда иди, нитку за конец держи. 94) Куда нитка придет, там будет маленький дом. 95) Там живет его сестра. 96) Он у сестры живет». 97) Эта женщина клубок ниток на дорогу бросила, конец нитки держит, куда клубок покатится, туда она идет. 98) Подошла к маленькому дому, она туда в дом вошла, видит: женщина сидит. 99) Она поздоровалась. 100) Эта женщина спросила: «Куда идешь?» 101) Она говорит: «Мужа ищу. 102) Мой муж рябчик был, потом человеком стал». 103) Эта женщина говорит: «Это мой брат, он в лес ушел, скоро придет. 104) Я тебя куда дену?» 105) Её покормила и ей сказала: «Вон большое зеркало висит, туда садись». 106) Ей сказала: «Когда твой муж придет, поест, спать ляжет». 107) «Уснет, ты вниз спустишься, за палец его схватишь – крепко держи, не отпускай». 108) Не отпустишь – [муж] твой будет». 109) Когда он пришел, сказал: «Русский дух». 110) Сестра говорит: «На улице был, там нанюхался». 111) Брат, ее поел, лег спать, крепко спит. 112) Жена оттуда пришла из-за зеркала, к мужу подошла, за палец его схватила, очень крепко держала. 113) Муж проснулся, вскочил, руку выдернул и на улицу убежал. 114) Жена осталась. 115) Его сестра сказала: «Он завтра снова придет, так сиди». 116) Придет, поест и спать ляжет». 117) На второй день [он] снова пришел, жена там сидела за зеркалом. 118) Муж пришел домой и говорит: «Русский дух». 119) Его сестра говорит: «На улице нанюхался этого духа». 120) Пришел, поел и лег, [он] крепко спал. 121) Не слышал, как жена подошла, его за палец крепко схватила. 122) Но у неё силы не хватило мужа удержать. 123) Он убежал на улицу, ушел. 124) Его сестра сказала: «На третий день не удержишь – без мужа останешься». 125) На третий день, сколько сил было, она держала мужа, удержала. 126) Снова начали жить, хорошо жить.

Рассказал: Макшина Н.С.

Записал: Морев Ю.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1971

1) Живут-поживают крестьяне, муж с женой (старик со старухой). 2) Сына у них нет, никого у них нет. 3) Однажды старик говорит: «Я на базар пойду». 4) Старуха говорит: «С чем пойдешь? У тебя денег даже нет». 5) [Старик говорит]: «А у меня три копейки денег есть». 6) Старик пошел, идет-идет, теперь солдата встретил. 7) Солдат окликнул [его]: «Старик, старик, быка купи!» 8) Старик говорит: «На что куплю, денег даже нет, у меня три копейки денег». 9) [Солдат отвечает]: «А-а, за три копейки отдам». 10) Старик быка домой привел, так радуется. 11) Старуха во двор загнала [быка]. 12) Сколько живут-живут, старуха быка кормит-кормит. 13) Однажды из бычьего рта голос вышел [бык заговорил]: «Пусть старичок поедет [за меня] царскую дочь сватать, самую старшую дочь». 14) Где слыхано, чтобы за быка человек замуж выходил. 15) Говорит [бык]: «Поезжай, если она не пойдет [за меня замуж], я его город со всем вместе в море рогами забодаю [столкну]». 16) Бык говорит [так]. 17) Ну старик, голову свою повесив, коня запряг, туда отправился. 18) Туда приехал, в царский дом идет, говорит. 19) А солдаты туда-сюда толкают этого старика. 20) А царь крикнул: «Не толкайте, я этого старика знаю». 21) В дом вошел [старик], на порог сел, сидит – сидит. 22) Царь спросил: «Ты зачем, старик, приехал?». 23) – «Зачем я приехал? У меня есть бык-сын, я приехал твою самую старшую дочь [за него] сватать». 24) Царь говорит: «Кто за быка пойдет [замуж]?». 25) Ну, старшую дочь свою привел [царь] в комнату, спрашивает: «Этот крестьянин-старик приехал [тебя] за быка-сына своего сватать, пойдешь или нет». 26) Дочь его засмеялась: «А за быка кто замуж выходит?» 27) Старика наружу вывели, на улицу вытолкали, потом голову его отрубили, в короб бросили, и с лошадей домой отправили. 28) Конь приходит домой. 29) Старушка выглянула, говорит: «Старика почему не видно, голову его не видно?». 30) Старушка присмотрелась, а голова старика отдельно лежит. 31) Плачет – плачет, говорит: «Ты жениться хочешь, а старику голову отрубили». 32) Бык на улицу вышел, туда полизал, сюда полизал, старик, голову свою почесывая, встал. 33) Говорит: «Опять долго я спал». 34) А старуха говорит: «Хорошо же ты спал, долго, и голову тебе отрубили». 35) Дальше опять сколько живут-живут, бык снова говорит: «Пусть старик едет к царю среднюю дочь сватать». 36) Старик сколько дома был-побыл, опять коня своего запряг, конь Сивка у него был. 37) Сивку опять запряг, туда поехал, опять к царскому дому прибыл в деревню. 38) Солдаты туда [его] толкают, сюда толкают: «Зачем ты приехал сюда?». 39) Царь, выйдя наружу [на улицу], крикнул: «В дом пропустите, этот старик – мой знакомый». 40) [Старик] в дом вошел, сел у порога. 41) Сидит-сидит, царь говорит: «Зачем сюда крестьянин-старик опять приехал?». 42) [Старик отвечает]: «Я приехал твою среднюю дочь сватать за моего сына». 43) В комнату привел царь свою дочь, спрашивает: «А ты за быка пойдешь?». 44) А она говорит: «Кто за быка [замуж] выходит?». 45) На улицу старика вывели. 46) Опять старик заставил своих солдат старику голову отрубить. 47) Эти солдаты царские старику голову отрубили, в короб бросили, и коня обратно отправили. 48) Идет конь, назад приходит. 49) Старуха опять на улице ждет. 50) Старик приезжает, старик опять сбоку лежит. 51) Опять старуха плачет-плачет, говорит: «Ты жениться хочешь, [а] старику опять голову отрубили». 52) Вот бык наружу выходит, и то сюда [тут], полижет, то туда [там] полижет [тело старика]. 53) Старик встал, голову почесывая и говорит: «Долго я спал». 54) А старуха говорит: «Хорошо ты спал, долго, голову тебе опять отрубили». 55) Сколько опять живут – живут, опять из пасти быка голос вышел [бык снова заговорил]: «Этот старик, пусть едет последнюю дочь царя сватать. 56) Если он эту последнюю дочь не отдаст, я его город со всем вместе в море забодаю [рогами столкну]. 57) Ну старик опять и поехал, опять приходит в царский дом. 58) Опять солдаты [его] туда толкают, сюда толкают, [говорят]: «Куда ты идешь?» 59) Опять царь наружу выйдя, крикнул: «Пустите, это мой знакомый крестьянин». 60) Опять в дом вошел, у порога сел старичок. 61) Царь говорит: «Что крестьянин-старик пришел?». 62) – «Последнюю дочь твою сватать приехал за моего сына-быка. 63) Если не отдашь последнюю дочь, то бык сказал: «Я его город со всеми

вместе в море забодаю [столкну]». 64) Дочь свою привел [царь] в комнату, говорит: «За сына-быка этого старика пойдешь?». 65) А она так говорит: «За человека отдашь – пойду, и за быка отдашь – пойду». 66) Говорит царь: «За одну ночь пусть церковь будет построена, чтобы венчаться, и квартира пусть будет построена, пусть за одну ночь [сын-бык] все сделает». 67) Домой приходит старичок, плача, говорит: «За одну ночь царь, говорит, надо церковь построить и большую квартиру [дворец] построить». 68) А бык говорит: «Не горюйте, ложитесь спать оба». 69) Ну однажды спят старик со старухой. 70) Вдруг старушка проснулась, встала и говорит: «Почему светло?». 71) За одну ночь бык дом построил, такой дом золотой – все сделано: квартира и церковь. 72) Сколько дальше живут – живут, за невестой туда ехать собрались. 73) Бык говорит: «Отец, мать, вперед поезжайте, а я вслед за вами приеду». 74) Он бычью шкуру снял, и на кровать положил. 75) В такую карету сел, конь у него золотой, и карета золотая. 76) Так к дому царя приезжает этот жених. 77) Две сестры увидели, [говорят]: «Почему мы за такого жениха не пошли? Такой красивый жених! Сестра наша пошла». 78) На свадьбе гуляют, сколько гуляли, гуляли, назад опять приехали к старику со старухой после венчания. 79) Сколько живут [молодые], две сестры приехали. 80) Приехали, сестра их что на стол ни поставит, не хотят есть. 81) Говорит [одна из сестер]: «У тебя, сестра, поди, холодец есть?». 82) – «Есть». 83) Она вышла за этим холодцом. 84) Они [сестры] бычью шкуру вытащили, в огонь бросили. 85) В огонь бросили, сестра их входит, они обе на улицу выходят, эти две сестры, смеясь. 86) А она говорит: «Почему вы уходите?» 87) [Они отвечают]: «А мы почему-то не хотим есть». И ушли обе. 88) Муж ее пришел взбешенный, этот бык и говорит: «Ты меня только и видела, больше не увидишь. Толк у тебя будет, так увидишь, а не будет у тебя толку, меня не увидишь». 89) [Муж ее] улетел как черт. 90) Сколько горевала – горевала, что делать? 91) Однажды в кузницу пошла, посох железный выковала, перчатки железные выковала, потом в путь отправилась. 92) Сколько ходит – ходит, долго ли, коротко ли ходит, однажды [видит] избушка стоит. 93) Избушка стоит, а собака лает: «Вав-вав-вав. Человек или черт идет?». 94) [В избушке старуха говорит]: «Какой человек или черт идет? Это идет тот черт, который моего брата съел». 95) Эта женщина к дому подошла, на порог поднялась, вошла, села. 96) [Она] старуху спросила: «Меня ночеватьпустишь?». 97) – «Ну, ночуй, а мой брат ночью придет, взбешенный, тебя узнает». 98) Старуха в руках повертела, [женщину] в иголку превратила, в игольницу воткнула. 99) Ночью приходит этот брат, говорит: «Уф-уф-уф, каким-то русским духом пахнет». 100) Она [его сестра] говорит: «Ты везде летал, русского духа нанюхался, а говоришь, [что] русским духом пахнет». 101) Ну, ночевали, он утром опять улетел, как черт. 102) [Старуха] женщину вытащила и снова человеком сделала, опять [она] в путь отправилась. 103) Опять идет-идет, сколько шла, опять избушка [стоит]. 104) К избушке подходит, и собака лает: «Вав-вав-вав, человек или черт идет?». 105) – «Какой человек или черт идет, это тот черт идет, который моего брата съел». 106) Опять к дому подошла, вошла в дом, села у порога. 107) У порога села, сидит. 108) Спрашивает [хозяйка]: «Ты куда идешь?». 109) – «Мужа искать иду я. Ты не знаешь ли что-нибудь?». 110) – «Ничего я не знаю. Может моя последняя сестра что-нибудь знает [или] не знает, а я ничего не знаю». 111) Переночевали, и она отправилась к последней сестре. 112) Сколько идет – идет – идет, к вечеру опять к избушке подходит. 113) Собака опять лает: «Вав-вав-вав, человек или черт идет?». 114) Женщина [хозяйка] из избушки выскочила и [говорит]: «Какой человек или черт идет, это тот черт идет, который моего брата съел». 115) К дому опять пришла, вошла в дом. 116) Женщина заходит в дом, у порога села, спрашивает: «Не знаешь ли ты что-нибудь? Я мужа иду искать». 117) – «Ну толк будет, - найдешь, толка не будет – не найдешь». 118) Говорит [хозяйка]: «Давай семь коровьих шкур свяжем!». 119) Семь коровьих шкур связали, за печку спрятали. 120) Говорит [хозяйка]: «Как [он] в дом зайдет в полночь, надо [его] схватить». 121) В полночь, муж ее, вернувшись, в дом вошел. 122) Его схватили [женщины] коровьими шкурами повязали-повязали. 123) Он умный, поднатужился изо всех сил, все ремни порвал, человеком из шкур на пол упал. 124) Человеком упал. 125) Сколько ночевали, один раз или два раза, сестра младшая говорит: «Вы идите, и мы отдыхать будем». 126) Ну они отправились вдвоем. 127) Сколько идут-идут, туда к этому дубу подошли. 128) К дубу подошли, муж ее говорит: «Вниз погляди». 129) [Она] вниз глянула, совсем низко, а она так долго шла. 130) Теперь оттуда вниз спустились, шли-шли, к средней сестре пришли ночевать. 131) Опять ночуют, там ночевали

один раз, два ли раза ночевали, опять назад [домой] идти надо. 132) Опять назад [домой] отправились. 133) Идут-идут сколько, к этой самой последней сестре его пришли. 134) Здесь ночевали, один раз или два раза, опять отправились обратно к старику со старухой. 135) Приходят к старику со старухой, в дом зашли и старухе говорит [он]: «Я – твой сын пришел». 136) Старуха говорит: «Ну-у, мой сын, когда еще давно ушел, какой ты мой сын, о моем сыне даже неизвестно ничего, он давно ушел». 137) А он говорит: «Нет, твой сын». 138) Давай у порога сядь, из груди молоко выдави, если мне в рот попадет, то значит я твой сын». 139) Ну молоко [она] выдавила, и ему в рот попало. 140) – «Ну-у, сын». 141) Сколько живут-поживают, и сейчас еще живут, лучше прежнего.

Текст №27_БТ

Сказка про голову без туловища

Рассказал: Пидогина М.П. (1886 г.р.)

Записал: Дульзон А.П., Кузьмина А.И.

Место и время записи: р.Обь (Сондорово), 1961

1) Жили-были муж с женой. 2) Муж охотиться уходит. 3) Жене говорит: «Ты наряди кудели, нитки надо прасть, сеть вязать».

4) Ну, жена прядёт, прядёт. Нитки нарядяла, один клубок только.

5) Муж спросил: «Нарядяла нитки?»

«Нарядяла». – «Где нитки? Дай! Вязать буду!»

6) Жена принесла один клубок. С этой стороны покажет (из-за спины, руки держит за спиной) – вот клубок! С другой стороны покажет – вот клубок! Один и тот же клубок.

7) А сама говорит мужу: «Вот один клубок, а вот другой клубок!» 8) Муж вязать начал. Вязал, вязал, клубок опростал.

«Где другой клубок?» 9) А жена мужу сказала: «А я одни клубок нарядяла».

10) Муж рассердился, на жену. Жену бить начал за то, что не нарядяла нитки. 11) Бил, бил жену, на улицу вытолкнул.

12) Жена плачет. За избу ушла. Сколько шла, шла дорожка: человечьи кости и собачьи кости.

13) По этой дороге пошла и пошла. Глядит: большой дом стоит. 14) Думает: «Какой же дом там. Пойду я посмотрю». 15) Ну и пошла. Зашла в избу, а в избе никого нет. Что делать? – Сама не знает. Вышла на улицу, слушает. Где-то человек разговаривает. Так сильно разговаривает один, как будто много людей разговаривают.

16) Смотрит женщина – много лошадей идёт с сеном на дровнях. 17) За возом катится голова, не человек, а человечья голова. Кричит на лошадей, а кони идут сами.

18) Лошади сами пришли ко двору. Голова говорит: «Ворота, открывайтесь и во дворе, ворота, отпирайтесь!»

Ворота во дворе открылись.

Кони зашли.

– Вилы! Отмётывайте сено!

Вилы сено отмётывать стали.

Голова сказала: «Верёвки, отвязывайтесь сами!» Одни воз сена отметался (отметали).

19) Голова сказала: «Лошадь, иди на своё место, распрягайся! Дуги, сами распрягайтесь, хомуты, дуги, сами скидывайтесь! Идите на своё место. Распрягайтесь; кони, идите в свой двор. Идите на своё место». Голова приказала и тем (другим) возам: «Так же отмётывайтесь сами, как первый воз! И все лошади идите в свой двор».

20) Ну, и лошади все так в свой двор вошли. И с сеном воза все отметались и все на свои места разошлись.

Голова говорит: «Вилы! Надавайте лошадям сено!»

Вилы лошадям надавали сено.

21) Голова говорит: «Ворота во дворах, закрывайтесь!» Ворота во дворах закрылись.

22) Голова в избу катится: «Дверь, открывайся!» Дверь открылась. Голова прикатилась и зашла. «Дверь, закрывайся!» 23) Голова на стул прикатилась, говорит: «Хлеб-соль (напитки и пища), на стол собирайтесь!»

24) Напитки и пища на стол собрались. Голова ела, ела. Наелась. Думает: «Что делать? Куда лечь? На полати лечь? – Упаду, зашибусь. На печку лечь? – Катиться буду. Ступа, деревянная ступа, зайди в избу!»

Деревянная ступа зашла. Голова в деревянную ступу залезла, улеглась спать в деревянную ступу и захрапела.

26) Женщина думает: «Чего делать?» А она видела на улице, где была ступа, там и пест.

27) Женщина на улицу вышла, занесла пест. Голову пестом начала толочь.

28) Голова кричит: «Ой, ой, ой! Затылок, головушка! Ой, ой, ой, головушка!»

29) Вот так женщина голову добила.

Женщина одна жить стала. Как голова говорила: «Ворота двора, открывайтесь!» Ворота не открываются.

31) Женщина рассердилась, сама открыла ворота, зашла во двор: 32) «Вилы, надавайте сено!»

33) А вилы не слушаются женщины,

Женщина взяла вилы, сама сено надавала.

Ее никто не слушается, вилы не слушаются и ворота не слушаются.

34) Женщина одна стала жить.

Теперь сама стала всё делать. Думает: «Как жить одной?» Ну, живёт, пока у неё сено есть. 35) «А дальше я как буду жить? Как сено привозить буду одна?»

36) Женщина сколько-то пожила, пожила.

Муж её охотиться ходил. Сколько он охотился, к этому дому прикатил (на лыжах). В избу зашёл, жену свою увидел:

– А, ты чего, здесь живёшь?

– Здесь живу.

38) – О, жена, жена! Сколько у тебя скота?! Много, много коней. Возьми меня к себе. Жить будем вместе.

– А, теперь так вместе жить! А как до этого ты меня бил! А теперь ко мне пришёл проситься. Опять драться будешь?

39) – Нет, теперь драться не буду.

– Ну, если драться не будешь, жить будем вместе.

– Только не сердись.

40) Ну, и на этом сказка кончилась.

41) Они лосяное мясо сварили. Я там была, мясо ела. Ты тоже с мужиком там была, тоже ели вдвоём, так же, как сейчас сидите.

42) Сказка кончилась.

Текст №28_БТ

Пора [Семь братьев и сестра-вихрь]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Раньше мы зайца варили, ели. 2) Родители нам заячьи головы положат. 3) Мы будем есть заячьи головы. 4) Родители заставят нас сказку слушать.

5) Муж с женой жили в верховье большой реки [р. Васюган], на высоком берегу. 6) У них было семь сыновей. 7) Они все охотились. 8) Семь сыновей, восьмая дочь была. 9) Эта дочка их маленькая была, не росла. 10) Она всё делала. 11) Братьям одежду шьет. 12) Дома, что есть, всё делает. 13) Дедушка её, бабушка её живы. 14) Отец с матерью на охоту ходили. 15) Семь сыновей охотятся. 16) У них дочка была Пора. 17) Пора как вихрь взлетает. 18) Никто её не увидит. 19) [Она] одежду домой приносит, всех своих братьев одевает. 20) Дед и бабушка умерли оба, а им [всей семье] уходить надо. 21) Они все пошли. 22) Долго шли или не долго шли. 23) На одном высоком берегу остановились. 24) Здесь сыновья дом построили. 25) Жили-поживали, однажды один сын их потерялся. 26) Они искали – искали, не нашли. 27) Второй сын у них пропал, не нашли. 28) Все сыновья потерялись. 29) Муж с женой [родители] остались, и Пора осталась. 30) Отец с матерью ей говорят: «Ты никуда не ходи!» 31) У филина глаза большие, клюв кривой. 32) Филин прилетает, садится на пенёк, Пору зовет: «Я тебя унесу». 33) Отец с матерью придут. 34) Дочь им рассказывает: «Мама, ко мне филин прилетал, меня звал: «Я тебя унесу». 35) Они говорят: «К окну не подходи, дверь не открывай!». 36) Отец с матерью на охоту ушли. 37) Филин опять на пенёк сел. 38) Девочка к окну подошла. 39) Филин её схватил и унёс. 40) Филин её съел, голову оставил. 41) Голова её живая, глаза моргают, ничего не говорит. 42) Филин эту голову её на пенёк поставил [там], откуда родители домой приходят. 43) Отец с матерью домой идут, смотрят на пенёке голова Пору стоит. 44) [Она] глазами водит, ничего не говорит. 45) Мать увидела, сама упала и умерла. 46) Отец эту голову взял, в мешок положил. 47) Он пошёл, а дочь говорит: «Отец, пойдём туда, где мы раньше жили». 48) Они шли долго [или] не долго. 49) Они туда пошли, где раньше жили. 50) Там костёр горит. 51) Семь сыновей его сидят голые, красные. 52) Старик испугался и умер. 53) И сказка кончилась.

Текст №29_БТ

Золотандари пучо / Золотой бобёр

Рассказал: ?

Записал: Н.П. Григоровский

Место и время записи: Чая, 1870-е гг.

1) Старик жил со старухой и у них один маленький сын. Каждую ночь растёт, как тесто киснет, в день вырастает на костяной черен ножа. Тут стариков сын спрашивает отца: «Батюшка, ты куда пойдешь, как ты ловишь бобров?». Старик сказал: «Я хожу на катцы, катцами убиваю».

- Я пошел бы посмотреть катцы, бить бобров.

А отец говорит: «Нет, не пойдешь. У меня были твои шесть старших братьев, как пошли посмотреть катцы и ушли совсем, и ты не пойдешь».

2) Сын кланяется старику в ноги: «Пожалуйста,пусти меня, кто меня съест?» Старик сказал: «Ну, ступай, а ты убьешь бобров, их полные катцы убьешь, увидишь как огонь горит, золотой бобер будет, маленький бобер нынешний, ты, смотри, того бобра не бей».

3) Как вышел, нашел лыжи, новые лыжи, сейчас сделанные. Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. Надевает лыжи, берет посох, надевает лямку. Тут начинает идти. Долго ли, коротко ли, пришел к катцу, где отец запер речку.

4) Тут спустился с берега, снимает лыжи, продолбил катцы, лежит серебряный плетеный сак, взявши, черпает лед из катца, лед вычерпал дочиста. Теперь первого бобра схватывает багром, бьет обухом, бобер растопыривается, взявши, кладет в нарту и так наполняет нарту.

5) Осталось место положить одного бобра, он и подумал: надобно убить последнего и полно будет. А в катцах он видит золотой бобер, как огонь, горит. Теперь, забавившись, вытащил и бьет обухом, бобер растопыривается, кладет в нарту, смотрит, горит весь, как золото. Надевает лыжи, через плечо надевает лямку, берет посох, схватывается за оглоблю, шевелит нарту вперед, начинает вперед идти.

6) Подходит на середину дороги, и к дому столько, и назад столько, на самой середине, он слышит, человек рубит. Он подумал, отец не говорил, что здесь люди есть, кто же рубит? И снимает лямку, идет вперед, нарта осталась, так пошел, идет, доходит до того места, что нарту чуть видно, тогда не стало слышно, что рубит. Начал он ходить без пути и остановился, воротиться домой думает: далеко пришел я, видно, лесной ведет меня. Так ушли шесть моих братьев, ворочусь назад, лоз уведет меня.

7) Он только стал, чтоб воротиться, впереди близко рубит. Он и подумал: эка, парень, надо видеть. И пошел вперед, скорее идет, длинно шагает. Сколько идет, и опять перестал рубить. Сколько идет, а там останавливается, тут и думает: ну, видно, лоз заманивает меня, ворочусь назад, нарта остается далеко. Только что остановился воротиться назад, только заворачивается назад, впереди человек ударил об нарту, он послушал.

8) Кого я не могу догнать, говорит он. А тут он и отправился, задорно идти отправился, волосы поднялись на нем. Кого такого я не могу догнать?

9) Тут пошел так, как вихорь, и вышел на выпавшую дорогу, выпала дорога, и догоняет, уж за спиною близко он догоняет. Подходит к дому и находит дом, останавливается. Он подумал: назад или в дом идти, чем идти назад, лучше, пришедши, надо войти в дом.

10) Подходит, снимает лыжи, тут и в дом входит. Осматривает избу, изба большая. Внутри избы только один журавль похаживает, безголовый журавль. Пришедши, сел на нары и сидит долго. Вдруг, человек молвил: гостя с холодным лицом стряпка с дятловой реки привела, заманивши, надо кормить его. Где-то хохочут.

11) Безголовый журавль пошел к чувалу, вытянул шею, две головни подвинулись друг к другу, вдруг загорелся огонь: на шею журавлю повесился котел, подвигает котел на огонь, и из трубы в котел стали падать лягушки и перерубленные пополам ящерицы.

12) Котел закипел, в кипятке зашевелились лягушки, тут поспело, поваренка в чашку стала накладывать и накладывать кончила. Чашка поставилась пред ним, сел ужинать и смотрит. Боже, как я буду есть, и подумал, недаром отец не отпускал меня. А за спиною человек молвил: что смотришь, разбрасывай пищу из той чашки, и он начал разбрасывать.

13) Чашка сама отодвинулась, тут человек опять молвил: зачем смеетесь над человеком, неужели нельзя покормить хорошенько? И журавль опять идет к огню, на огне головня медвежья голова и головня волчья голова вместе сдвинулись, и загорелся огонь. Тут журавль подставил шею, котел повесился, тут из трубы падает в котел белое сало без жил, котел закипел, поваренка накладывает в ту же чашку, чашка поставляется пред ним. Начинает ужинать, поужинал. Чашка отодвинулась. Стало смеркаться.

14) Человек сказал, не знаю, где: «Я с тобою, если ты уснешь, и совсем будешь здесь, чтоб не спи, будем сидеть ночь. Тут остался сидеть он одиноко. Вечерняя заря потухла или нет, стал его клонить сон, тут и уснул. Вдруг, человек молвил: «Стариков малый сын уснул». Стариков малый сын молвил: «Не сплю, я примечаю на земле». А человек сказал: «Что примечаешь на земле?» «Живых людей мало, а мертвых людей много». И опять сидит.

15) Подходит полночь, опять клонит сон, тут и уснул. И человек сказал: стариков малый сын уснул; а он сказал: нет, я не сплю, я примечаю на земле. А человек говорит: что ты примечаешь на земле? Он сказал: живых деревьев больше, или мертвых деревьев больше? Мертвых деревьев много, а живых деревьев мало. И опять сидит.

16) Выходит утренняя заря, и он опять вдруг уснул. Человек молвил: стариков сын уснул. А он сказал: я не сплю, я примечаю на земле. А человек сказал: что ты примечаешь на земле? А он сказал: я примечаю то, живой рыбы больше в воде или больше мертвой рыбы, мертвой рыбы больше, а живой рыбы мало. Сидит, и рассветало.

17) Вдруг молвил человек: что ж вы сидите! Вдруг дверь заскрипела, оттуда выходит девушка, и смотрит, две девушки выходят к нему. Выходят оттуда, сели по бокам его, одна по одну сторону, другая по другую. Тут начали обедать. Сначала прежде пришедшая дочь достала из кармана столовую чашку, кладет пищи, из другого кармана берет бутылку, наливает рюмку и подносит старику малому сыну.

18) А стариков малый сын сказал: я не пью, ты сама выпей, тут я выпью. Девушка пьет, наливает в другой раз, подает старикову малому сыну. Стариков малый сын сказал: подай подружке твоей. Она подносит подружке, подружка выпивает. И в третий раз наливает, подносит старикову сыну.

19) Стариков малый сын выпивает. Дух захватывает. Другая дочь достает чашку, накладывает пищи. Другая же дочь из кармана достает бутылку, наливает в рюмку, подносит старикову малому сыну. Он говорит: сама выпей. Она сама выпивает и другую наливает, и подносит старикову малому сыну. Он сказал: подай подружке. Подружке подает, и она выпивает. Наливает третью, подносит старикову малому сыну. Он выпивает. Тут стали обедать.

20) Семь раз ночевали. Тут человек молвил: ступайте, меня зашиб остяцкий дух. Теперь две невесты сказали: мы, заманивши, привели человека, а отныне пусть так заманивают мужей. Две девушки сказали: мы, искавши, нашли мужа, вперед, если родится девушка, также чтоб сама искала мужа, мы вот нашли.

21) Сидит, дверь отворяется, оттуда выйдет человек, смотрит, голова поседела, там за спиной еще человек, выйдут шесть братьев и шесть женщин выйдут. И пришедши кланяются, сказал, хорошо, что ты пришел, говорит, мы совсем попали, ты сюда еще пришел.

22) Теперь встает, отправляется и отворяет дверь, выходит вон. Запрягает в повозку с волком медведя. Вышедши, сел в повозку, две девушки сели возле него, одна по одну сторону и другая по другую сторону. Братья отправились вдруг с ним. Отправились, недолго едут, медведь и волк остановились. Две девушки сказали: выйди вон. Выходит и смотрит, стоит домашняя нарта, нарта с бобрами.

23) Вышедши, привязывает нарту к повозке и внутрь повозки входит, сел на ту же скамью, где сидел, прежде пришедшая та девушка заперла дверь. Тут двинулись вперед, не долго едут и остановились. Девушка отперла замок, сказала старикову малому сыну: «Выйди, иди к родителям».

24) Вышел, смотрит, из отцовского дома вон человек не ходил, посмотрел вниз в трубу чувала, вышедши. Он видит: отец и мать толкают уголек с огнем и говорят один другому: ты не погаси, этот огонь мой сын видел, не погаси. А он бросил сверху комок снегу, огонь погас. Отец с матерью подрались, один другому говорят: ты погасил.

25) Входит в дом и говорит: «Это я пришел». А родители говорят: «Не смейся над нами». Он сказал: «Это я, ваш сын, остановитесь, надо ввести в дом двух женщин». Старики перестали, вышли вон, привели двух девушек. И, введя, посадили за стол. Тут начали свадебный пир.

Текст №30_БТ

Сказка про черного царя и трех его дочерей

Рассказал: Соиспаев Д.П.

Записал: Дульзон А.П.

Место и время записи: с. Парабель, 1964

1) Живет черный царь. У него три дочери, двенадцать комнат у него. Сам он работать уходит. Однажды он говорит своим дочерям: «Может скучно вам будет, а я долго ходить буду. Во внутрь одиннадцать комнат заходите, а в двенадцатую не заходите».

2) Он долго ходил. Им скучно стало. «Пойдем, посмотрим, какие комнаты внутри». Они во внутрь одной комнаты вошли, - как красиво там внутри! Во вторую комнату вошли – еще лучше. В третью комнату вошли тут еще лучше, чем во второй комнате. В четвертую комнату вошли еще лучше; в пятую комнату вошли – там еще лучше. В шестую комнату вошли, тут еще лучше, чем в первой комнате. В седьмую комнату вошли, тут еще лучше, чем в первой.

3) «Почему мы раньше туда не ходили! Какие красивые комнаты! А мы не глядели, мы не знали, а то бы каждый день ходили смотреть».

- 4) В восьмую комнату вошли, там еще красивее, чем в первой. В девятую они вошли – еще лучше, чем в первой. Ох! Какие красивые комнаты! В десятую вошли – еще лучше, красивее.
- 5) «У нашего отца какие красивые комнаты! Мы не знали, всегда бы смотрели!» В одиннадцатую комнату вошли – еще лучше, чем в трех комнатах, тут еще красивее.
- 6) В двенадцатую комнату зайдем? Две младшие сестры старшей сестре говорят: «Отец не велел туда заходить. В одиннадцать комнат велел заходить, а сюда заходить не велел. – Зайдем! – В одиннадцатой комнате как красиво! В двенадцатую зайдем, там, поди еще красивее. Младшая сестра говорит: «Отец не велел заходить в двенадцатую комнату». Старшие две сестры сказали младшей: «Зайдем! Там так красиво! Отец поэтому нам и не велел в двенадцатую комнату заходить, как ты говорила». Младшая сестра сказала: «Ну, зайдем, там, наверное, еще красивее и отец поэтому не велел туда заходить». «Зайдем, посмотрим, что там есть. А то потом думать будем, что не все посмотрели. Там, поди лучше!»
- 7) Они вошли. Там на столе золотая тарелка стоит: на ней человеческая голова. Борода ее до пупа дошла. Она пошевелилась эта голова, мы испугались на улицу убежали, дверь плохо закрыли.
- 8) Отец вернулся, смотреть пошел. Дверь плохо зарыта, отсюда он узнал, что мы туда заходили. Он спросил: «Почему вы туда заходили? Я вам ведь запретил заходить, а вы все-таки заходили». Они ответили: «Мы туда не заходили». – «Как вы не заходили? Дверь хорошенько не закрыли». Он их на улицу выгнал, в баню. «Там живите, в бане; в дом больше не заходите!»
- 9) Они все забеременели – сыновей родят. Девять месяцев прошло, – по сыну они родили. Сына старшей дочери называли Степаном-царевичем, средней – Алексеем-царевичем называли, у младшей дочери родился, называли Иваном-царевичем. Они растут, растут быстро, быстро; не по часам, а по минутам, как пышный пшеничный хлеб поспевает, так они растут.
- 10) Они уже на улицу ходят. Однажды они своим матерям говорят: «Дедушкин город посмотреть мы пойдем! – большой он или маленький – город у него. Нас отпустите мать!» – «Ну, идите, но долго не ходите, далеко не уходите, а то заблудитесь». – «Мы не заблудимся!»
- 11) Мы шли посреди города. Люди кричат: «Три дочери царя по сыну родили. Царь плохо живет, лошадей у него нет, они пешком идут». Братья застыдились, между собою говорят: «Домой пойдем, у дедушки должны кони быть». Домой пришли, на кровать упали вниз лицом, заплакали. Матери их спрашивают: «Почему плачете? То ли устали или есть захотели, или кто вас побил?»
- 12) – Есть не хотим и не устали, никто нас не обидел. Мы пешком посреди города шли, люди кричат: «Царь так плохо живет, что лошадей нет – пешком (его внуки) идут». Мы застыдились, домой вернулись, говорим: «Неужели у дедушки лошадей нет?».
- 13) Матерей своих отправим лошадей просить. Мать, к дедушке сходите, по коню просите. А то люди смеются: «Внуки царя идут пешком, лошадей у царя нет». Мы говорим: «Лошади у него есть».
- 14) Наши матери к дедушке отправились, к дедушке пришли. «Отец, мы к тебе с вопросом пришли. Три внука отправились твой город посмотреть. Люди кричат: «Пешком идут». Они застыдились, назад вернулись. Дай коней твоим внукам. За этим мы пришли». – О, у меня коней много, двенадцать полных дворов. Пусть ловят тех, которых хотят.
- 15) Матери домой пришли веселые, смеются. Мы спросили: «Что дедушка сказал?» Матери ответили: «Коней много, двенадцать полных дворов. Каких хотите, таких и ловите». Они сразу пошли; радостные идут. «Мы на конях поедем теперь».
- 16) Степан-царевич в первый двор зашел, коня поймал. Руку положит на спину, – конь вниз падает; другого нашел, который руку немного поднимает.
- 17) Алексей-царевич в другом дворе ищет. Коня поймает, руку положит на спину – он вниз падает. Другого поймал, который немного руку поднимает.
- 18) Иван-царевич в третий двор зашел. Коня поймает, руку положит ему на спину – конь падает. Одного нашел, который немножко руку поднимает.

19) Отправились пешком, за узду держали. Люди кричат: «О, они коней держат за узду, у царя хороших коней нет». Братья между собой говорят: «Пойдем подальше от города, на окраину, чтобы никто нас не видел».

20) Они далеко на окраину города ушли. Там шли да шли, дошли – такая дорога гладкая: люди куда бы не шли, – след не видать. – «По этой дороге пойдем!» – Пошли. По этой дороге идут. Дошли до места, где дорога разделилась на три. На первой дороге написано: хорошую девку возьмешь. На второй дороге написано: с хорошей девкой спать будешь. На третьей дороге написано: пойдешь умирать.

21) Степан-царевич сказал: «Пойду девку возьму». Алексей-царевич сказал: «С хорошей девкой спать пойду». Иван-царевич сказал: «Мне идти помирать, наверно, надо. Куда денешься, если Степан-царевич-старший – хорошую девку возьмет; Алексей-царевич тоже старше меня. Я моложе вас, поэтому умирать пойду. Простимся! Я теперь вас больше не увижу. Вы меня тоже не увидите. Простимся! Я теперь вас больше не увижу. Вы меня тоже не увидите. Простимся, раз выпала мне такая жизнь».

22) Когда он отправился, он от своей ноги кусочек мяса отрезал, на конец стрелы прилепил. «Когда я помру, мое мясо от конца стрелы отпадет, тогда, значит, я умер».

24) Тут они простились и отправились каждый своей дорогой. Иван-царевич вспомнил: «Назад сбегая, еще раз своих братьев посмотрю. Больше ведь не увижу их. Я же умирать иду». Повернулся назад – не увидел их: они уже скрылись. Он заплакал, не увидя их: «Теперь не увижу братьев!» Сердце щемило – сколько он тут плакал!

25) Очнулся, конь стоит, а никого нет. Посидел, подумал: «Что делать? Идти надо». Конь заговорил: «Не плачь, ложись. Меня отпусти. Я поем живой травки, поем живого дерева, попью воды живой. Ты ложись. Я тебя разбужу. Если раньше проснешься – меня крикни: «Вечная каурка, сивка, бурка! Встань около меня!» Конь пришел раньше, он еще спал. Конь губой его толкнул, он проснулся. Какой конь стоит, большой, красивый!

26) Конь говорит: «В мое левое ухо зайдешь – умойся, в правое ухо зайдешь – там поешь. Потом скажи – какой человек хороший, нигде такого человека нет! Такой богатырь всех победит! Потом на меня садись, поезжай!» – Я в левое ухо зашел, умылся; в правое ухо зашел – поел. Вышел и сказал: «Лучше нигде никого нет и нет!»

27) На коня сел, поехал. Я доехал, где дорога в землю пошла. Ну, ехать надо! То ли помирать, или жить буду! С белым светом простился. «Теперь, наверно, белый свет не увижу!» Наверно, умру! Конь в землю вниз пошел. Конь говорит: «Крепко держи меня, чтобы не упал, крепко держи! Когда вниз спустимся, ровным местом пойдем, тогда мой повод отпусти, я сам тогда пойду свободно».

28) Сколько он шел, не знает – сколько дней и месяцев. Он сам устал и конь устал. Он с коня слез, внизу сел, потом он на бок упал и заснул. Сколько он спал, не знает.

29) Вдруг он проснулся, лебеди гогочут, гуси гогочут. Лето прошло. Так долго спал! Гуси улетают в теплую страну. Он внимательно послушал – ребра его скрипят, ноги его скрипят, у лошади все ребра скрипят. Там темно, нечего не видно. Он тут поискал, поискал. Ему попало что-то деревянное. Схватил в руку, в рот взял, откусил, сладко, есть можно. Половину съел, сам себя узнал. Хорошо стало! Половину съел, сразу сильный стал. Теперь идти можно. Половину коню отдал. Конь все съел, встряхнулся. На коня сел и поехал вперед.

30) Едет долго или нет, ничего не знает; какой день, сколько дней прошло, сколько месяцев, не знает. Он не знает: то ли зима, то ли лето. Под землей едет, ничего не видно. Вперед смотрит, вроде светло. Дальше идет, идет- еще светлее стало. Очень светло становится, все больше и больше. Он из-под земли наверх вышел. Вперед смотрит – солнце видно. Он обрадовался: «Солнце вижу! Теперь не помру!»

31) Вперед смотрит – какой-то город видно. До города доехал, коня остановил, с коня слез, снял узду с головы коня, коня толкнул: «Ты корягой сделайся!» Мохом все заросло. Узду бросил: «Тальником сделайся!» Седло бросил: «Березой сделайся!» Потник бросил: «Ракитным кустом сделайся!» Сам отправился в город.

32) В город наверх поднялся. Видит написано: сапоги шьют. На другой стороне написано: одежду шьют. На третьей написано: окошки делают. Он думает: «Куда идти? Я ничего делать не умею. Шить каждый человек умеет, туда пойду». – Туда зашел, женщина к нему вышла, он сказал ей: «Здравствуй! Тут на работу человека надо?». Она ответила: «Сейчас скажу, ты посиди здесь». Женщина ушла.

33) Потом они вдвоем пришли. Тот сказал: «Здравствуй, молодой человек!» Он ответил: «Здравствуй!».

- Что, работать пришел

- Работать пришел.

- Что делать умеешь?

- Сапоги шить умею.

- Сейчас я кожи принесу.

- Сейчас я один сапог сошью.

- Я посмотрю, как ты сошьешь. Если хорошо, то я тебя возьму работать.

34) Он сейчас же руку в карман всунул, а там у него наметка оказалась. Он обрадовался. Кожу положил. В другой карман руку затолкал, там ножик оказался откуда-то. Никогда не было. Он подумал: «Откуда ножик оказался? Я быстро выкрою». Шить сел, быстро сшил, женщине говорит.

- Хозяину скажи, что я сшил

- Сейчас, скажу.

Она сказала: «Как скоро сшил, сейчас я приду».

35) Женщина вернулась и говорит: «Он сказал, хорошо, я сейчас приду». Недолго прошло, хозяин идет, видит: он хорошо сшил.

- У тебя, наверно, денег нет?

- Нет у меня денег, немного мне дай денег.

Он дал немного денег.

Он спросил: «Где у вас столовая?» - «Тут, недалеко».

36) Пошел он в столовую обедать. Там заказал шесть порций, три бутылки вина взял. Всё съел это, вино все выпил. Сам себя почувствовал вроде хорошо, хорошо.

Сколько дней прошло, сколько месяцев, он не знает. Когда хлеб ел, он уже забыл. Когда под землей ехал, что ел – сам не знает, что он съел.

Сегодня шьет, двенадцать пар сшил. Хозяин ему говорит:

- Каждый день столько, двенадцать пар, будешь шить?

- Буду шить. Я могу сшить еще больше, да также хорошо.

Ну, вот он шил каждый день двенадцать пар, тринадцать пар иной день даже сошьет.

37) Тех двенадцать человек хозяин уволил. «Он один шить будет вашу работу. Он, видите ли, двенадцать пар даже тринадцать сошьет. Он один будет шить за вас, все сошьет, что вы двенадцать человек шить будете. Он хорошо шьет, красивее».

Вот, он однажды работает. На улице идет большая служба по всему городу, через весь город. Он той уборщице сказал:

- Сегодня какой-то праздник? Я согрешил, наверно!

- Какой праздник! Такой нехороший день. Подбросили письмо из моря на гору, трехглавый змей, в царскую ограду: «Чтобы сегодня же вечером свою дочь на берег привез, к краю моря. Если не привезешь, мы весь твой город на мелкие куски разобьем». Вот какой, молодой ты мой человек, такой день выпал. Нехороший день.

- Я думал, какой-то праздник, а оказывается такой нехороший день.

- Царь такое письмо послал: «Кто мою дочь спасет, ему дочь отдам, половину моего царства отдам, если мою дочь спасешь».

38) Нашелся цыган. «Один – говорит, - я спасу. Только в самом деле отдашь ли дочь и половину царства».

Вечером под гору пара лошадей везет карету.

Приехали.

А он, Иван-царевич, кончает свою работу, умывается, уборщица говорит:

- Сейчас мне можно на улицу пойти?

- Почему не пойти, свою работу ты сделал всю, сколько надо. Ночью как хочешь: если хочешь - иди на улицу, а хочешь, спи, как хочешь.

- Ну, так я пойду на улицу, на свежий воздух.

39) Он отправился в столовую покушать. Там он заказал три нормы, три бутылки вина. Это все выпил. Поднялся на ноги. В зеркале сам себя увидел: лицо красное стало. На улицу вышел. К своему коню пришел, к себе дернул, узду дернул, седло, потник, коня пнул: «Поднимайся, хватит тебе спать». Конь встал, говорит: «В мое левое ухо зайти, умойся!» Вошел он умылся. В правое ухо зашел, поел. На коня верхом съел, шпоры дернул. Конь раза два-три скакнул, на край моря дошел. Он с коня соскочил, коня там поставил, никуда не привязал. К девке подошел, спросил: «Твой кучер где?»

- Он на дуб залез.

40) Вот Иван-царевич ходит у края моря, туда-сюда ходит. Вот двенадцать часов. Море туда-сюда идет, вверх на три четверти поднимается, на три четверти вниз (высота) убудет. На середине моря всплыл трехглавый змей. Головы поют, играют. Передняя голова говорит: «Почему так веселитесь? Назад у нас дороги нет. Одна кое-как, то ли есть, то ли нет. У царя кто-то есть сильный».

41) - «У него нет. Мы, его, пожалуй, своим ртовым огнем сожжем! Чего делать нам, только он не привезет. Мы огнем изо рта сожжем!» Они до берега дойдут, коня шипя гонят под гору в море. Кони с места никуда не пошевелились: «Царь, видно, золотом полную карету насыпал, кони сдернуть не могут! Нам к чему его золото, у нас своего много».

42) Когда они сравнялись, Иван-царевич как махнет – две змеиные головы прочь упали. Третью голову он поймал, потряс, махнул, - она на середину моря упала. Те две змеиные головы он взял, с копну камень поднял и их туда бросил. Туловище туда-сюда разбросал: «Ешьте сороки-вороны, поминайте Ивана-царевича». Он к дубу подошел: «Вниз слезь, на гору вези девушку!» Он там(цыган) крикнул, кое-как слышно.

43) Иван-царевич на своего коня сел, шпоры дернул. Конь раза два-три скакнул – на гору поднялся. Он седло снял, с головы коня узду снял. Коня туда толкнул, говорит: «Колодой, корягой сделайся! Мохом закройся!» Седло бросил: «Ракитным кустом сделайся!» Потник бросил: «Берестой сделайся!» узду бросил: «таволожной зарослью сделайся!» Сам на гору отправился, в город зашел, лег, уснул. Проснулся, кто-то кричит, с колокольчиками проехал. Он встал, умылся. Уборщица пришло, он спросил ее: «Кто такой кричит, с колокольчиками проехал?» - «Это цыган царевну дочь на гору провез».

44) Он поел, опять работает. А цыган на гору доехал. А как его встречают с музыкой, играют весело.

- Как ты спас мою дочь?

- О, как саблей ударил – две головы сразу прочь отлетели, а третью голову я поймал, тря, тря и бросил в море. А те головы я собрал, с копну камень вверх поднял, одной рукой туда их бросил. Туловище бросил сорокам-воронам: «Ешьте, поминайте меня молодца!».

45) Иван-царевич работает. Опять такая слюба пошла по всему городу. Он уборщицу спрашивает. «Какой праздник сегодня? Я, наверно, согрешил?»

- Какой там праздник, плохой день. Шестиглавый змей из моря бросил на гору в ограду письмо: «Если сегодня же не привезешь на край моря свою дочь, весь твой город разорим!»

- М-м, вон какой день несчастный.

Он работает, свою работу кончает и уборщицу спрашивает: «На улицу мне сходить куда-нибудь можно?»

- Ты чего еще спрашиваешь? Ты свою работу все сделал, а ночью куда хочешь иди. Если хочешь, так спи.

46) Цыган царскую дочь под гору провез, с большим криком провез.

Иван-царевич умылся, пошел в столовую. Там заказал: «Мне шесть порций еды принесите, шесть бутылок вина принесите». Он сел за стол, есть начал, пить начал вино. Все съел, всю

водку выпил. Встал. В зеркале сам себя увидел – красный стал. Он на улицу вышел, прямо к коню идет, дошел, коня пнул: «Подымайся, хватит, тебе спать!» Конь встал. Он узду дернул, на голову коня одел. Седло взял, потник взял, на коня положил, коня оседлал. В правое ухо зашел, умылся. В левое ухо зашел, поел. Вышел, на коня верхом сел, шпоры дернул.

47) Конь два-три раза скакнул – дошел до края моря. Иван-царевич с коня соскочил, от тяжести тела ноги его в землю уходят (тонут), ступни закрываются. Ноги его кон тоже в землю тонут, копыт не видно. Он к девушке подошел и спросил: «Твой кучер где?» - «Кучер залез на дуб».

48) В полночь, в двенадцать часов, море колыхаться стало – вниз на шесть четвертей море опустится, вверх поднимается на шесть четвертей. Вдруг посреди моря поднимается шестиглавый змей. Головы так свистят, шипят, поют, играют, пляшут, веселятся.

Передняя голова говорит: «Почему так веселитесь. Вперед дорога есть, назад – дороги нет. Одна, правда, есть, кое-как одна.

49) Они на гору отправились, говорить стали: «О, у царя никакого нет богатыря! Мы его в пух и прах разобьем!» Передняя голова говорит: «Есть тут Иван-царевич. У черного царя три дочери родили по сыну. Иван-царевич сюда пришел, откуда ни сорока, ни ворона, ни какая-нибудь другая птица прилететь не может; он приехал на своем коне».

- О, никто не придет! Ему невозможно придти. Ты врешь! Мы не верим. Чего ты болтаешь!

- Хоть верьте, хоть не верьте; он тут где-то есть.

Они на берег вышли. Царь свою дочь привез к берегу, парой лошадей.

- О, нам его кони совсем не нужны, у нас своих коней много.

50) Они на гору вышли, коней пугают; кони даже не пошевелили телегу. «Он ее полно нагрузил золотом, - кони поэтому телегу сдвинуть не могут». Они крикнули: «Коней надо ударить! Они тогда возьмут телегу, выдернут в море, а золото вывалится, его быстро унесет».

Оба коня с места не тронулись. Змеи жужжат, свистят, телегу кругом обходят. Когда они сошлись, шесть голов, Иван-царевич саблей махнул – три головы прочь отлетели. Оставшиеся три головы так зашипели, так засвистели! Иван-царевич еще больше рассердился, саблей как махнет, так две головы упали. Шестая голова под гору в море покатила. Он ее догнал, ногой стоптал, саблей придавил к земле. Змей говорит: «Меня отпусти, зачем ты меня к земле придавил?» Он, Иван-царевич, его в руки взял, махал, махал, махал, больно его давил. «Зачем ты меня давишь так больно?», - змей говорит.

Иван-царевич рассердился, махнул его в море, на ту сторону перебросил. Затем он туловище собрал, разбросал туда-сюда: «Ивана-царевича поминайте, сороки и вороны, ешьте!» Пять змеиных голов он собрал, с копну камень поднял одной рукой, под камень их бросил, а потом к девушке подошел. Иван-царевич говорит ей: «Твой кучер на какой дуб залез?» - «Вот на этот дуб он полез». Иван-царевич к этому дубу подошел: «Ты где?» - Кое-как голос слышно. – «Выходи, чего ты залез туда? На гору везти невесту».

Иван-царевич к коню подошел, на коня сел, шпоры пошевелил. Конь отправился. Прыгнул, два-три скакнул и дошел. Иван-царевич с коня спрыгнул, коня расседлал. Узду прочь снял с головы коня, коня пнул: «Гнилой колодой сделайся, мохом зарастить!» По верху колоды он пошел, в город пришел. «Ох, как я сегодня устал! Рубашка вся мокрая. Надо поспать, отдохнуть лягу». Он уснул. Разбудил его какой-то шум – колокольчики звенят. Уборщица здесь оказалась. «Это что за шум? Это какие колокольчики гремят?» - «А это кучер на гору царскую дочь повез».

Кучер кричит: «О! о! Я шестиглавого змея как ударил саблей – три головы прочь отлетели. Второй раз махнул – две головы упали. Шестой змей под гору прыгнул в море, я ногой его стоптал, голову саблей придавил к земле». Царь говорит: «Вот молодец!»

«Но если я не молодец, кто же молодец будет! Конечно, я молодец!»

Иван-царевич работает. Неделя проходит. Опять по всему городу такая служба проходит. Церковные колокола звенят по всему городу. Уборщица пришла. «Сегодня какой большой праздник? Такая служба идет по всему городу!»

- Ой! Какой там праздник! Большое несчастье. Из моря двенадцатиглавый змей на гору выбросил письмо царю в ограду.

- Вон что! Я думал праздник большой, а оказывается сегодня день несчастный!

- Сегодня же, чтобы царь дочь привез на край моря, немедленно, а то я весь город срою, выдерну, огнем изо рта сожгу!

- Вон что!

Кучер провезет под гору дочь царя не так радостно, как возил в тот раз. Не так радостно покрикивает он на коней. Сегодня он как-то не так кричит. И девка голову повесила. Уборщица говорит:

- Как не повесить голову! Живую умирать везут. И кучер невеселый, тоже едет умирать. Как с двенадцатиглавым змеем справиться, двенадцатиглавый змей огнем изо рта все сожжет. Тут и на дубе живым не останешься, не спасешься.

Иван-царевич говорит, конечно, может быть и правда! Ведь двенадцатиглавый змей. Девка тоже думает: «Огнем изо рта сожжет», - как тут голову не повесить.

Кучер тоже думает: «Подди-ка, все-таки двенадцатиглавый змей, они огнем изо рта все сожгут, и не дубе как спасешься?»

Уборщица говорит: «Как не будем думать! Ведь мы идем умирать, вернемся ли завтра, или не вернемся?»

Иван-царевич спрашивает уборщицу: «Мне на улицу пойти можно сегодня?»

Уборщица отвечает: «Чего меня спрашиваешь, ты сам знаешь, то ли идти, то ли нет».

Иван-царевич на улицу вышел; сердце как-то волнуется. В столовую пришел, двенадцать порций заказал и двенадцать бутылок вина.

- Ложка одна мне нужна, один стакан.

- Ты взял двенадцать порций, двенадцать бутылок вина, но одну ложку и один стакан просишь. Как вы будете, двенадцать человек, одной ложкой кушать?

- А я одной ложкой съем, одним стаканом выпью двенадцать бутылок.

А буфетчица говорит: «Как ты столько съешь, как ты столько выпьешь вина? Двенадцать бутылок».

- Как-нибудь выпью. Бог поможет.

Он кушает. Все съел, все вино выпил. Люди смотрят: как много он один съел, как много вина выпил один. Двенадцать бутылок!»

Люди удивляются, думают: «Столько он один съел и выпил!»

Иван-царевич встал, сам себя увидел в зеркале. Какой красный стал! Глаза тоже красные стали. На улицу вышел, к коню идет. «Как я сам себя хорошо чувствую, как быстро иду, как-то легко поворачиваюсь! Понимаю: ведь я двенадцать бутылок выпил, поэтому, наверно, так легко поворачиваюсь!»

Он узду выдернул, потник выдернул, седло взял. «Конь, вскочи передо мной, встань, носом дохни!»

Конь вскочил, свои передние ноги прямо на его плечи положил, ноздрями пышет. «Хозяин, почему ты так сердито заставил меня вскочить? Никогда ты так сердито меня не заставлял прыгать! В мое левое ухо зайди, двенадцатью венниками парься! Наружу выйди. В правое ухо зайди – из двенадцати чашек поешь, из двенадцати чашек вина выпей. Двенадцать чашек наружу вынеси, меня напои. Я тогда тебя хорошо повезу. У нас времени немного осталось, торопиться надо. Поскорее садись, меня бичом подстегивай!»

Он в ухо вошел, двенадцатью чашками вина напоил коня. «Вот теперь помчу тебя. Крепко сиди, а то упасть можешь».

Он сел на коня, конь его помчался. Из ноздрей коня огонь вылетает; он бичом коня погоняет. Конь так помчался, что в ушах засвистело. Доехали до края моря.

Девушка думает: «То ли человек, то ли черт, то ли бог –сегодня приехал бы!» Кучер тоже думает: «То ли человек, то ли черт, то ли бог ездит, сегодня хотя бы приехал! Девку змеи пусть увезут в море, лишь бы я только жив остался! Коней тоже пусть увезут в море. Я пешком пойду, туда приду к царю. Из моей руки он вырвался, не успел (пока я думал) змея саблей махнуть. Так совру царю. Царь скажет: «Как же ты мою дочь не спас?» - «Я хотел саблей махнуть и не успел поймать, кони в это время прыгнули под гору! Змея зарубить не успел. Под

гору они укатились, я один остался. Смотрю: на море там только пузыри вышли. Так я царю совру!»

Иван-царевич пришел к краю моря. Девушка увидела его, обрадовалась, ожила. Иван-царевич туда-сюда ходит. По колено в землю тонет. Девушка видит, что он по колено в землю тонет, конь его тоже так стоит, по колено в землю утонул.

Море заколыхалось, вниз спала вода на двенадцать четвертей, кверху поднялась на двенадцать четвертей. Посреди моря всплывает целый остров – двенадцатиглавый змей. Там море как огонь горит. Головы так жужжат, свистят, поют, играют всякой разной музыкой, вороват, гадают, веселятся. Передняя голова говорит:

- Ребята! Зачем вы так веселитесь? Вперед дорога у нас есть, назад нам нет дороги, одна то ли будет, то ли нет. Кое-как, весь изрезанный, может быть, вернется кто-нибудь.

- Ну, чего ты врешь! Чего ты нас пугаешь! Мы не боимся.

- Я ничего не вру, в самом деле говорю правду. Хоть верьте, хоть нет. Я вам в самом деле говорю правду. Хотите слушайте, хотите нет. В самом деле так, правда.

- Но, у царя кто есть? Мы все огнем из рта сожжем, под гору сроем, ничего не останется, если он свою дочь на берег привез. Мы все прикончим, всех убьем, никто не останется.

- Нет, ребята! Сюда пришел внук черного царя. Он – здесь. Оттуда никто не приедет, никакая птица оттуда не прилетит, никакому человеку оттуда не притти. Ни сорока, ни ворона, никто оттуда не прилетит.

- Ты нам врешь, нас пугаешь. Мы тебе не верим!

- Ну, ребята, как хотите.

Они на гору отправились. Так шипят, так пляшут, свистят. Близко подходя, там увидели: царь свою дочь привез на берег.

«Он поди, сильно испугался, и вши его поди тоже умерли».

Они на гору поднимаются, коней пугают. Оба коня с места не шевелятся. Колеса телеги в землю утонули. «Царь, видно, полную телегу золота наклал, поэтому кони ее тащить не могут. У нас своего золота много, на что нам его золото. У нас своего полно».

Они кругом идут. Иван-царевич рубанул, сабля сверкнула – шесть голов прочь упали. Остальные так зашипели, что огонь засверкал из голов. Они снова вокруг телеги идут, коней пугают. Кони телегу не сдвинули. Один змей увидел, что на телеге чья-то очень большая рука лежит, поэтому телега в землю утонула. «Вы говорите, что царь золота полно наложил, а там ничего нет, только девка сидит и чья-то рука лежит и поэтому кони телегу утащить не могут».

Пока они так между собой разговаривают, Иван-царевич саблей махнул – три головы прочь отлетели. Три головы остались, Ивана-царевича увидели, к нему бросились. Он саблю поднял, с силой рубанул, осердившись, сколько силы было. Две головы опять упали. Двенадцатая голова осталась. Иван-царевич сильнее напирал, он еще силы прибавил и ногой придавил посредине. Змей его в правую руку ужалил. Иван-царевич еще больше рассердился, саблю в шею змеи проткнул. Девке он крикнул, Иван-царевич: «Не пожалей, что есть, мою руку перевяжи, а то сильно кровь вытекает, как из речки». Девка с телеги прыгнула, к нему подбежала, именным платком со своей головы его руку перевязала, там, где змей ужалил. Иван-царевич левой рукой змея за шею поймал, а правой рукой его понемногу режет саблей.

- На гору письмо больше не кидайте!

Змей говорит: «Никогда не будем бросать, только живым оставь. Старикам и старухам скажем, детям скажем, чтобы никогда не кидали письмо царю, живым оставь. Такое слово тебе даю.

- Ладно. Живым оставлю.

- Никогда не будем бросать, никогда не бросим.

Иван-царевич тут его под гору, в море бросил. В море змей сразу утонул, только вода запенилась. Тогда Иван-царевич одиннадцать голов собрал, с копну камень вверх поднял, эти головы туда бросил, камнем вниз придавил. Их туловища он собрал, туда-сюда разбросал: «Сороки-вороны ешьте, Ивана-царевича поминайте!»

Затем он к девке подошел и сказал ей:

- Бог нам помог змея победить. А кучер твой где? Поди до смерти испугался и вши его умерли.

- Он в дуб залез.

Иван-царевич к дубу подошел.

- Кучер, ты где? Бог нам помог змея победить, мы убили его. На гору вези свою невесту.

Иван-царевич к девке подошел.

- Теперь с женихом живите счастливо.

Девка тут незаметно сунула в карман Ивану-царевичу именной перстень.

Иван-царевич это заметил.

- Ты мне в карман что сунула?

- Домой придешь, там посмотришь, что я сунула тебе в карман, тогда узнаешь.

Он к своему коню подошел, сел, шпорами ударил, бичом стегнул. Конь побежал, что есть силы. Когда на гору поднялся, он с коня соскочил, седло снял, потник тоже, снял узду с головы, коня пнул: «Корягой стань, мхом зарастить». Узду бросил: «Шипичным веретем сделайся!» Потник бросил: «Ракитным кустом сделайся!»

Он в город на гору пришел, в избу зашел, разделся, сам говорит: «Как я устал!» Спать лег, сразу уснул.

Вдруг слышит – какие-то люди шумят, колокольчики звенят.

Поднялся, уборщице говорит:

- Кто это кричит? Чего гремят?

- Это цыган на гору с моря привез царскую дочку. Цыган на ногах стоит, радостно кричит, коней быстро погоняет.

- А, вон что! А я не знал, почему так люди кричат.

Цыган довез ее к царю. Там двери широко открыли, радуясь, что он царскую дочь спас, живую привез. Цыгана взяли вверх, подняв в избу внесли к царю его солдаты. Потом сразу же цыгана, вверх поднятого, унесли в баню мыть. Он умылся. Цыгана одели так, что не узнаешь. Цыгана одели так, что не узнаешь. Цыган хорошим человеком стал. За стол посадили, хорошим вином напоили. Его спрашивают:

- Как ты двенадцатиглавого змея убил?

- О, если я не убью, кто же убьет?

- Ты, поди, боялся?

- Но, я никогда не боюсь никого, если бы я боялся, то не согласился бы невесту спасать. Никто не нашелся, потому что люди боятся.

Царю говорит:

- Надо свадьбу справлять, зачем так долго оттягиваете?

Царь видит, что дочери как-то плохо, - она угрюмая.

- Ты думаешь, что свадьбу так сразу сделать можно; а ведь что-то надо приготовить. У нас своей родни много, у тебя есть своя родня. Не так просто собрать людей. Людей соберешь, люди будут говорить: «У царя ничего нет», - сам знаешь так сразу не соберешь людей. Люди смеяться будут.

Цыган говорит:

- Чего долго мешкать? Чего у тебя нет? У меня все есть. Чего еще думаешь, долго мешкаешь?

Собрали свадьбу, посадили за стол жениха и невесту.

Люди смотрят, - невеста какая-то невеселая. Отец и мать говорят дочери:

- Что ты не веселая? То ли захворала?

- У меня ничего не болит. Отец, мать, разрешите мне одно слово сказать.

Цыган сразу вскочил на ноги

- Что ты говоришь? Я тебе не разрешаю говорить!

Царь говорит:

- Нельзя запрещать ей говорить. Я ей разрешаю, пусть говорит. Дочь, говори, что хочешь сказать.

- Папа, мама, вот что хочу сказать: он змея ни одного не убил. Он на дуб каждую ночь залезал. Кто-то каждый раз приезжал на лошади. Он трехглавого змея убил, шестиглавого змея тоже

этот человек убил и двенадцатиглавого змея тоже этот человек убил. А он каждый раз на дуб залезал.

Цыган сказал: - Чего болтаешь, что попало? Никто не приходил. Я змея убивал. Ты что врешь?

Царь говорит: «Ты молчи. Пусть говорит моя дочь».

- Она болтает, что не надо, врет!

- Дочь, говори, что хочешь, то и говори.

- Кто-то приходил. Как он саблей ударит двенадцатиглавого змея – сразу шесть голов прочь отлетели. Второй раз как рубанул – три головы прочь отлетели; третий раз как рубанул, - две головы прочь отлетели; тогда змей его в правую руку ужалил, а он крикнул мне: «Принеси, что есть, руку мне перевяжи, а то сильно кровь течет».

Она вниз спрыгнула, платок с головы сняла, его руку перевязала. А он ко мне пришел, к телеге подошел, мне говорит: «Бог нам помог». Пока он со мной разговаривал, я незаметно ему в карман сунула свой именной перстень. А он сказал: «Что ты мне сунула?»

- «Домой придешь, тогда узнаешь», - я ему так сказала.

- Вот что, молодой человек, - свадьбу мы немного приостановим!

Цыган говорит: - «Твоя дочь все врет».

А царь сказал: «Я это узнаю, врет моя дочь или нет».

Он тут же разослал письмо по всему городу. «Старые и слепые люди – все пусть сразу к царю идут. Молодые люди, без ног, слепые тоже, пусть идут, пусть никто не останется. Кто дойти не может, пусть их везут на коне».

Сразу же пошли к царю и старые, и молодые люди, безногие, - все идут правую руку смотреть.

Хозяин Ивану-царевичу говорит:

- Ты почему не идешь к царю?

Он ответил:

- Мне работать надо.

- Работать бросай, иди туда сейчас же.

- Ладно, пойду.

Он на одну ногу калошу надел, на другую ногу – головку старого чирка надел, рваный длинный зипун одел, на голову одел шапку. Пошел к царю. Туда пришел к царю, свою руку прячет.

Ему говорят:

- Иди сюда, свою руку показывай.

- Моя рука болит, что тут смотреть! Не смотрите! Моя рука худая.

- Ничего, посмотрим как-нибудь.

Посмотрели руку. Рука его перевязана именным платком.

Девка говорит:

- У него еще должен быть мой именной перстень. Ты покажи именной перстень!

- У меня нет.

- Поищи в кармане.

Он руку в карман сунул, - перстень нашел.

- Вот и перстень, говорит, именной.

Народу показывать платок именной и говорят:

- Вот народ, видите?

- Видим.

Девка говорит:

- Это мой жених.

Отец, мать смотрят: такая шапка плохая, одежда его рваная. На одной ноге гнилая головка чирка – смотреть не на что.

Народ смотрит: плохая одежда, все порвано. У царя будет такой плохой зять – смотреть не на что.

Иван-царевич говорит:

- Я домой схожу, я хоть умоюсь.

Невеста говорит:

- Мы тебя здесь вымоем и оденем мы тебя.

- Я домой схожу!

- Ну, ладно, сходи!

Пошел домой. К коню подошел, коня толкнул: «Вставай!» Конь радостно встал, даже ржет радостно. Узду на голову коня одел, потник на коня сверху положил, коня заседлал. В левое ухо зашел – умылся. В правое ухо зашел – поел, оделся, саблю надел.

Такой молодец стал красивый, как солнце взошло, лучше его нет. Он на своего коня сел, по городу отправился. Весь народ смотрит. Это кто такой едет! Такого коня мы никогда не видали. Все блестит, как огонь сверкает. Он дошел до царя, там испугались: это кто такой пришел к нам? Что-то нехорошо опять. Они дверь откроют, коня его поставили, а он его не привязывает. Люди думают: «Конь его убежит, почему он его не привязал? Он в дом заходит, они его не узнают.

- Я пришел.

- Мы тебя не знаем.

- Я давеча был, мою руку вы смотрели.

- Такого человека мы не видели. Покажи-ка свою руку!

Он показал свою правую руку. Рука его перевязана именным платком.

Он именной перстень показал.

Невеста Ивана-царевича за голову обняла.

- Отец, мать, вот он моим женихом будет, а не цыган. Этот моим женихом будет. Цыгана, куда хотите деньте, хоть в огне сожгите. Сразу же немедленно его голову отрубите!

Они цыгана схватили, на соленую доску положили, голову отрубили. Все в огне сожгли.

За свадебный стол посадили жениха и невесту.

Люди смотрят: «Какой человек! Откуда он пришел к нам сюда? Такого человека я никогда не видел. Столько людей венчал, а такого я не видел», - так думал поп.

Обвенчались, домой пришли.

В дом заходят; их так радостно встречают. Свадьба прошла; людей много было. Двенадцать столов поставили. Много народа сидело. Поп тоже приходил. Я тоже там был, я тоже пил. По обе стороны усов вино бежало.

Они живут, поживают. Она сына родила. Одиннадцать, двенадцать месяцев прошло – сын родился. Иван-царевич так сына любит. Жена Ивана-царевича так любит. За шею все время обнимает. Живут поживают.

Однажды у них в середине поля кто-то картошку копать начал.

Бабы говорят мужикам: «Надо караулить ночью».

У царя три сына было. Вот младшие братья старшему говорят: «Ты в эту ночь покараулить, кто там копает». Завтра второй брат скажет: «Я покараулю». На третий день младший брат будет караулить. Старший брат стал караулить. В полночь слышит: где-то тук! Тук! Слышит идет кто-то. Увидел: такая косматая голова сидит на коряге. Дошла картошку начала копать. Он крикнул:

- Ты, что копаешь нашу картошку, я тебе голову отрублю!

- Ой, молодец, иди сюда. Я тебе побасенку, сказку расскажу, а потом уже мою голову отруби.

Он подбежал близко, не боясь.

Баба-яга его поймала, его голову между ног запихала и змеиным бичом так настегала: «Вот тебе побасенки и сказки!» Чуть живого оставила. А картошки сколько надо было, столько и выкопала. Он кое-как назад вернулся.

Иван-царевич его спросил: «Что, ты захворал?»

- «Да, я захворал».

В следующую ночь пошел другой брат караулить. Он сел на краю поля. Слышит: тук! Тук! Увидел: такая косматая голова сидит на коряге. Тук, тук! Она дошла, соскочила с коряги, картошку начала копать. Он ей крикнул:

- Почему ты копаешь картошку? Я тебя ружьем застрелю.

- Ой, не стреляй! Я тебе хорошие побасенки, сказку расскажу.

Он подошел, она его голову схватила, между ног зажала, змеиным бичом настегала по его спине, по его животу. «Вот тебе побасенки и сказка!» Она картошки выкопала столько, сколько ей надо было.

Он назад кое-как дошел.

Они его спросили:

- Ты чего, захворал?

- Захворал.

На третью ночь пошел младший брат. Он пришел, на край поля сел. Слышит: тук, тук! Видит – на коряге едет, голова ее косматая. Она дошла, картошку копать начала.

- Чего копаешь нашу картошку каждую ночь? Я твою голову прочь сверну!

- Маленький сынок, сюда иди. Я тебе расскажу хорошую побасенку, потом мою голову прочь свернешь!

Он пришел, ей говорит:

- Сказывай!

- Еще ближе подойди, лучше будешь слышать.

Он совсем близко подбежал. Она поймала его голову между ног, змеиным бичом начала стегать. По спине, по животу стегает. Чуть живым оставила. Картошки столько, сколько надо выкопала. Он кое-как ползком домой пришел.

Иван-царевич спрашивает:

- Ты тоже что ли захворал, или кто-то тебя побил?

- Никто меня не побил, я захворал.

- Ты чего врешь? Я знаю, что ты не захворал. Тебя баба-яга настегала змеиным бичом. Вы с этой дрянью бабой-ягой справиться не можете. Я ее одним пальцем раздавлю. Тот двенадцатиглавый змей вас всех придавил бы как грязь.

- Сам сходи, узнаешь, она тебя тоже побьет.

- Меня никто на свете не побьет. Никто такой не родился сильный, как я. У меня такая сила. Была бы у земли ручка, я бы ее перевернул вниз. С этой бабой-ягой мне и делать нечего, одним пальцем делать нечего.

Он ей (своей жене) говорит: «В эту ночь я пойду караулить!»

Жена его говорит: «Ты бы лучше не ходил. Тебя тоже побьет баба-яга».

- Ты что говоришь? Зачем болтаешь, что попало. Ты сама ведь видела – я трехглавого змея убил, шестиглавого, двенадцатиглавого змея убил. А с этой бабой-ягой чего делать – делать нечего!

Его жена замолчала.

Вечером он отправился в поле. Она спохватилась – ее мужа нет, нет его дома. Она упала на кровать, голову схватила, плачет, кричит.

Иван-царевич услышал: кто-то тук, тук! Увидел баба-яга на коряге едет. Дошла, картошку копать начала.

Иван-царевич закричал.

- Чего ты делаешь? Повадилась каждую ночь пакостить. Я к тебе приду, тебя тут же с корягой вместе раздавлю.

Баба-яга с этой корягой убежал – тук, тук! В голову пришло бабе-яге: «Я его как-нибудь обману!» Вернулась назад – тук, тук!

Иван-царевич увидел – идет баба-яга близко!

- Ах, ты чудо поганое, что делаешь, ты опять идешь! Я тебе говорил, что раздавлю тебя с корягой!

Иван-царевич сказал:

- Я тебе приду, я сказку тебе покажу. Я тебе говорил, что я тебя на мелкие куски изомну.

- Иди сюда! Ох, я тебе хорошие побасенки, сказки расскажу.

Иван-царевич, хорошо не подумав, близко подбежал. Подбежал, думает: «Что баба-яга со мной сделает!»

- Сказывай свои побасенки, сказки!

Он слушает, а баба-яга близко к нему подошла. Баба-яга змеиным багром его подхватила и на этой коряге увезла. У Ивана-царевича спина, живот туда-сюда поворачиваются. Иван-царевич думает: «Вот я ошибся, попался бабе-яге». Баба-яга змеиным бичом корягу стегает и его стегает, пока домой не привезла, всего избила. Домой дошла, три дочери выскочили на улицу. «Ух! Русским духом пахнет!»

Мать крикнула дочерям:

«Поймайте, унесите в избу, в яму бросьте!» Он туда упал. Иван-царевич подумал: «Вот как я ошибся. Какая-то баба-яга меня схватила и увезла. С ней делать нечего. Ее слюной убить можно, не только силой. Вот какая ошибка получилась. Старые люди говорят, что у коня четыре ноги и то спотыкается, как человеку не ошибиться!»

Проснулся Иван-царевич, так долго спал – лето прошло, лебеди-гуси разговаривают – вот как долго спал, - все лето.

Старший брат весело со своей женой играет. Взглянул, на конце железной стрелы жильный кусок мяса его брата кое-как висит, вот-вот упадет. Он сразу же вскочил, своей жене говорит:

- Положи мне поскорее на дорогу поесть что-нибудь!

- Ты куда хочешь пойти?

- Это я сам знаю.

Жене своей он больше ничего не сказал, торопясь, оделся, кружку забыл. Степан схватил сумку, уехал, забыл с сыном проститься, вспомнил это в дороге. Он на чистое поле вышел и крикнул: Сивка, бурка, иди сюда, встань передо мной!

Конь пришел, перед ним встал. Он в правое ухо зашел, умылся. В левое ухо зашел – поел. Саблю надел, ремень крепко затянул, шпоры дернул. Конь его как прыгнул, в обоих ушах засвистело. Он его еще бичом ударил; конь идет, летит. Он на коне крепко сидит, доехал до города белого царя и спросил: «Где семья Ивана-царевича?»

- «У царя она». Он туда пошел. Его увидели. «Кто такой идет? Весь блестит! Наверно, Иван-царевич едет!» Двери открыли. Он вошел в избу. Жена Ивана-царевича бросилась ему на шею. Он ее рукой отодвинул. «Я есть хочу. Покорми, я тороплюсь, а ты на мою шею повесилась. Мой брат где? Ты скажи мне сейчас же, а то саблей голову прочь отрублю».

Он отправился дальше, дошел до города бабы-яги; коня возле ворот привязал, зашел в избу.

Дочери бабы-яги увидели Степана-царевича. «Что за человек такой пришел? Никогда мы такого человека не видели». Как раз баба-яга куда-то уехала.

Степан-царевич спросил:

- Где ваша мать?

- Она куда-то уехала.

- Где Иван-царевич, мой младший брат, куда вы его девали?

- Мы не знаем.

- Как не знаете!

- Мать знает.

- ах, мать знает, я вас покажу!

Он схватил их за волосы, троих вместе в одну руку, начал стегать, стегает, стегает.

Остановился стегать, спросил:

- Где мой брат? Лучше скажите! Я знаю без вас, что он здесь, вы его в яму бросили. Лучше скажите, а то я вас до смерти изобью, если жить хотите.

- Мы сейчас скажем, только нас живым оставь! Мы го сейчас наверх вытащим из ямы, если он живой, сейчас же.

- Сейчас немедленно вытащите.

- Вытащим.

Они длинную веревку к доске привязали и вниз спустили. Когда доска туда вниз дошла, Иван-царевич услышал, что-то загремело. Девки ему крикнули:

«Если можешь на эту доску подняться или сможешь на нее выползти, то мы тебя вытащим наверх».

Он заполз на эту доску и девки его наверх вытащили. Степан-царевич Ивана-царевича схватил, тряхнул, - он какой был раньше, такой и стал.

Баба-яга вернулась домой.

Степан-царевич Ивана-царевича схватил, тряхнул, - он какой был раньше, такой и стал.

Баба яга вернулась домой.

Степан-царевич Ивану-царевичу говорит: «Что мы с ними будем делать?»

- А что? Всех разорим. Убьем дочерей и мать.

Они убили дочерей и мать и отправились к семье Ивана-царевича.

Степан-царевич говорит брату: «Ох! У тебя баба нехорошая! Я в тот раз к вам приехал, она за мою шею вешается – такая жена твоя нехорошая.

- Я бы отрубил твою голову за это, но ты меня не забыл, меня спас. За это я тебя прощаю. Ты свою фотокарточку посмотри, мою фотокарточку посмотри. Мы оба друг на друга очень похожи. Она моя жена, подумала, что я приехал и не узнала тебя. Твоя жена, меня увидев, тоже подумала бы, что ты приехал и так же за мою голову схватилась бы».

Они зашли к ним, к Ивану-царевичу. Она (его жена) боится, кого обнимать: оба друг на друга так похожи. Она спросила: «Который Иван-царевич, кабы не ошибиться! Тогда Степан-царевич был у нас, я его за шею поймала, и он меня оттолкнул».

«Где-то ты так долго ездил! И сын тебя не узнает, ты сына не узнаешь, он такой же, как ты, большой вырос и все время говорит: «Где мой отец, надолго как он уехал. Мы ему не говорили, куда ты уехал, мы и не знали куда ты уехал. Я схватилась, тебя нет. До сегодняшнего дня все думала. Наверно, он домой уехал, меня с сыном бросил, оставил. Я сыну говорила, что отец скоро вернется домой. А он все говорил: «Ты, мама, меня обманываешь».

Сын пришел:

- Кто-то к бабушке, какие-то люди, двое, приехали к нам. Как они друг на друга похожи!

Он потихоньку мать спросил:

- Что это за люди?

- Один – твой отец приехал, а другой – старший брат его.

- Который мой отец, мне скажи!

- Он в правой стороне сидит; тот, который в левой стороне сидит – это дядя будет тебе.

- Как мне с отцом поздороваться и как с дядей?

- Ты к отцу подойди и отца за шею обними.

- Ты, папа, как долго, долго ездил где-то.

Он дяде руку поцеловал и сказал:

- Ты меня не узнаешь, поди?

- Почему ? узнаю. Ты такой большой вырос, узнаю.

Теперь они выпивать начали.

Столько пьют! Ночью и днем. Сколько дней прошло – не знают.

В себя пришли. «У нас где-то дома матери есть, надо ехать, пока они живые».

Оба брата друг с другом потолковали: «Надо корабль сделать, ехать надо».

Иван-царевич говорит: «В самом деле, брат, давай корабль сделаем».

Они корабль сделали, погрузили всю одежду, все, что было, и отправились по морю к Алексею-царевичу.

Где-то он с хорошей девкой спит.

Туда приехали, там на гору поднялись. Три девки сидят, такие красивые девки!

- Где наш брат Алексей-царевич?

- Мы не знаем.

-Как не знаете? Он ведь сюда пришел.

- Мы ваши головы прочь отрубим. Эту саблю видите?

-Не рубите наши головы, мы сейчас скажем, где он, ваш брат Алексей-царевич. Он на эту кровать лег и вниз упал, в яму.

- Ну-ка, достаньте его сейчас же живого или мертвого, поднимите его наверх!

Они веревку принесли, доску привязали, вниз спустили понемногу. Доска вниз дошла, Алексей-царевич услышал, что-то загремело. Они ему туда крикнули, он услышал человеческий голос: «Поднимайся на эту доску!»

- Я подняться не могу.

Тогда они доску подняли наверх и двух девок вниз спустили на этой доске. Тут эти девки его на доску кое-как затащили и крикнули: «Мы его на доску затащили, наверх тащите! Мы тут останемся, нас вы потом затащите».

Они вытащили наверх Алексея-царевича. Степан-царевич схватил его – как тряхнет! Какой был раньше, такой же здоровый стал. Они сказали сестре, оставшейся наверху: «Как хочешь, так и вытаскивай своих сестер, нам они не нужны, пусть они там сгниют.

- Вы меня отпустите, сказала она, я народ позову, чтобы их наверх обоих поднять. Я никуда не убегу.

- Ладно, сбегай, долго не ходи, торопись.

- Ладно, я быстро сбегаю.

Она быстро народ собрала, они вытащили этих девок. Она прибежала и сказала: «Подняли мы их наверх. А вы, может быть, есть хотите, мы вас покормим.

Три брата между собой говорят:

«Что, поедим сперва, потом уже толковать будем о том, что и как сделать».

Им поставили на стол разную пищу, поставили во всяких разных тарелках. Что хотите, то и ешьте! Все хорошо сделано, все можно кушать. Вина так много поставили, всякое разное вино. Они выпивают, едят. Понемногу пьяненькие стали. Стали говорить весело, посмеиваться. «Вот когда мы встретились – все три брата!»

Степан-царевич Алексею-царевичу говорит:

- Брат, я тебе хочу сказать, не осердись, тебе хочу сказать хорошее слово.

- Ну скажи, я буду слушать, что ты мне скажешь.

- Брат, вот что я хочу сказать тебе посоветовать: возьми в жены из этих трех сестер какую-нибудь.

- Я подумаю, старший брат, хорошо говоришь. Иван-царевич – младший брат, ты что думаешь? Старший брат мне советует жениться на одной из этих девок. Как ты думаешь?

- Я думаю женить тебе надо на той из сестер, которую ты любишь.

- Старший брат, ты хорошо говоришь. Мне в самом деле жениться ведь надо когда-нибудь. Я думаю младшую сестру взять. Она мне больше нравится. Об этих двух как-то мое сердце не думает. Ну, выпьем. Выпили.

- Хорошо вы говорите. Сейчас я буду говорить с девкой.

- Говори. Мы тоже будем говорить с девкой.

Девке говорит Алексей-царевич:

- За меня пойдешь, Анна Ивановна? Я тебя хочу сватать сам для себя. Как, Анна Ивановна, ты думаешь, сейчас же мне скажи. Я тебя очень люблю.

- Я сестер спрошу, что они мне скажут.

- Хорошо.

Анна Ивановна с сестрами советуется.

- Алексей-царевич меня сватал. Что вы скажете мне?

- Сама подумай, как тебе лучше. Не нам с ним жить. Тебе с ним жить. Мы думаем, что он – неплохой человек, хороший человек. Выходи. Так думаем.

- Алексей-царевич, если ты любишь меня, я за тебя пойду, если ты не смеешься надо мной. Мы с тобой поженимся и проживем всю жизнь.

Оба друг друга полюбили.

Алексей-царевич говорит:

- Это ничего. Лишь бы мы друг друга любили. Больше ничего и не надо. У нас все есть, что хочешь, то и есть. Одежды много имеется, и для тебя есть; у меня одежда, все есть, не думай, что у тебя ничего нет, лишь бы мы друг друга любили всю жизнь, - это бы хорошо было. Чего не хватило бы, чего у тебя нет- мы это все найдем; лишь бы друг друга мы любили, тогда у нас

все полно будет – вот так думай. А так не думай, - ничего нет, так не говори. У нас с тобой все будет. Было бы чем увезти. Большой корабль сделай, ты об этом и подумай, больше ни о чем.

- Мы корабль завтра же сделаем. Нас три брата, мы быстро работаем.

Девка сказала:

«Но, в один день хотите сделать!»

Она засмеялась.

- Не смейся, Анна Ивановна, надо мной. Посмотришь, завтра немного не кончим.

- Ну ладно, посмотрю.

Начали делать. Растет вверх да вверх их корабль, как будто сам делается. Слышно только, как они гвозди заколачивают; только стук остается.

Вечером Анна Ивановна посмотрела: в самом деле немногим не сделали. «Правду говорил мне Алексей-царевич, что сегодня немного не закончат. Я думала, хоть бы за месяц сделали».

Вечером они есть сели. Анна Ивановна засмеялась:

- Алексей-царевич вчера говорил мне, ну, а я засмеялась. Он меня спросил: «Ты чего смеешься? Я тебе говорю, мы быстро сделаем. Мы, братья, никогда, что попало не говорим, не врем. Мы, что сказали, так и будет».

На второй день они кончили делать корабль. На третий день мачты поставили, веревки натянули, паруса натянули, трапы сделали, на гору настелили. Флаг вверх повесили. Все кончили; грузить начали. Все погрузили.

Степан-царевич теперь сказал Алексею-царевичу:

- С этим и сестрами что делать думаешь? То ли их убить за то, что они тебя так на кровать положили, чтобы ты там умер. Они ведь и не первого тебя туда бросили. Наверно, много людей там сгнило, в этой яме, где ты гнил.

— Я думаю живыми оставлять их обеих не надо. Я думаю, что вы, братья, оба хорошо подумаете, что нам надо будет сделать. Мы втроем договоримся.

Степан-царевич сказал: «Я думаю, надо их обеих убить, а то мы уедем и они опять на ту кровать класть будут хороших людей. Как вы думаете?» - «Так сделать надо – убить обеих».

Алексей-царевич (сказал): «Я тоже так думаю, их обеих убить». Иван-царевич (сказал): «Я тоже так думаю, их живыми оставить не надо» - «Так и сделаем».

Они все в корабль вошли. Сестры обе сходили на корабль, чтобы проститься с Анной Ивановной. Степан-царевич и Иван-царевич говорят:

— Сватья, мы вас на гору проводим!

Алексей-царевич говорит:

— Долго не ходите!

— Мы их быстро проводим сватьев.

Они их до дому довели, на ту кровать толкнули, они туда вниз упали: «Там сгниете сами. Никого вы теперь больше не будите гноить! Хватит вам людей обманывать!»

Они оба на улицу вышли.

— Алексею-царевичу ничего не скажем.

Анна Ивановна спросила: «Вы что, проводили их?»

— Да, проводили до дома.

Теперь они отправились по морю. Они парус вверх подняли. Корабль их свистит, так едут – ррк – в обоих ушах свистит. Так быстро они едут.

Они к Степану-царевичу доехали. Когда они к берегу Степана-царевича доехали, то пришли его сын с матерью встречать трех братьев. Алексея-царевича тоже на гору позвали. Ивана-царевича жену с сыном на гору позвали. Там они погуляли. Алексей-царевич сказал: «Хватит! Маленько попили, маленько пожили, надо домой ехать».

Где-то у нас мамы есть; они нас потеряли, если они еще живые. Дедушка теперь, поди, умер. Он тогда уже старый был, когда мы из дома ушли. С того времени много лет прошло. У Степана-царевича такой сын большой вырос, как он сам. У Ивана-царевича тоже большой сын. Вон какой, чуть не с отца.

Ну, давай поторопимся и корабль сделаем. Ивану-царевичу мы тогда в три дня корабль сделали. Алексею царевичу сделали, теперь тоже в три дня сделаем.

Начали делать. Как будто сам делается! Сами удивляются: как они как он так быстро делается, как будто сам делается. Люди смотрят- сам делается, только молотки постукивают у них.

В первый день они чуть не кончили, на второй день весь кончили корабль. На третий день мачты поставили, веревки понатагнули, флаги повесили, трап положили, грузить начали. Полный нагрузили всякой разной одеждой и разным другим, что было – все погрузили.

Они простились со всей родней. Под гору их проводили старики, старухи, дети, кто может до берега дойти – все пришли на берег провожать. Их корабль тронулся, из ружья стрелять начали. Так стрельбой их проводили. Играть начали музыку, кто как умеет играть. Так весело проводили, хорошо. Они тоже хорошо и веселые отправились, три брата. Три корабля вместе привязали, паруса подняли вверх на три мачты. Назад обернулись: на берегу так много людей стоят, по-разному машут: кто платком, кто шапкой машет, кто рукой машет. Они с корабля тоже обратно машут – платком, кто шапкой и рукой машут, пока видно было. Так туда и скрылись, теперь не видно. Их корабли так быстро идут, что вода у носа разваливается и в обоих ушах ветер свистит. Они взглянули: что-то у края моря виднеется. Они между собой толкуют:

- Что вы видите? У края моря что-то видно.

Лучше видно стал. Видны стали дома, город дедушкин и мамин.

Там, в городе, увидели: какие-то три корабля идут. Наверно, кто-то войной идет! Надо тут на берегу тоже все оружие приготовить! Все приготовили, какое есть, оружие все на берег привезли. Стрелы и всякое разное – все привезли. С железными концами стрелы тоже на берег привезли. Там, под горой, три корабля разу вверх подняли: Степан-царевич, Иван-царевич и Алексей-царевич едут – три брата с женами и сыновьями. Там на горе в городе, увидели, прочитали, что Степан-царевич, Иван-царевич и Алексей-царевич едут со своими женами и детьми; узнали, что свои люди едут. «Мы их потеряли, куда они девались? Они нашлись, едут с женами и детьми. Так долго ездили где-то. Мы уже не думал, что они еще живы. Они нашлись. Живые едут». Обрадовались старые и малые- едут! Обрадовались. Эти ружья, луки, стрелы с железными концами на гору увезли с берега. По берегу до самого края моря постелили ковер до дома царя. Дедушка их еще живой. Обрадовались матери, что все живые. Обрадовались. «О, о! Неужели мои внуки живые! Не думали! Неужели правда, что они приехали?»

Корабль к берегу пристал. Тут трап положили, на него тоже ковер положили. Оттуда их встретили матери и дедушка. Сыновья увидели матерей и дедушку, сразу их узнали братья. А их матери не узнают своих детей. Они такие большие люди, такие красивые! Таких людей нигде не видали еще их матери. Они думают: «Это совсем не наши сыновья!» Сыновья смотрят – матери их не узнают.

«Мама, почему вы нас не узнаете, мы это видим. Мы же ваши сыновья! Вы наши мамы. Мы с женами приехали, с сыновьями приехали!»

Матери их узнали. Они на гору отправились, по коврику идут прямо до дедушкиного дома. На гору с корабля вещи таскать начали, только не они сами, а дедушка предложил своим людям. Люди таскают на гору. Они гулять начали. Снова свадьбу начали праздновать трех братьев. Венчаться пошли в церковь. Поп венчал их всех троих. Они домой отправились. Там дома так встречали их! Музыка играет. В избу зашли, за стол посадили. Всех людей – стариков и старух, собрали. Они пришли. Всех поят.

Мы тоже с тобой были, тоже пили. По усам по обе стороны текло, в рот не попало ничего. Девять месяцев пройдет – сына родит, девять месяцев пройдет – дочь родит.

Живут, поживают; теперь еще живут.

Сказка кончилась.

Другой вариант концовки этой сказки: Жить стали, поживать стали. Так и до сих пор живут.

Побасенки, сказки еще так продолжают.

[Три брата]

Рассказал: Соиспаева К.А.

Записал: Морев Ю.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1971

1. Старик со старухой жили-поживали. 2. Три сына у них было. 3. Два умных сына, один не умный сын – глупый Иван. 4. Вот жили-поживали. 5. Старик и старуха оба умерли. 6. Теперь три сына сами [одни] остались. 7. Ну сами [одни] остались. 8. Бабушка была. 9. Всегда им хлеб пекла. 10. Два умных сына вдвоем ходили [в тайгу], белковали, что-то делали там. 11. А глупый сын на печи лежал. 12. Вот жили-жили эти три брата и старуха бабушка-то. 13. Бабушка-то тоже умерла. 14. Ну, теперь что будут делать три брата? 15. Два умных брата рассуждают теперь: «Надо бабушку похоронить» 16. А глупый брат говорит: «Зачем хоронить? 17. В тайгу пойдем. 18. Мы её с собой потащим». 19. – «Ну, глупый брат, зачем тащить-то надо?» 20. – «Потащим!» 21. Ну что, в тайгу идти хотят. 22. Теперь собираются. 23. Дураку, что скажешь. 24. Дурак он и есть дурак. 25. Гроб с бабушкой на нарту поставили. 26. Вот братья отправились. 27. Те [умные] братья на нарте мешки [с вещами] везут. 28. А этот дурак бабушку, один гроб только везёт. 29. Шли они шли сколько в тайгу, [смотрят] – один кедр стоит. 30. Что за такое большое дерево с широкими ветвями? 31. Около него одна лиственница, ветки вниз. 32. А у этого кедра разбойники жили, люди убивали. 33. Вот глупый брат говорит: «Братья давайте на кедр залезем!» 34. – «Ну, ты, глупый брат, зачем туда лезть, разбойники нас убьют». 35. – «А-а, не убьют, полезем». 36. Ну, дурак он и есть дурак, что ему скажешь. 37. – «Полезем». 38. – «А бабушку тоже туда тащить надо». 39. – «Ну разбойники придут и убьют нас». 40. – «А-а, не убьют». 41. Поднимаются туда вверх. 42. Бабушку тоже туда тащат. 43. С бабушкой сидят, сидят. 44. Вот эти разбойники, которые людей убивают, идут. 45. Вот идут, теперь побережись надо. 46. «У-фу-фу, русским духом пахнет». 47. – «Ну, что, сами ходили, там русского духа нанюхались?» 48. – «Русским, русским духом пахнет». 49. Проголодались, огонь раскладывают. 50. Кто дрова рубит. 51. Кто костер разжигает. 52. Все так торопятся, проголодались. 53. Котелок повесили на таган. 54. Вот этот глупый брат говорит: «Я помочиться хочу». 55. – «Ой дурак, дурак, помочись в шапку». 56. – «Ну, я в их котелок помочусь». 57. – «Вот дурак, так дурак, они нас убьют». 58. – «А-а, не убьют». 59. Вот этот дурак туда в котелок мочится. 60. О-о-о, моча в котелок падает. 61. А там разбойники говорят: «О-о, божья роса падает, божья роса падает». 62. Ну упала эта божья роса. 63. Опять сидят, этот дурак своим братьям говорит: «Братья я оправиться хочу». 64. – «Ну что, дурак, дурак, ты в шапку оправляйся». 65. – «Нет, я им в котелок оправлюсь». 66. – «Вот дурак, так дурак. 67 Ты зачем [в котелок] оправляться будешь, они нас убьют». 68. – «Не убьют». 69. А дураку что скажешь? 70. Дурак он дурак и есть. 71. Туда вниз в котелок оправляться начал. 72. Кал в котелок падает: пальч, пальч. 73. А разбойники говорят: «О-о, божьи орехи падают в котелок, божьи орехи падают».* 74. Вот снова сидят. 75. Теперь этот глупый брат говорит: «Я бабушку вниз столкну им». 76. – «Во дурак, дурак, они нас убьют. 77. Ты зачем будешь сталкивать [бабушку]?» 78. – «Столкну-у-у». 79. Ну а что, дурак он и есть дурак. 80. Что ему скажешь? 81. Вот эту бабушку свою с гробом столкнул туда вниз. 82. Бабушка его туда вниз покатила с гробом: сту-стку-стук. 83. Все ветки этого кедра обломала. 84. А эти разбойники все так побежали. 85. Кричат: «Одиннадцать человек падают, одиннадцать человек падают». 86. Там один человек падает, а они кричат: «Одиннадцать человек падают». 87. Сами всё дальше бегут, дальше бегут. 88. Не видно их [так далеко убежали]. 89. Теперь этот дурак говорит: «Братья вниз спустимся. 90. Домой пойдем». 91. – «Ну как будем спускаться? 92. Они [нас] убьют». 93. – «Не убьют». 94. Ну дурак он дурак

¹ Текст №31 совпадает с текстом №59 (Часть 1).

и есть. 95. С ним что говорить? 96. Вниз слезают. 97. Этот дурак старуху в нарту ставит бабушку свою. 98. А там [у кедра] большая глиняная корчага с золотыми деньгами была. 99. Этот дурак вместе с бабушкой туда [на нарту] поставил и эту корчагу с золотом. 100. Теперь идут домой. 101. Эту корчагу с золотом везут. 102. Эти братья теперь сами по себе живут. 103. А этот глупый брат это золото всё куда-то продал и на это живёт. 104. Теперь ещё живёт на это золото из корчаги. 105. Бабушку свою похоронил. 106. Сейчас живёт – поживает. 107. Сказке конец.

* примечание: в переводе рассказчица вместо «орехи» говорит «яблоки».

Текст №33_БТ

Два мальчика

Рассказал: Макшина Н.С. (1912 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1984

1. Давно жил-был князь. 2. У него была жена. 3. Царь умер, его жена осталась с сыном. 4. На них другие люди [слуги] работали. 5. Сын вырос, женился. 6. Мать его не любила эту девушку. 7. Эта девушка забеременела. 8. Два мальчика родились у женщины. 9. Он [муж её] обрадовался, пошёл в церковь молиться. 10. Его мать позвала [какого-то] парня, говорит: «Войди [к невестке в комнату], раздёнся». 11. Он всю одежду снял. 12. Сама [мать молодого князя] побежала к сыну. 13. Говорит [ему]: «Мужчина [в комнате] у неё». 14. Он [молодой князь] побежал, домой прибежал, рассердился, этого парня убил. 15. Она [жена] проснулась, на кровати сидит. 16. Его мать говорит: «Какая она тебе жена. С другим мужчиной встречается». 17. Они схватили эту женщину с детьми, в такой дом их посадили [где] окон нет, темно. 18. Там в темном доме [в темнице] сидит [мать] с детьми 6 месяцев. 19. В праздник приказала старуха [мать князя] женщину в огонь бросить, сжечь вместе с детьми. 20. Другие люди, женщины плачут, [говорят]: «За что их сжигать? 21. Они оба [дети] на тебя похожи». 22. Он [отец] не захотел [их] сжигать. 23. Так сказал князь: «Туда надо [их] отправить, где никто не живет». 24. Она пока ходила, устала, уснула. 25. Одного мальчика в одну руку взяла [одной рукой держит], другого мальчика в другую руку взяла [другой рукой держит]. 26. Львица подкралась, одного мальчика украла. 27. Проснулась [мать], одного мальчика нет. 28. [Она] плачет, дальше идёт-идёт. 29. Долго ходила. 30. Мальчик рос так быстро. 31. Десять лет прошло. 32. Туда отправились вдвоем. 33. Там большой город. 34. На окраину города пришли. 35. Там старик живет, старый старичок. 36. К старику [в дом] вошла эта женщина. 37. Спрашивает: «Может кому-нибудь надо что-нибудь сделать?» 38. Старичок говорит: «Князь едет в другой город воевать, может ему что-нибудь надо». 39. Князь увидел этого мальчика, говорит: «Едем с нами». 40. Он говорит: «Мама меня не отпустит». 41. Он просил свою маму: «Отпусти». 42. Она плачет [говорит]: «Брат твой потерялся, ты тоже потеряешься». 43. Он говорит: «Никуда не денусь». 44. Мать его говорит: «Поезжай». 45. Князь отправился на корабле в другие края воевать. 46. Он мальчика хорошо одел. 47. Отправились в путь. 48. Сколько ехали, добрались до большого острова. 49. Корабль остановился. 50. Сколько по берегу шли – [везде] песок. 51. Увидели нору [пещеру]: там львица лежит, там мальчик лежит. 52. Мальчик [и] львица вместе лежат. 53. Они сами боятся, назад [к кораблю] пошли. 54. Говорят: «Одежду возьмём, туда [в нору] бросим». 55. Одежду бросили. 56. Львица эту одежду взяла и мальчика одела. 57. Они дают [им] сладости кушать. 58. Мальчик ест. 59. Они думают: «Как мальчика выкрасть?» 60. Эти люди медленно идут, мальчик идет [за ними], зверь идет позади. 61. Эти люди этого мальчика схватили, на корабль затащили. 62. Отчалили. 63. Зверь на берегу остался. 64. Зверь на корабль запрыгнул. 65. Они этого зверя не убили, кормили. 66. Они в другое место поехали воевать. 67. Прибыли в другую страну, где [собрались] воевать. 68. Этот зверь всех царапает, бьёт, сильный зверь. 69. Назад [домой] отправились. 70. Этот мальчик

[который с матерью рос] думает: «Не мой ли это брат?» 71. Этот мальчик князю говорит: «Мама плакала, говорила, что нас двое было братьев, один потерялся». 72. Этот мальчик рассказывает князю: «Моя бабушка нас не любит. 73. Когда мы родились, бабушка послала одного парня [к маме], а сама побежала к своему сыну. 74. Сказала: «Твоя жена другого парня к себе позвала». 75. Отец пришёл, этого парня убил. 76. Нас посадили в темницу. 77. Шесть месяцев сидели мы». 78. Князь слушает, сам думает: «Не мой ли это сын?». 79. Он спрашивает: «Где твоя мать? 80. Сюда приведите её». 81. Бабушка услышала, что невестка жива и оба внука живы, все трое живы. 82. Домой пришла [бабушка] что-то выпила, съела [отравилась], умерла. 83. Отец говорит [детям]: «Маму вашу приведите». 84. Он [сын] привел. 85. Она пришла, в ноги ему бросилась. 86. Долго жили они у князя в доме.

Текст №34_БТ

Пёнэге

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1. Две семейные пары жили-поживали в тайге в маленьких избушках. 2. У одной женщины был ребёнок. 3. У другой женщины ребёнка не было. 4. Мужья их ушли в тайгу охотиться. 5. Женщины дома остались, они боятся ночевать, друг к друг ночевать приходят. 6. Одна умная была женщина, другая женщина глупая, дурная. 7. Вечером сидят они обе. 8. Умная женщина что-то делает. 9. Глупая женщина весь вечер с ребенком играет. 10. [Она] грудь свою наружу вытащит, ребенка по губам шлепает. 11. Ребенок весь вечер плачет. 12. Умная женщина ей говорит: «Ты ребенка плакать не заставляй. Пёнэге к нам придет, [если плач услышит]». 13. Он [уже] пришёл, за дверью стоит, дверь дергает. 14. [Он говорит]: «Ох-ох, голова у меня опять болит - терпеть не могу». 15. Пёнэге в дом вошёл, на порог сел, голову всю черёмуховой саргой обмотал. 16. Сам страшный. 17. Один глаз у него на лбу. 18. [Пёнэге говорит]: «Я пришёл, я ваши кишки вытяну, вытряхну, разорву». 19. Она [умная женщина] говорит: «Дедушка, подвинься». 20. Она наружу спустилась, на улицу выбежала. 21. Один котёл, топор схватила и к реке побежала. 22. В избушке такой страшный крик [раздается]. 23. Старик Пёнэге их обоих рвет на части. 24. [Умная женщина] в лодку села, плывет к людям. 25. Долго ехала или не долго ехала, Пёнэге кричит, догоняет её. 26. Пёнэге кричит: «Внучка, котел на берег брось! Не бросишь, я тебя съем». 27. Женщина котел на берег бросила, сама дальше едет к людям. 28. Старик Пёнэге опять догоняет, кричит: «Топор свой на берег брось!» 29. Она топор на берег бросила. 30. К людям приехала, говорит: «К нам Пёнэге пришёл, глупую женщину разорвал и ребеночка её разорвал». 31. Эти люди туда поехали, на берег поднялись. 32. Старик Пёнэге кишки там по веткам развесил, головы на берегу на коряги поставил. 33. Старик Пёнэге убежал, он мужиков боится.

Текст №35_БТ

Черт

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1. Очень давно люди строили избушки (букв. жили в избушках), чтобы зверь не сорвал дверь.
2. Муж с женой жили, детей не было. 3. Жили – поживали, долго жили, [потом] ребеночка

родили, мальчика. 4. Муж охотиться ходил зимой и летом. 5. Жена дома оставалась, сыночка растила. 6. Мальчик подрос. 7. Мать за дровами ходила. 8. [Сыну говорила]: «Дверь не открывай, вниз свалишься». 9. Мать домой пришла. 10. Чёрт живот ребенку разорвал, кровь высосал, кишочки наверху [на кустах] растянул. 11. Сам внизу лежит, дёргается. 12. Мать заплакала, ругается на чёрта: «Моего сына зачем съел, кишки его зачем наверху развесил?» 13. Он в кустах сидит, страшным голосом ревет: «У меня, когда голова заболит, я этими кишками голову обмотаю. 14. Я тебя тоже так разорву». 15. Трёхглазый чёрт её повалил, живот ей разорвал. 16. Кровь не высосал, кишки не выдернул, [не успел], её муж пришёл. 17. Муж спросил [её]. 18. [Она ответила]: «Чёрт мне живот разорвал». 19. Муж ругается: «Он нас живьем есть начал. 20. Я его силой одолею». 21. Чёрт смеётся: «Меня семь человек побороли, с тобой я один [справлюсь], ты со мной ничего не сделаешь». 24. Этот мужик бересту поджёт, чёрта берёстой, огнём сжёт. 25. Чёрт умер, сгорел. 26. Мужик один остался. 27. Куда ушёл – нигде не слышно, не видно.

Текст №36_БТ

[Мальчик и чёрт]

Рассказал: Пидогина М.П. (1886 г.р.)

Записал: Дульзон А.П., Кузьмина А.И.

Место и время записи: р.Обь (Сондорovo), 1961

- 1) Жили-были муж с женой. 2) У них один маленький сын. 3) Мужик ходит обласок делает.
- 4) Сегодня идёт, завтра идёт, обласок делает. 5) Сколько ходил, ходил, а один день ему пришлось долго поработать. 6) Он домой отправился, когда уже темно стало.
- 7) Мужик шёл, шёл. Чёрт выскочил, мужика поймал, за глотку давит, мужика не пускает.
- 8) – Ты зачем меня держишь, не пускаешь?
- 9) – Ты чего дома не знаешь – это мне посули (отдай).
- 10) Мужик думает, думает, думает. 11) «Я дома всё знаю».
- 12) Ну, посули: «Отдам!»
- 13) Мужик посулил, а сам совсем не знает, что у него дома. 14) А у него дома родился мальчик.
- 14) Мужик домой пришёл и испугался:
- 15) – А, вон кого я посулил. Я не знал, что у меня дома сыпок родился. Вот я и отдал своего сына чёрту. Если бы я знал, никогда бы не отдал (не посулил бы), а теперь у меня мальчик вырастит, придётся чёрту отдать. Кабы я знал, то никогда бы я своего ребёнка не отдал бы.
- 16) Теперь мужик домой пришёл и узнал, что посулил своего сына (ребёнка) чёрту на съедение. Он боится, жене не рассказывает.
- 17) Ребёнок растёт, растёт, растёт. Большой растёт.
- 18) Теперь уж большой стал; со своим отцом стал ходить обласок делать. Один день ходит, три дня ходит, четыре дня ходит. Ребёнок узнал, где отец делает обласок.
- 19) Одни день отец не взял мальчика с собой. Он забыл в лесу брусочек. Отец мальчику говорит: «Ты беги туда, где обласок делали мы с тобой. Ты сбегай, принеси мне брусочек».
- 20) Мальчишка побежал, побежал. По дороге бежит, бежит. Чёрт его поймал: – А, ты сам ко мне пришёл. Тебя отец мне отдал на съедение.
- 21) Чёрт ребёнка накормил, усыпил. Утром ребёнок встал. Чёрт у него спрашивает: «Как твою мать зовут?» – «С утреннего сна она разбудится, – будет плакать».
- Как твоего братишку зовут?
- У моего брата имя: на улице меня будет дожидать.
- А как твоего отца зовут?
- Имя моего отца – лесной волк.
- 22) Чёрт у него спросил: «А ты почему свою мать так назвал?»

- Я потому маму так назвал, что она утром встанет – дожидать будет, вечером дожидать будет, а меня как нет, так и нет.
- А ты почему своего брата так назвал?
- Он меня утром и вечером дожидать будет, а меня как нет, так и нет.
- А ты почему своего отца так назвал?
- А я потому его так назвал, что он меня отдал чёрту на съедение, чёрту меня съесть отдал.
- А ты – хороший мальчик! Беги домой. Я тебя есть не буду. Ты хороший мальчик. Беги, беги домой!
- 23) Мальчишка обрадовался и домой побежал. Мальчишка бежал, бежал и домой прибежал.
- 24) Мать обрадовалась, братишка обрадовался; отец испугался. 52) Он потому испугался, что жена его ругать будет.
- 25) Вот и вся сказка.

Сказки про зверей

Текст №37_БТ

Глаза и уши

Рассказал: Боярина Н.Н. (1932 г.р.)

Записал: Беккер Э.Г.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1971

1) Жил бобер в лесной речке. 2) Хорош бобра дом его: сам дрова пилил, сам дрова в воду таскал, сам стены, крышу складывал. 3) Хороша бобра шуба его: зимой тепло, в воде тепло, ветер его не берет. 4) Хороши бобра уши его: поплывет в воде рыба, упадет лист в лесу – он услышит. 5) Бобра глаза его не видят. 6) Недалеко от бобра жил у озера (букв.: у края озера) журавль. 7) Он красивый был, гордый был, ни с кем ходить (дружить) не хотел. 8) Поднимет свою шею, посмотрит с высоты на бобра, бобер ему кланяется, он только своей головой кивнет. 9) Однажды работал бобер в верховье реки – он осину своими зубами (букв.: своим зубом) пилит (букв.: грызет). 10) Подгрызет до половины его (букв.: половины его соответственно), а ветер налетев, свалит осину. 11) Бобер ее на бревна расколет, себе на спину свою навалит одной лапой своей придерживает, тащит на себе. 12) Тут он видит – по воде идет тот журавль, близко идет он. 13) Остановился бобер, свое бревнышко с плеча прочь скинул и сказал: 14) «Здравствуй, журавль» 15) Журавль шею поднял, своей головой кивнул (букв.: потряс) и говорит: 16) «Близко же ты меня видишь! Я тебя увидел издалека. 17) Пропадешь ты с такими своими глазами и стал смеяться над бобром. 18) Тебе слепого охотники руками голыми поймают и в карман свой положат». 19) Бобер слушал, слушал и говорит: 20) «Ты видишь лучше меня, а вот слышишь ли тихо на обласке идущего человека?» 21) Журавль выслушал (его) и говорит: «Ты обманываешь, никаких людей нет». 22) Тогда бобер говорит: «Прощай, пусть тебе твои глаза будут как мне мои уши». 23) Он в воду нырнул и скрылся (букв.: потерялся). 24) Вот из-за леса выскочила лодочка. 25) Сидел в лодочке охотник. 26) Охотник поднял ружье и выстрелил. 27) Журавль упал в воду. 28) (Вот и) говорят таежные люди: в тайге первое дело уши, а второе дело – глаза.

Текст №38_БТ

Как собака себе хозяина искала

Рассказал: Боярина Н.Н. (1932 г.р.)

Записал: Беккер Э.Г.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1971

1) Когда-то собака жила в лесу одна. 2) Не хотела собака одна жить. 3) Пошла она по лесу искать себе хозяина. 4) Шла, шла, к ней бежит зайчик. 5) Собака ему говорит: «Зайчик, давай вместе жать!» 6) Заяц согласился: «Давай жить!» 7) Нашли они себе местечко, когда за вечерело, они двое спать легли. 8) Легли вместе. 9) Заяц заснул, собака не спала, начала лаять. 10) У зайца сон потерялся он вскочил и говорит собаке: 11) «На кого ты лаешь, услышит волк, придет, нас с тобой съест». 12) Собака замолчала и подумала: «Нехороший мой хозяин, боязливый зайчик. 13) Волк никого не боится» 14) Ушла собака от зайца прочь. Пошла (собака) искать волка. 15) Шла она, шла по лесу, бежит волк к ней. 16) Говорит собака волку «Слушай, волк, давай вместе жить двое!» 17) Волк говорит: «Вдвоем жить хорошо будет». 18) За вечерело, спать собрались. 19) Волк заснул, собака легла спать. 20) В полночь собака встала и залаяла. 21) Испугался волк, сердце в его пятки (букв.: в его ноги) ушло. 22) Он собаку бранить стал: «Ты чего лаешь? 23) (Вот) медведь придет и нас обоих убьет». 24) Подумала собака: «(Видно и) волк не силен, медведя испугался. Медведь сильнее всех зверей». 25) Собака волка оставила, пошла медведя искать. 26) Опять идет по лесу, шла она, шла, повстречался медведь. 27) Подошла к нему собака, говорит: «Медведь, давай вместе жить!» 28) Согласился медведь. 29) День долго они вдвоем прожили, ночь его настала. 30) Медведь задремал, а собака ночью залаяла. 31) Проснулся медведь, испугался, собаку ругать стал. 32) «Молчи ты, – говорит, – Чего лаешь? Если услышит человек, то убьет нас обоих». 33) Собака додумала: «Это боязливый зверь, человека разыщу». 34) Собака пошла от медведя. Бегала (букв.: бегая), бегала, человека не находит. 35) Она из леса наскочила и села отдохнуть. 35) Человек в это время за дровами пошел. 37) Здесь в лесу она встретила с человеком, подбежала к человеку, говорит: «Человек, давай вместе жить!» 38) Человек говорит: «Идем со мной!» 39) Увел человек собаку к себе домой. 40) Когда ночь настала, человек заснул. 41) В полночь собака залаяла, человек не встает. 42) Громче залаяла собака. 43) Проснулся человек, закричал собаке: «Чего лаешь? 44) Если есть хочешь, то поешь, мне спать дай!» 45) Собака затихла, поела, спать легла. 46) Так собака осталась у человека жить.

Текст №39_БТ

Крот и кротиха

Рассказал: Соиспаева К.А.

Записал: Морев Ю.А.

Место и время записи: р. Парабель (Нельмач), 1971

1) Живут-поживают кротовые старик со старухой. 2) Вот живут-живут, старик однажды говорит: «Надо куда-нибудь сходить, что-нибудь поискать». 3) Вот старик отправляется. 4) Ходит-ходит, выходит на болото. 5) На болоте одноногий амбар стоит. 6) Вот старик к этому амбару подошел. 7) Кругом обошел. 8) Там тоже двери нет. 9) Как туда подняться? 10) Надо, наверное, по одной ноге наверх подняться. 11) Поднялся этот старик туда по одной ноге. 12) Амбар глазами обвел. 13) Нигде ничего нет. 14) Посредине амбара один туесок стоит. 15) Этот туесок старик обошел кругом. 16) «О-о, там дыра!». 17) Старик вниз провалился (утонул). 18) Две ноги наружу торчат. 19) Старик умер там. 20) Вот старуха ждет, ждет старика. 21) Старика нет, старик пропал. 22) Одну ночь переночевала, две ночи переночевала, три ночи переночевала – старика нет. 23) Ну надо идти искать. 24) По следам его [идет], ищет, ищет старика. 25) Тоже на болото выходит. 26) На болоте одноногий амбар стоит. 27) Старуха тоже туда подошла. 28) Что, никуда больше дороги нет. 29) Старик туда, наверное, вверх поднялся. 30) Вот старуха поднялась туда по одной ноге. 31) Нигде старика нет. 32) Старик исчез. 33) «Ну-ка я этот туесок обойду». 34) Э-э-э, старик там застрял, умер, две ноги торчат. 35) Вот старуха заплакала, закричала: «Как я теперь одна жить буду? 36) Ну вот что дальше [делать]? 37) Силы у меня нет, ничего у меня нет, как понесу [старика], домой пойду». 38) Опять идет-идет, к своему кротовому дому подходит. 39) Сидит плачет, причитает. 40) Вот два каких-то

русских рыбака зашли. 41) «А что бабушка плачешь?» 42) – «Я плачу, [потому что] мой старик пошел что-нибудь поискать [раздобыть], и сам там умер. 43) Теперь я как жить буду?» 44) – «Бабушка, не плачь, не причитай, поди, как-нибудь проживешь». 45) Эти двое русских дали ей хлеб, какую-то корку. 46) Старуха грызла, грызла эту корку хлеба. 47) «Что это, древесный гриб дали». 48) Прочь бросила. 49) «Сама как-нибудь проживу».

Текст №40_БТ

[Мышка, рябчик и крот амбарный]

Рассказал: Кондуков Н.И.

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Усть-Озёрное), 1964

1. Мышка живёт около реки. 2. Осенью лист падает, мышка на листовом обласке вниз едет. 3. Говорит, песни поёт, (вместо шеста иголка) игольный шест. 4. Лист к берегу прибывает, мышка тут и живёт. 5. Рябчика находит. 6. С рябчиком живёт. 7. Наступает лето. 8. С рябчиком уходит. 9. Идут к речке, подходят. 10. Речку перейти. 11. Рябчик поднимается (взлетает), перелетает через реку. 12. Мышка идёт по поверхности бревна. 13. В воду падает. 14. Рябчик смеётся. 15. Пузырь лопаётся. 16. Рябчик умирает. 17. Мышка одна остаётся. 18. Мышка потом идёт. 19. Мышка потом крота (амбарного) находит, с кротом живёт. 20. Крот ходит к богатому в амбар. 21. Однажды крот потерялся. 22. Мышка дожидается. 23. Мышка ищет. 24. К богатому в амбар приходит, крота находит. 25. Богатый наступил. 26. Крот умер. 27. Мышка одна остаётся. 28. Обратно домой уходит. 29. Плачет.

III. НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Предания о том, как раньше было

Текст №41_БТ

Как богатыри раньше жили

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Старая женщина с нами по ягоду ходила. 2) Нам рассказывала, показывала, где жили богатыри. 3) Их дома провалились. 4) Там большие ямы. 5) Там тридцать братьев жили – поживали, воевали с людьми. 6) Они высокие люди были. 7) Они на другие реки воевать ездили. 8) Оттуда себе девушек домой привозили с других рек. 9) Они много людей убили. 10) Там люди находят стрелы, котлы. 11) Они с людей кожу снимали. 12) С животных шкуру целиком сдирали. 13) Зимой в звериных шкурах ходили. 14) Летом голые [ходили]. 15) Они на зверей были похожи. 16) Богатырей нет, они умерли. 17) Где их дом был, там даже лес не растёт. 18) Там очень красиво. 19) Три озера есть. 20) Если по реке вверх поднимаемся, там – дорога. 21) Там – озеро. 22) Четвертое озеро - чебажье озеро. 23) Большое озеро, красивое. 24) Там рыбы много. 25) Там сосны растут. 26) Березы растут, как будто их кто-то посадил. 27) Одна девушка около озера шла. 28) На этом озере такое произошло: лед вверх поднимет, вниз опустит [кто-то]. 29) Девушка испугалась. 30) Дорогу знала. 31) К реке вниз побежала. 32) Там красивые сосны стоят. 33) На соснах человеческие лица сделаны. 34) Я сама видела. 35) Эти сосны рубить нельзя. 36) Я на этом шайтаном месте одна ночевала. 37) Вечером боялась. 38) Сама богу молилась, крестилась. 39) Уснула,

спала до утра. 40) Никто меня не пугал. 41) Там ягоды много было. 42) Я много ягоды собрала.

Текст№42_БТ

[Остяки с других рек девушек украдут]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки с других рек девушек украдут. 2) Оттуда тогда люди придут, воевать будут. 3) Кто чем [наших] людей бьет. 4) Девушку [свою] забрать хотят. 5) Деревню поджигают. 6) Горит [деревня]. 7) Девушку нигде не найдут. 8) Она мужа своего полюбит. 9) Он воевать не станет. 10) Они вдвоем убегут. 11) Они друг друга любят. 12) Мы, остяки, девушек с других рек крали. 13) Ходили на реку Вах. 14) Туда ходили. 15) Домой приводили [девушек]. 16) Там живут ваховские остяки, на реке Вах.

Текст№43_БТ

[Остяки старых людей не обижают]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки старых людей не обижают. 2) Сыновья, дочери стариков [родителей] не трогают. 3) Их кормят. 4) Они дальше живут – поживают. 5) Старики очень долго живут. 6) Моя мать почти до ста лет дожила. 7) С младшей дочерью жила [мама], с моей сестрой.

Текст№44_БТ

[Остяки красивые и некрасивые были]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки красивые и некрасивые были. 2) Они с белой кожей были. 3) С темной кожей были. 4) Со светлыми глазами были. 5) Черноглазые были. 6) С маленькими глазами были. 7) Они невысокие были. 8) У женщин волосы хорошие были. 9) Черные волосы, рыжие волосы были. 10) Сильные были. 11) Рыбу ловили, охотились, неводом рыбачили.

Текст№45_БТ

Собакоголовые люди

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки с давних пор здесь живут. 2) Здесь их место проживания. 3) Русских людей здесь не было. 4) Мы – остяки, с реки Чижапки люди. 5) На Васюгане ханты жили. 6) На Нюрольке тоже ханты жили. 7) Старики рассказывали, что в верховье Васюгана собакоголовые люди жили. 8) Их мало было. 9) Они с северной стороны [туда] приходили жить. 10) Их нет, они умерли или ушли куда. 11) Мы не знаем.

Текст№46_БТ

Раньше, говорят люди, медведь был человеком

Рассказал: Иженбина А.Р. (1916 г.р.)

Записал: Ильяшенко И.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: р. Обь (Ласкино), 1983

1) Раньше, говорят люди, медведь был человеком. 2) Поэтому он знает язык людей. 3) Кто на него не охотится, того он не трогает. 4) Медведь – маленький ребенок у нас, у людей. 5) Я ему старшая сестра буду. 6) Женщина к берлоге подойдет, медведь не рычит. 7) Медведь знает, это его старшая сестра. 8) Мужчина его старший брат. 9) Медведь – младший брат. 10) Медведь быстро растет. 11) Человек медленно растет. 12) Мужик с бабой придут к берлоге, медведь не рычит. 13) Мужик ему говорит: «Что не рычишь?». 14) Женщина к тебе пришла, радуйся!». 15) Из ружья в живот ему стреляет. 16) Мужик убьет медведя, три раза по голове ударит. 17) Мужик медведя из берлоги вытащит. 18) Раньше люди медведя не ели. 19) Это грех был. 20) Шкуру обдерут, мясо не едят. 21) Сало берут, мясо в огонь бросают. 22) Увидят, что человек мясо ест, говорят: «Ворона мясо ест». 23) Я это [медвежье] мясо не ем. 24) Мне говорят: «Ешь». 25) Я отвечаю: «Не хочу, не ем».

Текст№47_БТ

Праздники зверей

Рассказал: Иткупова Л.П. (1911 г.р.)

Записал: Ким А.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: р. Обь, Иванкино, 1981

1) Отец жил в доме. 2) Сыновья просили: «Отец, сказку расскажи!». 3) Отец говорил: «Русские сказки все рассказал. 4) Длинная сказка русская осталась. 5) Короткие сказки селькупские остались». 6) – «Ну, давай селькупскую сказку расскажи». 7) Вот отец и рассказывал. 8) Про Идю рассказывал, про Пенэгэсэ, про зайцев рассказывал, про куропаток рассказывал. 9) У каждого зверя бывали праздники. 10) Зима пройдет, тепло станет. 11) Звери собирались вместе плясать. 12) Один заяц пел. 13) Все зайцы плясали. 14) Один заяц пел: «Пиня-пиня-мел-мел-мел, пиня-пиня-мел-мел-мел». 15) Все зайцы сидели. 16) Задними лапами топали. 17) Передними лапами хлопали. 18) Ушами болтали. 19) Отец мой рассказывал: «Куропатка тоже пела: «у-у□-у- джа-джейра, у- джа-джейра, у- джа-джейра». 20) Взлетала, летела, хохотала: «Ха-ха-ха». 21) Больше я ничего не знаю.

***О встрече с лесным / водяным хозяином (лозом)
или с лесной хозяйкой***

Текст №48_БТ**[Охотник и лоз]**

Рассказал: Арбалдаев Г.С. (1931 г.р.)

Записал: Кузьмина А.И.

Место и время записи: Кеть (Максимкин яр), 1964

1. Один человек жил существовал. 2. Жил один и один, всегда живет один. 3. Один он охотился на белку. 4. Белок нехорошо добывал. 5. Люди с ним белкуют добывают/стреляют по десять белок, а он пошел, принес одну белку. 6. Жил бедно, нехорошо, у него никого нет вообще, жил один, один и белковал. 7. Однажды пошел не охоту охотиться. 8. Собака залаяла. 9. Видит, что белая белка. 10. Он, этот человек, стрелял эту белку, убил. 11. Тут ночевать остановился, огонь разложил, ночлег наладил, местно ночлега (снег сгреб, веток наложил). 12. А эту добытую белку повесил на сучок. 13. Дрова заготовил на ночь, на одну сторону (от огня) натаскал, сырые (гнилье) дрова натаскал, на одной (другой) стороне смолёвых (сушняк, хорошие дрова, смолюшки) дров натаскал. 14. Котелок повесил на огонь. 15. Это человек вздумал (захотел) поесть, хорошо не поел (наелся). 16. Слышит, кто-то кричит, вверх затрясся, весь лес дрожит (так сильно кричит). 17. Что за человек кричит в лесу (в кедраче), ищет собаку белую? 18. К этому человеку пришел ночевать, а этот человек был леший. 19. Расспрашивал этого человека, с которым ночевал: «Зачем мою собаку добыл?» Он принес мешок полный белок. 20. Этот человек с ним ночевал. 21. Его этот человек боялся (побаивался). 22. Заранее днем бересты надрал. 23. Самого себя накрыл, сам на себя внутри надел срубил рябину/ осину. 24. Вздумали ночевать, не захотел вдвоем ночевать. Вдвоем. 25. С обеих сторон костра: один с одной стороны лег, другой – со второй, на бок легли у огня. 26. А этот пришедший дьявол этому человеку огонь пускает (дует). 27. У этого лешего целый мешок белок. 28. Этот леший спросил этого человека: «Зачем убил мою собаку? А вот она собака здесь висит, а это моя собака была». 29. А этот человек говорит: «Здесь висит твоя белка». 30. А этот леший из мешка дал этому человеку мешок целый белок. 31. Сказал: «Эти белки обдери, возьмишь сам себе». 32. Этот человек взял, снял, сосчитал этих белок, есть сто белок. 33. И сказал этот леший: «Завтра утром обратно придешь, огонь положишь (не где ночевали, не тут), а в другом месте дальше». 34. Утром этот человек ушел к своим людям, унес сто белок. 35. Люди все удивились, а этот человек принес 100 белок. 36. Деновал, ночевал и снова пошел к лешему. 37. Всегда постоянно так ходил к лешему. 38. Один сезон добыл шестьсот белок. 39. Добыл этот человек белок, с тайги вышел с белками, а люди добыли плохо. 40. Он тогда женился, жить стал двое с женой, двое детей стало. 41. Сейчас эти живут старик старуха, теперь состарились обои, где они теперь мы тоже не знаем. 42. Сказка сказкой.

Текст №49_БТ**[Как охотник мешок с белками украл]**

Рассказал: Иженбина А.Р. (1916 г.р.)

Записал: Ильяшенко И.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: р. Обь (Ласкино), 1983

1) Один человек в тайге долго жил, белок немного добыл. 2) Домой пошел. 3) Солнце село, ночь настала. 4) Он костер развел, чай пьет. 5) На ногах у него лыжи. 6) Рядом с ним собака, ружье. 7) Он сидит, думает: «Почему люди много добывают, а я не добываю?». 8) Он смотрит:

человек идет, у него один глаз на лбу. 9) Одноглазый человек спрашивает: «Я с тобой переночую?». 10) Мужик боится [одноглазого]. 11) Тот говорит: «Меня не бойся, я - человек». 12) У одноглазого человека много белок в мешке. 13) Одноглазый человек говорит: «Огонь большой разожги». 14) Одноглазый уснул. 15) Этот мужик думает: «Как белка украсть из мешка?». 16) Этот мужик ружье, лыжи [одноглазого] в огонь бросил. 17) Взял ружье, мешок с белками, пошел. 18) Идет – идет, оглянулся: собака бежит. 19) Этот человек идет, смотрит – кедр стоит. 20) В собаку из ружья выстрелил. 21) Он смотрит – нет собаки [исчезла]. 22) Он домой пришел. 23) Жена обрадовалась: «Сколько лет ходил белковать, никогда не приносил столько». 24) Он сказал: «Бог дал столько». 25) Он пошел в магазин, всех белок продал. 26) Ему много денег дали. 27) Они [с женой] много хороших вещей купили и хорошо зажили.

Текст№50_БТ

Черти

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Раньше в старину в тайге в воде черти водились. 2) Черт там кричит, громко кричит человеку: «Меня на другой берег перевези!». 3) Его лицом [к себе] посадить надо. 4) Если он позади сядет, он тебя железной рукой заколет. 5) Он на другом берегу тебя спросит: «Что тебе дать? 6) Денег дать? 7) Звериные шкуры дать?». 8) Он [человек] говорит: «» Мне пушнину дай! 9) Он скажет: «За мной иди!» 10) Черт семь шагов сделает. 11) Как шагнет, шкурку положит. 12) Этот человек шесть раз шагнет. 13) Шесть раз шкурки берет. 14) Седьмой раз не делай шаг. 15) Шкурку не бери! 16) Он тебя убьет. 17) Этот человек хорошо жить будет. 18) Белок много добывать будет. 19) Соболей тоже много добывать будет. 20) С водяным чертом вечером на берегу в карты играть можно. 21) У него деньги серебряные. 22) Он деньги в шапку кладет. 23) Этот мужик пойдет в карты играть, петуха с собой берет. 24) Утром петух прокричит, черт убежит. 25) Деньги останутся. 26) Мужик возьмет.

Текст№51_БТ

[Лесная чертовка]

Рассказал: Иженбина А.Р. (1916 г.р.)

Записал: Ильяшенко И.А., Максимова Н.П.

Место и время записи: р. Обь (Ласкино), 1983

1) Раньше женщины [чертовки] в воде жили. 2) Раньше много [их] видели люди. 3) Старики много про них рассказывали. 4) Волосы [у них] длинные, назад зачесаны. 5) В тайге живет женщина – чертовка. 6) Эта чертовка красивая. 7) Она богатая. 8) У нее одежда вся белая. 9) Обувь белая. 10) Платок белый. 11) У нее маленькая черная собака. 12) У собаки на шее нитка. 13) Эта нитка золотая. 14) Если какой человек её [эту женщину] увидит, возьмет в жены. 15) Они хорошо жить будут, богато жить будут. 16) Так люди женились. 17) Она к себе его приведет. 18) Когда они спать ложатся, жена говорит: «Мою шубу на одежду положи». 19) Так не хорошо класть [шубу]. 20) Она веревку положит, мужика убьет [петлей задушит]. 21) Мужика надо шубу взять и с пола поднять. 22) Там под шубой веревка. 23) Мужик скажет: «Почему обманываешь?. 24) Я на тебе жениться хочу, а ты меня убить хочешь». 25) Она говорит: «Я посмеялась [пошутила]». 26) Если мужик [сам] шубу постелет, всегда жить будет богато. 27) Женщина белка много добудет. 28) Он в магазин белка унесет и много денег получит. 29) Никому об этом не надо рассказывать. 30) Один человек видел ее [лесную

чертовку] в тайге. 31) Он слышит, [что] кто-то все время из ружья стреляет. 32) Он кричит: «Кто там стреляет?» 33) Черная собака бежит, лает. 34) Женщина позади идет. 35) Повернулась, у нее на веревке белки привязаны, много белок. 36) Старики говорят: «Глупый мужик, надо было пойти взять ее, так бы поженились».

Текст №52_БТ

[Муж с женой жили в верховье Нюрольки]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П., Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Муж с женой жили в верховье Нюрольки. 2) Они оба охотились. 3) Детей у них не было. 4) Муж уйдет в тайгу. 5) К ней лесной человек приходит. 6) Она с этим лесным мужиком живет. 7) Она от этого лесного мужика беременеет. 8) Куда ребенок девается? 9) Не родится, куда-то девается [исчезает]. 10) Лесной мужик уносит ребенка. 11) Ее муж сильно бил. 12) Ей говорил: «Куда ребенка дела?». 13) Она ничего не говорила. 14) Она хорошим охотником была. 15) Хороших зверей добывала: соболей, лисиц, лосей. 16) Ей лесной черт помогал. 17) Этот черт на человека похож. 18) Он с рожками и в шерсти.

О встрече с мамонтом, медведем, огромной рыбой

Текст №53_БТ

Кожар / Мамонт

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Три человека в лодке плыли, в обласке. 2) В реке кто-то стоит. 3) Вперед посмотрели. 4) В реке кто-то в воду подует, вода поднимется. 5) Туда-сюда дует. 6) [Вода] вверх поднимется, вниз опустится, вверх поднимется. 7) Какой-то большой зверь в воде стоит. 8) Мамонт стоит. 9) Мамонт в земле живет. 10) Когда мамонт людям показываться будет, тогда все люди умрут. 11) Еще до войны мамонт стал себя людям показывать. 12) Люди, женщины с ребятами все умерли. 13) Мужики на войне умерли. 14) Их на войне убили.

Текст №54_БТ

[Чаинский человек и чулымский человек]

Рассказал:

Записал: Н.П. Григоровский

Место и время записи: Чая, 1870-е гг.

1) Чаинский человек Изыругл и другой Чулымский человек вошли в один дом, теперь сидели один на одной стороне, а другой на другой, глядели друг на друга. И человек встанет, а они подвинутся вперед на лавке, и так сели вместе. Чулымского человека Изыругл и спросил: кто съел твои щеки? Он сказал: меня проглотила щука, водяной богатырь проглотил меня. И

Изыргула спросил чулымский человек: кто ободрал твоё лицо? Он сказал: меня царапал лесной богатырь.

2) Чулымский человек начал рассказывать. В Чулыме есть безысточное озеро, называется Мамонтово озеро. На этом озере ни один человек не плавал на лодке, и когда оно замерзло, ни один человек не ходил по нем.

3) Однажды я один пришел на то озеро. Время то было жаркое. На мне была кожаная рубашка и кожаные штаны, и ременный пояс, и на поясе был нож. И я нашел лебедя, стрелил в лебедя из лука и убил. Тут я поплыл вплавь за лебедем, недалеко я был у него, и лебедя вдруг не стало видно. Я забоялся и заворотился назад. Тут небо потерялось, и кто-то проглотил меня, и опомнился я внутри его.

4) Дух захватывает, я поднялся, сел на колена, беру нож и стал тыкать вверху и нашел, что твердо, как будто железо. Рыба начала шевелиться, и мне нельзя стало сидеть. И думаю, что брюхо внизу, проткнул прямо ножом и распорол, тут и не помню.

5) Тут меня ошиб обморочил, здесь опомнился, стало не по давишнему, прежде я задыхался, а теперь стало холодно. Ищу ножик, нашел нож и, взявши нож, стал тыкать кругом. Рыба не шевелится.

6) Я ищу дырку, нахожу дыру здесь, просовываю в дыру руку, нахожу рукою траву, держу траву рукою, тут срываю ее, беру другою рукою и щупаю, что это трава. Беру нож, тут распарываю вверху и увидел свет, и разрезаю поперек, тут выхожу вон. Вышедши вон, посмотрел и увидел, это щука. Мамонт-щука больше неводника, тоже щука проглотила меня.

7) Как сначала я ее распорол, тогда щука зашевелилась, бросилась на берег и унесла меня на восемь верст, и кочки и деревья прямо не остались в ширину на три с лишком сажени.

8) Теперь начал рассказывать Изыргул: медведь меня драл, я с год лежал. Я вместе с братом ехал вверх по реке, а собака бежит берегом, и на берегу собака стала лаять. Собака начала лаять на берегу, я выхожу на берег с веслом.

9) Идя берегом, я говорю брату, что нашла собака, и пошел. Подходя, сказал, что нашла. И медведь поднялся вверх прямо на меня. Тут медведь схватил меня, и я сказал: ты с ума сошел, зачем лезешь на меня напрасно, мы жили, как братья. Тут медведь не пускает, и, схвативши медведя за обе щеки, я бросил его на землю.

10) Я сел верхом на медведя и закричал брату, что я прижал медведя к земле, ты принеси мне на берег топор или нож. А я прижал медведя. Брат кричит на лодке: спустись с берега. А я говорю, что ты нож или топор дай, подай мне топор, не подходя близко.

11) Медведь оторвал у меня жилу у руки, тут оторвал у другой руки, тут я наступил ногою медведю на горло, и медведь закусил ногу мою. Я подумал, что медведь оторвет ногу мою, тут на сердце наступил я ему, тут медведь разинул рот, я вынул ногу. Тут я упал на медведя и говорю: ешь меня.

12) Тут медведь издох, и я встал, спустился с берега в лодку. Пришедши в лодку, я хочу взять нож резать ножом брата, а нож не могу взять, и сказал: ты зачем выдал меня медведю, если я мог бы взять нож, я зарезал бы тебя ножом. Теперь вези меня домой. Пристали дома на пристань, меня выносят на берег, положивши на шубы, вносят в землянку, тут кладут на нары. Год я лежал тут.

13) Осенью начал немного похаживать. Вечером начал сучить заячий силок и сам себе говорю, что ты, медведь, не лезь ко мне, а уж я к тебе не полезу. Утром встал и сошел с берега в лодку, в одной руке держал топор, а в другой руке заячьи силки. Тут сел в лодку и поехал вверх.

14) Вышел на берег и пошел по берегу лесом вверх реки. Взглянул я вперед, медвежья берлога, тут побежал назад к лодке, беру топор, тут опять вышел на берег на ту же дорогу. Тихонько подхожу к медвежьей берлоге, тут говорю: выходи ко мне вон. Я вчера вечером тебе сказал, ты не лезь ко мне, а ты завеличался, сделал берлогу и засел.

15) Теперь медведь выскочил вон, я стерегу с топором, стережа ударил топором. Тут убил его, убил с одного раза, и глаза у него выкатились вон. Теперь я на тебя уже не полезу, и ты на меня не лезь, а если я на тебя полезу, съешь меня, а если ты полезешь на меня, то я тебя также убью. И затесал я на елке медвежье лицо.

О покойниках**Текст №55_БТ****[Другие люди]**

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки рассказывали, [что] на Тyme [раньше] другие люди жили. 2) Они большой деревней жили. 3) Они бобров добывали. 4) На медведя с ножом ходили. 5) У них лица разрисованные были. 6) Они своих людей в одной яме хоронили. 7) У шаманов головы отрезали, у убитых людей головы отрезали. 8) В другой яме их хоронили.

Текст №56_БТ**[Лесные люди]**

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Ильяшенко И.А.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Такие люди есть, мы их не видим. 2) Это не люди, это умерших людей души живут там [в своих домиках]. 3) Кто утонул, кто в тайге замерз, кто просто куда-нибудь пошел и умер. 4) Их души лесными людьми [лешими] становятся. 5) Живые люди им деньги кладут, положат возле дерева, на ветки ленты привяжут. 6) В старину были в лесу амбарчики на ножках. 7) [Иногда] охотник в лесу оленя, лося добыть не может. 8) Вот добудет лося, какого-нибудь [плохонького] лосишку, убьет, шкуру сдерет, высушит, в амбарчик повесит. 9) Леший ему тогда скажет: «Сколько хочешь, столько добывай [зверя]». 10) Он много лосей добудет, сколько хочет. 11) Лесная женщина ему делает [так]. 12) Она так ему сделает, [что] этот мужчина ее тогда полюбит. 13) Его все время в лес тянет. 14) Лесные мужчины с остячками живут. 15) Когда она в тайгу идет, эта женщина, она думает какого-нибудь хорошего зверя добыть. 16) Он [леший] мысли этой женщины уже знает. 17) За ней идет. 18) Вечером женщина к балагану придет. 19) А он тоже придет, впереди стоит. 20) Её спрашивает: «Я к тебе прийду?». 21) Она говорит: «Ты кто?» 22) – «Я - лесной человек». 23) – «Я боюсь, ты ко мне не приходи». 24) – «Ты не бойся, я тебе хороших дорогих зверей дам». 25) – «Приходи!» 26) Он живет с ней. 27) У них дети бывают. 28) Лесной мужик детей к себе домой забирает. 29) Дети лесными людьми станут. 30) Их никто не видит. 31) Они нас видят. 32) Когда у них дети появятся, тогда эта женщина хочет уйти в лес [жить], чтобы детей видеть.

Текст №57_БТ**[Про покойников]**

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Старые женщины говорят, [что] у мертвого человека душа в паука превращается. 2) Люди боятся. 3) Чтобы его [покойника] душа наружу не вышла, люди его нос, глаза, рот костью закрывают (затыкают). 4) У шамана души нет. 5) В голове у него черти сидят. 6) Он [шаман], когда умрет, ему голову отрезают. 7) В котле [голову] варят, [потом] в огонь кладут голову. 8) В огне горит [голова]. 9) Старые женщины сами не видели [этого]. 10) Им старики рассказывали.

О шаманах

Текст№58_БТ

[Шаманы]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Раньше на Чижапке много шаманов было. 2) В каждой семье свой шаман. 3) У остяков сын шамана тоже родится шаманом. 4) Он вырастет, женится. 5) Жене не говорит. 6) Жена его спрашивает: «Кто к нам приходит?». 7) Он ей не говорит. 8) К нему ночью чертики приходят. 9) Он их прочь пинает. 10) Чертики говорят: «На семь дорог жертву положи!». 11) В воду дорога есть. 12) К богу есть дорога. 13) Дорога в огонь есть. 14) Дорога вниз [есть]. 15) Еще три дороги. 16) Чертики ему расскажут что положить. 17) Тогда он шаманом станет. 18) Люди вечером в доме соберутся. 19) Шамана сетью обмотают. 20) Огонь погасят. 21) Он куда-то денется. 22) Люди огонь зажгут. 23) Сеть лежит, его нет. 24) Люди опять огонь погасят, сидят. 25) Наверху затрещит [что-то]. 26) Он сверху упадет. 27) Люди спрашивают его. 28) Он знает [все]. 29) Шаман сильно людям вредит. 30) Человек пойдет охотиться. 31) Он [шаман] уже там. 32) Впереди стоит, смеется. 33) Охотник на него ругается: «Ты почему на моей дороге всегда стоишь?». 34) Они друг с другом ругаются. 35) Шаман так делает. 36) Он [охотник] всю осень ничего не добудет. 37) Все люди [шамана] боялись. 38) Он женщин не трогал [вреда не делал]. 39) Мужикам вредил. 40) Чтобы мужики никакого зверя не добыли.

Обычаи (объяснения)

Текст№59_БТ

[Остяки огонь любят]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

1) Остяки огонь любят. 2) Мать в костер плевать не разрешает: «В огонь не плюйте!». 3) Если кто в огонь плюнет, то мать прутьев наломает, выпорет. 4) Дети боятся в огонь плевать. 5) Ручки свои греют. 6) Глазенки блестят. 7) У огня сидят, грязные.

Текст№60_БТ

[Зачем лозам подарки делать]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

- 1) Повитуха мне рассказывала. 2) Черти семь городов имеют. 3) Они богато живут.
- 4) Люди им хорошие шкуры [приносят] кладут. 5) Им жертвы [приносят] кладут, деньги.
- 6) Остатки лоскуты ткани, платки часто вешают. 7) Кладут для них жертвы. 8) Они на эти деньги города строят.

Текст№62_БТ¹

[Зачем надо денежку в воду бросать]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

- 1) Когда по воде едешь, денежку брось [в воду]. 2) Если денежку не бросишь, водяной тебя заберет. 3) Душу твою заберет, там останешься.

Текст№63_БТ

[О волосах]

Рассказал: Чинина Д.Н. (1915 г.р.)

Записал: Максимова Н.П.

Место и время записи: р.Обь (Каргасок), 1983

- 1) Женщина длинные волосы отрежет, красивой лентой обмотает, на березу повесит. 2) Береза как девушка – остька. 3) У березы свои волосы есть. 4) Сережки тоже есть. 5) Короткие волосы в огонь бросаем. 6) Огонь ест. 7) У маленьких, когда им год исполнится, мы волосы обстрижем, в подушку положим. 8) Там волосы лежат.

Часть 3

Селькупские фольклорные тексты, выявленные после 2014 г.

Текст1_доп

Идьё

Рассказал: Василий Иванович ...?

Записал: К. Папай

Место записи: ю. Заимкины (Kvöjnigol-jet),

Время записи: между 23 октября и 14 ноября 1888 г.

1. Идьё жил со своей старой матерью. 2. По ту сторону реки был город Kōlget-kvač, там много народу жило. 3. Одежда, шапка, штаны Идьё были из шкуры лебедя. 4. Одним утром Идьё встал, ещё еле рассветало, и он говорит своим лыжам: «Есть город, Khonde-χont-kvač, туда меня везите». 5. Сел на лыжах, взял в руки ***¹.
6. Лыжи поднялись, полетели уже близко к небу, и под вечер уже прибыл [он] в Khonde-χont-kvač. 7. Там он определился и на землю спустился.
8. Видит, что там дом стоит, и в том доме человек хороший живёт. 9. Заходит в дом,

¹ Текст №61 совпадает с текстом №43_TW (Часть 1), поэтому он пропущен.

видит там два мужика, те там железные яйца греют, кидают их в горло так, чтоб они потом сзади опять выходили. 10. Молился богу, и присел на обочину. 11. Там он сидел, пока еда в кастрюле не приготовится. 12. Тогда мужик говорит: «Не видите, что гость пришёл, надо накормить его». 13. Идье видит, что пять муксунов попали, морда сама поднялась, огонь сам поднялся и ***, и когда он сгорел, пришла ломка и сломала [еду] на маленькие куски. 14. После этого высыпалось ***². 15. ***³ подошёл к чувалу, там налим жир весел. 16. Ложка размешала рыбу, стол стал рядом с Идье. 17. Идье наелся, руками отодвинул⁴, стол сам собой исчез, и ничего не было видно. 18. Недолго он так сидел, и человеческий голос говорил: «Гость пришёл, с левой стороны стоит сундучок, тот возьми». 19. Идье встал, взял сундучок, и вышел с ним на улицу, сел на лыжах и пошёл домой.

20. Поздний вечер был, когда домой пришёл. 21. Матушке своей не сказал, где ходил. 22. Дома потом поужинал, а матушка спать легла. 23. Тогда Идье занёс сундучок в дом, поставил к своей голове и немного приоткрыл. 24. Потом заснул. 25. Раз ночью проснулся и видит, что свет раздался. 26. Думал про себя, может до рассвета спал; вышел на улицу, а там ещё была тёмная ночь: «Что это за чудо». 27. Вернулся в дом, а там видит, что с ним в одном ряду спит женщина, свет раздаётся от неё. 28. Тогда он снова лёг спать, подумал: «Это моя жена». 29. Утром, когда встали, Идье сказал: «Нам поесть бы надо». 30. 31. А у них тоже муксун *** *** *** ***. 32. Садятся, едят, потом стол сам уходит.

33. У Kholgej-i есть брат – Кана – дикий. 34. Этот, когда увидел дым над домом Идье, говорит: 35. «Густой дым поднимается, они наверно кушают что-то хорошенькое, посмотрю-ка». 36. Пошёл в дом, открыл дверь, и нога его во что-то застряла или что, упал он. 37. Как-то занесли его в дом, и Идье его восстановил. 38. После этого Идье жене, которая лежит на ***⁵, говорит: «Гость пришёл, надо накормить». 39. [сам сварился] муксун ***⁶

40. К Кана-е стал стол, он берёт ложку и ест. 41. (Другого к *** высыпать *** ***)⁷. 42. Когда наелся, стол опять сам ушёл. 43. Кана там сидел ещё немного времени, потом домой пошёл. 44. Торопился на реке ***⁸, и он упал. 45. Отдохнул, потом снова убежал. 46. Доходит до дома своего отца, где его отец лежит на кровати. 47. «Батюшка – говорит ему – ты оденешь шубу лисью, богатый ты человек, но Идье ещё богаче. 48. У него такая жена красавица и еду [особую готовит] (высыпал (?)***)⁹ ***¹⁰: 49. «Смотри, такую [еду] ест Идье». 50. Kolgei, младший брат Кана, говорит: «Пойду я к Идье в гости, посмотрю, правду ли говоришь». 51. Колгей пошёл и, прибыв в дом Идье, сел на обочину, и там сидел, [столько по времени] пока кастрюля супа не сварится. 52. Тогда Идье говорит: «Гость пришёл, накормить надо муксуном».

53. Kolgei там сидел, столько пока суп в кастрюле сварится, потом говорит: «Идье, ты женился, найди мне тоже жену». 54. «Kolgei, брат, как тебе найти жену, когда твой брат сумашедший, он что-то вредного не наделал бы. 55. Но ты приходи утром пораньше, перед рассветом». 56. Kolgei пошёл домой. 57. Утром, ещё не было светло, когда он встал, и пошёл к Идье. 58. Там они наелись, потом вышли на улицу, сели на лыжи и отправились в Khond-Kvač. 59. Весь день шли, и ночью дошли. 60. Поднялись на берег, и прямо в дом. 61. Там видит Kolgei, что два мужика не *** ***¹¹. 62. До тех пор там сидели [ждали столько], пока еда в кастрюле не сварится, тогда человеческий звук говорит: «Гости пришли, накормите их муксуном». 63. Наелись, махнули руками, и стол ушёл; мужика нигде не было. 64. Вдруг Кана появился: «Вы, молодые, почему ушли и оставили меня дома, старшего». 65. Кана тоже начал железное яйцо... 66. Идье только смотрит и видит, что Kolgei превратился в камень. 67. После этого Идье, что поделаться, домой пошёл, а Кана там остался.

68. Прибыв домой, рассказывает своей матушке и жене, что сделал этот Кана, а Kolgei превратился в камень. 69. Жена ему говорит: «Наколи дров». 70. Он наколот достаточно, но жена говорит: «Это мало; ещё наколи». 71. Наколот, и то мало, «наколи ещё», говорит жена. 72. Когда уже достаточно наколот, занёс в дом и наложил до крыши. 73. Настала ночь, а жена говорит ему: «Наложи в чувал». 74. Наложил, так что начал потеть. 75. Но жена говорит: «Ещё накидай». 76. Он дальше кидал, так что в доме стало очень жарко, чувал [начал] рассыпаться¹². 77. Внезапно в полночь огонь везде разлетелся, и там стоял Кана, держит (***)¹³ в руках, а два мужика его держат. 78. Через дверь все прямо вышли на улицу, перешли через Обь,

и там шум, крик раздался. 79. Потом затихли. 80. Утром, когда встали, видят, что город Kolgei уже не стоит, полностью сгорел. 81. Только у Капа, у кого был карамо, исходил дым. 82. Идье зашёл в карамо Капа. 83. Капа лежит на кровати. 84. Идье сел, и сидел пока еда в кастрюле не сварилась. 85. Тогда Капа говорит: «Гость пришёл, надо накормить». 86. Но ничего не приходит, ничего не шевелится. 87. «Что за люди меня не слушают?» - говорит Капа, и сам выбрал муксуна ***.¹⁴

88. Идье наелся. 89. Тогда Капа говорит ему: «Идье, брат, Kolgei-я оживи как-нибудь». 90. Идье ругал Капа, почему он тоже пошёл с ними, после этого пошёл домой. 91. Дома рассказал, как накормил его сам Капа, и что он желает, чтобы он оживил Kolgei-я. 92. Жена ему говорит: «Оставайся, утром сходи туда». 93. Идье пошёл спать и утром рано встал. 94. Взял лебединые лыжи, сел на них, и пошёл в Khonde-χont-kvač. 95. Поздно вечером прибыл туда. 96. Зашёл в дом, там те два мужика до сих пор греют железные яйца.

97. Идье взял яйцо, и когда ещё оно было горячее, положил на голову, а то вышло из его подошвы. 98. «Какие вы люди, так ешьте, как я». 99. Второй раз тоже согрел яйцо, и хочет на голову положить им, а они не разрешают ему. 100. Идье начинает гнаться за ними. 101. За то время, пока в кастрюле еда сварится, видит Идье, что Kolgei снова стал человеком, тогда кинул яйцо. 102. Человеческий голос говорит: «Люди пришли, надо их накормить муксуном». 103. Наелись, и там сидели, пока в кастрюле еда сварилась. 104. Тогда человеческий голос опять говорит: «Гости пришли, слева есть сундучок, возьми его, Kolgei». 105. Kolgei взял сундучок, попрощались они, сели на лыжи и пошли домой. 106. Вечер был, когда домой дошли, и поспали у Идье. 107. Утром, когда проснулись, видят, что Kolgei-kvač так там стоит, как до тех пор. 108. Идье говорит Kolgei-ю: «Иди домой и вечером отнеси сундучок». 109. Kolgei пошёл домой, и когда день прошёл, и люди пошли спать, отнёс сундучёк, и поставил его к своей голове. 110. Ночью, когда проснулся, видел большой свет. 111. *** *** *** муксун ***.

112. И жили, и сейчас живут.

Текст2_доп

Идье

Рассказал: Андрей Прокопьевич Сычин

Записал: К. Папан

Место записи: ю. Иванкины,

Время записи: между 23 октября и 14 ноября 1888 г.

1. Идье родился и дома жил со своей матерью. 2. Были у него лыжи с лебединой кожей, одежда и шапка из лебединой кожи. 3. Был случай, что Идье ушёл из дома. 4. Надел свою одежду, лыжи и пошёл вниз. 5. Пошёл он к Khonde-χont-у, и вошёл в его дом. 6. В доме был один чувал и там два *** ***. 7. Камни грели, хлопотали (?)¹⁵. 8. Один мужик сказал, что пришёл молодой человек, может, есть повелел, накормите его. 9. Ведро из бересты (пурам..?, пурач..?)¹⁶ само сходило за водой, семь котлов наполнились водой и сами повесились над огнём, тарелка сама подошла к нему. 10. Идье смотрит в свою тарелку, а там лежит большой осётр, потом нож пришёл, начал чистить осетра, а это само сварилось. 11. Потом лопата подошла, выбрала рыбу. 12. Идье поел да наелся; думал, домой пойдёт. 13. Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? 14. Сначала подарок получишь от нас». 15. Подарили ему чёрный сундучок из бересты, и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!». 16. Идье надел лыжи и пошёл домой. 17. Прибыв домой, мать наготовила ему. 18. Он хорошо поел, сытым стал, и лёг, сундучок под голову положил. 19. Утром, когда проснулся, увидел, что одна красавица ходит вокруг чувала. 20. Девица говорит ему: «Жених ты мой! Вставай, сколько спать ещё будешь?» 21. Идье встал и поел.

22. Кана – человек Колгзеита (Kolghezeit-a) – пошёл черёмуху рубить и видит, что из чувала [Идьё] дым большой поднимается. 23. «Чего-то жирненького едят, наверно» – подумал, – «не позовут ли меня тоже?» 24. Пошёл он к Идьё. 25. Когда дошёл до него, Идьё как раз ел, Кана тоже схватил ложку и сел есть. 26. Девушка говорит ему: «Встань-ка, Кана, чуток». 27. Он встал, а девушка постелила под него медвежью шкуру, чтобы сел на неё. 28. Кана после этого хорошенько наелся и домой отправился. 29. Прибыв домой, сказал Kolghezeit-y: «Ты богатый и стелешь шкуру налима туда, куда садишься; а Идьё стелит шкуру зверья». 30. «Что ты говоришь, посмотрю я, правда ли это» – сказал Kolghezeit, и пошёл к Идьё. 31. Вошёл в дом, Идьё спал, потом проснулся и жене сказал: «Старый давновиданный гость пришёл, покормить надо, быстро что-то навари». 32. Женщина сварила лосятину, и постелила дикую шкуру зверья на место [куда усадила] Kolghezeit. 32. Потом пообедали, и Kolghezeit сказал: «Идьё! Пожени меня». 33. «Я тебя пожёну, но Кана нам будет мешать». 34. «Почему бы [он] помешал, пойдем женщину искать». 35. Надели лыжи, которые недавно ещё Идьё надевал, и полетели на них. 36. Раз, сорока прилетела к ним и села на лыжи, и говорит: «Sügrüt-rügrüt! Если идут за девушкой, то со стариками надо, а вы оба молоды и меня с собой не взяли». 37. Эта сорока – Кана. 38. Идьё говорит: «Пошли обратно». 39. «Зачем нам возвращаться? 40. Я сам себе девушку попрошу». 41. «Пошли они в дом, в который Идьё уже заходил. 42. Два мужика камни поставили *** согреть¹⁷, пока не почервонют [покраснеют?]. 43. Кана тоже начал камни греть в огне, и взял горячие камни в руки и ***¹⁸. 44. Идьё и Kholgezeit только смотрели, что эти все делают. 45. Идьё ослеп, Kholgezeit заморозился.

46. Идьё развернулся и пошёл домой. 47. Прибыв домой, жена ему говорила: «Идьё, накопи дров». 48. Идьё начал колоть дрова. 49. Как только сосну вырубил, домой её отнёс, много [дерева] домой натащил. 50. Дома начал дрова колоть, много наколот, пять сажней за ночь. 51. Мать и жена заносят дрова в дом; закидали дровами дом. 52. Жена говорит Идьё: «Не жалей дерево, кидай, кидай на огонь». 53. Идьё накидывал, пока не стал сонным. 54. А там говорит жене: «Больше не кину в огонь, мне уже сильно жарко», и лёг спать. 55. Жена ему говорит: «Идьё, не спи, если на огонь не хочешь кидать, садись в угол, но не спи». 56. Идьё сидел в углу, а жена сама кидала дерево на огонь. 57. Раз, звук какой-то раздался, оба услышали, что кто-то закричал дурно (?)***¹⁹. 58. Прилетел Кана [сорока] и те два мужика, кто в том доме были. 59. Эти двое Кану на руках принесли, один взял одну его ногу, а другой – другую ногу (***). 60. Вышли они из огня, и вышли на улицу через чувал. 61. Пошли они в город Колгзеита, и там звучал такой крик, будто собаки лают.

62. Утром жена говорит Идьё: «Пойди ты в город Колгзеита и посмотри, что за шум был там». 63. Идьё сходил в город Колгзеита и видит, что там нет домов, нет там ничего. 64. Люди убитые, кинутые под яр, дома сожжённые. 65. Только над карамо Каны видно было, что дым поднимается. 66. Идьё подошёл к Кану. 67. Кана лежал на кровати, был один, и говорит: «Быстро наготовьте, человек пришёл, есть хочет». 68. Идьё видел котёл, нож, ложку, которые недавно сами работали. 69. Кана опять говорит: «Быстро наготовьте, человек пришёл, есть хочет». 70. Но ничего не шевелится. 71. Третий раз говорит: «Быстро наготовьте, человек пришёл, есть хочет». 72. Опять ничего не шевелится. 73. Тогда Кана сам встал, обиделся, котёл взял, и в чувал кинул. 74. После этого взял ведро и сам пошёл за водой, [взял] сухого налима ***, плохого налима ***. 75. Это варилось, варилось какое-то время, половина сварилась, половина подгорела. 76. Тогда Кана говорит Идьё: «Садись и ешь». 77. Идьё взял кусок *** чавкался, чавкался [т.е. жевал, жевал] (?)***²⁰ и осторожно кинул под стол, чтоб Кана не заметил. 78. «Почему не ешь?» – говорит ему Кана. 79. «Я сыт, хватит (достаточно) было». 80. «Да, как ты мог так быстро наестся? 81. Когда я был твоим гостем, ты ел как следует, а сейчас так быстро наелся?» 82. «Мы такого дома не ели, не привыкли мы к этому!» – сказал Идьё, потом домой пошёл.

83. Дома его жена говорила ему: «Иди, принеси сына Kolgkheze». 84. «Как мне его принести, когда он превратился в камень?» 85. «Ты только принеси его, даже если он уже камень». 86. Идьё не хотел уходить, достал ***²¹. 87. Надел шубу и шапку из лебединой кожи. 88. Жена говорила ему: «Если сходишь туда, возьми ты тоже камень, согрей его [в огне], когда

он горячим будет, возьми его в руки, (руки не попечёт), положи на голову, из пупка твоего камень вырастет. 89. Сделай это три раза». 90. Идье пошёл, прибыв, видит, что сын Колгезе так там и сидел, как в камень превратился. 91. Два мужика до сих пор *** **.

92. Идье смотрит на них, да говорит: ah ti šölrei, что вы делали, я похитрее вас сделаю». 93. «Так делай!» – говорят те ему. 94. У порога лежал камень, размера двух пудов; Идье взял его и кинул в огонь чувала. 95. Камень в огне стал греться, и тогда Идье взял его в руки, положил на свою голову и из его пупка камень вырос. 96. «А-ну! О! Это что?» - говорят два мужика. 97. Идье посмотрел на сына Kolgheze, и видел, что [того] начинает отпускать, [он начал] превращаться в человека! 98. Второй раз так же произошло, в тот раз тоже камень вышел из него! 99. Они только смотрят, а он видит, что Kolgheze-jit превратился в человека вплоть до ремня. 100. Третий раз так же сделал, и опять камень вырос из пупка! 101. Идье посмотрел на Kolghezeit-a, и видит, что он уже полностью превратился в человека, и на ноги встал. 102. Два мужика только смотрят, что этот делает.

103. Тогда Идье сказал двоим мужикам: «Город Kolgkhezeit-a сделайте таким, каким он был». 104. Они двое говорили: «Только не убивай нас, мы построим его лучше, чем он раньше был». 105. После этого эти двое пошли в огонь, и снова говорят: «Покормите молодых, они есть хотят». 106. После этого пришла чашка ***, *** ** от муксунов²², потом ломка пришла, и покрушила рыбу, ложка из ступы (?) черпает²³ и в чашку кладёт. 107. Двоих молодых покормили и снова пошли в дорогу.

108. Тогда мужик говорит: «Как, ты хочешь уйти от нас без того, чтобы подарок взять?» 109. Опять приходит к нему чёрный сундучок. 110. «Положи это под голову, когда дома пойдёшь спать». 111. Все пошли домой. 112. Прибыв домой, Kolgheze-jit опять пошёл в город. 113. Вечером, когда спать лёг, сундучок под голову положил, и утром, проснувшись, видит, что красавица ходит вокруг него. 114. Говорит девице: «Ложись рядом со мной спать!» 115. Девица легла к нему. 116. После этого спрашивает девицу: «Невеста моя, не знаешь ли ты старую песню?» 117. «Я не знаю никакую песню, я знаю только то, что Идье старше тебя».

118. Идье стал князем; они стали ему налоги платить: платили соболем, горностаем.

Текст №3_доп.

Пюнегуссе – остяцкий силач

Рассказал: Иткупова Вера Григорьевна

Записал: Н.А. Томилов (экспедиция Г.И. Пелих)

Место записи: ю. Инкины

Время записи: 1961 г.

Л.24

1. Пюнегуссе – остяцкий силач. Жил один в карамо. Шуба железная. Остяцкие семьи рушил, убивал, луки воровал и коверкал.

А сын остяков – Иде, взрощенный бабушкой был. Иде – мальчишка. Маленький Иде. Была у них женщина Альчика, промышляла и наказывала Иде: Никуда не ходи! А он не стерпел и пошел. Ходил. Порылся у ней, и пошел... Пришел. Женщина пришла и спрашивает: Почто ходил?

Он: Я не ходил.

У Иде лозы сидели. Он их порыл. А она пришла и говорит: «Больше не ходи туда...» А женщина всё говорила: Не ходи!

Альчика его избила.

Бабушка говорит: Не езд! Там караси косоглазые.

Иде поехал, встретил там Пюнегуссе.

– Поехали, Иде, со мной.

– Не поеду. Спрошу у бабушки.

А бабушка говорит: Зачем поедешь? Он отца и мать твоих убил. Он на плечо возьмёт тебя тащить, а ты плачь, что он тебя шубой истыкал. Пусть он снимет шубу.

Иде так и сделал. Пюнегуссе снял железную шубу, а родичи Иде убили его.

2. Пюнегуссе ходил с шилом, втыкал шило в людей, пил кровь людей. У него глаза большие на верхушке головы.

Дома нельзя оставлять детей одних, иначе Пюнегуссе их съест или глаза на верхушку или на затылок насадит.

3. Мать была. *Нед* – её дочь. *Неденет* – девкина дочь.

Пюнеге – был у них. Но жил с ними не дружно. Он у них воровал всё. Ездил на обласке. Они намазали смолой. Он сел и прилип.

Текст №4_доп

Итя и его тётя жили в бухте Карасевой реки

Рассказал:

Записал: К. Доннер. Перевод с селькупского на немецкий язык - Я. Алатало; перевод с немецкого на русский язык – Б. Вагнер-Надь.

Место записи: **КеМ**

Время записи: 1912 г.

1. Итя и его тётя жили в бухте Карасевой реки.
2. Они сушили мясо карасей, делали из него порсу (рыбную муку).
3. Итя вырос и стал ростом с высокого человека.
4. Однажды он сказал Тёте, что пойдёт сетью рыбачить.
5. Тётя сказала: «Иди в залив, а на озеро не ходи, там живут косоглазые караси и утки».
6. Итя пошел к заливу, каждый день рыбачил.
7. Итя думал, почему нельзя идти к озеру?
8. И однажды он пошел к озеру.
9. Там были гагары, глаза у них были нормальные.
10. Итя задумался: Почему тётя лгала мне?
11. Решил поставить сеть.
12. Поймал карасей. Глаза у них тоже были нормальные.
13. Итя опять задумался: Почему тётя лгала мне?
14. Он сел в лодку, начал грести.
15. Там была такая вода, которая сама несла человека - Он сел на рог серебряного бога?).
16. Весь день он плыл по течению.
17. Нашел следы зверя (как у лошади след).
18. Он думал, думал:
19. «Я сделаю петлю из моих обувных завязок и поставлю на след этого зверя».
20. Он поплыл дальше и думал: ...
21. Почему моя Тётя лгала мне?
22. Он доехал до поворота реки.
23. Он увидел следы зверя, у которого нога как у коровы.....
24. Я пойду к следам этого зверя, сделаю капкан.
25. Он один раз подумал: «У меня еще есть одна завязка на левом сапоге. Я сделаю петлю».
26. Один раз взглянул он: На ширину крышки от кузова дочка князя повернулась (Солнце садится).

27. ...Лодка была полная рыбы.
28. Он поехал обратно домой.
29. Он приехал домой. Он сказал Тёте: «Как бы эту рыбу приготовить?».
30. Позже сказал.. Тёте «Ты Итя...»
31. Итя сказал своей Тёте: «Почему, тётя, ты лгала мне?»
32. Говорила, что глаза у карасей косые, что у красных карасей глаза косые, что у уток глаза косые?
33. Но я нашел карася, его глаза прямые,
34. Я нашел красного карася, его глаза прямые
35. Я нашел пару уток, также её глаза прямые.
36. Потом поплыл я дальше
37. ...
38. Я плыл по воде.
39. Я дошел до круглых следов зверя
40. Я поставил петлю на этого зверя из моих обувных подвязок (шнурков).
41. Я поплыл дальше.
42. В конце поворота реки я нашел следы зверя с ...
43. Я положил туда шнурок с обуви левой ноги.

44. Там внизу в конце живет Пюнегуссе.
45. Ты видел следы коня Пюнегуссе, следы коровы Пюнегуссе.
46. Он съест тебя также, как он съел деревню людей на озере.
47. Иди завтра, заberi свои обувные завязки, иначе тебя съест Пюнегуссе.
48. Если он заметит, то он придет и съест тебя.
49. Утром Итя встал, оделся..
50. Сел в лодку.
51. Он направил лодку в Карасевое озеро и вышел из залива.
52. Он доехал до круглых следов зверя.
53. Он поймал этого зверя.
54. Он разрезал этого зверя на мясо.
55. И положил его в лодку.
56. Потом он поехал дальше. Он достиг следа другого зверя.
57. Он поймал зверя с большим рогом.
58. Также разделал этого зверя на мясо.
59. Положил в лодку.
60. Он поехал домой.
61. Он сказал тётя: «Возьми зверей, которых я поймал»
62. Его тётя спросила: «Почему ты убил зверей Пюнегуссе?»
63. Итя, Итя, почему захотел ты...
64. ...
65. Итя сказал: «Моего отца кости головы, моей матери кости головы съел, только нас не съест».
66. Итя сказал Тёте:
67. «Тетя, тётя, я уже вырос, стал ростом как высокий человек.
68. Я теперь пойду до конца реки с бессмертной серебряной водой, с бессмертной золотой водой».
69. Тётя говорит Ите:
70. «Куда ты пойдешь? На середине этой реки живёт Пюнегуссе. Если пойдешь, Пюнегуссе тебя съест.
71. Пюнегуссе имеет шаманскую мудрость, и у Пюнегуссе есть сила».
72. Итя взял у Тёти семь вещей ценных.
73. Тётя сказала так:

74. «Итя, Итя, ты вырос, стал ростом как высокий человек.
75. Теперь ты всё знаешь сам.
76. Я не запрещаю.
77. Если хочешь, иди».
78. Итя выслушал слова своей Тёти.
79. Переночевал там.
80. Ночью он ворочался.
81. Утром он встал.
82. Они попрощались.
83. Тётя говорит Ите:
84. Ты оставишь духа небес, духа земли.
85. Они поцеловались, они попрощались.
86. Итя ушел от Тёти.
87. Он взял лук и стрелы в колчане.
88. Тётя вышла из дома,
89. пошла и положила лозов в коробе в нос итиной лодки.
90. Итя вёсла наконечником бросил кузов с духами на берег.
91. «Что должен я с ними делать?»
92. Тётя опять положила духов в голову его лодки.
93. Итя опять веслом наконечника выбросил духов на берег.
94. Тётя говорила так:
95. «Итя, если дух тебя прижмёт, не скажи, что я виновата.»
96. Потом Итя утром уехал.
97. Переплыл карасевую бухту и поехал туда,
98. Где течет серебряной воды поток, золотой воды поток.
99. Ехал он длинный день, ехал он короткий день.
100. Приехал к берегу.
101. Причалил к берегу.
102. Его ноги приклеились.
- 103....
104. Итя спросил:
105. «Почему ты поймал мою ногу?»
106. Если я другой ногой ударю.
107. Тогда я ударю кулаком.
108. Кулак прилип.
109. Я другим кулаком ударю. Другой кулак прилип.
110. Я лбом ударю.
111. Его лоб прилип.
112. Я желудком ударю.
113. Желудок прилип.
114. Его живот остался торчать.
115. Он сидел целый день.
116. Однажды пришел Пюнегуссе.
117. «Я тебя так поймал
118. Я тебя съем.
119. Итя сказал так: «Дядя, дядя, не ешь меня!»
120. Дядя, почему ты хочешь съесть меня?
121. «Если ты пойдешь к бессмертной серебряной реке, к бессмертной золотой реке.
122. Там есть лесное озеро.
123. В этом лесном озере плавают два лебедя с пепельным горлом.
124. Если ты их застрелишь,
125. Тогда я тебя не съем.

126.Я стал старый,
127.я не имею возможности подстрелить этих двух лебедей.
128.Итя сказал:
129.«Я попробую».

130.Потом Пюнегуссе выдохнул бессмертное серебряное дыхание
131.Итины руки и ноги освободились.
132.«Итя, Итя, племянничек, почему ты прилип?»
133.Итя ответил:
134.«Как могу я узнать, что ты Пюнегуссе?»
135.Давай пойдем на землю.
136.С Итей вышли они на землю.

137.Зашли в дом Пюнегуссе.
138.Итя смотрит:
139.Пюнегуссева старая мать сидит на конце гребня?
140....
141.Она говорит:
142.«Итя, Итя, внучок, когда ты с воды на землю приходил, наши куэтарко пропали».
143.Итя сказал:
144.«Я не знаю».
145.Потом они покушали, ... попили.

146.Мать Пюнегуссе говорит так:
147.«Бубен тёплым сделать над огнем повесь».
148.Пюнегуссе согрел бубен над огнем.
149.Как она ударила в бубен...
150.Как её подбородок поехал к сердцу семи земель.
151.Её один глаз поехал на седьмой круг неба,

152.Под ногой серебряная одежда бога неба не видно.
153.Второй раз ударила она бубен:
154.Один глаз посмотрел её на северный лес,
155.Другой глаз посмотрел на южный лес.
156.Серебряного бога под ногами... я ничего не вижу.

157.Один её глаз посмотрел туда, где солнце встает,
158.Другой – где солнце садится...
159.Она засмеялась и говорит:
160.«О, Итя, Итя, внучок, ты кушал этих зверей!»
161.Итя в воду, в огонь...
162.«Я не ел их!»
163.Старуха поставила бубен к стене.
164.Они больше не шаманили.
165.Утром Пюнегуссе встал и ушел.
166.Итя целый день в доме
167.И думает:
168.Пюнегуссе хочет меня съесть.
169.И думает:
170.Что я должен делать?
171.И думает:
172.Надо Пюнегуссеvu мать-старуху убить.

- 173.Итя вышел наружу.
 174.Он взял топор и убил Пюнегуссеву мать.
 175.Она умерла в ширину,
 176.Она умерла в высоту.
- 177.Итя думал:
 178.Сейчас придет Пюнегуссе и съест меня.
 179.Куда мне её положить?
 180.И придумал Итя: «В амбар»
 181.Старуху, Пюнегуссеву мать, взял он на спину
 182.И унес в амбар.
 183.Он положил её в угол амбара.
 184.Он взял мороженого налим и в рот старухе засунул.
 185.Налим никак не залазил ей в рот.
 186.Он всё же затолкал налима в рот.
 187.Затолкал ей мороженого налима в рот.
 188.И затем вернулся в дом.....
 189.Круглая ценность небесной царицы лицо...
 190.Между тем Пюнегуссе вернулся домой.
 191.Итя сидел и плакал.
 192.Пюнегуссе вошел в дом.
 193.«Итя, почему ты плачешь?»
 194.«А почему должен я не плакать?»
 195.Бабушка раньше была такая хорошая,
 196.Сегодня она ничего не говорит.
 197.Однажды иду я к ней, вижу, а она пошла в амбар.
 198.У ней в её беззубый старый
 199.рот был воткнут мерзлый налим».
- 200.«Внучек, ну почему ты плачешь?»
 201.Моя старуха без зубов умерла»
- 202.Потом они переночевали.
 203.Утром встали, похоронили Пюнегуссеву Старуху-мать,
 204.Потом начали жить.
- 205.Пюнегуссе сделал лодку длиной семь деревьев.
 206.В эту семи деревьев длинной лодку, в лодку, положили они семь ... рыбьего жира, и
 35... порсы.
- 207.Итя говорит ему:
 208.Дядя, давай поедем к концу бессмертной серебряной реки, к концу бессмертной золотой
 реки.
 209.Они так и поехали.
 210.Ехали они длинный день,
 211.Ехали короткий день.
 212.Так они долго ехали, что проехали 77 устьев рек и 77 устьев озер, тогда они достигли
 конца бессмертной серебряной реки, конца бессмертной золотой реки.
 213.«Но Итя, дядя, смотри, конец реки. В конце неумирающее озеро с серебряной водой,
 золотой водой.
 214.Там плавают два лебедя, у которых горло пепельного цвета.
 215.Было бы хорошо, если нашлось бы умение их подстрелить.

- 216.Если ты их застрелишь, принеси их мне.
217.Половину моего дома отдам тебе, бессмертную ценность...
218.Хорошую половину от шелка дам тебе.
219.И корову, и лошадь тебе отдам».
220.Итя взял лук и колчан со стрелами
221.И ступил на землю.
222.Туда, до места...он достиг источник.
223.Он туда недалеко пошел, достиг источник озера.
224.Он увидел, как по глади озера плавают два лебедя с горлом пепельного цвета.
225.Он подумал рыбным умом,
226.Он подумал (подвигал) звериным умом,
227.Под ногами Бог в серебряной одежде.
228.Небеса..
229.Он думал, как бы сделать так, чтобы эти два лебедя поплыли бы в его сторону.
230.Он смотрел,
231.эти два лебедя приплыли бы к его стороне.
232.Итя ждал, чтобы они подплыли на расстояние выстрела.
233.Он взял стрелу и положил её на тетиву лука.
234.Он натянул лук и выстрелил.
235.Но эти два лебедя остались плавать как и плавали.
236.Итя опять подумал звериным умом, подумал рыбным умом.
237.Как мне выманить их на землю этих двух лебедей.?
238.Итя обратился к богу:
239.«Серебряный Бог, Отец, если бы ты от конца моря ветром подул бы»...
240.Прошло не очень много времени,
241.Прошло столько времени, что котел со щукой, котел с окунем не сварился бы,
242.С конца моря подул ветер.
243.Этот ветер принес этих двух лебедей на землю.
244.Итя пошел и взял этих двух лебедей.
245.Он понес их, и неся, начал осматривать.
246.В правом ухе у одного из лебедей было серебряное муллени, золотое муллени.
247.Итя взял муллени.
248.Он взял это и посмотрел.
249.Это была дочка маленькой девочки.
250.У неё были бессмертные серебряные ресницы, бессмертные золотые ресницы.
251.Он взял эту девушку и положил её на дно своей длинной сумки.
252.Он поймал двух лебедей и понёс их.
253.Он пошел к Пюнегуссе.
254.Когда он пришел, он отдал двух лебедей Пюнегуссе.
255.Пюнегуссе взял лебедей и сказал:
256.Итя, Итя, где их печень?
257.«Какую печень ты ищешь?
258.После того, как я их подстрелил, я ничего не знаю».
259.Пюнегуссе бросил двух лебедей прочь (через плечо).
260.Эти лебеди нужны были ему, чтобы жениться.
261.Лебеди вернулись обратно (ожили?).
262.Пюнегуссе рассердился на Итя.
263.И Пюнегуссе грёб так, что конец их лодки вертелся туда-сюда.
264.В один момент, когда лодка вертелась туда-сюда, он сломал весло.
265.«Ху, Итя, Итя, внучок, моё весло сломалось!»
266.Он причалил к берегу, пошел и вышел на сушу.
267.Он взял одну толстую лиственницу?

- 268.И он ударил, и лиственница раскололась.
 269.«О, внучек, я забыл сделать клин.
 270.Но в моем детстве я вставлял локоть как клин.
 271.Положи ты твой локоть как клин».
 272.Итя сунул свой локоть внутрь.
 273.Пюнегуссе вытащил свой топор, и дерево защемило локоть Ити.
 274.Итя закричал:
 275.«Дядя, ударь топором снова!»
 276.Пюнегуссе взял из Итиной длинной сумки то, что Итя взял из уха лебедя –
 277.Бессмертное серебряное муллено.
 278.И положил в свою длинную сумку.
 279.В свою длинную сумку на самое дно спрятал он девушку.
 280.Итя воскликнул:
 281.«Пюнегуссе, дядя, ты уже взял девушку, можешь ли ты выпустить мою руку?»
 282.Пюнегуссе сказал:
 283.«Итя, Итя, оставайся ты тут навсегда!»
 284.Пюнегуссе сел в лодку и поплыл вниз.
 285.Давай споем песню
 286.Пюнегуссе запел:
 287.«К груди этой девушки прильну я сам,
 288.А Итя останется навсегда защемленным».
 289.Итя кричал долго, ...«он прошел через...»??
- 290.Он начал раскачиваться.
 291.Он качнулся 7 раз.
 292.На маленьком холме духа дерево.
 293.Нагнул дерево.
 294.Еще раз через...
 295.Он сел на кончик лиственницы, там которому живет....
 296.На кончик дерева.
 297.И говорил: Ху, Ху.
 298.Они упали к корням дерева, где Пюнегуссе Итию заклинил.
 299.Они сказали: «Ху, ху, Итя, какой Итя-дух лиственницы Небес, Земли есть ты упавший.
 300.Раньше положила нас твоя Тётя к тебе в лодку
 301.В узорчатом берестяном кузове.
 302.А ты выбросил нас с лопасти весла.
 303.И ты сказал: они не будут мне ничего делать.
 304.Они не могут помогать костям головы моего отца.
 305.Но мы пришли спасти твою душевную Душу ...
 306.если бы нас не было, это был бы последний твой вздох, ты бы умер».
 307.Один из этих двух духов, который был маленький как две щиколотки и в черном платке,
 сбегал к кончику дерева.
 308.Другой побежал к корню дерева.
 309.Они дунули бессмертным серебряным дыханием, бессмертным золотым дыханием.
 310.И дерево раскололось на две стороны.
 311.Они взяли локоть Ити,
 312.дунули бессмертным серебряным дыханием, бессмертным золотым дыханием,
 313.И он исцелился.
 314.Потом они оба сказали:
 315.«Когда ты нас на землю бросал, мы рассердились на тебя.
 316.Но теперь, Итя, ты наш господин.
 317.Теперь иди за 7 поворотов, за 7 прямых течений, на северной стороне холм.

- 318.Иди туда.
- 319.Там едет Пюнегуссе по течению (на серебряном, на золотом Боге)
- 320.Ты будешь.. его ступни, и кисть руки..
- 321.Потом, когда он подъедет,
- 322.Возьми с одной стороны озерную лилию, с другой стороны – озерную лилию
- 323.И сделай петлю.
- 324.Потом садись на берег.
- 325.Позже приедет Пюнегуссе,
- 326.Будет петь песню и плыть,
- 327.Он попадет в эту петлю и не сможет освободиться».
- 328.Итя побежал на лесной холм на северной стороне
- 329.Он взял... кисть руки, и ступню?? Пюнегуссе.
- 330.После этого он взял с одной стороны озерную розу, с другой стороны.
- 331.Потом он натянул петлю над бессмертной серебряной рекой.
- 332.Потом он сел на землю и сидел там.
- 333.Наконец он увидел Пюнегуссе.
- 334.Пюнегуссе плыл по воде и пел:
- 335.«Я буду сам из груди девушки взято...
- 336.Он проплыл под елью, он достиг петлю, поставленную Итей.
- 337.Лилия с одной стороны потянула его, с другой стороны потянула его наверх.
- 338.Пюнегуссе остался подвешенным за обе ноги.
- 339.Течение унесло его лодку.
- 340.Итя побежал туда, взял его лодку.
- 341.Пюнегуссе кричал:
- 342.«Итя, Итя, дядя, отпусти меня,
- 343.Сделай так, чтобы моя душа не погасла (2 р.)
- 344.Люби эту девушку ты сам,
- 345.Я отдаю её тебе».
- 346.Итя сказал так:
- 347.«Ты, Пюнегуссе, дядя, действительно «пройдешь ты через».
- 348.Разве ты не так сказал мне, когда оставил меня защемленным?
- 349.Теперь ты, Пюнегуссе, оставайся навсегда здесь.
- 350.Ты съел целую деревню людей, которые хотели жить».
- 351.И в то время, за которое котел со щукой, котел с окунем сварились,
- 352.За это время Пюнегуссе умер.
- 353.Он умер вертикально,
- 354.Он умер горизонтально.
- 355.Итя пошел на вершину холма,
- 356.И он взял сухое дерево.
- 357.Пошел на вершину холма
- 358.Взял... крупу?
- 359.Итя зажег огонь-дух.
- 360.Взял Пюнегуссе из петли,
- 361.Потом положил его в огонь-дух.
- 362.Он начал гореть в огне.
- 363.Огонь съел Пюнегуссе.
- 364.Зубы Пюнегуссе говорили из огня: *чынг, пынг*.
- 365.«Итя, Итя, ты рыба с чешуей и плавниками, не делай меня неспособным (жить?)».
- 366.Итя толкнул ногами зубы Пюнегуссе обратно в огонь.
- 367.«Кости головы моего отца, кости головы моей матери ты больше не будешь есть.
- 368.Итин Огонь-лоз будет тебя жечь».
- 369.Он зажег огонь, и он (П.) начал гореть.

- 370.Кости спине Пюнегуссе, кости руки..., кости ноги, кости головы..., кости подбородка... сгорели.
- 371.И остался только пепел.
- 372.Итя руки ... серебряного бога ...
- 373.«Серебряный Бог-Отец, хоть бы теперь ветер с конца моря подул бы. Из подмышки..»
- 374.Кончики души деревьев начали колебаться.
- 375.Они качались, падая.
- 376.Через некоторое время с конца моря тучи закрыли солнце,
- 377.Небо вздулось, поднялся шторм.
- 378.Стволы деревьев изогнулись.
- 379.Вздулся шторм.
- 380.Ветер послал пепел – мясо Пюнегуссе - на небо.
- 381.Итя сказал так:
- 382.«Совсем бессильным делаю я тебя.
- 383.Совсем неспособным делаю я тебя.
- 384.Как рыба будешь без? с чешуи и плавников.
- 385.Твой мясо-пепел превратится в комаров и мошек.
- 386.Как рыбу без чешуи и без плавников - таким бессильным он сделал (П.),
- 387.Как рыбу без чешуи и без плавников – совсем без жирным сделал он его.
- 388.Итя сел с девушкой в лодку Пюнегуссе и уплыл.
- 389.Икры шуки день прошел, окуня икры день прошел.
- 390.Он ехал длинный день,
- 391.Он ехал короткий день.
- 392.Долго ли, коротко ли – достиг дома Пюнегуссе.
- 393.Когда достиг он дома Пюнегуссе, он собрал 7 амбаров (денег и запасов).
- 394.Он собрал шелк и семь тканей.
- 395.Он взял лошадей и коров.
- 396.Итя до года своего рождения,
- 397.до года своего появления.
- 398.И уехал.
- 399.Ехал длинный день,
- 400.Ехал короткий день.
- 401.И достиг он своего залива с карасями.
- 402.Он въехал в залив с карасями,
- 403.Он переехал залив с карасями.
- 404....
- 405.И потом сказал он девушке:
- 406.«Останься здесь,
- 407.Я найду один сначала в дом».
- 408.Итя на крышу дома залез и посмотрел через дымовое отверстие.
- 409.Его Тётя стала старой.
- 410.Кусочек уголька был у ней в ладони.
- 411.Она дула на него:
- 412.«Искра, не погасни!
- 413.Искра! Которую Итя видел, не погасни!»
- 414.Итя плюнул полным ртом воды, и уголёк, который Тётя держала, погас.
- 415.Тётя схватилась за голову:
- 416.«Ты погасил уголек, который Итя-дядя в моей жизни видел».

417.Итя зашел в дом, и пнул Тётю.

418.Итя пнул 7 раз

419.....

420.И она стала молодой.

421.Тётя говорит:

422.«Какой Сын Бога пришел?

423.Или сын Земли пришел?»

424.Итя сказал:

425.«Тётя,Тётя, это я пришел!»

426.«Ты – сын Неба,

427.Ты – сын Земли?

428.Почему ты запутал меня?

429.Мой Итя, который в печени (в груди) у меня был маленький Дядя, ушел.

430.Пюнегуссе он где-то сделал неспособным как рыбу с чешуей и плавниками.

431.Если ты действительно Итя, тот человек, которого я вырастила,

432.Тогда сядь и пососи мою грудь.

433.Я буду правую грудь давить.

434.Если я действительно тебя вырастила, то молоко не упадет на землю,

435.А попадет тебе в рот».

436.Итя сел с открытым ртом.

437.Его Тётя стала давить правую грудь.

438.Она брызнула, и струя попала прямо в рот Ити.

439.Тёт встала, и кончиком языка поцеловала Итю.

440.«Итя, Итя, как ты вырос. Как достиг ты высоты высокого человека».

441.Итя сказал Тёте:

442.«Тётя, чтобы ты сказала, если бы я привез девушку?

443.Тётя сказала...

444....

445.Она взяла стрелу с перьями ,

446.Шелк...

447.И Тётя вышла на улицу.

448.Она ввела девушку в дом.

449.Потом Тётя открыла дверь ...

450.За время, пока в котле щука сварилась бы, за время, за которое окунь сварился бы,

451.На крючке подняла она нельму, подняла на крючке остера.

452.Тётя сказала...

453....

454.Навсегда.

455.Начали они вместе жить.

456.Вечером буду тебе рассказывать,

457.Утром буду тебе рассказывать.

Текст№5_доп

[Пел я про свою жизнь...]
(фрагменты)

Информант: Кондуков Н. И.

Записал: Гемуев И. Н.

Место записи: р. Кеть, пос. Усть-Озёрное, 1980 г.

Земля тонула ведь перво. Бог послал гагару, тот ничего не достал. Гоголь (*порья*) достал песок. Это наша земля.

Люди дерутся, бьют. Бог змею пустил, потом птицу, рябок. А раньше — копылуху. А рябок напугал копылуху. Копылуха стала его клевать, вот поэтому у рябка только немного белого мяса, остальное черное.

А вперед всех — людей пустил. Люди передрались, он змею пустил, чтобы она их разгоняла.

У земли сердце есть — круглая земелька. Бьют-бьют, как до нее добьют — людей не будет.

Собак пустил, как человека голого пустил. Она мерзнет. Черт пришел, [спросил собаку]:
- Что случилось?

- Застываю.

Ей шкуру черт дал.

Вот теперь болеем — кашляем. Бог послал — сделал человека из глины, сидит как человек. А черт плевал, плевал... Вот за это болеем. Гриппы тоже знаем оттуда — с запада.

Умрет человек — вниз идёт. Дорога эта есть как река. Он, какой человек умрет — вниз идет, на запад. Другие долго держатся, другие останавливаются, долго держатся. Там всего есть — кости, заторы как река. Вот года три назад умерли двое — они и там вместе ходят.

Когда умрет человек, тень его в те места ходит, где жил. Когда человек умрет, его провожать, как шаманить. Человек идет, долго идет. Ну, идет и который остается еще, дорога вниз и вниз, ниже идет, где-то есть, туда никак не доберешься. Любог человек вперед идет. Кто старший — он сзади идет, молодой — вперед идет. На запад идет. Там река такая же, как Кеть, только черный цвет. Здесь мы живем как гости, а там будем жить вечно. Вот, ничего не переменается, человек там же вон умер, так и есть. Там будто бегают старики, работает — это я во сне видел, будто я там побывал. Там — умерли старики Корбины, живут — рыбы много. А я говорю — нет, я еще на землю хочу.

Люди как здесь, так и там — стараются, живут, также рыбу ловят. Когда я (во сне) пришел, они мне таз рыбы поставили, но мне некогда.

Я когда-то догонял этих (умерших), так же как здесь, только, если с ними уйдешь далеко, трудно будет обратно добираться.

Ну прямо сказать, есть земли подземной ихней хозяйин — старая давнишняя *квэндигай-пайя*, которая самая первая умерла. Всех, кто умрет, она забирает. Куда деваться — к ней идут. Она на реке, но в сухом месте живет.

Там и медведи, и всякие звери там, что-кто пропадёт. Ведь все там. И собачьи кости там — и лают. А деревьев там нет — чисто.

У старухи есть сторож. Это как человек, а как только подходишь — медведь. Там это сейчас есть, раньше больше шаманов — чертей было, сейчас нет. Шаманы тоже там, их там много. Медведь там сторожит, чтобы чужой не подошел. Здесь на земле много народов. Там же так.

К ним (покойникам) надо уметь подойти. Ляжешь на запад головой и руки как покойник положишь и лежи. Они сами придут. И тогда с ними можно говорить. Я молодой был, шаманил, многих догонял своих, теперь старый стал. Я по-шамански говорю им — как живете. Они говорят — мы хорошо живем. Но обратно трудно оттуда.

Текст №6_доп

Кат-ман-пуч

Информант: ?

Записал: Григоровский Н.П.

Место записи: 1870-е гг.

Маленький Кат Ман Пуч спит в зыбке. Мать ласково взяла его из зыбки, полюбиовалась им и посадила на пол. Неизвестно, сколько прошло времени, но маленький Кат Ман Пуч стал большим. Тогда к ним пришел человек, поклонился, осмотрелся и сказал:

- Зачем ты звал меня, Кат Ман Пуч?

Он сказал тому человеку:

Надо лодку сделать, чтобы посадить в неё шестьдесят человек.

Семь дней делали такую лодку.

Кат Ман Пуч вышел, чтобы отправиться в путь. Осмотрел он лодку, посадил шестьдесят гребцов и сел сам.

Семь дней ехали они вверх по реке.

На седьмой день приехали к трём устьям Кадыски. Встретили на пути заводь. Она задержала их. До поту гребли, но не могли пройти.

Кат Ман Пуч вышел из-под крыши лодки и опустил в заводь монетки по обе стороны лодки.

Теперь лодка прошла. Подошли они к городу Кадыски. У города стоят семь больших рыб, за ними и стала лодка.

Тут стояли семь дней, и семь дней Кат Ман Пуч не выходил из-под крыши лодки.

А в это время в город пришел низовский богатырь и начал пировать. Он хотел высватать дочь Кадыски – белую красавицу.

Невеста вышла на берег, спустилась к воде, ступила на первую рыбу и посмотрела вниз по реке. Она ждала Кат Ман Пуча, но его не было видно. Тогда она по спинам всех семи рыб дошла до лодки и спросила:

- Почему не приехал Кат Ман Пуч?

Он сразу же из-под крыши лодки вышел, посадил девушку в лодку. Поплыли они вниз.

После семи дней они опять встретили заводь. Опять Кат Ман Пуч опустил в воду деньги, лодка двинулась вперед. Проплыли они опять семь дней и вернулись домой.

Стала дочь Кадыски женой Кат Ман Пуча.

Как-то они вышли вместе на берег. Жена спрашивает его:

- Куда ты высыпал деньги?

Он показывает ей на воду, а жена уже больше ничего не говорит.

Вернулись домой, стали пить вино. В городе тоже все веселились. Кат Ман Пуча стало клонить ко сну. Он и говорит:

- Я хочу спать, а если я усну, то меня не разбудить никому. Но у меня, видишь, висят семь мечей. Ты меня ткни вногу седьмым, самым маленьким мечом, - и я проснусь.

Крепко он заснул, а жена его сидит дома. Затем она вышла из дому и взяла топор.

Мать мужа спрашивает:

- Ты куда идёшь?

Невестка отвечает:

- Иду дрова рубить, а привезу на лодке.

Свекровь ничего не сказала, она знала: дрова должна добывать женщина и летом, и зимой.

На дворе отец мужа тоже спрашивает:

- Ты куда идешь?

Она сказала:

- Иду дрова рубить, а привезу на лодке.

Он тоже больше ничего не сказал.

Жена Кат Ман Пуча спустилась к лодке, отвязала её, оттолкнулась от берега и поплыла вверх. Проплыла она семь плёсов, хорошо правила лодкой, проплыла быстрину.

Когда плыла по седьмому плёсу, увидела на берегу много лесу. Она вышла на берег и стала рубить деревья. Но что-то в лесу раз затрещало, потом другой раз. Она насторожилась и видит: вышел из лесу человек. Она присмотрелась и узнала своего старшего брата. Он сказал ей:

- Зачем ты ушла к чужому человеку?

Подошел еще человек, женщина увидела, что с её братом пришел низовский богатырь. Она хотела спрятаться за дерево, но было уже поздно.

Низовский богатырь властно приказал ей:

- Иди назад домой, Кат Ман Пуч крепко спит. Ты зашей ремнями его кольчугу, чтобы её нельзя было надеть. Мы придем и убьём его.

Женщина нарубила дров, наложила их в лодку и поплыла домой.

Когда она вернулась, в дверях её встретил свёкр и опять спросил:

- Ты куда нздила?

- Я рубила дрова, - ответила она.

Но свекровь сердито сказала совсем о другом:

- По лицу твоему видно, что ты виделась с низовским богатырем, след-то в глазах твоих остался...

Кат Ман Пуч спал. Жена его взяла кольчугу и стала её ремнями зашивать. Шьёт и думает, низовский богатырь на уме у нее, но он черный, страшный. Потом она посмотрела на мужа, он такой молодой, такой красивый... Она тогда распоролa ремни и повесила кольчугу на место.

Потом взяла самый маленький меч и уколола им мужа в ногу. Он проснулся, встал и сказал ей:

- Я хорошо выспался.

Кат Ман Пуч надел кольчугу, взял самый большой меч и вышел.

Низовский богатырь пришел с войском. Стал Кат Ман Пуч рубить войско. Рубил три дня.

А в то время низовский богатырь отца его повалил. Кат Ман Пуч схватился с богатырем и убил его.

Другой низовский воин хотел в это время убить мать Кат Ман Пуча, но сын и его убил.

После того, как все низовские пришельцы были убиты, Кат Ман Пуч пришел к своей жене.

У них потом родились сын и дочь.

Весь народ прославлял Кат Ман Пуча и его подвиги в борьбе с низовскими врагами.

И жену его славили: она осталась верной своему мужу, помогла ему в бою с худыми, кровожадными людьми.

Метаданные

Часть 1

Текст №1

Название	-----
Рассказчик	неизвестен
Диалект	тазовский
Текст записал	Г.Н. Прокофьев
Место и время записи	точно не известны
Полевые материалы	О полевых материалах Прокофьевых см.: Казакевич 2010: 263–265
Перевод с селькупского	Г.Н. Прокофьев
Публикации	Прокофьев 1935: 101–103 (Прил. 1.Текст 1); Collinder 1969: 476–480 (с переводом на английский язык)

Текст №2

Название	Исакусу / Ичкыча
Рассказчик	Михаил Павлович Киприн (ок. 1930– 1973)
Диалект	тазовский
Текст записал	Т.Ю.Кобзарева, Е.А.Хелимский
Место и время записи	Красноселькуп (Таз), 1971
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Т.Ю.Кобзарева, Е.А.Хелимский
Публикации	ОСЯ, 1993: 15-17; 54-57 (текст №5)

Текст №3

Название	Ичакычика / Ičakučyka
Рассказчик	Вера Андреевна Андреева (1957 г.р.)
Диалект	тазовский
Текст записал	Л.Ю. Иоффе
Место и время записи	Красноселькуп (Таз), 1973
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе
Публикации	ОСЯ, 1993: 17-20; 57-60 (текст №6)

Текст №4

Название	-----
Рассказчик	Илья Владимирович Мороков (1960 г.р.)
Диалект	тазовский (верхнетазовский говор)
Текст записал	Е.А. Хелимский
Место и время записи	Толька, 1977

Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Е.А. Хелимский
Публикации	ОСЯ, 1993 : 20-22; 60-62 (текст№7)

Текст №5

Название	Итче – это богатырь
Рассказчик	Николай Измайлович Кондаков , м.р. Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу), с 1920-х гг. жил в п. Усть-Озерном.
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	Г.И. Пелих
Место и время записи	Усть-Озёрное (Кеть), 1963
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Оригинал на селькупском языке отсутствует, переводила К.Н. Кондукова
Подготовка к перепубликации	Н. А. Тучкова
Публикации	Пелих, 1972: 344-345; Сказки кетских селькупов, 1997:169-170

Текст №6

Название	Итте жил с дядей...
Рассказчик	Николай Измайлович Кондаков , м.р. – Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу), с 1920-х гг. жил в п. Усть-Озерном.
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	И.Н. Гемуев
Место и время записи	Усть-Озёрное (Кеть), 1960
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Оригинал на селькупском языке отсутствует, К.Н. Кондукова
Публикации	Гемуев, 1984: 147-149; Сказки кетских селькупов, 1997: 170-172.

Текст №7

Название	<i>Īže Kaža</i>
Рассказчик	Т.Д. Тагина, (1921 г.р.) м.р. – Напас, р.Тым
Диалект	тымский
Текст записал	Л. Сабо
Место и время записи	Ленинград, 1964
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л. Сабо

Публикации	Szabo, 1967: 22 (с переводом на английский язык); Ким 2002: 205; Байдак - Тучкова, 2004: 58-59.
------------	--

Текст №8

Название	Про Идю
Рассказчик	Марина Павловна Пидогина, (1892 г.р.) м.р. – Канёрово (Обь) /
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 25. тетрадь 6:121–143, 7:144–146
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Подготовка к публикации	Н.А. Тучкова
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №9

Название	<i>Йтен а́лдига</i> /Итя и Альдига
Рассказчик	Фиона Фёдоровна Тобольжина (1911 г.р.)
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 9. тетрадь 1: 263–274
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Подготовка к публикации	Н.А. Тучкова
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №10

Название	<i>Й́ден а́лчика</i> /Идя и Альдига
Рассказчик	Фиона Фёдоровна Тобольжина (1911 г.р.) м.р. – Тебенак (Обь)
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 9. тетрадь 9: 1-5
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Подготовка к публикации	Н.А. Тучкова
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №11

Название	Итя в ловушку попал
Рассказчик	Акулина Григорьевна Белозёрова
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озерное (Кеть), июнь, 1964
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 18. тетрадь 6:128–129
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №12

Название	Куда нога прилипла?
Рассказчик	Мария Назаровна Тагаева (1924 г.р.) м.р. – Ласкино (Обь)
Диалект	нарымский (ласкинский говор)
Текст записал	И.А. Коробейникова
Место и время записи	р. Обь, Мумышево, 1992
Полевые материалы	ПМ Н.А. Тучковой
Перевод с селькупского	И.А. Коробейникова
Публикации	Тучкова, 2002(а): 203

Текст №13

Название	<i>Ичакйчика</i> / Ичекичика [в шкуре ястреба-мышелова]
Рассказчик	Максим Иванович Кусамин, (1919 г.р.) м.р. – Фарково
Диалект	Туруханский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Фарково, июль, 1976
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой, Архив ИФУ Гамбургского университета. Band 31. Heft 9 : 176–185, 204
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №14

Название	<i>Īta</i> / Итя
Рассказчик	неизвестен
Диалект	чаинский

Текст записал	Н.П. Григоровский
Место и время записи	ю. Костенькины, р. Чая
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Н.П. Григоровский
Публикации	Григоровский, 1897: 30-33; Григоровский, 1883 №24; Katz 1988: 24-33; Сказки чаинских селькупов, 2001: 117-120.

Текст №15

Название	<i>Йте и Пинävelд'у</i> / Ите и Пиневельдю / Itje und Pineveldju
Рассказчик	Василий Григорьевич Сутарев, (1903 г.р.), м. р. – Лосиноборск (Верхняя Кеть)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озерное (Кеть), июнь, 1964
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 18. тетрадь 10: 206–227
Перевод с селькупского	Е. А. Хелимский, Н. Г. Кузнецова
Подготовка к перепубликации	Н.А. Тучкова, Е. А. Хелимский
Публикации	Тучкова, Хелимский, 2010 : 88-92 (текст№1)

Текст №16

Название	Китка
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина, (1915г.р.), м. р. – ю. Вольджа, р. Васюган
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 61 1983. С. 263–275.
Перевод с селькупского	И.А. Ильяшенко
Публикации	Байдак, Тучкова, 2004: 62-64.

Текст №17

Название	Пучика-Чурикаль-чаптă / Сказка о Пучике-Чурике
Рассказчик	Ганя Мантаков (1928 г.р.)

Диалект	баишенский
Текст записал	Л.А. Варковицкая
Место и время записи	ю. Н.Баиха, 1941
Полевые материалы	ПМ Л.А. Варковицкой; Архив А.И. Кузнецовой. Тетр. 4. Текст 40. С. 49–55. „Пучика-Чурикаль-чаптя”
Перевод с селькупского	Л.А. Варковицкая
Публикации	Сказки народов Севера, 1959 : 144-146

Текст №18

Название	Калабонка и Пёнегесса
Рассказчик	Фиона Фёдоровна Тобольжина (1911 г.р.), м.р. Тебенак (Обь)
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 9. тетрадь 20: 674– 682
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №19

Название	<i>Пёнеге / Пёнеге</i>
Рассказчик	Мария Романовна Тобольжина (1911 г.р.)
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 10. тетрадь 3: 56– 62
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст №20

Название	<i>Йде / Идя</i>
Рассказчик	Любава Павловна Иткупова (1911 г.р.), ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова

Название	<i>Йде /Идя</i>
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1981
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С 58. 1981 г. С. 357– 359.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Подготовка к перепубликации	Н.П. Максимова, А.В. Байдак
Публикации	Сказки нарымских селькупов, 1996 : 29, 134.

Текст №21

Название	<i>Ите / Итя</i>
Рассказчик	Капитолина Николаевна Кондукова (1934 г.р.) м.р. – Ново-Кондуково (Кеть)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	Н.М. Воеводина
Место и время записи	Усть-Озёрное, Кеть
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Н.М. Воеводина
Публикации	Сказки народов Сибирского Севера, 1980: 68–71.

Текст №22

Название	Оккырсайи лōз/ Одноглазый черт
Рассказчик	Любава Павловна Иткупова (1911 г.р.), ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1981
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С 58. 1981 г. С. 363–367.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Сказки нарымских селькупов, 1996 : 35-36, 137

Текст №23

Название	Пōнэгесэ /Пēнэгессэ
Рассказчик	Любава Павловна Иткупова (1911 г.р.), ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1981
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С 58. 1981 г. С. 377–383..

Название	Пӧнэгесэ /Пёнэгессэ
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Сказки нарымских селькупов, 1996 : 25-26, 131-132

Текст №24

Название	<i>It'a üčega kalimba pelgalik / Итя-маленький остался один</i>
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина (1915 г.р.), м.р. – ю. Вольджа, р. Васюган
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	Каргасок, Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 61. (1983). С. 228–235.
Перевод с селькупского	И.А. Ильяшенко
Публикации	Байдак, Тучкова, 2004: 61-62.

Текст №25

Название	<i>Ѓандук Ёдя мадёгыт шақұымба / Как Идя в лесу ночевал</i>
Рассказчик	Мария Степановна Сычина (1914 г.р.), м.р. – ю. ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Иванкино (Обь), 1980
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 55. (1980). С. 219–222.
Перевод с селькупского	А.А. Ким
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст №26

Название	<i>Īže i Imjal raja / Иджа и бабушка</i>
Рассказчик	Н.Н. Минеева (1895 г.р.), м.р. Пудино (Чузик)
Диалект	тымский
Текст записал	В.В. Быконя
Место и время записи	р. Тым
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	В.В. Быконя
Публикации	Сказки народов Сибирского Севера, 1981:137-138; Байдак, Тучкова, 2004: 59-60.

Текст №27

Название	Сказка про Ичу
Рассказчик	П. Тетеркин (1908 г.р.)
Диалект	туруханский
Текст записал	Е.Д. Прокофьева
Место и время записи	Фарково, 1926
Полевые материалы	О полевых материалах Прокофьевых см.: Казакевич 2010: 263–265
Перевод с селькупского	[Е.Д. Прокофьева]
Публикации	Сказки народов Севера, 1959: 166-170.

Текст №28

Название	<i>Imi'anti t'sáptə</i>
Рассказчик	Александра Мантокова (1928 г.р.), м.р. – р. Турухан)
Диалект	туруханский
Текст записал	Т. Лехтисало
Место и время записи	Ленинград, 1957
Полевые материалы	_____
Перевод с селькупского	Т. Лехтисало
Подготовка к перепубликации	Н.А. Тучкова, Б. Вагнер-Надь В процессе подготовки к перепубликации была сделана замена ряда знаков из транскрипции Т. Лехтисало
Публикации	Lehtisalo 1960: 335–336.

Текст №29

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский
Текст записал	Л.Ю. Иоффе
Место и время записи	Таз, Красноселькуп, 1973
Полевые материалы	_____
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе / Joffe, L.Ju.
Публикации	ОСЯ 1993: 22-23, 62 (текст 8).

Текст №30

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский
Текст записал	Л.Ю. Иоффе
Место и время записи	Таз, Красноселькуп, 1973

Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе
Публикации	ОСЯ 1993: 24, 63-64 (текст 10)

Текст №31

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский
Текст записал	Л.Ю. Иоффе
Место и время записи	Таз, Красноселькуп, 1977
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе
Публикации	ОСЯ 1993: 24, 64–65 (текст 11)

Текст №32

Название	Итьте вступается за татар
Рассказчик	неизвестен
Диалект	-----
Текст записал	К. Доннер / Donner, Kai
Место и время записи	неизвестно / [Чая]
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Оригинал на селькупском языке отсутствует
Публикации	Доннер 1915: 48; Доннер 1997: 156-157.

Текст №33

Название	Їандук Ёде номнэ төмба / Как Идю на небо подняло
Рассказчик	Любава Павловна Иткупова (1911 г.р.) м.р. – ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Иванкино, Колпашевский район Томской области; 1981 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 58 (1981). С. 360–361.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Сказки нарымских селькупов, 1996: 32, 135

Текст №34

Название	Їден а́лдига /Идя и Альдига
Рассказчик	Фиона Фёдоровна Тобольжина (1911 г.р.) м.р. – Тебенак (Обь)

Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Иванкино (Обь), 1967
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 9. тетрадь 18: 655–657, тетрадь 19: 658–669, тетрадь 20: 670–674
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст№35

Название	<i>Ičakičika</i> / Ичакычика
Рассказчик	Вера Андреевна Андреева (1957 г.р.)
Диалект	тазовский / Taz
Текст записал	Л.Ю. Иоффе
Место и время записи	Красноселькупск, 1973
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе
Публикации	ОСЯ 1993: 13-15, 52-54 (Текст№4)

Текст №36

Название	Итте с сестрой жили
Рассказчик	С.П. Мунгалов
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	И.Н. Гемуев
Место и время записи	ю. Марковы (Кеть), 1980
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	текст записал только по-русски
Публикации	Гемуев, 1984:140-142; Сказки кетских селькупов, 1997:181-185.

Текст№37

Название	Jompa / Йомпа
Рассказчик	? (лесная ненка)
Диалект	тазовский
Текст записал	Г.Н. Прокофьев
Место и время записи	_____
Полевые материалы	О полевых материалах Прокофьевых см.: Казакевич 2010: 263–265
Перевод с селькупского	Г.Н. Прокофьев
Публикации	Прокофьев 1935: 103-109 (Прил. 1. Текст 2); Hajdú, 1968: 153-157; Повторная запись этого текста от

	тойже информантки см.: Симченко, 1995.
--	--

Текст №38

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский / Taz
Текст записал	Е.А. Хелимский
Место и время записи	Красноселькуп, 1977
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Е.А. Хелимский
Публикации	ОСЯ, 1993: 65-66 (текст 12)

Текст №39

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский / Taz
Текст записал	Е.А. Хелимский
Место и время записи	Красноселькуп, 1977
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Е.А. Хелимский
Публикации	ОСЯ, 1993: 23, 63 (текст 9)

Текст №40

Название	Turša-qō-ira čaptä / Сказка про Тырша-kō-Старика
Рассказчик	Светлана Трофимовна Нерина (1957 г.р.) м.р. – Красноселькупск
Диалект	тазовский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Красноселькупск (Taz), 1965
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 1, тетрадь 17: 345– 354
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст №41

Название	Ičal' čaptä / Сказка об Иче
Рассказчик	Егор Петрович Безруких (1932 г.р.)
Диалект	тазовский / Taz
Текст записал	Л.Ю. Иоффе

Место и время записи	Красноселькуп, 1973
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Л.Ю. Иоффе
Публикации	ОСЯ, 1993: 25-26, 66-67 (текст 13)

Текст №42

Название	Ičakiča ĩmpatĩ imam / Ичакычика женится
Рассказчик	Варвара Михайловна Киприна (1963 г.р.)
Диалект	тазовский / Taz
Текст записал	Е.А. Хелимский
Место и время записи	Красноселькуп, 1977
Полевые материалы	-----
Перевод с селькупского	Е.А. Хелимский
Публикации	ОСЯ, 1993: 67 (текст 14)

Текст №43

Название	Id'et k̆batčel maďe / Идин город-лес
Рассказчик	Чинина Дарья Николаевна (1915 г.р.) м.р. ю. Вольджи, р. Чижалка
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	Каргасок, 1983
Полевые материалы	Н.П. Максимова
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Байдак, Тучкова, 2004: 64.

Текст №44

Название	Йдет тяттэ / Сказка об Йде
Рассказчик	Мария Романовна Тобольжина (1912 г.р.) м.р. ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский говор) / Mittlerer-Ob (Taz)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Иванкино, Томской области; 1981 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 58 (1981). С. 321–327
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Сказки нарымских селькупов, 1996: 61, 154.

Текст №45

Название	Йде нѳмбат пѳѳым / Идя гонит лося
----------	--

Рассказчик	Фиона Фёдоровна Тобольжина (1911 г.р.) м.р. ю. Иванкины, р. Обь
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина / Kuzmina, A.I.
Место и время записи	п. Иванкино, Томской области; 1967 г.
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 9. тетрадь 10: 6–8
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст№46

Название	Кысаҕа / Звёзды
Рассказчик	Василий Григорьевич Сутарев (1903 г.р.) м.р. Лосиноборск (Верхняя Кеть)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озёрное, 1974
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. Band 18, Heft 8: 174–176
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Кузьмина, 1977: 75

Текст№47

Название	Id'e roqurešpa kanaye šitiqut / Идя вдвоем с Каном рыбачили
Рассказчик	Фёдор Николаевич Киликейкин (1924 г.р.) м.р. Горелый яр, р. Чузик
Диалект	тымский
Текст записал / Aufgezeichnet von	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Тым, Напас
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 6, тетрадь 1: 20–24
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Кузьмина 1977: 76; Кузьмина 1967: 319–320, 327–328; Байдак, Тучкова, 2004: 59.

Текст№48

Название	Җонмытыкаль чаптă / Сказка о Конмытыке
Рассказчик	И.В. Безруких /Bezrukih, I. V.
Диалект	тазовский
Текст записал	Л.А. Варковицкая
Место и время записи	Таз, 1941/

Полевые материалы	ПМ Л.А. Варковицкой // Архив А.И. Кузнецовой (Москва). Тетр. 1, текст №4. С. 9–13 (*35004 'Qon mytykal' captae (icakecikat noa:qyr timn'asyt)')
Перевод с селькупского	Л.А. Варковицкая, Е.А. Хелимский, Н.Г. Кузнецова
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст№49

Название	Ичакечика ай имылымыльа/ Ичакечика и бабушка
Рассказчик	Ганя Мантаков (1928г.р.)
Диалект	баишенский / Baicha
Текст записал	Л.А. Варковицкая
Место и время записи	1941
Полевые материалы	ПМ Л.А. Варковицкой // Архив А.И. Кузнецовой (Москва). Тетр. 6, текст №65. С. 56-62. (*35065 'Icacecika aj imylymyl'a')
Перевод с селькупского	А.И. Кузнецова, Н.Г. Кузнецова
Публикации	Текст публикуется впервые.

Текст№50

Название	Итя живёт на червяном мысу
Рассказчик	Николай Измайлович Кондаков, м.р. Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу), с 1920-х гг. жил в п. Усть-Озерном
Диалект	кетский (верхнекетский говор) /Ket (Oberer-Ket)
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озерное (Кеть), 1964 г.
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU UHN). Том 26. тетрадь 5: 105–121; тетрадь 6: 122–125
Перевод с селькупского	А. И. Кузьмина совместно с Н. И. Кондаковым; Редактирование перевода: Е. А. Хелимский, Н. Г. Кузнецова
Публикации	Тучкова, Хелимский, 2010: 99-104 (текст№3).

Текст№51

Название	Итте жил край берега
Рассказчик	Николай Измайлович Кондаков, м.р. Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу), с 1920-х гг.

	жил в п. Усть-Озерном /
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	И.Н. Гемуев
Место и время записи	Кеть, Усть-Озерное, 1980
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 6, тетрадь 1: 20–24
Перевод с селькупского	Капитолины Николаевны Кондукова, Оригинал текста на селькупском языке отсутствует;
Публикации	Гемуев, 1984: 144–145; Сказки кетских селькупов, 1997:173-174.

Текст№52

Название	Ите добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу
Рассказчик	Василий Григорьевич Сутарев (1903 г.р.), м. р. Лосиноборск (Верхняя Кеть)
Диалект	кетский (верхнекетский говор) /Ket (Oberer-Ket)
Текст записал	А. И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озерное, Кеть, 1964
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 18, тетрадь 8: 177–187: 20–24, тетрадь 9: 188–205.
Перевод с селькупского	Е. А. Хелимский, Н. Г. Кузнецова
Публикации	Тучкова, Хелимский, 2010 : 92-98 (текст№2).

Текст№53

Название	Иче ищет своих людей
Рассказчик	П.Т. Мунгалов
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	И.Н. Гемуев
Место и время записи	ю. Марковы (Кеть), 1978
Полевые материалы	Магнитная пленка с записью хранилась в архиве Института Истории, Филологии и Философии СО АН СССР.
Перевод с селькупского	Мунгалов П.Т.
Публикации	Гемуев, 1984: 36.

Текст№54

Название	Сы́лча пы́лча кэ́ш /Сыльча Пыльча Кэш
Рассказчик	Алексей Иванович Калинин

Диалект	тазовский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Красноселькупск (Таз), 1965
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 2, тетрадь 8: 181–202, тетрадь 9: 203–226, тетрадь 10: 227–231
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина, Я. Алатало; Редактирование селькупского перевода: Я. Алатало
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст№55

Название	Пыпаја / Пыпая
Рассказчик	Андрей Иванович Саргаев (до 1964 г. жил в Часельке)
Диалект	тазовский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Красноселькупск (Таз), июль-август, 1965
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 2, тетрадь 21: 471–488
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина, Н.Г. Кузнецова, Я. Алатало
Публикации	Кузнецова Н.Г. 2008: 92-95

Текст№56

Название	Ича и Корсэ
Рассказчик	М. Корсамин
Диалект	тазовский
Текст записал	Е.Д. Прокофьева
Место и время записи	Янов Стан, 1927
Полевые материалы	О полевых материалах Прокофьевых см.: Казакевич 2010: 263–265
Перевод с селькупского	Оригинал на селькупском языке отсутствует
Публикации	Сказки народов Севера, 1959: 163-166.

Текст№57

Название	Ичекичика обманывает <i>Кол'цак Ира</i> с помощью ножа и собаки
Рассказчик	Максим Иванович Кусамин, (1919 г.р.) м.р. Фарково, жил в Ратте, Сидоровске, Курейке
Диалект	текст записан только по-русски / nur auf Russisch aufgezeichnet
Текст записал	А.И. Кузьмина / Kuzmina, A.I.

Место и время записи	Фарково, Июль 1976/ Farkovo, Juli 1976
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 31, тертадь 9 : 186–204/
Перевод с селькупского	_____
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст№58

Название	Qol'saqo ira / Кол'сако Старик
Рассказчик	Полина Михайловна Кусамина, (1927 г.р.) родом из Вангутихи (100 км от Туруханска)
Диалект	туруханский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Туруханск, июль 1977
Полевые материалы	ПМ А.И. Кузьминой ; Архив ИФУ Гамбургского университета. том 32, тертадь 4: 80–99/
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина
Публикации	Текст был опубликован впервые

Текст№59

Название	Сомбыл'е иннезат/ Пять братьев
Рассказчик	Капитолина Николаевна Кондукова (1934 г.р.) м.р. Ново-Кондуково (Кеть)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	Н.М. Воеводина
Место и время записи	Усть-Озёрное (Кеть)
Полевые материалы / Feldforschungsmaterialien	_____
Перевод с селькупского	Н.М. Воеводина совместно с К.Н. Кондуковой
Публикации	Сказки народов Сибирского Севера, 1980 : 59–64

Текст № 60: Kai Donner: A Samoyede Epic

Название	Фрагмент публикации К. Доннера «Самоедский эпос» ¹ (1915) Kai Donner: A Samoyede Epic (1913)
----------	--

¹ Существует ли запись этих материалов в форме фольклорных текстов на селькупском языке – ясности нет.

Рассказчик	Алексей Евдокимович Арбалдаев и другие информанты, оставшиеся неупомянутыми.
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	К. Доннер
Место и время записи	Кеть, ю. Миташкины; также, возможно, иные населённые пункты по маршруту путешествия К.Доннера
Полевые материалы	На основе полевых записей К. Доннер (1911-1913, 1914 гг.)
Публикации	Доннер, 1915; Доннер, 1997: 146-158; Donner, 1913-1918

Часть 2

Текст№1

Название	[Богатырь украл жену у другого богатыря]
Рассказчик	неизвестен
Диалект	[среднеобской]
Текст записал	А. Кастрен
Место и время записи	Томская губерния, 1846 г.
Полевые материалы	??
Перевод с селькупского	М.А. Кастрен, [Антон Шифнер], А.А. Ким (Малони)
Публикации	

Текст№2

Название	[Богатырь в облики соболя]
Рассказчик	неизвестен
Диалект	[среднеобской]
Текст записал	А. Кастрен
Место и время записи	Томская губерния, 1846 г.
Полевые материалы	??
Перевод с селькупского	М.А. Кастрен, [Антон Шифнер], А.А. Ким (Малони)
Публикации	

Текст№3

Название	[маленький богатырь]
Рассказчик	неизвестен
Диалект	[среднеобской]
Текст записал	А. Кастрен
Место и время записи	Томская губерния, 1846 г.
Полевые материалы	??
Перевод с селькупского	М.А. Кастрен, [Антон Шифнер], А.А. Ким (Малони)

Публикации	
------------	--

Текст№4

Название	
Рассказчик	неизвестен
Диалект	[среднеобской]
Текст записал	А. Кастрен
Место и время записи	Томская губерния, 1846 г.
Полевые материалы	??
Перевод с селькупского	М.А. Кастрен, [Антон Шифнер], А.А. Ким (Малони)
Публикации	

Текст№5

Название	Матур/ Богатырь
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина (1915 г.р.; м.р. – ю. Вольджа, р. Васюган)
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60, 1983. С. 181–185.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№6

Название	Дочь богатыря
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина (1915 г.р.; м.р. – ю. Вольджа, р. Васюган)
Диалект	васюганский
Текст записал	И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 61, 1983. С. 215 – 227.
Перевод с селькупского	И.А. Ильяшенко
Публикации	

Текст№7

Название	Дочь Земли
Рассказчик	Нина Степановна Макшина (1912 г.р.; м.р. – ю. Куяльцы, р.Обь)
Диалект	нарымский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	пос. Нельмач (р. Парабель), Парабельский район Томской области; 1984 г.

Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 66, 1984. С. 79 – 85
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Публикации	Сказки нарымских селькупов.

Текст№20

Название	Девочка и лёд
Рассказчик	Чинина Дарья Николаевна
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60 1983. С. 339-346, С – 61 1983. с. 183 – 192.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№21

Название	[Пажине и дочь лесной женщины]
Рассказчик	Марина Павловна Педогина (1886 г.р. ; м.р. – ю. Конеровы; 20 лет жила в ю. Костенькиных, затем в 1942 г. переехала в Старо-Сондорово, в 1958 – в Ново- Сондорово)
Диалект	среднеобский
Текст записал	А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина
Место и время записи	Сондорово (р. Обь), 1961 г.
Полевые материалы	А.И. Кузьмина // Band 25 Hefte 23 : 499–522; 24 : 523– 547
Перевод с селькупского	А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина
Публикации	Кетские сказки / Сост.: А.П. Дульзон. Томск, 1966 С. Текст №53 «Сказка про лесную бабу».

Текст№22

Название	Огня мать
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	И.А. Ильяшенко, Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60, 1983. С. 352–364; С – 61. С. 143– 159.
Перевод с селькупского	И.А. Ильяшенко, Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№23

Название	[Бог сам знает...]
Рассказчик	неизвестен
Диалект	чаинский
Текст записал	Н.П. Григоровский
Место и время записи	предположительно, ю.Костенькины, р. Чая, 1870-е гг.
Полевые материалы	??
Перевод с селькупского	Н.П. Григоровский
Публикации	Григоровский Н.П. Азбука сюсогой гулани. Казань, 1879.

Текст№24

Название	Брат и сестра
Рассказчик	Нина Степановна Макшина
Диалект	
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	п. Нельмач Парабельского района
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 66, с. 20 – 35.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Публикации	

Текст№25

Название	Как рябчик человеком стал
Рассказчик	Елизавета Варламовна Сычина (1923 г.р.; м.р. – ю. Иванкины (р. Обь))
Диалект	среднеобской (иванкинский)
Текст записали	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Иванкино, Колпашевский район Томской области; 1980 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С–55. 1980. С. 3–22.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№26

Название	Как бык человеком стал
Рассказчик	Нина Степановна Макшина
Диалект	нарымский
Текст записал	Ю.А. Морев
Место и время записи	пос. Нельмач, Парабельский район, Томской области, 1971 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С–42. 1971. С. 167–183, 239–255.
Перевод с селькупского	Ю.А. Морев
Публикации	

Текст№27

Название	Сказка про голову без туловища
Рассказчик	Марина Павловна Педогина (1886 г.р. ; м.р. – ю. Конеровы; 20 лет жила в ю. Костенькиных, затем в 1942 г. переехала в Старо-Сондорово, в 1958 – в Ново-Сондорово)
Диалект	среднеобский
Текст записал	А.П. Дульзон, [А.И. Кузьмина]
Место и время записи	Старо-Сондорово (р. Обь)
Полевые материалы	А.И. Кузьмина // Hefte 4: 90–103, 5: 104–119, 6: 120
Перевод с селькупского	А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина
Публикации	

Текст№28

Название	Пора
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60. 1983. С. 339–346; С – 61. 1983. С. 183–192.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Байдак А.В., Максимова Н.П. Дидактизация оригинального селькупского текста. Томск, 2002.

Текст№29

Название	Золотой бобёр
Рассказчик	неизвестен
Диалект	чаинский
Текст записал	Н.П. Григоровский
Место и время записи	предположительно, ю.Костенькины, р. Чая, 1870-е гг.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Н.П. Григоровский
Публикации	Григоровский Н.П. Азбука сюссогой гулани. Казань, 1879.

Текст№30

Название	Три внука черного царя
Рассказчик	Дмитрий Петрович Соиспаев (м.р. – ю.Соиспаевы, р. Парабель)
Диалект	нарымский
Текст записал	А.П. Дульзон
Место и время записи	с. Парабель, 1964 г.

Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	А.П. Дульзон совместно с Д.П. Соиспаевым
Публикации	Дульзон А.П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1966. Т. 1. С. 96–158.

Текст№31

Название	Пять самоловных братьев
Рассказчик	Капитолина Николаевна Кондукова
Диалект	кетский
Текст записал	Н.М. Воеводина
Место и время записи	
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Н.М. Воеводиной совместно с К.Н. Кондуковой
Публикации	

Текст№32

Название	Три брата (один глупый)
Рассказчик	Ксения Александровна Соиспаева (1914 г.р.; м.р. – ю.Соиспаевы, р. Парабель)
Диалект	нарымский (парабельский говор)
Текст записал	Ю.А. Морев
Место и время записи	п. Нельмач, Парабельский район Томской области; 1971 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С– 61. 1983. С. 147–154
Перевод с селькупского	Ю.А. Морев
Публикации	

Текст№33

Название	Старинное предание (сказка про двух братьев, которых выгнала мачеха)
Рассказчик	Нина Степановна Макшина
Диалект	нарымский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	пос. Нельмач, Парабельский район, Томской области, 1984 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 66. 1984. С. 3–15.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Публикации	

Текст№34

Название	Пёнэге
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко

Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 59. С. 272–285, 478–486.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№35

Название	Черт
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С–60. С.197–205.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№36

Название	Мальчик и чёрт
Рассказчик	Марина Павловна Педогина (1886 г.р.)
Диалект	среднеобский
Текст записал	А.П. Дульзон, [А.И. Кузьмина]
Место и время записи	Сондорово (Обь), 1961 г.
Полевые материалы	А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина совместно с М.П. Педогиной
Перевод с селькупского	
Публикации	Кетские сказки / Сост.: А.П. Дульзон. Томск, 1966 С. Текст №52.

Текст№37

Название	Глаза и уши
Рассказчик	Нина Николаевна Боярина, (1932 г.р.)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	Э.Г. Беккер
Место и время записи	п. Усть-Озерное, Верхнекетский район Томской области; 1971 г.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Э.Г. Беккер
Публикации	Сказки народов Сибирского Севера». Томск, 1980.С. 55–57.

Текст№38

Название	Как собака себе хозяина искала
----------	---------------------------------------

Рассказчик	Нина Николаевна Боярина, (1932 г.р.)
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	Э.Г. Беккер
Место и время записи	п. Усть-Озерное, Верхнекетский район Томской области; 1971 г.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Э.Г. Беккер
Публикации	Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980.С. 57-59

Текст№39

Название	Как старуха без старика осталась
Рассказчик	Ксения Александровна Соиспаева (1914 г.р.; м.р. – ю.Соиспаевы, р. Парабель
Диалект	нарымский (парабельский говор)
Текст записал	Ю.А. Морев
Место и время записи	п. Нельмач, Парабельский район Томской области; 1971 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С-42. 1971. С.141–142.
Перевод с селькупского	Ю.А. Морев
Публикации	

Текст№40

Название	Мышка, рябчик и крот
Рассказчик	Николай Измайлович Кондаков, с 1920-х гг. жил в п. Усть-Озерном
Диалект	кетский (верхнекетский говор)
Текст записал	А. И. Кузьмина
Место и время записи	Усть-Озерное (Кеть), 1964 г.
Полевые материалы	А.И. Кузьмина / Band 26 Heft 5 : 98–103
Перевод с селькупского	А. И. Кузьмина совместно с Н. И. Кондаковым
Публикации	

Текст№41

Название	Как богатыри раньше жили
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60. 1983. С. 158–165.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	

Текст№42

Название	[Остяки с других рек девушек украдут]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. С. 269–273.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№43

Название	Остяки старых людей не обижают
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. С. 221.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№44

Название	Остяки красивые и некрасивые были
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. С. 273–274.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№45

Название	Собакоголовые люди
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 271-272.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№46

Название	Раньше, говорят люди, медведь был человеком
Рассказчик	А.Р. Иженбина (1916 г.р.)
Диалект	нарымский диалект (ласкинский говор)
Текст записал	И.А. Ильяшенко, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Ласкино, 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60, с. 423, С – 61, с.116 – 119.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике (1999)

Текст№47

Название	Праздники зверей
Рассказчик	Любава Павловна Иткупова (1911 г.р.)
Диалект	среднеобской (иванкинский говор)
Текст записал	А.А. Ким, Н.П. Максимова
Место и время записи	п. Иванкино, 1981 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С 58. 1981 г. С. 353–357.
Перевод с селькупского	А.А. Ким
Публикации	

Текст№48

Название	[Охотник и лоз]
Рассказчик	Григорий Степанович Арбалдаев (1931 г.р.; м.р. – ю. Меташкины, р. Кеть, с 9 лет жил в Белояровке, затем – в Максимкином Яру.
Диалект	кетский
Текст записал	А.И. Кузьмина
Место и время записи	Максимкин Яр, [1964]
Полевые материалы	Band 26 Neft 1 : 1–17
Перевод с селькупского	А.И. Кузьмина совместно с Г.С. Арбалдаевым
Публикации	Не опубликован

Текст№49

Название	[Как охотник мешок с белками украл]
Рассказчик	А.Р. Иженбина (1916 г.р.)
Диалект	нарымский диалект (ласкинский говор)
Текст записал	И.А. Ильяшенко, Н.П. Максимова
Место и время записи	Ласкино, 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60, с. 401–405.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№50

Название	Черти
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 408–412.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№51

Название	[Лесная чертовка]
Рассказчик	А.Р. Иженбина (1916 г.р.)
Диалект	нарымский диалект (ласкинский говор)
Текст записал	И.А. Ильяшенко, Н.П. Максимова
Место и время записи	Ласкино, 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС. С – 60, с. 418 – 422.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№52

Название	[Муж с женой жили в верховье Нюрольки]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 61. 1983. С. 172–175.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова, И.А. Ильяшенко
Публикации	Не опубликован

Текст№53

Название	Кожар/Мамонт
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. С. 144–147.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№54

Название	[Чаинский человек и чулымский человек]
Рассказчик	неизвестен
Диалект	чаинский
Текст записал	Н.П. Григоровский
Место и время записи	[ю.Костенькины, р. Чая]
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Н.П. Григоровский
Публикации	Григоровский Н.П. Азбука сюссового гулани. Казань, 1879.

Текст№55

Название	[Другие люди]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60. 1983. С. 141–142.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№56

Название	[Лесные люди] (умерших людей души)
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 61. 1983. С. 236–241.
Перевод с селькупского	И.А. Ильяшенко
Публикации	Не опубликован

Текст№57

Название	[Про покойников]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60. 1983. С. 142–144.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№58

Название	Шаманы
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 167–173.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№59

Название	[Остяки огонь любят]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 213
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№60

Название	[Зачем лозам приклады]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 206–207.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№61

Название	Идет / Мизгири (Пауки)
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	И.А. Ильяшенко
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 61, 1983. с. 259-263.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Байдак А.В., Тучкова Н.А. Эпизоды эпоса об Итте в

	чумылкупском диалектном ареале// Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики. Томск, 2004. С.51–64.
--	--

Текст№62

Название	[Зачем надо денежку в воду бросать]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983 г.
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 213.
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Текст№63

Название	[О волосах]
Рассказчик	Дарья Николаевна Чинина
Диалект	васюганский
Текст записал	Н.П. Максимова
Место и время записи	с. Каргасок, Каргасокский район Томской области; 1983
Полевые материалы	Архив ЛЯНС С – 60, 1983. с. 213
Перевод с селькупского	Н.П. Максимова
Публикации	Не опубликован

Часть 3**Текст№1**

Название	Идые жил со своей старой матерью
Рассказчик	Василий Иванович ...?
Диалект	среднеобский
Текст записал	К. Папай
Место и время записи	ю. Заимкины (Kvöjnigol-jet); между 23 октября и 14 ноября 1888 г.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	?
Публикации	Не опубликован

Текст№2

Название	Иде [Иде родился и дома жил со своей матерью]
Рассказчик	Андрей Прокопьевич Сычин
Диалект	среднеобской
Текст записал	К. Папай

Место и время записи	ю. Иванкины, между 23 октября и 14 ноября 1888 г.
Полевые материалы	Рукописный Отдел ВАН (МТА): шифр: Nyelvtud. 16.r. 23. а также Munkácsi hagyaték 72.). О содержании рукописи см. также: Hajdú Péter, Pápai Károly szelkup szójegyzéke. In: Nyelvtudományi Közlemények 1952: 141–184.
Перевод с селькупского	Текст был записан по-венгерски стенографической записью. Расшифровка стенограммы – З. Надь.
Публикации	Не опубликован

Текст№3

Название	Пюнегуссе – остяцкий силач
Рассказчик	Иткупова Вера Григорьевна
Диалект	среднеобский
Текст записал	Н.А. Томилов (экспедиция Г.И. Пелих)
Место и время записи	ю. Инкины, 1961 г.
Полевые материалы	ПМ Г.И. Пелих
Перевод с селькупского	Нет оригинала на селькупском языке
Публикации	Не опубликован

Текст№4

Название	Итя и его тётя жили в бухте Карасевой реки
Рассказчик	?
Диалект	(средне)кетский (КеМ) [Максимкин яр]
Текст записал	К. Доннер.
Место и время записи	Кеть (Максимкин яр) КеМ, 1912 г.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Перевод с селькупского на немецкий язык – К. Доннер, Я. Алатало; перевод с немецкого на русский язык – Б. Вагнер-Надь.
Публикации	Не опубликован

Текст№5

Название	Пел я про свою жизнь. Фрагменты
Рассказчик	Кондуков Н. И.
Диалект	кетский
Текст записал	Гемуев И. Н.
Место и время записи	Кеть, Усть-Озёрное, 1980 г.
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Текст записывался сразу на русском языке
Публикации	Бауло А.В., Тучкова Н.А. Миф о ныряющих птицах, доставших землю, устройстве мира и дороге в мир умерших: фольклорное наследие селькупов Верхней

	Кети в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г. // Урало-алтайские исследования. 2017. №1 (24). С. 12–18.
--	--

Текст№6

Название	Кат-ман-пуч
Рассказчик	?
Диалект	«крайне южный»
Текст записал	Григоровский Н.П.
Место и время записи	?
Полевые материалы	?
Перевод с селькупского	Григоровский Н.П.
Публикации	Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов (1882).